

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
STATE ACADEMIC UNIVERSITY FOR HUMANITIES

THE EARLIEST STATES OF EASTERN EUROPE

2024

IN MEMORIAM
ALEXANDR V. NAZARENKO

Editors of the volume
TIMOFEY V. GUIMON, PAVEL V. LUKIN,
ELENA A. MELNIKOVA, ALEXANDR V. PODOSSINOV

Moscow
2024

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

2024 год

ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НАЗАРЕНКО

Ответственные редакторы тома
Т.В. ГИМОН, П.В. ЛУКИН, Е.А. МЕЛЬНИКОВА,
А.В. ПОДОСИНОВ

Москва
2024

УДК 94(481).01,02,021,022

ББК 63.3(3,4)

Д73

*Печатается по решению Ученого совета Института всеобщей истории РАН
Протокол № 1 от 1 октября 2024 г.*

Рецензенты:

Доктор исторических наук *А.С. Усачев*
Кандидат исторических наук *Н.П. Чеснокова*

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН *А.А. Гиппиус* (Москва), проф. *Д. Домбровский* (Быдгощ, Польша),
д.и.н. *И.Г. Коновалова* (Москва), проф. *Дж. Линд* (Копенгаген, Дания),
д.и.н. *В.Я. Петрухин* (Москва), д.и.н. *Л.В. Столярова* (Москва),
д.филол.н. *С.Ю. Темчин* (Вильнюс, Литва), чл.-корр. РАН *Ф.Б. Успенский* (Москва),
проф. *С. Франклин* (Кембридж, Великобритания),
проф. *Г.Р. Цецхладзе* † (Лландриндол, Великобритания),
проф. *К. Цукерман* (Париж, Франция), проф. *Х. Янсон* (Гётеборг, Швеция)

Редакционная коллегия:

д.и.н. *Е.А. Мельникова* (Москва) (ответственный редактор серии)
к.и.н. *А.В. Акопян* (Москва), д.и.н. *О.Б. Бубенок* (Киев), д.и.н. *Т.В. Гимон* (Москва),
д.и.н. *А.И. Груша* (Варшава), д.и.н. *Т.Н. Джаксон* (Москва), д-р *Й. Комендова* (Оломоуц),
д.и.н. *А.А. Кузнецов* (Нижний Новгород), к.и.н. *В.С. Кулешов* (Стокгольм),
к.и.н. *М.А. Курьшева* (Москва), к.и.н. *Е.В. Литовских* (Москва), д.и.н. *П.В. Лукин* (Москва),
к.филол.н. *В.И. Матузова* (Москва), к.и.н. *И.М. Никольский* (Москва),
д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва), к.и.н. *Б.Е. Рашковский* (Иерусалим),
к.и.н. *В.Н. Седых* (Санкт-Петербург), д.и.н. *А.С. Щавелев* (Москва),
д-р *А. Юсупович* (Варшава)

Д73 Древнейшие государства Восточной Европы. 2024 год: Памяти Александра Васильевича Назаренко / Отв. ред. тома Т.В. Гимон, П.В. Лукин, Е.А. Мельникова, А.В. Подосинов. — М.: ГАУГН ПРЕСС, 2024. — 419 с.: ил.

ISBN 978-5-6053743-0-5

ISSN 1560-1382

Очередной том ежегодника «Древнейшие государства Восточной Европы» посвящен памяти выдающегося отечественного историка и филолога Александра Васильевича Назаренко. Значительная часть статей посвящена истории русской церкви и памятникам церковной литературы – проблемам, находившимся в центре его научных интересов в последние годы его жизни. Второй комплекс статей продолжает занятия А.В. Назаренко в области международных связей Древней Руси, в том числе с Византией, Англией, Скандинавией. В ряде статей рассматриваются также социально-политические аспекты истории Древней Руси и сопредельных стран. В разделе «Историография» публикуются рецензия и обзор творчества шведского археолога Ингмара Янссона. Публикуемые материалы представляют интерес для историков русской церкви, религиоведов и медиевистов, а также студентов, преподавателей и всех читателей, интересующихся историей русского и европейского Средневековья.

ISBN 978-5-6053743-0-5

ISSN 1560-1382

УДК 94(481).01,02,021,022

ББК 63.3(3,4)

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2024

© Гимон Т.В., Лукин П.В., Мельникова Е.А., Подосинов А.В., составление, 2024

© Институт всеобщей истории РАН, 2024

© Институт российской истории РАН, 2024

© Государственный академический университет гуманитарных наук, 2024

А.В. Подосинов

А.В. НАЗАРЕНКО КАК ФИЛОЛОГ

Настоящие заметки касаются той стороны жизни и творчества историка Древней Руси и русской церкви Александра Васильевича Назаренко, которая связана с его филологической подготовкой, филологическими способностями и интересами и филологическими занятиями, которые, несомненно, оказали большое влияние на его научное творчество.

Начну издалека. Мы вместе с А.В. поступили в 1967 году на филологический факультет МГУ, я – на классическую филологию, он – на немецкое отделение. Так получилось, что мы – немосквичи – несколько лет жили в одной комнате общежития МГУ, поэтому я хорошо знаю, как продвигалось образование А.В. и насколько талантлив он был в изучении языков.

Уже студентом он проявил недюжинные способности, изучая немецкий язык и немецкую литературу во всей их полноте – с древнейших времен до современности. Его дипломная работа была посвящена поэзии Иоганна Христиана Фридриха Гёльдерлина, а именно его драматической поэме «Смерть Эмпедокла», написанной в конце XVIII в. Учась в Тюбингене, Гёльдерлин был однокурсником Шеллинга и Гегеля, с которыми он жил в одной комнате общежития и дружил. Позднее, уже в Йене, познакомился с Гёте и Шиллером. Гёльдерлин изучал классическую филологию и философию и стал выдающимся знатоком античных авторов, переводил и комментировал Софокла, изучал творчество Пиндара. Я так подробно рассказываю о Гёльдерлине, чтобы было понятно, что для А.В., глубоко погружившегося в его творчество, означали классическая филология и древние языки. Понимая их важность для своего образования, он в студенческие годы стремился ими овладеть и преуспел в этом.

Латинский язык, который изучается на его отделении только один год, А.В., как мне казалось, уже тогда и позже знал лучше, чем я, изучавший его на протяжении пяти лет. Каким-то образом он выучил самостоятельно древнегреческий язык и читал в подлиннике греческую лирику. Перебрасываться латинскими или греческими словами, афоризмами или целыми фразами было в ходу во время нашего общежитийского бытия. Когда А.В. планировал не ночевать в нашей общей комнате, он остав-

лял мне записки, написанные на латинском или греческом языке, чтобы предупредить меня, что я могу один располагать комнатой в этот вечер или ночь. О степени владения А.В. латинским языком свидетельствуют его издания латиноязычных средневековых авторов (о которых см. ниже), а также стихотворение, написанное им уже в зрелые годы на латинском языке и опубликованное в сборнике его стихов (Назаренко 2008. С. 238–239). Естественно, что А.В. владел и большинством современных европейских языков в объеме, достаточным для чтения научной литературы.

Уже в студенческие годы мне, да, вероятно, и всем нашим сокурсникам и преподавателям, было ясно, что способности А.В., особенно в языковом отношении, были гораздо выше средних. Наблюдая за ним, я тогда уже определил для себя признаки (или причины) гениальности – одним из главных была феноменальная память: прочтя однажды на древнегреческом стихотворение Алкея, он мог без затруднений прочесть его на память через год или два. Сильная память и потом, во время его научной деятельности, давала А.В. возможность удерживать в голове одновременно множество фактов как источникового, так и историографического толка, сопоставлять их в мыслях, продумывать их смысл и практически создавать научный труд без бумаги, на которую затем выливалась готовая статья, рецензия, раздел книги. Об этом способе работы я слышал от самого А.В.

После окончания университета А.В. был призван в армию и служил в ГДР. Мы активно переписывались, и он предложил писать письма на латыни, т.к. мы не верили, что в цензуре военных частей сидят люди, знающие латынь, поэтому могли писать все, о чем хотели, без опасения быть прочитанными посторонними. Некоторые письма сохранились, и на 70-летие А.В. я принес в сектор ИВИ РАН и прочитал одно из них. Стиль письма был безупречно цicerоновым.

А.В. с большим интересом следил из Германии за тем, чем мы занимались в секторе ««Древнейшие источники по истории народов СССР»», который в то время организовал Владимир Терентьевич Пашуто в Институте истории СССР Академии наук СССР и в котором работали молодые филологи, готовившиеся публиковать иностранные источники по истории Руси и Восточной Европы. После возвращения из армии я представил А.В. В.Т. Пашуто, и тот, разглядев в нем талантливого человека, сразу принял его в наш сектор, где ему было поручено, в силу его специализации, изучать и издавать древненемецкие источники по истории Руси.

А.В. своей работой блестяще подтвердил правоту В.Т. Пашуто, который считал, что иностранными источниками по древней истории Руси должны заниматься филологи: ведь стояла задача просмотреть огромный

массив иноязычных источников, извлечь из них соответствующие свидетельства, подготовить их к публикации по лучшим изданиям, а то и по рукописям, перевести на русский язык и написать к ним историко-филологические комментарии. В.Т. Пашуто полагал, что легче из филолога сделать историка, чем наоборот. В случае с А.В. это получилось в высшей степени удачно – филолог Назаренко стал блестящим историком.

Несомненно, важной составляющей его исторических исследований была филология. Так, например, лингвистические наблюдения над древне- и средне-верхненемецким языком в его источниках о русах привели А.В. к замечательным открытиям. Вот что он пишет в статье «Имя Русь и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.)» (Назаренко 1984. С. 92): «Герм. *ō* еще в двн. дал дифтонг *uo*, который в связи с непоследовательностью средневековой графики мог передаваться на письме также и через «*û*», «*ö*» или даже, хотя и значительно реже, через «*u*». Обычным способом образования краткой формы от сложных личных имен было присоединение к первой основе суффикса *-s-* и иногда еще уменьшительных суффиксов *-în*, *-(e)l* либо их комбинации *-lîn* (откуда совр. нем. *-lein*): *Ruod- + s > Ruoz-*, где «*z*» передавало аффрикату *ts*, как и в современном немецком); возможны аллографы: двн./свн. *Ruozî* (основа на *-ja*), *Ruozo* (основа на *-n*), *Ruozel*, *Ruozîn*, *Ruozelîn*; ср. аналогичные формы отэтнонимических имен, приведенные выше: *Vâlsche-lîn*, *Svaebel* и др. Этнокон «*русь*» имел в двн. форму *Riuz-* или *Rûz(z)-*, т.е. с умлаутом долгого *u* или без него...; «*z*» в данном случае передает спирант, близкий к совр. нем. и слав. *s*. Предполагаемое личное имя от этнонима «*русь*» имело бы в двн. вид *Riuzo/Rûz(z)o*». Кто, как не филолог, может провести такой лингвистический анализ этнонима, понять его форму и происхождение?

В другой своей работе, подводящей итоги его студиям в этом направлении, один из ее разделов А.В. назвал «*Rhos, Rûzâra, Ruzzi* и др.: варианты имени *Русь* в западноевропейских источниках, или о пользе лингвистики для истории» (Древняя Русь 1999. С. 297–302). Один из выводов: «Сказанное подводит нас к осознанию принципиально важного общего положения: историческая топонимия может стать весьма ценным источником особенно при изучении древнейшего периода межэтнических контактов. Источник этот тем более перспективен, что практически не изучен. Не изучен же он не в последнюю очередь потому, что в полной мере подобное изучение под силу только лингвисту» (Там же. С. 300).

Понятна работа А.В. с немецкоязычными источниками (см., например: Назаренко 1994). Но в рамках свода «Древнейшие источники по истории народов СССР» он опубликовал и том, содержащий немецкие источники IX–XI вв., написанные на латинском языке (Назаренко 1993). В нем собраны такие важные источники по русской истории, как «Ба-

варский географ», Рафельштеттенский таможенный устав, несколько латинских хроник. Издание латинских текстов, их перевод и историко-филологический комментарий выполнены в лучших в мировой практике традициях латинистов-античников и медиевистов. Латинский текст содержит подробный критический аппарат с разночтениями по рукописям. Вот что он пишет, например, в предисловии к «Хронике» Титмара Мерзебургского о публикуемом тексте: «В настоящем издании фрагментов из хроники Титмара в основу положен текст издания Р. Хольцманна (в подстрочном аппарате: Н), сверенный с факсимиле оригинала (D). В аппарате учитываются также только важнейшие разночтения Брюссельской рукописи (cod. 2) и Саксонского анналиста (AS) сравнительно с оригиналом (cod. 1), т.е. варианты имен собственных, дополнения, уточняющие смысл, и т.п.; необходимость подведения вариантов при наличии оригинала вызвана еще и тем, что не весь текст Дрезденской рукописи был просмотрен и выправлен самим хронистом. Дополнения и приписки рукою самого Титмара как в латинском тексте, так и в переводе выделены полужирным шрифтом» (Там же. С. 132).

Следует напомнить, что, кроме этого издания, А.В. принял большое участие в публикации латиноязычного труда польского автора Яна Длugoша – важного источника по истории Древней Руси (Щавелева 2004) и латинского же труда Герберштейна – «Записки о Московии» (Герберштейн 1988).

Хочу особенно остановиться на издании «Записок о Московии», где перевод А.В. соседствует с переводом замечательного филолога-классика начала прошлого века А.И. Малеина, вступительная статья написана А.Л. Хорошкевич, комментарии – большим количеством историков, а ответственным редактором был В.Л. Янин.

Перевод латинского текста, сделанный А.И. Малеиным, как сказано в Предисловии, со стороны А.В. «подвергся редактированию, а нередко и основательной правке в результате сплошной сверки его с латинским оригиналом». Сам А.В. перевел те фрагменты немецкого текста «Записок», которые отличались от латинского оригинала, образуя новую редакцию «Записок». В качестве приложения к переводу «Записок» на русском языке впервые были опубликованы полтора десятка грамот и писем, касающихся посольств Герберштейна в Россию: инструкции посла, их донесения своим государям и т.п. Переводы их тоже были выполнены А.В. В результате этой огромной историко-филологической и издательской работы историки получили в свои руки практически энциклопедию, раскрывающую все аспекты замечательного исторического источника, каковым являются «Записки о Московии» Герберштейна. Блестящий образец того, как это следует делать, но делается, к сожалению, крайне редко.

Хотел бы также напомнить о статье А.В., в которой автор делится интересными лингвистическими наблюдениями о греческом наименовании «внешней России» (Н ΕΞΩ ΡΩΣΙΑ) у Константина Багрянородного. Анализ греческой терминологии помог ему правильно локализовать «внешнюю» и «внутреннюю» Русь, отталкиваясь от контекстуального значения ἔξω в античной и средневековой географической номенклатуре (Назаренко 2010).

Однажды А.В. вторгся даже в античную историографию. Я имею в виду его статью о скифах-сколотах у Геродота (Назаренко 1989). В этой статье А.В. на большом индоевропейском лексическом материале попытался прояснить этимологию названия скифов сколотами – проблема, над которой бились антиковеды нескольких поколений. Проанализировав древнегреческие слова с корнем ΣΚΟΛ-, А.В. обнаружил еще и древнеславянские и древнегерманские родственные корни, означающие «детство, молодость, слуга, раб, холостой мужчина», и, связав эти корни с индоевропейским корнем СКОЛ/СКЕЛ, означающим «резать, стричь», объясняет название скифов – сколоты – обычаем коротко стричь волосы несовершеннолетним. Здесь проявилась и прояснилась связь названия с молодым (νεώτατον по Геродоту) народом, который к тому же назван был по «младшему» сыну Геракла и прародителю скифского народа Колак-саю. С мнением А.В. считаются до сих пор скифологи, обращающиеся к этой теме.

Как филолог-классик я в этих заметках о Назаренко-филологе, естественно, обратил особое внимание на владение им классическими языками. Но широкие и глубокие лингвистические познания А.В. позволяли ему чувствовать себя уверенно, и когда он писал о древнеславянских, скандинавских или арабских терминах и топонимах; достаточно вспомнить его статью об этимологии названия Киева (Назаренко 2009. С. 373–389), в которой обсуждается киевский топоним, зафиксированный в латинском, греческом, славянских, древнескандинавском, древнееврейском, арабском, тюркском и даже персидском языках.

Мои заметки должны на примере жизни и творчества Александра Васильевича Назаренко продемонстрировать современным историкам, особенно начинающим свою научную жизнь, как важно историку быть еще и филологом, и лингвистом.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии / Пер. с лат. А.И. Малеина и А.В. Назаренко; перев. с раннего нововерхненем. А.В. Назаренко; вступ. статья А.Л. Хорошкевич; под ред. В.Л. Янина. М., 1988. [*Herberstein Sigismund*. Zapiski o Moskovii (Rerum Moscoviticarum Commentarii) / Per. s lat. A.I. Maleina i A.V. Nazarenko; perev. s rannego novoverhnenem. A.V. Nazarenko; vstup. stat'ya A.L. Horoshkevich; pod red. V.L. Yanina. Moscow, 1988.]
- Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. [*Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov* (Ancient Rus' in the Light of Foreign Sources) / Ed. E.A. Melnikova. Moscow, 1999.]
- Назаренко А.В.* Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.): Бавария – Австрия // ДГ. 1982 год. М., 1984. С. 86–129. [*Nazarenko A.V.* Imya «Rus'» i ego proizvodnye v nemeckikh srednevekovykh aktah (IX–XIV vv.): Bavariya – Avstriya (The Name *Rus'* and Its Derivatives in the German Medieval Official Documents (9th to 14th centuries): Bavaria – Austria) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 1982 god. Moscow, 1984. S. 86–129.]
- Назаренко А.В.* К этимологии самоназвания скифов *ΣΚΟΛΟΤΟΙ* (*Herod.* IV, 6) // ДГ. 1987 год. М., 1989. С. 233–237. [*Nazarenko A.V.* K etimologii samonazvaniya skifov *ΣΚΟΛΟΤΟΙ* (*Herod.* IV, 6) (On the etymology of the self-designation of the Scythians *ΣΚΟΛΟΤΟΙ* (*Herod.* IV, 6)) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 1987 god. Moscow, 1989. S. 233–237.]
- Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). [*Nazarenko A.V.* Nemeckie latinoyazychnye istochniki IX–XI vekov: Teksty, perevod, kommentarij (German Sources in Latin, 9th–11th Centuries: Texts, Translation, Commentaries). Moscow, 1993. (Drevnejshie istochniki po istorii Vostochnoj Evropy).]
- Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ. 1991 год. М., 1994. С. 5–138. [*Nazarenko A.V.* Rus' i Germaniya v IX–X vv. (Rus' and Germany in the 9th–10th Centuries) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 1991 god. Moscow, 1994. S. 5–138.]
- Назаренко А.В.* «И исшед вон плакася горько...». Стихотворения. М., 2008. С. 238–239: “Duo ligna”. [*Nazarenko A.V.* «I isshed von plakasya gor'ko...». Stihotvoreniya ('And having gone out he cried bitterly'. Poems). Moscow, 2008. S. 238–239: “Duo ligna”.]
- Назаренко А.В.* К спорам о происхождении названия Киева, или о важности источниковедения для этимологии // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и сла-

- вяне (историко-филологические исследования). М., 2009. (ДГ. 2007 год). С. 373–389. [*Nazarenko A.V.* К спорам о происхождении названия Киева, или о важности источниковедения для этимологии (On the Debates about the Name of Kiev, or on the Importance of Source-Criticism for Etymology) // *Nazarenko A.V.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). Moscow, 2009. (Drevnejšie gosudarstva Vostočnoj Evropy. 2007 god). S. 373–389.]
- Назаренко А.В.* Η ΕΞΩ ΡΩΣΙΑ: К политической географии Древнерусского государства середины X века // *Gaudeamus igitur*: Сб. статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М., 2010. С. 294–301. [*Nazarenko A.V.* Η ΕΞΩ ΡΩΣΙΑ: К политической географии Древнерусского государства середины X века (Η ΕΞΩ ΡΩΣΙΑ: On the Political Geography of the Old Russian State in the Mid-Tenth Century) // *Gaudeamus igitur*: Sb. statej k 60-letiju A.V. Podosinova / Pod red. T.N. Jackson, I.G. Konovalovoj, G.R. Ceckhladze. Moscow, 2010. S. 294–301.]
- Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI): Тексты, перевод, комментарий / Под общей ред. и с дополн. А.В. Назаренко. М., 2004. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). [*Shchaveleva N.I.* Drevnyaya Rus' v «Pol'skoj istorii» Yana Dlugosha (Knigi I–VI): Teksty, perevod, komentarij (Ancient Rus' in the *Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae* by Jan Długosz (Books I–VI): Texts, Translation, Commentaries) / Pod obshchej red. i s dopoln. A.V. Nazarenko. Moscow, 2004. (Drevnejšie istochniki po istorii Vostočnoj Evropy).]

Alexandr V. Podossinov

A.V. NAZARENKO AS A PHILOLOGIST

The notes deal with that side of life and works of the historian of Ancient Rus' and the Russian church Alexandr Vasiljevich Nazarenko which is connected with his philological education, his philological talents and interests, and his philological studies that greatly influenced his scientific achievements. Especially important is his philological contribution to the source-critical studies of German Medieval texts that preserved information on Eastern Europe and the monuments of Old Russian ecclesiastical literature. Philological education enabled A.V. Nazarenko to professionally interpret German people- and place-names as well as the terms and to retrieve additional historical information. His works are a model of integrated, historical and philological, approach in historical studies.

Keywords: A.V. Nazarenko, philology, source-criticism

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-5-11

А.Ю. Виноградов

КОГДА БЫЛА СОЗДАНА МИТРОПОЛИЯ РОССИИ?

В статье рассматриваются причины задержки с созданием митрополии России, четко зафиксированной А.В. Назаренко, но точно не объясненной никем из исследователей. Эта задержка фиксируется как иностранными источниками (Яхья Антиохийский, сообщающий, что «послал к [Владимиру] царь Василий впоследствии митрополитов и епископов»), так и древнерусской письменной традицией («Память и похвала князю Русскому Владимиру» Иакова Мниха и «Повесть временных лет», указывающие, что при освящении Десятинной Церкви в 995 или 996 г. ни митрополита, ни епископов в Киеве еще не было, хотя Иаков упоминает их еще в правление князя Владимира). В статье формулируются три вероятные причины такой задержки с созданием епархии и отправкой иерарха, не характерной для новокрещенных стран византийской ойкумены во второй половине IX – X в. (Болгарии, Венгрии и Алании). Первая причина – необходимость поиска кандидатур на посты митрополита и, возможно, двух необходимых для дальнейших рукоположений епископов (вероятно, Белгорода и Новгорода), которая должна была занять некоторое время: эту сложность с поиском кандидата подчеркивает факт перевода на Русь из Севастии Армянской митрополита Феофилакта, который был первым или одним из первых митрополитов России. Вторая причина – необходимость возведения полноценного собора для митрополита (и, возможно, епископов), чего требовали канонические правила, запрещавшие служение иерарха в храме без необходимых принадлежностей (синтрона, горнего места и т.п.). Ситуацию осложнила третья причина – отсутствие патриарха в 993 – начале 996 г. из-за длительных отлучек императора Василия II из Константинополя. Поэтому митрополит приехал на Русь не ранее 996 г., когда уже была подобрана подходящая кандидатура (возможно, и для епископов), освящена Десятинная церковь и поставлен новый патриарх, но вряд ли значительно позже, так как никаких других причин для задержки с отправкой русского первоиерарха после этого не прослеживается, что говорит в пользу приезда (возможно, Феофилакта) в 996–998 гг.

Ключевые слова: Владимир Святославич, Русская Церковь, Киевская митрополия, Десятинная церковь, христианизация

Трудно переоценить заслуги Александра Васильевича Назаренко в деле изучения ранней истории Русской церкви. Его скрупулезный анализ разноязычных и разнородных текстов приоткрыл перед нами – зачастую впервые – такие важные страницы ранней церковной истории Руси, как взаимоотношения с латинским миром, хронология создания епископских кафедр, митрополии Ярославичей. К сожалению, безвременная кончина Александра Васильевича не позволила ему раскрыть некоторые темы полностью, заставив ограничиться лишь отдельными, пусть и фундаментальными замечаниями.

К числу таких тем принадлежит и начальная история иерархии Русской церкви, которая уже на протяжении двух столетий остается предметом жарких научных дебатов, и особенно проблема даты образования митрополии России. Дезавуировав множество научных мифов на эту тему, Александр Васильевич убедительно показал, что ее создание произошло с некоторой задержкой относительно даты крещения Руси и князя Владимира – не ранее 996 г. (Назаренко 2017; 2019). А ведь по этому поводу высказывались самые разнообразные мнения, вплоть до предположений о возникновении митрополии в конце 1030-х гг. (Шахматов 1908. С. 414–415), о епископстве Анастаса Десятинного (см.: Назаренко 2017. С. 160, примеч. 162), об управлении ранней Русской церковью из Херсона-Корсуни (Dvornik 1949. P. 175–178), Таматархи-Тмутаракани (Vernadsky 1941) или даже Рима (Baumgarten 1932; Jugie 1937), о получении ею иерархии из Болгарии (Присёлков 2003. С. 21–48; Koch 1938; Карташев 1959. Стб. 160–165) и др. Однако в настоящий момент все эти гипотезы более не могут считаться состоятельными, как ясно показал еще Л. Мюллер (Müller 1959), – Русская церковь была создана после крещения Руси как митрополия Константинопольского патриархата.

Впрочем, один из важных аргументов немецкого исследователя можно развить. Ключевым доводом сторонников позднего образования Киевской митрополии была статья Никоновской летописи под 6545 (1037/38) г.: «И уставы Ярославъ митрополию» (ПСРЛ. Т. 9. С. 80). Однако она базируется на статье «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) под тем же годом: «Заложы Ярославъ городъ великийъ Кыевъ, у него же града врата суть Златая; заложы же и церковь святыя Софья, Премудрость Божию, митрополью, и по семь – церковь на Златыхъ вратѣхъ камену святыя Богородица Благовѣщение... По семь святаго Георгия монастырь и святыя Орины» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151; Т. 2. Стб. 139)¹. Перечисление четырех церквей в статье 6545 г., имеющей сводный и ретроспективный характер и упоминающей все постройки Ярослава в Киеве, говорит, конечно, не об учреждении митрополии как институции (что было, к тому

¹ От этой статьи полностью зависит «Сказание об освящении Св. Софии Киевской» в Прологе (см.: Лосева 2009. С. 179–180).

же, не в компетенции князя), а о строительстве «митрополю» как митрополичьего комплекса вокруг кафедрального собора, тем более что выражение «стѣя софѣя митрополю» применяется в летописях только к зданию (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151, 418; Т. 2. Стб. 138, 614). Действительно, Новгородская I летопись старшего извода (далее – Н1ст.), восходящая к предшествующему ПВЛ «Начальному своду» (далее – НС) 1090-х гг., не упоминает в том же известии митрополии: «Заложы Ярославь город Києвъ, и церковь святыя Софія» (ПСРЛ. Т. 3. С. 16). Однако и сама дата 1037 г. как момент закладки существующего здания Св. Софии Киевской несостоятельна – совокупность граффити собора и летописных данных показывает, что в этом году он был освящен (Виноградов 2023). Итак, статья ПВЛ 6545 г. с упоминанием «митрополю» представляет собой переработку текста более древней летописи.

Убедительно показав, что митрополия была учреждена еще при князе Владимире, Александр Васильевич, относя это событие скорее ко времени после 1008 г. (когда Бруно Квертфуртский еще молчит о русских иерархах, см. ниже) и не входя подробно в причины такой задержки, всё же предложил считать основной версией следующую:

... наука, как нам кажется, давно нащупала верный ответ на этот вопрос. Броская царская символика, свойственная прижизненной иконографии Владимира на его монетах, выдает, похоже, исключительно амбициозное представление крестителя Руси о собственном статусе – вполне понятное, если учесть его совершенно экстраординарное положение как члена императорского семейства. Пример болгарских царей (которые отнюдь не имели такого положения), бывший у Владимира перед глазами, способен был внушить киевскому князю, что Русская церковь вправе рассчитывать на статус, подобный статусу Болгарской церкви, то есть на ранг патриархии или автокефальной архиепископии. Естественно, что тот же пример Болгарии не позволял Византии удовлетворить амбиции русского князя, но столь же естественно и то, что Владимир не хотел (да, видимо, пока и не мог) вникать в тонкости византийской политической идеологии (Назаренко 2017. С. 173–174).

Такое объяснение вызывает, однако, несколько вопросов (не говоря о попытке проникнуть в психологию человека, жившего тысячу лет назад). Во-первых, сам же Александр Васильевич показал, что монеты Владимира – это не более чем простые подражания византийским солидам, причем не очень умелые, и никаких данных о реальных претензиях киевского князя на изображенные там императорские инсигнии нет (Назаренко 2021. С. 173–174). Во-вторых, ранг автокефальной архиепископии в ее византийском понимании (т.е. епископии, подчиненной не митрополиту, а напрямую патриарху) был даже ниже, чем у митрополии Константино-

польского патриархата (Chrysos 1969), и неясно, зачем его было бы получать Руси, если только речь не идет об автокефальной архиепископии типа Кипрской, Болгарской (Плиско-Преславской) или Охридской, однако о первой Владимир вряд ли знал, вторая исчезла еще в 919 г., а последняя возникла только после смерти князя, в 1018 г. Но, самое главное, непонятно, как претензии на особый, точно артикулированный иерархический статус Русской церкви могли соединиться у Владимира с непониманием «тонкостей византийской политической идеологии».

Всё это заставляет нас снова обратиться к проблемам даты образования митрополии Руси и причин задержки с ее созданием. Однако для этого вначале следует заново рассмотреть все источники по данным вопросам.

Источники. Крещение самого Владимира Ярославича Иаков Мних в «Памяти и похвале князю Русскому Владимиру» датирует 987 г. (БЛДР. Т. 1. С. 320, 326), а ПВЛ – 988 г. (иностраннне точной даты не дают); к последнему году ПВЛ относит также крещение киевлян (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 111–121; Т. 2. Стб. 96–105; у Иакова крещение Руси не датировано). Однако ПВЛ не упоминает Киевского митрополита до 1039 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 153; Т. 2. Стб. 141). А Иаков Мних говорит о митрополите лишь в рассказе о благотворительной деятельности князя: «Блаженный же князь Володимеръ, внукъ Олжинъ, крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести от конца до конца, храмы идольския и требища всюду раскопа и посьче, и идолы съкруши, и всю землю Рускую и грады честными церкви украси, и памяти святыхъ въ церквахъ творяще пѣниемъ и молитвами, и празноваше свѣтло праздники Господьския. И три трапезы поставляше: первую митрополиту съ епископы, и съ черноризцѣ, и съ попы; вторую нищимъ и убогимъ; третью собѣ, и бояромъ своимъ, и всѣмъ мужемъ своимъ» (БЛДР. Т. 1. С. 320). В любом случае, однако, Иаков свидетельствует здесь о создании митрополии еще при жизни Владимира.

Кроме Иакова, о митрополите при Владимире из древнерусских текстов говорит также Новгородская I летопись младшего извода (далее – Н1мл.) под 6497 (989/90) г. (текст старшего ее извода в этой части, напомним, не сохранился): «Крестися Володимеръ и вся земля Руская; и поставиша в Киевѣ митрополита, а Новуграду архиепископа, а по инымъ градомъ епископы и попы и диаконы; и бысть радость всюду» (ПСРЛ. Т. 3. С. 159)². Хотя многие сведения Н1мл., отсутствующие в ПВЛ, восходят к НС 1090-х гг., проверить происхождение данного известия затруднитель-

² В более поздних летописях Новгородско-Софийской группы оно обогащено анахронистическим упоминанием патриарха Фотия и именем митрополита – Леон, а также может переноситься на чуть более поздние годы.

но. С одной стороны, оно может быть и «патриотической» новгородской вставкой (с анахроничным архиепископом), подобно следующей за ним истории крещения Новгорода, явно скопированной с киевской (ПСРЛ. Т. 3. С. 160), а, кроме того, как мы увидим ниже, еще в 996 г. никакого митрополита в Киеве не было. С другой стороны, А.А. Гиппиус возводит оригинал данной статьи к «своду 1060-х гг.» (Гиппиус 2014), где появились и другие известия о ранней истории местной епископии (Печников 2015). В таком случае, данная статья носит сводный характер, помещая набор сюжетов из эпохи христианизации Новгорода под годом, следующим за годом крещения Киева.

Обратимся теперь к иностранным источникам. Титмар Мерзебургский (Хроника 8, 32) упоминает о первоиерархе в Киеве при описании событий 1018 г.: «[Киев] 14 августа принял Болеслава и своего долго отсутствовавшего сениора Святополка, благорасположение к которому, а также страх перед нашими обратили [к покорности] весь тот край. В соборе Святой Софии, который в предыдущем году по несчастному случаю сгорел, прибывших с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием встретил архиепископ этого города» (Назаренко 1993. С. 137, 142, 189–191). Общеизвестно, что хорошо знакомым Западу термином «архиепископ» Титмар обозначает здесь специфически византийский титул митрополита, который, следовательно, точно присутствовал в Киеве в 1018 г., т.е. вскоре после смерти Владимира.

В добавлениях XII–XIII вв. к византийскому трактату «О перемещениях» (1120-е гг.), связанному с противоречащей канонам и потому очень редкой практикой перевода иерархов с кафедры на кафедру, упоминается митрополит России в царствование Василия II (976–1025): «В царствование Василия Багрянородного Феофилакт Севастийский был переведен в Росию» (Dagrouzès 1984. P. 181. № 46). Поскольку весной–летом 997 г. митрополичью Севастийскую кафедру занимал Феодор (Les registes 1989. P. 320–321. № 805), Э. Хонигманн отнес перевод Феофилакта на Русь ко времени до этой даты (Honigmann 1944/45), а В. Лоран – наоборот, ближе к концу правления Владимира (Laurent 1939), однако В. Грюмель показал, что возможны оба варианта (Grumel 1943). Но, как бы то ни было, нет никаких оснований возводить данную заметку именно к «Истории» этого Феодора Севастийского, на чем строились многие прежние гипотезы (см.: Назаренко 2017. С. 132–147). То же самое касается и предложенного А. Поппэ отождествления Феофилакта с анонимным севастийским иерархом-халкидонитом, погибшим, согласно Асохику, во время посольства в Болгарию в 986 г. (Рорре 1976. P. 203–205; 1979. P. 33–35; Поппэ 1996. С. 447–448). А.В. Назаренко показал несостоятельность не только всех предпринимавшихся попыток уточнить дату перевода Феофилакта на Русь (он мог иметь место в любое время до 1025 г.), но и датиров-

ки создания митрополии Росии временем до 997/98 г. на основе *Notitiae episcopatum*: в них Росия впервые упоминается в *Notitia* 11 1080-х гг., после Серр и Помпейополя (стали митрополиями не позднее 997 г.) и перед Аланией и Эносом (стал митрополией до 1032 г.) (Назаренко 2017. С. 148–157, 162–172). Таким образом, дезавуируются все утверждения исследователей об основании Киевской митрополии как непременно до 997 г., так и обязательно после этого года.

Наконец, Яхъя Антиохийский (Летопись 4) дает важные указания о хронологии создания Русской митрополии:

И заключили они между собою договор о свойстве и браке царя русов с сестрой царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы крестился тот и весь народ [его] великий. И не причисляли себя русы тогда ни к какому закону и не признавали никакой веры. И послал к нему царь Василий после этого митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого охватывала его власть, и отправил [Василий] к нему сестру свою (она построила много церквей в стране русов) (Пономарев, Сериков 1995. С. 162).

Согласно Яхье, митрополит был послан на Русь, во-первых, еще при Владимире, а во-вторых, через некоторое время после заключения договора о браке князя с Анной Багрянородной. Впрочем, утверждение Яхьи, что Владимира крестил прибывший на Русь митрополит, причем еще до приезда Анны, вступает в противоречие с древнерусской традицией крещения Владимира до ее прибытия в Киев (см.: Виноградов 2024), – возможно, так у арабского историка отразилось крещение князя в Херсоне, в котором, согласно ПВЛ, участвовали прибывшие из Константинополя священнослужители (см. ниже).

Перейдем к «негативным» свидетельствам древнейших источников о наличии первоиерарха в Киеве после крещения Владимира. Впрочем, с *argumentum e silentio* следует быть осторожным: так, А.В. Назаренко показал, что «молчанию немецкого миссийного архиепископа Бруно Кверфуртского (он посетил Киев и неоднократно встречался с Владимиром в 1008 г.) о церковной иерархии на Руси нельзя придавать большого значения» (Назаренко 2017. С. 172–173).

Иаков Мних, как мы видели выше, упоминает митрополита только в описании трапез Владимира, помещенном до похода на Корсунь, но имеющем обобщенный характер. Само же крещение Владимира и его деятельность по христианизации Руси Иаков описывает, причем дважды, как собственное действие князя, без упоминания каких-либо иерархов и даже клириков:

Крести же ся самъ князь Володимеръ, и чада своя, и весь домъ свой святымъ крещениемъ просвѣти... Блаженный же князь Володимеръ, внуку

Олжинъ, крестився самъ, и чяда своя, и всю землю Рускую крести от конца до конца, храмы идольскыя и требища всюду раскопа и посѣче, и идолы съкруши, и всю землю Рускую и грады честными церкви украси, и памяти святыхъ въ церквахъ творяще пѣние и молитвами, и празноваше свѣтло праздники Господьскыя (БЛДР. Т. 1. С. 318).

Молчит об архиереях (упомяная клириков) Иаков и в рассказе о церковном строительстве Владимира:

И церковь созда камену во имя пресвятыя Богородица, прибѣжище и спасение душамъ вѣрнымъ, и десятину ей дасть, тѣмъ попы набдѣти и сироты, вдовица и нищая. И потомъ всю землю Рускую и грады вся украси святыми церквами (БЛДР. Т. 1. С. 318).

ПВЛ под 6496 (988/9) г. так описывает крещение Владимира и его возвращение в Киев:

И епископъ же корсунский с попы цесарицины, огласивъ и, и крести Володимѣра... Володимеръ же поимъ цесарицу, и Настаса, и попы корсунскыя, мощи святого Климента и Фива, ученика его, и пойма съсуды церковныя, иконы на благословенье себе... а самъ прииде Киеву (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116; Т. 2. Стб. 101).

Итак, в ПВЛ Владимира крестит корсунский епископ, но возвращается он в Киев не с иерархом, а со священниками из Херсона и, вероятно, Константинополя (принимавшими участие в его крещении).

Под 6499 (991/2; в Радзивиловской летописи – 6497) и 6504 (996/7) гг. в ПВЛ помещено разделенное надвое древнее сказание о христианской жизни Владимира, включающее в себя рассказ об освящении Десятинной церкви в Киеве: «По сем же Володимиру живушю в законѣ крестьяньстѣм, и помысли создати каменую церковь святыя Богородица, и, пославъ, приведе мастера от Грькъ. Заченшю здати, яко сконча зижя, украси ю иконами и поручивъ ю Настасу Корсунянину, и попы корсунския пристави служити въ ней, вда ту все, еже бѣ взять в Корсуні: иконы, и ссуды церковныя и кресты... Володимеръ же видивъ церковь свѣршешю, и вшедь в ню и помолися Богу, глаголя: ”Господи Боже! Призри с небеси и вижь. Посѣти винограда своего. И свѣрши, яже насади десница твоя, люди сия новыя, имже обратилъ еси сердца в разумъ, познати тебе, истиннаго Бога. И призри на церковь сию, юже создахъ, недостойный рабъ твой, во имя рожшая ти матери и приснодѣвныя Марья Богородица. И аще помолиться кто въ церкви сей, то услыши молитву его и отпусти вся грѣхы его молитвы ради пресвятыя Богородица”. И помолившюся ему, и рекъ сице: ”Се даю церкви сей святѣй Богородицѣ от имѣния своего и от моих град десятую часть”. И положи, написавъ, клятву въ церкви сей, рекъ: ”Аще сего посудитъ кто, да будетъ проклят”. И вдасть деся-

тину Анастасу Корсуняину. И створи же празникъ великъ в той день бояромъ и старцемъ градскимъ, и убогимъ раздая имѣние много» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121–122, 124; Т. 2. Стб. 106, 108–109). После краткого сообщения о приглашении греческих мастеров и закладке Десятинной церкви (в 991 г.) следует длинный рассказ об освящении храма в 996 г. (по версии Иакова Мниха, в 995 г. [Милютенко 2008. С. 326]), вверенного, опять же, не иерарху, а корсунским пресвитерам во главе с Анастасом, который также был священником (о чем свидетельствует и его прозвище «Десятинный» в статье ПВЛ под 6526 (1018/9) г.: «Болеслав же бѣжа ис Кыева, възма имѣние и бояры Ярославлѣ и сестрѣ его, и Настаса пристави десятиньнаго къ имѣнию, бѣ бо ся ему вѣвѣрилъ лестью» – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 144; Т. 2. Стб. 131). Более того, летописец вкладывает в уста Владимира даже слова архиерейской молитвы «Господи Боже, призри...».

Итак, ни Иаков Мних, ни летописи не упоминают ни о каком иерархе ни в контексте крещения Владимира и Руси в 987–988 гг., ни в описании закладки и освящения Десятинной церкви в 991–996 гг. (Щапов 1989. С. 28; Милютенко 2008. С. 326). Учитывая же указание на более позднюю присылку митрополита и епископов у Яхьи и молчание других источников, у нас нет оснований говорить о приезде митрополита в Киев до 996 г. Чем же была вызвана такая задержка, длившаяся десятилетие с момента крещения Владимира?

Причина задержки. В принципе, задержки с созданием собственной архиерейской кафедры, подчиненной напрямую папе или патриарху, а не соседнему архидиоцезу, имели место и в некоторых других европейских странах, христианизированных в том же X в., что и Русь (подробнее см.: Christianization 2007. P. 73–368; Credo 2013. S. 250–309, 350–394; Graczyńska 2016. P. 33–48; Белецкий, Виноградов 2019. С. 14–26; Szende 2022). Впрочем, они имели место преимущественно в латинской Европе, а причины каждой такой задержки индивидуальны. Отдельный случай представляют скандинавские страны: Дания (первые немецкие епископии – 947 г., крещение короля – ок. 960 г., первые датские епископии – 975–987 гг., Лундская архиепископия – 1104 г.), Норвегия (первое крещение короля – 930 г., первые епископства – после 1075 г., Нидаросская архиепископия – 1152–1153 гг.), Швеция (крещение короля – ок. 1000 г., первая епископия – ок. 1014 г., Уппсальская архиепископия – 1164 г.) и Исландия (крещение страны – 1000 г., первые епископы – 1020-е гг.). В Скандинавии задержка была вызвана как медленным ходом христианизации и периодическим возвратом к язычеству, так и тем, что не желала уступать свои права старая миссионерская архиепископия Гамбурга-Бремена (а затем – Лунда, контролировавшая с 1104 г. Швецию и Норвегию). При

втором крещении Венгрии (крещение правителя – 972 г., Эстергомская архиепископия – 1001 г.) причиной задержки было нежелание правителя Гезы полностью отказываться от язычества, в отличие от его преемника Иштвана (997–1038). В Польше правитель Мешко крестился 14 апреля 966 г., а Познаньская епископия была создана уже 25 декабря 968 г., но она подчинялась Магдебургу, тогда как польская архиепископия (в Гнезно) появилась только в 1000 г. в связи с заключением союза между Болеславом I и Оттоном III. Наконец, в Чехии (крещение князя – ок. 883 г., первая епископия – 967 (или 973) г., Пражская архиепископия – 1307 г.) такая задержка была связана с ранним (в 895 г.) подчинением местной церкви немецкой архиепископии в Регенсбурге, которую пример Великой Моравии заставлял опасаться усиления славянской кафедры. Чуть ли не единственное исключение здесь – Болгария: папа был готов создать архиепископию уже в 867 г., т.е. сразу после крещения страны в 864–866 гг., однако эта быстрота была обусловлена учреждением там кафедры Константинопольского патриархата и требованием болгар об установлении у них патриархии.

Напротив, в византийском мире второй половины IX – X в. локальные архиепископские и даже митрополичьи кафедры возникали, как правило, сразу после крещения местного правителя. Так, Болгарская архиепископия была учреждена Константинополем в 970 г., т.е. через четыре года после окончательного утверждения христианства в Болгарии (в 866 г.), да и то эта задержка была вызвана переговорами с Римом. За случившимся в Константинополе первым крещением венгерских правителей: вначале Булчу (Булосуда), а затем Дьюлы (Гилы), сразу последовало создание «епископии Турции» (вероятно, во главе с архиепископом). В Алании приезд первого архиепископа Петра в 914 г. близок по времени к обращению местного правителя, а рехристианизация Алании в 950-х – начале 960-х гг. соседствует с первым упоминанием ее митрополита в 965 г. На этом фоне почти десятилетняя (как минимум) задержка с созданием кафедры в Киеве выглядит необычной.

На наш взгляд, в поисках ее причин следует обратиться не к геополитическим рассуждениям, а к конкретной церковной ситуации на Руси конца 980-х – 990-х гг. Во-первых, разобранные нами многочисленные упоминания митрополита при Владимире и, более того, связка «митрополит-епископы» (причем у независимых друг от друга Иакова Мниха и Яхьи Антиохийского) ясно указывает на то, что епархия Руси изначально задумывалась как полноценная (а не титулярная) митрополия с епископиями-суффраганами (но не архиепископия, как безосновательно считал, например, В. Лоран [Laurent 1939. P. 294]). Такой эксперимент был новаторским для Византии: в Венгрии, как мы видели выше,

был отправлен один иерарх, в Аланию вначале – один архиепископ, а затем – один титулярный (без суффраганов) митрополит. Для создания же полноценной митрополии требовался не только митрополит, но и, как минимум, двое епископов (даже если они приехали чуть позднее): для каноничного рукоположения нового епископа (а это прерогатива митрополии, но не патриархии) необходимы трое архиереев³. В пользу этого говорит и вероятная древность создания Новгородской епископии (см. выше), а ведь в *Notitia episcopatum* 13 перед ней стоит еще Белгородская, которая должна была возникнуть не позднее (Назаренко 2009. С. 172–206). Сам же подбор архиерейских кандидатур, готовых поехать в далекую Русь, был, очевидно, процессом не быстрым: показательно, что одним из первых митрополитов России оказался иерарх весьма удаленной от Киева Севастии. С другой стороны, исключительность перемещения митрополита с кафедры на кафедру (см. выше) говорит о насущной для империи нужде назначить предстоятеля церкви в новокрещенной Руси, а ведь, согласно вышеупомянутому трактату, при Василии II такой перевод предпринимался для замещения лишь важнейших, патриарших кафедр: Антиохийской (Агапий Селевкийский) и Александрийской (Арсений Карейский).

Во-вторых, для своей публичной деятельности архиерей, занимавший постоянную кафедру (а не перемещавшийся с места на место епископ-миссионер), должен был иметь определенные условия и, в первую очередь, обладать соответствующим его статусу кафедральным храмом. Что это не могла быть любая церковь, ясно подчеркивает указание константинопольского патриарха Луки Хрисоверга (1156–1169): «Архиереи не творят священнодействий в неинтронизированных храмах, потому что унижается архиерейское достоинство, раз там нет трона, на котором епископ по-апостольски водружается, а также того другого, что составляет освященность и благолепие храма» (Ράλλης, Ποτλής 1855. Σ. 582). Следовательно, любой иерарх и тем паче митрополит (в том числе России) не должен был священнодействовать без храма с горним местом и других архиерейских приспособлений (типа синтрона и омфалия). Даже в случае быстрого создания местной кафедры, она возникает всё равно через некоторое после крещения: в Польше между крещением Мешко и учреждением Познаньской епископии прошло почти три года; в Болгарии между крещением Бориса и учреждением латинской архиепископии – три, а греческой – шесть; в Венгрию епископ из Константинополя был назначен лишь после крещения второго правителя; в Алании патриар-

³ Из церковных правил только 1-е Апостольское допускает по нужде участие двоих епископов, однако 4-е правило I Вселенского Собора и 3-е правило VII Вселенского Собора настаивают именно на троих. При этом для Климента Смолятича в 1147 г. подчеркивается, что он был поставлен в митрополиты шестью епископами (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 157).

шая миссия, крестившая алан, фиксируется более чем за два года до приезда архиепископа.

Между тем, как мы видели, первый соборный храм Киева – Десятинная церковь⁴, был закончен только в 995 или 996 г., что, вероятно, и вызвало задержку с приездом митрополита на Русь. Но почему же предстоятель Русской церкви, которого рукополагали всё равно в Константинополе, а не в Киеве, не прибыл на само освящение Десятинной церкви? Как уже неоднократно указывалось исследователями (см.: Назаренко 2017. С. 139), из-за длительного отсутствия в Константинополе императора Василия II, занятого военными походами, в византийской столице по нескольку лет не поставляли нового патриарха, который только и мог рукополагать митрополитов (как и автокефальных архиепископов). В интересующее нас время такие периоды вдовства столичной кафедры известны между смертью Николая II Хрисоверга 16 декабря 992 г. и поставлением Сисиния II 12 апреля 996 г. и между его смертью 24 августа 998 г. и поставлением Сергия II Студита в июле 1001 г. Получается, что Николай Хрисоверг умер вскоре после закладки Десятинной церкви в 991 г., а новый патриарх Сисиний был поставлен только весной 996 г., когда киевский собор был уже освящен⁵. Это обстоятельство не дает также сильно развести по времени учреждение митрополии Руси и приезд ее предстоятеля в Киев: если бы он был назначен уже давно и не приезжал из-за отсутствия кафедрального собора, то должен был бы возглавить в 996 г. его освящение. Конечно, уже поставленный митрополит формально мог быть переведен на Русь и без патриарха, по решению *σύνοδος ἐνδημοῦσα*, однако совершенно невероятно, чтобы столь важное политическое решение принималось без участия императора, который, как мы видели, в эти годы отсутствовал в столице.

Однако может возникнуть вопрос: а почему нельзя было быстро построить для митрополита деревянный собор, ведь уже на раннем этапе русского церковного зодчества такие храмы известны, причем как раз в древнейших епископских центрах: две церкви в Белгороде, упоминаемая в НМл первая Св. София Новгородская и, вероятно, сгоревшая в 1017 г. Св. София Киевская (о них см.: Раппопорт 1982. С. 11, 29, 65)? Тут важно отметить, что строительство любого храма может вестись лишь под руководством специалистов (коих на Руси к 988 г. не было): показатель-

⁴ А.В. Назаренко (2017. С. 158–161) не приводит никаких существенных аргументов в пользу своего тезиса, что Десятинная церковь была при Владимире не кафедральным собором, а княжеским храмом, – напротив, получение ею десятины при этом князе указывает именно на ее соборный статус, который она потеряла, видимо, только после освящения Св. Софии Киевской в 1037 г.

⁵ Даже если он был освящен 12 мая (согласно месящесловам, см.: Лосева 2009. С. 396–397) 996 г., сама весть об поставлении патриарха 12 апреля не успела бы дойти за месяц до Киева.

но, что в Белгороде пол деревянной церкви был выложен керамическими плитками, традицию изготовления которых принесли с собой византийские строители Десятинной церкви. Да и сама идея возводить большие деревянные церкви была более революционной, чем приглашение византийских мастеров каменного строительства. Таким образом, построить митрополичий собор мгновенно было невозможно, и даже если первые соборы Белгорода и Новгорода были деревянными, они следовали за каменным киевским.

Итак, суммируя наши рассуждения, можно выдвинуть три основные причины задержки с созданием митрополии России. Первая – необходимость поиска кандидатур на посты митрополита и, возможно, двух епископов (по всей видимости, для Белгорода и Новгорода), которая должна была занять некоторое время. Вторая – необходимость возведения полноценных соборов для митрополита (и, возможно, епископов), требовавшая приезда греческих мастеров (состоялся только в 991 г.), налаживания строительного производства (прежде всего производства плитки, черепицы и т.п.) и сооружения и отделки крупной постройки (что занимало не менее двух–трех лет). Ситуацию осложнила третья причина – отсутствие патриарха в 993 – начале 996 г. Поэтому приезд митрополита на Русь произошел – как показал Александр Васильевич – не ранее 996 г., когда уже были подобраны подходящие кандидаты, освящена Десятинная церковь и поставлен новый патриарх, но вряд ли значительно позже, так как никаких новых причин для задержки с отправкой русского первоиерарха не прослеживается. Таким образом, наиболее вероятное время назначения и отправления в Киев первого митрополита России – это промежуток между маем 996 и концом 998 г. (когда началось следующее вдовство константинопольской кафедры). В связи с этим показательным, что Помпейполь, стоящий прямо перед Россией в *Notitia episcopatum* 11, впервые упоминается как митрополия именно в 997 г. Поскольку же митрополит Феодор фиксируется на севастиийской кафедре как раз весной–летом 997 г. (см. выше), то вполне возможно, что именно перед этим, в 996 г., Феофилакт и был переведен на Русь.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. М., 2019. [*Beletskiy D.V., Vinogradov A.Yu.* Istoriya i iskusstvo khristianskoy Alanii (History and Art of Christian Alania). Moscow, 2019.]

Виноградов А.Ю. О дате строительства, украшения и освящения Св. Софии Киевской // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Запад-

ной Европы: материалы научной конференции 2021–2022. М., 2023. С. 28–43. [*Vinogradov A. Yu.* O date stroitel'stva, ukrasheniya i osv'yashcheniya Sv. Sofii Kiyevskoy (On the Date of Building, Decoration, and Consecration of St Sophia Cathedral of Kiev) // *Lazarevskiye chteniya. Iskusstvo Vizantii, Drevney Rusi, Zapadnoy Yevropy: materialy nauchnoy konferentsii 2021–2022.* Moscow, 2023. S. 28–43.]

Виноградов А.Ю. Роль брака в формировании преданий о крещении Владимира Святославича // ВЕДС. 2024. Вып. 36: Родственные и квазиродственные связи в экономической, политической, конфессиональной и духовной жизни. С. 30–35. [*Vinogradov A. Yu.* Rol' braka v formirovaniy predaniy o kreshchenii Vladimira Svyatoslavicha (The Role of Marriage in the Formation of Legends Concerning the Baptism of Vladimir Svyatoslavich) // *Vostocnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e.* 2024. Vyp. 36. S. 30–35.]

Гиппиус А.А. Низвержение кумиров в начальном новгородском летописании: Литературные источники и происхождение текста // ВЕДС. 2014. [Вып.] 26: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. С. 70–75. [*Gippius A.A.* Nizverzheniye kumirov v nachal'nom novgorodskom letopisanii: Literaturnyye istochniki i proiskhozhdeniye teksta (The Overthrow of Idols in the Novgorodian Annals: Literary Sources and the Origin of the Text) // *Vostocnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e.* 2014. [Vyp.] 26. S. 70–75.]

Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. Париж, 1959. Т. 1. [*Kartashev A.V.* Ocherki po istorii Russkoy tserkvi (Essays on the History of the Russian Church). Paris, 1959. T. 1.]

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. [*Loseva O.V.* Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII – pervoy trety XV vekov (Lives of Rus Saints in Old Rus 12th- to Early 15th-Century Prologs). Moscow, 2009.]

Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. [*Milyutenko N.I.* Svyatoy ravnoapostol'nyy knyaz' Vladimir i kreshcheniye Rusi. Drevneyshiye pis'mennyye istochniki (St Vladimir and the Conversion of Rus: the Earliest Written Sources). St-Petersburg, 2008.]

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: тексты, перевод, комментарий. М., 1993. [*Nazarenko A.V.* Nemetskiye latinoyazychnyye istochniki IX–XI vekov: teksty, perevod, kommentariy (German Latin Sources of the 9th–11th Centuries: Texts, Translation, Commentary). Moscow, 1993.]

Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. (ДГ, 2007 год). [*Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskiye issledovaniya) (Old Rus and Slavs: Historical and Philological Studies). Moscow, 2009.]

- Назаренко А.В.* О времени учреждения Киевской митрополии (современное состояние проблемы) // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: мат-лы Междунар. науч. конф. в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба (Москва, 14–16 октября 2015 г.). М.; Вологда, 2017. С. 130–175. [*Nazarenko A.V.* O vremeni uchrezhdeniya Kiyevskoy mitropolii (sovremennoye sostoyaniye problemy) (On the Date of the Foundation of the Metropolitan See of Kiev) // Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazey Borisa i Gleba (Moskva, 14–16 oktyabrya 2015). Moscow; Vologda, 2017. S. 130–175.]
- Назаренко А.В.* Князь Владимир Великий: креститель, строитель, небесный охранитель Руси: опыт общедоступного научного изложения. М., 2019. [*Nazarenko A.V.* Knyaz' Vladimir Velikiy: krestitel', stroitel', nebesnyy okhranitel' Rusi: opyt obshchedostupnogo nauchnogo izlozheniya (Prince Vladimir the Great: Baptizer, Builder, Heavenly Guard of Rus: an Accessible Overview). Moscow, 2019.]
- Назаренко А.В.* «Владимиръ на столѣ»: тронные изображения на монетах крестителя Руси // Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время. М., 2021. С. 66–88. [*Nazarenko A.V.* «Vladimir» na stole»: tronnyye izobrazheniya na monetakh krestitelya Rusi (St Vladimir Sitting on the Throne Depicted on His Coins) // Anatomiya vlasti: gosudari i poddannyye v Yevrope v Sredniye veka i Novoye vremya. Moscow, 2021. S. 66–88.]
- Печников М.В.* «А се новгородскыи епископы»: Спорные вопросы ранней церковной истории Новгорода (конец X – 70-е гг. XI в.) // Вестник церковной истории. 2015. Вып. 3/4 (39/40). С. 209–221. [*Pechnikov M.V.* «A se novgorodskiyi yepiskopy»: Spornyye voprosy ranney tserkovnoy istorii Novgoroda (konets X – 70-ye gg. XI v.) (Disputable Questions of the Early Church History of Novgorod, the late 10th Century – the 1070s) // Vestnik tserkovnoy istorii. 2015. Vyp. 3/4 (39/40). S. 209–221.]
- Пономарев А.Л., Сериков Н.И.* 989 (6496) год – год крещения Руси (филологический анализ текстов, астрология и астрономия) // Причерноморье в Средние века. 1995. Вып. 2. С. 156–185. [*Ponomarev A.L., Serikov N.I.* 989 (6496) god – god kreshcheniya Rusi (filologicheskiy analiz tekstov, astrologiya i astronomiya) (989 [6496] as the Year of the Conversion of Rus: Philological Analysis of Texts, Astrology, and Astronomy) // Prichernomor'ye v Sredniye veka. 1995. Vyp. 2. S. 156–185.]
- Поппэ А.* Митрополиты и князья Древней Руси // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). 2-е изд. СПб., 1996.

- C. 443–471. [*Poppe A.* Mitropolity i knyaz'ya Drevney Rusi (Metropolitans and Princes of Old Rus) // *Podskal'ski G.* Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kiyevskoy Rusi (988–1237). 2nd ed. St-Petersburg, 1996. S. 443–471.]
- Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. 2-е изд. СПб., 2003. [*Priselkov M.D.* Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. (A History of Rus Annalistic Writing). 2nd ed. St-Petersburg, 1996.]
- Раннопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. [*Rappoport P.A.* Russkaya arkhitektura X–XIII vv.: Katalog pamyatnikov (Rus Architecture of the 10th–13th Centuries: a Catalogue of Monuments). Leningrad, 1982.]
- Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. [*Shakhmatov A.A.* Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh (Studies in the Earliest Rus Chronicles). St-Petersburg, 1908.]
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. [*Shchapov Ya.N.* Gosudarstvo i tserkov' Drevney Rusi X–XIII vv. (State and Church in Old Rus, the 10th–13th Centuries). Moscow, 1989.]
- Baumgarten N.* Saint Vladimir et la conversion de la Russie. Rome, 1932. (*Orientalia Christiana Analecta*; 27.1).
Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200 / Ed. by N. Berend. Cambridge, 2007.
- Chrysos E.* Zur Entstehung der Institution der autokephalen Erzbistümer // *Byzantinische Zeitschrift*. 1969. Bd. 62. S. 263–286.
- Credo: Christianisierung Europas im Mittelalter. Paderborn, 2013. Bd. 1 / Hrsg. von Ch. Stiegemann u.a.
- Darrouzés J.* Le traité des transferts: Edition critique et commentaire // *REB*. 1984. T. 42. P. 147–214.
- Dvornik F.* The Making of Central and Eastern Europe. L., 1949.
- Graczyńska M.* The Cathedrals – The Problem of Place and Space: Origins and Reasons of their Existence in Central Europe (Hungary, Bohemia and Poland) // *Hungaro-Polonica. Young Scholars on Medieval Polish-Hungarian Relations*. Pécs, 2016. P. 33–48.
- Grumel V.* Le Περὶ μεταθέσεων et le patriarche de Constantinople Dosithée // *REB*. 1943. T. 1. P. 239–249.
- Honigmann E.* Studies in Slavic Church History. A: The Foundation of the Russian Metropolitanate Church according to Greek Sources // *Byzantion*. 1944/45. Vol. 17. P. 128–162.
- Jugie M.* Les origines romaines de l'Eglise russe // *EO*. 1937. T. 36. P. 257–270.
- Koch H.* Byzanz, Ochrid und Kiev 987–1037 // *Kyrios*. 1938. Bd. 3. S. 253–292.
- Laurent V.* Aux origines de l'Eglise russe. L'établissement de l'hierarchie byzantine // *EO*. 1939. T. 38. P. 279–295.

- Les registres des actes du patriarcat de Constantinople / Par V. Grumel, 2me ed. revue et corrigée par J. Darrouzès. T. 1.2–3. Paris, 1989.
- Müller L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. Köln; Braunsfeld, 1959. (Osteuropa und der deutsche Osten. Beiträge aus Forschungsarbeiten und Vorträgen der Hochschulen des Landes Nordrhein-Westfalen. Reihe III: Westfälische Wilhelms-Universität zu Münster; 6).
- Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus'. Byzantine-Russian Relations between 986–989 // DOP. 1976. Vol. 30. P. 195–244.
- Poppe A. The Original Status of the Old-Russian Church // Acta Poloniae Historica. 1979. T. 39. P. 5–45.
- Szende K. From Model to Rival? Competition or Complementarity in Bishops' Seats in East Central Europe // Religion and Urbanity Online. B.; Boston, 2022.
- Vernadsky G. The status of the Russian Church during the first half-century following Vladimir's conversion // Slavonic Yearbook American Series. 1941. Vol. 1. P. 294–314.
- Πάλλης Γ., Ποτλής Μ. Σύνταγμα τῶν θειῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἀθήναι, 1855. Τ. 2.

Andrey Yu. Vinogradov

WHEN WAS THE METROPOLITAN SEE OF RHOSIA CREATED?

The article discusses the reasons for the delay in the creation of the Metropolitan see of Rhosia, clearly described, but not explained by A.V. Nazarenko. The first reason is the search for candidates for the posts of Metropolitan and at least two bishops, which should have taken some time: this difficulty is emphasized by the fact of the transfer of Metropolitan Theophylaktos from Sebastia to Kiev. The second reason is the need to erect a completely equipped cathedral for the hierarch, which was required by the canonical rules. The situation was complicated by the third reason – the absence of the patriarch in 993 – early 996. Therefore, the metropolitan's arrival in Russia did not occur earlier than 996, when suitable candidates were already selected, the Tithe Church was consecrated and a new patriarch was installed, but it is unlikely much later, since there are no reasons for the delay in sending the Russian first hierarch.

Keywords: Vladimir Svyatoslavich, Russian Church, Kiev Metropolitan see, Tithe Church, Christianization

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-12-27

М.И. Чернышева

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГИМНОГРАФИЧЕСКОМ ПЛАСТЕ В «СЛОВЕ О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

Среди многочисленных исследований, посвященных «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, выделяются такие, которые позволяют предположить, что митрополит знал греческий язык, и свидетельствуют о его прекрасной богословской подготовке, возможно, полученной в Константинополе. Была выявлена связь «Слова о законе и благодати» со следующими византийскими сочинениями: «Словом на Преображение» Ефрема Сирина, четвертой катехизической частью «Беседы» Кирилла Иерусалимского, «Словом на Воздвижение» Иоанна Златоуста, «Похвалой о Лазаре» Андрея Критского, «Словом к невѣрующимъ Бога въплъщъшаса и о въскрѣсении Христовѣ» Иоанна Златоуста, с Канонем Клименту Римскому, «Большим Апологетиком» константинопольского патриарха Никифора I Исповедника и др. Замечено также знакомство Илариона с рядом фрагментов старейших памятников мораво-чешской литературы: «Жития Константина Философа» и «Похвалы» ему, «Похвального слова Константину и Мефодию», «Жития святого Вита и легенды о святом Вацлаве» и др.

Наши занятия иеронимией (*Onomata sacra*) в славяно-русских переводах с греческого языка – именованиями Богородицы, Христа, Креста и святых (в гимнографической и, отчасти, гомилетической литературе) – позволили сделать вывод о существовании лексического *иеронимического ядра*, т.е. целого комплекса общих, или единых, именований внутри системы иеронимии: Христа, Богородицы, святых и Христианского Креста.

Впервые с этой точки зрения мы обратились к именованиям носителей высшей светской власти. В работе были проанализированы и подкреплены реконструкцией возможного греческого соответствия следующие именования крестителя Руси князя Владимира, находящиеся в панегирической части «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона: *оучитель, настав(ь)никъ, единопѣржъць, христолюб(ь)ць, глава, вѣднѣе, кѣрмитель, оухлажденіе, помощникъ, покоище, покровъ, застоуп(ь)никъ, обогащение*.

Проведенный анализ показал, что практически все эти именования входят в состав *иеронимического ядра*, хорошо разработанного в византийской гимнографии, и, соответственно, представленного в славяно-русской рецепции.

Приведенный в статье материал указывает на то, что митрополит Иларион не только хорошо знал византийскую гимнографию, но и мастерски ею владел. Замеченная разница именований в «Слове» Илариона по сравнению с переводом греческих слов в известных славянских гимнографических переводах позволяет предположить, что в каких-то случаях Иларион мог самостоятельно подбирать эквиваленты к мысленно представляемым греческим словам, независимо от известных к тому времени славянских переводов.

Ключевые слова: Древняя Русь, церковь, Византия, митрополит Иларион, «Слово о Законе и Благодати», переводы с греческого языка, славяно-русская письменность, иеронимия, *Onomata sacra*, иеронимическое ядро

В связи со своими исследованиями, посвященными древнерусскому «Слову о десятинной церкви», А.В. Назаренко постоянно упоминал «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, памятник, непосредственно примыкающий к этому сочинению (Назаренко 2009; 2012; 2013).

Не останавливаясь на обширной литературе, посвященной «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона (Турилов 2009; дополнения: Кириллин 2020), упомянем важное заключение Л. Мюллера о знании митрополитом греческого языка, о его «блестящем образовании», полученном, видимо, в Константинополе, и, соответственно, о хорошей богословской подготовке (Мюллер 2000. С. 94–95).

Хотя у нас нет достоверных свидетельств об этом (известные исторические факты см.: Чичуров 2007. С. 195–197), относительно владения греческим языком показательна фраза из Устава князя Ярослава о его совместной работе с митрополитом Иларионом, предпринятой для сравнения формирующихся русских правовых норм с положениями греческого номоканона (Щапов 1971).

На владении Иларионом византийской литературно-богословской традицией указывают взаимоотношения его «Слова» с целым рядом произведений (Müller 1993. S. 102).

Усилиями нескольких исследователей были выявлены следующие возможные источники «Слова»: обнаруженные С.П. Шевыревым связи со «Словом на Преображение» Ефрема Сирина и с четвертой катехизической частью «Беседы» Кирилла Иерусалимского; установленное М.П. Петровским соотношение со «Словом на Воздвижение» Иоанна Златоуста; выявленное Н.С. Тихонравовым сходство с ветхозаветными эпизодами в «Толковой Палее»; замеченное Н.К. Никольским совпадение с рядом фрагментов в старейших памятниках мораво-чешской литературы (в «Житии Константина Философа» и в «Похвале» ему, в «Похвальном слове Константину и Мефодию», в «Житии святого Вита

и легенде о святом Вацлаве»); а также указанная Л. Мюллером средневековая литургическая формула, так называемая *Laudes Gallicanae*. Наконец, А.М. Молдован и А.И. Юрченко обратили внимание на связь с «Похвалой о Лазаре» Андрея Критского, «Словом къ невѣрующимъ Бога въплъщышаса и о въскрѣсении Христовѣ» Иоанна Златоуста и с Канонном Клименту Римскому (ссылки на соответствующие исследования см.: Молдован, Юрченко 1989). Эти исследователи рассмотрели также соотношение «Слова о законе и благодати» (СЗБ) с «Большим Апологетиком» (БА) Никифора I Исповедника, патриарха Константинопольского (ок. 758–828) (Там же. С. 7–14), справедливо отметив, что не стоит говорить о «непосредственной генетической зависимости СЗБ от БА». Сходство черт, тем не менее, позволило исследователям утверждать, что «Иларион был знаком с БА или близкими к нему по жанру и содержанию образцами византийского богословского и одновременно политическое красноречия и в определенной мере ориентировался на эти образцы» (Там же. С. 14).

Следует особо отметить деятельность немецкого теолога и слависта Людольфа Мюллера, который внес большой вклад в изучение творчества Илариона. Среди его достижений: текстологические исследования, идентификация библейских мест в «Слове» (Müller 1962; 1971; Мюллер 2000), выявление греческих параллелей с Гомилией на Псалмы Астерия Амасийского (ок. 340 – после 400), произведения которого иногда приписывали его современнику Иоанну Златоусту (Müller 1993), и др.

Александр Васильевич Назаренко почтил память Людольфа Мюллера некрологом (Назаренко 2009б).

* * *

Занятия иеронимией (*Onomata sacra*) в славяно-русских переводах с греческого языка – именованьями Богородицы, Христа, Креста и святых (в гимнографической и, отчасти, гомилетической литературе) – позволили нам сделать вывод о существовании лексического **иеронимического ядра**, то есть целого комплекса общих, или единых, именованьях внутри системы иеронимии: Христа, Богородицы, святых и Христианского Креста (Чернышева 2017; 2021; 2023а, б).

Однако до сих пор в своих исследованиях мы не обращались к именованьям носителей высшей светской власти. «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона дает такую возможность.

В связи с наблюдениями последнего времени показалось логичным обратиться к теме именованьях крестителя Руси князя Владимира в панегирической части «Слова о законе и благодати». Эта тема была затронута в исследовании В.М. Кириллина, посвященном развитию представлений

о личности князя в разных жанрах древнерусской литературы, начиная со «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона (Кириллин 2020).

При знакомстве с именованиями князя Владимира, представленными в этом исследовании в списочном виде, мы заметили сходство с лексическим составом иеронимического ядра. Поскольку показать эту общность удается, в основном, благодаря гимнографическим песнопениям, этот пласт и был выбран в качестве доказательства указанной общности.

В.М. Кириллин выделил 26 именовании князя Владимира (с опорными существительными), причем некоторые из них повторены несколько раз: *учитель*¹ – три раза, *наставник* – два раза, *блаженник* – три раза, *честная глава* – два раза (Кириллин 2020. С. 320). В этом списке находится также **ключевое имя каган** и *великий каган*, оно относится только к данному лицу и не может использоваться по отношению к другим членам иеронимической системы, по этой причине мы исключаем его из рассмотрения.

Далее исследование строится следующим образом. Сначала приводится именование князя Владимира из списка В.М. Кириллина и показываются наиболее ранние славяно-русские свидетельства употребления этого именовании в переводной гимнографии (т.е. эквиваленты) с включением соответствующей лексики из греческого оригинала. Такая методика позволяет предложить реконструкцию «мысленного» греческого соответствия именовании – она отмечается «звездочкой» (*); иногда удается также воссоздать исходное греческое лексическое сочетание (оно отмечается таким же образом). Кроме того, приводятся также факты употребления соответствующего именовании в непереодной древнерусской литературе (в виде цитаты), если таковые удалось обнаружить.

Учитель (Сл.Илар.: 184б, 188а, 194а) – *διδάσκαλος. Первоначально **учитель** – одно из самоименований Христа. В древнерусской переводной литературе представлено в Остромировом евангелии 1057 г.: **Аще оубо азъ оумыхъ ваши нозѣ, Гб̄ и учитель (о̄ διδάσκαλος), и вы длѣжьни ксте дроугъ дроугоу оумывати нозѣ.** (Ин. XIII, 14) Остр. ев., 158. 1057 г. Ср. в гимнографии с отсылкой к этому сюжету: **Къ таинѣ трапезѣ съ страхъмъ · приближьше сѧ коупно · чистами дшамн хлѣвъ въспримѣмъ · прѣввѣвающе съ **учительмъ** (τῷ διδασκάλῳ) · да оувидимъ нозѣ · како оумываекъ оученикомъ.** Устав Тип., 198.

Наставник (Сл.Илар.: 184б, 194а – в паре с **учитель**) – *ὁδηγός. В гимнографии это одно из имен Христа. Отмечено в древнейшем Акафисте Богородице: **Новоу показа тварь гавивъ сѧ творецъ намъ ѿ него бывъшимъ · из вѣсѣменьныа прозвѣвъ оутробы и съхранивъ ю, такоже**

¹ Здесь лексемы из списка В.М. Кириллина приводятся в упрощенном написании, использованном автором исследования.

БѢ ЧИСТА, да чюдо видаще въспокмъ въпниюще: «...радоуи сѧ плодъ носѧщи наставьника заблужшимъ (ὁδηγὸν πλανωμένους)». Кондакаръ (8,4), 204. Ср. также именование Богородицы **наставьница** с тем же греч. Кондакаръ (8,4), 196.

Единодържьць (**Единодержецъ**) (Сл.Илар.: 185а) – *μοναρχός. Не удалось обнаружить примеры из гимнографии. По-видимому, эта лексема не относится к образно-символическому пласту лексики, однако греческое соответствие очевидно.

Христоролювьць (Сл.Илар.: 187б) – *φιλόχριστος – распространенное именование принявших христианство – ср. в гимнографии: **придѣте оубо празднолоубьци и христоролювьци** (φιλόχριστοὶ) **цвѣты добродѣтельныя пожьньше**. Стихирарь, 190 (л. 46г); именование распространено в оригинальной древнерусской письменности (Срезневский. Т. 3. Стб. 1406).

Глава (Сл.Илар.: 194а) – *κεφαλή – здесь: **ω честна главо**. Именование восходит к евангельским именованьям Христа (ср. 1 Кор. 11, 3), в Послании к Ефесянам апостол Павел назвал Христа главой Церкви (Еф. 5, 23): «Христос есть глава Церкви» (ὁ Χριστὸς κεφαλὴ τῆς ἐκκλησίας).

Удѣнїе (Сл.Илар.: 194а) – *στολή – здесь: **удѣнїе нагымъ (*στολή τῶν γυμνῶν)**. В Акафисте Богородицы находится точное соответствие (с другим эквивалентом – **στολή** переведено как **одежа**): **Новоу показа тварь гавнвъ сѧ творьць намъ ѿ него вывъшимъ. изъ бесѣменныхъ прозавѣ оутробы и съхранивъ ю, такоже бѣ, чиста, да чюдо видаще въспокмъ въпниюще: «...радоуи сѧ ...удеже нагыхъ дързновѣник [вм.: *дързновѣнїя]»** (στολή τῶν γυμνῶν παρρησίας). Кондакаръ (8,4), 204.

Кърмитель (Сл.Илар.: 194а – *τροφεύς – здесь: **ты бѣ алчьнымъ кърмитель**. В слав. переводах Христос может именоваться несколько иначе – **питатель**: **Бѧно чрѣво твое, цѣломоудрага ѧнно . плодъ бо прочвьте дѣства ве-сѣмене питателя въсен твари** (τὸν τροφέα τῆς κτίσεως) **рожьши**. Мин. сент., 079 (8 сент.); встретилось также именование Христа **кърманъ всѧ** ‘все кормящий’: **Диви сѧ днсь всѧ тварь, іако видить ... ссѣсьць съсоуца кърмѧщаго всѧ** (греч. нет). Мин. дек.¹, IV, 237 (26 дек.); ср. именование Богородицы **питательница** (τροφός) (здесь: **неплоды раждактъ питательницу жизни нашеи**). Мин.сент., 071; в оригинальной древнерусской традиции – среди именованій Сергия Радонежского: **Оче...радуйся...врачь и питателъ<ь>** странным же убо и тоземцемъ. Сл.похв.Серг.Р., 155.

Оухлажденїе (Сл.Илар.: 194а–б) – *ἀνάψυξις – здесь: **ты бѣ жаждющїимъ оутробрѣ оухлажденїе** [есть вариант: **охлаждение**] – ср. о Кресте: **ты кси ближнимъ и дальнимъ прохладъ и покон** (в греч. есть параллель только к **покон**: τῶν ἐγγύς καὶ τῶν μακρὰν ἀνάπαισις). (Явл.Креста) Усп. сб., л. 89в. Греческие соответствия: ἀνάψυξις в Требнике переводится как **ухлада**; слову ἀναψυχή в библейском переводе соответствует **прохлада** (Христов 2019. С. 88).

Помощникъ (Сл.Илар.: 1946) – *προασιτιστής или: *βοηθός – здесь: **ты бѣ въдовицамъ... помощникъ<ъ>** (*προασιτιστής или: *βοηθός τῶν χηρῶν) – точно так же именуется св. Николай: **въдовицамъ помощникъ** (χηρῶν προασιτιστής). Мин. дек. I, 386; это устойчивое именование находится также в Изборнике 1076 г., но не поддержано греч. оригиналом (Изб. 1076 г.: 113 об.); ср. распространенное именование Богородицы **помощница** (Чернышева 2017. С. 192–193): **Крѣпость и ограждение чловѣкомъ, радоуиса чистага... радоуиса . помощнице** (ἡ βοήθεια) **вѣрно молашнимъ ти са.** Триодь постн., 263; в оригинальном «Слове похвальном на Покров»: **Радоуиса ѡ цѣ Мрїе ... прпѣнымъ свѣтлое пѣснословїе и помощница.** Сл.похв. на св. Покров, 45; есть еще именование **помощь** – о Богородице (Чернышева 2017. С. 193).

Поконце (Сл.Илар.: 1946) – *ἀνάλασις или *κατάλασις – здесь: **стра́ннымъ поконце** (*ἀνάλασις или κατάλασις τῶν ξένων); ср. **поконце** (ἀνάλασις) **праведны(х)** в древнерусском сборнике житий XIV–XV вв. (СДРЯ, VII. С. 42); ср. **оупокон** о Христе: **А вы, жидове, не вѣровавше, безупокони бысте, остависте Хса, упокая своег<о>, и лишистес<я> Ег<о>, тѣм покоя не обрѣтаете, на чем почити.** Сл.св.пр., 174. XV в. ~ XIII в.; в именовании Богородицы – **поконце**: ... **сию вѣведи въ сѣюю цркъвь сцѣно въспитѣти са, тако да воудеть влѣцѣ всѣхъ вѣжствьным престолъ и полата и одръ и свѣтозарьно поконце** (φωταυγές ἐνδιαίτημα). Мин. ноябрь, 419.

Покровъ (Сл.Илар.: 1946) – *ἀνάλασις или *σκέπη – здесь: **ты бѣ бескровнымъ покровъ**; **покровъ** – распространенное именование Богородицы: **Мирови съпасение юже отъ земля възидохомъ радоуса всѣблагословенана покрове** (σκεπη). Триодь постн., л. 272 об.; так же именовался Христианский Крест: **Крѣс...покровъ** (ἀνάλασις) **троудомъ днѣвнымъ** (ἐν κόποις ἡμερινοῖς). (Явл.Креста) Усп.сб., л. 89а.

Застоупникъ (Сл.Илар.: 1946) – *προστάτης – здесь: **ты бѣ ввидимымъ застѣпникъ**; именование восходит к Пс. 17,3, где: ἀντιλήπτω μου; отсюда многократное обращение к Господу с мольбой: **застоупниче**, например, в «Житии Стефана Пермского Епифания» (ВМЧ, Апр. 22–30, 1065), затем **застѣпникъ** включается в систему именовании святых (например, в обращении к Николаю Мирликийскому: **вѣсхвалимъ... грѣшныци застоупника** τὸν πρόστατην. Стихирарь, 63 об.); ср. **застоупница** – одно из главных именовании Богородицы: ... **вѣце Мрїе. тѣ(мъ) же тѣа всѣ славимъ съ емъ застоупницю** нашоу (προσταίαν ἡμῶν) [вар.: XII–XIII вв.: **застоупление наше**]. Мин. сент., 018; ср. также в оригинальном «Слове похвальном Богородице», приписываемом Кириллу Философу: **Гдкоже во и рыбы не могутъ жити без воды . тако же и крѣстьянинъ . пребывага бесъ твоега помощи и млстїи великага застоупница.** Сл.похв. Богор., 111 об.; существовал еще эквивалент **застоупни-**

тель о Христе: **Жизнь во породе оупостасьно(у)ю Ха и Га, Пчста, за-стчупителга животоу** (*προστάτην τῆς ζωῆς ἡμῶν)... Мин. ноябрь, 277.

Обогащение (Сл.Илар.: 194б) – ***πλοῦτος** – здесь: **оубогимъ wobогаченіе** (*πλοῦτος τῶν πτωχῶν); ср. именование Богородицы **богачество: Захаріе... прорци w сен... гавльшжюса..... прснотекѣщее wobогачество** (τὸν ἄσυλον πλοῦτον). Сл. на Введ.Богор. Тарасий, 3057; ср. точное соответствие в оригинальном Слове, приписываемом Кириллу Философу: **Ты оубогимъ бѣтъство**. Сл.похв. Богор., 111 об.

В кратком очерке не удалось проанализировать все именованія князя Владимира как носителя высшей светской власти (ср. весь список в указанной работѣ В.М. Кирилина).

Проведенный анализ, подкрепленный реконструкцией возможного греческого соответствия, показал, что практически все эти именованія входят в состав **иеронимического ядра**, хорошо разработанного в византийской гимнографіи и, соответственно, представленного в славяно-русской рецепции. **Иеронимическое ядро** имеет также в своем составе **иеронимические формулы** (называемые иногда τόποι, например, **въдовицамъ... помощникъ**), повторяющиеся в других гимнографических произведениях.

Сказанное, бесспорно, указывает на то, что митрополит Иларион не только хорошо знал византийскую гимнографію, но и мастерски владел этим материалом.

Замеченная разница именованій в «Слове» Илариона по сравнению с переводом греческих слов в известных славянских гимнографических переводах: *τροφεύς **кърмитель** (у Илариона) и **питатель** (в слав. переводах), *στολή **удѣніе** (у Илариона) и **одежа** (в слав. переводах), *ἀνάψυξις **оухлажденіе** (у Илариона) и **прохлада** (в слав. переводах), *πλοῦτος **обогащеніе** (у Илариона) и **богачество** (в слав. переводах) и др., – позволяет предположить, что в каких-то случаях Иларион мог самостоятельно подбирать эквиваленты к мысленно представляемым греческим словам, независимо от славянских переводов, бытовавших в культурной среде того времени.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Источники

ВМЧ, Апр. 22–30 – Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Апрель. Тетр. 3. Дни 22–30. М., 1915. XVI в. [Velikie Minei-Chet'i, sobrannye mitropolitom Makariem. April'. Tetr. 3. Dni 22–30 (The Great Minei-Chetii, collected by the All-Russian Metropolitan Makarii. April. Tetr. 3. Days 22–30). Moscow, 1915].

- Изборник 1076 года. 2-е изд. доп. и перераб. / Изд. подгот. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Гольщенко; под ред. А.М. Молдована. М., 2009. Т. 1–2. [Izbornik 1076 g. (Izbornik of 1076). Moscow, 2009. T. 1–2.]
- Кондакаръ (8,4) – Der altrussische Kondakar'. Auf der Grundlage des Blagověščenskij Nižegorodskij Kondakar' / Hrsg. von A. Dostál und H. Rothe unter Mitarbeit von E. Trapp. Giessen, 1979. Т. IV. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven / Hrsg. von H.-B. Harder und H. Rothe. Bd. 8, 4). К. XII – н. XIII вв.
- Мин. дек. I – Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember nach den slavischen Handschriften des 12. und 13. Jahrhunderts. Служебная минея за декабрь в церковнославянском переводе по русским рукописям [Sluzhebnaia minya za dekabr' v tserkovnoslavjanskom perevode po russkim rukopisyam (Service Minea for December in the Church Slavonic Translation from Rus Manuscripts). Т. 1: 1. bis 8. Dezember / Hrsg. von H. Rothe, E.M. Vereščagin. Opladen, 1996. XII–XIII вв.]
- Мин. дек. – IV Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historischkritische Edition. Т. 4: 25. bis 31. Dezember / Hrsg. von H. Rothe, E.M. Vereščagin. Paderborn etc., 2006. XII в.]
- Мин. сент. – Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. / Труд И.В. Ягича. СПб., 1886. [Sluzhebnye minei za sentyabr', oktyabr' i noyabr'. V tserkovnoslavjanskom perevode po russkim rukopisyam 1095–1097 gg. (Service Mineas for September, October and November. In the Church Slavonic Translation from the Rus Manuscripts of 1095–1097). St-Petersburg, 1886.]
- Мин. ноябрь – Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 гг. / Труд И.В. Ягича. СПб., 1886. [Sluzhebnye minei za sentyabr', oktyabr' i noyabr'. V tserkovnoslavjanskom perevode po russkim rukopisyam 1095–1097 gg. (Service Mines for September, October and November. In the Church Slavonic Translation from Rus Manuscripts of 1095–1097). St-Petersburg, 1886.]
- Остр. ев. – Остромирово евангелие 1056–1057 гг. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями / Изд. А. Востоковым. СПб., 1843. [Ostromirovo evangelie 1056–1057 gg. S prilozheniem teksta evangelij i s grammaticeskimi ob'yasneniyami (The Ostromir Gospel of 1056–1057. With an Appendix of the Greek Gospels Text and with Grammatical Explanations). St-Petersburg, 1843.]
- Сл.Илар. – Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. XI в., сп. XV в. [Moldovan A.M. "Slovo o zakone i blagodatii" mitropolita Ilariona (Metropolitan Hilarion's Word about Law and Grace). Kiev, 1984.]

- Сл. на Введ.Богор. Тарасий – *Тарасий*. Слово на Введение Пресвятой Богородицы во храм // Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь. Дни 16–22. М., 1914. Стб. 3051–3065. XVI в. [*Tarasiy. Slovo na Vvedenie Presvyatoy Bogoroditsy vo khram (The Word on the Introduction of the Most Holy Theotokos into the temple) // Velikie Minei-Chet'i, sobrannye mitropolitom Makariem. Noyabr'. Dni 16–22. Moscow, 1914. Col. 3051–3065.*]
- Сл.похв. Богор. – *Кирилл*. О похвале Святой Богородице. ГИМ, Муз. Собр. № 1779. Л. 104 об.–113 об. XV в. [*Kirill. O pokhvale Svyatoy Bogoroditse (About the Praise of the Holy Mother of God). GIM, Muz. Sobr. № 1779. Sheets 104–113.*]
- Сл.похв. на св. Покров – Слово похвально на святый Покровъ Пречистыа Богородица и Приснодѣвы Мариа / Подг. текста, перев., коммент., исследование В. Кириллина. М.; Брюссель, 2012. XVI в. [*Slovo pohval'no na svyatyu Pokrov' Prechityuа Bogoroditsа i Prisnodevy Mariya (The Word of Praise for the Holy Protection of the Most Pure Theotokos and Ever-Virgin Mary). Moscow; Brussels, 2012.*]
- Сл.похв.Серг.Р. – Похвальное слово преподобному Сергию неизвестного сочинителя // Древние жития преп. Сергия Радонежского / Собр. и изд. Н. Тихонравовым Отд. II. М., 1892. С. 153–156. XV в. [*Pohval'noe slovo prepodobonomu Sergiyu neizvestnogo sochinitelyа (The Unknown Writer's Word of Praise to St Sergius) // Drevnie zhitiya prep. Sergiya Radonezhskogo. Department II. Moscow, 1892. S. 153–156.*]
- Сл.св.пр. – *Евсеев И.Е.* Слова святых пророк – противоиудейский памятник по рукописи XV века // Древности. Труды Славянской Комиссии Московского археологического общества. М., 1907. Т. IV. Вып. 1. С. 171–200. XIII в., сп. XV в. [*Evseev I.E. Slovesа svyatykh prorok – protivoiudeyskiy pamyatnik po rukopisi XV veka (The Words of the Holy Prophet – an anti-Jewish Monument Based on a Manuscript of the 15th Century) // Drevnosti. Trudy Slavyanskoй Komissii Moscovskogo arkheologicheskogo obshchestva. Moscow, 1907. T. IV. Vyp. 1. S. 171–200.*]
- Стихирарь – Славянский Минеиный стихирарь (по рукописям XII–XIII вв.). Т. 1. Тексты и комментарии / Подгот. М.А. Пузина, В.Б. Крысько. М., 2022. [*Slavyankiy Mineynyy stikhirar' (po rukopisyam XII–XIII vv.). T. 1. Teksty i kommentarii (Slavic Miney Stichirar (according to Manuscripts of the 12th–13th Centuries). Moscow, 2022.*]
- Триодь постн. – Триодь постная, нотированная. – Рукопись ГИМ, Син. 319. XII в. [*Triod' postnaja, notirovannaya (Lean, Notated Triode). GIM, Sin. 319.*]
- Усп.сб.(Явл.Креста) – *Крысько В.Б.* К новому изданию Успенского сборника //

Die Welt der Slawen. 2017. Bd. 62. S. 230–244. [*Krysko V.B.* К novomu izdaniyu Uspenskogo sbornika (To the New Edition of the Uspenskiy sbornik) // Die Welt der Slawen. 2017. Bd. 62. S. 230–244.]

Устав Тип. – Типографский устав с кондакарем конца XI – начала XII века. Т. 2: Наборное воспроизведение рукописи / Подгот. текста, составление словоуказателя и текстологический комментарий С.В. Петровой; палеографический комментарий В.С. Голышенко; под ред. Б.А. Успенского. М., 2006. Т. 2. [Типografskiy ustav s kondakarem kontsa XI – nachala XII veka (The Typographic Statute with the kondakar of the end of the 11th – beginning of the 12th century.). Moscow, 2006. T. 2.]

Литература

- Кириллин В.М.* Развитие представлений о личности великого князя киевского Владимира Святославовича по свидетельству панегирических и агиографических текстов XI–XV вв. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2020. Сб. 19. С. 285–370. [*Kirillin V.M.* Razvitiye predstavleniy o lichnosti velikogo knyazya kievskogo Vladimira Svyatoslavovicha po svidetel'stvu panegiricheskikh i agiograficheskikh tekstov XI–XV vv. (The Development of Ideas about the Personality of Grand Duke of Kiev Vladimir Svyatoslavovich according to the Testimony of Panegyric and Hagiographic Texts of the 11th–15th Centuries.) // Germenevtika drevnerusskoy literatury. Moscow, 2020. Sbornik 19. S. 285–370.]
- Молодован А.М., Юрченко А.И.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона и «Большой Апологетик» патриарха Никифора // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Вып. 1. С. 5–18. [*Moldovan A.M., Yurchenko A.I.* “Slovo o Zakone i Blagodati” Pariona i “Bol’shoy Apologetik” patriarkha Nikifora (Hilarion’s *Word about Law and Grace* and Patriarch Nikephor’s *Great Apologetic*) // Germenevtika drevnerusskoy literatury. Moscow, 1989. Vyp. 1. S. 5–18.]
- Мюллер Л.* Понять Россию: Историко-культурные исследования. М., 2000. [*Müller L.* Ponyat’ Rossiyu: Istoriko-kul’turnye issledovaniya (To Understand Russia: Historical and Cultural Studies). Moscow, 2000.]
- Назаренко А.В.* «Слово на обновление Десятинной церкви» – одно или два «Слова»? // ВЕДС. 2009. [Вып.] XXI. С. 231–236. [*Nazarenko A.V.* “Slovo na obnovenie Desyatinnoy tserkvi” – odno ili dva “Slova”? (The Word for the renewal of the Desyatinnaya Church – one or two “Words”?) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov’e. 2009. [Vyp.] XXI. S. 231–236.]
- Назаренко А.В.* Памяти Людольфа Мюллера (1917–2009) // ДРВМ. 2009. № (37). С. 137–138. [*Nazarenko A.V.* Pamyati Lyudol’fa Myullera (1917–2009) (In memory of Ludolf Müller) // Drevnyaya Rus’: voprosy medievistiki. 2009. № 3 (37). S. 137–138.]
- Назаренко А.В.* «Слово на обновление десятинной церкви» (к текстологии памятника) // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ: Сб. ст. памяти профессора И.С. Чичурова. М.,

2012. С. 229–252. [Nazarenko A.V. “Slovo na obnovenie Desyatinnoy tserkvi”: k tekstologii pamyatnika (*The Word for the renewal of the Desyatinnaya Church: to the Textology of the Monument*) // ΘΕΟΛΟΓΙΑΣ: Sb. st. pamyati professora I.S. Chichurova. Moscow, 2012. S. 229–252.]

Назаренко А.В. «Слово на обновление десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского на Руси. М.; Брюссель, 2013. [Nazarenko A.V. “Slovo na obnovenie Desyatinnoy tserkvi”, ili k istorii pochitanija svyatitelya Klimenta Rimskogo na Rusi (*The Word for the renewal of the Desyatinnaya Church, or to the History of the Veneration of St Clement of Rome in Rus*). Moscow; Brussels, 2013.]

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1912. Т. I–III. [Sreznevskiy I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka (Materials for the Dictionary of the Old Rus Language). St-Petersburg, 1893–1912. T. I–III.]

Турилов А.А., Э.П.П. Иларион // ПЭ. 2009. Т. 22. С. 122–126. [Turilov A.A., E.P.R. Parion (Hilarion) // Pravoslavnaya entsiklopedia. 2009. T. 22. S. 122–126.]

Христов И. Гръцко-църковнославянски речник... въз основа на Речника на църковнославянския език от архимандрит д-р Атанасий Бончев. Зографски манастир Света Гора, 2019. [Khrystov I. Gr”tsko-ts”rkovnoslavyanski rechnik ... v”z osnova na Rechnika na ts”rkovnoslavyanskiya ezik ot arkhimandrit d-r Atanasiy Bonchev (Greek-Church Slavonic Dictionary... Based on the Archimandrite Dr. Athanasius Bonchev’s Dictionary of Church Slavonic Language). Zografski Monastery Sveta Gora, 2019.]

Чернышева М.И. Именования Богородицы в древнерусской письменности. М., 2017. [Chernysheva M.I. Imenovaniya Bogoroditsy v drevnerusskoy pis’mennosti (Naming of the Virgin in Old Russian Writing.). Moscow, 2017.]

Чернышева М.И. «Иеронимия» в древней славяно-русской письменности (предварительные наблюдения) // Шьствоуѣ нынѣ по слѣдоу оучителю. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Анна-Мария Тотоманова. София, 2021. С. 492–500. [Chernysheva M.I. “Ieronimiya” v drevney slavyano-russkoy pis’mennosti (predvaritel’nye nablyudeniya) (“Hieronymy” in the Ancient Slavic-Russian Writing (Preliminary Observations)) // Shestvuyu nyne po sledu uchitelyu. Sbornik v chest na prof. d.f.n. Anna-Mariya Totomanova. Sofia, 2021. S. 492–500.]

Чернышева М.И. Христианский Крест в системе иеронимии (на материале сочинения «ГѦвѣненіе чьстнаго крѣста» в составе древнерусского Успенского сборника XII в.) // Палеоросія. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 4 (24). С. 1–10. [Chernysheva M.I. Khristianskiy Krest v sisteme ieronimii (na materiale sochineniya “Yavlenie ch’st’ nago krsta” v sostave drevnerusskogo Uspenskogo sbornika XII v.) (The Christian Cross in the Hieron-

- умы System (Based on the Material of the Essay “The Appearance of the Holy Cross” as Part of the Ancient Russian Uspenskiy Sbornik of the 12th century)) // Paleorosia. Drevnyaya Rus’: vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. 2023. № 4 (24). S. 1–10.]
- Чернышева М.И.* Иеронимическое ядро в системе византийско-славянских именованных // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 7. С. 16–23. [*Chernysheva M.I.* Ieronimicheskoye yadro v sisteme vizantiysko-slavyanskikh imenovaniy (Hieronymic Core in the System of Byzantine-Slavic Names) // Uchenye zapiski Petrozavodskogo universiteta. 2023. T. 45. № 7. S. 16–23.]
- Чичуров И.С.* «Книжен муж» Иларион // *Чичуров И.С.* Избранные труды. К 60-летию И.С. Чичурова. М., 2007. С. 195–228. [*Chichurov I.S.* “Knizhen muzh” Ilarion (“The Bookish Man” Hilarion) // *Chichurov I.S.* Izbrannyye trudy. K 60-letiyu I.S. Chichurova. Moscow, 2007. S. 195–228.]
- Щапов Я.Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // ВВ. 1971. Вып. 31 (56). С. 71–78. [*Shchapov Ya.N.* Ustav knyazyu Yaroslava i vopros ob otnoshenii k vizantiyskomu naslediyu na Rusi v seredine XI v. (The Prince Yaroslav’s Statute and the Question of the Attitude to the Byzantine Heritage in Rus in the mid-11th Century) // *Vizantiyskiy vremennik.* 1971. Вып. 31 (56). S. 71–78.]
- Müller L.* Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntis. Wiesbaden, 1962.
- Müller L.* Die Werke des Metropolitens Ilarion. München, 1971.
- Müller L.* Eine weitere griechische Parallele zu Ilarions «Slovo o zakone i blagodati» // ТОДРЛ. (Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury). СПб., 1993. Т. 48. С. 100–104.

Margarita I. Chernysheva

PRELIMINARY REMARKS ON THE HYMNOGRAPHIC LAYER
IN METROPOLITAN HILARION’S *WORD ABOUT LAW AND GRACE*

Metropolitan Hilarion of Kiev probably knew Greek language and was theologically educated, maybe in Constantinople. Scholars have revealed his being familiar with a range of Byzantine theological and hymnographic texts as well as with some examples of the earliest Moravo-Czech literature. The author’s studies of *Onomata sacra* in Slavonic and Rus translations from Greek have led her to a conclusion that there was a lexical *hieronymic core*, i.e. a complex of generally accepted names of Christ, the Virgin, the Holy Cross, and saints. In the present paper, the author addresses the

naming of a secular ruler. Terms applied to St Vladimir, the baptizer of Rus, in the panegyric part of Hilarion's *Word about Law and Grace* are analyzed (including the analysis of corresponding Greek words). It appears that almost all those words are comprised by the *hieronymic core* well established in the Byzantine hymnography and, respectively, represented in its Slavonic reception. This, in turn, demonstrates that Hilarion was well familiar and perfectly handled the Byzantine hymnography. In some cases, however, he not only used established Slavonic equivalents but, having Greek words in mind, found Slavonic equivalents to them himself.

Keywords: Old Rus, church, Byzantium, Metropolitan Hilarion, *The Word about Law and Grace*, translations from Greek, Slavic-Russian writing, hieronymy, *Onomata sacra*, hieronymic core

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-28-40

В.Б. Крысько

ИСПРАВЬШЕ ПОЧИТАИТЕ **ЗАМЕТКИ О КОММЕНТАРИЯХ ПИСЦОВ,** **РЕДАКТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ НА СТРАНИЦАХ** **ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЕЙ***

В статье рассматриваются записи и приписки писцов, редакторов и читателей на страницах древнерусских рукописей, отражающие их реакцию на собственные и чужие ошибки. Вначале анализируются причины появления «покаянных» записей писца новгородской Минеи 1097 г. (РГАДА. Тип. 91), Михаила, который страдал дисграфией, осознавал это и эмоционально реагировал на свои описки, постоянно взывая к Богу о помощи, – но при этом допускал новые ошибки. Второй раздел статьи посвящен припискам на полях 13 Слов Григория Богослова – рукописи XI в. (РНБ. Q.п.I.16), редактор которой неоднократно комментировал недочеты в работе писца, уделяя при этом внимание не только эстетике письма, но и смыслу сложного переводного текста; эти приписки весьма примечательны ранней фиксацией древнерусских слов и форм (**роздѣленъ**, **сторожь**, **стеречи**, **огородьникъ**), а в одной из них представлено едва ли не первое славянское рифмованное стихотворение. В третьем разделе впервые вводятся в научный оборот две записи из Минеиногo стихираря XII в. (РНБ. Q.п.I.15), в которых критикуются допущенные писцом и его предшественником нарушения в оформлении страницы и фигурируют редкое для книжной письменности личное местоимение **я**, форма аориста и древнейший пример существительного **охритъ**. В последнем разделе обращено внимание на давно опубликованную, но забытую запись в списке Паренесиса Ефрема Сирина 1269–1289 гг. (РНБ. Погод. 71а), содержащую наиболее раннее употребление слова **мастеръ** в значении ‘специалист, достигший высокого мастерства’. Проанализированные экстратексты свидетельствуют о том, что переписывание рукописей и «почитание книжное» далеко не всегда были механическими процессами – равнодушным копированием и начетническим повторением: приписки писцов, редакторов и читателей отражают лингвистическую рефлексию и эстетические запросы древнерусских книжников и клириков и в то же время существенно обогащают наши знания об истории языка.

---

* Исследование проведено в ИРЯ РАН при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00035, <https://rscf.ru/project/22-18-00035/>.

Ключевые слова: древнерусские рукописи, записи и приписки, древнерусский язык, первые фиксации лексем

Последние электронные письма от Александра Васильевича Назаренко я получил за два месяца до его кончины, 18 ноября 2021 года. В ответ на вопрос о рисунке на переплете Софийской триоды¹ (Куприянов 1857. С. 110) А.В. написал:

<...> рисунок скверный, что и Куприянов отмечал. Честно говоря, никакого головного убора я не усматриваю, скорее эскизно переданные волосы. С епитрахилью тоже не очень ясно. Судя по чему-то, похожему на широкий отложной воротник на плечах, это не священническая епитрахиль, а скорее епископский омофор – просто нерадивый художник не удосужился дорисовать на нем кресты. Видимо, перед нами некий святой (нимб!) архиерейского звания, который откладывает постную триодь (миниатюра ее завершает) и уже переоблачился в красное для пасхальной «цветной» службы.

Вот соображения, которые приходят мне в голову при самом беглом ознакомлении с картинкой.

Жаль, что глосса плохо читается.

Узнав результаты прочтения «глоссы», т.е. подписи к рисунку: **О ратнова попе микѹлинскѹи: об ѣдномъ черевѣ а дрѹгого изъсталь въ кѹквѣ рѹчи:** (см.: Крысько, Ладыженский, Мольков 2022. С. 76), – А.В. тут же откликнулся:

Здорово! Надпись явно ироническая, – должно, и нимб иронический, тогда и омофор недорисованный м<ожет> б<ыть> тоже насмешкой, –

и через минуту, в заключительном письме, добавил:

И благословляет левой рукой.

О древнерусских экстратекстах пойдет речь и в этой статье – скромном приношении в сборник памяти выдающегося ученого.

***

Призыв, вынесенный в заголовок статьи, высказан в конце хрестоматийно известной выходной записи дьякона Григория, завершающей первую датированную восточнославянскую книгу – Остромирово евангелие 1056–1057 гг. Аналогичные просьбы «читать, исправляя», свидетельствующие о сознании собственного несовершенства и побуждающие

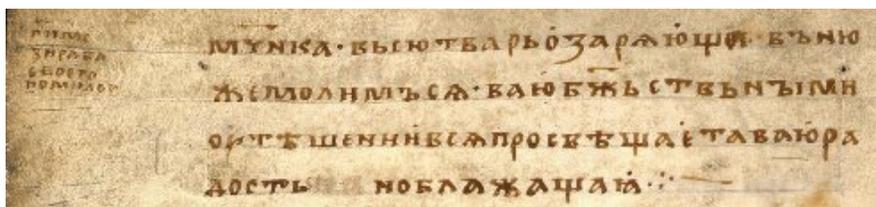
¹ URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=D9FDEE36-D35D-4358-BA4F-D79D46C0DCF4> (дата обращения 10.09.2023).

коллег и потомков к сотворчеству, встречаются и на страницах других древнерусских рукописей, например, в Путятиной минее XI в., Паремейнике 1271 г., Евангелии 1323 г., Параклитике 1369 г., Лаврентьевской летописи 1377 г., Студийском уставе 1398 г. (СДРЯ. Т. 4. С. 70, 73, 74). «Нет сомнения, – говорил А.И. Соболевский, – подобные фразы взяты русскими писцами от южнославянских, а этими последними от греческих» (Соболевский 1908. С. 35).

Тем не менее во многих рукописях действительно наблюдаются следы исправлений, осуществленных как самими писцами по горячим следам, так и позднейшими пользователями церковных книг. Однако писцы и читатели отнюдь не стремились афишировать эту работу над ошибками – собственными и предшественников: прямые указания на недочеты в оформлении, или описки, или инновационные формы, отклоняющиеся от идеала, или тем более погрешности перевода в древнерусских рукописях крайне редки (ср.: Калугин 1995. С. 113–116).

І. Среди нечастых примеров самокритики и истинного смирения в оценке своих трудов выделяется продукция буквально страдавшего дисграфией писца новгородской служебной Минеи 1097 г. (РГАДА. Тип. 91)² – Михаила. Как заметил С.М. Михеев, несчастный книжник «очень часто пропускал слоги, а потом вписывал их над строкой и просил за это прощения, оставляя покаянные записи не только на полях, но и между строчками текста» (Михеев 2019. С. 22): такие «горестные заметы» мы находим на лл. 35, 40 об., 54 об. (дважды), 68 об., 89 об., 102 (Ягич 1886. С. XIII–XIV; Каталог 1988. С. 35; Михеев 2019. С. 22–25). При этом, обращаясь к Господу за помощью в трудном деле переписывания малоопытных гимнографических текстов, писец вновь и вновь допускал однотипные ошибки. Так, на л. 40 об., в записи:

Гѣ мо|зи раба | своего | помилоу³ (илл. 1) ‘Господи, помоги, раба своего помилуй’, –

Илл. 1. РГАДА. Тип. 91, л. 40 об.

Fig. 1. Russian State Archives of Ancient Documents (RGADA). Typ. 91, f. 40 v

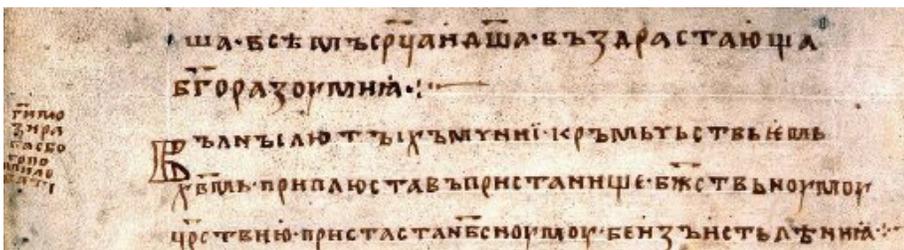
² URL: [http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_91&name=Минея служебная, ноябрь \(дата обращения 11.09.2023\)](http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_91&name=Минея служебная, ноябрь (дата обращения 11.09.2023)).

³ Знак | обозначает границу строк, || – столбцов и страниц.

Михаил явно не дописал первый слог в **помози**⁴, да и заключительная форма скорее всего не просто недописана, а лишний раз демонстрирует склонность книжника к пропуску букв и слогов (вместо **помилоуи**). Апелляция к Всевышнему вполне обоснованна и не обязательно спровоцирована одной конкретной ошибкой (в первой строке, в форме **озаряюци**, где, по мнению С.М. Михеева, «последняя буква замарана, а слева от нее вписано узкое е» [Михеев 2019. С. 22]⁵): текст тропаря мученикам Авкту и Тавриону, как нередко бывает в гимнографических переводах, далек от прозрачности, и правка осуществлена также в 4-й строке, где затерты две буквы.

На л. 54 об. представлено две записи. Первая из них (см. илл. 2), выполненная на левом поле одновременно с «улучшением почерка» (Ягич 1886. С. XVI) или «сменой пера» (Михеев 2019. С. 23):

҃и мо|зи ра|ба сво|го по|мило|вати, –

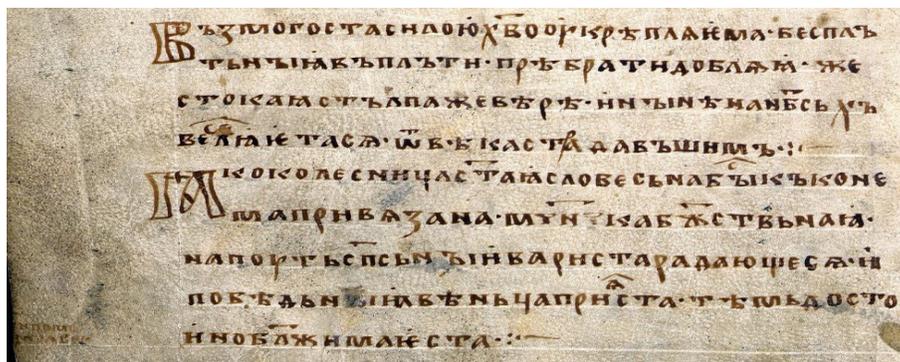
Илл. 2. РГАДА. Тип. 91, л. 54 об. (1)

Fig. 2. RGADA. Typ. 91, f. 54v (1)

содержит сразу две описки в одном слове (**свого** вм. **своего**, **б** по смежности с **раба**, пропущен слог **е**) и странную синтаксическую конструкцию **мози помилovati** – видимо, ситуативный переход от вновь недописанного **помози** с предполагаемым однородным императивом **помилоуи** (как на л. 40 об.) к переосмысленной фразе с неисправленным предикатом **мози** и зависимым от него инфинитивом, по типу обычного **не мози** + инфинитив. Вторую «молитвенную запись» (Столярова 2000. С. 53):

⁴ Вопреки указанию Л.В. Столяровой: «[п]еред м две буквы затерты и не чит.» (Столярова 2000. С. 52), – буквы **им** идут подряд.

⁵ В действительности **е** исправлено на **и**. Эта причастная форма, согласно греческому оригиналу – $\mu\upsilon\eta\mu\epsilon\iota$ ... $\lambda\epsilon\iota\tau\omega\upsilon\acute{\alpha}\zeta\omicron\upsilon\sigma\alpha$ (АНГ III. Р. 199), – должна была бы согласовываться с **память** (и тогда правильная флексия – **-и**), но могла бы быть соотнесена и с **слънце** (и в таком случае допустимо **озаряюще**), ср.: **И́ко слънце свѣтозарно · всепраздная память ваю въсиа · великаа || мчнка · всю тварь озаряюще · въ ноже молимъса · ваю вѣжъствными оутѣшени вса просвѣщаета ваю радостно влажшата · (л. 40–40 об.).** На месте наст. вр. **просвѣщаета** ожидался бы императив, естественный после **молимъса** ($\delta\epsilon\omicron\mu\epsilon\upsilon\alpha$ ... $\phi\omicron\tau\iota\sigma\alpha\tau\epsilon$).

Илл. 3. РГАДА. Туп. 91, л. 54 об. (2)

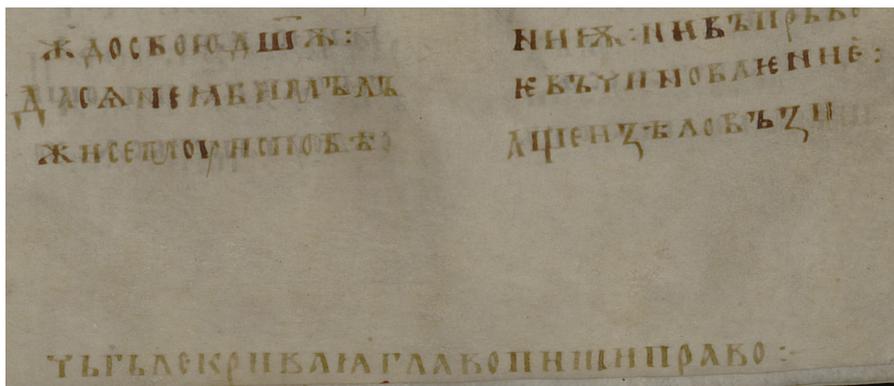
Fig. 3. RGADA. Typ. 91, f. 54v (2)

писец робко поместил на краю левого поля после двух тропарей, в которых допустил – и лишь отчасти исправил – целый ряд ошибок (ср.: Ягич 1886. С. 333; илл. 3). Так, в протографе одного из тропарей греческому префиксальному образованию $\sigma\upsilon\nu\epsilon\upsilon\phi\rho\alpha\iota\nu\omicron\nu\tau\alpha\iota$ (MR II. P. 97) ‘вместе веселятся’, по-видимому, соответствовала бесприставочная форма дв.ч. ***ВЕСЕЛИТАСА** (либо мн.ч. ***ВЕСЕЛАТЪСА**), которая в Минее 1097 г. превратилась в бессмысленное **ВЕЛАКТАСА** со вписанным над **ел** слогом **се** – что едва ли улучшает ситуацию (возможно, исправлявший соотнес это слово с предшествующим **на нѣсѣхъ** и имел в виду **вѣселактаса**). В греческом оригинале мученики Онисифор и Порфирий «на небесах веселятся с подвизавшимися испокон веков» ($\tau\omicron\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\prime\ \alpha\iota\omega\nu\omicron\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\alpha\theta\lambda\acute{\eta}\varsigma\alpha\sigma\iota\nu$ – дат.п. зависит от глагола с $\sigma\upsilon\nu$ -) – в древнерусской рукописи они «вселяются (?)» **Ѡ вѣка страдавѣшимъ** – причем **р** втиснуто между **т** и **а** *post factum*. В следующем тропаре писец ухитрился сделать описки даже в таких, казалось бы, вполне ясных формах, как **мѣнка** (имен.п. дв.ч. существительного), **радоющеся**, **приста**: в первой он написал лишнее **ч** после **н** (затерто), во второй заменил **оу** на **а** под влиянием предыдущего слога (не исправлено), в третьей – вписал **л** над **ис**...

Показательно, что кроме самого Михаила реагировать на его ошибки никто не стал, и ноябрьской Минее пришлось почти 800 лет дожидаться филологически ориентированного издания И.В. Ягича (1886), чтобы предстать перед современным читателем в хотя бы отчасти удобочитаемом виде.

II. Другая рукопись XI в. – 13 Слов Григория Богослова (РНБ. Q.п.I.16⁶; далее ГБ XI), – напротив, демонстрирует постоянное редакторское внимание к тексту, переписывавшемуся, как предположила Л.В. Столярова, начинающими книгописцами (Столярова 1998. С. 147). Одна из редакторских записей, на л. 101 об., «похожа, – по остроумному замечанию Н.Н. Розова, – на окрик старшего писца» (Розов 1977. С. 144) – это знаменитый рифмованный приказ:

чьгьлє кривата главо пиши право (илл. 4) ‘Чег(о)л, кривая голова, пиши правильно (прямо?)’ –

Илл. 4. РНБ. Q.п.I.16, л. 101 об.

Fig. 4. Russian National Library (RNL). Q.п.I.16, f. 101v

едва ли не первое славянское стихотворение, вероятно, восходящее к практике древнеболгарских писцов⁷. Хотя запись выполнена поистине образцовым уставом (см.: Столярова 1998. С. 137), текст, под которым она написана, тоже трудно признать неаккуратным: на наш непросвещенный взгляд, отличия в качестве почерков определяются разве что степенью «каллиграфичности» (Там же) – и тем самым «окрик» можно счесть и безобидной товарищеской шуткой, подтруниванием одного старательного и умелого писца над другим⁸.

⁶ URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=36C437CC-23D2-43C9-A6F6-D08C0FBF628C> (дата обращения 08.09.2023).

⁷ Л.В. Столярова (1998. С. 148) почему-то проставила ударения «главо – право», однако согласно данным древнерусской акцентологии существительное *глава*, относившееся к акцентной парадигме *b*, имело в зват. форме ударение *гла́во*, а прилагательное *правьи* (акцентная парадигма *a*) в сред. роде – ударение *пра́во* – так же, соответственно, и наречие, образованное от этой формы (Зализняк 2014. С. 14, 17, 150, 353).

⁸ Впрочем, А.И. Соболевский полагал, что эта приписка сделана «против криво написанной строки» (Соболевский 1908. С. 37).

Позволим себе небольшой экскурс по поводу имени писца, к которому обращен призыв «писать право». Необходимо признать, что оно реконструируется не без затруднений. А.С. Будилович, подготовивший критико-дипломатическое издание 13 слов⁹, приводит начальную форму в виде «Чьгълъ» (Будилович 1875. С. IV), Н.Н. Розов – как «Чьгълъ» с толкованием «щегол» (Розов 1977. С. 100), Л.В. Столярова – как «Чегол (Щегол)» (Столярова 1998. С. 137), причем подтверждает свое чтение прорисью сильно обрезанной записи на л. 84 об., которую восстанавливает следующим образом «А се псалъ Чьгълъ» (Там же. С. 147; Столярова 2000. С. 55)¹⁰. Между тем фотография (см. илл. 5), в отличие от несколько произвольной прориски, не дает оснований для такого прочтения: если буквы **а се псал** по сохранившимся нижним элементам устанавливаются достаточно надежно, то уже знак, следующий за **л**, заставляет задуматься: две разомкнутые линии не напоминают ни **ъ**, ни **ь**. Еще загадочнее «капли», висящие по бокам якобы **ч**, а буква, изображенная на прориски как **ь**, по своей нижней округлости может идентифицироваться либо с **с**, либо с **с**, но никак не с **ь**. Таким образом, считать запись автографом «Чегла» затруднительно. Что же касается лингвистически корректной начальной формы его имени, то одноеровая запись «старшего товарища» в силу того, что /ь/ после заднеязычного в древнеславянском невозможен, должна быть скорректирована – либо в сторону **чьгълѣ**, либо в сторону **чьгълѣ** (в таком случае редуцированный после **г** является неорганическим, ср. *уголь* < *угьль* < *угль*). В свою очередь, имя **чьг(ъ)лъ** не идентично слову *щегол* (/ч/ не выводится из /ш'ч'/ и наоборот), но, очевидно, должно рассматриваться как производящее для зафиксированного В.И. Далем *чѣглок*, *чѡглок*, *чѣглик* ‘малый сокол’ (Даль. Т. 4. С. 586) – и, следовательно, *Чьглова улка* в древнем Новгороде (НПЛ. С. 41; Васильев 2012. С. 302) – это Соколиная улица.

Илл. 5. РНБ. Q.n.I.16, л. 84 об.

Fig. 5. RNL. Q.p.I.16, f. 84v

⁹ К сожалению, не свободное от ошибок, см. «ряд примеров» с добавлением «и много других» (Фалев 1928. С. 245–246).

¹⁰ Правда, в обеих книгах Л.В. Столяровой лист указан неточно – 84.

Возвращаемся к припискам. Коллега Чегла по писцовому цеху, придававший столь большое значение эстетике письма, в ряде случаев обнаружил и тонкое понимание сложного переводного текста. Его комментарии, точно воспроизведенные, но не проанализированные в издании А.С. Будиловича (1875)¹¹, в целом – за вычетом информативного, но краткого обзора, представленного в статье И.Э. Еселевич (1964. С. 239–243), – остаются вне поля зрения исторической русистики. Между тем они весьма незаурядны и с точки зрения содержания, и как источники по истории языка.

Так, на л. 203г последняя фраза снабжена знаком сноски, а на нижнем поле под столбцом приписано (илл. 6):

сі строка на · в · роздѣлена одна, | о себѣ бо съде глаголетъ · отъметнѣ,

Илл. 6. РНБ. Q.n.I.16, л. 203г–204а

Fig. 6. RNL. Q.p.I.16, f. 203d–204a

¹¹ См. их полный список (Там же. С. IV; Еселевич 1964. С. 239).

Замечание пронизательного книжника вызвал ошибочный разрыв текста при переносе с листа на лист. В своем «слове» Григорий Богослов, вспоминая обличения пророка Захарии, говорит:

Οὕτω φιλοπόνως προσκαθέζεται τῷ λόγῳ καὶ οὐδὲ ἀπαλλαγῆναι δύναται ῥαδιῶς τῶν ἀπειλῶν· ὥστε δέδοικα μὴ καὶ αὐτὸς ἀλευκτὸς ᾧ, πάντων ἐξῆς μεμνημένος (PG. T. 35. Col. 473–474)¹²

«С такой ревностью продолжает он речь и не может удержаться от угроз; почему и опасуюсь, чтобы, повторяя их по порядку [букв. ‘все подряд вспомнив’], и мне не возбудить против себя ненависти»¹³.

Древнеболгарский переводчик, следуя, как обычно, букве оригинала, передал речь святителя слово в слово, но при этом, скорее всего, пропустил форму $\tilde{\omega}^{14}$ – graes. conjct. act. 1 p. sing. к εἰμί ‘(боюсь, как) бы я (не) стал (ненавистным)’ – и тем самым оставил придаточное предложение без предиката. В протографе древнерусского списка, по-видимому, господствовала одноеровая система, и с учетом нерегулярного воспроизведения этой системы, а также сопутствующих огрехов писец ГБ XI передал слова святителя таким образом:

Сице любовьнѣ · | и троуднѣ прѣ|дъполагаа сло|въмь · | И не може
оудобѣ | остатиса о прѣ|щенин: | Тѣмже божа · | Ёда и самъ
отъ|метъ || Нъ поминавъ и въсе · (2032–204a)

Вероятно, текст остался ему в целом непонятным – именно этим и объясняется удивительная замена прилагательного ***отъметънъ** букв. ‘отвергаемый, проклинаемый’ (калька греч. ἀλευκτός; вероятно, в протографе или антиграфе было написано **отъметънъ**) формой **отъметъ** – 3 л. ед.ч. наст. вр. глагола **отати** ‘отнять’ – с последующим союзом **Нъ**, причем написанным с прописной, как начало новой фразы. Первый читатель (и редактор) рукописи не просто указал на некорректный перенос (**си строка на ·в· роздѣлена одина** ‘Эта строка на две разделена, <будучи> одной’), но и обнаружил понимание трудного пассажи: **о себѣ во съде глаголетъ · отъметънъ** ‘ведь о себе он [Григорий] здесь говорит: отвержен’. Примечательно, что первая часть приписки содержит сразу два восточнославянизма – приставку **роз-** на месте ***orz-** и начальное **о-** в соответствии со ст.-слав. **ю-**; оба эти явления были специально указаны И.А. Фалевым (1928. С. 248) и И.Э. Еселевич (1964. С. 240) – но, поскольку приписки не вошли в корпус источников «Словаря древнерусского

¹² В Thesaurus linguae graecae (URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu>, дата обращения 13.09.2023) искажено: несколько слов начиная с πάντων, напечатанные в PG в столбце 474, посреди латинского перевода, в корпус не вошли.

¹³ URL: <https://predanie.ru/book/67845-grigoriy-bogoslov-tvoreniya/> (дата обращения 13.09.2023). То же и при дальнейшем цитировании этого русского перевода.

¹⁴ Эта форма вызвала вопрос и у А.С. Будиловича (1875. С. 152).

языка», примеры не учтены ни в статье **одинъ**, ни в статье **роздѣленъ**. На фоне древнерусских форм, употребленных в тексте, который не был переписан с древнеболгарского оригинала, а возник под пером древнерусского книжника, сугубое значение приобретает последовательное маркирование палатальных согласных посредством дужки – к сожалению, не упоминаемое в единственном монографическом исследовании о мягкости согласных в языке восточных славян (Голыщенко 1987), хотя об использовании «обычной каморы́ при л и н в значении знака мягкости» в ГБ XI писал еще И.А. Фалев (1928. С. 247). В то же время, критикуя своего коллегу, автор приписки сам продемонстрировал не вполне безупречную орфографию: в суффиксе прилагательного **отгъметнъ** пропущен **ь**, к тому же в сильной позиции (ср. ниже **сирѣч** без конечного **ь**).

На следующей странице (л. 204б) комментарий редактора вызвало замечание Григория Назианзина на книгу пророка Иезекииля (Иез 33. 6): «Как [выслушаем] заповедуемое им стражам – не молчать о беззаконии и о грядущем на него мече?». В славянской рукописи соответствующая греческая фраза передана относительно корректно:

Πῶς μὲν ἂ τοῖς σκοποῖς
διακελεύεται, μὴ κατασιωπᾶν
τὴν κακίαν, καὶ
τὴν ἐπέρχομένην
ταύτη ῥομφαίαν;

Ка^{ко} оубо ꙗже страже-
мъ · велитъ не млъ-
чати зълобы · и
приходящии на
на · мечь ·

– если не считать того, что в оригинале меч «следует после» зла, тогда как в ГБ XI «приходит на них» – т.е. стражей (возможно, переосмысление списка вместо первоначальной морфологической кальки ***на нѣж** ‘на нее’, с воспроизведением жен. рода τὴν κακίαν / **зълобы** – таύτη). Редактор, однако, справедливо счел двусмысленной форму дат.п. мн.ч. **стражемъ** и, предвидя возможное ошибочное восприятие ее как омоформы – 1 л. мн.ч. глагола **страдати** ‘трудиться; страдать’¹⁵, – добавил на поле пояснение:

сторожь стерегъ (илл. 7), –

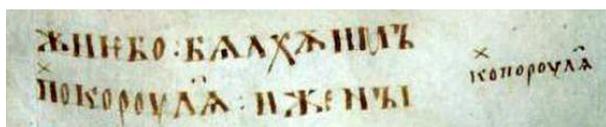
Илл. 7. РНБ. Q.n.I.16, л. 204б

Fig. 7. RNL. Q.p.I.16, f. 204b

¹⁵ Разумеется, такое смешение возможно только на восточнославянской почве: в древнеболгарском глагольная форма звучала бы как **стражемъ**.

облегчив будущим читателям правильную интерпретацию с помощью двух полногласных образований – начальной восточнославянской формы существительного и однокоренного причастия, представляющих собой наиболее ранние фиксации лексем **сторожъ** и **стеречи** (ср.: СлРЯ. Вып. 28. С. 57, 95–96; СДРЯ. Т. 11. С. 536–537, 549–550).

Еще в одном случае редактор просто исправил ошибку писца, добавив к написанию «**покороула**» (с переставленными слогами – возможно, вследствие непонимания этого слова) примечание на полях: «**копороула**» (71б, илл. 8), – и тем самым подарил нам древнейшую (наряду с примером из Синайского патерика по списку XI в.: СлРЯ. Вып. 7. С. 298) фиксацию этой праславянской лексемы, здесь в значении ‘ткацкий челнок’ (Варбот 1974. С. 56–59; Этимологический словарь 1984. Вып. 11. С. 22).

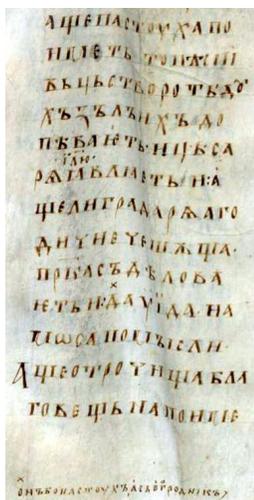

Илл. 8. РНБ. Q.n.I.16, л. 71б

Fig.8. RNL. Q.p.I.16, f. 71b

Откликаясь на сообщении славянского перевода о том, что Св. Дух возвысил и **пастуха** – Давида, и **градара** **агодичне чешща** – Амоса, редактор счел нужным истолковать **градара** по-древнерусски:

онъ во пастоухъ: а съ огородникъ (л. 369в, илл. 9) ‘Тот ведь пастух, а этот огородник’, –

Илл. 9. РНБ. Q.n.I.16, л. 369в

Fig. 9. RNL. Q.p.I.16, f. 369c

причем сначала использовал диалектный рефлекс *tort – *trot* (см.: За-
лизняк 2004. С. 40–41) – и лишь затем исправил его на общевосточно-
славянское *torot*¹⁶. Правда, следует заметить, что как древнеболгарский
перевод, так и его древнерусская замена отнюдь не являются верными
эквивалентами греч. αἰπόλος ‘козопас’, употребленного Григорием Бо-
гословом вслед за Библией: αἰπόλον συκάμινά κνίζοντα (PG. Т. 36. Col.
448¹⁷; ср. Ам 7. 14: αἰπόλος ἤμην καὶ κνίζων συκάμινά¹⁸). По-видимому,
переводчик не знал этого слова (показательно, что оно не встречается
в греческих источниках «канонических» старославянских текстов [RSI.
S. 272]) и вывел его значение из контекста: уход за фиговыми деревьями,
конечно, более приличествует садовнику (ср. *градарь* в [SJS. I. S. 430]),
нежели пастуху¹⁹. Однако именно этой переводческой ошибке (или воль-
ности) мы обязаны появлением редакторского комментария в ГБ XI с са-
мой ранней фиксацией древнерусской лексемы *огородьникъ* (ср.: СлРЯ.
Вып. 12. С. 252; СДРЯ. Т. 6. С. 92).

III. В Минейном стихираре XII в. (РНБ. Q.п.I.15²⁰) нам удалось про-
читать две полустертые писцовые записи²¹. Первая из них, помещенная в
левом нижнем углу л. 31, гласит:

¹⁶ В отличие от остальных примеров с выносным **о**, отмеченных И.Э. Еселевич (1964. С. 242), данное написание вряд ли можно отнести к числу графических эффектов конца строки.

¹⁷ В русском переводе XIX в. – «пастуха, собирающего сикоморь», однако в латинском – ...*toros vellicantem* (PG. Т. 36. Col. 447) ‘ощипывающего шелковицы’.

¹⁸ Этот сложный с точки зрения реалий пассаж в синодальном переводе передан так: «я был пастух и собирал сикоморь», в современном немецком переводе Септуагинты – «Ich war... ein Ziegenhirt und einer, der Maulbeerfeigen ritzb» (Sept.) ‘...и тот, кто надрезает плоды [букв. фиги] шелковицы’; в словаре Лидделла – Скотта словосочетание κνίζων συκάμινά дано под значением ‘scratch, gash’ со специальным объяснением: «to make them ripen» (LS. P. 965).

¹⁹ Очевидно, перевод Слов Григория Богослова осуществлялся безотносительно к переводу Малых пророков, который считается преславским (Златанова 1998. С. 603), ср.: **пастырь вѣхъ, агодичиѣ дрѣвѣное града** (Там же. С. 166–167).

²⁰ URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=0159B210-D474-4B56-95AB-BB920D488FC3> (дата обращения 15.09.2023).

²¹ В Сводном каталоге (СК XI–XIII. С. 132) о существовании этих экстратекстов не упоминается. Об их наличии нам сообщил Г.А. Мольков, идентифицировавший отдельные буквы и слова (электронное письмо от 03.09.21). Визуализировать тексты удалось благодаря высококачественным фотоснимкам, выполненным Е.А. Ляховицким и Ж.Л. Левшиной. Палеографическая атрибуция записей писцу предложена И.М. Ладыженским. Пользуемся случаем, чтобы выразить искреннюю признательность коллегам.

а криво ꙗ стихъ съ | охритъ (илл. 10) ‘А крив стих этот. Позор!’.

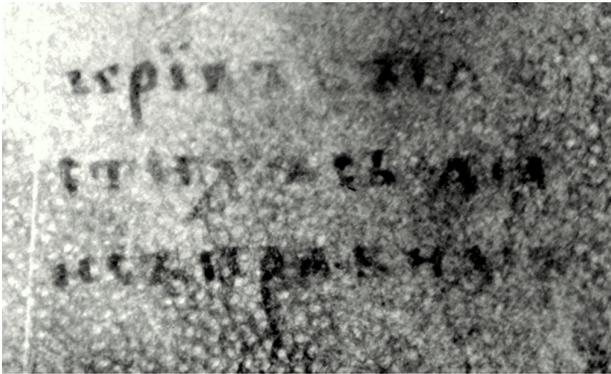

Илл. 10. РНБ. Q.p.I.15, л. 31

Fig. 10. RNL. Q.p.I.15, f. 31

Через двадцать с лишним листов, на л. 55, вновь столкнувшись с некоей несообразностью, писец уже не удовлетворился констатацией «кривизны», а исправил ее, о чем и поведал в нижнем правом углу страницы:

крѣвъ бѣлъ | стихъ съ · а ꙗ | исправихъ (илл. 11)
‘Крив был стих этот, а я исправил’.

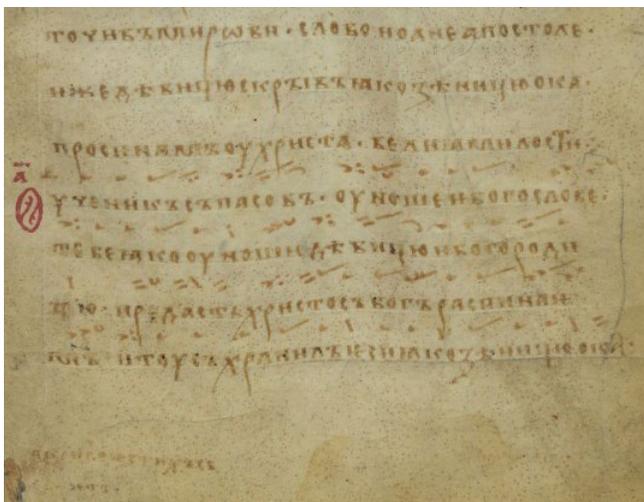

Илл. 11. РНБ. Q.p.I.15, л. 55

Fig. 11. RNL. Q.p.I.15, f. 55

Тексты стихир, помещенных на л. 31 и 55, не содержат никакой правки, так что у нас нет оснований приписать критические заметки редактору. Но поскольку эти тексты ничем принципиально не отличаются от представленных в других ранних списках Стихира (см.: СМС. С. 100–103, 176–179, 164–167, 172–173), мы равным образом не можем предполагать, что замечание писца Q.p.I.15 на л. 31 и исправление на л. 55 касались форм, лексем или тем более содержания песнопений (как в ГБ XI). Два чтения на л. 54 об., соответствующие – в отличие от дру-

гих списков – греческому²²: **ицѣлениа** (= τὰς ἰάσεις) vs. **-ник** и **соупроуга** (= ξυνωρίς, имен. пад.) vs. **-го**, – безусловно, не могли быть введены в текст писцом нашей рукописи с сознанием неправильности («кривизны») альтернативного варианта, т.к. у него не было *tertium comparationis* – византийского оригинала, а сколько-нибудь ощутимая содержательная разница между «подаете болящим исцеление» / «исцеления» и между номинативом *resp.* вокативом «светозарная двоица» не просматривается. С другой стороны, номинатив **Оученикъ** (л. 31) вместо зват. формы **Оучениче** (= Μαθητά) в других списках (СМС. С. 100) – конечно, ошибка бытования текста, но всё же едва ли именно ее писец удостоил столь резкой оценки, говоря о целом «кривом стихе». Наконец, сравнение невм над нотированными стихирами на л. 31 в Q.p.I.15 и на л. 23 в рукописи БАН. 34.7.6 (SPP. P. 23r) не позволило – в меру нашей некомпетентности – установить какие-либо различия и отнести упрек в некорректности к нотным знакам. Остается заключить, что «кривизна», исторгшая из писца покаянное восклицание «Позор!», – это кривизна в буквальном смысле слова: последняя строка на л. 31 существенно нарушает линию правого поля (см. илл. 12). Правда, и до, и после этого подобные прегрешения против эстетики оформления в кодексе нередки – как, впрочем, и в других гимнографических рукописях. Видимо, одно из таких нарушений в своем антиграфе писец и исправил на л. 55, не удержавшись от того, чтобы отметить это достижение.

Илл. 12. РНБ. Q.n.I.15, л. 31

Fig. 12. RNL. Q.p.I.15, f. 31

²² Но, к сожалению, не оговоренные в издании (СМС. С. 177).

Несмотря на краткость, оба комментария содержат весьма ценный материал по истории языка. В записи на л. 31 обращает на себя внимание параллельное использование книжного существительного **стихъ** с обычным окончанием **-ъ** и формы именного прилагательного м.р. **криво** с заменой **ъ** на **о**, свойственной т.н. «бытовому письму»²³, а также употребление древней формы 3 л. ед.ч. наст.вр. глагола **бъгти** – **къ** (см.: Жолобов 2016). В лексическом плане важна древнейшая фиксация существительного **охритъ**, до сих пор наблюдавшегося только в списках Жития Андрея Юродивого (с конца XIV в., см.: Молдован 2000. С. 95). Запись на л. 55 демонстрирует сосуществование бессвязочного перфекта **бълъ** и яркой народно-разговорной формы личного местоимения **га** с аористом **истъправихъ** (NB неорганический редуцированный в приставке) – что ставит под сомнение расхожий постулат о чуждости аориста живой раннедревнерусской речи.

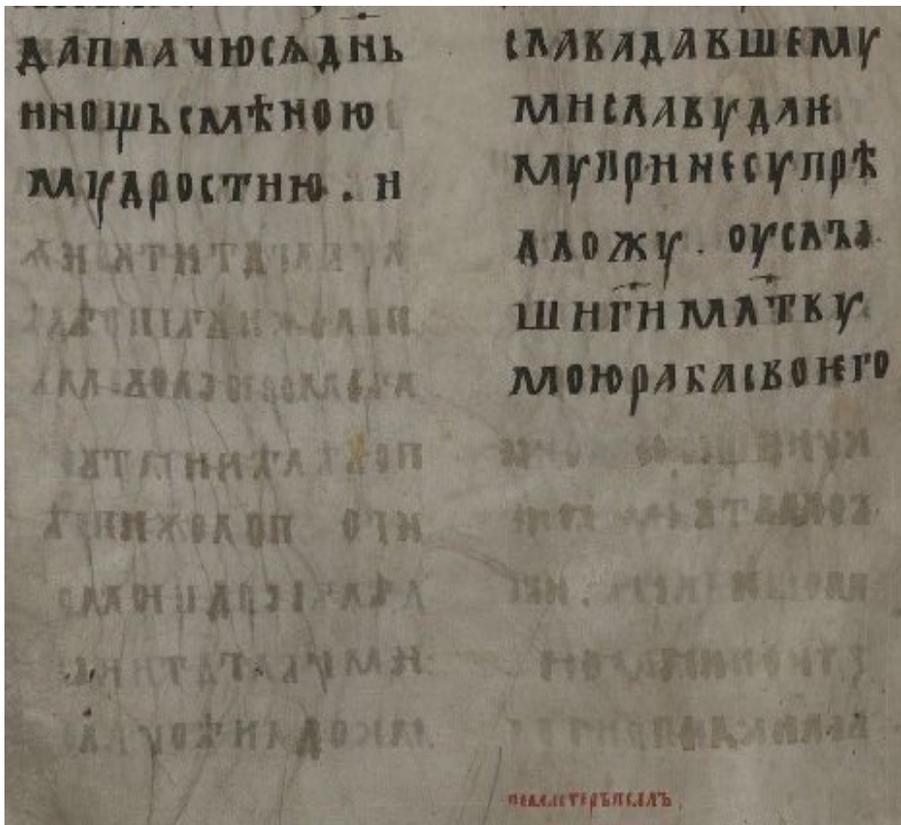
IV. Последняя приписка, о которой хотелось бы напомнить в этой статье, представлена в обширной рукописи Паренесиса Ефрема Сирина 1269–1289 гг.²⁴ (РНБ. Погод. 71а), «особенно любопытной, – по словам И.И. Срезневского, – в палеографическом и филологическом отношении» (Срезневский 1867. С. 37). Страницы кодекса, по всей видимости, буквально пестрели различными экстратекстами – к сожалению, безвозвратно утраченными из-за того, что бдительные пользователи рукописи не только стирали эти посторонние заметки, но и обрезали нижние края страниц, где, скорее всего, были написаны неподобающие строки: всего мы насчитали в кодексе более десятка затертых записей²⁵ и 62 обрезанных листа. Однако приписка, о которой идет речь, сохранилась полностью и прекрасно видна; более того, ее процитировал И.И. Срезневский (Там же. С. 47) и воспроизвели (латиницей) Г. Бойковски и Р. Айцетмюллер (Paraenesis 1987. S. 125); и тем не менее она не упомянута ни в одном из новейших описаний Паренесиса – ни в каталоге Погодинского собрания, ни в Сводном каталоге. Пришло время вернуть ее в корпус древнерусских экстратекстов:

²³ Едва ли можно интерпретировать **криво** как субстантивированную форму сред. рода, обычную для предложений с обобщающей семантикой типа *Правда хорошо, а счастье лучше* (см.: ИГ. С. 425).

²⁴ Эта датировка, предложенная в Сводном каталоге (СК XIV. С. 644), отражает годы правления воспетого в выходной записи вольнского князя Владимира Васильковича. Дата «1280 г.», приведенная в каталоге рукописей Погодинского собрания (РКСП I. С. 60–61) и повторенная на сайте РНБ (URL: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=937E55F0-2BA5-463C-861B-1F534235F9B3>, дата обращения 19.09.2023), основывается на неверном прочтении (как «ПИ-го» – «вероятно, 6788») слова **многага: м[ногага] | лѣта князю володимѣрѹ | и книгини волзѣ · и строителю книгамъ снмъ** (л. 329г); см. РКСП II. С. 5).

²⁵ Некоторые из них нам удалось полностью либо частично прочитать (Крысько 2021. С. 9).

НЕ МАСТЕРЪ ПСАЛЪ (л. 189 об., илл. 13) ‘не мастер писал’.

Илл. 13. РНБ. Погод. 71а, л. 189 об.

Fig. 13. RNL. Pogod. 71a, f. 189v

Недвусмысленное по своей критичности замечание, написанное «современною рукою» (по оценке Срезневского) и при этом киноварью, продиктовано, по-видимому, тем обстоятельством, что на л. 189 об. оставлено множество незаполненных строк там, где ярко просвечивает текст с лицевой стороны; неодобрение читателя вызвало, может быть, и изобилие описок²⁶ – только на данной странице писец пропустил слог в **смѣ**<рѣ>**ною** и союз между **принесу** и **прѣдложу** и вставил неуместное **ѳ** в **любъвею** (ср. корректные написания в списке РГБ. Тр. 7, ок. сер. XIV в.,

²⁶ И.И. Срезневский охарактеризовал рукопись РНБ как «самый худший» из списков Паренеси-са: «писцы, его писавшие, очень часто искажали текст недописками, пропусками букв и целых слов, разделением частей слов посредством точек и т.п. и делали это, очевидно, от невнимательности» (Срезневский 1867. С. 80).

л. 112²⁷). Краткая констатация одного из первых читателей Паренесиса на столетие удревяет историю слова **мастеръ** в значении ‘специалист, достигший высокого мастерства’ (ср.: СДРЯ. Т. 4. С. 510).

Таким образом, переписывание рукописей и «почитание книжное» далеко не всегда были механическими процессами – равнодушным копированием и начетническим повторением: приписки писцов, редакторов и читателей отражают лингвистическую рефлексию и эстетические запросы древнерусских книжников и клириков и в то же время существенно обогащают наши знания об истории языка.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Будилович А. XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1875. [*Budilovich A.* XIII slov Grigoriya Bogoslova v drevneslavyanskom perevode po rukopisi Imperatorskoy Publichnoy biblioteki (XIII words of Gregory the Theologian in the Old Slavic translation from the manuscript of the Imperial Public Library). St-Petersburg, 1875.]

Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. II // *Этимология*, 1972. М., 1974. С. 42–59. [*Varbot Zh.Zh.* K rekonstruktsii i etimologii nekotorykh praslavyanskikh glagol'nykh osnov i otglagol'nykh imen (On the Reconstruction and Etymology of some Proto-Slavic Verbal Stems and Deverbal Names). II // *Etimologiya*, 1972. Moscow, 1974. P. 42–59.]

Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. [*Vasil'yev V.L.* Slavyanskiye toponimicheskiye drevnosti Novgorodskoy zemli. (Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land). Moscow, 2012.]

Гольшченко В.С. Мягкость согласных в языке восточных славян XI–XII вв. М., 1987. [*Golyshenko V.S.* Myagkost' soglasnykh v yazyke vostochnykh slavyan XI–XII vv. (The Softness of Consonants in the Language of the Eastern Slavs of the 11th–12th Centuries). Moscow, 1987.]

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1955. [*Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language). Т. 1–4. Moscow, 1955.]

Еселевич И.Э. Из палеографических наблюдений над записями и приписками на древнерусских пергаментных рукописях // *Учен. зап. Горьк. гос. ун-та.*

²⁷ URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=88512667 (электронное издание подготовлено О.Ф. Жолобовым [Казанский (Приволжский) федеральный университет]; дата обращения 20.09.2023).

1964. Вып. 68. С. 231–251. [*Eselevich I.E.* Iz paleograficheskikh nablyudeniĭ nad zapisyami i pripiskami na drevnerusskikh pergamentnykh rukopisyakh (From Paleographic Observations on Records and Postscripts on Old Russian Parchment Manuscripts) // *Uchenyye zapiski Gor'kovskogo gosudarstvennogo universiteta.* 1964. Выр. 68. S. 231–251.]

Жолобов О.Ф. Заметки о словоформе *e* ‘ест’ в древнерусской и старославянской письменности // *Slověne.* 2016. Т. 5, № 1. С. 114–125. [*Zholobov O.F.* Zametki o slovoforme *e* ‘est’ v drevnerusskoy i staroslavianskoy pis'mennosti (Notes on the Word Form *e* ‘is’ in Old Russian and Old Slavic Writing) // *Slověne.* 2016. Т. 5, No 1. S. 114–125.]

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. [*Zaliznyak A.A.* Drevnenovgorodskiy dialekt (The Old Novgorod Dialect). Moscow, 2004.]

Зализняк А.А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014. [*Zaliznyak A.A.* Drevnerusskoye udareniye: Obshchiye svedeniya i slovar' (Old Russian Accent: General Information and Dictionary). Moscow, 2014.]

Златанова Р. Книга на Дванадесетте пророци с тълкования. София, 1998. [*Zlatanova R.* Kniga na Dvanadesette prorotsi s t'lkovaniya (Book of the Twelve Prophets with Commentaries). Sofia, 1998.]

Калугин В.В. Отношение к книге в Древней Руси: (По материалам псковских записей XIV в.) // *Записки Отдела рукописей.* 1995. Вып. 50. С. 104–122. [*Kalugin V.V.* Otnosheniye k knige v Drevney Rusi: (Po materialam pskovskikh zapisey XIV v.) (Attitude to the Book in Ancient Russia: (Based on the Materials of the Pskov Records of the 14th Century)) // *Zapiski Otdela rukopisey.* 1995. Выр. 50. S. 104–122.]

Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Ч. 1–2. М., 1988. [*Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig XI–XIV vv., khraryashchikhsya v TsGADA SSSR* (Catalog of Slavonic-Russian Handwritten Books of the 11th–14th Centuries, stored in the TsGADA of the USSR). Ch. 1–2. Moscow, 1988.]

Крысько В.Б. Mutando mutanda: Заметки об аномалиях // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2021. № 5. С. 5–20. [*Krysko V.B.* Mutando mutanda: Zametki ob anomal'yakh (Mutando mutanda: Notes on Anomalies) // *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 2021. № 5. S. 5–20.]

Крысько В.Б., Ладыженский И.М., Мольков Г.А. От Моравии до Пскова: текст и экстратексты Софийской триодии // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 2022. № 3. С. 74–92. [*Krysko V.B., Ladyzhenskiy I.M., Mol'kov G.A.* Ot Moravii do Pskova: tekst i ekstrateksty Sofiyskoy triodii (From Moravia to Pskov: Text and Extratexts of the St Sophia Triodion) // *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka.* 2022. № 3. S. 74–92.]

- Куприянов И.* Обзорение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857. [*Kupriyanov I.* Obozreniye pergamennykh rukopisey Novgorodskoy Sofiyskoy biblioteki (Review of Parchment Manuscripts of the Novgorod St Sophia Library). St-Petersburg, 1857.]
- Михеев С.М.* Минеи двух Домок: Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // *Slověne*. 2019. Т. 8, № 2. С. 7–56. [*Mikheyev S.M.* Minei dvukh Domok: Eshche raz o pistsakh sluzhebnykh miney iz novgorodskogo Lazareva monastyrya (The Menaia of Two Domkas. Once More on the Scribes of the Menaia from the Novgorod Convent of St Lazarus) // *Slověne*. 2019. Т. 8, № 2. S. 7–56.]
- Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. [*Moldovan A.M.* Zhitie Andreyu Yurodivogo v slavyanskoj pis'mennosti (The Life of Andrew the Fool in Slavic Writing). Moscow, 2000.]
- Розов Н.Н.* Книга Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1977. [*Rozov N.N.* Kniga Drevney Rusi. XI–XIV vv. (The Book of Ancient Russia. 11th–14th Centuries). Moscow, 1977.]
- Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография. СПб., 1908. [*Sobolevskiy A.I.* Slavyano-russkaya paleografiya (Slavic-Russian Paleography). St-Petersburg, 1908.]
- Срезневский И.И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. I–XL. СПб., 1867. [*Sreznevskiy I.I.* Svedeniya i zametki o maloizvestnykh i neizvestnykh pamyatnikakh (Information and Notes about Little-Known and Unknown Monuments). I–XL. St-Petersburg, 1867.]
- Столярова Л.В.* Древнерусские надписи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998. [*Stolyarova L.V.* Drevnerusskiye nadpisi XI–XIV vekov na pergamennykh kodeksakh (Old Russian Inscriptions of the 11th–14th Centuries on Parchment Codices). Moscow, 1998.]
- Столярова Л.В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. [*Stolyarova L.V.* Svod zapisey pistorov, khudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI–XIV vekov (A Set of Records of Scribes, Artists and Bookbinders of Old Russian Parchment Codices of the 11th–14th Centuries). Moscow, 2000.]
- Фалев И.А.* Заметки о «13 словах Григория Назианзина», рукописи XI в. // Сб. ОРЯС АН СССР. 1928. Т. CI, № 3. С. 245–249. [*Falev I.A.* Zametki o «13 slovakh Grigoriya Nazianzina», rukopisi XI v. (Notes on the “13 Words of Gregory Nazianzen”, a Manuscript of the 11th Century) // *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk SSSR*. 1928. Т. CI, № 3. S. 245–249.]
- Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 11. М., 1984. [Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov:

Praslavyanskiy leksicheskiy fond (Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Lexical Fund). Вып. 11. Moscow, 1984.]

Ягич И.В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886. [*Yagich I.V.* Sluzhebnyye minei za sentyabr', oktyabr' i noyabr'. V tserkovnoslavyanskom perevode po russkim rukopisyam 1095–1097 g. (Service Menaia for September, October and November. In the Church Slavonic Translation from the Russian Manuscripts of 1095–1097). St-Petersburg, 1886.]

Paraenesis: Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers / Hrsg. von G. Bojkovsky, R. Aitzetmüller. Bd. 3. Freiburg-i.-Br., 1987.

Vadim B. Krysko

‘HAVING CORRECTED, READ’: NOTES ON THE COMMENTS OF SCRIBES, EDITORS AND READERS IN THE PAGES OF OLD RUS MANUSCRIPTS

The author analyzes inscriptions by scribes, editors, and readers in the pages of four Old Rus manuscripts of the 11th–13th centuries in which mistakes (by themselves or by other scribes) are commented (RGADA. Typ. 91; RNB, Q.п.I.16; RNB, Q.п.I.15; RNB, Pogod. 71a). The extra-texts analyzed demonstrate that the copying and the usage of books not always were mechanic processes. On the contrary, inscriptions demonstrate linguistic and aesthetic reflection and significantly contribute to our knowledge of the history of the language.

Keywords: Old Rus manuscripts, records and codicils, Old Rus language, first fixations of lexemes

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-41-61

В.М. Гуминский

ВРЕМЯ В «ХОЖЕНИИ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА

В статье рассматривается категория времени в «Хожении» игумена Даниила в контексте развития русской литературы путешествий и средневековых представлений о времени и пространстве. Формирование этих представлений во многом определялось особенностями мировосприятия древнерусского человека, исходящими из православного бинарного понимания структуры мироздания, в частности потустороннего мира (рай-ад), что, в свою очередь, влияло на оценку земного географического пространства. Земли делились на праведные и грешные, достойные описания или нет и т.д. Отсюда исключительность направления развития древнерусской литературы путешествий, в которой (до XV в.) описывался только паломнический маршрут в Святую Землю и Царьград, с чем было неразрывно связано своеобразие художественного мира древнерусских хождений (хождений): у Даниила, например, ничего не говорится о пути из Руси до Царьграда (откуда игумен отправился в Святую Землю), о возвращении на родину, не указывается расстояние от Руси до Иерусалима и пр. Этим древнерусская литература путешествий (собственно, паломническая литература) отличалась от западноевропейской, где к XV в. существовала разнообразная по своим маршрутам (Персия, Монголия, Китай и др.) литература путешествий, включающая древнюю (с IV в.) паломническую традицию, представленную в основном произведениями, приближающимися по своему типу к путеводителям. Подобное отношение к миру (десакрализацию) принято объяснять «постепенным расширением нейтрального пространства земной жизни», связанным с распространением в католичестве учения о чистилище. Время в «Хожении» Даниила многомерно: ход повествования определяется настоящим временем путешествия и реальностью фигуры автора-паломника. «Недостойный игумень Данил Руския земля» выступает в произведении достоверным свидетелем присутствия Бога на земле, на что ему указывают многочисленные реликвии, подтверждающие неразрывность связи человека со Священной историей и с вечностью. Эту связь всякий христианин («верный человек») поддерживает через молитвенное общение и участие в литургическом богослужении.

Ключевые слова: литература путешествий, средневековая география, паломничества в Святую Землю, игумен Даниил, время и пространство, жанр хождения, литургия

А.В. Назаренко всегда подчеркивал самостоятельность древнерусских авторов при «создании такого оригинального и важного для паломников литературного жанра, как «хождение» в Святую Землю» (Назаренко 2009. С. 295). Развивать сегодня аргументацию в пользу этого суждения нет необходимости, но напомнить о своеобразии ранних (до XV в.) древнерусских хождений (хождений), вероятно, следует (Назаренко, Гуминский 1997; Гуминский 2017).

Прежде всего речь идет об их маршруте. При явно интенсивной жизни древнерусских людей в географическом пространстве (купцы ездили и к «поганым купли ради», «княжии люди» посылались в любую из «окольных» земель и т.п.), казалось бы, следовало ожидать и возникновения разнообразной по своим маршрутам литературы путешествий, подобной той, что уже существовала на Западе и Востоке, начиная с античных периплов и т.д. вплоть до «Миллиона» Марко Поло (1298), «Путешествия сэра Джона Мандевиля» Жана де Бургоня (1356) и др. (Гуминский 1987. С. 151–161).

Однако в русской литературе путешествий до XV в. описывался только один маршрут – паломнический – в Святую Землю и Царьград. Объяснение такого исключительного развития древнерусской литературы путешествий принято связывать с особенностями мировосприятия средневекового человека, в частности с его представлениями о географическом пространстве, которые не отделялись от этических и морально-религиозных. Иначе говоря, древнерусская география была насквозь аксиологична так же, впрочем, как и весь комплекс мировоззренческих представлений Средневековья, столь плодотворно изучаемый современной медиэвистикой. Земли делились на праведные и грешные, достойные описания или нет и т.д. Земля противопоставлялась небу, как место временного пребывания человека в тленном, греховном мире идеалу вечной жизни. Однако и земное, географическое пространство оказывалось тесно связанным с этим идеальным миром, поэтому и оно воспринималось неодинаково и оценивалось по-разному.

Именно известная стабильность такой системы «земных представлений», развившейся на основе православного бинарного понимания структуры мироздания, в частности потустороннего мира (рай–ад), обусловила не только своеобразную судьбу жанра путешествий в древнерусской литературе, но и соответствующую организацию художественного мира хождений. Католичество, в свою очередь, с его постепенным «расширением нейтрального пространства земной жизни», обычно связываемым (например, Ж. ле Гоффом и его школой: Le Goff 1981) с распространением учения о чистилище (особенно с эпохи папы Григория Великого – окончательно принято как догмат Флорентийским собором 1439 г. и под-

тверждено Тридентским собором), идеологически обеспечивало гораздо большую свободу выбора маршрутов для описания в западноевропейской литературе путешествий.

«Католическое мировоззрение в его господствующей форме, – считал С.С. Аверинцев, – делит бытие не надвое – «свет» и «тьма», – а натрое: между небесной областью сверхъестественного и inferнальной областью противоестественного до конца зона живет по своим законам, хотя и под властью Бога, область *естественного*. До конца времен земля – еще не Рай и еще не Ад» (Аверинцев 1996. С. 325). Существенное уточнение, касающееся временного измерения, принадлежит А.Я. Гуревичу. «В отличие от рая и ада чистилище соотнесено не с вечностью, – писал он, – а со временем, – оно прекратит свое существование к моменту Второго пришествия. Поэтому “изобретение” чистилища мощно актуализировало загробный мир, который “прикреплялся” к современности» (Гуревич 1989. С. 132).

Первый русский паломник, оставивший рассказ о посещении Святой Земли в начале XII в., – игумен Даниил является очевидцем, *de visu* убедившимся в существовании вещественных знаков, знамений, подтверждающих присутствие на земле иного мира (в этом смысле, конечно, особое значение имеет глава «О свѣтъ небеснѣм: како сходит ко Гробу Господню»). Отсюда столь необычное для древнерусской литературы подчеркивание авторства хождений, ведь они представляют собой еще и свидетельские показания. М. Гардзанити справедливо указал на неслучайность появления в тексте «Хожения» игумена Даниила, в особенности в прологе и в заключении, отрывков из послания апостола Иоанна (1 Ин. 1, 1) или Апокалипсиса (Откр. 1, 1) как важнейших текстов теологии «свидетельствования» (Гардзанити 2007. С. 277).

То, что русский игумен воображал «мыслию своею» еще на родине, он смог увидеть «очима своима грѣшныма»: святой уголок грешной земли, где «Христос Богъ нашъ походи своима ногама и велика чюдеса показа» (С. 14)¹. Это был как будто тот же, но в чем-то совсем другой мир со своим временем и пространством, что и попытался представить русский игумен в «Хожении». В нем, например, ничего не говорится о пути из Руси до Царьграда (откуда игумен отправился в Святую Землю), о возвращении на родину, нет сведений о расстоянии от Руси до Иерусалима, отсутствуют какие-либо даты и т.д. В западноевропейской паломнической литературе (за немногими исключениями) доминировал другой, скорее, практический подход. Взять хотя бы древнейший из ее памятников – путеводитель «Бордоский путник» 333 г. В нем перечисляются все путевые станции и указывается расстояние между ними по дороге от Бурдигалы (совр. Бордо) до Кесарии Палестинской и обратно

¹ Здесь и далее в тексте указываются только страницы по изд.: Хожение 2007.

до Милана. То же в принципе можно сказать о греческих проскинитариях или о паломническом дневнике современника Даниила – Зевульфа.

У Даниила присутствует прежде всего линейное, «естественное» время, подчиняющееся земным законам старения, порчи, разрушения – словом, тем или иным историческим изменениям. Эти изменения обозначаются вполне традиционной временной формулой, которая может и подразумеваться: прежде («есть была», «прьво» и т.п.) и теперь («ныне», «доныне», «до днешнего дне» и т.п.). «И ту есть была на мѣстѣ том церкви создана клѣтски велика велми, ныне же мала церквица» (С. 36); «Хеврон же гора есть велика, и град был на горѣ той велик и твердъ велми, и здания его суть ветхаа силно. Множество людей сѣдѣло прьво на горе той, и нынѣ же есть пусто» (С. 74) и т.п. Все понятно: ход времени неуловим и теперь на месте прежней огромной базилики стоит маленькая церковка, а на горе Хеврон обветшали и были покинуты жителями здания когда-то крепкого города.

Сюда же примыкают свидетельства об исторических, как правило, весьма отдаленных во времени изменениях в топографии Святой Земли: «А нынѣ Сионъ гора внѣ стѣны градныя есть, на югъ лицъ от Иерусалима Сионъ» (С. 62); «Да то ся зоветь нынѣ Вифлеем, кдѣ то есть нынѣ Рождество Христово и градок-от, а ветхий Вифлеем кромѣ того мѣста был напреди, не дошедше Рождества Христово» (С. 68).

Той же «области естественного», исторического, но уже приближенного к современности принадлежат многочисленные свидетельства о разрушительных результатах военных действий и агрессии мусульман: «И есть на мѣсте том был монастырь женьский, и нынѣ же разорено есть от поганыхъ» (С. 42); «...над тою пещерою создана была церкви добра во имя свягаго Иосифа, и ту былъ монастырь добръ. Нынѣ же разорено есть от поганыхъ мѣсто то» (С. 70).

Впрочем, при крестоносцах возводятся новые обитатели и обустраиваются опустевшие святые места: «И ту есть гробъ свягаго Иоанна Предтеча, и есть на мѣстѣ том церковь создана добра во имя Предтеча Иоанна. И есть нынѣ ту монастырь фряжьский богатъ зѣло» (С. 96); «То было мѣсто святое опустѣло прьвѣе, нынѣ же фрязи обновили мѣсто то суть и устроили добръ» (С. 116). Русский игумен рассказывает и о разрушениях, учиненных крестоносцами на Святой Земле: «И есть Капернаумъ был град велик велми, и людей множество в немъ было, нынѣ же есть пусть град-от <...> И о том Капернаумѣ глаголет пророкъ: “О, горе тебѣ, Капернаумѣ! Възнеслся еси до небесъ, и до ада снидеши”. Ис того бо града изити хотяшеть антихрист. Да того ради нынѣ фрязи отпустили суть весь град-от Капернаумъ» (С. 88)².

² Даниил цитирует слова Иисуса Христа, относящиеся к Капернауму Тивериадскому (Мф. 11, 23; Лк. 10, 15), но не к одноименному городу на побережье Средиземного моря, опустошенному крестоносцами.

Не исключено, что уничтожение Капернаума крестоносцами было напрямую связано с эсхатологическими ожиданиями, распространившимися на Западе после побед крестоносцев и освобождения Иерусалима от «язычников». Такие ожидания опирались на буквальное истолкование евангельского текста от Луки (21, 24–27), в частности, слов о том, что Иерусалим будет «попираемъ» язычниками, «дондеже скончаются» их времена. Это объявлялось знамением Второго пришествия, которое воспринималось как событие ближайшего будущего (см.: AlphanDéry, Dupront 1995. P. 34–42; Rubenstein 2011. P. 24–28).

Рассказывая о церкви Воскресения Господня, Даниил обратил внимание на одну из мозаик Ротонды: «Въ олтари же велицѣм написано естъ Адамово воздвижение мусиею...» (С. 26). Речь идет об изображении «Сошествия во ад», когда Христос за руки «воздвигает», иначе говоря, выводит из преисподней Адама и Еву. Эта алтарная мозаика (Анастасис) была создана при восстановлении храма Гроба Господня Константином IX Мономахом и бережно сохранялась крестоносцами. При перестройке здания в середине XII в. она была перенесена в новую алтарную апсиду (Bulst-Thiele 1979. P. 451; Borg 1981)³. Знаменитая мозаика повлияла на многочисленные изображения (фрески, миниатюры и пр.) сюжета «Сошествия во ад» в средневековом искусстве, а само его распространение некоторые искусствоведы (Р. Краутхаймер, Р. Остерхаут и др.) также связывают с эсхатологическими ожиданиями рубежа XI–XII вв. Словом, этот комплекс свидетельств приводится в большей или меньшей степени под знаком ожидания свершения провиденциальных судеб человечества.

Достоверность свидетельствования усиливается за счет эффекта личного присутствия и даже своего рода физической причастности паломника к Священной истории: «Ис тоя пещеры исходит источник, и естъ ту купѣль чюдна, сама уродилася и яко создана от Бога. В той купѣли самъ Христос купался съ ученики своими. И естъ знати до днешняго дне мѣсто то, идеже Христос сѣдѣл на камени. Ту купахомся и мы грѣшнии недостойнии...» (С. 96–98); «Тивириадское естъ море обиходичаво яко озеро <...> Рыбы же в нем много зѣло, и ту естъ рыба едина, дивна и чюдна зѣло, и ту рыбу Христос любил ясти; и естъ сладка в ядь рыба та паче всякоя рыбы, образом же естъ яко коропичь (карп. – В. Г.). И яхъ сам рыбу ту многожды...» (С. 100). Так вполне «естественное» свидетельство становится свидетельством сверхъестественного, когда речь заходит о сакральном локусе (впрочем, не о каждом). Здесь уже время бессильно, святыня сохраняется в историческом времени, пренебрегая

³ А. Борг приводит в разной степени подробные описания этого произведения византийского искусства у западных паломников: Иоанна Вюрцбургского (ок. 1165 г.), Теодориха (ок. 1172 г.) и Франческо Кварезмия (1625 г.) (Borg 1981. P. 262).

законами уничтожения и тления: «И та врата зовуться Красная, идеже Петръ и Иоаннъ исцѣлиста хромца оного; и есть мѣсто то у врат тѣхъ и донынѣ» (С. 40); «И ту есть дом Затхѣвъ, и пень древа того и донынѣ стоитъ, на нь же бяше възлѣзль, хотя видѣти Христа» (С. 54). Особое сакральное пространство Святой Земли у Даниила опирается на тексты из Священного Писания и апокрифической, агиографической и прочей литературы, как бы топографически комментирует его, подкрепляет «вещественно». Это слово в данном контексте более чем уместно, ибо именно так терминологически в святоотеческой литературе нередко называются чудотворящие объекты. Все пространство в хождении Даниила как бы разворачивается от реликвий, которые напоминают о событиях Ветхого и Нового Заветов и отсылают к ним, так же как и последующая история, в том числе история христианских подвигов (нетленные мощи святых и т.д.), демонстрирующая преемственность сакральной традиции. Увиденное во время странствия реальное географическое пространство становится для Даниила особой средой, в которой в зависимости от значимости ветхозаветных и новозаветных святынь в той или иной степени нарушается обычный миропорядок. Ветхозаветные события, о которых рассказывает Даниил, как правило, имеют прообразовательное значение (см., например, начало главки «О жертвеницѣ Аврамовѣ» или главку «О купѣли»), а некоторые герои Ветхого Завета могут иногда даже прямо «войти» в современную христианскую жизнь, впрочем, в соответствии со Священным Писанием и с деталями, заимствованными из апокрифов⁴. Так, «царь Салима» (территория, традиционно отождествляющаяся с Иерусалимом), «священник Бога Всевышнего» (Быт. 14, 18–19) Мелхиседек «и нынѣ приходитъ» в свою пещеру на Фаворской горе, «часто и литургисает в пещерѣ той святѣй» (С. 112). Об этом Даниилу поведали «вси вѣрнии, иже ту живут, в горѣ той святѣй». В своем рассказе «вѣрнии», безусловно, исходили из слов апостола Павла о Мелхиседеке, который не имеет «ни начала дней, ни конца жизни» и, «уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда» (Евр. 7, 3).

Таким образом, свидетельства Даниила оказываются многомерными и подвижными: отталкиваясь от настоящего времени паломничества, они то и дело погружаются в прошлое, иногда в будущее, а порой вполне могут заглянуть в вечность и вернуться назад.

Но, конечно, «литературная ткань» средневековых хождений состоит не только из «каталога реликвий» (K.D. Seeman) или «из подробного перечня увиденных реликвий, соответствующих рассказов о происходив-

⁴ Большинство этих деталей (Авраам «остриже» и «обреза ногти» Мелхиседека, ибо тот был «космат» и др.) заимствованы Даниилом из так называемого «Слова свт. Афанасия Великого, архиепископа Александрийского о Мелхиседеке». См.: Порфирьев 1877. С. 131–135. Здесь же опубликованы и другие апокрифы о Мелхиседеке.

ших там чудотворениях, посвященных им исторических и легендарных историй» (И.А. Шалина), хотя они и составляют ее основу. Очевидна связь паломнической литературы с богослужебной церковной практикой – литургией. Святая Земля, Иерусалим, так же как и другие святые места (Египет, Синай и др.), изначально неотделимы от литургии, составляют с ней органическое единство, которое укреплялось и утверждалось в эпоху Константина Великого строительством на Святой Земле базилик (Вознесения Христова, Гроба Господня с храмом Воскресения и др.), освящавшихся во имя тех или иных христианских праздников. Тем самым упоминание событий земной жизни Спасителя как бы «удваивалось», по выражению современного исследователя (Flusin 2000).

По мнению А.О. Архипова, «понимание литургии, и в особенности храма, его отдельных частей, во многом определялось практикой поклонения святым местам, так как различные части храма считались изображением иерусалимских святынь» (Архипов 1982. С. 106). Эту точку зрения применительно к «Хожению» уточнил М. Гардзанини, когда указал, что повествование игумена Даниила «отражает палестинскую литургическую традицию с некоторыми существенными изменениями, происшедшими после завоевания Палестины крестоносцами» (Гардзанини 2007. С. 312).

Несколько дальше в своих решительных обобщениях идет Л.В. Левшун. Она считает, что паломниками Святая Земля «мыслилась алтарем единого храма (сотворенного Богом мира), в котором постоянно совершалась литургия <...> Поэтому хождение, если говорить об идее жанра, отнюдь не путешествие: ведь невозможно считать путешествием перемещение служителя в алтаре во время священнодействия» (Левшун 2001. С. 192). Нечто похожее писал и Н.С. Трубецкой (не вторгаясь, впрочем, в алтарь), по мнению которого «паломник предстал перед внешним миром как перед иконой, “иконизировал” его внутри себя». Этим, в частности, мыслитель объяснял жанровое своеобразие организации художественного пространства хождений. Ведь паломник «отмечал лишь то, что через сверхчувственное зрение мог связать своими религиозными мыслями и представлениями о Царстве небесном; мимо всего остального он проходил, не замечая его и никак не реагируя. Страна его паломничества была для него большим храмом с бесчисленными яркими иконами» (Трубецкой. 1995. С. 580–581).

Не всякий путешественник является паломником, хотя всякий паломник – это путешественник. Собственно, каждый человек (в том числе и паломник) является странником в этом мире, а крайние вехи его жизненного пути (рождение – смерть) окружены вечностью, с которой он путем молитвенного общения связывает свое земное существование. Епископ

одного из капподакийских городов (в 212–250 гг. патриарх Иерусалимский) Александр в начале III в. совершил «путешествие в Иерусалим ради молитвы и истории тех мест». Эту формулу любил цитировать А.В. Назаренко, утверждая, что «паломник посещает святые места», в первую очередь, «ради сугубого молитвенного общения с Богом и его святыми, которому способствует непосредственное присутствие в местах их земной жизни» (Назаренко 2009. С. 293). Но анализ категории времени в «Хождении» игумена Даниила убеждает, что «естественное», историческое время «тех мест» также играет немалую роль в его произведении.

Однако вернемся к сравнению «страны паломничества» с украшенным иконами храмом. Это наблюдение вполне отвечает православной традиции. Логика, присутствующая в знаменитом определении заключительного ороса Седьмого Вселенского Собора («честь, воздаваемая образу, восходит к первообразу»), понимание иконы как «окна к первообразу» лежит и в основе благоговейного отношения игумена Даниила к святыням. Неслучайно современная богословская мысль не видит терминологической разницы между поклонением святым иконам и святым местам. Словом, молитвенная «вертикаль» органично, пусть и не всегда явно, присутствует в пространственной «горизонталь» паломничества.

Хождения, безусловно, теснейшим образом связаны с литургией, но не по жанровой форме, не по жанровой «идее» (не по составу «исполнителей»), они никогда не претендовали, да и не могли претендовать на роль священных текстов евхаристического богослужения, а само паломничество – на священнодействие. Это – средневековые литературные произведения, рассказывающие о святынях, но им не уподобляющиеся. Они открывают путь к «свидетельствам Бога на Земле», но молитвенный путь к Богу оставляют за литургией и за иконой, также как надежду на спасение – за нравственными устремлениями и поведением человека. Отсюда заявление Даниила, наследующее антипаломническим инвективам некоторых отцов Церкви: «Мнози бо, дома суще в мѣстѣх своих, добрии человекѣци, мыслию своею и милостынею убогих, добрыми своими дѣлы, достигаютъ мѣсть сих святых, иже болшую мзду приимуть отъ Бога Спаса нашего Иисуса Христа» (С. 16).

Цель паломничества, вслед за св. Григорием Нисским (IV в.), можно определить, как «созерцание знаков Божественного человеколюбия» или, теперь уже вслед за прп. Иоанном Дамаскиным (VIII в.), применявшим это определение к иконам, как приобщение к «вместилищам Божественной энергии» (Назаренко 2009. С. 293–294). Здесь преходящее и вечное, земное и небесное соединяются в жизни каждого человека и в судьбе всего человечества.

- Аверинцев С.С.* Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 319–322, 347–367. [*Averincev S.S.* Hristianskij aristotelizm kak vnutrennyaya forma zapadnoj tradicii i problemy sovremennoj Rossii (Christian Aristotelism as an Inner Form of the Western Tradition and the Problems of Contemporary Russia) // *Averincev S.S.* Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. Moscow, 1996. S. 319–322, 347–367.]
- Архипов А.О.* О происхождении древнерусских хождений // Труды по знаковым системам. Тарту, 1982. XV. Вып. 576. С. 103–109. [*Arhipov A.O.* O proiskhozhdenii drevnerusskih hozhdenij (On the Origins of the Old Russian Pilgrimage Literature) // *Trudy po znakovym sistemam.* Tartu, 1982. XV. Vyp. 576. S. 103–109.]
- Гардзанини М.* У истоков паломнической литературы Древней Руси // «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб., 2007. [*Gardzaniini M.* U istokov palomnicheskoi literatury Drevnej Rusi (At the Origins of the Pilgrimage Literature of Ancient Rus') // «Hozhenie» igumena Daniila v Svyatuyu Zemlyu v nachale XII v. St-Petersburg, 2007.]
- Гуминский В.М.* Открытие мира, или Путешествия и странники. М., 1987. [*Guminsky V.M.* Otkrytie mira, ili Puteshestviya i stranniki (The Discovery of the World, or Journeys and Wanderers). Moscow, 1987.]
- Гуминский В.М.* «Хождение» игумена Даниила и развитие паломнической литературы (время и пространство) // *Гуминский В.М.* Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М., 2017. С. 67–130. [*Guminsky V.M.* «Hozhenie» igumena Daniila i razvitie palomnicheskoi literatury (vremya i prostranstvo) (The Pilgrimage of Igumen Daniil and the Development of the Pilgrimage Literature (Time and Space)) // *Guminsky V.M.* Russkaya literatura puteshestvij v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste. Moscow, 2017. S. 67–130.]
- Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. [*Gurevich A.Ya.* Kul'tura i obshchestvo srednevekovoj Evropy glazami sovremennikov (Culture and Society of Medieval Europe in the Eyes of the Contemporaries). Moscow, 1989.]
- Левшун Л.В.* История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск, 2001. [*Levshun L.V.* Istoriya vostochnoslavyanskogo knizhnogo slova XI–XVII vv. (The History of the East-Slavic Literate Word. The 11th – 17th Centuries). Minsk, 2001.]

- Назаренко А.В.* У истоков русского паломничества (исторические, богословские, дисциплинарные и правовые аспекты) // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 284–297. [*Nazarenko A.V.* U istokov ruskogo palomnichestva (istoricheskie, bogoslovskie, disciplinarnye i pravovye aspekty) (At the Origins of the Russian Pilgrimages (Historical, Theological, Disciplinary, and Legal Aspects)) // *Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' i slavyane. Moscow, 2009. S. 284–297.]
- Назаренко А.В., Гуминский В.М.* Паломничество // ПЭ. М., 1997. Т. LIV. С. 338–358. [*Nazarenko A.V., Guminsky V.M.* Palomnichestvo (Pilgrimage) // *Pravoslavnaya enciklopediya.* Moscow, 1997. T. LIV. S. 338–358.]
- Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1877. [*Porfir'ev I.Ya.* Apokrificheskie skazaniya o vethozavetnyh lichah i sobyitiyah po rukopisyam Soloveckoj biblioteki (Apostrophal Narratives on the Old Testament Personages and Events after the Manuscripts of the Solovki Library). St-Petersburg, 1877.]
- Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995. [*Trubeckoj N.S.* Istoriya. Kultura. Yazyk (History. Culture, Language). Moscow, 1995.]
- «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2007. [«Hozhenie» igumena Daniila v Svyatuyu Zemlyu v nachale XII v. (The *Pilgrimage* of Igumen Daniil to the Holy Land in the Early 12th Century) / Otv. red. G.M. Prohorov. St-Petersburg, 2007.]
- Alphandéry P., Dupront A.* La Chrétienté et l'idée de Croisade. Paris, 1995.
- Borg A.* The Lost Apse Mosaic of the Holy Sepulchre, Jerusalem // *The Vanishing Past: Studies of Medieval Art, Liturgy and Metrology Presented to Christopher Hohler.* Oxford. 1981. P. 7–12.
- Bulst-Thiele M.L.* Die Mosaiken der Auferstehungskirche in Jerusalem // *Frühmittelalterliche Studien.* 1979. № 13. S. 442–471.
- Flusin B.* Remarques sur les lieux saints de Jérusalem à l'époque byzantine // *Lieux sacrés, lieux de culte, sanctuaries. Approches terminologiques, méthodologiques, historiques et monographiques.* Roma, 2000. P. 119–131.
- Le Goff J.* La naissance du Purgatoire. Paris, 1981.
- Rubenstein J.* Armies of Heaven. The First Crusade and the Quest for Apocalypse. N.Y., 2011.

TIME IN THE *PILGRIMAGE* OF HEGUMEN DANIIL

The article discusses the category of time in the *Pilgrimage* by hegumen Daniil in the context of the development of the Russian travel literature and the medieval perception of time and space. Their representation was largely determined by the peculiarities of the worldview of Old Russians deriving from the Orthodox binary notion of the universe structure, in particular the structure of the other world (heaven – hell) which, in its turn, influenced the assessment of the earthly geographical space. The Earth was divided into regions righteous and sinful, worthy or unworthy of description, etc. Hence, before the 15th century, the exclusive direction of the development of Old Russian travel literature was the description of only the Holy Land and Tsargrad. That defined the originality of the artistic world of Old Russian pilgrimages ('walks'): Daniil, for example, says nothing about the way from Rus' (from where the hegumen set off for the Holy Land) to Tsargrad, about his way back home, he does not specify the distance from Rus' to Jerusalem, etc. That is what distinguishes the Old Russian travelogues (in fact, pilgrimage literature) from the West European itineraries: by the 15th century the latter included descriptions of travels to different parts of the world (Persia, Mongolia, China, et al.), including an ancient (from the 4th century on) pilgrimage tradition, mainly represented by the works close to travel guides in their type. This attitude to the world (its desacralization) is usually explained by the 'gradual expansion of the neutral space of earthly life', associated with spreading the doctrine of purgatory in Catholicism. The concept of time in the *Pilgrimage* by Daniil is multidimensional: the narration is structured by the present time of the journey and the reality of the author-pilgrim personality. 'The unworthy hegumen Daniil of Rus' land' acts in his work as a reliable witness of God's presence on the Earth manifested to him by numerous relics confirming the inseparability of man's connection to Sacred History and to eternity. Every Christian ('faithful man') maintains this connection through prayer communion and participation in divine liturgy.

Keywords: travel literature, medieval geography, pilgrimages to the Holy Land, Hegumen Daniil, time and space, pilgrimage genre, liturgy

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-62-72

А.Ю. Карпов

О СТРУКТУРЕ И ОБЪЕМЕ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «СЛОВА НА ОБНОВЛЕНИЕ ДЕСЯТИННОЙ ЦЕРКВИ»

Древнерусский памятник, именуемый в литературе «Словом на обновление Десятинной церкви», а в самом тексте названный «Мучением святого священномученика епископа Климента», известен к настоящему времени не в своем цельном виде и к тому же не по какой-либо древней рукописи, но лишь по неполной копии XIX в. и публикации 1850 г. ее заключительной части. Ни сама рукопись, с которой была сделана копия (по оценке публикатора, М.А. Оболенского, XVI в.), ни даже заключительная, шестая тетрадь копии XIX в., содержащая, помимо изданного, еще небольшой фрагмент текста (восстанавливаемый лишь предположительно), до сих пор не обнаружены. Тем не менее памятник, особенно в последние десятилетия, привлекает к себе повышенное внимание исследователей. Особая заслуга в этом принадлежит А.В. Назаренко, посвятившему «Слову на обновление Десятинной церкви» обстоятельную, глубокую по содержанию и новаторскую по выводам монографию. Тем более важно определить первоначальный объем и структуру данного текста.

На основе анализа других древнерусских памятников, посвященных святому Клименту, папе Римскому, автор показывает, что дошедший до нас текст «Слова на обновление Десятинной церкви» представляет собой соединение двух самостоятельных сочинений, а именно – «Мучения святого Климента» (в так называемом «втором», или «русском», переводе) и пространной редакции «Чуда святого Климента об отрочати» (краткая редакция которого хорошо известна по рукописям XIV–XVII вв.).

Таким образом, по мнению автора, при дальнейших исследованиях «Слова на обновление Десятинной церкви» следует привлекать не весь текст этого сочинения, но лишь его вторую часть, вычленяемую путем исключения из дошедшего до нас текста искусственно присоединенного к нему «Мучения св. Климента».

Сам факт использования в «Чуде о отрочати» (или, точнее, в его распространенной, изначальной редакции – т.н. «Слове на обновление...») «первого» перевода «Мучения», по-видимому, надо рассматривать как свидетельство того, что «русского» перевода «Мучения св. Климента» к тому времени еще не существовало.

Ключевые слова: Древняя Русь, письменность, переводы, св. Климент Римский, «Слово на обновление Десятинной церкви», «Чудо св. Климента об отрочати»

Древнерусский памятник, именуемый в литературе «Словом на обновление Десятинной церкви», известен к настоящему времени не в своем цельном виде и к тому же не по какой-либо древней рукописи, но лишь по неполной копии XIX в. и публикации М.А. Оболенским ее заключительной части в журнале «Киевлянин» за 1850 г.¹ Ни сама рукопись, с которой была сделана копия (по оценке М.А. Оболенского, XVI в.), ни даже заключительная, шестая тетрадь копии XIX в. (очевидно, отосланная М.А. Оболенским издателю «Киевлянина» М.А. Максимовичу для публикации в журнале и содержащая, помимо изданного, еще небольшой фрагмент текста, восстанавливаемый лишь предположительно) до сих пор не обнаружены. Тем не менее памятник, особенно в последние десятилетия, привлекает к себе повышенное внимание исследователей. Особая заслуга в этом принадлежит Александру Васильевичу Назаренко, посвятившему «Слову на обновление...» обстоятельную, глубокую по содержанию и новаторскую по выводам монографию (Назаренко 2013).

Еще до обнаружения копии XIX в. было замечено, что заключительная, опубликованная часть «Слова на обновление...» весьма близка к другому древнерусскому памятнику – «Чуду св. Климента, папы Римского, о отрочати»², так что два этих сочинения вполне можно было бы рассматривать как две редакции одного памятника, имеющего несомненное домонгольское происхождение (Никольский 1917; Бегунов 1974). Выявление почти полного текста «Слова на обновление...» подтверждает это предположение: текст, близкий к «Чуду о отрочати», или почти совпадающий с ним, занимает основную, центральную часть «Слова...». Резко расходятся памятники лишь в концовке – русской похвале святому, – действительно представляя собой пространную («Слово...») и краткую («Чудо...») редакции одного произведения.

Но в состав копии Оболенского входит, и опять-таки почти полностью, еще одно сочинение «Климентовского цикла» – хорошо известное в древнерусской письменности «Мучение св. Климента». Оно занимает всю первую часть памятника, и именно так – «Мучение святого священномученика епископа Климента» – памятник и был назван в копии XIX в. (и, очевидно, в рукописи, с которой эта копия была снята).

¹ Публикация М.А. Оболенского: Оболенский 1850. С. 144–147. Публикация копии XIX в.: Карпов 1992. С. 97–111; 2014. С. 111–122.

² Издание текста: Карпов 2007. С. 91–103; 2014. С. 99–110.

И «Чудо о отрочати» (в своей основной части), и «Мучение св. Климента» – памятники переводные с греческого языка. В русской рукописной традиции «Мучение» представлено двумя независимыми друг от друга переводами, старший из которых («первый») называют «славянским», или «болгарским»³, а «второй» – «русским»⁴. Причем прослеживается строгая закономерность: за «первым» переводом «Мучения» в рукописях следует так называемое «Сказание о чуде св. Климента над отроком»⁵ – также переводное с греческого сочинение, содержащее, в целом, те же сведения, что и «Чудо о отрочати», но никак не связанное с Русью и, очевидно, появившееся в той же литературной среде, что и «первый», «болгарский», перевод «Мучения». «Чудо» же либо читается отдельно от других памятников «Климентовского цикла», либо следует за вторым, «русским», переводом «Мучения».

В копии Оболенского использован, главным образом, именно «второй», «русский» перевод «Мучения».

Готовя в 1992 г. публикацию «Слова на обновление...» по копии Оболенского, я обратил внимание на то, что такое соединение двух памятников – «Мучения св. Климента» во «втором» переводе и «Чуда о отрочати» – в рукописной традиции не уникально (Карпов 1992. С. 91). Можно назвать несколько списков XVI–XVII вв., где два сочинения так же соединены в один текст⁶. Причем соединены, можно сказать, механически: в какую-то особую редакцию по сравнению с другими эти списки как «Мучения», так и «Чуда» не выделяются, да и «швы», места их соединения, проходят по-разному (Карпов 2014. С. 73–74).

На мой взгляд, точно так же обстоит дело и с копией Оболенского.

Исследователи, изучающие текст «Слова на обновление...» в его полном (или, правильнее сказать, почти полном) виде, сталкиваются с требующим объяснение феноменом. Если в первой и наибольшей по объему части входящего в его состав «Мучения св. Климента», как уже было сказано, мы имеем дело со «вторым» переводом, то в его заключительной части использован «первый», или «болгарский», перевод. Этот факт оценивается в литературе как «удивительный» (Назаренко 2013. С. 45) или даже не поддающийся исчерпывающему объяснению (Гладкова 1996. С. 16).

³ Издания текста: Лавров 1911. С. 13–19, 109–114, 115–121; Великие минеи четьи 1917. Стб. 3317–3327; и др.

⁴ Издания текста: Лавров 1911. С. 18–24, 121–125; и др.

⁵ Издания текста: Лавров. С. 31–35; Великие минеи четьи 1917. Стб. 3327–3337; и др.

⁶ РГБ. Ф. 98 (Егор.). № 233. Сб. житий. XVII в. Л. 678 об.–688 об.; РГБ. Ф. 98 (Егор.). № 225. Сб. житий XVII в. (в своей основе является неполной копией предыдущего сборника). Л. 504–517 об.; РГБ. Ф. 292 (С.П. Строева). № 55. Сборник. XVII в. Л. 637–652 об.; РГБ. Ф. 299 (Тихонр.). № 183. Торжественник. XVI в. Л. 364–374.

Между тем, если признать, что в копии Оболенского (и, соответственно, в рукописи, с которой эта копия была снята) оказались соединены два отдельных текста – «Мучение св. Климента» в «русском» переводе и распространенная редакция «Чуда св. Климента о отрочати», всё встает на свои места. Дело в том, что в начальной части «Чуда...» также рассказывается о мученичестве св. Климента. Однако при этом автор использовал «первую», «болгарскую», версию перевода этого греческого сочинения⁷. Таким образом, в списке Оболенского произошло соединение не двух различных переводов «Мучения св. Климента», а «Мучения» (во втором, «русском», переводе) и «Чуда о отрочати» (использующего первый, «славянский», перевод). Можно с уверенностью предположить, что это соединение произошло относительно поздно, при переписывании памятника, но не при его составлении. Рукописная традиция бытования «Мучения св. Климента» и «Чуда о отрочати», их «литературный конвой» (о чем речь шла выше) вполне свидетельствуют об этом. При этом «шов», место соединения двух памятников, приходится здесь примерно на то же место, что и в трех русских рукописях XVII в.⁸. Надо полагать, что переписчик, завершая свою работу над «Мучением св. Климента» и имея перед глазами следующий читающийся в той же рукописи текст – «Чудо св. Климента о отрочати», где вкратце рассказывалось о тех же событиях, о которых он только что писал, пропустил начало «Чуда», приступив сразу же к повествованию о следующем эпизоде в посмертной биографии Климента – его чуду над отроком.

При этом надо отметить, что список, с которого была выполнена копия для М.А. Оболенского, был неисправным: в рукописи имелось немало описок, следов неправильного понимания текста книжником XVI в. Тем более это относится к копии XIX в.: при работе копиистов также допускались очевидные неточности и даже нелепости (Карпов 1992. С. 90–91; 2014. С. 68). Это мешает сравнению текстов, однако не опровергает сделанные выводы.

Что же следует из сказанного? При исследовании так называемого «Слова на обновление Десятиной церкви» следует привлекать не весь текст копии Оболенского, но лишь его вторую часть, вычленяемую путем исключения из текста искусственно присоединенного к нему «Муче-

⁷ В работе, посвященной разбору древнерусских памятников «Климентовского цикла», я уже приводил соответствующее сравнение (Карпов 2007. С. 64–67; 2014. С. 70–73).

⁸ В обоих Егоровских и Строевском списках текст «Чуда о отрочати» начинается со слов: «Сему же убо сие бываему...» (РГБ. Ф. 98. № 233. Л. 684 об.; Ф. 98. № 225. Л. 512; Ф. 292. № 55. Л. 646 об.; см. разночтение 201 в публикации «Чуда» в: Карпов 2014. С. 102), причем в обоих Егоровских списках переход (заглавная буква С) выделен киноварью. В рукописи же Оболенского переход к «Чуду» начинается чуть раньше: или со слов «...и вшедше по суху людие»; см. разночтение 166–170; или, может быть: «грядущим сухошествие подавая...»; см. разночтение 190–193 (Там же. С. 101–102).

ния св. Климента» во «втором» переводе. Попытку реконструкции полного текста распространенной редакции «Чуда о отрочати» (= «Слова на обновление...») я предпринял в работе, посвященной древнерусским сочинениям о св. Клименте Римском (Карпов 2007. С. 103–110; 2014. С. 123–129).

И еще одно соображение, касающееся уже не рукописи Оболенского, а самого памятника. Сам факт использования в «Чуде о отрочати» (или, точнее, в его распространенной, изначальной редакции – так называемом «Слове на обновление...») «первого» перевода «Мучения», по-видимому, надо рассматривать как свидетельство того, что «русского» перевода «Мучения св. Климента» к тому времени еще не существовало. И очень похоже, что этот русский перевод появился вскоре после составления «Чуда...» и, вероятно, в той же литературной среде (если вообще не под пером того же автора). Точно так же, по-видимому, обстояло дело и с другой «парой» текстов «Климентовского цикла» – «первоым» переводом «Мучения» и «Сказанием о чуде св. Климента над отрочком»: появление одного текста предшествовало или следовало за появлением другого, парного ему (так и в греческой письменности, где «Мучение» и «Сказание о чуде» читаются вместе, входя в состав большого комплекса сочинений о св. Клименте – так называемых «Климентин»; см., например: Владимир 1894. С. 550–557; Лавров 1911. С. XI). Не случайно и в славянских рукописях указанные «пары», как правило, сопутствуют друг другу.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бегунов Ю.К.* Русское Слово о чуде Климента Римского и кирилло-мефодиевская традиция // *Slavia. Praha*, 1974. Roch. 43. № 1. S. 26–46. [*Begunov Yu.K.* Russkoe Slovo o chude Klimenta Rimskogo i kirillo-mefodievskaya tradiciya (The Rus Word of the Miracle of St Clement of Rome about the Cyrillo-Methodian Tradition) // *Slavia. Praha*, 1974. Roch. 43. № 1. S. 26–46.]
- Великие минеи четьи. Ноябрь. Вып. 9. Ч. 2. Тетр. 1. Дни 23–25 / Изд. под наблюдением Н.П. Попова. М., 1917. [*Velikie minei chet'i. Noyabr' (The Great Minei Chetii, November)*. Vyp. 9. Ch. 2. Tetr. 1. Dni 23–25 / *Izd. pod nablyudeniem N.P. Popova. Moscow*, 1917.]
- Владимир, архим.* Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1894. Ч. 1. Рукописи греческие. [*Vladimir, arhim. Sistematicheskoe opisanie rukopisej Moskovskoj Sinodal'noj (patriarshej) biblioteki (Systematic Description of the Manuscripts of the Moscow Synodal (Patriarch's) Library)*. Moscow, 1894. Ch. 1. Rukopisi grecheskie.]

- Гладкова О.В. «Слово на обновление Десятинной церкви» // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. С. 10–34. [*Gladkova O.V. «Slovo na obnovlenie Desyatinoj cerkvi» (The Word for the Renewal of the Desyatinnaya Church) // Drevnerusskaya literatura: Vospriyatie Zapada v XI–XIV vv. Moscow, 1996. S. 10–34.*]
- Карпов А.Ю. «Слово на обновление Десятинной церкви» по списку М.А. Оболенского // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 1. С. 86–111. [*Karpov A.Yu. «Slovo na obnovlenie Desyatinoj cerkvi» po spisku M.A. Obolenskogo (The Word for the Renewal of the Desyatinnaya Church according to M.A. Obolenskij's Manuscript) // Arhiv russkoj istorii. Moscow, 1992. Vyp. 1. S. 86–111.*]
- Карпов А.Ю. Древнейшие русские сочинения о св. Клименте Римском // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2007. Вып. 11. С. 3–110. [*Karpov A.Yu. Drevnejshie russkie sochineniya o sv. Klimente Rimskom (The Earliest Rus Works Dedicated to St Clement of Rome) // Ocherki feodal'noj Rossii. Moscow; St-Petersburg, 2007. Vyp. 11. S. 3–110.*]
- Карпов А.Ю. Исследования по истории домонгольской Руси. М., 2014. [*Karpov A.Yu. Issledovaniya po istorii domongol'skoj Rusi (Studies in the History of pre-Mongol Rus). Moscow, 2014.*]
- Лавров П.А. Жития херсонских святых в греко-славянской письменности // Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. [*Lavrov P.A. Zitiya hersonskih svyatyh v greko-slavyanskoj pis'mennosti (Lives of Chersonesus Saints in Greek and Slavonic Writing) // Pamyatniki hristianskogo Hersonesa. Moscow, 1911. Vyp. 2.*]
- Назаренко А.В. Слово на обновление Десятинной церкви, или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. М.; Брюссель, 2013. [*Nazarenko A.V. «Slovo na obnovlenie Desyatinoj tserkvi», ili k istorii pochitaniya svyatitelya Klimenta Rimskogo na Rusi (The Word for the Renewal of the Desyatinnaya Church, or to the History of the Veneration of St Clement of Rome in Rus). Moscow; Brussels, 2013.*]
- Никольский Н.К. К истории славяно-русской письменности. Заметки и материалы. II. К вопросу о «Чуде св. Климента, папы Римского, о отрочати» (Несколько пояснений по поводу «Нескольких разъяснений» Н.П. Попова) // Библиографическая летопись Общества любителей древней письменности. Пг., 1917. Т. 3. С. 124–134. [*Nikolskij N.K. K istorii slavyano-russkoj pis'mennosti. Zametki i materialy. II. K voprosu o «Chude sv. Klimenta, papy Rimskogo, o otrochati» (Neskol'ko pojasnenij po povodu «Neskol'kih raz'yasnenij» N.P. Popova) (To the History of Slavonic-Rus Writing: Notes and Materials. 2. On the Miracle of St Clement of Rome of the Boy: Some Explanations Concerning N.P. Popov's 'Some Explanations') // Bibliograficheskaya letopis' Obshchestva lyubitelej drevnej pis'mennosti. Petrograd, 1917. T. 3. S. 124–134.*]

Оболенский М.А. О двух древнейших святынях Киева: мощах св. Климента и кресте великой княгини Ольги // Киевлянин. М., 1850. Кн. 3. С. 139–150. [Obolenskij M.A. O dvuh drevnejshih svyatunyah Kieva: moshchah sv. Klimenta i kreste velikoj knyagini Olgi (On the Two Earliest Shrines of Kiev: the Relics of St Clement and the Cross of St Great Princess Olga) // Kievlyanin. Moscow, 1850. Kn. 3. S. 139–150.]

Aleksey Yu. Karpov

ON THE STRUCTURE AND THE EXTENT OF THE SO-CALLED WORD FOR THE RENEWAL OF THE DESYATINNAYA CHURCH

The Old Rus text, commonly designated as the *Word for the Renewal of the Desyatinnaya Church* (and called in the text itself the *Martyrdom of Saint Martyr Bishop Clement*), is not extant in any full version and in any medieval manuscript, but only in an incomplete 19th-century copy and in the 1850 edition of its conclusive part. However, the text attracts scholarly attention, including an excellent 2013 book by Alexander V. Nazarenko. In the present paper, the author shows that the text of the *Word* that we possess consists in fact of two independent works: the *Martyrdom of St Clement* (in its second, ‘Rus’, translation) and the extended version of the *Miracle of St Clement of the Boy* (the short version of this *Miracle* is well-known in 14th–17th-century manuscripts). Thus, in further studies of the *Word*, one should deal not with all the text commonly so designated, but only with its second part (which results if we exclude the text of the *Martyrdom*, attached to it artificially).

Keywords: Old Rus, writing, translations, St Clement of Rome, *Word for the Renewal of the Desyatinnaya Church*, *Miracle of St Clement of the Boy*

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-73-79

С.М. Каштанов, Л.В. Столярова

РАННИЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ХРИЗОГРАФИИ (XI–XIV вв.) В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИКИ ПИСЬМА ЗОЛОТОМ В ВИЗАНТИИ И ЕВРОПЕ

Статья посвящена выявлению случаев письма золотом в практике писцов книг и грамот Древней Руси XI–XIV вв. и технике письма. Рассматривается случай первого применения методов хризографии в древнейшем акте Руси – жалованной грамоте князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю на Буицы, с вирами, данями и продажами и осенним полудьем, а также на серебряное блюдо (ок. 1130 г.), золотой текст которой наносился с использованием клея на киноварную основу-подложку. Для традиции оформления актов в средневековой России письмо киноварью всего текста или каких-либо его фрагментов (кроме инициалов и заглавных букв) не характерно. В литературе упоминается грамота Ивана Грозного первому казанскому архиепископу Гурию от 5 апреля 1557 или 1559 г., написанная якобы киноварью, причем самим Иваном Грозным собственноручно, однако она является несомненным фальсификатом. Для сравнения изучено использование золота для письма заголовков, заглавных букв и элементов инициалов, а также надписей на миниатюрах в древнерусских пергаменных кодексах XI–XIV вв. (таких как Остромирово евангелие, Куприяновские листки, Изборник Святослава, Мстиславово Евангелие, Сийское евангелие и др.). Ставится вопрос о применении практики письма золотом и чернилами по тонированному пергамену, известной в Западной Европе и Византии с IV в. н.э. Вопрос об использовании золота в оформлении книг и грамот Руси соотносится с опытом западноевропейской и византийской средневековой хризографии. Подобная практика на Руси зафиксирована для Сийского евангелия, которое недавно было подвергнуто специальному анализу в процессе реставрации. Это исследование позволило выявить малоизученный прием древнерусской хризографии, а именно нанесение листового золота на грунтровку желтой краской. Делается вывод о специфических чертах использования золота в оформлении книг и грамот в древнейший период славянской кириллической письменности.

Ключевые слова: Древняя Русь, палеография, хризография, техника письма книг и грамот, декор памятников письменности средневековой Руси, киноварь, письмо по тонированному пергамену

Наиболее ранние случаи предоставления иммунитетных привилегий монастырям в Древней Руси относятся к XII в. Древнейшим княжеским актом, фиксирующим передачу земельных владений духовной корпорации, является сохранившаяся в подлиннике пергаменная жалованная данная грамота киевского в. кн. Мстислава Владимировича и его сына кн. Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на Буицы, с вирами, даями и продажами и осенним полюдьем, а также на серебряное блюдо¹. При этом Мстиславова грамота известна как один из древнейших памятников славяно-русской хризографии и самый ранний древнерусский акт, из сохранившихся в подлиннике, написанный золотом. Среди древнейших восточно-славянских рукописей XI–XII вв., фрагменты текста которых написаны золотом, следует указать еще Остромирово евангелие 1056–1057 гг.², Изборник Святослава 1073 г.³, Куприяновские (Новгородские) листки XI в.⁴, Мстиславово евангелие ок. 1117 г.⁵. Однако древнерусская кодикология не знает ни одной рукописной книги, целиком написанной золотом. Не известны и славянские «пурпурные кодексы», как нет и текстов, сделанных серебром (Черепнин 1956. С. 145)⁶. Тем более письмо золотом не типично для древнерусского акта, хотя характерно для канцелярской практики Византии и Священной Римской империи X–XI вв.

Наиболее ранним случаем знакомства русских с канцелярской практикой Византии считаются русско-византийские договоры X в., сохранившиеся в составе летописных текстов, из которых древнейшие представлены списками XIV в. Русский текст договоров был включен в «Повесть временных лет» в начале XII в. (Каштанов 2014. С. 13). Важнейшим направлением их исследования на современном этапе стало сравнение порядка заключения русско-византийских договоров с процедурой составления договоров между Византией и другими странами (Персией, итальянскими республиками, Болгарией). Изучение процедуры заключения договоров внешнеполитического характера позволило установить два (с вариациями) их протокола: с проведением предварительных переговоров в другой стране и без предварительных переговоров в другой стране. Процедура составления договора, заключению которого предшествовали переговоры, предполагала составление хрисовула (Χρυσόβουλλος λόγος, *chrysobullos logos*) – особого типа импера-

¹ ОПИ НГМ. КП 2193. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 12.

² РНБ. Ф.п.1.5; см., например: СК XI–XIII. № 3. С. 33–36; Остромирово евангелие 1988.

³ ГИМ. Син. № 1043 (Син. № 31-д); см.: Изборник 1983; СК XI–XIII. № 4. С. 36–40.

⁴ РНБ. Ф.п.1.58. Л. 1, 2 об.; см.: СК XI–XIII. № 12. С. 53.

⁵ ГИМ. Син. № 1203; см.: Апракос 1983; СК XI–XIII. № 51. С. 90–92.

⁶ Письмо серебром отмечается в славяно-русских кодексах не ранее, чем в XVI–XVII вв. (Черепнин 1956. С. 352, 422, 497).

торской грамоты, написанной золотом, скрепленной собственноручной подписью императора (пурпурными чернилами) и золотой печатью на шелковом шнуре.

История «золотых манускриптов» (чаще их называют «пурпурными кодексами⁷») – рукописных книг исключительно духовного содержания (Евангелий, Септуагинт и Псалтирей), выполненных в технике хризографии на окрашенном пурпуром пергамене особо тонкой выделки (велене или веллуме⁸), получила свое начало в III в. и восходит к эпохе поздней Римской империи и Византии (Добиаш-Рождественская 1987. С. 47–49). Хризографы (особенно позднейшие) могли быть переписаны золотом и по неокрашенному пурпуром пергамену. В ряде случаев по пурпурному фону золотом и серебром писались только миниатюры; текст делался по белому (естественному) фону пергаменного листа⁹.

Первое упоминание о Codex Purpureus относится к 384 г. и содержится в одном из посланий Иеронима Стридонского (Needham 1979. P. 21). Большая часть сохранившихся «золотых и серебряных кодексов» датируется VI в. Своим происхождением они связаны с Византией или государствами, испытавшими на себе византийское влияние. Оживление искусства хризографии в Европе произошло уже в каролингскую эпоху. В X в. «металлическое письмо» из книг исчезает. В это время письмо золотом и серебром в Италии, Германии и Англии из пурпурных кодексов перекочевало в дипломы. Известны золотые грамоты императоров Священной Римской империи Оттона I Великого (962 г.), Оттона II Рыжего (972 г.), Конрада II (1035 г.), Генриха IV (1079, 1095 гг.) (Добиаш-Рождественская 1987. С. 49). Возникнув на исходе этой традиции, памятники древнерусской хризографии XI–XII вв. оказались слабым отблеском грандиозной роскоши пурпурных кодексов Византии и варварского Запада. Однако даже в виде небольших фрагментов текста и декора они поражают воображение исследователя своей красотой и величием.

⁷ В латинской и греческой палеографии «металлическими» или «пурпурными» кодексами могли быть рукописи, текст которых частично или полностью был написан золотом и (или) серебром. Поскольку древнерусская книжная традиция письма серебром не знает, здесь и далее мы говорим только об искусстве хризографии (или хризографии; от греч. χρῶσός – золото и γράφω – пишу), т.е. о письме именно золотом или золотыми красками (чернилами).

⁸ Веллум или велён (лат. *Vellum*, фр. *Vélin*) – отличавшийся наилучшим качеством выделки пергамен, изготовленный из телячьей, реже (поскольку годился для рукописей только небольшого формата) – овечьей шкуры. Наиболее ценился веллум, получаемый из шкуры новорожденных или абортированных ягнят и телят, бывший при выделке исключительно гладким, тонким и белым (так называемая «девичья кожа»).

⁹ Назовем Стогкольмский Золотой кодекс ок. 750 г.; Евангелие Годескалька ок. 781–783 гг., Имперское евангелие ок. 794–800 гг., Псалтирь Дагульфа ок. 783–795 гг., Шантейское евангелие начала IX в. и др. раннесредневековые латинские пурпурные кодексы (см.: Weitzmann 1977).

Золотом написаны заголовки отдельных чтений на л. 256–38а Остромирова евангелия 1056–1057 гг.¹⁰. Кроме того, золотом и красками были сделаны большая заставка на л. 2 и малые заставки на л. 58а, 89а, 127а, 164а, 204в, 210г, 226г, 239г, 243а, 256а, 263г, 267г, 270г, 271г, 274б, 281г, 283б, 288в, а также инициалы старовизантийского стиля. Золото обильно использовано и в роскошных византийских миниатюрах этого кодекса¹¹. В Изборнике Святослава 1073 г. на л. 1 об. расположена миниатюра в красках и золоте с изображением семьи киевского в.кн. Святослава с женой и сыновьями. Над фигурами золотом сделаны пояснительные надписи: «Гълѣбъ», «Ольгъ», «Да[ви]дъ», «Романъ», «Арославъ», «Княгыни», «С[в]яtosлавъ». На л. 2 об. внутри орнаментальной рамки старовизантийского стиля, написанной в красках и золоте, помещена Похвала Святославу, сделанная почерком писца и также золотом. Последние две с половиной строки Похвалы расположены на л. 2 над изображением Спаса. В красках и золоте сделаны архитектурные фронтисписы Изборника на л. 3, 3 об., 128, 128 об., а также заставки старовизантийского стиля на л. 4 и 129. Золотом написаны концовки на л. 122 об., 133 об., 266, золотом и красками – концовка на л. 263 об. Под заставками на л. 4а и 129а – два больших инициала старовизантийского типа, золотым контуром с раскраской красной, синей и зеленой красками. Остальные крупные инициалы Изборника (простого рисунка, контурные) сделаны золотом и в ряде случаев раскрашены синей краской. Малые инициалы написаны золотом или киноварью. В так называемых Куприяновских (Новгородских) листах XI в. инициалы старовизантийского стиля на л. 1, 2 об. сделаны в красках с золотом. Следы золота сохранились и в заголовках чтений. В Мстиславовом евангелии золотом написаны заголовки чтений. Золото использовано в декоре миниатюр, больших и малых заставок, а также инициалов этого кодекса¹². Пурпурных фонов, как и вообще пурпурных чернил, сохранившиеся образцы книгописной древнерусской хризографии не знают.

Текст Мстиславовой грамоты написан золотом по киноварной основе, уставом, в 21 строку по предварительно разлинованному пергамену с его более светлой и гладкой мясной стороны. Текст грамоты первоначально был прописан киноварью, ныне изменившей цвет, по неокрашенному белому фону пергаменного листа. Иными словами, золотой текст наносился на киноварную основу-подложку. Затем по киновари текст был наведен золотом на клеевой основе, т.е. был как бы позолочен в соответствии

¹⁰ Для письма золотых заголовков Остромирова евангелия был привлечен особый писец (в специальной литературе он обычно обозначается как III), вероятно, считавшийся мастером хризографии.

¹¹ См., например: СК XI–XIII. № 3. С. 33–36.

¹² СК XI–XIII. № 3. С. 33–36; № 4. С. 36–40; № 12. С. 53; № 51. С. 90–92.

с техникой письма листовым золотом. Когда именно произошло это золочение, т.е. собственно технический аспект хризографии Мстиславовой грамоты, – сразу после написания ее текста киноварью или спустя какое-то время, – не ясно. Учитывая, что золочение букв точно пришлось по киноварной основе, следует все-таки думать, что оно было произведено тем же писцом в момент составления им сохранившегося экземпляра Мстиславовой грамоты, а никак не позднее. Золото было практически полностью утрачено уже к моменту обнаружения грамоты еп. Евгением (Болховитиновым). Об этом свидетельствуют замечания А.Н. Оленина: «...открыли мы несомненные следы, что грамота сия вся вообще была писана золотом по червцу или бакану, и что золото от времени и небрежения совершенно почти стерлось. К сему открытию руководствовали нас золотые, почти неприметные крапинки, оставшиеся на красноватых чернилах, которым сия грамота для подготовки под золото была вся писана» (цит. по: Ильинский 2000. С. 325–326). Киноварь же со временем пожелтела¹³.

Цвет пергамена существенно изменен временем. Нуждается в проверке вопрос о том, не был ли лист с текстом Мстиславовой грамоты тонирован красной краской, возможно, разведенной на воде киноварью (по типу тонированных пурпуром фонов «золотых» и «серебряных» манускриптов). Примеры измененного цветного фона «золотых» и «серебряных» кодексов, выгоревшего или выцветшего до охристо-желтого или почти коричневого цвета хорошо известны. К числу таких рукописей, без сомнения, следует отнести старолатинский унциальный «Веронский кодекс» IV или V в., а также серебряные унциальные греческие рукописи Нового завета – Синопский и Россанский кодексы VI в. и др. (см., например: Diringer 1967; De Hamel 1986). Однако тонирование производилось в этих кодексах не красной краской или киноварью, а пурпуром (лат. *purpura*, греч. πορφύρα) – красителем различных оттенков от багряного и фиолетового до индиго, извлекавшимся из разных видов средиземноморских брюхоногих моллюсков-иглянок.

В древнерусской письменности пурпуровые чернила, как известно, не использовались. Примеров письма по предварительно тонированному киноварью или красной краской пергамену также нет. Однако известны западноевропейские средневековые рукописи, текст которых частично (цитаты или наиболее важные фрагменты) или даже полностью написан киноварью. Так, история латинской палеографии знает созданное на севере Франции Евангелие IX в., написанное киноварью (Киселева 2003.

---

¹³ Наличие киноварной прописи-основы в тексте Мстиславовой грамоты по нашей просьбе подтверждено старшим научным сотрудником ОПИ НГМ Г.К. Маркиной в ее письме от 12 марта 2013 г., хранящемся в личном архиве С.М. Каштанова.

С. 197)¹⁴. Письмо заголовков чтений (в том числе – контура букв в заголовках) киноварью или красной краской разных оттенков, имитирующей своим цветом киноварь, практиковалось в XI–XII вв. в оформлении книг и на Руси (Архангельское евангелие 1092 г., Минея служебная на ноябрь 1097 г., Туровское евангелие XI в., Минея служебная на сентябрь рубежа XI–XII вв. и др.¹⁵). В Пандектах Никона Черногорца и в Чудовской псалтири XI в. в некоторых заголовках отмечено употребление вместо киновари красителя малинового цвета¹⁶.

Для традиции оформления актов в средневековой России письмо киноварью всего текста или каких-либо его фрагментов (кроме инициалов и заглавных букв) не характерно. В литературе упоминается грамота Ивана Грозного первому казанскому архиепископу Гурию от 5 апреля 1557 (7065)¹⁷ или 1559 (7067) г.¹⁸, написанная якобы киноварью, причем самим Иваном Грозным собственноручно¹⁹. В списке В.Н. Татищева говорится: «...оное писано киноварью» (Татищев 1968. Т. 7. С. 387). В примечании к тексту грамоты в издании 1829 г. сказано, что «в сем письме все курсивные слова написаны красными чернилами» (Прибавление 1826. С. 206, примеч.). Неясно, откуда взята эта информация и что такое «курсивные слова». В том же издании отмечена гибель подлинника, по которому можно было бы судить о палеографии утраченного текста: «...письмо сие в подлиннике хранилось как драгоценность в здешнем кафедральном Благовещенском соборе; но от время утрачено или от бывших неоднократно в Казани пожаров сгорело» (Там же. С. 205; см.: Каштанов 2014. С. 285). В литературе не раз высказывались обоснованные сомнения в подлинности царского послания архиепископу Гурию (Иконников 1891. Т. 1, кн. 1. С. 111; Черепнин 1956. С. 351²⁰; Каштанов 1970. Сб. 4. С. 185–186; 2014. С. 284–286). Трудно поверить, что грамота могла быть написана самим царем, да к тому же и киноварью. Это противоречит всей делопроизводственной практике середины XVI в. Язык и стиль источника, его терминология и фразеология свидетельствуют о том, что мы имеем дело с фальсификатом (Каштанов 2014. С. 285–286).

¹⁴ Впрочем, не исключено, что в этом кодексе киноварь предназначалась в качестве основы под золотые чернила, которые так и не были применены.

¹⁵ СК XI–XIII. № 6. С. 44; № 9. С. 49; № 10. С. 50; № 24. С. 67; № 31. С. 73.

¹⁶ СК XI–XIII. № 37. С. 79.

¹⁷ Татищев 1968. Т. 7. С. 385–387. № 171; Продолжение 1789. С. 241–244; Прибавление 1829. № 26. С. 205–206; Рыбушкин 1834. С. 41–43; История Татари 1937. С. 152.

¹⁸ Гавриил 1840. С. 27–29, № 8; Баженов 1847. С. 20–22, примеч. (год обозначен как «1067»); ср.: Каштанов 1962. С. 154, № 785; Ермолаев 1980. С. 14–15, № 61.

¹⁹ У В.Н. Татищева отмечено: «Письмо своеручное»; в «Продолжении Древней российской вивлиофики»: «Список с своеручного письма»; в «Прибавлении к Казанскому вестнику»: «Копия с своеручного письма».

²⁰ Грамота отнесена к 1555 г. и указано, что «всё письмо было исполнено киноварью».

Нет и случаев написания великокняжеских или царских документов киноварью в более раннее время, что могло бы свидетельствовать, например, об использовании на Руси киновари в качестве специальных царских чернил (как в Византии пурпура) (Черепнин 1956).

И.И. Срезневский, имевший возможность подвергнуть пигменты, с помощью которых написана Мстиславова грамота, химическому анализу и исследованию их под микроскопом, как будто никаких признаков тонирования пергамента не обнаружил. Срезневский ни словом не обмолвился и о первоначальной прописи текста Мстиславовой грамоты киноварью. Вероятно, описывая ее цвет, измененный в результате последующего ее соединения с золотом, камедью и особенно – под воздействием естественных факторов старения пергамента и нанесенных на него пигментов, он описал его как «коричневый». Этот «коричневый» слой под золотой (впрочем, со следами значительных утрат) краской, он принял за «растительный клей», прежде бывший «цвета вишневого». Фиксируя внешние признаки Мстиславовой грамоты, ученый писал: «...грамота писана золотым раствором, в котором золото (чистое, как оказалось при химическом анализе) соединено с растительным клеем, который теперь невооруженному глазу кажется цвета коричневого, а под микроскопом лиловатого, и первоначально был, вероятно, цвета вишневого. Золото в этом клее представляется в виде очень мелких крупинок» (Срезневский 1860. С. 6)²¹. В настоящее время цвет киноварной основы под золотой текст Мстиславовой грамоты еще более изменился, как бы выцвел, поблек и пожелтел. Как уже говорилось, сейчас он может быть определен как темноохристо-желтый, но не как коричневый, каким его находил И.И. Срезневский еще в 1860 г. (Там же).

Осуществленное в ходе комплексной реставрации сопоставление отпечатков на л. 1 Сийского евангелия с красочным слоем миниатюры «Поклонение волхвов» не только подтвердило их идентичность, но и позволило выявить малоизученный прием древнерусской хризографии, а именно нанесение листового золота на грунтровку желтой краской. Так, виртуальное совмещение л. 1 Евангелия с миниатюрой «Поклонение волхвов» подтвердило совпадение отпечатков с красным плащом третьего волхва и синим хитоном Богородицы (Добрынина, Кадикова, Сирро 2020. С. 30). Было установлено, что способ грунтровки желтой краской под золото, известный у византийских хризографов, использовался при создании обеих миниатюр Сийского евангелия (и «Поклонение волхвов», и «Отослание апостолов на проповедь» – Там же. С. 31–32). Последнее,

²¹ Об изменении оттенка чернил со временем и зависимости их цвета от состава в них тех или иных красящих веществ, подробно писал еще В.А. Щавинский, специально занимавшийся технологией производства красок в Древней Руси (Щавинский 1935. С. 35).

таким образом, подтверждает использование этого приема в практике иллюминирования книг в Древней Руси XIV в. (Там же. С. 32).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Апракос Мстислава Великого / Под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983. [Aprakos Mstislava Velikogo (The Mstislav Gospel) / Pod red. L.P. Zhukovskoy. Moscow, 1983.]
- Баженов Н. Казанская история. Казань, 1847. Ч. 2. [Bazhenov N. Kazanskaya istoriya (History of Kazan). Kazan, 1847. Ch. 2.]
- Гавриил. Историческое описание Казанского Успенского второклассного Зилантова монастыря. Казань, 1840. [Gavriil. Istoricheskoye opisaniye Kazanskogo Uspenskogo vtoroklassnogo Zilantova monastyrya (Historical Description of the Kazan Dormition Second-Class Zilantov Monastery). Kazan, 1840.]
- Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. М., 1987. [Dobiash-Rozhdestvenskaya O.A. Istoriya pis'ma v sredniye veka (History of Writing in the Middle Ages). Moscow, 1987.]
- Добрынина Э.Н., Кадикова И.Ф., Сирро С.В. Технологическое исследование Сийского евангелия 1340 г. в процессе реставрации // Исследование и реставрация рукописей: Материалы конференции. СПб., 2020. С. 28–38. [Dobrynina E.N., Kadikova I.F., Sirro S.V. Tekhnologicheskoye issledovaniye Siyskogo yevangeliya 1340 g. v protsesse restavratsii (Technological Study of the Siya Gospel of 1340 during Its Restauration) // Issledovaniye i restavratsiya rukopisey: Materialy konferentsii. St-Petersburg, 2020. S. 28–38.]
- Ермолаев И.П. Казанский край во второй половине XVI – XVII в. (хронологический перечень документов). Казань, 1980. [Yermolayev I.P. Kazanskiy kray vo vtoroy polovine XVI – XVII v. (khronologicheskij perechen' dokumentov) (The Kazan Region in the Second Half of the 16th – the 17th Century: Chronological List of Documents). Kazan, 1980.]
- Изборник Святослава 1073 г. / Факсимильное изд. под ред. Л.П. Жуковской. М., 1983. [Izbornik Svyatoslava 1073 g. (Svyatoslav's Miscellany of 1073) / Faksimil'noye izd. pod red. L.P. Zhukovskoy. Moscow, 1983.]
- Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1. [Ikonnikov V.S. Opyt russkoy istoriografii (An Attempt at Russian Historiography). Kiev, 1891. T. 1, kn. 1.]
- Ильинский Г.А. Юрьевская грамота 1130 г. / Подгот. текста и публ. Г.С. Баранковой // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. М., 2000. [Il'inskiy G.A. Yur'yevskaya gramota 1130 g. (The Mstislav

Charter of 1130) / Podgot. teksta i publ. G.S. Barankovoy // Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka. 2000. Moscow, 2000.]

История Татарии в документах и материалах. М., 1937. [Istoriya Tatarii v dokumentakh i materialakh (History of Tataria in Documents and Materials). Moscow, 1937.]

Каиштанов С.М. Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50-х годах XVI в. (по актовому материалу) // Из истории Татарии. Казань, 1970. Сб. 4. С. 185–186. (Уч. зап. Казанского гос. пед. ин-та; Вып. 80). [*Kashtanov S.M.* Zemel'no-immunitetnaya politika russkogo pravitel'stva v Kazanskom krae v 50-kh godakh XVI v. (po aktovomu materialu) (Land and Immunity Policy of the Russian Government in the Kazan Region in the 1550s: on Act Materials) // Iz istorii Tatarii. Kazan, 1970. Sb. 4. S. 185–186. (Uch. zap. Kazanskogo gos. ped. in-ta; Vyp. 80).]

Каиштанов С.М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. [*Kashtanov S.M.* Issledovaniya po istorii knyazheskikh kantselyariy srednevekovoy Rusi (Studies in the History of Princely Chanceries of Medieval Rus). Moscow, 2014.]

Каиштанов С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археологический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 129–200. [*Kashtanov S.M.* Khronologicheskii perechen' immunitetnykh gramot XVI v. (Chronological List of Immunity Charters of the 16th Century) // Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1960 god. Moscow, 1962. S. 129–200.]

Киселева Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в средние века: Лекции по латинской палеографии и кодикологии. СПб., 2003. [*Kiseleva L.I.* Pis'mo i kniga v Zapadnoy Yevrope v sredniye veka: Lektzii po latinskoy paleografii i kodikologii (Writing and Book in Western Europe in the Middle Ages: Lectures on Latin Palaeography and Codicology). St-Petersburg, 2003.]

Остромирово евангелие 1056–1057 гг.: Факсимильное воспроизведение. М.; Л., 1988. [Ostromirovo yevangeliye 1056–1057 gg.: Faksimil'noye vosproizvedeniye (The Ostromir Gospel of 1056–1057: A Facsimile). Moscow; Leningrad, 1988.]

Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 26. [Pribavleniye k Kazanskomu vestniku (Supplement to the Kazan Vestnik). 1829. № 26.]

Продолжение Древней российской вифлиофики. СПб., 1789. Ч. 5. [Prodolzheniye Drevney rossiyskoy vifliofiki (Continuation of the *Drevnyaya rossiyskaya vivliofika*). St-Petersburg, 1789. Ch. 5.]

Рыбушкин М. Краткая история г. Казани. Казань, 1834. Ч. 1. [*Rybushkin M.* Kratkaya istoriya g. Kazani (Short History of the City of Kazan). Kazan, 1834. Ch. 1.]

Срезневский И.И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю. (1130 г.). СПб., 1860. [*Sreznevskiy I.I.*

- Gramota velikogo knyazya Mstislava i syna yego Vsevoloda Novgorodskomu Yur'yevu monastyru. (1130 g.) (Prince Mstislav and His Son Vsevolod's Charter to the Novgorodian St George Monastery, 1130). St-Petersburg, 1860.]
- Татищев В.Н.* История российская в семи томах. Л., 1968. Т. 7. [*Tatishchev V.N.* Istoriya rossiyskaya (Russian History). Leningrad, 1968. T. 7.]
- Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956. [*Cherepnin L.V.* Russkaya paleografiya (Russian Palaeography). Moscow, 1956.]
- Щавинский В.А.* Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л., 1935. [*Shchavinskiy V.A.* Ocherki po istorii tekhniki zhivopisi i tekhnologii krasok v Drevney Rusi (Essays on the History of the Technique of Painting and Colors in Old Rus). Moscow; Leningrad, 1935.]
- De Hamel Ch.* A History of Illuminated Manuscripts. Oxford, 1986.
- Diringer D.* The Illuminated Book: its history and production. L., 1967.
- Needham P.* Twelve Centuries of Bookbindings, 400–1600. Oxford, 1979.
- Weitzmann K.* Late Antique and Early Christian Book Illumination. N.Y., 1977.

Sergey M. Kashtanov, Lyubov V. Stolyarova

EARLY EXAMPLES OF OLD RUS CHRYSOGRAPHY (THE 11TH–14TH CENTURIES) IN THE CONTEXT OF WRITING WITH GOLD IN BYZANTIUM AND WESTERN EUROPE

The paper is dedicated to the cases of writing with gold by Rus 11th- to 14th-century scribes of books and charters, and the technique of writing with gold. The earliest case of such writing is examined, the Mstislav charter (c. 1130), as well as headings, initials and their elements, and inscriptions in miniatures of Old Rus parchment manuscripts. The question of writing with gold and ink on toned parchment is raised. The Rus material is compared to that from Western Europe and Byzantium. Conclusions are made concerning the specific features of using gold when writing books and charters in the earliest period of Slavonic Cyrillic writing.

Keywords: Old Rus, palaeography, chrysography, writing of books and chartes, illumination, cinnabar, parchment

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-80-89

Ю.А. Артамонов

КАКОЙ «ХОЛМ» БЫЛ ПОЖАЛОВАН СОБОРНОЙ ЦЕРКВИ СМОЛЕНСКА?

В центре внимания данной статьи находится Жалованная запись Смоленской епископии, выданная 30 сентября 1150 г. от имени смоленского князя Ростислава Мстиславича (1127–1167) в пользу местного архиерея. В качестве объекта пожалования в документе выступает некий «холм». В науке утвердилось мнение (благодаря работам Я.Н. Щапова), что речь идет о небольшой возвышенности внутри Смоленска, переданной князем для строительства главного городского собора. Между тем, анализ источников приводит автора к выводу, что упоминаемый в Жалованной записи 1150 г. «холм» – это ойконим. Поэтому светская власть передала церкви во владение не просто участок земли под строительство, а населенный пункт, доходы с которого должны были идти на содержание Смоленской кафедры. Гипотеза М.Д. Присёлкова о том, что этим населенным пунктом был город Холм на реке Угер (ныне – Хелм в составе Люблинского воеводства Польши), расположенный приблизительно в 70 км к северо-западу от Владимира Волынского, не выдерживает критики. Неубедительным представляется и мнение П.В. Голубовского, который идентифицировал Холм Жалованной записи 1150 г. с городком Брагин Холм (ныне – деревня Холм Темкинского района Смоленской области России), лежащем на пути из Суздальской земли в Смоленскую. Опровергая указанные предположения, автора выдвигает и обосновывает суждение, что этим населенным пунктом был небольшой городок Холм на реке Ловати, расположенный на смоленско-новгородском пограничье. Данный вывод подтверждает существование в Древней Руси практики пожалования церковным институтам порубежных территорий, отдаленных от главного города земли. Примерами бытования такой традиции могут служить передача погоста Буицы на южной границе Новгородской земли во владение Юрьеву монастырю, а также города Гороховца на правом берегу Клязьмы, призванного защищать Суздальскую землю от вторжений восточных соседей, – Успенскому кафедральному собору во Владимире.

Ключевые слова: государство и церковь, материальное обеспечение церкви, церковные города, Древняя Русь, Смоленская земля, Смоленская епископия, Смоленский Успенский собор, Смоленские уставные грамоты, Холм, епископ Мануил, смоленский князь Ростислав Мстиславич

Большим успехом археографических изысканий профессора императорского Александровского (Гельсингфорского) университета С.В. Соловьева, которые он предпринял в свободное от занятий время и на собственный кошт летом 1838 г. в Швеции, стала покупка у частного лица в Сконе, недалеко от Лунда, собрания из более чем 300 русских, польских и белорусских актов XVI–XVII вв. (Протоколы 1885. С. 384). В перечне этих приобретений, который осенью того же года был предложен вниманию членов Археографической комиссии в Санкт-Петербурге, под первым номером значилась «Уставная грамота (в списке XVI в.) смоленского князя Ростислава Мстиславича об учреждении епископии Смоленской и грамота первого тамошнего епископа Мануила, 1150 г., сентября 30» (Протоколы 1885. С. 367). Так научная общественность узнала о находке нового источника по истории домонгольской Руси – комплекса «Смоленских уставных грамот». Уникальность данного комплекса определяется тем, что он является единственным дошедшим до нас памятником, регламентирующим создание, материальное обеспечение и юрисдикцию отдельно взятой древнерусской епархии¹. Неслучайно ни одно из последующих исследований, посвященных истории Смоленской кафедры и Русской церкви, не обходилось без обращения к этой находке С.В. Соловьева (Кашпровский 1896. С. 19–21; Голубинский 1901. С. 410, 640; Каргашев 1959. С. 199–200; Шапов 1989. С. 48, 91, 98).

Смоленские грамоты представлены списком XVI в., который выполнен западнорусским полууставом, переходящим в скоропись. В тексте имеются лакуны и ошибки, связанные с физическим повреждением тетрадей и дефектами протографа. Документы написаны одной рукой, не имеют заглавий, но выделяются на письме абзацами и прописными буквами (ДКУ. С. 140).

Комплекс состоит из четырех разновременных актов. Первый – самый большой по объему – Уставная и жалованная грамота Смоленской епископии, составленная от имени смоленского князя Ростислава Мстиславича (1127–1167). В ней сообщается о решении учредить Смоленскую кафедру, определяются источники ее финансирования и дела, подлежащие суду епископа. Составитель приводит перечень городов и погостов Смоленской земли с указанием денежных сумм (десятины),

---

¹ Я.Н. Шапов по этому поводу писал: «Смоленский устав – уникальный памятник уже потому, что представляет собой первый устав епископии, данный при ее основании. Все другие дошедшие до нас уставы, по крайней мере, в том виде, как они сохранились, говорят уже или об изменениях в обеспечении епископий, или о соответствии новых постановлений духу и букве старых уставов» (Шапов 1963. С. 37–38).

которые те должны ежегодно отчислять в пользу правящего архиерея. Здесь же указаны объекты движимого (воск) и недвижимого (села, сенокосы, озера, луга, огород и птичник) имущества, пожалованного кафедре князем; очерчен круг правонарушений, судебные пошлины за которые следует направлять в епархиальную казну. Завершает грамоту санкция за возможное нарушение сделанных в ней установлений (ДКУ. С. 141–145). Второй документ – Грамота смоленского епископа Мануила – подтверждает от лица церкви пожалование Ростислава, а также запрещает под страхом отлучения любое покушение на суверенитет Смоленской кафедры и определенный князем режим имущества (ДКУ. С. 145).

Составление этих документов следует относить ко времени учреждения Смоленской епископии, о котором Лаврентьевская и Ипатьевская летописи сообщают под 6645 ультрамартовским годом². Таким образом, Уставная и жалованная грамота Смоленской епископии князя Ростислава Мстиславича и Грамота смоленского епископа Мануила были составлены в 1136 г. (Бережков 1963. С. 50–51).

К более позднему времени относятся два других акта – третий и четвертый. Последний документ – Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли – представляет собой перечень из 12 смоленских городов с определением денежных и натуральных повинностей в пользу епископа (ДКУ. С. 146). По мнению Я.Н. Щапова, эту запись следует датировать концом XII – первой половиной XIII в. (Щапов 1972. С. 146–147) Третий документ – Жалованная запись Смоленской епископии – фиксирует передачу вновь образуемой кафедре «холма» с точной дневной датой, 30 сентября 1150 г.:

[А] се и еще и холмъ даю с(вя)тѣи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу, яко ж(е) дано дедом моим Володи[м]ером Семеонови преж(е) еп(и)ск(о)пу строит(и) наряд ц(е)рк(о)вныи и утвѣржен(ѣ)е. В лѣто 6659, индик(та) 14, м(е)с(я)ц(а) сен(тя)бря 30 (ДКУ. С. 146).

Зачин документа – «Се и еще...» – говорит о том, что он составлен от имени князя Ростислава, который тогда продолжал занимать Смоленский стол, и является дополнением к его ранее выданной Уставной и жалованной грамоте 1136 г.³ Любопытно, что если в Грамоте, говоря

² «В лѣтѣ 6645 Поставиша епѣпа Мануила скопца Смолиньску. потоу^а другого скопца Володимерю . епѣпа Февдора» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304). «В лѣто 6645 Поставленъ бы скопечъ Мануило епѣпомъ Смоленскоу. пѣвчъ горазды . иже бѣ пришесть изъ Грекъ . самъ третии . къ бѣголюбивому кнѣзю Мстиславу . предъ симъ бо бѣ не былъ епѣпъ Смоленскѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300).

³ Ср. с зачином статей Уставной и жалованной грамоты Смоленской епископии 1136 г.: [5] «И се даю ис Торопча...»; [8] «И се есми дал землю п Погоновичох...»; [9] «И се даю на посвѣт с(вя)

об учреждении Смоленской епархии, Ростислав апеллирует к авторитету отца, киевского князя Мстислава Великого (1125–1132): «Приведох еп(и)ск(о)па Смоленску, здоумав с людьми своими, по повелению о(т)ца своег(о)... еж(е) хотев при животѣ своем сътворити» (ДКУ. С. 141); то в Записи он ссылается на решение, которое было принято дедом – Владимиром Мономахом, по всей видимости, когда тот сидел в Переяславле (1094–1113). Как нужно понимать эту ссылку?

Под 6609 (1101) г. Ипатьевская летопись сообщает, что Владимир «заложи ц(е)рк(о)вь оу Смоленськѣ. с(вя)тоѣ . Б(огороди)цѣ камяну епискупью» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 250)⁴. Речь идет о строительстве каменного Успенского собора в Смоленске, который с 1136 г. стал резиденцией местных епископов. Вплоть до середины 1120-х гг. город был частью Переяславской земли, поэтому в церковно-административном отношении собор и его клир находились в ведении переяславского архиерея, которым тогда являлся Семеон. Таким образом, в Записи князя Ростислава 1150 г. упоминается пожалование князя Владимира Мономаха Переяславской кафедре по случаю возведения в Смоленске каменного храма. Спустя почти полстолетия смоленский князь Ростислав, внук Владимира, юридически закрепил это владение за местным архиереем.

По вопросу о том, что было объектом пожалования 1150 г., в историографии существуют две принципиально разные точки зрения. По мнению Я.Н. Шапова, речь в Записи князя Ростислава идет о форме рельефа – небольшой возвышенности внутри Смоленска. Здесь, как считал историк, возможны варианты: либо в 1101 г. при основании Успенского собора Владимир передал переяславскому епископу под строительство один из городских холмов – Соборный, что в 1150 г. было подтверждено его внуком; либо Ростислав, «следуя примеру деда, передал епископии другой холм для того, чтобы здесь была построена еще одна церковь». Эти версии исследователь считает одинаково вероятными (Шапов 1963. С. 46)⁵. Между тем указанная интерпретация документа порождает вопросы, которые в своей совокупности ставят ее под сомнение.

1. Прежде всего, почему при наличии полной датировки, определении года, индикта, месяца и дня, в Записи князя Ростислава отсутствует то-

---

тъи Б(огороди)ци из двора своего...» (ДКУ. С. 143–144). В связи с этим не лишено оснований мнение Я.Н. Шапова о том, что последние статьи грамоты, в которых говорится о передаче Смоленской кафедре земельных владений и права взимать натуральные повинности, были дописаны позже.

⁴ Думаю, что либо вся запись, либо слово «епискупью» были внесены в летопись задним числом, уже после учреждения кафедры в Смоленске (Шапов 1963. С. 40).

⁵ Эта гипотеза получила известное признание среди исследователей (см., например: Карпов 2016. С. 271; Фомина 2016. С. 177).

понимическая привязка владения или указание на его местонахождение? Это тем более странно, что в Уставной и жалованной грамоте Смоленской епископии 1136 г., дополнением которой, как было отмечено выше, является данный акт, объекты недвижимости – села, земли, озера, сеножатни, передаваемые кафедре, – имеют собственные названия:

[7] Село Дросенское со изгой и з землю с(вя)тѣи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу и село Ясен(ь)ское и з бортником, и з землю, и съ изгой с(вя)тѣи Б(огороди)ци.

[8] И се есми дал землю в Погоновичох Моишин(ь)скую с(вя)тѣи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу и озера Нимикорская и с сеножат(ь)ми, и уездъ княж(ь), и на Сверковых луках сеножатни и уездъ княж(ь), озеро Колодарское с(вя)тѣи Б(о)городици (ДКУ. С. 143).

Может показаться, что исключением из данного правила является фрагмент документа о наделении епископии огородом и птичником:

[9] И се даю на повѣт с(вя)тѣи Б(огороди)ци из двора своего, осмь капии воску, и на горѣ огород с капустником, и з женою, и з дѣтми; за рекою теревник с женою и з дѣтми с(вя)тѣи Б(огороди)ци и еп(и)ск(о)пу (ДКУ. С. 144).

Однако при отсутствии топонимических определений здесь имеются указания на местонахождение. Объекты пожалования князь передает «из двора своего», что указывает на стольный Смоленск: огород располагается на «горе», а птичник – «за рекою».

В то же время названия населенных пунктов, которые должны были выплачивать десятину в пользу Смоленской епископии, составители Уставной и жалованной грамоты 1136 г. передают без указания на их административно-территориальный статус. Иными словами, при обозначении городов и погостов Смоленской земли пишутся только их названия, например:

А во Врочницѣх 200 гривен, то ти ис тог(о) взятти еп(и)ск(о)пу 20 гривен...

А в Торопчи дани четыри[с]та гривен, а еп(и)ск(о)пу с тог(о) взятти 40 гривен.

А в Жижци дани 130 гривен, а с тог(о) еп(и)ск(о)пу взятти 13 гривен.

А въ Каспли 100 гривен, а ис тог(о) еп(и)ск(о)пу взятти 10 гривен.

А в Хотшине дани 200 гривен, а ис тог(о) еп(и)ск(о)пу взятти 20 гривен... (ДКУ. С. 141).

Этому же принципу следуют составители Жалованной данной грамоты киевского князя Мстислава и его сына новгородского князя Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю 1130 г., где передаваемый оби-

тели погост Буицы определяется исключительно собственным именем, без указания на тип поселения (Каштанов, Столярова 2019. С. 311): «Сез, Мьстислав Володимирь сын, държа Руську землю, в свое княжение повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати [Буи]це святому Георгиеви с данию, и с вирами, и с продажами...» (ПРП. Вып. 2. С. 102).

Сказанное позволяет заключить, что «холм» Записи князя Ростислава 1150 г. – это не возвышенность в границах города Смоленска, как предполагал Я.Н. Щапов, а скорее название населенного пункта – имя собственное, включение которого в документ, с точки зрения древнерусского делопроизводителя, не требовало каких-либо дополнительных пояснений.

2. В тесной связи с Записью князя Ростислава 1150 г. находится еще один источник смоленского происхождения – Запись об освящении Успенского собора в Смоленске 1150 г., дошедшая до нас в виде дополнения к Похвале князю Ростиславу Мстиславичу (около 1167 г.):

С(вя)тилище с(вя)тые Б(огороди)ци ос(вя)тятся от Мануила перваг(о) еп(и)ск(о)па града Смоленска, м(е)с(я)ца августа 15 д(е)нь, индикта 13, в лета 6658-е (Щапов 1974. С. 59).

Как видно, обе записи не только связаны с историей Смоленского кафедрального храма, но и имеют общее происхождение, о чем говорит использование счета лет по индиктам и византийского календаря, в котором новый год начинался с 1 сентября. Вероятно, эти тексты были составлены кем-то из окружения епископа грека Мануила.

Я.Н. Щапов отмечал, что освящение, о котором говорится в Записи, не было первым, и связывал его с церковно-политическим кризисом середины XII в., когда русский епископат раскололся вследствие решения киевского князя Изяслава Мстиславича (1146–1154, с перерывами) возвести на митрополию без санкции патриарха монаха-схимника Клима Смолятича (1147–1155). Против этой инициативы выступили епископы Нифонт Новгородский и Мануил Смоленский, отказавшиеся признать митрополита, не получившего благословения в Константинополе (Щапов 1963. С. 43–44). Тогда Мануил «был лишен возможности выполнять свои функции в Смоленском соборе и это делал там кто-то другой», поэтому после возвращения опального архиерея в 1150 г. потребовалось повторное освящение храма (Щапов 1972. С. 145–146). Эта гипотеза Я.Н. Щапова не находит подтверждения в источниках, которые ничего не говорят об изгнании или возвращении Мануила после утверждения Клима на митрополии, не упоминают они и о каких-либо переменах в поло-

жении смоленского епископа в 1150 г. Думаю, что вторичное освящение Успенского собора было вызвано не катаклизмами церковно-политической борьбы середины XII в., а окончанием масштабных строительных работ по его расширению и последующей росписи, которые проводились по случаю учреждения Смоленской кафедры⁶.

Обращает на себя внимание хронологическая близость событий, о которых рассказывают обе смоленские записи: 15 августа 1150 г. Мануил освящает Успенский собор, а спустя полтора месяца, 30 сентября, Ростислав передает кафедре «холм». В связи с этим возникает вопрос: если «холм» являлся участком земли в границах города, то почему его передача епископии осуществлялась задним числом, после перестройки и освящения храма? Как кажется, в данном случае последовательность событий должна была быть иной: сначала кафедра получает права на землю, а затем следуют строительные работы и торжественное освящение главной церкви земли. Так, например, было в случае с собором Киево-Печерского монастыря, его строительство началось после того, как киевский князь Святослав Ярославич (1073–1076) пожаловал обители необходимый участок⁷.

3. Комментируя выражение Записи князя Ростислава 1150 г. «строит(и) наряд ц(е)рк(о)вныи и утвѣржен(ѣ)е», Я.Н. Щапов допускал два варианта его интерпретации. С одной стороны, слова «строити наряд ц(е)рк(о)вныи» он предлагал понимать в значении «заботиться о церковном порядке», а выражение «строити... утвѣржен(ѣ)е» – «обеспечивать поддержку церкви»; а с другой, склонялся к мысли переводить фразу «строити... утвѣржен(ѣ)е» буквально, т.е. «воздвигать опору, подпорку, укрепление». «Не имел ли Ростислав в виду, – задавался вопросом историк, – в 1150 г. какие-то работы по укреплению церкви Богородицы, построенной в первые годы XII в.?» (Щапов 1972. С. 143–144). Думаю, что в первом случае Я.Н. Щапов был ближе к истине. Действительно, «наряд» – это «порядок»; ср. в Поучении Владимира Мономаха: «На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемъ то я творилъ е(с)мь, и в ловчи ловчи нарядъ сам емь держалъ, и в конюсѣ(х), и о соколѣхъ, и о ястрябѣ(х)» (ПСРЛ. Т. 1.

⁶ О двух этапах строительства Смоленского собора в первой половине XII в. свидетельствуют проведенные в 1965 г. раскопки Н.Н. Воронина (Воронин, Раппопорт 1967. С. 293–294; 1979. С. 25–36).

⁷ «И се по строю Божию бѣ бл(а)гый князь С(вя)тославъ тоуда минуоуя, и видѣвъ много народъ, выпроси, чѣто творять тоу, и яко же оувѣдѣвъ, и съвративъ коня, приѣха къ нимъ и, яко от Б(ог)а подвижень, показа тѣмъ мѣсто на своемъ поли веля тоу възградити... таковою ц(е)рк(о)вь» (Успенский сборник 1971. С. 125).

Стб. 251). Что же касается слова «утвѣржен(ѣ)е», то в данном случае оно подразумевает «опору» (Срезневский 1903. Стб. 1308) не физическую, а духовную; ср. в Сказании о святых Борисе и Глебе: «Вы (святые Борис и Глеб. – Ю.А.) бо тѣмъ и намъ оружие, земля Русьскыя забрала и утвѣржение и меча обоуду остра, има же дързость поганьскую низълагаемъ и дияволя шатания въ земли попираемъ. По истинѣ несумьньнѣ рещи възмогу: вы убо небесная чловѣка еста, земельная ангела, стѣлпа и утвѣржение земле нашаея» (Абрамович 1916. С. 49–50). Поэтому выражение «строит(и) наряд ц(е)рк(о)вныи и утвѣржен(ѣ)е» нужно понимать как «укреплять церковные порядок и устои». Для выполнения этой программы в долгосрочной перспективе Смоленской церкви скорее требовался источник постоянного дохода, нежели участок под застройку.

Всё сказанное позволяет заключить, что «холм» Записи князя Ростислава 1150 г. – это поселение, доходы с которого, по решению Владимира Мономаха, должны были идти на строительство и материальное содержание Успенского собора в Смоленске. В начале XII в. адресатом этого пожалования выступила Переяславская кафедра в лице ее главы епископа Семена. После образования Смоленской епархии Холм перешел в ведение местного архиерея. Вероятно, по причине фактической принадлежности этого владения Успенскому собору в течение уже почти 30 лет оно не было прописано в Уставной и жалованной грамоте Смоленской епископии князя Ростислава Мстиславича 1136 г. Указанный недочет вскоре вскрылся и был исправлен путем составления дополнительного юридического акта.

Наш вывод согласуется с мнением предшественников Я.Н. Шапова, которые видели в «холме» населенный пункт и пытались определить его местоположение на карте Руси. Так, М.Д. Присѣлков обратил внимание на упоминание в Записи князя Ростислава 1150 г. епископа Семена и отождествил его с владимирово-волинским епископом Симеоном, который упоминается в статье 6631 (1123) г. Ипатьевской летописи в качестве преемника умершего годом ранее Амфилохия⁸. По мнению Присѣлкова, около 1123 г. киевский князь Владимир Мономах (1113–1125) пожаловал Холм вновь поставленному архиерею. Однако уже в 1136 г. митрополит Михаил (1130–1145), воспользовавшись кончиной Симеона⁹, выделил Холм из состава Владимирской епархии и передал его Смоленской кафедре (Присѣлков 1913. С. 332–334, 348–350). Судя по всему, М.Д. Присѣл-

⁸ «Того же лѣта поставиша Семеона епѣпомъ Володимерю» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287).

⁹ «В то же лѣтѣ преставися Симеонъ . епѣпъ . Володимерьскыи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278).

ков идентифицировал данное владение с городом Холм на реке Угер (ныне – Хелм в составе Люблинского воеводства Польши), расположенным приблизительно в 70 км к северо-западу от столицы Волынской земли.

Гипотеза М.Д. Присёлкова не может быть принята. Во-первых, едва ли Холм на р. Угер существовал как более или менее значимое поселение в начале XII в., по крайней мере, его основателем Ипатьевская летопись называет галичского князя Даниила Романовича (1201–1264). Во-вторых, представляется абсолютно невероятной передача епископу Мануилу города, лежащего на расстоянии почти 600 км от западной границы Смоленской земли. В истории Древней Руси не известны случаи, когда бы на территории одних епархий создавались бы полные анклавов других. И наконец, в-третьих, трудно себе представить, чтобы светские правители Волыни позволили митрополиту передать часть подконтрольной им территории в юрисдикцию чужой епархии. Замечу также, что сходство имен не может служить достаточным основанием для отождествления владимирского епископа Симеона с Семеном Записи князя Ростислава 1150 г. Я.Н. Щапов по этому поводу писал: «Наличие в летописях упоминания лишь одного епископа Симеона владими́ро-во́лынского не дает оснований считать, что названный в уставе Симеон обязательно во́лынский. В летописях упоминаются далеко не все главы епископий, и нередко бывает так, что в течение десятка и более лет там не упоминается епископ. Но это и не значит, что кафедра в эти годы была незанятой. Указание устава на выделение Смоленской епископии из Переяславской епархии дает основание, вопреки мнению М.Д. Присёлкова, видеть в этом Симеоне все же переяславского епископа» (Щапов 1963. С. 45).

Иную локализацию Холма предложил П.В. Голубовский. Он исходил из того, что «даруемый епископии город должен был иметь значение в торгово-промышленном отношении, чтобы епископия могла пользоваться с него доходами» (Голубовский 1895. С. 76). Такое поселение, по его мнению, следует искать на одном из важных торговых путей, связывающих Смоленскую землю с сопредельными территориями. Подходящим «кандидатом» на эту роль он считал городок Брагин Холм (ныне – деревня Холм Темкинского района Смоленской области), лежащий «на пути из Суздальской земли в Смоленскую». Аргументируя свой выбор, П.В. Голубовский отмечал, что значение данного поселения определяется «частым упоминанием его в источниках» (Голубовский 1895. С. 76). Однако следует иметь в виду, что все эти упоминания поздние, они от-

носятся к концу XV – XVII в.¹⁰ Письменные и археологические свидетельства в пользу древнерусского периода истории Брагина Холма пока не выявлены.

Представляется, что более подходящей альтернативой Брагину Холму является город Холм на р. Ловати (ныне – административный центр Холмского муниципального района Новгородской области), расположенный в 270 км к северу от Смоленска. Вероятность такой локализации, по всей видимости, предполагал и П.В. Голубовский, но отказался от нее. По мнению историка, Холм, упоминаемый в Записи князя Ростислава, не мог «быть тем Холмом, который стоит на Ловати», поскольку последний «всегда принадлежал Новгороду» (Голубовский 1895. С. 76). Этот вывод историк аргументировал ссылками на показания источников последней трети XV в., а именно: Переписной оброчной книги Деревской пятины 1495 г. и Договорной грамоты короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом 1471 г. В первом случае мы имеем описание Холмского погоста в качестве составной части Деревской пятины – одной из пяти крупных административно-территориальных единиц Новгородской земли: «В Холмьском погостѣ волость за Васильемъ за Обѣдомъ да за его дѣтми... На погостѣ церковь Спаса Преображение...» (Новгородские писцовые книги 1862. Стб. 862). Во втором случае Холмовский погост фигурирует в качестве одного из пограничных рубежей Новгорода: «А что Ржова, и Великия Луки, и Холмовски погостъ, четьрѣ перевары, а то земли новгородцкие; а в то ся тебѣ, честному королю, не вступати, а знати тебѣ своя черна куна, а тѣ земли к Великому Новгороду. А Ржевѣ, и Лукамъ, и Холмовьскому погосту, и инымъ землямъ новгородцкимъ и водамъ от Литовскои земли рубеж по старине» (ГВНП. С. 130–131). Последняя фраза, которая, по всей видимости, оказала определяющее влияние на суждение П.В. Голубовского, создает иллюзию, что Холм принадлежал Новгороду в течение продолжительного времени («по старине»). Однако речь в данном случае идет о древности «рубежей», т.е. о границах территорий, в том числе и Холмовского погоста.

¹⁰ Первое из приведенных П.В. Голубовским упоминаний Холма относится к августу 1494 г. и связано с посольством в Москву от литовского князя Александра Казимировича (1492–1506): «И поехал Лютавар (литовский посол. – Ю.А.) с Москвы в субботу, августа 30. А велель ему дати князь (Иван III. – Ю.А.) велики с Москвы 30 подвод с Москвы до Можайска, а из Можайска велел дати трицать подвод до Вязмы, а из Вязмы велел дати Лютавару судно до Дорогобужа. А в приставех у него был на Москве Хозюк Повадин; а от Холму ехал с ним до Москвы в приставех, корм давал по дорозе, да и назад от Москвы до Холму» (Сборник 1882. С. 155). Дата 1503 г., указанная П.В. Голубовским, является ошибочной.

В.Л. Янин убедительно показал, что мнение П.В. Голубовского о древней принадлежности Холма Новгороду безосновательно. Город вошел в состав Новгородской земли незадолго до ее присоединения к Московскому государству. По крайней мере, в Договорной грамоте литовского великого князя Казимира с Великим Новгородом о мире 1441/42 г. в числе территорий на новгородско-литовском пограничье, с которых Новгород передавал доходы Литве, Холм не фигурирует¹¹. Граница между государствами определяется по землям половчан, витеблян и торопчан («А рубежь Новугороду с Литвою по старому рубежю земли и водѣ и с волочаны, и с витбляны, и с торопчаны» [ГВНП. С. 116]), а это позволяет думать, что на момент заключения договора Холм тяготел к Торопцу – древнему городу Смоленской земли, упомянутому в Уставной и жалованной грамоте Смоленской епископии 1136 г. Об этом говорит и разделение Холмского погоста на «переварь», о котором сообщается в докончании 1471 г. Деление на перевары – административно-территориальные единицы, связанные с производством меда, – было присуще Торопецкой земле, о чем недвусмысленно свидетельствует Торопецкая писцовая книга 1540–1541 гг. (Писцовая книга 2004. Т. 4. С. 501–682). И, наконец, последнее: как отмечал В.Л. Янин, «древняя принадлежность Холма и его округи не Новгороду, а смоленскому Торопцу подтверждается и фортификационной деятельностью князя Александра Ярославича, который в 1239 г. “с новгородци сруби городци на Шелони”, организовав систему пограничной обороны Новгорода (к ней относят городки Порхов, Опоку, Высокое, Вышгород, Кошкин), расположенную севернее, а не южнее Холма» (Янин 1998. С. 76).

Итак, у нас есть основания считать, что в домонгольский период истории Руси Холм на Ловати принадлежал смоленскому Торопцу, а значит, нет препятствий для его отождествления с «холмом» Записи князя Ростислава 1150 г. Более того, есть косвенные подтверждения такому предположению. Те немногочисленные примеры, которые имеются в нашем распоряжении, говорят о существовании в Древней Руси практики пожалования церковным институтам приграничных территорий. Одним из таких примеров является передача в 1130 г. уже упоминавшегося выше погоста Буицы новгородскому Юрьеву монастырю. Характеризуя данное пожалование, С.М. Каштанов и Л.В. Столярова отмечают: «Село Буице находилось на южной границе Новгородской земли, в довольно

¹¹ Доходы передавались «с волостей Молвотиц, Кунска, Березовца, Стержа, Моревы, Жабны, Лопастец, Буйца, а также с Любокова, Заклинья и Ржевы (Пустой)» (Янин 1990. С. 176).

пустынным районе, где, по-видимому, еще не было постоянной администрации. Поэтому монастырь приобретал вместе с иммунитетными правами роль своего рода местной власти, ведающий не только монастырскими людьми, но и в какой-то мере населением более обширной округи» (Каштанов, Столярова 2019. С. 318). Еще один пример относится к Суздальской земле. В Лаврентьевской летописи под 6747 (1239) г. читаем «Того^ж лѣ^т на зиму взяша Татарове Мордовьскую землю . и Муром^ѣ пожгоша . и по Клязмѣ воеваша . и гра^д стѣя Бѣа . Гороховець пожгоша» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470). «Святой Богородицей» здесь называется Успенский кафедральный собор во Владимире, построенный князем Андреем Боголюбским (1157–1174). Гороховец, располагавшийся на правом берегу Клязмы, недалеко от ее впадения в Оку, был построен Андреем как пограничный город, призванный защищать Суздальскую землю от вторжений восточных соседей – мордвы и болгар. По мнению В.А. Кучкина, город не случайно был передан Владимирской кафедре: «На главный собор княжества перелагались заботы по охране пограничной земли» (Кучкин 1984. С. 91)¹².

Подведем итог. В начале XII в. переяславский князь Владимир Мономах инициировал строительство каменного собора Успения пресвятой Богородицы в Смоленске. Для реализации этого проекта Переяславской кафедре, в юрисдикции которой тогда находился Смоленск, был передан Холм – небольшой городок на границе с Новгородской землей, лежащий на правом берегу р. Ловати. После образования Смоленской епархии в 1136 г. доходы с него автоматически стали поступать в казну местного владыки – грека Мануила. Фактическая принадлежность Холма соборному клиру в течение почти 30 лет стала причиной того, что он не вошел в число объектов нового пожалования, зафиксированных в грамоте Ростислава Мстиславича 1136 г. Это упущение обратило на себя внимание позже. После перестройки и повторного освящения главного собора земли (15 августа 1150 г.) права кафедры на Холм получили юридическое закрепление путем составления отдельного акта – Жалованной записи Смоленской епископии 30 сентября 1150 г.

¹² Кроме Гороховца Владимирской кафедре принадлежали и другие города Суздальской земли. Об этом прямо говорит владимирский епископ Симон (ум. 1226) в своем письме к иноку Поликарпу (первая четверть XIII в.): «Кто не вѣсть мене, грѣшнаго епископа Симона, сея съборныа церкви, красоты Володимирьскыя, и другыя Суждальскыя церкви, юже сам създах? Колико имѣта градовъ и сель, и десятину събирають по всеи земли тои» (Абрамович 1991. С. 103).

- Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. [*Abramovich D.I.* Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im (Lives of Saint Martyrs Boris and Gleb and Services to Them). Petrograd, 1916.]
- Абрамович Д.И.* Киево-Печерский патерик. Киев, 1991. [*Abramovich D.I.* Kievopecherskij paterik (The Paterikon of the Kievan Cave Monastery). Kiev, 1991.]
- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. [*Berezhkov N.G.* Khronologiya russkogo letopisaniya (The Chronology of the Rus Annals). Moscow, 1963.]
- Воронин Н.Н., Ратнопорт П.А.* Смоленский детинец и его памятники // СА. 1967. № 3. С. 287–302. [*Voronin N.N., Rappoport P.A.* Smolenskij detinets i ego pamyatniki (The Kremlin of Smolensk and Its Monuments) // Sovetskaya arkhologiya. 1967. № 3. S. 287–302.]
- Воронин Н.Н., Ратнопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. [*Voronin N.N., Rappoport P.A.* Zodchestvo Smolenska XII–XIII vv. (Architecture of Smolensk, the 12th–13th Centuries). Leningrad, 1979.]
- Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. М., 1901. Т. 1, 1-я половина. [*Golubinskij E.E.* Istoriya Russkoj cerkvi (A History of the Russian Church). Moscow, 1901. T. 1, 1-ya polovina.]
- Голубовский В.П.* История Смоленской земли до начала XV в. Киев, 1895. [*Golubovskij V.P.* Istoriya Smolenskoj zemli do nachala XV v. (A History of the Smolensk Land up to the Early 15th Century). Kiev, 1895.]
- Карпов А.Ю.* Русская Церковь X–XIII вв.: Биографический словарь. М., 2016. [*Karpov A.Yu.* Russkaya Tserkov' X–XIII vv.: Biograficheskiy slovar' (The Rus Church of the 10th–13th Centuries: A Biographical Dictionary). Moscow, 2016.]
- Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Париж, 1959. Т. 1. [*Kartashev A.V.* Ocherki po istorii Russkoj tserkvi (Essays on the History of the Russian Church). Paris, 1959. T. 1.]
- Кашпровский Е.И.* Учреждение Смоленской епископии. Киев, 1896. [*Kashprovskij Ye.I.* Uchrezhdeniye Smolenskoj yepiskopii (The Foundation of the Bishopric of Smolensk). Kiev, 1896.]
- Каштанов С.М., Столярова Л.В.* Мстиславова грамота: Проблемы происхождения // ДГ, 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма. М., 2019. С. 282–330. [*Kashtanov S.M., Stolyarova L.V.* Mstislavova gramota: Problemy proiskhozhdeniya (The Mstislav Charter: Problems of Origin) // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2017–2018 god: Ranniye formy i funktsii pis'ma. Moscow, 2019. S. 282–330.]
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. [*Kuchkin V.A.* Formirovaniye gosudarstvennoy

- territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. (The Formation of the State Territory of Northeastern Rus in the 10th–14th Centuries). Moscow, 1984.]
- Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1862. Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 2-я половина. [Novgorodskiye pistsovyye knigi, izdannyye Arkheograficheskoyu komissiyeyu (Novgorodian Land Cadasters Published by the Archaeographic Commission). St-Petersburg, 1862. T. 2: Perepisnaya obrochnaya kniga Derevskoy pyatiny, okolo 1495 goda. 2-ya polovina.]
- Писцовая книга Торопецкого уезда письма Александра Давыдовича Ульянина и Тимофея Степанова сына Бибикова // Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К.В. Баранов. М., 2004. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. С. 501–682. [Pistsovaya kniga Toropetskogo uyezda pis'ma Aleksandra Davydovicha Ul'yantina i Timofeya Stepanova syna Bibikova (The Land Cadaster of the Toropets Uezd) // Pistsovyye knigi Novgorodskoy zemli / Sost. K.V. Baranov. Moscow, 2004. T. 4: Pistsovyye knigi Derevskoy pyatiny 1530–1540-kh gg. S. 501–682.]
- Прищёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. [*Prisyolkov M.D.* Ocherki po tserkovno-politicheskoy istorii Kiyevskoy Rusi X–XII vv. (Essays on the Church-Political History of Kievan Rus, the 10th–12th Centuries). St-Petersburg, 1913.]
- Протоколы заседаний Археографической комиссии 1835–1840. СПб., 1885. Вып. 1. [Protokoly zasedaniy Arkheograficheskoy komissii 1835–1840 (Minutes of Meetings of the Archaeographic Commission, 1835–1840). St-Petersburg, 1885. Vyp. 1.]
- Сборник Имп. Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных; т. 1: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. [Sbornik Imp. Russkogo istoricheskogo obshchestva (Miscellany of the Emperor's Russian Historical Society). St-Petersburg, 1882. T. 35: Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostrannymi; t. 1: Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim.]
- Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. [*Sreznevskiy I.I.* Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam (Materials for the Dictionary of Old Rus Language from the Written Sources). St-Petersburg, 1903. T. 3.]
- Успенский сборник XII–XIII вв. / Подгот. к печати О.А. Князевская и др. М., 1971. [Uspenskiy sbornik XII–XIII vv. (The Uspensky Miscellany) / Podgot. k pechati O.A. Knyazevskaya i dr. Moscow, 1971.]

- Фомина Т.Ю.* Церковно-политические аспекты истории Смоленской епископии XII–XIII вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4 (66). Ч. 2. Тамбов, 2016. С. 176–180. [*Fomina T.Yu.* Tserkovno-politicheskiye aspekty istorii Smolenskoey yepiskopii XII–XIII vv. (Church-Political Aspects of the History of the Bishopric of Smolensk in the 12th–13th Centuries) // Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. № 4 (66). Ch. 2. Tambov, 2016. S. 176–180.]
- Щапов Я.Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 37–47. [*Shchapov Ya.N.* Smolenskiy ustav knyazyu Rostislava Mstislavicha (The Smolensk Statute of Prince Rostislav Mstislavich) // Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1962 g. Moscow, 1963. S. 37–47.]
- Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. [*Shchapov Ya.N.* Knyazheskiye ustavy i tserkov' v Drevney Rusi (Princely Statutes and Church in Old Rus). Moscow, 1972.]
- Щапов Я.Н.* Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 47–59. [*Shchapov Ya.N.* Pokhvala knyazyu Rostislavu Mstislavichu kak pamyatnik literatury Smolenska XII v. (The Panegyric to Prince Rostislav Mstislavich as as Monument of Smolensk 12th-Century Literature) // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury. Leningrad, 1974. T. 28. S. 47–59.]
- Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. [*Shchapov Ya.N.* Gosudarstvo i tserkov' Drevney Rusi X–XIII vv. (State and Church in Old Rus, the 10th–13th Centuries). Moscow, 1989.]
- Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. [*Yanin V.L.* Novgorodskie akty XII–XV vv.: Khronologicheskiy kommentariy (Novogordian Acts of the 12th–15th Centuries: Chronological Commentary). Moscow, 1990.]
- Янин В.Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. [*Yanin V.L.* Novgorod i Litva: pogranichnye situatsii XIII–XV vekov (Novgorod and Lithuania: Border Situations of the 13th–15th Centuries). Moscow, 1998.]

WHAT *HOLM* WAS GRANTED TO THE CATHEDRAL OF SMOLENSK?

The author analyzes the *Granting Record* of the Bishopric of Smolensk, issued on the 30th of September, 1150, by Prince Rostislav Mstislavich (1127–1167). A certain *Holm* ('Hill') was granted to the bishop. Due to the works by Yaroslav N. Shchapov, scholars generally believe that *Holm* in question was a hill inside the city of Smolensk, where the cathedral was to be erected. The analysis of sources leads to another conclusion: *Holm* was a populated place outside Smolensk, incomes from which were granted to the bishopric. That probably was the little town called Holm on River Lovat, near the border of the lands of Smolensk and Novgorod. If so, this is one more example of granting to the church of frontier lands situated far from the center of the diocese.

Keywords: Old Rus, Smolensk, church, Holm, Bishop Manuil of Smolensk, Prince Rostislav Mstislavich

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-90-105

Т.В. Гимон

РАЗДЕЛЕНИЕ РОСТОВСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XIII В. И ЛЕТОПИСАНИЕ*

В 1213 г. был отстранен от должности ростовский епископ Иоанн, после чего были рукоположены двое епископов: Пахомий – в Ростов и Симон – во Владимир и Суздаль. Это разделение епархии, несомненно, отражало ситуацию политического соперничества между старшими сыновьями Всеволода Большое Гнездо: Константином, сидевшим в Ростове, и Юрием, владевшим Владимиром и Суздалем. Интересно, что в начале XIII в. мы наблюдаем уникальную ситуацию с летописанием: если до статьи 1206 г. основные северо-восточные летописи (Лаврентьевская, Радзивилловская, Московско-Академическая, Летописец Переяславля-Суздальского) дают единый текст, то затем видим два независимых продолжения: в Лаврентьевской летописи и Летописце Переяславля-Суздальского (здесь оно доведено только до статьи 1214 г.). При этом оба продолжения создавались из года в год, а не «задним числом», а следовательно, разделение летописной традиции произошло несколькими годами ранее разделения епархии и, более того, еще при жизни Всеволода. В статье приводится ряд аргументов в пользу того, что в последние годы жизни Всеволода Симон, тогда игумен Рождественского монастыря во Владимире, мог играть роль неформальной главы владимирской церкви, тем более в ситуации, когда Ростовское княжество стало политически автономным (там с 1207/08 г. княжил Константин Всеволодич). Именно Симон (или кто-то из его ближайшего окружения), по предположению автора, вел летопись, отразившуюся в Летописце Переяславля-Суздальского. Он же, по-видимому, участвовал в составлении той редакции предшествующего летописного текста, что отразилась в Радзивилловской и Московско-Академической летописях и Летописце Переяславля-Суздальского. Лаврентьевская же летопись восходит к старому (неотредактированному) экземпляру владими́ро-суздальской летописи, который был продолжен как епископская летопись Иоанна

---

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1). Благодарю А.А. Кузнецова, Е.А. Мельникову, Л.В. Столярову, А.С. Щавелева и в особенности Ю.А. Артамонова и П.В. Лукина за полезные замечания. Отдельная благодарность Н.И. Милотенко за возможность поработать с текстом ее кандидатской диссертации.

и его преемников на Ростовской кафедре. Таким образом, хотя разделение летописания произошло ранее формального разделения епархии, эти два события всё-таки связаны, что подтверждает общий вывод о связи летописания с епископскими кафедрами в домонгольской Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, Средние века, летописание, церковь, Северо-Восточная Русь, епископ Симон Владимирский

Раннее древнерусское летописание в значительной степени развивалось при епископских кафедрах. Это утверждение, несомненно, справедливо для Новгорода: здесь, как показал А.А. Гиппиус, смены летописцев, ведших из года в год основную новгородскую летопись в XII – первой трети XIV в., как правило, совпадают по времени со сменами (архи)епископов (Гиппиус 2006). Как я старался показать, эта закономерность прослеживается и позже: в середине XIV – начале XV в. (Гимон 2019). По данным А.Г. Боброва, подобная же взаимосвязь сохранялась в XV столетии (Бобров 2001. С. 80–91, 180; 2008). Наблюдения А. Тимберлейка и мои говорят о том, что аналогичная связь может быть прослежена и для Ростова: в тексте Лаврентьевской летописи (далее: Лавр.) за последнюю треть XII – середину XIII в. определенные изменения, относящиеся к языку, стилю, кругу интересов летописцев, тоже коррелируют со сменами епископов, на этот раз – ростовских (Timberlake 2000; Гимон 2012; 2015)¹. Весьма вероятна связь летописания и епископской кафедры в Переяславле-Южном в XII в. (Насонов 1969. С. 108–110; Гимон 2022. С. 159–160). Думаю, можно говорить о том, что раннее летописание Руси и было в основном епископским² – за исключением Киева, где центрами составления летописей были пригородные монастыри, Киево-Печерский и Выдубицкий³.

¹ Ср., однако, кратко высказанную С.М. Михеевым (2011. С. 22, примеч. 29) мысль о том, что владими́ро-суздальские летописцы были княжескими и менялись вслед за сменами князей.

² О связи летописания с епископскими кафедрами пишет А.Н. Ужанков (2015. С. 70–71), однако он, наряду со вполне реальными, приводит очень сомнительные примеры такой связи. Например, исследователь утверждает (без какого-либо обоснования), что следы ранних летописных записей есть во всех центрах, где епископские кафедры были открыты вскоре после крещения Руси: в Новгороде, Ростове, Чернигове, Белгороде, Владимире-Волынском, – и называет это «закономерностью» (Там же. С. 70). Насколько я знаю, из указанных центров данные о ведении летописей есть применительно лишь к Новгороду, Ростову и Чернигову, причем к двум последним – не ранее середины XII в.

³ Обзор данных см.: Guimon 2021. P. 290–3020. Вопрос о «княжеском» летописании, которое исследователями иногда противопоставляется епископскому или монастырскому (Перфецкий 1922. С. 33-35, 59-74; Присёлков 1996. С. 110–111, 126, 133; Домбровский 2015. С. 23–24; и др.; ср. также примеч. 1), требует отдельного рассмотрения. На мой взгляд, данных в пользу существования в XI–XIII вв. какого-то отдельного княжеского летописания недостаточно, что, разумеется, не исключает вмешательства князей в летописание, спонсирования ими летописной работы и, уж тем более, лояльности летописцев по отношению к конкретным князьям.

Но вернемся к Суздальской земле. Упомянутая связь между летописным текстом (по Лавр.) и сменами ростовских епископов показывает, что присутствующая во многих летописеведческих работах дилемма «ростовская vs. владимирская летопись»⁴ является некорректной (применительно ко второй половине XII – самому началу XIII в.; о дальнейшем как раз и пойдет речь в настоящей статье). В Лавр. и близкородственных текстах отразилось летописание, патронировавшееся ростовскими епископами, – но ростовские епископы были в такой же степени епископами суздальскими и владимирскими. Так, по Лавр., Лука в 1185 г. был поставлен «епископомъ Ростову, и Володимерю, и Суждалю, и всеи земли Ростовской» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 391). В сообщении о его смерти он титулуется: «епископъ Лука, Ростовскыи, Володимерьскыи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407). Его преемник Иоанн был поставлен пастухом «всеи земли Ростовской, Суждальской и Володимерьской»⁵, причем Лавр. приводит даты торжественного вступления Иоанна в каждый из трех городов (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408). Поскольку Иоанн в последнюю очередь прибыл во Владимир, вероятно, этот город и стал его основным местопребыванием (Вахрина и др. 2010. С. 205). Константинопольский патриарх Лука Хрисоверг, в своем послании Андрею Боголюбскому 1160-х гг., считал допустимым пребывание ростовского епископа во Владимире, коль скоро этот город был местопребыванием князя (ПДКП. Ч. 1. 1908. Стб. 68). Учитывая, что с политической точки зрения главным городом при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо был, конечно, Владимир, более чем естественной видится ситуация, при которой ответственным за ведение летописи был епископ (Ростова, Суздаля и Владимира), а хранилась и пополнялась она при владимирском Успенском соборе⁶.

В 1213 г. произошло разделение епархии. Об этом сообщают Лавр. и Летописец Переяславля-Суздальского (далее: ЛПС), оба под 6722 ультрамартовским (т.е. 1213/14) годом⁷. Согласно Лавр., «Иоанн, епископъ

⁴ См., например: Насонов 1969. С. 122, 131 и др.; Введенский 2023. С. 16.

⁵ Эта титулатура явно не была строгой. Иногда епископы именуются только ростовскими (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348, 436; Т. 2. Стб. 491, 629), суздальскими (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352; Т. 2. Стб. 520, 630) или владимирскими (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355). В сообщении об отречении Иоанна в 1213 г. в Лавр. сказано: «епископъ Суждальскыи отписася епископии всея земля Ростовская» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 438). О том, что у епархии был не один единственный центр, говорят добавления Ипат. (читай: Киевского свода рубежа XII–XIII вв.) к сообщениям владими́ро-суздальского источника о богородичных церквях Владимира и Суздаля: в Ипат. они называются епископскими (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491, 580; см.: Гимон 2023. С. 94–95).

⁶ О том, что этот храм был вероятным местом ведения летописи см.: Присёлков 1996. С. 125–126.

⁷ По Н.Г. Бережкову (1963. С. 103–104), эта статья Лавр. – мартовская, однако Ю.А. Артамонов (2021. С. 178–179) убедительно показывает, что эта и ряд последующих статей Лавр. – ультрамартовские. Пахомий был рукоположен во епископы Ростовские 10 ноября 1213 г., а вступил в Ростов 28 января 1214 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 438). Следовательно, отречение Иоанна и фактическое разделение кафедры следует относить к 1213 г. Кстати, ранее такая же дата, хотя

Суждальский, отписая епископы всея земля Ростовская и пострижеся в черньцѣ в монастыри в Боголюбомъ», после чего Константин Всеволодич послал к митрополиту на поставление «отца своего духовнаго» Пахомия, а Юрий Всеволодич – игумена владимирского Рождественского монастыря Симона (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 438). Согласно ЛПС, «володимирци съ княземъ своимъ Гюръемъ изъгнаша Иоанна изъ епискупства, зане неправо творяше, а Симона поставиша»; ростовцы же у себя «поставиша епископомъ Пахомия» (ПСРЛ. Т. 41. С. 132)⁸.

Эти два описания различаются оценками и деталями, но в целом говорят об одном и том же: об отречении епископа Иоанна и поставлении вместо одного – двоих епископов: в Ростов (т.е. во владения Константина Всеволодича) и во Владимир и Суздаль (т.е. во владения Юрия Всеволодича). Не может вызывать сомнений, что разделение епархии стало отражением политической ситуации, когда, после смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г., возникло неустойчивое равновесие между его старшими сыновьями-соперниками – Константином и Юрием, сидевшими, соответственно, в Ростове и Владимире. Как справедливо писал А.В. Назаренко, здесь перед нами один из бесспорных примеров того, как епархиальная структура церкви следовала за изменениями государственно-политической структуры (Назаренко 2009. С. 173; 2014. С. 214–223)⁹.

И в этот же период возникает уникальная ситуация с летописанием. У нас имеются два независимых друг от друга летописных описания событий конца 1200-х – начала 1210-х гг.: в Лавр. и ЛПС¹⁰. До статьи 6714

и на других основаниях, была предложена Н.И. Милотенко в неопубликованной диссертации (1992. С. 210–214). Мысль А.В. Назаренко (2013. С. 22–23, примеч. 73) о том, что епископия могла быть разделена лишь спустя год после поставления нового ростовского епископа (Пахомия), как кажется, противоречит свидетельству сразу двух источников – Лавр. и ЛПС, где поставления Пахомия и Симона описаны как если не синхронные друг другу, то имевшие место в один год.

⁸ Обзор и анализ сообщений об этих событиях в сводах XV в. см.: Кузнецов 2012. С. 224–228. Обсуждение сути этих событий и историографические отсылки см.: Там же. С. 228–230; Назаренко 2014. С. 214–223.

⁹ Ср.: Щапов 1989. С. 51; Кузнецов 2012. С. 229.

¹⁰ По гипотезе А.Н. Насонова, владимирское летописание времен Юрия Всеволодича (за 1207–1234 гг.) отразилось также в Московском своде конца XV в.; впрочем, оно же отразилось и в Лавр. через ростовское посредство (Насонов 1969. С. 169, 201–225). Эта гипотеза развита Н.И. Милотенко (1992. С. 178–179 и сл., 227–228, 234 и др.). Критику гипотезы А.Н. Насонова об отражении летописания Юрия в Московском своде и анализ развития известий о событиях начала XIII в. в сводах XV в. см.: Кузнецов 2009; 2023; 2024. С. 135–140. С первой из этих работ, применительно к сообщению об уходе Мстислава Удатного из Новгорода в 1215 г., полемизирует П.В. Лукин, считающий, что Московский свод всё-таки восходит к летописи Юрия Всеволодича (Лукин 2018. С. 204–205, примеч. 4). Учитывая сложность и многочисленность взаимовлияния сводов XV–XVI вв., выявление в них фрагментов, относящихся к первой трети XIII в., представляется делом как минимум трудным, особенно в свете скептических наблюдений А.А. Кузнецова. Поэтому в настоящей статье я анализирую только тексты Лавр. и ЛПС, не обращаясь к более поздним сводам. Впрочем, я не считаю вопрос полностью закрытым,

(1206) г. Лавр.¹¹, ЛПС¹², а также Радзивилловская (Радз.) и Московско-Академическая (М.-А.) летописи дают, в целом, один и тот же текст, хотя ЛПС, Радз. и М.-А. содержат отредактированный вариант этого текста, а Лавр. – текст, не прошедший редактирования¹³. В Радз. и М.-А. текст после этого обрывается; в Лавр. – продолжается вплоть до начала XIV в., а в ЛПС имеется текстуально совершенно независимое от Лавр. описание событий 1206–1214 гг.¹⁴ Иными словами, после 1206 г. во Владимиро-Суздальской земле имело место *разветвление* летописной традиции.

Не буду сейчас вдаваться в проблему соотношения текстов этих четырех памятников до 1206 г., к которой обращался целый ряд ученых¹⁵. Считаю вполне убедительными выводы недавней статьи А.М. Введенского, который предлагает простую и логичную схему: свод 1185 г., продолженный записями за 1186–1205/06 гг.¹⁶, лег в основу Лавр. (а также Троицкой летописи)¹⁷. В 1206 г. на его основе был составлен новый свод (я бы скорее сказал: новая редакция летописи), отразившийся в Радз.–М.-А. Этот свод (редакция) был продолжен записями за 1206–1214 гг., на основе чего в 1216 г. был создан новый свод (редакция?), дошедшая до нас в ЛПС (Введенский 2023. С. 10–17). Введенский убедительно показывает, что никакие разночтения не противоречат этой схеме и не требуют ее усложнения.

В настоящей работе меня будет интересовать не *общий* текст Лавр.,

---

особенно учитывая то обстоятельство, что указанные соображения Н.И. Милютенко не были опубликованы кроме как в ее диссертации, и, соответственно, не обсуждались в работах других специалистов. Вопрос о возможном отражении владимирского летописания начала XIII в. в сводах XV–XVI вв. требует дальнейшего, обстоятельного обсуждения.

- ¹¹ Издана: ПСРЛ. Т. 1. Оцифрованную рукопись см.: https://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php.
- ¹² Издан: ПСРЛ. Т. 41. Оцифрованную рукопись см.: http://rgada.info/kueh/index2.php?str=181_3_279&name=Хронограф%20Архивский%20и%20Летописец%20Переславля-Суздальского (24.10.2023). Об ЛПС, с ссылками к более ранним работам, см.: Введенский 2023.
- ¹³ См. литературу, указанную ниже, примеч. 15, и особенно последнюю работу: Введенский 2023. С. 11–15 (см. общий вывод и стемму на с. 15).
- ¹⁴ И в Лавр., и в ЛПС статья 6714 г. продолжена по сравнению с общим текстом всех четырех памятников, причем отчасти речь в Лавр. и ЛПС идет об одних и тех же событиях, однако текстуально эти известия Лавр. и ЛПС независимы друг от друга, т.е. относятся не к общему тексту, а уже к его *разным* продолжениям (Введенский 2023. С. 13).
- ¹⁵ См.: Шахматов 2011. С. 19–20; Присёлков 1996. С. 99–107 и сл.; Лурье 1987; Прохоров 1989; Милютенко 1992. Гл. 2; 1996; Толочко 2006. С. 76–86; Михеев 2011. С. 16–26; Введенский 2023; и др.
- ¹⁶ На мой взгляд, между тем, что Введенский называет «сводом 1185 г.», и сводом/редакцией 1206 г. была еще одна промежуточная рукопись рубежа XII–XIII вв., к которой восходят и Лавр., и Радз.–М.-А.–ЛПС, тогда как более раннее состояние владими́ро-суздальской летописи отразилось в Киевском своде (в составе Ипатьевской летописи – см.: Гимон 2023). Для задач настоящей работы это не принципиально.
- ¹⁷ В отличие от А.М. Введенского (2023. С. 16), я не думаю, что в Лавр. к *владимирскому* тексту, доходившему до 1206 г., был «присоединен» *ростовский* текст за последующий период. Проще считать, что Лавр. мы имеем *продолжение* той же летописи, ведшееся в Ростове.

Радз., М.-А. и ЛПС, а текст после 1206 г., т.е. два независимых продолжения владими́ро-суздальской летописи: в Лавр. и в ЛПС. Перед нами, повторяюсь, уникальная для раннего русского летописания ситуация – *разветвление* летописи в пределах одной древнерусской земли. Другого такого примера просто нет. Насколько мне известно, никто не пытался соотнести это разветвление с фактом разделения Ростовской епархии в 1213 г., хотя вопрос о такой связи, на мой взгляд, напрашивается.

В работе 2021 г. я ошибочно предположил, что разделение летописи последовало за разделением епархии, и что текст за 6714 (последние известия) – 6722 гг. в ЛПС мог быть написан «задним числом» после поставления Симона епископом Владимирским (Guimon 2021. Р. 291–292). Однако текст ЛПС за указанные годы всё-таки не мог быть написан одновременно, после 1213 г.¹⁸ Хотя в нем присутствует совсем немного дневных дат¹⁹, по содержанию он мало напоминает «монотематическое» повествование, которое было бы характерно для летописи, пополненной одновременно за 8 лет (Алешковский 1976).

Так, в оригинальной части статьи 6714 г. в ЛПС присутствуют известия об усобицах в Южной Руси и о походе рязанских князей на половцев (с датой по церковному празднику), т.е. о событиях, которые вряд ли вспомнились бы владими́ро-суздальскому летописцу, задайся он в 1213 г. или позже целью описать важнейшие происшествия с 6714 г. Статьи 6715–6718 гг. целиком посвящены Рязанскому княжеству и связанной с ним деятельности Всеволода Большое Гнездо и Ярослава Всеволодича. Судя по этому тематическому единству, данные три статьи, наверное, были написаны единым блоком – однако вряд ли уже после 1213 г.: в них присутствует слишком много деталей, имен и пр., а главное – «рязанская тема» после статьи 6718 г. из ЛПС почти исчезает (есть только известие об освобождении рязанских князей Юрием под 6721 г.). В пользу составления этих статей уже после смерти Всеволода мог бы говорить интерес к фигуре Ярослава (что характерно для окончательной редакции ЛПС – см. ниже), однако этот интерес вполне естествен и для современника, поскольку Ярослав был одним из главных действующих лиц рязанских

¹⁸ Такое же мнение высказывала Н.И. Милютенко (1992. С. 210, 221). В другом месте исследовательница пишет, что при написании статей 6714–6720 гг. летописец опирался на «свои собственные краткие записи или на воспоминания» (Там же. С. 242, ср. с. 221).

¹⁹ Их всего три. Во-первых, в оригинальной части статьи 6714 г. имеется дата по церковному празднику, но без указания числа месяца «месяца апреля, Страстные недели в среду» (ПСРЛ. Т. 41. С. 127). Во-вторых, под 6721 г. дается дата смерти Всеволода: 16 апреля. Вероятно, дата ошибочна: в Лавр. – 13 апреля, причем указана еще память св. Мартина, папы Римского, что может соответствовать 13 или 14, но никак не 16 апреля (о датах смерти Всеволода в других сводах см.: Кузнецов 2009. С. 76). В-третьих, под тем же 6721 г. есть дата вступления Ярослава Всеволодича в Переяславль после смерти отца: 18 апреля. Вторая дата находится во фрагменте, который, вероятно, был вторичной переяславской вставкой (см. ниже).

событий²⁰. Тем более не похожи на написанные «задним числом» статьи 6719–6720 гг., где есть известия о рождении княжича (6719 г.) и о княжеских браках (6719, 6720 гг.).

Отмечу также, что ЛПС в статьях 6714–6722 гг. довольно последовательно придерживается ультрамартовского стиля и – в рамках этого стиля – мало грешит против абсолютной хронологии. Это видно при сопоставлении с Лавр., которая в эти же годы придерживается мартовского стиля (Бережков 1963. С. 92, 94–96, 99–104):

*Таблица 1. Синхронизмы Лавр. и ЛПС в статьях за вторую половину 1200-х – начало 1210-х гг.*²¹

Table 1. Synchronisms of the Laurentian and the Pereyaslavl-of-Suzdal Chronicles in the annals for the late 1200s and the early 1210s

событие	Лавр.	ЛПС
поход рязанских князей на половцев	6714	6714, апрель
поход Романа Мстиславича на Польшу и его гибель	6714	6714
поход Рюрика и Ольговичей к Галичу	6714	6714
приход Ярослава Всеволодича из Переяславля-Южного к отцу	6714 (вторая статья), 22 сентября	6715
поход Всеволода к Чернигову	6715, с 19 августа по 21 ноября	6716
посаждение Всеволодом в Рязани Ярослава	6716	6716
сожжение Всеволодом Рязани	6716	6717
война Всеволода с Изяславом Владимировичем и Кир Михаилом	6716, зима	6718
поход сыновей Всеволода к Торжку против Мстислава Мстиславича; мир	6717, зима	6720
рождение Всеволода Константиновича	6718, 18 июня	6719

²⁰ См. также ниже, примеч. 30.

²¹ События даны в порядке, как они изложены в Лавр.

женитьба Юрия Всеволодича на дочери Всеволода Чермного	6719	6720
смерть Всеволода Большое Гнездо	6720, 13 апреля	6721, 16 апреля
освобождение Юрием рязанских князей	6720	6721
поход Юрия и Ярослава к Ростову	6720	6721
отъезд Владимира Всеволодича в Москву	6721	6721
отречение епископа Иоанна, поставление епископов Симона и Пахомия	6722 (даты, относящиеся к Пахомию: 10 ноября, 28 января)	6722
закладка Константином Богородичной церкви в Ростове	6721, 25 апреля	6722

Для первых трех событий годовая дата в Лавр. и ЛПС совпадает (6714 г.) потому, что здесь Лавр. еще не перешла с ультрамартовского стиля на мартовский. Такая же ситуация со статьей 6722 г. (Лавр. снова вернулась к ультрамартовскому стилю, о чем уже говорилось). В промежутке же между этими двумя статьями сдвиг в большинстве случаев – на одну единицу, т.е. перед нами классическое, не вызывающее вопросов соотношение мартовского (в Лавр.) и ультрамартовского (в ЛПС) стилей²². Это говорит в пользу того, что годовые даты ЛПС в основном верны (в рамках ультрамартовского стиля).

Не противоречит этому и сопоставление с «Хроникой Ливонии» Генриха Латвийского. Под 6721 г. ЛПС сообщает о походе Мстислава Мстиславича Удатного с новгородцами на Варболу (в Эстонии), о котором Новгородская I летопись (Н1) говорит под 6722 г. (скорее всего, ошибочно) и указывает, что в поход выступили в Сыропустную неделю.

²² Исключения имеются. Так, посажение Ярослава Всеволодича в Рязани в обеих летописях датировано 6716 г. – видимо, потому, что в одном случае летописец завершил им рассказ о событиях предыдущего года, в другом – начал рассказ о событиях следующего. Наоборот, дата войны Всеволода с Изяславом Владимировичем и Кир Михаилом различается на две единицы (зима 6716 г. в Лавр. и 6718 г. в ЛПС). Как это часто бывает с зимними событиями, летописцы зафиксировали их под разными годами: Лавр. отнесла к концу 6716 мартовского года, а ЛПС – к началу 6718 ультрамартовского. Об исключениях из правила в статьях 6720–6722 гг. ЛПС см. чуть ниже.

«Хроника Ливонии», хронология которой обычно считается надежной, относит поход к концу 13-го года правления епископа Альберта, т.е. к 1211/12 г. (Бережков 1963. С. 253–254, 257; Матузова, Назарова 2020. С. 103, 140–141). Войско вернулось из похода, следовательно, не ранее весны 1212 (6721 ультрамартовского) года.

В Н1 как раз в эти годы наблюдаются хронологический сбой (события обозначены, как правило, на две единицы выше мартовского счета), вызванный, видимо, перерывом в ведении летописи (см.: Бережков 1963. С. 247–257; Гимон 2006. С. 99, 102–105, 110). В тех случаях, когда Н1 и ЛПС сообщают об одних и тех же событиях, дата Н1 оказывается на единицу больше (походы Всеволода на Рязань, описанные в ЛПС под 6716 и 6717 гг., а в Н1 – под 6717 и 6718 гг.; поход на Варболу – в ЛПС под 6721 и в Н1 под 6722 г.). Исключение: поход сыновей Всеволода на Торжок и последующий мир датируются зимой 6717 г. в Лавр., зимой 6718 г. – в Н1 и 6720 г. – в ЛПС. Видимо, поход имел место зимой 1209/10 г., а в ЛПС сдвиг на целых три единицы обусловлен тремя наложившимися друг на друга факторами: использованием ультрамартовского стиля, обычным сдвигом в описании зимних событий и ошибкой, произошедшей вследствие не вполне синхронной записи²³. Если так, то эта запись ЛПС была сделана уже после смерти Всеволода Большое Гнездо.

Статья 6722 г. ЛПС (и весь ЛПС) завершается словами «Се же бысть лѣто високостное». Високосным был февраль 1216 г. При мартовском стиле февраль 1216 г. должен был относиться к 6723-му, при ультрамартовском и сентябрьском – к 6724-му, но никак не к 6722 г. Впрочем, эта фраза настолько нетипична для летописей и настолько не связана с предшествующим текстом статьи, что она вполне может быть чьей-то маргиналией, при переписке ставшей частью текста ЛПС. Если так, то эта приписка не обязательно была сделана в 1216 г., а могла быть более поздней. В любом случае, датировать по ней написание предшествующего текста нельзя²⁴.

Предпоследнее сообщение ЛПС (перед словами про високосный год) – о закладке Константином церкви Богородицы в Ростове – находит себе соответствие в Лавр. под 6721 г. (с точной датой 25 апреля). Читающиеся перед ним известия об отречении епископа Иоанна и о поставлении Симона и Пахомия в Лавр. находятся под 6722 г. – как и в ЛПС, но Ю.А. Артамонов привел ряд убедительных доводов в пользу того, что с этой

²³ Сделанной «задним числом» – на тех же основаниях – эту запись ЛПС считает Н.И. Милютенко (1992. С. 210).

²⁴ Вопреки: Шахматов 2011. С. 127; Введенский 2023. С. 10. Н.И. Милютенко (1992. С. 231) обращает внимание на то, что високосным был еще 1212 г. – год смерти Всеволода. Однако если имелся в виду этот год, то неясно, каким образом данная фраза попала в статью 6722 г.

статьи Лавр. переходит к ультрамартовскому стилю, т.е. эти события тоже надо относить к 6721 мартовскому (1213/14) г. Лавр. приводит дневные даты поставления Пахомия и его прибытия в Ростов: 10 ноября и 18 января (Артамонов 2021. С. 178–179). Таким образом, заключительная часть статьи 6722 г. ЛПС говорит о событиях 6721 мартовского года, причем не в хронологическом порядке.

Итак, статьи ЛПС за 6714–6722 гг., хотя и не представляют собой совершенно систематическую летопись, не могли быть созданы полностью «задним числом», после разделения Ростовской епархии. Тем более нельзя предположить такого в отношении статей Лавр. за те же годы. В Лавр. практически в каждой статье имеются дневные даты, присутствуют многочисленные известия о «неполитических» событиях (рождениях [6717, 6718, 6721, 6722 гг.], княжеском браке [6719 г.], постригах княжичей [6720 г.], церковном строительстве [6715, 6721, 6722 гг.], пожаре [6719 г.], затмениях [6714, 6715 гг.]), что характерно для летописи, ведущейся из года в год. Следовательно, разделение летописания произошло ранее разделения епархии; более того – еще при жизни Всеволода Большое Гнездо (ум. 1212), т.е. еще до возникновения упомянутой ситуации неустойчивого равновесия между Константином и Юрием Всеволодичами.

Но почему же тогда произошло это разветвление летописной традиции? Что, собственно, нам известно? Мы знаем, что около 1206 г.²⁵ был создан новый экземпляр владими́ро-суздальской летописи, текст в котором был несколько отредактирован в духе прославления Всеволода Большое Гнездо²⁶. Однако если цель состояла в том, чтобы обновить летопись и сделать ее более политически правильной, естественным было бы, чтобы новыми записями отныне продолжался новый экземпляр²⁷. Между тем мы видим, что продолжены были *оба* экземпляра – и старый (текст, отразившийся в Лавр.), и новый (текст, отразившийся в ЛПС), – причем, повторюсь, эти приложения текстуально независимы друг от друга.

Как мы уже знаем, то продолжение, которое отразилось в Лавр., велось намного более систематически, нежели то, что отразилось в ЛПС. Также мы знаем, что продолжение, отразившееся в ЛПС, придерживалось ультрамартовского стиля (как и предыдущий, общий для Лавр. и ЛПС, текст), тогда как продолжение, отразившееся в Лавр., перешло на

²⁵ Предлагались и более поздние даты, вплоть до 1212 и 1216 г., однако в наиболее новых работах они не поддерживаются (см. литературу, указанную выше, в примеч. 15).

²⁶ Это было продемонстрировано еще А.А. Шахматовым (Шахматов 2011. С. 19–20; см. также: Присёлков 1996. С. 132–135, 267–268 [комментарий Я.С. Лурье]; Лурье 1987. С. 65–66; Введенский 2023. С. 11 и сл.).

²⁷ Ср. ситуацию, реконструируемую для Новгорода рубежа XII–XIII вв., где именно так и обстояло дело (Гимон 2017).

мартовский стиль. Возвращение к ультрамартовскому стилю видим в Лавр. со статьи 6722 г., сообщающей о разделении епархии²⁸.

Сравним содержание этих двух продолжений. Лавр. отличается большим в сравнении с ЛПС вниманием к Константину и Ростову. Под 6714 (вторая статья) и 6715 гг. в Лавр. находим славословия Константину (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 421–424, 428–429). В торжественном тоне, с эпитетом «христолюбивый», прославляющими его библейскими цитатами и пр. Константин фигурирует и далее, под 6715–6719 гг. (Там же. Стб. 430, 433–436). Известия, касающиеся именно Ростова и/или Константина читаются в Лавр. под 6715 (дважды), 6717 (дважды), 6718 и 6719 гг. Но при этом уделяется внимание не только Ростову, но и Владимиро-Суздальской земле в целом. В ЛПС нет такого специфического внимания ни к Ростову, ни к Константину (хотя упоминается рождение у Константина сына Всеволода, под 6719 г.)²⁹. Говорить о специфическом внимании ЛПС в эти годы к другим Всеволодичам (Юрию, Ярославу) оснований, как кажется, тоже нет³⁰.

О смерти Всеволода Большое Гнездо сообщают оба текста, причем оба приводят точную дату (как уже говорилось, не совпадающую: 13 апреля в Лавр. и 16 апреля в ЛПС³¹), некрологи (краткий в ЛПС и развернутый в Лавр.³²), описания похорон.

Что касается периода после смерти Всеволода, то Лавр. и ЛПС в эти годы отчасти сообщают об одних и тех же событиях, однако с разной степенью подробности и разными политическими акцентами. Рассказы о сложных взаимоотношениях Всеволодичей в ЛПС намного подробнее, чем в Лавр.³³ Очевидно, что ЛПС поддерживает Юрия и Ярослава. Это видно из приводимого в ЛПС «завещания» Всеволода под 6721 г.

²⁸ См. выше, примеч. 7.

²⁹ В Лавр. говорится о рождении у Константина двоих сыновей – Василька (под 6717 г.) и того же Всеволода (под 6718 г.).

³⁰ Н.И. Милютенко (1992. С. 210) считает, что записи, отразившиеся в ЛПС, велись в окружении Ярослава, причем летописец («личный летописец» Ярослава. – Там же. С. 214, ср. с. 221, 237, 242) перемещался вместе с князем (когда Ярослав княжил в Переяславле-Южном, ЛПС интересуется южнорусскими событиями; когда он княжил в Рязани – рязанскими; и т.д.). Это остроумное предположение опровергается, на мой взгляд, тем, что практически те же события (южнорусские, рязанские) освещает – причем подробнее – и Лавр. (см. выше, табл. 1). Более того, об участии самого Ярослава в южнорусской политике (его походе к Галичу) говорит только Лавр. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 427), а ЛПС не упоминает. Но Лавр. точно нельзя заподозрить в том, что это – «личный летописец Ярослава», ее статьи за эти годы симпатизируют Константину. Следовательно, южнорусские и рязанские события, о которых речь, представлялись на Северо-Востоке важными, и в силу этого оказались зафиксированы обоими летописцами.

³¹ См. выше, примеч. 19.

³² На некоторые параллели между Лавр. и ЛПС обратила внимание Н.И. Милютенко (1992. С. 227).

³³ Анализ этих статей с литературной точки зрения (включая цитирование в них ПВЛ, «Пчелы» и пр.) см.: Милютенко 1992. С. 228–232).

в пользу Юрия и из указания, что «Костянтинъ не утягль бѣ приехати над отца своего (т.е. на похороны отца. – *Т.Г.*) из Ростова» (ПСРЛ. Т. 41. С. 129), а также из описания встречи переяславцами Ярослава (Там же. С. 130)³⁴. Последний фрагмент с высокой вероятностью является вторичной, переяславской вставкой (см. ниже), в остальном текст ЛПС, скорее, обще-владимиристо-суздальский. В Лавр. эти политические события описаны кратко и (внешне) нейтрально, однако отметим, что Константин дважды назван «христоролюбивым» (в сообщениях о строительстве им церквей в Ростове – Там же. Т. 1. Стб. 437–438).

Как и в предшествующих статьях, Лавр. больше, чем ЛПС, интересуется Ростовом и Константином. В Лавр. имеются известия о постригах сыновей Константина (6720 г.), рождении у него третьего сына, Владимира (6722 г.), и о закладке Константином двух церквей в Ростове (6721 и 6722 гг.), но при этом есть и известие о рождении сына у Юрия (под 6721 г.). И в ЛПС снова имеется пусть одно, но всё-таки сообщение о Ростове и Константине: о закладке церкви под 6722 г. Таким образом, в этом отношении статьи за годы после смерти Всеволода не отличаются от статей за годы, предшествовавшие ей.

Подведу промежуточный итог. Текст, отразившийся в Лавр., на всем протяжении статей 6714–6722 гг. выглядит как текст летописи, ведшейся более или менее систематически; он похож на текст той же Лавр. до 1206 г. – за тем исключением, что после 1206 г. в Лавр. используется мартовский, а не ультрамартовский стиль, а также появляются славословия Константину. Текст ЛПС за 6715–6721 ультрамартовские (1206–1212) годы тоже выглядит как летопись, пополнявшаяся из года в год, но менее систематически, нежели текст Лавр. за те же годы. От последней ЛПС отличается несколько меньшая пространность, использование ультрамартовского стиля, отсутствие славословий Константину и меньшее внимание к Ростову. Однако статья 6722 г., а может быть – частично и 6721 г., судя по всему, составлена единовременно, спустя какое-то время после событий. Этот фрагмент, наоборот, намного пространнее описания соответствующих событий в Лавр. и обнаруживает лояльность Юрию и Ярославу.

Как объяснить эту картину? Почему в Северо-Восточной Руси, на тот момент политически единой и относившейся целиком к одной епархии, возникли две параллельно ведшиеся летописи, причем с достаточно похожим содержанием? Какая из них была епископской летописью Иоанна, и каков был статус другой?

Епископской летописью Иоанна, очевидно, следует признать текст, отразившийся в Лавр. Во-первых, в ЛПС, как уже было процитиро-

³⁴ Ср. анализ позиции автора этих описаний в ЛПС: Милютенко 1992. С. 206–209.

вано, под 6722 г. сказано, что Иоанн был изгнан потому, что «неправо творяше». Во-вторых, текст Лавр. (как он до нас дошел) отражает преемственную летопись ростовских владык: как уже говорилось, А. Тимберлейк выявил границы, коррелирующие со сменами епископов, в тексте за вторую половину XII в., а анализ тематики и формуляра сообщений показывает, что эта связь прослеживается и в XIII в. (Гимон 2012. С. 44–46; 2015).

Что же тогда представляла собой «редакция 1206 г.», продолжение которой погодными записями мы читаем в ЛПС? «Княжескую» летопись? В каком-то смысле это логичный ответ³⁵, однако почему до этого с функцией «княжеской» летописи (неумеренно прославлявшей деяния Всеволода, а прежде – Андрея Боголюбского) прекрасно справлялась епископская летопись, а теперь потребовалось отделение княжеской летописи от епископской? Может быть, в это время случился какой-то конфликт между Всеволодом и епископом Иоанном? Последнее предположение косвенно подтверждается тем, что в Радз., М.-А. и ЛПС отсутствуют некоторые имеющиеся в Лавр. фрагменты, связанные как раз с епископом Иоанном: его поучение (под 6701 г.), известия о его строительной деятельности (под 6702 г.), упоминание о его благословении (под 6708 г.)³⁶.

Впрочем, я бы искал ответ на поставленный вопрос не столько в плоскости «князь vs. епископ», сколько в плоскости «Владимир vs. Ростов». Ведшаяся до этого во Владимиро-Суздальской земле летопись, очевидно, была в одинаковой степени ростовской и владимирской – вне зависимости от того, где физически находился ее основной экземпляр. После 1206 г. по содержанию обе летописи продолжали оставаться «обще-владими́ро-суздальскими», однако в Лавр. несомненно большее внимание к Ростову и к Константину, а также восхваления последнего.

Зимой 1207/08 г. Константин Всеволодич сел на княжение в Ростове (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 434, под 6715 г.), т.е. Ростовское княжество стало автономным политическим образованием. С этим событием примерно совпадает по времени разветвление летописной традиции, а также пере-

³⁵ Вспомним тенденцию к прославлению Всеволода (см. литературу в примеч. 15). См. также выше, примеч. 1, 3.

³⁶ См.: Присёлков 1996. С. 38, 132, 267, коммент. 74 (Я.С. Лурье); Лурье 1987. С. 72–73. А.А. Кузнецов (2012. С. 230), вслед за А.А. Шахматовым, склонен считать эти пропуски непреднамеренными. А.В. Назаренко (2014. С. 219–221, примеч. 4) полагал, что пропуск фрагментов, связанных с Иоанном, был слишком непоследовательным, чтобы считать его преднамеренной анти-Иоанновской редактурой. На мой взгляд, отсутствие в Радз.–М.-А.–ЛПС нескольких фрагментов, относящихся к Иоанну (при сохранении других таких фрагментов), само по себе ничего не доказывает, но хорошо объясняется конфликтом, в котором редактор летописи находился не на стороне Иоанна.

ход Лавр. на мартовский стиль. Не буду, однако, утверждать, что создание в Ростове отдельного княжества повлекло за собой необходимость в отдельной ростовской летописи. Скорее, первичной была идея создать новый, отредактированный в духе прославления Всеволода экземпляр летописи («редакцию 1206 г.). Но оставался старый экземпляр, которому тоже можно было найти применение, – и он оказался в Ростове.

О трениях между Константином и его отцом, Всеволодом, говорит то, что, если верить ЛПС, Всеволод завещал Владимир и опеку над младшими братьями³⁷ Юрию, а Константин не приехал на похороны отца (ПСРЛ. Т. 41. Стб. 129). Хотя небеспристрастность ЛПС здесь очевидна, всё-таки в реальности конфликта трудно сомневаться. Анализ летописания высвечивает его еще больше. Во-первых, мы видим, что ростовской епископской летописью оказался не новый экземпляр владими́ро-суздальской летописи («редакция 1206 г.»), а ее старый экземпляр, тогда как новый, по-видимому, остался во Владимире и вёлся кем-то еще. Во-вторых, мы видим переход епископской летописи с ультрамартовского стиля на мартовский (тогда как текст, продолжавшийся во Владимире, остался верен ультрамартовскому стилю). Это можно объяснить только тем, что епископ Иоанн считал правильным стилем мартовский, тогда как Всеволод (или, скорее, какие-то влиятельные духовные лица в его окружении) был сторонником ультрамартовского стиля; став ростовским князем, Константин дал возможность епископу Иоанну перевести летопись на мартовский стиль³⁸. Отсюда заключаем, что епископ Иоанн находился после 1207 г. преимущественно в Ростове, а в вероятном конфликте Константина с отцом занял сторону Константина (или, может быть, наоборот, Константин поддержал епископа в каких-то его разногласиях со Всеволодом – здесь, к сожалению, мы не знаем никаких деталей)³⁹.

Кто же тогда мог быть патроном второй летописи – той, что велась (не вполне систематически) во Владимире и отразилась в ЛПС? Ответ, на мой взгляд, напрашивается: Симон, будущий епископ Владимира и Суздаля (с 1213 г., ум. 1226), а в интересующий нас период – игумен

³⁷ О проблемах, связанных с «завещанием» Всеволода, см.: Кузнецов 2024. С. 135–150.

³⁸ Об этом, как и в целом о, так сказать, «партийности» вопроса о мартовском/ультрамартовском стиле в начале XIII в., я писал в работе: Гимон 2020.

³⁹ Ср., однако, противоположное предположение, что Иоанн, «участвовавший в принятии решения о передаче великокняжеского стола Юрию Всеволодовичу, не был допущен в Ростов и поселился во Владимире» (Маштафаров 2005. С. 40–41). Критику этого мнения см.: Кузнецов 2009. С. 85–86. А.В. Назаренко также считал, что Иоанн после смерти Всеволода жил во Владимире либо Суздале, никаким сторонником Константина не был, а «неправо творяше» (по ЛПС) означает лишь, что Иоанн не давал согласия на разделение епархии (Назаренко 2014. С. 219). Анализ летописания решительно свидетельствует в пользу союза епископа Иоанна и Константина (ср.: Кузнецов 2009. С. 85): епископская летопись Иоанна и летопись, славословящая Константина, – это одна и та же летопись, отразившаяся в Лавр.

владимирского монастыря Рождества Богородицы⁴⁰. В качестве игумена Симон упоминается в летописях дважды: в рассказе о предсмертном пострижении жены Всеволода Марии под 6714 (1206) г., где Симон назван духовным отцом княгини⁴¹, и в известиях о его поставлении епископом Владимирским под 6722 ультрамартовским (1213) годом⁴².

Симон, во-первых, возглавлял важнейший монастырь Владимира, не позднее 1230 г. получивший статус архимандритии⁴³. Во-вторых, после отречения Иоанна именно Симон стал владимирским епископом. Таким образом, если в интересующий нас период кто-то являлся неформальным главой владимирской церкви, то это был Симон⁴⁴.

Симон был постриженником Киево-Печерского монастыря (Артамонов 2022. Абз. 5, 14–24). Впоследствии, в 1220-х гг., Симон написал ряд текстов, вошедших в состав Киево-Печерского патерика, в которых проявился интерес к истории как Киево-Печерского монастыря, так и Владимиро-Суздальской Руси⁴⁵. Интересно, что в заключительной части ЛПС ярко проявилась черта, свойственная как раз киевскому (думаю, что в первую очередь киево-печерскому) летописанию: подробное описание переговоров между князьями и цитирование их политических посланий (заявлений, «речей»)⁴⁶. Эта черта проявляется уже в «Повести временных

⁴⁰ См. о нем: *Артамонов Ю.А.* Вопросы биографии епископа Симона – одного из авторов Киево-Печерского патерика // *История: Электронный научно-образовательный журнал.* 2022. Т. 13, вып. 5 (115) (<https://history.jes.su/s207987840021615-5-1/>). О возможной причастности Симона к владимирскому летописанию, пусть и в рамках другой гипотезы, писал А.Н. Насонов (1969. С. 200–201). Участие Симона в составлении протографа Радз. и М.-А. (в моей терминологии, «редакции 1206 г.») предполагала Н.И. Милотенко (1996. С. 58; см. также: Михеев 2011. С. 28).

⁴¹ В Лавр. данный фрагмент отсутствует; он имеется в Радз., М.-А. и ЛПС (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 424; Т. 38. С. 161; Т. 41. С. 126). Чтению Радз. («отец его духовный») следует предпочесть солидарное чтение ЛПС и М.-А. («отец ея [М.-А.: ея] духовный»), т.е. Симон назван духовным отцом Марии, а не Всеволода. Тем не менее очень вероятно, что Симон был духовником обоих супругов (ср. случай Яня Вышатича и его жены Марьи, чьим духовником был, насколько можно понять, Феодосий Печерский, – ПСРЛ. Т. 1. Стб. 212). Если так, то к 1205 г. Всеволод сменил духовника (ранее им был епископ Иоанн – см.: Там же. Стб. 408, под 6698 г.), т.е. влияние Симона возросло, а Иоанна – уменьшилось (благодарю Ю.А. Артамонова за это соображение).

⁴² Эта информация есть и Лавр., и в ЛПС (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 438; Т. 41. С. 132).

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453 (архимандрит этого монастыря Кирилл стал епископом Ростовским). О значении титула «архимандрит» – вероятно, игумен наиболее авторитетного монастыря и одновременно глава монастырской организации города – см.: Щапов 1989. С. 157–163; Щапов, Соколова 1990; Давиденко 2012. О значении Рождественского монастыря см.: Насонов 1969. С. 199–201 (здесь также соображения в пользу связи монастыря с летописанием); Артамонов 2018.

⁴⁴ Ср. обсуждение вопроса о сопредельничестве во Владимиро-Суздальской Руси в чуть более позднее время: Кузнецов 2012. С. 234–235 (с отсылками). Помимо прочего, сопредельничество упоминает, будучи уже епископом, сам Симон в послании к Поликарпу: князь Юрий Всеволодич хотел видеть Поликарпа сопредельником Симона, но Симон был против, считая, что Поликарп еще не достоин такой должности (Абрамович 1931. С. 102).

⁴⁵ О датировке произведений Симона см.: Артамонов 2022. Примеч. 2.

⁴⁶ Обилие прямой речи в заключительной части ЛПС отмечала Н.И. Милотенко (1992. С. 224–225).

лет» (рассказы под 6575–6576 [1067–1068], 6604–6605 [1096–1097] гг. и др.), и особенно ярко – в Киевском своде в статьях с 1140-х гг. Период наиболее интенсивного цитирования в Киевском своде «речей» примерно совпадает по времени с игуменством в Киево-Печерском монастыре Феодосия II (упом. 1148–ум. 1156), однако в той или иной степени цитирование «речей» было, на мой взгляд, характерной чертой киево-печерского летописания с 1060-х гг. и до конца XII в. (см.: Гимон 2018; Guimon 2021. Р. 341–352, 358–359, 361–364, 383–385; о «речах» см.: Лавренченко 2018; 2022). Думается, что именно благодаря личности Симона эта черта столь ярко проявилась в статье 6721 г. ЛПС, где приводится целый ряд реплик-заявлений Всеволода и Всеволодичей (ПСРЛ. Т. 41. С. 129–130)⁴⁷.

В послании к Поликарпу (между 1224 и 1226 гг.⁴⁸), вошедшем в состав Киево-Печерского патерика, Симон советовал: «И аще хочещи вся увѣдати, почти лѣтописца старого Ростовскаго, есть бо всѣх болѣ 30» (речь о примерах того, как постриженники Киево-Печерского монастыря занимали различные епископские кафедры, – Абрамович 1931. С. 103)⁴⁹. Такого количества сообщений о епископских поставлениях мы не найдем ни в одной из дошедших до нас ранних летописей. Тем не менее отмечу, что в ряде случаев в Радз.–М.–А. как раз известия о сменах епископов опущены либо сокращены в сравнении с Лавр.⁵⁰ Думаю, что «летописец *старый ростовский*» – это епископская летопись Ростова (отразившаяся в Лавр.) – в противоположность *новой владимирской* летописи (отразившейся в Радз.–М.–А.–ЛПС). Симон отсылал Поликарпа к старой ростовской летописи, а не к обновленной владимирской потому, что помнил: сообщения о давних епископских поставлениях даны в старой летописи в более полном виде. Помнить же это Симон мог, пожалуй, только в том случае, если сам был книжником, осуществившим эти сокращения (т.е. был «редактором 1206 г.»), или же руководил этой работой. Получаем, следовательно, еще одно, пусть и косвенное, свидетельство причастно-

⁴⁷ Впрочем, отмечу, что эта же черта проявилась во владими́ро-суздальской летописи в рассказе о «междукнижи» 1170-х гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371–374 и сл.), пусть и менее ярко. Так что, возможно, дело не только в личности Симона, но и в политических обстоятельствах: необходимость фиксировать политические заявления сторон возникает в условиях политической конкуренции и исчезает в условиях единоличного правления (см.: Guimon 2021. Р. 368–371, 385–386).

⁴⁸ О дате см.: Артамонов 2022. Примеч. 2.

⁴⁹ См. работу, специально посвященную данному упоминанию, с детальной критикой многочисленных предлагавшихся интерпретаций: Русинов 2022. Сам автор отождествляет «летописец *старый ростовский*» с Киевским сводом (Там же. С. 201). См. также: Михеев 2011. С. 27–28.

⁵⁰ Отсутствуют в Радз.–М.–А. (но читаются в Лавр.) два известия о епископских поставлениях под 6622 (1114) г., одно – под 6631 (1123) г., сообщение о смене епископов под 6626 (1118) г. Опущены в Радз.–М.–А. и некоторые известия о смертях епископов: под 6620 (1112), 6630 (1122), 6631 (1123 – два известия), 6642 (1134) гг. В трех известиях о епископских поставлениях под 6613 (1105) и в одном – под 6634 (1126) г. в Радз.–М.–А. опущены дневные даты (читающиеся в Лавр.). (В ЛПС текст, сходный с Лавр., начинается только со статьи 6646 [1138] г.).

сти Симона к работе над владимирской летописью – еще до того, как Симон стал епископом⁵¹.

Таким образом, считаю наиболее вероятным, что, хотя разветвление летописной традиции во Владимиро-Суздальской Руси произошло на несколько лет раньше разделения Ростовской кафедры, эти события всё-таки связаны. В условиях конфликта (обстоятельства которого нам до конца не ясны) между, с одной стороны, Всеволодом Большое Гнездо, а с другой – его старшим сыном Константином и епископом Иоанном, возникли две параллельно ведшиеся летописи: собственно епископская (лежащая в основе Лавр.) и другая, владимирская, предположительно патронировавшаяся игуменом (а позднее – епископом) Симоном. Такая гипотеза, как кажется, наиболее просто объясняет соотношение текстов Лавр. и ЛПС за начало XIII в. и их характер.

Остается вопрос о связи ЛПС с Переяславлем (Залесским). Эта связь была отмечена уже первым издателем ЛПС К.М. Оболенским, который указал в связи с этим на два пассажа (Летописец 1851. С. I–III, VII–VIII). Во-первых, в статье 6683 (1175) г. к покойному Андрею Боголюбскому обращена просьба молиться за «князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благородного сыновца» (ПСРЛ. Т. 41. С. 101) (т.е. за переяславского князя Ярослава Всеволодича), чему в Лавр., Радз. и ЛПС соответствует молитва за Всеволода Большое Гнездо. Здесь чтение ЛПС, несомненно, вторично и связано с Переяславлем⁵². Во-вторых, это описание прибытия Ярослава Всеволодича в Переяславль 18 апреля 6721 ультрамартовского года, сразу после смерти Всеволода, с цитированием ритуальных «речей» Ярослава и переяславцев (ПСРЛ. Т. 41. С. 129–130). Последний пассаж в принципе может быть изначальной частью рассказа о действиях сыновей Всеволода после его смерти, однако если мысленно убрать этот пассаж о Переяславле, то текст будет выстроен еще более логично⁵³: «И тогда Ярославъ цѣловавъ крестъ съ братомъ Гюргемъ и еха в Переяславль, а Гюрги съде въ Володимири на столѣ отца своего, а Володимирь в Гюрговѣ. *(Пассаж о Переяславле)* Слышавъ же Костянтинъ, оже отецъ мрътвь, а Гюрги съдить въ Володимири...». Впоследствии

⁵¹ Участие Симона в работе над «редакцией 1206 г.» уже предполагалось (см. выше, примеч. 40). При обсуждении моего доклада в мае 2024 г. частью коллег было высказано возражение: Симон, будь он редактором летописи, вряд ли стал бы сокращать интересные ему известия о епископских поставлениях. Мне, однако, представляется, что в разное время и для разных задач люди могут действовать по-разному. В одном случае Симон выступал как редактор летописи, немного сэкономивший место за счет неактуальной информации о старых епископах (ср. опущенные новгородским редактором рубежа XII–XIII вв. известия о поставлениях игуменов и строительстве церквей – см.: Гимон 2017), в другом – как церковный деятель, обсуждавший с Поликарпом вопрос, живо связанный с этой темой.

⁵² См. чтения разных летописей и комментариев: Гимон 2023. С. 92–93.

⁵³ Впрочем, однозначных признаков вставки здесь всё-таки нет.

ученые обращали еще внимание на то, что в ЛПС переяславцы часто добавлены к владимирцам при описании различных событий, однако эти добавления во многих случаях являются общими для ЛПС, Радз. и М.-А., т.е. принадлежат «редактору 1206 г.». Тот не обязательно должен был быть переяславцем⁵⁴ – он мог просто исходить из своих представлений о структуре Владимиро-Суздальского княжества и месте Переяславля в ней.

Тем не менее два упомянутых пассажа (под 6683 и 6721 гг.) несомненно говорят о том, что текст ЛПС в том виде, в каком он дошел до нас, появился в Переяславле (Залесском) в правление там Ярослава Всеволодича (1212–1238). Поскольку речь идет именно о *дополнениях*, следует признать, что перед нами не отдельная переяславская *летопись*, а копия владимирской летописи, сделанная для Переяславля в тот момент, когда текст владимирской летописи доходил до 6722 г. Эта переяславская копия новыми погодными записями, насколько можно судить, не продолжалась.

Отсюда, в свою очередь, вытекают два вывода. Во-первых, владимирское летописание не обязательно оборвалось на статье 6722 г., а, вполне возможно, продолжалось и дальше. До нас дошел тот текст, который был после 1213 г. скопирован для Переяславля. Продолжение владимирской летописи, если оно и было, не сохранилось⁵⁵.

Во-вторых, коль скоро с Переяславлем необходимо связывать лишь копию, новый экземпляр летописи, а не летописание как таковое, разветвление летописания во Владимиро-Суздальской Руси в начале XIII в. оказывается точным слепком разделения епархий. Две ветви летописания (ростовская и владимирская) соответствуют двум епархиям: Ростовской и Владимирской – с той оговоркой, что разветвление летописания произошло несколькими годами ранее разделения епархий. Попытка объяснения этого несоответствия была сделана выше.

⁵⁴ Вопреки мнению о том, что в основе Радз.–М.-А.–ЛПС лежит переяславский памятник (Шахматов 2011. С. 52–57, 60, 127–128, 131; Лурье 1987. С. 69–70) или же «опереяславленный» владимирский свод (Присёлков 1996. С. 101–103, цит. с. 101). См. критический обзор мнений: Введенский 2023. С. 10–13 (исследователь не называет общий протограф Радз.–М.-А.–ЛПС «переяславским», что, по-моему, совершенно правильно).

⁵⁵ Ср., однако, мнение А.Н. Насонова и Н.И. Милютенко относительно отражения в более поздних сводах летописания Юрия Всеволодича (см. выше, примеч. 10). Внимания заслуживают также наблюдения А.А. Кузнецова о том, что в некоторых случаях своды XV в. обнаруживают сходство с ЛПС (Кузнецов 2009. С. 72–75), что (в рамках видения, предлагаемого в настоящей работе) может означать, что владимирская летопись, копия которой была сделана для Переяславля, не погибла во время нашествия Батые, но всё-таки отразилась в летописании XV в.

- Абрамович Д.И.* Киево-Печерський патерик. Київ, 1931. [*Abramovich D.I.* Kiëvo-Pechers'kiy paterik (The Paterikon of the Kievan Cave Monastery). Kyiv, 1931.]
- Алешковский М.Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 133–167. [*Aleshkovskiy M.Kh.* K tipologii tekstov «Povesti vremennykh let» (To the Typology of Texts of the Rus *Primary Chronicles*) // *Istochnikovedeniye otechestvennoy istorii*: Sb. st., 1975. Moscow, 1976. S. 133–167.]
- Артамонов Ю.А.* Владимирский Рождества пресвятой Богородицы монастырь: от учреждения к архимандритии // ДРВМ. 2018. № 4 (84). С. 5–14. [*Artamonov Yu.A.* Vladimirskiy Rozhdestva presvyatoy Bogoroditsy monastyr': ot uchrezhdeniya k arkhimandritii (The Monastery of the Nativity of the Virgin in Vladimir: from the Foundation to the Establishment of Archimandritia) // *Drevnyaya Rus: Voprosy medievistiki*. 2018. № 4 (84). S. 5–14.]
- Артамонов Ю.А.* О времени совершения архиерейских хиротоний в Древней Руси // ДРВМ. 2021. № 4 (86). С. 168–183. [*Artamonov Yu.A.* O vremeni soversheniya arkhiveryeskikh khirotoniy v Drevney Rusi (On the Dates of Episcopal Consecrations in Old Rus) // *Drevnyaya Rus: Voprosy medievistiki*. 2021. № 4 (86). S. 168–183.]
- Артамонов Ю.А.* Вопросы биографии епископа Симона – одного из авторов Киево-Печерского патерика // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2022. Т. 13, вып. 5 (115). [*Artamonov Yu.A.* Voprosy biografii yepiskopa Simona – odnogo iz avtorov Kiyevo-Pecherskogo paterika (On the Biography of Simon, One of the Authors of the *Paterikon of the Kievan Cave Monastery*) // *Istoriya: Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*. 2022. T. 13, vyp. 5 (115).] <https://history.jes.su/s207987840021615-5-1/>
- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. [*Berezhkov N.G.* Khronologiya russkogo letopisaniya (The Chronology of the Rus Annals). Moscow, 1963.]
- Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. [*Bobrov A.G.* Novgorodskiy letopisi XV veka (Novgorodian Annals of the 15th Century). St-Petersburg, 2001.]
- Бобров А.Г.* Летописец новгородского владыки Евфимия середины XV века // Летописи и хроники: Новые исследования, 2008. М.; СПб., 2008. С. 124–151. [*Bobrov A.G.* Letopisets novgorodskogo vladyki Yevfimiya serediny XV veka (The Annals of the Novgorodian Archbishop Evfimy, the mid-15th Century) // *Letopisi i khroniki: Novyye issledovaniya*, 2008. Moscow; St-Petersburg, 2008. S. 124–151.]

- Вахрина В.И., Э.П.Р.* Иоанн, свт., епископ Ростовский, Суздальский и Владимирский // ПЭ. 2010. Т. 23. С. 205–207. [*Vakhrina V.I., E.P.R.* Ioann, svt., yepiskop Rostovskiy, Suzdal'skiy i Vladimirskiy (Ioann, Bishop of Rostov, Suzdal, and Vladimir) // *Pravoslavnaaya entsiklopediya*. 2010. T. 23. S. 205–207.]
- Введенский А.М.* Летописец Переяславля-Суздальского и его место в истории русского летописания // Вестн. Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 1. С. 7–19. [*Vvedenskiy A.M.* Letopisets Pereyaslavlya-Suzdal'skogo i yego mesto v istorii russkogo letopisaniya (The *Chronicle of Pereyaslavl-of-Suzdal* and Its Place in the Russian Annalistic Writing) // *Vestnik Nizhegorodskogo gosuderstvennogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*. 2023. № 1. S. 7–19.]
- Гимон Т.В.* Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // СР. 2006. Вып. 6. С. 80–118. [*Guimon T.V.* Novgorodskoye letopisaniye pervoy chetverti XIII v.: khronologiya i protsess popolneniya letopisi (The Novgorodian Annals of the 1st Quarter of the 13th Century: Chronology and the Process of Keeping) // *Srednevekovaya Rus'*. 2006. Вып. 6. S. 80–118.]
- Гимон Т.В.* Тематика сообщений Лаврентьевской летописи (текст за 1156–1263 гг.) // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6, ч. 3. С. 44–46. [*Guimon T.V.* Tematika soobshcheniy Lavrent'yevskoy letopisi (tekst za 1156–1263 gg.) (The Circle of Events Described in the *Laurentian Chronicle*, Entries for 1156–1263) // *Vestnik Nizhegorodskogo gosuderstvennogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*. 2012. № 6, ch. 3. S. 44–46.]
- Гимон Т.В.* К сегментации Лаврентьевской летописи // ДРВМ. 2015. № 3 (61). С. 28–29. [*Guimon T.V.* K segmentatsii Lavrent'yevskoy letopisi (To the Segmentation of the *Laurentian Chronicle*) // *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*. 2015. № 3 (61). S. 28–29.]
- Гимон Т.В.* Рубеж XII–XIII вв. в новгородском летописании // *Slověne: International Journal of Slavic Studies*. 2017. Т. 6, № 2. С. 163–187. [*Guimon T.V.* Rubezh XII–XIII vv. v novgorodskom letopisanii (The Annalistic Writing in Novgorod ca. 1200) // *Slověne: International Journal of Slavic Studies*. 2017. T. 6, № 2. S. 163–187.] http://slovene.ru/2017_2_Guimon.pdf
- Гимон Т.В.* Новгородские владычные летописцы второй трети XIV – начала XV в. // ДРВМ. 2019. № 1 (75). С. 22–25. [*Guimon T.V.* Novgorodskiye vladychnyye letopistsy vtoroy treti XIV – nachala XV v. (Archiepiscopal Annalists of Novgorod of the Second Third of the 14th – the Beginning of the 15th Century) // *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*. 2019. № 1 (75). S. 22–25.]
- Гимон Т.В.* Мартовский и ультрамартовский стили в Северо-Восточной Руси и Новгороде в начале XIII в. // Пространства истории и истории пространств:

Метаморфозы восприятия, присвоение, созидание: Мат-лы междунар. науч. конф. (XVI чтения памяти проф. Н.П. Соколова), Нижний Новгород, 16–17 ноября 2018 г. Н. Новгород, 2020. С. 150–155. [*Guimon T.V. Martovskiy i ul'tramartovskiy stili v Severo-Vostochnoy Rusi i Novgorode v nachale XIII v. (The March and the Ultra-March Styles in North-Eastern Rus and Novgorod in the Early 13th Century) // Prostranstva istoriy i istorii prostranstv: Metamorfozy vospriyatiya, prisvoyeniye, sozidaniye: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (XVI chteniya pamyati prof. N.P. Sokolova), Nizhniy Novgorod, 16–17 noyabrya 2018 g. Nizhniy Novgorod, 2020. S. 150–155.]*

Гимон Т.В. Летописание Переяславля-Южного в 1110-х – первой половине 1140-х гг. // *Graphosphaera*. 2022. Т. 2, № 2. С. 146–164. [*Guimon T.V. Letopisaniye Pereyaslavlya-Yuzhnogo v 1110 kh – pervoy polovine 1140 kh gg. (The Annalistic Writing of Pereyaslavl-upon-Dnieper in the 1110s – the Early 1140s) // Graphosphaera. 2022. T. 2, № 2. S. 146–164.]* <http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-2-146-164>

Гимон Т.В. Владимиро-суздальские известия второй половины XII века в составе Киевского свода // *Вестн. Пермского ун-та. Сер.: История*. 2023. Вып. 1 (60). С. 89–101. [*Guimon T.V. Vladimiro-suzdal'skiye izvestiya vtoroy poloviny XII veka v sostave Kiyevskogo svoda (Vladimir-Suzdal Material of the Second Half of the 12th Century in the Kievan Chronicle) // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2023. Vyp. 1 (60). S. 89–101.]*

Гиппиус А.А. Новгородская владычная летопись и ее авторы: история и структура текста в лингвистическом освещении // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*, 2005. М., 2006. С. 114–251. [*Gippius A.A. Novgorodskaya vladychnaya letopis' i yeye avtory: istoriya i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii (The Archiepiscopal Annals of Novgorod and Their Authors: The History of the Text in a Linguistic Light) // Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka, 2005. Moscow, 2006. S. 114–251.]*

Давиденко Д.Г. Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // *СР*. 2012. Вып. 10. С. 248–331. [*Davidenko D.G. Monastyri-arkhimandritii v gorodakh Severo-Vostochnoy i Severo-Zapadnoy Rusi v XIV–XV vv. (Monasteries-Archimandritias in the Cities of North-Eastern and North-Western Rus in the 14th–15th Centuries) // Srednevekovaya Rus'. 2012. Vyp. 10. S. 248–331.]*

Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). Изд. испр. и доп. СПб., 2015 (польское изд.: 2008). [*Dąbrowski D. Genealogiya Mstislavichyey: Pervyye pokoleniya (do nachala XIV v.) (Genealogy of Descendants of Mstislav, up to the Early 14th Century). Izd. ispr. i dop. St-Petersburg, 2015.]*

- Кузнецов А.А. Политическая история Северо-Восточной Руси в 1211–1218 гг.: Источниковедческий аспект // *Ruthenica*. Київ, 2009. Т. 8. С. 66–96. [Kuznetsov A.A. Politicheskaya istoriya Severo-Vostochnoy Rusi v 1211–1218 gg.: Istochnikovedcheskiy aspekt (Political History of North-Eastern Rus in 1211–1218: A Source-Critical Aspect) // *Ruthenica*. Київ, 2009. Т. 8. S. 66–96.]
- Кузнецов А.А. Изменения в правовом положении церкви во Владимиро-Суздальском княжестве в период 1212–1218 гг. // *Религии мира: История и современность*, 2006–2010. М., 2012. С. 224–238. [Kuznetsov A.A. Izmeneniya v pravovom polozhenii tserkvi vo Vladimiro-Suzdal'skom knyazhestve v period 1212–1218 gg. (Changes of the Legal Status of the Church in the Vladimir-Suzdal Land in 1212–1218) // *Religii mira: Istoriya i sovremennost'*, 2006–2010. Moscow, 2012. S. 224–238.]
- Кузнецов А.А. Поход на болгарский Ошель в 1220 году: Источниковедение и реконструкция события // *Вестн. Удмуртского ун-та. Сер.: История и филология*. 2023. Т. 33, вып. 1. С. 107–116. [Kuznetsov A.A. Pokhod na bulgarskiy Oshel' v 1220 godu: Istochnikovedeniye i rekonstruktsiya sobytiya (Raid on the Bulgar Oshel in 1220: Source Study and Reconstruction of the Event) // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 2023. Т. 33, vyp. 1. S. 107–116.]
- Кузнецов А.А. Георгий (Юрий) Всеволодович – великий князь Владимирский. М., 2024. [Kuznetsov A.A. Georgiy (Yuriy) Vsevolodovich – velikiy knyaz' Vladimirskiy (Yuriy-Georgiy Vsevolodich, the Great Prince of Vladimir). Moscow, 2024.]
- Лавренченко М.Л. Обращения и договорные формулы в диалогах Рюриковичей (по материалам Киевской летописи) [Lavrenchenko M.L. Obrashcheniya i dogovornyye formuly v dialogakh Ryurikovichey (po materialam Kiyevskoy letopisi) (Addresses and Formula of Agreement in the Dialogues of Rurikides in the *Kievan Chronicle*)] // *Polska, Ruś i Węgry: X–XIV wiek*. Kraków, 2018. S. 155–177.
- Лавренченко М.Л. О работе автора Киевской летописи // *История: Электронный научно-образовательный журнал*. 2022. Т. 13, вып. 5 (115). [Lavrenchenko M.L. O rabote avtora Kiyevskoy letopisi (About the *Kievan Chronicle* Author's Work) // *Istoriya: Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*. 2022. Т. 13, vyp. 5 (115).] <https://history.jes.su/s207987840021287-4-1/>
- Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века (между 1214 и 1219 годов) / Издан К.М. Оболенским. М., 1851. [Letopisets Pereyaslavlya-Suzdal'skogo, sostavlennyy v nachale XIII veka (mezhdru 1214 i 1219 godov). (The *Chronicle of Pereyaslavl'* of Suzdal, Compiled in the Early 13th Century (between 1214 and 1219)) / Izdan K.M. Obolenskim. Moscow, 1851.]

- Лукин П.В. Новгородское вече. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018. [Lukin P.V. Novgorodskoye veche (The Veche of Novgorod). 2nd ed. Moscow, 2018.]
- Лурье Я.С. О происхождении Радзивиловской летописи // ВИД. 1987. Т. 18. С. 64–83. [Lur'ye Ya.S. O proiskhozhdenii Radzivilovskoy letopisi (On the Origin of the *Radzivil Chronicle*) // *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. 1987. T. 18. S. 64–83.]
- Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь: Конец XII в. – 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. 2-е изд., испр. и доп. М.; Самолва, 2020. [Matuzova V.I., Nazarova T.L. Krestonostsy i Rus': Konets XII v. – 1270 g.: Teksty, perevod, kommentarii (Crusaders and Rus, the Late 12th Century – the 1270s: Texts, Translations, Commentary). 2nd ed. Moscow; Samolva, 2020.]
- Маштафаров А.В. Владимирская и Суздальская епархия (до 1917 г.) // ПЭ. 2005. Т. 9. С. 38–61. [Mashtafarov A.V. Vladimirskaya i Suzdal'skaya yeparkhiya (do 1917 g.) (The Diocese of Vladimir and Suzdal, up to 1917) // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. 2005. T. 9. S. 38–61.]
- Милютенко Н.И. Летописец Переяславля-Суздальского в летописании Северо-Восточной Руси начала XIII в.: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. [Milyutenko N.I. Letopisets Pereyaslavlya-Suzdal'skogo v letopisanii Severo-Vostochnoy Rusi nachala XIII v. (The *Chronicle of Pereyaslavl-of-Suzdal* in the Annalistic Writing of Northeastern Rus in the Early 13th Century): Dis. ... kand. filol. nauk. St-Petersburg, 1992.]
- Милютенко Н.И. Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивиловская летопись) // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 36–58. [Milyutenko N.I. Vladimirskiy velikoknyazheskiy svod 1205 goda (Radzivilovskaya letopis') (The Great Princely Chronicle of Vladimir of 1205: the *Radzivil Chronicle*) // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy dom)*. St-Petersburg, 1996. T. 49. S. 36–58.]
- Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. [Mikheev S.M. Kto pisal «Povest' vremennykh let»? (Who Wrote the *Rus Primary Chronicle*?). Moscow, 2011.]
- Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. (ДГ, 2007 год). [Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' i slavyane (istoriko-filologicheskiye issledovaniya) (Old Rus and Slavs: historical and philological studies). Moscow, 2009. (Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy, 2007 god).]
- Назаренко А.В. Несостоявшаяся митрополия (об одном из церковно-политических проектов Андрея Боголюбского) // «Хвалам достойный...» Андрей Боголюбский в русской истории и культуре (Международ. науч. конф., Владимир, 5–6 июля 2011 г.). Владимир, 2013. С. 12–35. [Nazarenko A.V. Nesostoyavshayaya mitropoliya (ob odnom iz tserkovno-politicheskikh proyektov Andreya Bo-

- golyubskogo) (Unrealized Metropolitan See: on One of Andrey Bogolyubsky's Ecclesiastical and Political Projects) // «Khvalam dostoynyu...» Andrey Bogolyubskiy v russkoy istorii i kul'ture (Mezhdunarodnaja nauchnaja konferenciya, Vladimir, 5–6 iyulya 2011). Vladimir, 2013. S. 12–35.]
- Назаренко А.В.* Династические коллизии в Древней Руси и начальная история Ростовской епископии (XI – начало XIII века) // Современные проблемы изучения истории Церкви: Сб. докл. междунар. конф., МГУ им. Ломоносова, 7–8 ноября 2011 г. М., 2014. С. 214–236. [*Nazarenko A.V.* Dinasticheskiye kollizii v Drevney Rusi i nachal'naya istoriya Rostovskoy yepiskopii (XI – nachalo XIII veka) (Dinastic Collisions in Old Rus and the Early History of the Rostov Diocese, the 11th - the Early 13th Century) // Sovremennyye problemy izucheniya istorii Tserkvi: Sb. dokl. mezhdunar. konf., MGU im. Lomonosova, 7–8 noyabrya 2011 g. Moscow, 2014. S. 214–236.]
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. [*Nasonov A.N.* Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka: Ocherki i issledovaniya. (History of Rus Annalistic Writing of the 11th – the Early 18th Century.) Moscow, 1969.]
- Перфецкий Е.Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922. [*Perfetskiy Ye.Yu.* Russkiye letopisnyye svody i ikh vzaimootnosheniya (Rus Annalistic Compilations and Their Interrelations). Bratislava, 1922.]
- Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. [*Priselkov M.D.* Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. (A History of Rus Annalistic Writing). 2nd ed. St-Petersburg, 1996.]
- Прохоров Г.М.* Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 53–76. [*Prokhorov G.M.* Radzivilovskiy spisok Vladimirskoy letopisi po 1206 god i etapy vladimirskogo letopisaniya (The Radziwill Manuscript of Vladimir Chronicle up to 1206 and the Stages of Annalistic Writing in Vladimir) // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury. Leningrad, 1989. T. 42. S. 53–76.]
- Русинов В.Н.* Послание епископа Симона к иноку Поликарпу и его источники // Проблемы происхождения и бытования памятников древнерусской письменности и литературы: Сб. науч. тр. Н. Новгород, 2002. С. 3–222. [*Rusinov V.N.* Poslanie episkopa Simona k inoku Polikarpu i ego istochniki (Bishop Simon's Epistle to Monk Polikarp and Its Sources) // Problemy proiskhozhdeniya i bytovaniya pamyatnikov drevnerusskoy pismennosti i literatury: Sb. nauch. tr. N. Novgorod, 2002. S. 3–222.]
- Толочко А.П.* О времени создания Киевского свода «1200 г.» // Ruthenica. Київ, 2006. Т. 5. С. 73–87. [*Tolochko A.P.* O vremeni sozdaniya Kiyevskogo svoda «1200 g.» (On the time of the Compilation of the *Kievan Chronicle* of '1200') // Ruthenica. Kiïv, 2006. T. 5. S. 73–87.]

- Ужанков А.Н. «Слово о полку Игореве» и его эпоха. М., 2015. [*Uzhankov A.N. «Slovo o polku Igoreve» i yego epokha (The Tale of Igor's Campaign and its Time)*. Moscow, 2015.]
- Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2011. Т. 2: Обзорение русских летописных сводов. [*Shakhmatov A.A. Istoriya russkogo letopisaniya (History of Rus Annalistic Writing)*. St-Petersburg, 2011. Т. 2: Obozreniye russkikh letopisnykh svodov.]
- Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. [*Shchapov Ya.N. Gosudarstvo i tserkov' Drevney Rusi X–XIII vv. (State and Church in Old Rus, the 10th–13th Centuries)*. Moscow, 1989.]
- Щапов Я.Н., Соколова Е.И. Архимандрития в древнерусском городе // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. ст. М., 1990. С. 40–46. [*Shchapov Ya.N., Sokolova Ye.I. Arkhimandritiya v drevnerusskom gorode (Archimandritia in Old Rus City) // Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noy Rossii: Sb. st. Moscow, 1990. S. 40–46.*]
- Guimon T.V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021.
- Timberlake A. Who Wrote the Laurentian Chronicle (1177–1203) // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 2000. Bd. 59. S. 237–266.

Timofey V. Guimon

THE DIVISION OF THE ROSTOV DIOCESE IN THE EARLY 13TH CENTURY AND ANNALISTIC WRITING

In 1213, Ioann, bishop of Rostov, Suzdal, and Vladimir, was suspended, and soon two new bishops were ordained: Pakhomii to Rostov, and Simon to Vladimir and Suzdal. This division of the see was, no doubt, a result of the political situation: the rivalry between the sons of Vsevolod ‘the Big Nest’ (d. 1212), especially the elder two ones, Konstantin of Rostov and Yurii of Vladimir and Suzdal. In the early 13th century, we also observe a bifurcation of the annals of the Northeastern Rus: up to 1206 they all reflect one text, and later there are two independent continuations, in the *Laurentian Chronicle* and in the *Chronicle of Pereyasavl of Suzdal*. The latter covers only 1206–1214, and then stops, while the former is continued up to the early 14th century. This situation of bifurcation of the annals in one region of Rus is unique for the early Rus annalistic writing. The two independent sets of annals start, however, a few years prior to the division of the diocese, as well as prior to the death of Vsevolod (however, around the time when Rostov became politically autonomous under Vsevolod’s elder son Konstantin). Both continuations, no doubt, were written contemporarily with the events, not retrospectively after 1213. So, the bifurcation of annals was not, at least

in a strict sense, a result of the division of the see and/or of the political rivalry of the 1210s. However, it seems probable that, although the formal division of the see took place only in 1213, in the preceding years, the role of Simon was more than that of the abbot of the main monastery of Vladimir. The author suggests some case in support of a hypothesis that Simon (or somebody in his close environment) maintained the annals reflected in the *Chronicle of Pereyaslavl of Suzdal*, while the annals reflected in the *Laurentian Chronicle* were the episcopal annals of Ioann.

Keywords: Old Rus, Middle Ages, annals, chronicles, church, Northeastern Rus, Bishop Simon of Vladimir

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-106-131

А.А. Турилов

К ИСТОРИИ РУССКО-ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ КНИЖНЫХ СВЯЗЕЙ XII–XIII вв.

(О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЯВЛЕНИЯ ЖИТИЯ
ИОАННА РЫЛЬСКОГО В РЕДАКЦИИ ГЕОРГИЯ СКИЛИЦЫ
В РУССКОЙ КНИЖНОСТИ)

В статье рассматривается вопрос о времени появления в русской книжности древнейшего (переводного) жития св. Иоанна Рыльского, написанного первоначально на греческом языке агиографом и гимнографом Георгием Скилицей. Долгое время в российской исследовательской литературе этот факт рассматривался в широком хронологическом диапазоне от начала до последней четверти XV в., разделял его ранее и автор статьи. Однако в настоящее время есть все основания говорить, что переход текста с Балкан в древнерусскую литературу связан с бегством в карпатский Галич наследника болгарского престола Иоанна Асеня II (по возвращении на родину правил в 1218–1241 гг.) и отражает таким образом русско-южнославянские культурные связи домонгольского периода. На первый взгляд старая точка зрения выглядит более логичной и обоснованной, поскольку памятник не известен в русских списках ранее последней четверти XV в., однако эта обоснованность выглядит таковой лишь на первый взгляд. Названное житие совершенно не вписывается в ситуацию ни применительно к классическому периоду «второго южнославянского влияния» конца XIV – первой трети XV в., ни к концу XV – первой четверти XVI в. – времени создания первоначальной редакции Русского Хронографа, одним из источников которого послужили южнославянские жития. В первом случае на Русь попали лишь краткие жития болгарских и сербских святых в составе Стишного Пролога, во втором только тексты, созданные патриархом Евфимием Тырновским и его учениками и последователями, причем источником для Хронографа явилось краткое проложное житие Иоанна, а вовсе не сочинение Скилицы. Таким образом текст, которому посвящена статья, относится именно к памятникам русско-южнославянских связей XII–XIII вв. и принадлежит, наряду с Сербской Кормчей, к числу южнославянских сочинений и переводов, попавших в это время на Русь с Балкан (для названного периода, как известно, гораздо более характерно движение памятников в противоположном направлении).

Ключевые слова: Житие Иоанна Рыльского, Болгария, Галицко-Волынское княжество, Иоанн Асень II, русско-болгарские книжные связи XII–XIII вв.

Выбор темы для данной небольшой статьи (в сущности, почти заметки) продиктован сочетанием двух обстоятельств – желанием исправить существующее в историографии недоразумение в отношении рассматриваемого памятника (свойственное до последнего времени и автору этих строк) и мнения, что тема, при всей ее маргинальности, могла бы понравиться и Александру Васильевичу Назаренко – хоть для «Древней Руси на международных путях» (Назаренко 2001), хоть для «Древней Руси и славян» (Назаренко 2009).

Житие наиболее почитаемого в Болгарии святого Иоанна Рыльского (память – 21 октября; см. о нем: Иванова и др. 2010. С. 585–598) первоначально было написано ок. 1168 (?) – 1183 г. по-гречески агиографом и гимнографом Георгием Скилицей (Златарски 1933; Иванов 1936. С. 38–51; The Oxford Dictionary 1991. P. 1336–1340; Podskalsky 2000. С. по указ.; Подскалски 2010. С. по указ.; История на българската средновековна литература 2008. С. по указ.; Иванова и др. 2010. С. 587–588) на основе так наз. «народного» жития и вскоре переведено на славянский (греческий оригинал не сохранился); правда, вариант жития, представленный во всех русских списках, не мог возникнуть ранее 1186 г. (дата перенесения мощей из Венгрии в Трапезицу – один из городов, составлявших средневековый Тырново), т. к. имеет в заголовке дополнение «иже в Трапезице лежащего...». В русских списках памятник известен с последней четверти XV в., старший в составе октябрьского тома древнейшего русского комплекта Миней четых из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря (ОР РГБ. Ф. 113. № 591. Л. 128–139 – см.: Иосиф 1881. С. 152; Сергей 1901. С. 501)¹. Текст издан в составе ВМЧ (ВМЧ 1880. Стб. 1515–1530).

Вопрос о времени и обстоятельствах появления этого жития в русских рукописях до последнего времени не слишком привлекал внимание исследователей. В академическом издании «Истории русской литературы» 1945 г. событие связывается с первой половиной (и даже началом) XV в. (История 1945. С. 175). В статьях 1982 и 1984 гг., связанных с написанием кандидатской диссертации, автор попытался выяснить, когда же житие Иоанна Рыльского попало на Русь. Этому мешало два обстоятельства. С одной стороны, выглядело крайне странным, что в XV в. с Балкан пришло житие не в редакции тырновского патриарха Евфимия, наиболее авторитетной и популярной на тот момент. С другой же – памятник выглядел совершенно новым для русской традиции, что

¹ Мнение Н.М. Дылевского, что список РНБ, Соловецкое собр., № 617/500 датируется 1491/1492 г., содержит Евфимиевскую редакцию жития и представляет собою вклад игумена Досифея (Дылевский 1968. С. 289) основано на ошибочной датировке и атрибуции кодекса описателями фонда (Вадковский и др. 1885. С. 368–375). В действительности это – редакция Скилицы, рукопись относится к середине XVI в., а листы, на которых написано житие Иоанна, даже к рубежу XVI–XVII вв.

подчеркивалось тем обстоятельством, что его старший список в составе октябрьского тома волоколамских Минеи четврых был написан хотя и тем же писцом и на той же бумаге, что и весь том, но явно имеет вставной характер (Турилов 2009. С. 351).

В итоге, однако, приходится признать решающим первый из аргументов – житие Иоанна Рыльского в редакции Скилицы должно было попасть на Русь предельно рано – сравнительно вскоре после 1186 г.² С какими же событиями в болгарской и русской истории это могло быть связано?

Естественно, в первую очередь здесь вспоминается присылка на Русь из Болгарии в 1262 г. князем-эмигрантом из галицко-волынских пределов, деспотом Яковом Святославом³ (см. о нем подробнее: Златарски 1940/1972. С. 498–513, 518–520, 538–543) по просьбе киевского митрополита Кирилла Кормчей книги с толкованиями, переведенной на Афоне в начале того же столетия по инициативе первого сербского архиепископа Саввы (Неманича). Сюда примыкает и месяцеслов Галицкого Евангелия 1144 г. (ГИМ. Син. 404 – СК XI–XIII. С. 94–95, № 53), списанный на рубеже XIII–XIV вв. с болгарского оригинала и содержащий в частности память Иоанна Рыльского – см.: Турилов 1999. С. 16; Лосева 2001. С. 82–83). Однако по здравом размышлении житие Иоанна в редакции Скилицы не может быть отнесено к этому периоду связей. Кормчая книга была переписана и прислана на Русь по инициативе митрополита Кирилла как важный инструмент церковно-административной деятельности, тогда как житие неизвестного здесь святого едва ли могло вызвать сколько-либо активный интерес. Причину явно нужно искать в болгарской истории.

И здесь нельзя не вспомнить династический кризис в Болгарии в конце XII – начале XIII в., когда прямой наследник царя Иоанна Асеня I, соименный ему несовершеннолетний сын Иоанн Асень II после смерти отца вынужден был бежать в 1207 г. в Галицкое княжество, откуда вернулся в Болгарию 10 лет спустя (Златарски 1940/1972. С. 260, 296, 322). Логично предположить, что через какое-то время после своего возвращения и воцарения (но, разумеется, до 1240 г., когда в связи с монголо-татарским нашествием всем было явно не до того) именно он отправил в Галич

² Впервые этот тезис был озвучен в докладе автора на конференции в Софии в декабре 2019 г. Текст не опубликован.

³ Из описания М.В. Корогодиной (2017. С. 30) трудно понять, как она трактует приписанную на нижнем поле л. 25 рукою писца киноварных заголовков дату 6727 (1218/19 г.) – если как год создания списка, с которого скопирована Рязанская Кормчая, то это безусловно ошибка. Г.И. Вздорнов (1980. Кат. № 13) считает ее не имеющей значения (ср.: Троицкий 1952. С. 63–64; Щапов 1978. С. 135–136, 139–144, 203–204; Белякова 2017. С. 47). Допустимо предположение, что дата имеет отношение к году создания перевода или же – что даже более вероятно – речь идет о дате написания рукописи, с которой был сделан болгарский список, положенный в основу древнерусской традиции.

житие наиболее чтимого болгарского святого, небесного патрона своей столицы. Этому нимало не противоречит присутствие жития в Минее подмосковного Волоколамского монастыря, поскольку рукопись создана несомненно не в здешнем скриптории. Возможно, комплект новгородского происхождения, созданный во владычной книгописной мастерской архиепископа Геннадия⁴ (наличие орфографических новгородизмов в книгах этого времени уже совершенно нехарактерно – см.: Турилов 2022. С. 190–191), а нам известно, что если не большинство, то весьма многие из древних галицко-волинских рукописей, и в том числе упоминавшееся Галицкое Евангелие тетр 1144 г. уцелели именно в составе новгородских собраний⁵).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Белякова Е.В. Кормчие в русской церковной традиции: особенности состава и распространения списков // *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 37–91. [*Belyakova E.V.* Kormchie v russkoj cerkovnoj tradicii: osobennosti sostava i rasprostraneniya spiskov // *Belyakova E.V., Moshkova L.V., Oparina T.A.* Kormchaya kniga: ot rukopisnoj tradicii k pervomu pechatnomu izdaniyu (Nomocanon in the Russian Ecclesiastical Tradition: Specific Features of its Content and the Spread of its Manuscripts). Moscow; St-Petersburg, 2017. S. 37–91.]

Вадковский В.А., Красносельцев Н.Ф., Порфирьев И.Я. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. [*Vadkovskij V.A., Krasnosel'cev N.F., Porfir'ev I. Ya.* Opisanie rukopisej Soloveckogo monastyrya, nahodyashchihhsya v biblioteke Kazanskoj duhovnoj akademii (The Description of the Manuscripts from the Solovets Monastery in the Library of the Kazan' Theological Academy). Kazan, 1885. Ch. 2.]

Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1880 (Октябрь, дни 19–31). [*Velikie Minei Chetii, sobrannye Vserossijskim*

⁴ Косвенно на это может указывать тот факт, что в комплекте (во всяком случае в сохранившейся его части) из славянских и русских житий представлены (за исключением Бориса и Глеба) только иноческие и святительские (Сергий 1901/1997).

⁵ Таковы, к примеру, «Выголексинский сборник» (жития Нифонта Константинопольского и Феодора Студита) конца XII в. – РГБ. Музейное собр., № 1832 (Тихомиров 1965. С. 136–142, № 10; Тихомиров 1968. С. 111–112; СК XI–XIII. С. 146–147, № 119), Беседы на Евангелие Григория папы Римского («Двоеслова») 1235–1264 гг. – РНБ. Собр. М.П. Погодина, № 70 (СК XI–XIII. С. 242–243, № 227; Рукописные книги 1988. С. 59–60) и др.

- mitropolitom Makariem (The *Great Menaion Reader* collected by the All-Russia Metropolitan Makariy). St-Petersburg, 1880 (Oktyabr, dni 19–31.)]
- Вздорнов Г.И.* Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV в. М., 1980. [*Vzdornov G.I.* Rukopisnaya kniga Severo-Vostochnoj Rusi XII – nachala XV v. (Handwritten Book of the northeastern Russia, the 12th – the Beginning of the 15th Century). Moscow, 1980.]
- Дылевский Н.М.* Жития Иоанна Рыльского русских древлехранилищ и их болгарские источники (Краткие заметки к материалам и задачам дальнейшего исследования) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 276–292. [*Dylevskij N.M.* Zhitiya Ioanna Ryl'skogo russkih drevlekhranilishch i ih bolgarskie istochniki (Kratkie zametki k materialam i zadacham dal'nejshego issledovaniya) (The *Lives of Ioann of Rila* of the Russian Archives and Their Bulgarian Sources (Short Notes on the Materials and Aims of the Future Study)) // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury.* Leningrad, 1968. Т. 23. S. 276–292.]
- Златарски В.* Георги Скилица и написаното от него житие на св. Иван Рилски // Известия на историческо друштво. София, 1933. Кн. 13. С. 49–80. [*Zlatarski V.* Georgi Skilica i napisanoto ot nego zhitie na sv. Ivan Rilski (George Scylitzes and the *Life of St. Ivan of Rila* Written by Him) // *Izvestiya na istorichesko drushtvo.* Sofiya, 1933. Кн. 13. S. 49–80.]
- Златарски В.Н.* История на българската държава през Средните векове. София, 1940 (репр. 1972). Т. 3: България при Асеневици. 1187–1280. [*Zlatarski V.N.* Istoriya na b'lgarskata d'rzhava prez Srednite vekove (The History of the Bulgarian State in the Middle Ages). Sofia, 1940 (repr. 1972). Т. 3: B'lgariya pri Asenevci. 1187–1280.]
- Иванов Й.* Жития на св. Йоан Рилски. София, 1936. [*Ivanov J.* Zhitiya na sv. Joan Rilski (The Lives of St Ioan of Rila). Sofia, 1936.]
- Иванова Кл., Орецкая И.А., Турилов А.А., Чешмеджиев Д.* Иоанн Рилский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24 (Иоанн Воин – Иоанна Богослова Откровение). С. 585–598. [*Ivanova Kl., Oreckaya I.A., Turilov A.A., Cheshmedzhiev D.* Ioann Rilskij (Ioann of Rila) // *Pravoslavnaya enciklopediya.* Moscow, 2010. Т. 24 (Ioann Voin – Ioanna Bogoslova Otkrovenie). S. 585–598.]
- Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из б-ки Иосифова монастыря в б-ку МДА // ЧОИДР. М., 1881. Кн. 3. С. 1–315. [*Iosif, ierom.* Opis' rukopisej, pereenesennyh iz b-ki Iosifova monastyrya v b-ku MDA (The Inventory of the Manuscripts Carried from the Library of the Joseph Monastery to the Library of the Moscow Theological Academy) // *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih.* Moscow, 1881. Кн. 3. S. 1–315.]
- Корогодина М.В.* Кормчие книги XIV – первой пол. XVII в. М.; СПб., 2017. Т. 2 (Описание редакций). С. 29–30. [*Korogodina M.V.* Kormchie knigi XIV – pervoj

- pol. XVII v. (Nomokanon Books of the 14th to the First Half of the 17th Century). Moscow; St-Petersburg, 2017. T. 2 (Opisanie redakcij). S. 29–30.]
- Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV вв. М., 2001. [*Loseva O.V.* Russkie mesyaceslovy XI–XIV vv. (The Russian Menologii of the 11th – 14th Centuries). Moscow, 2001.]
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. [*Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah (Ancient Rus' on the International Roads). Moscow, 2001.]
- Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. (Древнейшие государства Восточной Европы; 2007). [*Nazarenko A.V.* Drevnyaya Rus' i slavyane (Ancient Rus' and the Slavs). Moscow, 2009. (Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy; 2007).]
- Подскальский Г.* Средневековна теолошка књижевност у Бугарској и Србији (865–1459). Београд, 2010. [*Podskalski G.* Srednjevekovna teoloshka knjizhevnost u Bugarskoj i Srbiji (865–1459) (Medieval Ecclesiastical Literature in Bulgaria and Serbia (865–1459)). Beograd, 2010.]
- Рукописные книги собрания М.П. Погодина. Л., 1988. Вып. 1. [Rukopisnye knigi sobraniya M.P. Pogodina (Manuscripts from M.P. Pogodin's Collection). Leningrad, 1988. Vyp. 1.]
- Рукописные собрания ОР ГБЛ: Указатель. М., 1976. Вып. 1. Ч. 2. [Rukopisnye sobraniya OR GBL: Ukazatel' (Manuscripts from the Collection of the Department of Manuscripts of the State Lenin Library: Index). Moscow, 1976. Vyp. 1. Ch. 2.]
- Сергий (Спасский).* Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. 2-е изд., испр. и много доп. (репринт – М., 1997). Т. 1: Восточная агиология. Прилож. 13 (Славянские рукописные четии минеи). [*Sergij (Spasskij).* Polnyj mesyaceslov Vostoka (The Complete Menologium of the East). Vladimir, 1901. 2-e izd., ispr. i mnogo dop. (reprint – Moscow, 1997). T. 1: Vostochnaya agiologiya. Prilozh. 13 (Slavyanskije rukopisnye chetii minei).]
- Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв., хранящихся в СССР. М., 1984. [Svodnyj katalog slavyano-russkih rukopisnyh knjig XI–XIII vv., hranyashchihsya v SSSR (The Master Catalogue of Slavic-Russian Manuscripts of the 11th – 13th Centuries in the USSR). Moscow, 1984.]
- Тихомиров Н.Б.* Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII вв., хранящихся в Отделе рукописей ГБЛ. Ч. 2: XII в. // Записки ОР ГБЛ. М., 1965. Вып. 27. С. 93–148. [*Tikhomirov N.B.* Katalog russkih i slavyanskih pergamentnyh rukopisej XI–XII vv., hranyashchihsya v Otdela rukopisej GBL. Ch. 2: XII v. (The Catalogue of Russian and Slavic Parchment Manuscripts of the 11th–12th Centuries from the Department of Manuscripts in the State Lenin Library. Part 2: the 12th Century // Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki imeni V.I. Lenina. Moscow, 1965. Vyp. 27. S. 93–148.)]

- Тихомиров Н.Б.* Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI–XII вв., хранящихся в Отделе рукописей ГБЛ. Ч. 3, дополнительная (XII и кон. XII – нач. XIII в.) // Записки ОР ГБЛ. М., 1968. Вып. 30. С. 87–156. [*Tikhomirov N.B.* Katalog russkikh i slavyanskikh pergamennykh rukopisej XI–XII vv., hranyashchihsya v Otdelē rukopisej GBL. Ch. 3, dopolnitel'naya (XII i kon. XII – nach. XIII v.) The Catalogue of Russian and Slavic Parchment Manuscripts of the 11th–12th Centuries from the Department of Manuscripts in the State Lenin Library. Part 3, Supplementary (the 12th and the End of the 12th Century – the Beginning of the 13th Century) // Zapiski Otdela rukopisej Gosudarstvennoj biblioteki imeni V.I. Lenina. Moscow, 1968. Выр. 30. S. 87–156.]
- Троицки С.В.* Како треба издати Светосавску Крмчију (Номоканон са тумачењима). Београд, 1952. (Споменик САН. Од. Друштвених наука. Нова серија; 4). [*Troicki S.V.* Kako treba izdati Svetosavsku Krmchiju (Nomokanon sa tumacheњima) (How Should the Svjatosavskiy Nomokanon Be Published (The Nomokanon with Explanations)). Beograd, 1952. (Spomenik SAN. Od. Drushtvenih nauka. Nova serija; 4).]
- Турилов А.А.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей // Руско-балкански културни врџки през Средновековието / Русско-балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София, 1982. С. 68–74. [*Turilov A.A.* K voprosu o periodizacii russko-yuzhnoslavyanskikh literaturnyh svyazej (On the periodization of the Russian and South-Slavic Literary Connections) // Rusko-balkanski kulturni vr'zki prez Srednekovieto. Sofia, 1982. S. 68–74.]
- Турилов А.А.* К вопросу о болгарских источниках Русского Хронографа // Летописи и хроники 1984. М., 1984. С. 20–24. [*Turilov A.A.* K voprosu o bolgarskikh istochnikah Russkogo Hronografa (On the Bulgarian Sources of the *Russian Chronograph*) // Letopisi i hroniki 1984. Moscow, 1984. S. 20–24.]
- Турилов А.А.* Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. // Старобългаристика. 1999. № 1. С. 14–34. [*Turilov A.A.* Dve zabytye daty bolgarskoj cerkovno-politicheskoj istorii IX v. (Two Forgotten Dates of the Bulgarian Church and Political History) // Starob'lgaristika. 1999. № 1. S. 14–34.]
- Турилов А.А.* Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья. М., 2010. [*Turilov A.A.* Slavia Cyrillomethodiana: Istochnikovedenie istorii i kul'tury yuzhnyh slavyan i Drevnej Rusi. Mezhsldavyanskije kul'turnye svyazi epohi Srednevekov'ya (Slavia Cyrillomethodiana: Source-Critical Study of the History and Culture of the Southern Slavs and Ancient Rus'. Inter-Slavic Cultural Connections in the Middle Ages). Moscow, 2010.]
- Турилов А.А.* Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.,

2012. [*Turilov A.A. Mezhslyavianskie kul'turnye svyazi epohi Srednevekov'ya i istochnikovedenie istorii i kul'tury slavyan: Etyudy i harakteristiki (Inter-Slavic Cultural Connections in the Middle Ages and the Source-Criticism of the History and Culture of the Slavs: Essays and Characteristics)*. Moscow, 2012.]
- Турилов А.А. Исследования по славянскому и сербскому Средневековью // Студии из словенског и српског средњег века. Београд, 2014. С. 291–306. [Turilov A.A. Issledovaniya po slavyanskomu i serbskomu Srednevekov'yu (The Studies of the Slavic and Serbian Middle Ages) // Studije iz slovenskog i srpskog sredњег века. Beograd, 2014. S. 291–306.]*
- Турилов А.А. К вопросу о региональных вариантах «второго южнославянского влияния» (палеографический и орфографический аспекты) // Славянское и балканское языкознание: Палеославистика-4. М., 2022. С. 184–202. [Turilov A.A. K voprosu o regional'nyh variantah «vtorogo yuzhnoslavyanskogo vliyaniya» (paleograficheskij i orfograficheskij aspekty) (On the Regional Variants of the 'Second South-Slavic Impact' (Paleographic and Orthographic Aspects)) // Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Paleoslavistika-4. Moscow, 2022. S. 184–202.]*
- Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. [Shchapov Ya.N. Vizantijskoe i yuzhnoslavyanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. (The Byzantine and the South-Slavic Legal Heritage in Rus' of the 11th–13th Centuries). Moscow, 1978.]*
- The Oxford Dictionary of Byzantium. New York; Oxford, 1991. Vol. 3.

Anatoliy A. Turilov

ON THE HISTORY OF RUSSIAN AND SOUTH-SLAVIC
BOOK CONNECTIONS OF THE 12TH–13TH CENTURIES
(ABOUT THE TIME AND CIRCUMSTANCES
OF THE APPEARANCE OF THE *LIFE OF JOHN OF RILA*
IN GEORGE SKYLITZES' VERSION IN RUSSIAN LITERATURE)

The article discusses the question of the time of the appearance in Russian literature of the oldest (translated) life of John of Rila, written originally in Greek by the hagiographer and hymnographer George Skylitzes. For a long time in the Russian research literature, this fact was considered in a wide chronological range from the beginning to the last quarter of the 15th century, and the author of the article shared this view earlier. However, at present there is every reason to say that the transition of the text from the Balkans to ancient Russian literature is associated with the flight to Carpathian Galich of the heir to the Bulgarian throne John Asen II (upon his return to his homeland he ruled in 1218–1241) and thus reflects the Russian–South Slavic

cultural ties of the pre-Mongol period. At first glance, the old point of view looks more logical and justified, since the monument is not known in Russian lists earlier than the last quarter of the 15th century. However, this validity looks like this only at first glance. The named life does not fit into the situation at all, either in relation to the classical period of the “second South Slavic influence” of the end of the 14th – first third of the 15th century, or to the end of the 15th – first quarter of the 16th century – the time of the creation of the original edition of the *Russian Chronograph*, one of the sources of which were the South Slavic lives. In the first case, only brief lives of Bulgarian and Serbian saints as part of a *Verse Prologue* got to Russia, in the second only texts created by Patriarch Euthymius of Tarnovo and his disciples and followers, and the source for the *Chronograph* was a short written life of John, and not at all the work of Skylitzes. Thus, the text to which the article is devoted refers specifically to the monuments of Russian-South Slavic relations of the 12th–13th centuries. and it belongs, along with the Serbian Nomocanon, to the number of South Slavic writings and translations that came to Russia from the Balkans at that time (for the named period, as is known, the movement of monuments in the opposite direction is much more characteristic).

Keywords: The *Life of John of Rila*, Bulgaria, Galician-Volyn Principality, John Asen II, Russian-Bulgarian book relations of the 12th–13th centuries

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-132-140

Е.Л. Конаявская

ТВЕРСКОЙ ФЕДОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ В XIV–XV вв.

В статье собран и проанализирован материал письменных источников по истории Федоровского тверского монастыря в XIV–XV вв. Используются данные тверских летописных памятников, летописей, восходящих к Своду митрополита Киприана, западнорусских летописей и др., а также «Слова похвального Борису Александровичу» инока Фомы, писцовые описания тверских территорий. Тем не менее, эти данные скудны, а в силу особенностей ландшафта не дополнены археологией. Река меняла свое русло, и раскопки не принесли пока существенных результатов. Федоровский монастырь располагался на острове – в устье р. Тьмаки. Он был одним из первых тверских монастырей. Уже в 20-е гг. XIV в. в нем был построен каменный храм, который был сменен новым только через 100 лет. В работе определено время возникновения монастыря – не позднее 1316–1317 гг. Этими годами датируется рукопись – устав на греческом языке, созданная в обители (ныне хранится в Библиотеке Ватикана). Существенную часть насельников монастыря в начальный его период составляли греки. В последствии монастырь стал архимандритией. В статье рассмотрены возможные сроки получения им такого статуса. В Федоровском монастыре велась летописная работа, записи, составленные в обители, касались не только локальных монастырских событий, но и политических действий тверских и московских князей. Благодаря этим записям в Тверском сборнике сохранился ряд уникальных известий. Тверской великий князь Иван Михайлович желал видеть настоятеля обители Парфения тверским епископом (хотя его усилия в этом отношении и не увенчались успехом). В середине XV в. тверской великий князь Борис Александрович перенес Федоровский монастырь внутрь городской стены, а архимандритию – в монастырь Григория Богослова, создав на прежнем месте Федоровского монастыря укрепленную княжескую резиденцию. Однако известно, что в XVI в. Федоровский монастырь вновь управляется архимандритами.

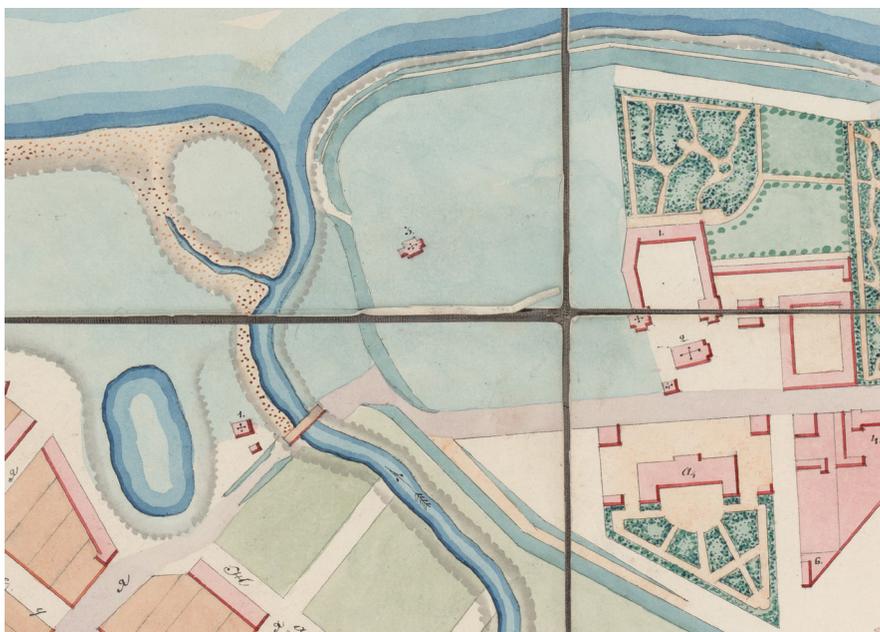
Ключевые слова: Тверское княжество, Феодоровский монастырь, греческий устав, епископ Варсонофий, архимандрития

О Тверском Феодоровском монастыре, одном из самых ранних монастырей Твери, известно чрезвычайно мало. Письменные источники содержат относительно него фрагментарный материал. Археология пока информации практически не дает.

Монастырь располагался на острове (полуострове?)¹ в устье Тьмаки. В Рогожском летописце, Тверском сборнике и Музейском фрагменте, отразивших тверское летописание (Конявская 2011), под 1323 г. говорится о закладке в Твери каменной церкви Святого Феодора, а под 1325 г. – о ее «свершении» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 414–415; ГИМ. Муз. № 1473. Л. 149 об.). В Симеоновской, Троицкой и Никоновской летописях «свершение» и освящение церкви отнесено к 1323 г. и говорится, что ее «сверши и украси игумень нѣкии Иванъ Царегородецъ» (ПСРЛ. Т. 18. С. 89; Приселков 2002. С. 357; ПСРЛ. Т. 10. С. 189). Очевидно, что относительно строительства более вероятным выглядит первая версия – тверских летописей. Но информацию об Иване Царегородце второй группы летописей нецелесообразно игнорировать. Как было установлено, тверской летописный свод XIV в. был использован в Рогожском летописце и Тверском сборнике, причем, великокняжеский летописец сокращал в первую очередь материал церковной истории. Владычная же тверская летописная традиция отразилась в обширном своде епископа Арсения и через его посредство оказалась использованной в Своде митрополита Киприана, на котором основывались многие летописи XV в. (Троицкая, Симеоновская и др.) (Конявская 2011). Ценный материал обнаруживается и в Никоновской летописи, составитель которой имел в своем распоряжении ранний и полный тверской источник (Насонов 1930. С. 731–734). В Супрасльской и Никифоровской летописях он назван не Царигородцем, а игуменом царигородским/царьградским: «Того жь лѣта сверши бысть церькви святы Федор во Тфери Ивановь, игуменомь царигородскимь» (ПСРЛ. Т. 35. С. 28, 46).

Д.Г. Давиденко считает Ивана Царегородца игуменом Феодоровского монастыря, что согласуется с присутствием в нем греков (Давиденко 2012. С. 307–308). Но материал источников, касающийся этих событий, крайне скуден, обстоятельства появления и присутствия в Твери Царьградца могли быть различными. В свое время И.А. Виноградовым отмечалось, что Иван Царегородец в летописном известии характеризуется как «некий игумен» – так могло быть сказано об игумене иного монастыря, не того, о котором шла речь (Виноградов 1908. С. 20). В.А. Кучкин аргументировал отождествление игумена Ивана Царегородца с игуменом Иваном, о котором в Житии Михаила Тверского говорится как о духовнике князя (Кучкин 1974. С. 230–231), что, если исходить из его игуменства в этом тверском монастыре, возможно.

¹ Древние карты показывают этот участок по-разному.

Илл. 1. Фрагмент Плана Твери 1846 г. РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 530. Л. 24 (1)².
 Fig. 1. Fragment of the Plan of Tver' 1846. RGIA. F. 218. Op. 3. C. 530. Fol. 24 (1).

Впрочем, нужно заметить, что, сообщая о построении каменной церкви, летописи прямо не упоминают монастыря. Тем не менее, как справедливо полагал Н.Ф. Красносельцев, это, скорее всего, была церковь монастыря Феодора Тирона и Феодора Стратилата (Красносельцев 1885. С. 22–23), о которой говорится в приписке Фомы Сириянина к церковному уставу 1316/1317 гг. на греческом языке, хранящимся ныне в библиотеке Ватикана (Biblioteca Apostolica Vaticana. Vat. Grec. 784).

Дополнительный мотив к построению каменного храма раскрывается, возможно, в известии ряда летописей. Перед сообщением о строительстве церкви говорится о некоем Феодоре, который был замучен «в болгарех» (т.е. на территории Болгарии, которая приняла ислам). Летописи указывают и день гибели Феодора – 21 апреля 1323 г. Он назван неким христианином, погибшем за веру (ПСРЛ. Т. 18. С. 89; Приселков 2002. С. 357 и др.). Никоновская же летопись добавляет подробности: Феодор был богатым «гостем», т.е. купцом, торгующим в других странах (его прозвище – Иерусалимлянин – говорит о том, что он торговал в странах православного Востока или был выходцем из этих мест). Он был искушен в «философии», «пряшася» с противниками христиан-

² Благодарю А.Н. Хохлова за предоставление материала.

ства о вере, «они же окааніи, не стерпѣша своего поруганіа, замучиша его за вѣру христьянскую, мѣсяца апрѣля 21 день» (ПСРЛ. Т. 10. С. 188–189)³. Мученическая смерть Федора, которого знали в Твери, могла повлиять на решение поставить каменную церковь тезоименитых святых, но очевидно, что монастырь и, соответственно, деревянная церковь с этим посвящением уже должны были существовать, поскольку обитель, как было сказано выше, упомянута в приписке к созданной там рукописи – за несколько лет до закладки каменной церкви. То же обстоятельство не позволяет связывать основание монастыря с приходом на кафедру грека Варсонофия (хиротонисан в феврале 1317 г.). Видимо, существенное греческое присутствие в Федоровом монастыре начало складываться еще до владыки Варсонофия. Искусствоведы склонны связывать с влиянием греков этого монастыря византизирующие тенденции в тверской иконописи (Евсеева, Кочетков, Сергеев 1974. С. 19–20).

Известно, что монастырь Феодора Тирона и Феодора Стратилата станет в последствии архимандритией, но точная дата приобретения им такого статуса неизвестна.

Определенно Феодоровский монастырь назван архимандритией, а его глава Феодосий – архимандритом, под 1421 г. Говорится с указанием дня, месяца и церковной памяти о закладки нового каменного храма Феодора Тирона (1 июня, «на память святого мученика Устина Философа»), «а ветхую разориша», – добавляет летописец. Далее следует сообщение об освящении храма (5 октября «на память святых мученицъ Мамелфы») (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 488). «Ветхая» – та, о которой шла ранее речь, как можно понять, простояла около ста лет.

Но есть данные, позволяющие предполагать, что статус архимандритии был получен обителью раньше⁴.

Впрямую не назван монастырь в статье Тверского сборника о событиях 1408 г., но очевидно, что речь идет о нем: «Тои ж весны поводь велика о Юріевѣ дни, и поня вода въ Тфери до церкви; черници на плотѣхъ издиша къ святому Феодору» (Там же. Стб. 474⁵). Это уникальное известие

³ Никоновская летопись – памятник поздний, которому свойственно добавлять различные сюжеты и детали вымышленного характера. Но составитель ее, как уже было сказано, располагал весьма полным тверским летописным источником. Возможно, подробности о Феодоре, хотя бы частично, могли основываться на таких материалах.

⁴ Известно, что в 1371 г. «донесение» Михаила Александровича и его братьев константинопольскому патриарху Филофею доставил архимандрит Феодосий (РИБ. Т. 6. Приложение. Стб. 150–154). Нельзя исключить возможность того, что это тот же Феодосий, который называется в качестве архимандрита Феодоровского монастыря под 1421 г. (он должен быть в таком случае в весьма преклонных летах). При таком допущении обитель была архимандритией еще в 70-х гг. XIV в.

⁵ В Забелинском списке (ГИМ. Музейск. собр. № 288 б): «Тои ж весны поводь велика бысть мѣсяца апрѣля въ 23 день на память святого великомученика и побѣдоносца Христова Георгия въ Твери, и поня вода даже до самыя церкви; чернци на плотѣхъ ѣздиша къ святому Феодору».

выдает тверской источник, более того, велика вероятность, что эта запись сделана непосредственно в Феодоровском монастыре, а стало быть, в этой обители велась летописная работа. В Тверском сборнике и далее встречается информация о тверских событиях, не повторяющаяся в других летописных памятниках. Летописатель имел возможность получать значимую информацию либо от князя и его окружения, либо от владыки. Близость монастыря к тверскому великому князю подтверждается тем, что настоятеля именно этой обители тверской князь хотел видеть на епископской кафедре как преемника почившего владыки Арсения.

Поставить нового епископа стало возможным лишь через два года после смерти Арсения в 1409 г. Великий князь тверской Иван Михайлович посылает к митрополиту Фотию своего боярина, прося поставить нового владыку. Фотий прибыл в Тверь, и оказалось, что на владычную кафедру претендует два кандидата – тверской и московский. С тверской стороны это был федоровский игумен Парфений, с московский – ильинский игумен Антоний. Иван Михайлович с князьями и боярами присутствовал на открытии жребия. Вынулся жребий Антония, хотя «не хотевъшимъ тѣричемъ поставлень бысть епископомъ» (ПСРЛ. Т. 35. С. 54). Таким образом, Иван не смог утвердить на владычной кафедре желанную ему кандидатуру, однако выбор тверским князем кандидата говорит о высоком статусе Феодоровского монастыря. Игумен Парфений архимандритом здесь не назван. Но надо иметь в виду, что титулование церковных иерархов в древнерусских источниках проводится непоследовательно, а рассматриваемая информация содержится в летописях, далеких от Твери – Супрасльской и Никифоровской. Эти летописи, как было показано М.А. Шибаевым, содержат целую цепь известий, касающихся митрополита Фотия, в их числе и рассмотренное выше. Исследователь отметил, что и по отношению к Фотию летописец не указывает последовательно его титул (Шибаев 2012. С. 89–94).

Из «Слова похвального Борису Александровичу» инока Фомы и Тверского сборника мы узнаем, что весной 1446 г. Феодоров монастырь был перенесен в город. Преподносится это как «попечение» князя, «дабы такий храмъ не внѣ града былъ, но въ градѣ». Борис хочет построить «градъ... собѣ памяти достоин». Фома подчеркивает, что изначально выбор места для «града» был определен князем и «свѣтомъ всѣхъ людеи» (БЛДР. Т. 7. С. 96). Борис Александрович собирает «поместных» князей, бояр, духовенство и при стечении народа просит совета: «Но хощу того якоже свѣти мои, такоже и свѣти ваши – утверждение вашему великому граду Тѣри» (Там же. С. 96–97). Лишь после того, как все высказываются в поддержку его начинания, и с благословения епископа князь «повелѣ рубити» (Там же. С. 97). На острове была создана укрепленная

княжеская резиденция, которая была призвана охранять подступы к расположенным поблизости мосту и плотине.

Из сообщения Тверского сборника об этой акции понятно, что летописец стоит на позициях, сочувствующих обители, а не княжескому решению: князь «разорил» монастырь, поставил на его месте «город», а архимандритию перевел в монастырь Григория Богослова в Затмачье. При этом тверской летописец добавляет: «И церковь поставиль святого Федора» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493). Где был построен этот храм? Высказывались мысли, что эта же церковь, перестав быть главным монастырским храмом, стала «княжеской» (домовой) (Виноградов 1908. С. 24). Примерно так же понимал ситуацию и Н.П. Лихачев: «не то, чтобы церковь была разрушена и выстроена в другом месте» (Лихачев 1908. С. XXX). Однако тверской летописец говорит, что князь «поставил» храм. В «Выписи Нарбекова 1626 г.» обнаруживается упоминание Григорьевского монастыря, деревянного храма Григория Богослова, а также сожженного литовцами храма Федора Тирона (Выпись 1901. С. 114, 116–117), видимо, расположенных близко друг от друга. Вероятно, с переходом архимандритии часть иноков Федоровского монастыря перешла в монастырь Григория Богослова, и там был выстроен храм во имя Федора Тирона. Феодоровский же монастырь утратил статус архимандритии лишь на некоторое время. В XVI в. в сочинении Вассиана Кошки «О преставлении святого епископа Тверского Акакия и о житии его вкратце» уже вновь упоминается архимандрит этой обители Ефрем (БЛДР. Т. 13. С. 435–444). Скорее всего, монастырь вернулся на свое прежнее место.

Несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки археологов вести разыскания на месте древнего монастыря, обнаружены лишь захоронения и отдельные предметы в незначительном количестве. Тому виной изменение русла реки, произошедшее как из-за особенностей самого природного ландшафта, так и из-за деятельности человека. Однако такие работы будут продолжены (Хохлов, Нестерова, Авдеев 2024).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- БЛДР: Вторая половина XV века. Т. 7. СПб., 1999. [Biblioteka literatury Drevney Rusi (Library of Literature of Old Rus): Vtoraya polovina XV veka. T. 7. St-Petersburg, 1999.]
- БЛДР: XVI век. Т. 13. СПб., 2005. [Biblioteka literatury Drevney Rusi (Library of Literature of Old Rus): XVI vek. T. 13. St-Petersburg, 2005.]
- Виноградов И.* Новые данные по истории Тверского княжества. Княжение Бориса Александровича (1425–1461 гг.). Тверь, 1908. [*Vinogradov I.* Novyye dannyye po istorii Tverskogo knyazhestva. Knyazheniye Borisa Aleksandrovicha

- (1425–1461 gg.) (New data on the history of the Tver principality. The reign of Boris Alexandrovich (1425–1461)). Tver', 1908.]
- Выпись из Тверских писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева 1626 г. Тверь, 1901. [Vypis' iz Tverskikh pistsovykh knig Potapa Narbekova i pod'yachego Bogdana Fadeyeva 1626 g. (Extract from the Tver Cadastres of Potap Narbekov and Clerk Bogdan Fadeev, 1626). Tver', 1901.]
- ГИМ. Музейское собр. № 1473. [Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. Muzeyskoye sobraniye (State Historical Museum. Museum Collection). № 1473.]
- ГИМ. Музейское собр. № 288 б. [Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey. Muzeyskoye sobraniye (State Historical Museum. Museum Collection). № 288 б.]
- Давиденко Д.Г.* Монастыри-архимандритии в городах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в XIV–XV вв. // Средневековая Русь. 2012. Вып. 10. С. 248–331. [*Davidenko D.G.* Monastyri-arkhimandritii v gorodakh Severo-Vostochnoi i Severo-Zapadnoi Rusi v XIV–XV vv. (Monasteries-Archimandritias in the Cities of Northeastern and Northwestern Rus' in the 14th–15th Centuries) // Srednevekovaya Rus'. 2012. Vyp. 10. S. 248–331.]
- Евсеева Л.М., Кочетков И.А., Сергеев В.Н.* Живопись Древней Твери. М., 1974. [Evsyeyeva L.M., Kochetkov I.A., Sergeyev V.N. Zhivopis' Drevney Tveri (Early Tver Painting). Moscow, 1974.]
- Конявская Е.Л.* Тверское владычное летописание конца XIII–XIV в. // Средневековая Русь. 2011. Вып. 9. С. 139–152. [*Konyavskaya E.L.* Tverskoe vladychnoe letopisanie kontsa XIII–XIV v. (Tver Episcopal Chronicles of the End of the 13th–the 14th Century) // Srednevekovaya Rus'. 2011. Vyp. 9. S. 139–152.]
- Красносельцев Н.* Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885. [*Krasnoselcev N.* Svjedeniya o njekotoryh liturgiceskich rukopisjah Vatikanskoj Biblioteki (Notices on Some Liturgical Manuscripts of the Vatican Library). Kazan, 1885.]
- Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. [*Kuchkin V.A.* Povesti o Mikhaile Tverskom (The Stories of Mikhail of Tver). Moscow, 1974.]
- Лихачев Н.П.* Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1909. [*Likhachev N.P.* Inoka Fomy slovo pokhval'noye o blagovernom velikom knyaze Borise Aleksandroviche (Inok Foma's Words of Praise about the Right-Believing Grand Duke Boris Alexandrovich). St-Petersburg, 1909.]
- Насонов А.Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 9. С. 709–738. [*Nasonov A.N.* Letopisnyye pamyatniki Tverskogo knyazhestva (Chronicles of the Tver principality) // Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye gumanitarnykh nauk. 1930. № 9. S. 709–738.]

ПСРЛ. [Polnoe sobranie russkikh letopisej (Complete Collection of Russian Chronicles)]. Т. 10. СПб., 1885; Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922; Т. 15. СПб., 1863; Т. 18. СПб., 1913; Т. 35. М., 1980.

Приселков М.Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). СПб., 2002. [*Priselkov M.D. Troitskaya letopis' (Rekonstruktsiya Teksta) (Trinity Chronicle (Reconstruction of the Text)). St-Petersburg, 2002.]*

РИБ. Т. 6. Ч. I. Изд. 2-е. СПб., 1908. [Russkaya istoricheskaya biblioteka (Russian Historical Library). Т. 6. Ch. I. Izd. 2-е. St-Petersburg, 1908.]

Шубаев М.А. Владимирский полихрон и Новгородско-софийский свод // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 83–95. [*Shibaev M.A. Vladimirskij Polikhron i Novgorodsko-Sofiiskij svod (Vladimir polychron and Novgorod-Sophian compilation) // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. 2012. № 2 (48). S. 83–95.]*

Хохлов А.Н., Нестерова М.Е., Авдеев А.Г. Могильная плита тверского типа с надписью из раскопок на территории некрополя Тверского Федоровского монастыря // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Материалы научного семинара. Тверь, 2024. Вып. 16. С. 200–212. [*Khokhlov A.N., Nesterova M.E., Avdeyev A.G. Mogil'naya plita tverskogo tipa s nadpis'yu iz raskopok na territorii nekropolya Tverskogo Fedorovskogo monastyrya (A Tombstone of the Tver Type with an Inscription from the Excavations on the Territory of the Necropolis of the Tverskoy Fedorovsky Monastery) // Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu srednevekov'ya. Materialy nauchnogo seminar. Tver', 2024. Vyp. 16 (in print).]*

Biblioteca Apostolica Vaticana. Vat. Grec. 784.

Elena L. Konyavskaya

TVER FEDOROVSKY MONASTERY IN THE 14TH–15TH CENTURIES

The article contains material from written sources regarding the Fedorovsky Tver Monastery in the 14th–15th centuries. These data are scarce and, due to the peculiarities of the landscape, are not supplemented by archaeology. The monastery was located on an island (on the Tmaka River). Fedorov Monastery is one of the first Tver monasteries. The time of the emergence of the monastery is determined as no later than 1316–1317. These years date back to the manuscript – the charter in Greek, created in the monastery (now kept in the Vatican Library). A significant part of the monks of the monastery in its initial period were Greeks. Subsequently, the monastery became an Archimandritia. The article considers the possible terms for obtaining such a status. Annalistic work was carried out in the Fedorovsky Monastery.

In the middle of the 15th century Tver Grand Duke Boris Alexandrovich moved the monastery inside the city walls, and moved the Archimandritia to the monastery of Gregory the Theologian.

Key words: Principality of Tver, Feodorovsky Monastery, Greek charter, Bishop Varsonofy, Archimandrite

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-141-149

Н.В. Квливидзе

ШЕСТВИЕ: ИКОНОГРАФИЯ И ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВО В ЭПОХУ ИВАНА ГРОЗНОГО

В статье изучаются новгородские и московские литургические памятники чина в Неделю ваий – «шествия на осляте» в Вербное воскресенье, в сопоставлении с византийским обрядом с целью установления причин и времени появления в московском литургическом действе царя. Особенностью московского богослужебного чина, изображавшего Вход Господень в Иерусалим, было участие в шествии царя, ведшего под уздцы наряженную ослом лошадь, на которой сидел митрополит. Уподобление царя конюшему или конюху восходит к раннесредневековому литературному памятнику «Константинов дар», где в такой роли выступает император Константин, поддерживающий стремя коня римского папы Сильвестра, выказывая ему тем самым особое почтение как преемнику апостола Петра. Считалось, что это сочинение, в котором епископское достоинство и власть возводится на исключительную высоту, отразившееся в новгородской литературе («Повесть о белом клобуке»), повлияло на форму чина в Неделю ваий новгородского Софийского собора, перенесенного в Москву при митрополите Макарии. Проведенное исследование показало, что в новгородском обряде не обнаруживается влияние Константинова дара. Точно соответствуя древнейшим шествиям в Вербное Воскресенье, совершавшимся в Иерусалиме, новгородский чин литургически воспроизводил именно евангельское событие. Анализ текстов Стоглавого собора позволил определить, что Московские шествия, или литии были установлены согласно Указу в 1551 г. Значение шествий как богослужебной формы подтверждается иконографически (икона «Благословенно воинство небесного царя»). Идеиное содержание литий как молебного прошения, сформулированное в Указе, совпадает с литургическими произведениями (Чин венчания на царство), посланиями и художественными программами (роспись Золотой палаты московского Кремля) митрополита Макария, направленными на формирование идеального образа православного царя, главной чертой которого является благочестие – залог благоденствия его государства. Участие Ивана Грозного в «Шествии на осляте», по нашему мнению, можно отнести к числу литургических деяний митрополита Макария.

Ключевые слова: древнерусское богослужение, шествие в вербное воскресенье, иконография

Во второй половине XVI – XVII в. в практике Русской церкви существовало несколько особых чинопоследований, связанных с празднованием Начала индикта, Воздвижения Честного Креста, Рождества Христова, Прощеного воскресенья, Вербного воскресенья, Великого Четверга, Великой Пятницы (Никольский 1885. С. 50). Эти службы имели особые названия: Чин летопровождения, Пещное действо, Действо Страшного суда, Чин действия в Неделю ваий, Чин умоления ног, Чин умоления мощей. Богослужения отличались от других праздничных служб яркими обрядовыми особенностями. Среди них особой церемониальной выразительностью отличался чин, который совершался в праздник Входа Господня в Иерусалим или в Неделю ваий (ваия гр. – пальмовая ветвь). Тот же праздник на Руси назывался Цветоносная неделя или Вербное Воскресенье. В честь воспоминания торжественного Входа Иисуса Христа в Иерусалим был разработан особый богослужебный обряд, который являлся литургическим воспроизведением Евангельского события. Чин получил название «шествие на ослиати». В московских процессиях принимал участие царь, ведущий в поводу «осля», на котором сидел патриарх, в чем «власть духовная... видела выражение царского смирения» (Там же. С. 46). Когда и почему появился в Москве этот чин, было неизвестно уже во второй половине XVII в. Так, на вопрос о происхождении обряда шествия на ослиати отцы поместного собора 1678 г. отвечали, что «обычай этот на Руси попустился только благочестия ради венценосцев», и ни устного, ни в книгах «ни малейша того действия обретесе воспоминание» (Там же). Исследовательский интерес к особенностям богослужения Недели Ваий проявился во второй половине XIX – начале XX в. в работах историков – литургистов в связи с изучением и публикацией древних типиконов. Внимание ученых было сосредоточено на деталях обряда, составе песнопений, особенностях иерусалимских и константинопольских уставов, их взаимного влияния (Дмитриевский 1907. С. 117–120). В это же время публикуются и исследуются русские литургические памятники, содержащие изложение чина (Дмитриевский 1884; Голубцов 1889; Голубцов 1907)¹. В дальнейшем в работах, посвященных русскому обряду «шествия на ослиати», рассматривается, главным образом, участие в нем царя, взаимное положение в действе светского и духовного владыки, и анализируются исторические обстоятельства возникновения и развития этого ритуала, а также выявляется литературный источник, повлиявший на его оформление – «Константинов дар» (*Donatio Constantini*), в котором император Константин говорит о себе как о конюшем папы Сильвестра «придерживая стремя

¹ Исторический обзор православного богослужения праздника Входа Господня в Иерусалим представлен в статье: Желтов 2005. С. 41–48.

его коня, сослужили ему, из почтения к блаженному Петру, страторскую службу» (Ostrogorsky 1935; Успенский 1998. С. 450–453; Турилов 2015). Попытки выявить смысл данного явления сдвигают фокус в сторону семиотических исследований, в центре которых по-прежнему образ царя (Успенский 1998. С. 440–461). По мнению исследователя, «таким образом утверждалась сакральность царской власти, которая определялась ее отношением к власти духовной» (Там же. С. 445). Анализу смыслового содержания обряда, проблематике репрезентации в ходе пышного шествия характера отношений царя и патриарха в XVII столетии посвящен еще ряд работ (Скрипкина 2011; Сазонова 2015). Интерпретации иконографических деталей обряда, уподобления процессии изображению на иконах Входа Господня в Иерусалим и восприятия самого действия как своеобразной живой иконы, в которой выражается идеология московского царства, уделено особое внимание в работах М. Флайера (Flier 1992a; 1992b; 1994; 1997). В контексте направления исследований, изучающих создание сакральных пространств, «шествие на ослиати» рассматривается как художественное явление, элементы которого формируют у участников образ святого града Иерусалима (Лидов 2006. С. 22–23; 2009).

Несмотря на столь обстоятельное исследование этого литургического обряда остается ряд вопросов, нуждающихся в дополнительном изучении. Прежде всего, необходимо вновь обратить внимание на то, что Чин действия в Неделю ваий является одним из видов церковной службы, и, если вместо ставшего привычным слова «шествие», акцентирующего внимание на драматургической стороне происходящего, употребить «литания» или «лития», то становится очевидно, что вопрос, почему в XVI в. в Москве вводится этот вид городского богослужения, не традиционный для уставных обычаев столицы Русского царства, по-прежнему нуждается в изучении. Это представляется необходимым также в связи с одновременным развитием темы шествия в московском искусстве, самым выразительным примером которого является икона «Благословенно воинство Небесного Царя» (Подобедова 1972; Квливидзе 1998; Сорокатый 1999)².

В науке конца XIX – начала XX в. утвердилось положительное мнение об участии императора вместе с патриархом в константинопольской литии в Неделю Ваий (Дмитриевский 1907. С. 121) и о влиянии этого обряда на новгородский, а затем и московский чин (Красносельцев 1895. С. 36–37). Впоследствии А.А. Дмитриевский в статье, специально посвященной патриаршему константинопольскому богослужению праздника Входа в Иерусалим в IX–X вв., отмечает, что император не принимал в

² И.А. Шалина датирует икону «Благословенно Воинство Небесного Царя» до 1533 г. (Шалина 2021).

нем участия, присутствуя вечером Лазаревой субботы и в Неделю ваий на службах только в дворцовых церквях, а затем в тронном зале проводя прием и торжественную церемонию поздравления придворных чинов и представителей многочисленных городских благотворительных учреждений (Дмитриевский 1928). Современные литургисты связывают русское богослужение праздника с влиянием Иерусалимского устава (Желтов 2005. С. 46). Однако обращение к литургическим источникам не проясняет причин, по которым в московской процессии Вербного Воскресенья обязательно участие царя. Наблюдение об ориентированности обряда на икону Входа в Иерусалим (Flier 1992a. С. 66; Лидов 2009. С. 24–25) также не отвечает на вопрос о роли царя, поскольку ни христианская иконография праздника, ни греческие типиконы не упоминают светских властителей в этом богослужении. Между тем изучение новгородских типиконов позволяет объяснить иконографические детали некоторых икон «Входа Господня в Иерусалим» и целых иконных комплексов, появление которых связано с характером служб новгородского Софийского собора, сохранившего особенности Устава Великой константинопольской церкви (Евсеева 2023)³. Устав новгородского Софийского собора, подробно описывающий приготовление к шествию и саму процессию, содержит детали, которые могут помочь в анализе московского литургического чина середины XVI в.⁴

Вход Господень в Иерусалим с некоторыми отличиями описан всеми Евангелистами (Мф 21. 1–11; Мк 11. 1–11; Лк 19. 28–40; Ин 12. 12–19). Иисус сидел на молодом осле, покрытом одеждами апостолов, а множество народа, вышедшего из города навстречу, держали в руках пальмовые ветви, восклицая: «Осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!», называя Христа Царем Израилевым, и дети постилали на дорогу под ноги ослу свои одежды. Иконография праздника, сложившаяся в IV в., не претерпела на протяжении своей истории сюжетных изменений (илл. 1). Также в древнейший период оформилось литургическое шествие с ветвями в Неделю ваий. О литании в день праздника Входа Господня в Иерусалим рассказывается в Паломничестве Этерии конца IV в. В этот день все вместе с епископом собирались на Елеонской горе, откуда процессия клириков и ми-

³ Л.М. Евсеева указывает на обратное влияние обряда на иконографию, вследствие чего на новгородской иконе XV в. в руках у Христа изображен не свиток, а Евангелие, держа которое ехал на «осляти» новгородский архиепископ (Евсеева 2023. С. 29). Следует отметить, что изображение Христа с книгой, придерживаемой у груди левой рукой известно в западноевропейской иконографии Входа в Иерусалим, например, на миниатюре Евангелиария из Райхенау XI в. (Lucchesi Palli 1968. S. 595).

⁴ Рассмотрение этих вопросов было представлено в докладе на международном симпозиуме «Пространственные иконы. Текстуальное и перформативное» (Квливидзе 2009).

рян во главе с епископом направлялась к храму Воскресения. «И когда наступает одиннадцатый час, читается то место из Евангелия, где дети с ветвями и пальмами встретили Господа, говоря: “Благословен грядый во имя Господне”. И тотчас встает епископ и весь народ, и затем с вершины горы Масличной все идут пешком ..., все держат ветви – одни пальм, другие – маслин; и так сопровождают епископа в том образе, в котором некогда сопровождали Господа... И идут с вершины горы до города, и затем по всему городу до Воскресения, все пешком, даже и знатные женщины, и знатные лица» (Паломничество 1889. С. 148–150; Красносельцев 1888). Выражение «в том образе» дало основание предположить, что епископ, как и Христос, ехал верхом на осле, в отличие от всех остальных участников литании, идущих весь путь пешком (Дмитриевский 1907. С. 117–118).

Илл. 1. Вход Господень в Иерусалим, XVI в. Икона из церкви Входа Господня в Иерусалим Покровского собора в Москве. Фотография автора.

Fig. 1. Entry of Jesus Christ into Jerusalem, 16th century. Icon from the Church of the Entry of Christ into Jerusalem of the Intercession Cathedral in Moscow. Photo by the author.

Иерусалимский обычай совершения богослужений с крестными ходами к местам евангельских событий оказал влияние на Устав Великой константинопольской церкви (Дмитриевский 1887. С. 181–242; 1907. С. 127, 130; Скабалланович 1910. С. 165–167, 391–393). Литии или литании, с одной стороны, имели покаянный характер, были молением о спасении от бедствия, с другой – присоединялись к особо торжественным дням памяти святых или праздникам. Еженедельные и ежегодные празднования в Константинополе отличались большим числом литийных шествий. Согласно Уставу Великой церкви, торжественная лития была положена в Неделю ваий (Дмитриевский 1887. С. 240; 1907. С. 119–122). Типикон подробно описывает патриаршее богослужение этого дня. Служба начиналась в Софийском соборе, где совершалась утренняя. Потом патриарх верхом «на жребяти» ехал в церковь 40 мучеников вслед за идущим пешком клиром, где раздавал ветви народу. Туда заранее доставлялся процессионный крест для литии, во время которой патриарх шел уже пешком, направляясь через форум Константина обратно в Софийский собор, где служилась литургия (Дмитриевский 1907. С. 119–120). Комментируя опубликованный с параллельным переводом текст Типикона, автор добавляет, что из Софийского собора в церковь 40 мучеников все, «не исключая и самого императора, шли пешком» (Там же. С. 122). Однако, как отмечалось выше, о присутствии императора в Софийском соборе в Неделю Ваий в тексте Устава Великой церкви не упоминается, а церемонии, в которых участвовал император (но без патриарха) с вечера Лазаревой субботы и в течение всего Цветоносного воскресенья детально изложены в сочинении императора Константина VII Порфирородного «О церемониях» (X в.) (Constantine Porphyrogenetos 2017. P. 170–177).

В русской практике, в отличие от Иерусалимского и Константинопольского богослужения, в литии принимали участие помимо церковного владыки, восседающего на «осляти» – покрытой попоной лошади, изображающей осла, и светские лица (наместник, боярин, царь), пешком, ведущие «осля» под уздцы. Попытаемся рассмотреть это отличие на основе анализа литургического действия.

Описание чинопоследований сохранилось в литургических памятниках XVII в. – соборных Чиновниках, тексты которых содержат подробное изложение порядка богослужения по ходу годового круга (Голубцов 1907. С. 23–25). Особенности соборного богослужения, отмеченные в чиновниках, указывают на многообразный и сложный ритуал, менявшийся в зависимости от празднуемого события, а также видоизменявшийся с течением времени. В чиновниках отмечается, какие именно священнические и архиерейские облачения должны надеваться во время определенной службы, какие должны быть шитые покровы на ра-

ках святых, подвесные пелены к иконам, какая должна использоваться драгоценная утварь и иконы. Эти, сравнительно поздние литературные произведения, отразили более ранние богослужебные обряды, существовавшие в практике различных церковных центров Древней Руси. Уставы русских монастырей и соборных храмов были основаны на различных византийских уставах-типиках, которые могли иметь между собой существенные различия (Студийский, Иерусалимский, Великой Константинопольской Церкви)⁵. Один из таких памятников – Новгородский Чиновник, составленный в первой трети XVII в. зафиксировал практику XVI в. (Голубцов 1889. С. IX). На основании изучения одного из источников Новгородского Чиновника, озаглавленного «Чин церковный архиепископа Великого Новгорода и Пскова», А.П. Голубцову удалось установить, что «хождение на осяти» совершалось в Новгороде уже в 1540-е гг. «Чин церковный», содержащийся в сборнике Волоколамского монастыря (РГБ. Вол. № 410), был создан в кругу архиепископа Феодосия, ученика Иосифа Волоцкого. Феодосий занимал новгородскую кафедру в 1542–1551 гг., после чего вернулся в Иосифо-Волоколамский монастырь, где занимался литературным трудом (Голубцов 1889. С. IX–XIV; Копанева 2021. С. 169). Описание службы Вербной недели отличается краткостью. Богослужение совершалось в стенах новгородского кремля, Детинца. После молебна с крестами «исходят из церкви (Софийского собора. – *Н.К.*) ... и пред церковь уготовано ося», архиепископ «благословляет наместников крестом, и всаждает на ося и приемлет святое евангелие, и поведут под ним ося». На ветвях заранее приготовленной большой вербы развешано «гроздие разно на благословение людем. И везут ее пред архиепископом в образ Господа нашего Иисуса Христа, яж самем содеяся Господем». «Пришед в Иерусалим» (церковь Входа в Иерусалим, расположенная в нескольких десятках метров к юго-востоку от Софийского собора. – *Н.К.*) архиепископ читает евангелие и либо служит там, «аще восхощет», либо так же возвращается в Софийский собор, где служит обедню. Сойдя с «осяти», архиепископ вновь благословляет наместников и своего конюшего и «за труды их ести зовет» (Голубцов 1889. С. 256–257). В Софийском чиновнике порядок богослужения Вербного Воскресенья и приготовление к праздничной службе изложено с большими подробностями: в среду заготавливают вербу, и начинают строить деревянный настил – «тесовый мост» от Корсунских врат собора до церкви Входа в Иерусалим «чтобы ехать святителю на осяти, а тес с пушечного двора дают... В пяток устрояют софийские плотники вербу в

⁵ Как показал в своем исследовании А.А. Дмитриевский, в русской богослужебной практике вплоть до XVI в. употреблялось большое число различных уставов. И лишь к этому времени богослужение стало приобретать унифицированный характер, в основу которого был положен Иерусалимский устав (Дмитриевский 1884).

станок... После заутрени все поповские старосты идут к Входу в Иерусалим на праздник... Вербу украшают финиками, яблоками и овощами... приводимо бывает осля... боярин приемлет у осляте конец темляка, дворецкий же среде держит, ясельничий же за бразды. И потом святитель, всед на осля, и примет святое евангелие в левую руку, и прилагает к персем, в правую же руку приемлет животворящий крест... брежения же ради святительского у осляте с обеих стран поддержат его на се искуснейшие четверо детей боярских по два со страны. Народи же постилаху ризы по пути» (Там же. С. 180–184).

Сравнение этих текстов, созданных с интервалом почти в столетие, безусловно свидетельствует о сохранении всех особенностей обряда. Вместе с тем более поздний памятник помогает понять некоторые детали, упомянутые, но не объясненные в Чине церковном. Это касается той особенности русского богослужения, которая привлекает самое пристальное внимание исследователей, а именно участия в процессии вместе с архиепископом светских лиц. Чин церковный говорит о двух наместниках (должностное лицо, назначаемое великим князем. – *Н.К.*), «большем» и «меньшем», которых вместе со своим конюшим архиепископ благодарит за то, что они вели «осля», приглашением на обед. В Софийском чиновнике передвижение от Софийского собора до Входоиерусалимской церкви описано более подробно: «осля» ведут, держа в разных местах повод боярин, дворецкий и ясельничий, отметим, что государственные чиновники уже не принимают участия в процессии, а еще с двух сторон контролируют движение четыре «искуснейших» человека, оберегающие архиепископа во время пути. Сопоставляя иерусалимскую процессию IV в., константинопольскую X и последующих веков с новгородской, можно отметить одно существенное отличие – новгородский архиепископ по пути благословляет народ. Сидя на «осляти» он держит в одной руке крест, а в другой евангелие, то есть обе руки владыки заняты, и он не имеет возможности держать повод. Опасность такого положения специально отмечена в Чиновнике, где сказано, что четверо идут по сторонам «брежения ради святительского». Таким образом, хотя путь новгородской литии в Вербное воскресенье очень короткий, в ее осуществлении, представлявшем определенные трудности, архиепископу содействовали несколько помощников из числа мирян. Обязанность эта была почетной, о чем известно из других случаев шествий архиерея верхом, например, при поставлении нового митрополита, когда узду держал представитель знатного рода или должностное лицо (Никольский 1885. С. 16–19). Анализ двух новгородских литургических памятников показывает, что в них описывается техническая ситуация, в которой роль «конюшего» является почетной, отсутствует тема взаимоотношений

духовной и светской власти, и нет отражения идеологического влияния на обрядовую форму «Чина шествия на осляти» текста «Константинова дара».

Что касается идейного содержания шествия в Вербное воскресенье, то оно ясно и недвусмысленно объясняется в тексте Чина церковного, прямо объявляющего архиепископа образом Иисуса Христа. В этом смысле новгородская лития продолжает традиции Иерусалимской, в которой также подчеркивается, что все участники с ветвями «сопровождают епископа в том образе, в котором некогда сопровождали Господа». Это замечание, как отмечалось выше, было истолковано в смысле движения верхом на осле. Однако Чин церковный добавляет «яж самем содеяся Господем», то есть говорит не столько об изобразительном характере литийного шествия, сколько о литургическом значении архиерея как образе самого Христа.

Церемониальная торжественность, которую придавали богослужению литийные шествия, усиливалась в случае московского «Чина в Неделю ваий» участием в богослужении царя. Особенности церковного обряда в Неделю ваий в Москве известны не только по литургическим памятникам XVII в., но и по запискам очевидцев – иностранцев, побывавших в столице Русского царства и оставивших подробные рассказы о красочной процессии, в которой «осля» вел сам царь. Когда сложилась подобная богослужбная практика точно неизвестно. Введение этого обычая в Москве, до мелочей повторяющего все элементы новгородского богослужения, связывают с митрополитом Макарием, ко времени которого относится первое упоминание о московской литии в праздник Входа господня в Иерусалим (Ostrogorsky 1935. С. 202; Flier 1992b; Успенский 1998. С. 441–442). Однако простой перенос новгородского обряда в новые обстоятельства царствующего града, прямая аналогия между каким-либо чиновником или боярином и боговенчанным царем не представляется правомерной. Если в новгородском обряде «шествия на осляти», как нами было показано, нет признаков влияния текста «Константинова дара», то в московском обряде, а именно в участии самого царя в качестве конюшего, оно несомненно и нуждается в выяснении причины, по которой вводится подобная роль царя в отличие от практики Константинополя. Попытаемся выявить корни московского обряда середины XVI в., проследив эволюцию шествий и участие в них царей в православной традиции.

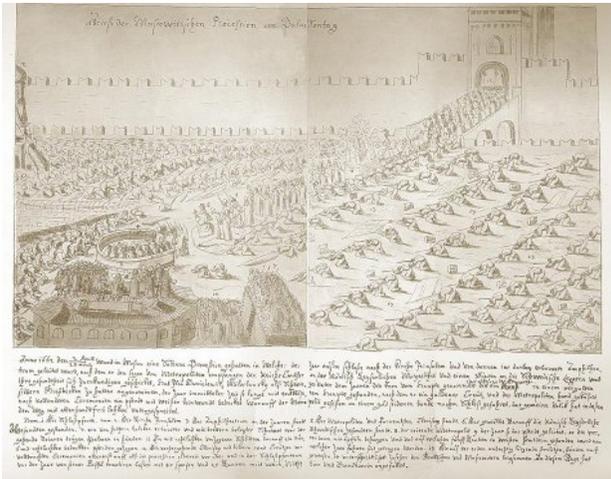
В 1558 г. торжественное шествие в Вербное воскресенье видел в Москве и кратко описал англичанин, служивший при дворе Ивана Грозного, имя которого осталось неизвестным. Процессия начиналась от Успенского собора и ходила «от одной церкви к другой по Кремлю». Впереди

везли сани с украшенной фруктами вербой. Митрополит, сидя боком, ехал верхом на лошади, покрытой белым холстом, «осляти», держа левой рукой евангелие, правой – крест, «беспрестанно благословляя народ», «царь, идя пешком, ведет лошадь за конец повода узды одной рукой, в другой он держит вербу», «человек 30 расстилают свои платья перед лошадью» (Середонин 1884. С. 18–19; Успенский 1998. С. 446, примеч. 35). Процессия направлялась, вероятно, к Благовещенскому собору, в котором находился Входеоерусалимский придел⁶. В 1560-е гг. маршрут шествия изменился. После возведения на Красной площади собора Покрова на Рву, ознаменовавшего победу над Казанским царством, один из приделов которого был освящен в честь Входа Господня в Иерусалим, шествие на осляти выходило за пределы Кремля и направлялось на Красную площадь. В 1564 г. «хождение на осляти» упоминает в своих «Записках о Московии» Генрих фон Штаден, прослуживший несколько лет при дворе Ивана Грозного. Не описывая самой процессии, Штаден отмечает, что шествие в Вербное воскресенье осуществлялось к Покровскому собору: «На этой площади стояла церковь, построенная с переходами вокруг, и над первым переходом снаружи красиво отделанная и расписанная изображениями многочисленных святых, украшенными золотом, драгоценными камнями, жемчугом и серебром. Выезд митрополита в вербное воскресенье со всеми епископами происходил каждый год к этому храму» (Генрих Штаден 2008. С. 159) Порядок совершения службы в Москве в Вербное Воскресенье подробно описан в Чиновнике Успенского собора и, как было отмечено выше, до деталей совпадает с новгородским (Голубцов 1908. С. 102–108). Приготовления к празднику начинались, как и в Новгороде, в среду шестой недели Великого Поста. «Шествие на осляти» двигалось из Успенского собора к Покровскому собору на Рву, в «Иерусалим» (так и в Москве, и в Новгороде называли Входеоерусалимские церкви). Осля вел в поводу царь. Святитель с Евангелием в левой руке и крестом в правой благословлял по пути народ. После моления у «праздника» процессия тем же порядком возвращалась в Успенский собор. В завершение молебна царь и патриарх прощаются в Успенском соборе: «государь царь прияв благословение от руки патриарховы, и патриарх целует государя в десницу, а патриарха государь в мыщцу (древнерусское – плечо. – Н.К.)» (Голубцов 1908. С. 106).

Наиболее яркое и подробное описание пышного московского шествия в Неделю ваий времени царя Алексея Михайловича, отличающегося особым блеском и великолепием, оставил немецкий путешественник Адам

⁶ Согласно данным, приведенным в книге А. Ратшина «Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях России» (Ратшин 1852. С. 312), Входеоерусалимский придел существовал в Благовещенском соборе с 1489 г. См. также: Качалова, Маясова, Щенникова 1990. С. 16.

Олеарий, прибывший в Москву в составе голштинского посольства в Персию (Олеарий 1870. С. 90–92). В записках иностранцев сохранились гравюры XVII–XIX вв., запечатлевшие шествие в неделю Ваий по Красной площади между Спасскими воротами и Лобным местом в присутствии огромного множества народа (илл. 2, 3). Длинная процессия, блистающие золотом, жемчугом и драгоценными камнями одежды, позолоченные ветви и разукрашенные вербы в руках участников процессии и стоящих по сторонам людей, разноцветные сукна, постилаемые детьми под ноги «осляти» вызывала у иностранных зрителей, а позже у ряда исследователей представление о чине «хождения» как о средневековой драме (Евсеева 2023. С. 24). Еще более чем «чин в Неделю ваий», своими драматическими элементами службы напоминал западноевропейскую литургическую драму «чин Пещного действия», где переодетые дети изображали халдеев и трех Вавилонских отроков, брошенных царем Навуходоносором в разожженную печь (Дмитриевский 1894. С. 560–565). Но уже св. Симеон Солунский (XV в.) в своем толковании на литургию резко возражал против отождествления католической мистерии и православного чина. Критикуя латинские мистерии, в которых стремление изобразить исторические подробности жизни Иисуса Христа и Богоматери доходило до полной иллюзии, Симеон Солунский отмечал: «мы не зажигаем печи, но употребляем свечи и фимиам, изображаем ангела, но не посылаем в печь человека. Мы только лишь допускаем, чтобы поющие чистые отроки как те три отрока воспевали их песнь» (цит. по: Дмитриевский 1894. С. 553–600). Диалоги, являющиеся одним из характерных приемов латинской литургической драмы, присутствуют и в православном чине как продолжение традиционной системы антифонного литургического пения. Но главное отличие литургической драмы заключалось в проникновении в обряд мессы естественных жизненных элементов изображения. Религиозная символика стала вытесняться живыми персонажами, изображением характеров, инсценировкой Евангельских сюжетов, в которых действия, слова, жесты и интонации утратили условный возвышенный богослужебный характер и приобрели живую реалистическую эмоциональную окраску (Дживелегов, Бояджиев 1941. С. 112–116; Насонов 2016).

Илл. 2. Шествие в Вербное воскресенье в Москве в 1662 г.

Рисунок из альбома А. Мейерберга.

URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/52/Meyerberg_donkey_walk.jpg
(дата обращения 06.03.2024)

Fig. 2. Palm Sunday procession in Moscow in 1662. A drawing from A. Meyerberg's album.

Илл. 3. «Шествие на ослиати». Гравюра по рисунку Николая Витсена из книги
Адама Олеария «Описание путешествия в Московию...». Лейден, 1719.

URL: <https://gorbutovich.livejournal.com/82799.html> (дата обращения 06.03.2024).

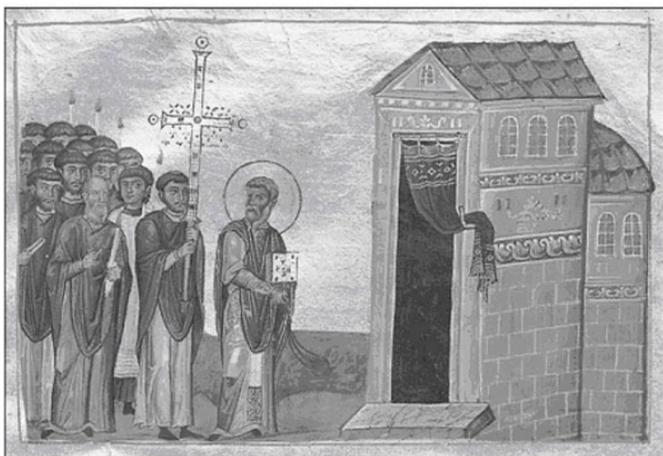
Fig. 3. Procession on Palm Sunday. Engraving after the drawing of Nikolaas Witsen from the
book of Adam Olearius 'Description of the travel to Muscovy...'. Leiden, 1719.

В католической церкви процессии и праздничные шествия, в которых все участники следуют колонной согласно своему рангу, всей церковью, верующие и клирики, занимают важное место. Шествие всегда имеет определенный исходный пункт и конкретную цель, а по значимости произносимых молитв процессии играют существенную роль в литургической жизни. Если шествие совершается во время мессы, в нем принимает участие исключительно клир. В праздничных процессиях в Неделю Вайй, или накануне Вознесения, когда в течение трех дней с молитвами совершался обход полей, или в праздник Тела Христова, в шествии участвуют и священники, и молящиеся люди (илл. 4) (Prozession 1971. S. 465–466). Изображения шествий часто встречаются в миниатюрах, например, в Великолепном Часослове герцога Беррийского, XV в., где представлены как церковные процессии, например, процессия св. Григория (л. 71v), так и светские – праздничная процессия в мае (л. 8). В виде процессий предстают также евангельские сцены: Поклонение Волхвов, Введение во храм и другие (Казель, Ратхофер 2002). Изображение процессий встречается и в византийской миниатюре, например, различные крестные ходы в Минологии Василия II начала XI в. (Vat.gr. 1613, лл. 142, 204, 350) (El Menologio 2005) (илл. 5). Одна из таких московских процессий (в день Воздвижения Честного креста) запечатлена на гравюре из путешествия Адама Олеария (илл. 6).

Илл. 4. Жентиле Беллини. Процессия на площади Святого Марка, 1496. Галерея Академии, Венеция. URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/4/44/Accademia - Procession in piazza San Marco by Gentile Bellini.jpg> (дата обращения 06.03.2024).

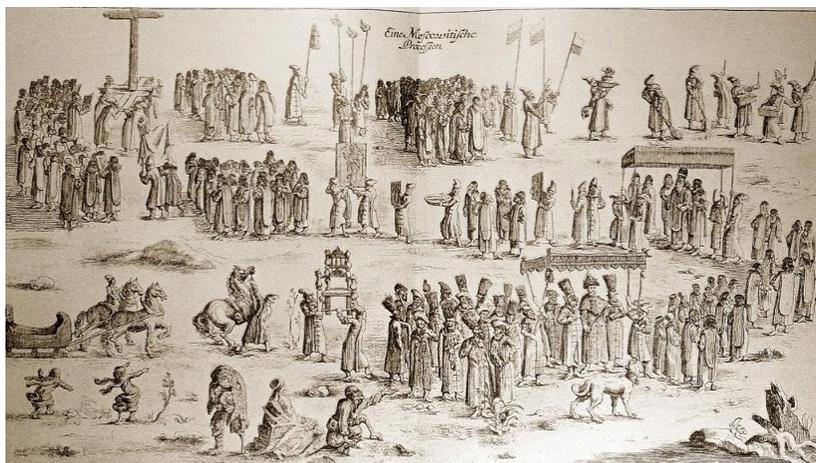
Fig. 4. Gentile Bellini. Procession in St. Mark's Square, 1496. Academy Gallery, Venice.

Илл. 5. Литургия 26 октября в память великого землетрясения в Константинополе в 740 г., *Минологий Василия II. Vat. gr. 1613. f. 142, начало XI в.*

[*Матвеева Ю.Г. Некоторые разновидности ранневизантийских церковных завес (по иконографии и текстам)// Вестник ПСТГУ Серия V. Вопросы истории и теории христианского искусства 2014. Вып. 3 (15). С. 22. Илл.2*]

Fig. 5. *Liturgical procession on October 26 in memory of the great earthquake in Constantinople in 740, Minologii of Vasilii II. Vat. gr. 1613. f. 142, early 11th century*

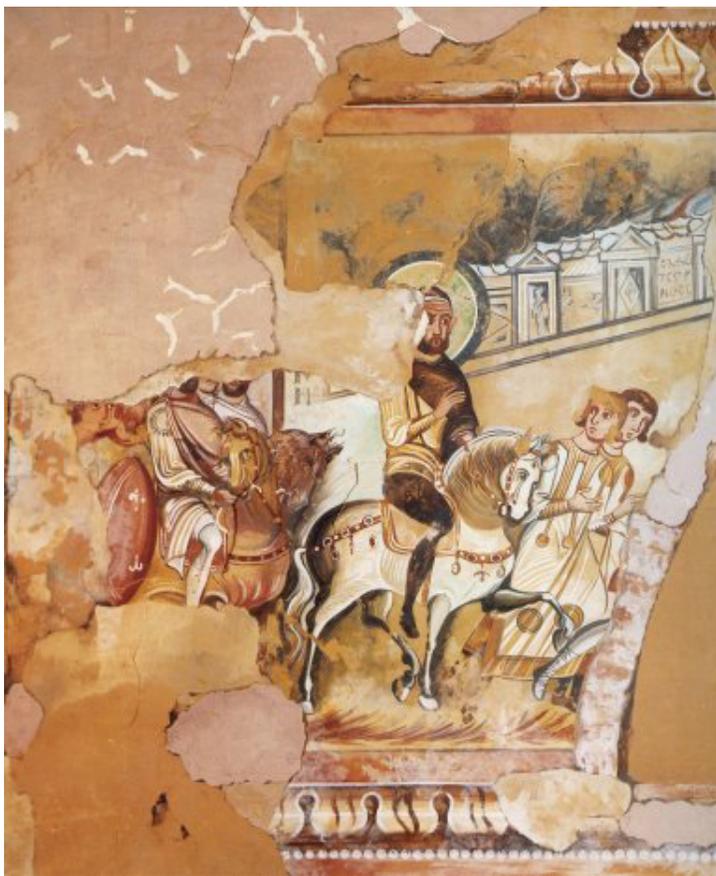

Илл. 6. «Московитская процессия». Гравюра из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». СПб., 1906.

URL: <https://www.booksite.ru/enciklopedia/album/44.jpg> (дата обращения 06.03.2024).

Fig. 6. 'Muscovite procession'. Engraving from the book of Adam Olearius 'Description of the journey to Muscovy and through Muscovy to Persia and back'. St-Petersburg, 1906.

Как показал А. Грабар, византийские церковные обряды и иконография были теснейшим образом связаны с императорскими обрядами и императорской иконографией, причем наиболее прямое соответствие отмечается в церемонии императорского триумфа (илл. 7) и Входа Господня в Иерусалим (илл. 8) (Грабар 2000. С. 238–241).

Илл. 7. Торжественный вход императора. Фреска из церкви св. Димитрия в Фессалониках, X в. (Грабар 2000. Табл. VII-2).

Fig. 7. (Triumphal entrance of the emperor. Fresco from the church of St. Demetrius in Thessalonica, 10th century (Grabar 2000. Tabl. VII-2).

*Илл. 8. Вход Господень в Иерусалим. Фреска из церкви Пантанассы в Мистре, XV в.
Фотография из архива автора.*

*Fig. 8. Entry of Jesus Christ into Jerusalem. Fresco from Pantanassa Church in Mystra,
15th century. Photo from the author's archive.*

Такие детали композиции как многолюдная толпа и дети, приветствующие Христа, восседающего на осле, также соответствуют обычаю встречи горожанами государя, едущего верхом (Там же. С. 239). О мотиве ведения осла в поводу А. Грабар упоминает в связи с иконографией другого типа, известному по коптскому рельефу, где представлен Христос верхом на осле, которого за узду ведет один ангел, а сзади сопровождает другой. Эту сцену исследователь интерпретирует как адаптацию изображения римских триумфов с Никой и стражником (Там же. С. 240)⁷.

О том, что праздничные шествия также с древности существовали в Русской церкви, свидетельствуют летописи. А.П. Голубцов отметил, что в Ипатьевской летописи под 1183 г. упомянуто о шитых золотом и жем-

⁷ Ведение осла в поводу автор рассматривает на примере композиции «Бегство в Египет», где осла с сидящей Богородицей ведет в поводу юноша. Т.е. в случаях, когда наездник по каким-то причинам не может держать повод, ему служит проводник.

чугом тканях, которые развешивались в дни праздников во Владимире по пути шествия архиереев, идущих в торжественной процессии от Золотых ворот до Успенского собора (Голубцов 1907. С. 82). Торжественная церковная процессия с иконой Одигитрии и ветвями с разноцветными листьями на фоне изображена на шитой пелене Елены Волошанки (1498) (илл. 9)⁸.

Илл. 9. Праздничное шествие. Пелена Елены Волошанки, ок. 1498 г. ГИМ.

URL:https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Elena_Voloshanka%27s_pelena_01.jpg?uselang=ru (дата обращения 06-03-2024)

Fig. 9. Festive procession. The shroud of Elena of Wallachia, ca 1498.
The State Historical Museum in Moscow, Russia.

Если о времени и причинах включения царя в московский обряд шествия в Вербное воскресенье не находится прямых свидетельств в литургических памятниках, то на вопрос о введении в середине XVI в. литийных шествий имеется прямой ответ, в котором новая для Москвы форма городского богослужения зафиксирована как обязательная. «Указ» о литиях находится в Стоглаве – корпусе материалов Стоглавого поместного собора, созванного в Москве в 1551 г. по инициативе Ивана Грозного и митрополита Макария. В 35 главе Стоглава содержится «Указ соборным старостам поповским на Москве и по всем градом», который был ответом на царский вопрос о повсеместном исправлении богослужения в соответствии с церковными правилами и уставами (Стоглав 1863. С. 114–116; Емченко 2000; Емченко 2015). В Указе «поповским старо-

⁸ По мнению М.В. Щепкиной, это кремлевский крестный ход в Вербное Воскресенье (Щепкина 1954. С. 20). Л.М. Евсева предлагает другую интерпретацию, связывая изображенную на пелене церемонию с обрядом венчания в 1498 г. на великое княжение Димитрия Ивановича, внука Ивана III (Евсева 1999. С. 434).

стам» предписывается совершение еженедельных крестных ходов от соборных храмов города к великой соборной церкви (Успенскому собору. – *Н.К.*) вместе с клиром и прихожанами начиная от Субботы всех святых до Воздвижения Честного креста, «и пети молебны за всяко прошение, по настоящему времени». В понедельник Светлой седмицы старосты, священники и народ идут крестными ходами в «соборную великую церковь» к святителю, а всю неделю такие крестные ходы должны были совершаться ежедневно между своими церквями.

И вопрос царя Ивана Грозного, который повелевает «установить старост поповских надо всеми священники» для упорядочения богослужения, и соборные ответы митрополита Макария и других архиереев, среди которых на первом месте назван Феодосий, архиепископ Великого Новгорода и Пскова, напрямую свидетельствуют об обращении к новгородскому опыту, где такие старосты существовали. По новгородскому образцу в Москве были учреждены семь соборов и избраны «старосты поповские», которые должны были организовывать торжественные литии. Напомним, что согласно Софийскому чиновнику, «все поповские старосты идут к Входу в Иерусалим на праздник». Такие характерные особенности Устава Великой церкви как многочисленные литии или крестные ходы, удержавшиеся в новгородском богослужении, вновь стали включаться в общерусский богослужебный порядок, прежде всего, в правила и обычаи царствующего града Москвы. В Указе была также сформулирована причина нововведения – совершать молебны о всяких прошениях в настоящее время, другими словами содержанием этих городских богослужений по мысли собора должно быть всенародное усердное покаянное моление.

Центральной мыслью, проходящей через все документы собора, является необходимость тесного сотрудничества царя и церкви, взаимодействия светской и духовной власти, их согласия и единомыслия, провозглашение симфонии «священства» и «царства». От духовенства требовалось учить царя «священным правилам», а от царя и светских властей не вмешиваться в церковный суд и не посягать на церковное имущество (Емченко 2015. С. 483). Надо отметить, что такая же трактовка характеризует славянский, а по мнению А.А. Турилова русский, перевод Константинова дара, выполненный, в конце XIV – начале XV в. (Турилов 2017. С. 9–10; Афанасьева 2019). Перевод представляет собой особую редакцию текста и содержит вставки, в которых говорится о неотъемлемости церковного права на пошлыны (сбор налогов в пользу церкви). Созданный, вероятно, в кругу митрополита Киприана, отстаивавшего законность церковных пошлын и неприкосновенность церковной собственности, а также подчинения клириков суду архиепископа, текст воспринимался в качестве юридического документа и вошел в канонические

сборники (Афанасьева 2019. С. 127). Б.А. Успенский, исследуя ношение белого клобука и шествие на осляти как знаки духовной власти, отмечает, что в приписке к новгородской «Повести о белом клобуке», излагающей рассказ о Константиновом даре говорится, что при архиепископе Геннадии ее читали по окончании шествия в праздник Входа в Иерусалим (Успенский 1998. С. 433–440). Однако следует подчеркнуть, что Повесть не содержит эпизода «страторской службы» императора Константина, рассказывая только о головном уборе папы Сильвестра (Повесть о белом клобуке 1985). Таким образом, новгородское литературное произведение не содержит темы соотношения или взаимного подчинения духовной и светской власти, говоря исключительно о сохранении чистоты православия и в силу этого праве новгородского архиерея на ношение белого клобука. Более того, приходя к выводу о том, что митрополит Макарий приносит в Москву «как обычай ношения белого клобука, так и обряд шествия на осляти в Вербное воскресенье», автор указывает на то, что митрополит цитирует «“Сказание о вене Константиновом” (Константинов дар. – Н.К.) в своем послании Ивану IV о неприкосновенности церковных имуществ (1547–1561 гг.)» (Там же. С. 452), другими словами подтверждает, что митрополит Макарий трактует Константинов дар в том же ключе, что и русские книжники, и митрополит Киприан, т.е. в смысле невмешательства светской власти в имущественные и судебные дела Церкви.

По предположению Е.В. Барсова, Чин венчания на царство Ивана Васильевича IV (1547), возможно, был составлен митрополитом Макарием (Барсов 1883. С. 67–68, примеч. 1). Обряд венчания московского царя основывался на византийском чине, использованном ранее для чина венчания Димитрия Ивановича, внука Ивана III (1498). Как и византийский василевс, Иван IV должен был свидетельствовать о своем благочестии и правоверии, своей преданности православию, выступать защитником православной церкви и участвовать в важнейших церковных обрядах и церемониях (Барсов 1883. С. I–XXXV). Такая же идейная установку звучит в послании митрополита Макария царю Ивану Грозному в Свяжск (Послание 1841). Тема благочестия царя как условия благоденствия государства выражена и в росписях тронного зала – Золотой палаты Кремлевского дворца, где она проиллюстрирована на библейских и исторических примерах (Подобедова 1972. С. 59–68; Флайер 2003; Роулэнд 2003; Квливидзе 2019). В контексте организации митрополитом Макарием, царем Иваном Грозным и их сотрудниками системы государственных, церковных и художественных мероприятий, в центре которых находится представление об идеальном образе православного государя, участие царя Ивана IV в литийном шествии Вербного воскресенья становится одним из элементов формирования такого образа.

Несмотря на то, что византийский император не участвовал в патриаршей службе в Неделю Ваий, в московском обряде Вербного воскресенья можно видеть обращение к константинопольским традициям выходов императоров в Софийский собор и другие храмы столицы. Обиход московского царя не воспроизводил буквально сложные церемонии византийских императоров, однако тема шествия в системе символических образов Московского царства середины XVI в. заняла особое место как в обрядах, так и в иконах. Наиболее ярко образная символика шествия запечатлена в иконе «Благословенно воинство небесного царя» (Илл. 10), находившейся у южной стены Успенского собора рядом с Царским местом. Название иконы и ее иконографические элементы основаны на песнопениях Октоиха, в которых прославляется подвиг святых воинов и всех мучеников. В стихирах и тропарях многократно варьируется мысль, что человеческая история представляет собой путь, целью которого является Небесный Иерусалим. Прошедшие земное поприще и победившие врагов «ратоборцы со злом» удостоиваются небесной награды – победных венцов, которыми венчает их сам Христос (Квливидзе 1998. С. 56–67). Шествие святых воинов, конных и пеших ратников, предводительствуемых архангелом Михаилом, не только соответствует текстам песнопений, но и воспроизводит определенные иконографические архетипы, прежде всего мотив триумфального царского шествия, с которым оно символически связывается⁹. В Константинополе, как отмечал Д.Ф. Беляев, триумфальные процессии, которые совершали цари-победители, часто совпадали с коронационными, так как присуждение триумфа соединялось с присуждением короны, победного венца (Беляев 1906. С. 51–52). Шествие на иконе «Благословенно воинство» приводит триумфаторов к награждению высшими из возможных венцов – венцами Небесного Царства. Шествию русского царя, идущего пешком и символически ведущего под уздцы осла, на котором восседал в евангельском Входе в Иерусалим Царь Небесный, усваивается, прежде всего, молебный характер, в то время как триумфальное победное шествие переносится в идеальную сферу горнего Иерусалима.

Сравнение литургических описаний новгородского «шествия на осли» и московского обряда Вербного воскресенья, а также обзор традиции литийных шествий в византийском и русском богослужении, позволяет нам сделать следующие выводы. По нашему мнению, новгородский обряд зафиксировал местные практические особенности литии в день Входа Господня в Иерусалим, идейное содержание которой не менялось на протяжении всей его истории начиная от иерусалимского ше-

⁹ На связь символики императорского триумфа и изображения кавалькады святых воинов в росписях молдавских храмов XV в. обратил внимание А.Н. Грабар (Grabar 1968. P. 169–175).

ствия IV в. Изменения, внесенные в московский чин, связаны с венчанием на царство Ивана Грозного, необходимостью упорядочения всех форм государственной и церковной жизни, зафиксированных в деяниях Стоглавого собора, и формирования идеального образа православного царя, главной чертой которого является благочестие – залог благоденствия его государства. На основании включения в Стоглав специального Указа о литиях можно предположить, что и литийное шествие в Вербное воскресенье появляется в Москве в это время. Подчеркнутое в Указе значение шествий как просительных молебных богослужений, позволяет участие царя в церемонии «шествия на осляти» рассматривать как участие в молении, обращенном к Царю небесному. Поскольку разработка этой темы прослеживается в ряде литургических и поучительных сочинений митрополита Макария, отразившихся в программах живописных произведений, московское преобразование новгородского чина «шествия на осляти» также можно отнести к числу его литургических деяний.

Илл. 10. Благословенно воинство Небесного Царя. Икона. ГТГ. 1550-е гг.

URL:https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Blessed_Be_the_Host_of_the_King_of_Heaven%E2%80%A6_-_Google_Art_Project.jpg?uselang=ru (дата обращения 06-03-2024)

Fig. 10. Icon 'Blessed Be the Host of the Heavenly Tsar', the 1550s.

The State Tretyakov Gallery, Moscow, Russia.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Афанасьева Т.И. Donatio Constantini в славянских переводах XIV–XV вв.: к проблеме их датировки и локализации // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 109–133. [*Afanasyeva T.I.* Donatio Constantini v slavyanskikh perevodakh XIV–XV vv.: k probleme ikh datirovki i lokalizatsii (*Donatio Constantini* in Slavic Translations of the 14th and 15th Centuries: On the Problem of Dating and Localization) // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. S. 109–133.]

Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами // *ЧОИДР*. 1883. Кн. I. Отд. I. С. I–XXXV.

- [*Barsov E.V.* Drevnerusskiye pamyatniki svyashchennogo venchaniya tsarey na tsarstvo v svyazi s grecheskimi ikh originalami (Old Russian Monuments of the Holy Coronation of Tzars in Connection with their Greek Originals) // *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh.* 1883. Kn. I. Otd. I. S. I–XXXV.]
- Беляев Д.Ф.* Византина: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. III: Богомольные выходы византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя. СПб., 1906. Т. 3. [*Belyayev D.F.* Byzantina: Ocherki, materialy i zametki po vizantiyskim drevnostyam. Kn. III: Bogomol'nyye vykhody vizantiyskikh tsarey v gorodskiye i prigorodnyye khramy Konstantinopolya (Essays, Materials and Notes on Byzantine Antiquities. Ch. III: Pious Visits by Byzantine Emperors of City and Suburban Churches of Constantinople). St-Petersburg, 1906. T. 3.]
- Генрих Штаден.* Записки о Московии: в 2-х тт. М., 2008. Т. 1. [*Henrik Staden.* Zapiski o Moskovii: V 2-kh tt. (Notes on Muscovy: In 2 vols.). Moscow, 2008. T. 1.]
- Голубцов А.* Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899. [*Golubtsov A.* Chinovnik Novgorodskogo Sofiyского sobora (Typicon of the Novgorod St. Sophia Cathedral). Moscow, 1899.]
- Голубцов А.* Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907. [*Golubtsov A.* Sobornyye chinovniki i osobennosti sluzhby po nim (Cathedral Typicons and the Peculiarities of the Divine Services According to Them). Moscow, 1907.]
- Голубцов А.П.* Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона / С предисл. и указ. проф. А.П. Голубцова. М., 1908. [*Golubtsov A.P.* Chinovniki Moskovskogo Uspenskogo sobora i vykhody patriarkha Nikona (Typicons of the Moscow Assumption Cathedral and the Processions of Patriarch Nikon) / S predisl. i ukaz. prof. A.P. Golubtsova. Moscow, 1908.]
- Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000. [*Grabar A.* Imperator v vizantiyskom iskusstve (The Emperor in Byzantine Art). Moscow, 2000.]
- Дживелегов А., Бояджиев Г.* История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. М.; Л., 1941. С. 112–116. [*Dzhivelegov A., Boyadzhiev G.* Istoriya zapadnoyevropeyskogo teatra ot vzniknoveniya do 1789 goda (The History of Western European Theater from its Origin to 1789). Moscow; Leningrad, 1941. S. 112–116.]
- Дмитриевский А.А.* Богослужение в русской церкви в XVI веке. Ч. 1. Службы круга седмичного и годичного и чинопоследования таинств. Казань, 1884. [*Dmitriyevskiy A.A.* Bogosluzheniye v russkoy tserkvi v XVI veke. Ch. 1. Sluzhby kruga sedmichnogo i godichnogo i chinoposledovaniya tainstv (Divine Service in the Russian Church in the 16th Century. Part 1. Services of the Sedmic and Annual Circle and the Order of the Prayers of the Sacraments). Kazan', 1884.]

- Дмитриевский А.А.* Типикон Великой церкви, или современный Типикон греческих приходских церквей // Руководство для сельских пастырей. Киев, 1887. № 6. С. 181–242. [*Dmitriyevskiy A.A.* Tipikon Velikoy tserkvi, ili sovremennyy Tipikon grecheskikh prikhodskikh tserkvey (Typicon of the Great Church, or Modern Typicon of Greek Parish Churches) // Rukovodstvo dlya sel'skikh pastyrej. Kiev, 1887. № 6. S. 181–242.]
- Дмитриевский А.А.* Чин пещного действия: Историко-археологический этюд (Посвящается проф. Н.Ф. Красносельцеву) // ВВ. 1894. Т. 1. С. 553–600. [*Dmitriyevskiy A.A.* Chin peshchnogo deystva: Istoriko-arkheologicheskiy etyud (Posvyashchayetsya prof. N.F. Krasnosel'tsevu) (The Play of Daniel: a Historical and Archaeological Study) // Vizantiyskiy Vremennik. 1894. T. 1. S. 553–600.]
- Дмитриевский А.А.* Древнейшие патриаршие типиконы: Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви. Киев, 1907. [*Dmitriyevskiy A.A.* Drevneyshiyeh patriarshiyeh tipikony: Svyatogrobskiy Ierusalimskiy i Velikoy Konstantinopol'skoy Tserkvi (The Earliest Patriarch's Typicons: of the Holy Sepulcher of Jerusalem and of the Great Church of Constantinople). Kiev, 1907.]
- Дмитриевский А.* Хождение патриарха константинопольского на жребяти в неделю Ваий в IX–X вв. // Сборник статей в честь ак. А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 69–76. [*Dmitriyevskiy A.* Khozhdeniye patriarkha konstantinopol'skogo na zhrebyati v nedelyu Vaïy v IX–X vv. (The Journey of the Patriarch of Constantinople on the Horseback on Palm Sunday in the 9th and 10th Centuries) // Sbornik statey v chest' akademika A.I. Sobolevskogo. Leningrad, 1928. S. 69–76.]
- Евсеева Л.М.* Выносные иконы и шитые плащаницы в богослужениях драматического характера Древней Руси // Визуальная теология. 2023. Т. 5. № 1. С. 22–45. [*Evseyeva L.M.* Vynosnyye ikony i shityye plashchanitsy v bogosluzheniyakh dramaticheskogo kharaktera Drevney Rusi (Movable Icons and Embroidered Shrouds in Services of Dramatic Character in Ancient Rus') // Vizual'naya teologiya. 2023. T. 5. № 1. S. 22–45.]
- Евсеева Л.М.* Шитая пелена 1498 г. и Чин венчания на царство // ДРИ [т. 21]. СПб., 1999. С. 430–439. [*Evseyeva L.M.* Shitaya pelena 1498 g. i Chin venchaniya na tsarstvo (Embroidery of 1498 and the Ceremony of the Coronation of Tsars) // Drevnerusskoye iskusstvo [t. 21]. St-Petersburg, 1999. S. 430–439.]
- Емченко Е.Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. [*Emchenko E.B.* Stoglav: Issledovaniye i tekst (Stoglav: Study and Text). Moscow, 2000.]
- Емченко Е.Б.* Стоглавый собор // ПЭ. М., 2022. Т. 66. С. 476–485. [*Emchenko E.B.* Stoglavyy sobor (Stoglav Synod) // Pravoslav'naya entsiklopediya. Moscow, 2022. T. 66. S. 476–485.]
- Желтов М.* Вход Господень в Иерусалим // ПЭ. М., 2005. Т. 10. С. 41–48. [*Zhel'tov M.* Vkhod Gospoden' v Ierusalim (Palm Sunday) // Pravoslav'naya entsiklopediya. Moscow, 2005. T. 10. S. 41–48.]

- Казель Р., Ратхофер И.* Роскошный часослов герцога Беррийского. М., 2002. [Kazel' R., Ratkhofer I. Roskoshnyy chasoslov gertsoga Berriyskogo (The Luxurious Book of Hours of the Duke of Berry). Moscow, 2002.]
- Качалова И.Я., Маясова Н.А., Щенникова Л.А.* Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. [Kachalova I.Ya., Mayasova N.A., Shchennikova L.A. Blagoveshchenskiy sobor Moskovskogo Kremlya (Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin). Moscow, 1990.]
- Квливидзе Н.В.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» и ее литературные параллели // Искусство христианского мира. Сб. ст. М., 1998. Вып. 2. С. 49–56. [Kvlividze N.V. Ikona «Blagoslovenno voinstvo Nebesnogo Tsarya» i ee literaturnyye paralleli (The Icon 'Blessed Be the Host of the Heavenly Tsar' and its Literary Parallels // Iskusstvo khristianskogo mira. Sb. st. Moscow, 1998. Vyp. 2. S. 49–56.)]
- Квливидзе Н.В.* «Шествие»: иконография и литургическое действо в эпоху Ивана Грозного // Пространственные иконы. Текстуальное и перформативное / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2009. С. 144–148. [Kvlividze N.V. «Shestviye»: ikonografiya i liturgicheskoye deystvo v epokhu Ivana Groznogo («Procession»: Iconography and Liturgical Performance in the Time of Ivan the Terrible) // Prostranstvennyye ikony. Tekstual'noye i performativnoye / Red.-sost. A.M. Lidov. Moscow, 2009. S. 144–148.]
- Квливидзе Н.В.* Отражение богословия Иосифа Волоцкого в монументальных программах времени митрополита Макария // Вестник церковного искусства и археологии. Сергиев Посад, 2019. Т. 1. С. 28–47. [Kvlividze N.V. Otrazheniye bogosloviya Iosifa Volotskogo v monumental'nykh programmakh vremeni mitropolita Makariya (The Reflection of the Theology of Joseph of Volotsk in Monumental Programs of the Time of Metropolitan Makarios) // Vestnik tserkovnogo iskusstva i arkhologii. Sergiyev Posad, 2019. T. 1. S. 28–47.]
- Копанева Д.Д.* Новгородский архиепископ Феодосий как книжник XVI в. и его рукописное собрание // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15). С. 161–171. [Kopaneva D.D. Novgorodskiy arkhiepiskop Feodosiy kak knizhnik XVI v. i ego rukopisnoye sobraniye (Archbishop Theodosius of Novgorod as a Bibliophile of the 16th Century and his Manuscript Collection) // Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. 2021. № 3 (15). S. 161–171.]
- Красносельцев Н.Ф.* Богослужение Иерусалимской Церкви в конце IV века. Отдельный оттиск из журнала «Православный Собеседник». Казань, 1888. [Krasnosel'tsev N.F. Bogosluzheniye Ierusalimskoy Tserkvi v kontse IV veka (The Divine Service of the Jerusalem Church at the End of the 4th Century). Otdel'nyy ottisk iz zhurnala «Pravoslavnyy Sobesednik». Kazan, 1888.]

- Красносельцев Н.Ф.* Новый список русских богослужебных «Действ» XVI–XVII вв. // Труды восьмого археологического съезда в Москве. 1890. Т. II. М., 1895. С. 34–37. [*Krasnosel'tsev N.F.* Novyy spisok russkikh bogosluzhebnykh «Deystv» XVI–XVII vv. (A New Manuscript of Russian Liturgical Actions of the 16th and 17th Centuries) // Trudy vos'mogo arkheologicheskogo s'yezda v Moskve. 1890. T. II. Moscow, 1895. S. 34–37.]
- Лидов А.М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2006. С. 22–23. [*Lidov A.M.* Iyerotopiya. Sozdaniye sakral'nykh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet istoricheskogo issledovaniya (Hierotopia. Creation of Sacred Spaces as a Form of Creative Work and a Subject of Historical Research) // Ierotopiya. Sozdaniye sakral'nykh prostranstv v Vizantii i Drevney Rusi / Red.-sost. A.M. Lidov. Moscow, 2006. S. 22–23.]
- Лидов А.М.* Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. Москва, 2009. [*Lidov A.M.* Ierotopiya. Prostranstvennyye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiyskoy kul'ture (Hierotopia. Spatial Icons and Paradigm Images in the Byzantine Culture). Moscow, 2009.]
- Насонов Р.А.* Литургическая драма // ПЭ. М., 2016. Т. 41. С. 230–238. [*Nasonov R.A.* Liturgicheskaya drama (Liturgical Drama) // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2016. T. 41. S. 230–238.]
- Никольский К.Т.* О службах Русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. [*Nikol'skiy K.T.* O sluzhbakh Russkoy tserkvi, byvshikh v prezhnikh pechatnykh bogosluzhebnykh knigakh (On the Services of the Russian Church Existing in Former Printed Liturgical Books). St-Petersburg, 1885.]
- Олеарий Адам.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах / Сост. секретарем Посольства Адамом Олеарием; перев. с нем. Павел Барсов. М., 1870. [*Olearius Adam.* Podrobnoye opisaniye puteshestviya golshtinskogo posol'stva v Moskoviyu i Persiyu v 1633, 1636 i 1639 godakh (Detailed Description of the Journey of the Holstein Embassy to Muscovy and Persia in 1633, 1636, and 1639) / Sost. sekretarem Posol'stva Adamom Oleariyem; perev. s nem. Pavel Barsov. Moscow, 1870.]
- Паломничество по Святым местам конца IV века: Peregrinatio ad loca sancta saeculi IV exeuntis / Изданное, переведенное и объясненное И.В. Помяловским // Православный палестинский сборник. СПб., 1889. Вып. 20. С. 31–172. [*Palomnichestvo po Svyatym mestam kontsa IV veka (Pilgrimage to the Holy Places of the Late 4th Century) / Izdannoye, perevedennoye i ob'yasnennoye I.V. Pomyalovskim) // Pravoslavnyy palestinskiy sbornik. St-Petersburg, 1889. Vyp. 20. S. 31–172.]*

- Повесть о белом клобуке // ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 198–233.
[Povest' o belom klobuke (The Tale of the White Klobuk) // Pamyatniki literatury Drevney Rusi: Seredina XVI veka. Moscow, 1985. S. 198–233.]
- Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х – 70-х годов XVI в. М., 1972. [*Podobedova O.I. Moskovskaya shkola zhivopisi pri Ivane IV. Raboty v Moskovskom Kremlе 40-kh – 70-kh godov XVI v. (Moscow School of Painting under Ivan IV. Works in the Moscow Kremlin in the 40s – 70s of the 16th Century).* Moscow, 1972.]
- Ратишин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях России. М., 1852. [*Ratshin A. Polnoye sobraniye istoricheskikh svedeniy o vsekhn byvshikh v drevnosti i nyne sushchestvuyushchikh monastyryakh i primechatel'nykh tserkvakh Rossii (A Complete Collection of Historical Information about All Monasteries and Notable Churches of Russia that Existed in the Antiquity and Exist Nowadays).* Moscow, 1852.]
- Роулэнд Д. Две культуры – один Тронный зал // ДРИ: Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 188–201. [*Roulend D. Dve kul'tury – odin Tronnyy zal (Two Cultures – One Throne Hall) // Drevnerusskoye iskusstvo: Russkoye iskusstvo pozdnego srednevekov'ya. XVI vek. St-Petersburg, 2003. S. 188–201.]*
- Сазонова Н.И. «Шествие на ослиати» в России XVI–XVII вв.: содержание и смысловые трансформации // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 2 (4). С. 115–125. [*Sazonova N.I. «Shestviye na oslyati» v Rossii XVI–XVII vv.: sodержaniye i smyslovyye transformatsii (Procession on the Palm Sunday in Russia in the 16th–17th Centuries: Content and Semantic Transformations) // ПРАЭНМА. Problemy vizual'noy semiotiki. 2015. № 2 (4). S. 115–125.]*
- Середонин С.М. Известия англичан о России XVI в. / Пер. с англ. С.М. Середонина. М., 1884. С. 18–19. [*Seredonin S.M. Izvestiya anglichan o Rossii XVI v. (Information of Englishmen on Russia in the 16th Century) / Per. s angl. S.M. Seredonina. Moscow, 1884. S. 18–19.]*
- Скабалланович М. Толковый типикон. Киев, 1910. Вып. 1. (Репр.: М., 1995). [*Skaballanovich M. Tolkovyy tipikon (The Typikon with Explanations). Kiev, 1910. Vyp. 1. (Reprint: Moscow, 1995).]*
- Скрипкина Е.В. Обряд «Шествия на ослиати» в контексте церковногосударственных отношений во второй половине XVII в. // Омский научный вестник. 2011. № 6 (102). С. 15–18. [*Skripkina E.V. Obryad «Shestviya na oslyati» v kontekste tserkovnogosudarstvennykh otnosheniy vo vtoroy polovine XVII v. (The Rite of Procession on Palm Sunday in the Context of Church and State Relations in the Second Half of the 17th Century) // Omskiy nauchnyy vestnik. 2011. № 6 (102). S. 15–18.]*

- Сорокатый В.М.* Икона «Благословенно воинство небесного царя». Некоторые аспекты содержания // ДРИ. СПб., 1999. [Т. 21]. С. 399–417. [*Sorokatyū V.M.* Ikona «Blagoslovenno voinstvo nebesnogo tsarya». Nekotoryye aspekty sodержaniya (The Icon ‘Blessed be the Host of the Heavenly Tsar’. Certain Aspects of the Content) // *Drevnerusskoye iskusstvo*. St-Petersburg, 1999. [Т. 21]. S. 399–417.]
- Стоглав / Изд. Д.Е. Кожанчикова. СПб., 1863. [Stoglav / Izd. D.E. Kozhanchikova. St-Petersburg, 1863.]
- Турилов А.А.* Константинов дар в славянской традиции // ПЭ. М., 2015. Т. 37. С. 131. [*Turilov A.A.* Konstantinov dar v slavyanskoj traditsii (*Donatio Constantini* in Slavic Tradition) // *Pravoslavnyaya entsiklopediya*. Moscow, 2015. Т. 37. S. 131.]
- Турилов А.А.* Митрополит Киприан и русская культура его времени // Славяноведение. 2017. № 2. С. 3–13. [*Turilov A.A.* Mitropolit Kiprian i russkaya kul'tura ego vremeni (Metropolitan Cyprian and the Russian Culture of his Time) // *Slavyanovedeniye*. 2017. № 2. S. 3–13.]
- Успенский Б.А.* Царь и Патриарх: харизма власти в России: Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998. [*Uspenskiy B.A.* Tsar' i Patriarkh: kharizma vlasti v Rossii: Vizantiyskaya model' i eye russkoye pereosmysleniye (Tsar and Patriarch: the Charisma of Power in Russia: The Byzantine Model and its Russian Reinterpretation). Moscow, 1998.]
- Флайер М.* К семиотическому анализу Золотой палаты Московского Кремля // ДРИ: Русское искусство позднего средневековья. XVI век. СПб., 2003. С. 178–187. [*Flier M.* K semioticheskomu analizu Zolotoy palaty Moskovskogo Kremlya (The Semiotic Interpretation of the Golden Chamber in the Moscow Kremlin) // *Drevnerusskoye iskusstvo: Russkoye iskusstvo pozdnego srednevekov'ya*. XVI vek. St-Petersburg, 2003. S. 178–187.]
- Шалина И.А.* Икона «Благословенно воинство Небесного Царя...» из Успенского собора Московского Кремля – программный памятник эпохи Василия III // Искусство христианского мира. Сб. статей. М., 2021. Вып. 15. С. 175–194. [*Shalina I.A.* Ikona «Blagoslovenno voinstvo Nebesnogo Tsarya...» iz Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlya – programmnyy pamyatnik epokhi Vasiliya III (The Icon ‘Blessed Be the Host of the Heavenly Tsar...’ from the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin – a Program Monument of the Epoch of Vasily III) // *Iskusstvo khristianskogo mira*. Sb. statey. Moscow, 2021. Вып. 15. S. 175–194.]
- Щепкина М.В.* Изображение русских исторических лиц в шитье XV в. // Труды ГИМ: Памятники культуры. М., 1954. Вып. 12. С. 1–26. [*Shepkina M.V.* Izobrazheniye russkikh istoricheskikh lits v shit'ye XV v. (Representation of

- Russian Historical Personages in the Embroidery of the 15th Century) // Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya: Pamyatniki kul'tury. M., 1954. Vyp. 12. S. 1–26.]
- Constantine Porphyrogenetos*. The Book of Ceremonies. Leiden; Boston, 2017. (Byzantina Australiensia, 18).
- El «Menologio» de Basilio II, emperador de Bizancio (Vat. gr. 1613). Madrid, 2005. (Codices e Vaticanis selecti, Ser. maior № LXIV).
- Flier M.* The Iconology of Royal Ritual in Sixteenth-Century Muscovy // *Byzantine Studies. Essays on the Slavic World and the Eleventh Century*. New York, 1992. P. 53–76. (a)
- Flier M.* The Iconography of Royal Procession: Ivan Terrible and the Muscovite Palm Sunday Ritual // *European Monarchy: Its Evolution and Practice from Roman Antiquity to Modern Times* / Ed. H. Duchhardt, R.A. Jackson. Stuttgart, 1992. P. 109–125. (b)
- Flier M.* Breaking the Code: The Image of the Tsar in the Muscovite Palm Sunday Ritual // *Medieval Russian Culture* / Ed. M.S. Flier and D. Rowland. Berkeley; Los Angeles, 1994. Vol. 2. P. 213–242.
- Flier M.* Court Ceremony in an Age of Reform: Patriarch Nikon and the Palm Sunday Ritual // *Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine* / Ed. S.H. Baron and N. Shields Kollmann. Dekalb, 1997. P. 73–95.
- Grabar A.* L'art de la fin de l'antiquité et du moyen âge. Paris, 1968. V. 1.
- Lucchesi Palli E.* Einzug in Jerusalem // *LCI*. 1968. Bd. 1. S. 593–597.
- Ostrogorsky G.* Zum Stratordienst des Herrschers in der byzantinisch-slavischen Welt // *Seminarium Kondakovianum: Recueil d'études. Archéologie, histoire de l'art, études byzantines*). Prague, 1935. T. VII. P. 187–204.
- Prozession // *LCI*. 1971. Bd. 3. S. 465–466.

Nina V. Kvlivdze

PROCESSION. ICONOGRAPHY AND LITURGICAL RITE IN THE TIME OF IVAN THE TERRIBLE

The article deals with Novgorod and Moscow liturgical rites with regard to the Procession on Palm Sunday. They are compared with the Byzantine rites in order to establish the causes and time of the appearance of the tsar in the Moscow divine service. It was believed that Metropolitan Macarius had brought the rite of the Novgorod Saint Sophia Cathedral to Moscow while the form of the Novgorod rite was shaped under the influence of *Donatio Constantini* as represented in the Novgorod literature (*The tale of the white klobuk*). The study has revealed no influence of *Donatio Constantini* on the Novgorod rite. Moscow processions, or *litia* were established in 1551 by the

Decree of the Hundred-Chapter Synod. The significance of the processions as a form of liturgy has an iconographical confirmation (the icon ‘Blessed Be the Host of the Heavenly Tsar’”). The ideological content of the *litia* as a prayer request formulated in the *Decree* corresponds to liturgical texts (Coronation rite), epistles and painted programs (painting of the Golden Chamber of the Moscow Kremlin) of Metropolitan Macarius. They are aimed at forming an ideal image of the Orthodox tsar, whose main feature is piety – the guarantee of the welfare of his state. The participation of Ivan the Terrible in the Procession on Palm Sunday, in our opinion, can be attributed to the liturgical acts of Metropolitan Macarius.

Keywords: Old Russian worship, procession on Palm Sunday, iconography

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-150-178

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский

НАПРЕСТОЛЬНЫЙ КРЕСТ 1603/04 г. ИЗ ПОКРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В СУЗДАЛЕ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ВКЛАДЧИКА*

Статья посвящена атрибуции восьмиконечного креста-мошевика в серебряном золоченом окладе с чеканными и резными священными изображениями и орнаментами. Согласно вкладной надписи на кресте, он был пожертвован в суздальский Покровский монастырь в 1603/04 г., при этом характер растительного орнамента, мастерство чеканки и подбор драгоценных камней однозначно свидетельствуют о столичном происхождении этого литургического предмета.

До сих пор личность вкладчика считалась неустановленной, хотя надежно прочитываемая надпись содержит его имена и все необходимые сведения для их интерпретации. У множества людей средневековой Руси было по два христианских имени в миру – сегодня это утверждение уже не вызывает у исследователей такого удивления, как десятилетие назад, однако традиция светской христианской двуименности по-прежнему нуждается в описании и анализе. Здесь одинаково увлекательным оказываются и выявление общей структуры и смыслового наполнения этой причудливой практики, и элементарное пополнение коллекции – установление простого факта, что тот или иной персонаж, зачастую весьма знаменитый, носил не только то имя, под которым известен всюду, вплоть до учебников по истории, но был обладателем еще одного именованья, быть может, самого главного с его собственной точки зрения. Эта последняя задача изучения конкретных казусов иногда требует почти детективных разысканий, и затруднения, возникающие на пути исследователя, отнюдь не случайны: они связаны с самими принципами функционирования системы светской христианской двуименности в допетровской Руси, когда в некоторых ситуациях человек появляется под одним именем, а в других – под совсем иным, и найти точки пересечения, по которым можно отождествить, к примеру, *раба Божьего Козму* и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, порой оказывается весьма непросто.

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации [соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326]. Авторы считают своей приятной обязанностью поблагодарить сотрудников ГВСМЗ В.А. Берченеву, М.А. Быкову и М.И. Давыдова, а также А.Л. Лифшица, С.М. Михеева и И.А. Стерлигову за неоценимую помощь в подготовке этой статьи.

Историко-ономастический анализ текста надписи на кресте 1603/04 г. не только позволяет уверенно идентифицировать владельца этого драгоценного образчика ювелирного искусства начала XVII в., но и высказать ряд догадок об обстоятельствах совершения пожертвования, а также уточнить наши сведения о практиках имянаречения, принятых на Руси в XVI столетии.

Ключевые слова: крест 1603/1604 г., Суздальский Покровский монастырь, имянаречение в допетровской Руси, культ святых, церковный календарь, монашеский постриг, вклады и кормовое поминовение, светская христианская двуименность, крестильное имя

В экспозиции «Золотая кладовая» Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника находится напестольный крест-мошевик в серебряном золоченом окладе с чеканным изображением Распятия, украшенный жемчугом и драгоценными камнями. На оборотной стороне креста имеются десять гравированных и подписанных изображений святых и вкладная запись (см. илл. 1, 2)¹. В современных исследованиях обыкновенно отмечается высокое качество работы, обилие мощей и изысканность оформления, свидетельствующие о столичном происхождении этого предмета благочестия², равно как и о несомненном богатстве заказчика – едва ли случайно, что в монастырских описях XVII в. он упоминается первым среди напестольных крестов в ризнице³. В музейную коллекцию этот замечательный памятник попал, согласно имеющейся на нем надписи, из суздальского Покровского девичьего монастыря.

¹ ГВСМЗ, Фондовая коллекция «Драгоценные металлы и камни», инв. № В-1702 Ц-2036 (размер: 38,5x18x3,5). В медальонах на оборотной стороне изображены те святые, чьи мощи заключены в кресте: апостол Иаков, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Димитрий Солунский, Григорий Декаполит, Косма и Дамиан, Стефан Первомученик, Феодор Тирон, Христина и Пигасия. Почитание последней вполне типично для Руси, но при этом является результатом некоторого антропонимического недоразумения – в святцах имеется лишь мученик Пигасий Персидский (память 2 ноября), образ и имя которого трансформируются в женские (см. подробнее: Литвина, Успенский 2019. С. 143–146).

² Такая точка зрения (разделяемая и авторами этой статьи) представлена, например, в каталоге М.А. Быковой (Быкова 2015. С. 21. № 4). Напротив, В.В. Игошев, не приводя дополнительной аргументации, предполагает, что крест был изготовлен владимирским серебряником (Игошев 2020. С. 35, примеч. 17).

³ См. Опись Покровского монастыря 1651 г.: «Крестъ воздвизалной обложень серебромъ чеканнымъ золочень с мощми а в немъ два яхонта лазоревы да два изумруда в венцѣ два яхонта червчаты невелики да тумпазы да юга да в гнѣздахъ три зерна жемчужные велики да лаль около креста низано жемчюгомъ» (Георгиевский 1903. С. 110).

Илл. 1. Напрестольный крест-мошевик.
1603/1604 г. Лицевая сторона. ГВСМЗ.
Fig. 1. The altar reliquary cross, 1603/1604.
Front view (State Vladimir-Suzdal Museum)

Илл. 2. Напрестольный крест-мошевик.
1603/1604 г. Обратная сторона. ГВСМЗ.
Fig. 2. The altar reliquary cross, 1603/1604.
Back view (State Vladimir-Suzdal Museum)

Илл. 3. Вкладная надпись на оборотной
стороне креста.
Fig. 3. Votive inscription (SVSMR).

Илл. 4. Прорись вкладной надписи.
Fig. 4. Drawing of the votive inscription
(SVSMR)

Надпись эта вообще предоставляет в наше распоряжение довольно много данных. Из нее мы узнаем, например, что вклад был сделан в 1603/04 г. и что он, по всей видимости, был не поминальным, но прижизненным. Указаны здесь и имена дарителя, однако до сих пор во всех каталогах и описаниях этого артефакта личность вкладчика обозначалась как неустановленная (Трофимова 1982. С. 198. № 98; Быкова 2015. С. 21. № 4). Как кажется, однако, эта проблема может быть разрешена – мы располагаем достаточными данными для того, чтобы уверенно соединить представленные на кресте имена с фигурой более чем конкретной и весьма знаменитой.

Какие же антропонимы присутствуют во вкладной надписи и кто мог быть их обладателем? Приведем для начала ее текст целиком:

принесе^н ч^тны^н
 кр^сть со ст^ыми^и мощ^ьми^и
 во ст^яю ѡбите^л пре-
 ч^тыѣ бл^гцы ч^тна^я ѿа^а
 пок^рова^а дв^чь м^а-
 наст^яи^и б^госѿеа-
 ёмо^м гра^де су^ждале^е
 мн^{ог}огр^ьны^и ра^б б^жи^и
 василе^н во ст^ом^ь кр^сщни^и
 потап^е ·лѣ^т рв^и · ~ <112> по
 се^дмои т^ысащи ~ <1603/04> (см. Илл. 3, 4)

Формула *многогрешный раб Божий Василий во святом крещении Потаний* определенно фиксирует казус светской христианской двуименности, весьма распространенной и древней традиции, когда в публичной сфере человек был известен под одним именем, порой зафиксированным в десятках, а то и в сотнях документов, тогда как его второе – крестильное – имя упоминалось в письменных текстах заметно реже, однако именно оно звучало при совершении всех таинств и до гроба сопровождало своего обладателя в церковной жизни (а если говорить о коммеморативной практике, – то и после смерти).

Сочетание имен *Василий / Потаний* не принадлежит к числу самых частотных, что в целом заметно повышает шансы того кандидата, которого мы собираемся предложить на роль вкладчика интересующего нас артефакта. Этот человек – столичный житель, он весьма знатен и богат и, что, быть может, всего существеннее, он и его семья теснейшим образом связаны с Суздалем вообще и Покровским монастырем в частности. Обитель по праву можно назвать родовой усыпальницей женской части его семьи – в разное время здесь похоронили его мать (она, по-видимому, была насельницей этого монастыря), двух невесток (жен младших братьев),

родную сестру и его малолетнюю дочь. Разумеется, эти погребения не могли не сопровождаться разнообразными вкладыми и пожертвованиями, часть из которых хорошо известна по монастырским описям.

Нетрудно догадаться, что речь идет о знаменитой семье Шуйских, прямых потомках суздальских князей – именно среди них и обнаруживается обладатель интересующей нас антропонимической пары *Василий / Потаний*, который в публичной жизни был *Василием*. Это не кто иной, как будущий царь Василий Иванович Шуйский, взошедший на московский престол приблизительно через два года после даты, обозначенной на кресте-мошечнике. Правил он как *Василий*, и это имя фигурирует в различных официальных и частных актах великое множество раз, а вот о том, что он был еще и *Потанием*, до недавнего времени исследователям известно не было.

Между тем, как уже приходилось писать авторам этих строк (Литвина, Успенский 2021а), второе имя Шуйского – *Потаний* – надежно зафиксировано в ряде коммеморативных памятников. Достаточно привести здесь фрагмент из кормовой книги Троице-Сергиева монастыря:

<8 декабря> Пр(е)п(о)д(о)бнаго о(т)ца нашегw Потапіа.

Корм по ц(а)рѣ и великом кн(я)зе Василіи Ивановиче всеа Россіи

Поминаги м(о)л(и)твенное имя Потапіи... (Кириченко & Николаева 2008. С. 145. Л. 109 об.).

В одном из синодиков этого монастыря Шуйский фигурирует в качестве «блговѣрнаго ц̄ра и великаго кнза Потапіа» (ОР РГБ. Ф. 304/Л. 818. Л. 23), в других синодиках обители два его имени приводятся подряд («Ц̄ра і великаго кн̄са Василіа. Потапіа» – ОР РГБ. Ф. 304/Л. 818. Л. 29) или имя *Потаний* снабжается пометой «молитвенное»:

ї̄ <8 декабря> Кормъ по г̄дрѣ ц̄ре и великомъ кн̄зе Василіи Ивановиче всеа Рѣсїи молитвеное има Потапіи (ОР РГБ. Ф. 304/Л. 814. Л. 59 об.).

Аналогичную запись можно найти и в одном из синодиков Александра Свирского монастыря (БАН. Ф. Алекс.-Свирск. 55. Л. 90/93), тогда как в другом есть упоминание «кн̄за Потапіа», над которым киноварью приписано: «ц̄рѣ Василіи» (БАН. Ф. Алекс.-Свирск. 57. Л. 15 об.). С другой стороны, в знаменитом «Временнике» Ивана Тимофеева имя *Василий* у Шуйского сопровождается пометой «пореклу» – так обычно маркируют публичное имя того человека, у которого имеется и еще одно, собственно крестильное имя⁴. Существует, помимо всего прочего, довольно обширный круг коммеморативных источников, где имя *Потаний* напрямую не названо, но при этом поминовение царя Василия Шуйско-

⁴ «Во время же послѣднее днешнихъ времянь Шуйского, порекла Василія, самоизбранна глаголема всеа Русіи царя...» (РИБ. XIII 1891. С. 389).

го приурочено к 8 декабря, празднованию преп. Потапия Египетскому, единственному святому с таким именем в месяцеслове⁵.

Итак, будущий царь Василий Иванович Шуйский безусловно обладал еще одним светским именем *Потаний*, и это практически не оставляет сомнений в том, что именно он и является вкладчиком драгоценного на-престольного креста. Уместно еще раз напомнить, сколь велика была его связь с суздальским Покровским монастырем: к 1603/04 г. здесь покоились его мать, княгиня Анна Федоровна, постригшаяся с именем *Марфа*, и сестра, княжна Елена Ивановна, именно в Покровском монастыре несколько лет спустя погребут его дочь, царевну Анастасию. Здесь же похоронят и невесток Василия / Потапия – жену князя Дмитрия Ивановича, Екатерину Григорьевну (дочь Малюты Скуратова), и жену Ивана Ивановича Пуговки, Марфу Владимировну, урожденную княжну Долгорукую⁶. Хорошо известно, что братья царя делали в монастырь ценные вклады с нанесенными на них надписями – одним из них станет блюдо для кутьи, отданное в 1638 г. Иваном Ивановичем Пуговкой, постригшимся к тому времени под именем *Иона*, на поминование его племянницы царевны Анастасии (Трофимова 1982. С. 169. № 55)⁷. Другой вклад, Александра Ивановича Шуйского, был сделан много раньше, в 1599 г. – это не что иное, как паникадило, пожертвованное в память о княгине Анне, их матери (Косаткин 1906. С. 227–228), по ней же в 1597 г. дал вкладом серебряную водосвятную чашу с изображением Богоявления князь Дми-

⁵ Ср. запись в синодике Архангельского собора Московского Кремля (нач. XVII в.) о вкладе, сделанном в 1622 г. вдовой Шуйского, царицей Марией / Екатериной (в мон. Еленой) Буйносовой-Ростовской: «...по ц(а)рѣ и великом кн(я)зѣ Василие Ивановиче всея Руси в вѣчный поминок. А имя его у Архангела в мотию <sic! в литии?> и в сенаники написано. И протопопу Ивану з брат(ь)ею или хто у Архангела вперед иные протопопы и брат(ь)я будут ц(а)ря и великаго кн(я)зя Василиа Ивановича всея Русии поминати по вся д(ь)ни, на литиях и на панахидах за просфиромисанием и на б(о)ж(е)ственѣи литургии. И пѣти панахиды по вся годы декабря в 8 д(е)нь, генваря въ 1 д(е)н(ь), сентября в 16 д(е)н(ь), доколе вселенные мир стоит» (ОР РГБ. Ф. 218, № 1518. Л. 113–114; ср.: Лебедев 1880. С. 380; Рыков 1999. С. 396). Аналогичная вкладная запись царственной вдовы по своему мужу, содержащая те же даты, имеется и в синодике Успенского собора Московского Кремля (Истомин, Сперанский 1963. С. 112. № 65/1061).

⁶ См. так называемую Роспись титулованных особ, похороненных в Покровском монастыре (1630–1650-е гг.) (Антонов, Маштафаров 2019. С. 404. № 429). По душе своей супруги, Марфы Владимировны, Иван Иванович Пуговка вложил в суздальский Покровский монастырь образ «Богоматерь Казанская» (Пивоварова, Шалина 1994. С. 231. № 146), при этом в надписи на шелковой ткани на обороте иконы княгиня ошибочно поименована *Марфой Васильевной*.

⁷ Д.В. Цветаев (1910. С. 106, примеч. 2) приписывает Ивану Ивановичу Пуговке еще одно даяние ко гробу царевны Анастасии – это не что иное, как известный по монастырским описям «покровь нагробной на царевне Анастасѣе Васильевне Шуйской бархатъ червчатъ крестъ и круживо кованое золотное около креста трость и копие и подпись слова низаны жемчугомъ около покрова отласть золотной шесть покрововъ бархатныхъ черныхъ три покрова скуонныхъ червчатыхъ» (Георгиевский 1903. С. 107). Однако никакие атрибутирующие признаки, позволяющие надежно связать его с фигурой Ивана Ивановича, нам не известны.

трий Иванович Шуйский (Ушаков 1913. С. 216)⁸. Теперь же мы твердо знаем, что вкладчиком монастыря был и самый старший и знаменитый из братьев – царь Василий / Потапий.

Наша идентификация, удачным образом, ставит точку в рассуждениях о том, какое из двух имен царя было крестильным. До сих пор тезис, согласно которому его крестили *Потанием*, казался достаточно убедительным, но все же сохранял определенную долю гипотетичности, благодаря же надписи на кресте из Покровского монастыря, мы можем говорить об этом с полной уверенностью. Подобное знание, в свою очередь, позволяет реконструировать (правда, не совсем строго) и дату рождения будущего царя Василия: скорее всего, он появился на свет 8 декабря 7061/1552 г.⁹

Большой интерес вызывают изображения святых (с указанием, что именно их мощи содержатся в кресте), расположенные над вкладной надписью. С одной стороны, обилие и высокая ценность этих реликвий лишней раз демонстрируют совершенно незаурядные возможности вкладчика, с другой, невольно возникает вопрос о принципах подбора этих святых. Судя по всему, тезоименитство не стало здесь доминантой – сразу же бросается в глаза, что среди присутствующих на кресте изображений нет ни св. Василия, ни св. Потапия, нет здесь и святых тезок по крестильным именам ближайшей родни Шуйского (отца, деда, жены и братьев). Быть может, появление мощей и образа Иоанна Златоуста отсылает к публичному имени отца будущего царя, Ивана / Максима Андреевича Шуйского, однако его наречение в честь именно этого святого остается исследовательской гипотезой. Можно, кроме того, попытаться связать появление мира св. Дмитрия Солунского с публичным именем Дмитрия / Фомы Ивановича / Максимовича, брата Василия / Потапия. Однако культ св. Дмитрия, как, впрочем, и Иоанна Златоуста, Григория Богослова, бессребреников Космы и Дамиана, апостола Иакова, первомученика Стефана и Феодора Тирона, настолько распространен на Руси в целом и у разных ветвей и семей Рюриковичей в частности, что какие бы то ни было уверенные выводы относительно внимания к тезоименитству на основании присутствия их реликвий в кресте делать затруднительно. По некоторым сведениям, супруга Дмитрия / Фомы, Екатерина Григорьевна, обладала еще одним именем *Христина* (изображение му-

⁸ Другой вклад в Покровский монастырь по Анне Федоровне Шуйской, принявшей постриг с именем *Марфа* – образ «Богоматерь Владимирская» в серебряном басменном окладе – был сделан, по-видимому, еще одним из братьев Шуйских, рано скончавшимся Андреем Ивановичем, однако утверждать это с уверенностью мы не можем из-за плохо сохранившейся надписи на тыльной стороне иконы (Пивоварова, Шалина 1994. С. 154. № 86).

⁹ Впрочем, это событие с некоторой долей вероятности могло приходиться и на 7 декабря – такая неоднозначность связана с известной нестрогостью в определении границы между сутками и длительностью родов.

ченицы Христины, напомним, присутствует непосредственно над вкладной надписью), но сведения эти не вполне надежны. Сколь бы ни было интересно появление на кресте образа Пигасии, святой, отсутствующей в месяцеслове, ни одной обладательницы такого имени в семье Шуйских мы пока не знаем. В целом на сегодняшний день представляется, что главным критерием отбора реликвий являлась их общая ценность и престижность, тогда как «принцип тезоименитства» выступал лишь в качестве дополнительного, если вообще принимался в расчет.

Так или иначе, отныне нет сомнений в том, что у Василия / Потапия Ивановича Шуйского (как и у его отца, деда и троих братьев)¹⁰ было два патрональных святых тезки: Потапий Египетский (8 декабря) по имени крестильному и Василий Великий (1 января) по имени публичному. Соответственно, мы можем убедиться, что монашеское имя *Варлаам* было подобрано ему нестандартным, «неправильным» образом – не к крестильному *Потаний*, но к публичному *Василий*¹¹. Эти сведения весьма немаловажны для понимания характера заговора, направленного на ниспровержение Шуйского, конкретных обстоятельств его насильственного пострига и восприятия целого ряда последующих событий Смутного времени, однако все это должно стать предметом самостоятельного изучения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. М., 2019. (Акты Российского государства; III). [Akty Pokrovskogo suzdal'skogo devich'yego monastyrya XVI – nachala XVII veka (Acts of the Pokrovsky Suzdal Convent of the 16th – early 17th Centuries) / Sost. A.V. Antonov, A.V. Mashtafarov. Moscow, 2019. (Akty Rossiyskogo gosudarstva; III).]

Игосhev В.В. Художественное серебро XV–XVIII веков из Переславль-Залеского музея-заповедника. М., 2020. [*Igoshev V.V.* Khudozhestvennoye srebro XV–XVIII vekov iz Pereslavl'-Zaleskogo muzeya-zapovednika (Art Silver of

¹⁰ О светской христианской двуименности в семье Шуйских см. подробнее: Литвина, Успенский 2021б. С. 87–90.

¹¹ В эту эпоху, если человеку подбирали иноческое имя по соответствию начальных букв или по созвучию с мирским, то за основу в нормальной ситуации у двуименных людей всегда бралось крестильное имя. Так, царский воспитатель и окольный Андрей / Лупп Петрович Клешнин, будучи *Луптом* в крещении, становится в монастыре *Левкием*, а не, скажем, *Агафоником* или *Авраамием*, боярин и дворецкий Григорий Васильевич Годунов постригается с именем *Христофор*, поскольку при рождении его окрестили *Харитоном* и т.д. и т.п. – добровольный постриг практически не знает здесь исключений. Подробнее об этом см.: Литвина, Успенский 2018.

- the 15th–18th Centuries from the Pereslavl-Zalessky Museum-Reserve). Moscow, 2020.]
- Истомин Г.И., Сперанский М.Н.* Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370) / Вводн. заметка, примеч. и подгот. к печати В.Д. Кузьминой // Исследование по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 88–119. [*Istomin G.I., Speranskiy M.N.* Opisaniye rukopisey Uspenskogo kremlevskogo sobora (GIM, inv. № 80370) (Description of the Manuscripts of the Assumption Cathedral of the Kremlin (State Historical Museum, inv. No. 80370)) / Vvodn. zametka, primech. i podgot. k pechati V.D. Kuz'minoy // Issledovaniye po lingvisticheskomu istochnikovedeniyu. Moscow, 1963. S. 88–119.]
- Кириченко Л.А., Николаева С.В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследования и публикация) / Отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2008. [*Kirichenko L.A., Nikolayeva S.V.* Kormovaya kniga Troitse-Sergiyeva monastyr'a 1674 g. (Issledovaniya i publikatsiya) (The Feed Book of the Trinity-Sergius Monastery of 1674 (Research and Publication)) / Отв. ред. S.M. Kashtanov. Moscow, 2008.]
- Косаткин В.В.* Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Краткие исторические сведения с приложением описей сохраняющихся в них древних предметов. Ч. I: Монастыри. Владимир, 1906. (Труды Владимирской ученой комиссии. Кн. 8 [Материалы]. Прилож. 3.) [*Kosatkin V.V.* Monastyr'i, sobory i prikhodskiye tserkvi Vladimirskoy eparkhii, postroyennyye do nachala XIX stoletiya. Kratkkiye istoricheskiye svedeniya s prilozheniyem opisey sokhranyayushchikhsya v nikh drevnikh predmetov. Ch. I: Monastyr'i (Monasteries, Cathedrals and Parish Churches of the Vladimir Diocese Built before the Beginning of the 19th Century. Brief Historical Information with Appendix of Inventories of Ancient Objects Preserved in Them. Part I: Monasteries). Vladimir, 1906. (Trudy Vladimirskoy uchenoy komissii. Kn. 8 [Materialy]. Prilozh. 3.)]
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Монашеское имя и феномен светской христианской двуименности в допетровской Руси // Средневековая Русь / Отв. ред. А.А. Горский. Вып. XIII. М., 2018. С. 241–280. [*Litvina A.F., Uspenskiy F.B.* Monasheskoye imya i fenomen svetskoy khristianskoy dvouimennosti v dopetrovskoy Rusi (The Monastic Name and the Phenomenon of Secular Christian Duality in Pre-Petrine Rus') // Srednevekovaya Rus' / Отв. ред. А.А. Горский. Вып. XIII. Moscow, 2018. S. 241–280.]
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Мужское vs женское в контексте светской христианской двуименности на Руси XVI–XVII вв. // Slověne. 2019. Vol. VIII/1. С. 133–161. [*Litvina A.F., Uspenskiy F.B.* Muzhskoye vs zhenskoye v kontekste

svetskoy khristianskoy dviimennosti na Rusi XVI–XVII vv. (Masculine vs. Feminine in the Context of Secular Christian Dinominalism in Rus' in the 16th–17th Centuries) // Slověne. 2019. Vol. VIII/1. S. 133–161.]

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Два имени государя (Потапий Максимович Матвеев внук или Василий Иванович Шуйский) // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время / Сост. и отв. ред. О. Воскобойников, О. Тогоева. М., 2021. С. 120–134.* [*Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Dva imeni gosudarya (Potapiy Maksimovich Matveyev vnuk ili Vasiliy Ivanovich Shuyskiy) (Two Names of the Sovereign (Potapiy Maksimovich Matveyev Grandson or Vasily Ivanovich Shuisky)) // Anatomiya vlasti: gosudari i poddannyye v Evrope v Sredniye veka i Novoye vremya/ Sost. i отв. red. O. Voskoboynikov, O. Togoyeva. Moscow, 2021. S. 120–134.*] (a)

Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Антропонимическое воплощение семейного единства в средневековой Руси // *Русская речь. 2021. № 6. С. 77–97.* [*Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Antroponimicheskoye voploshcheniye semeynogo edinstva v srednevekovoy Rusi (Anthroponymic Embodiment of Family Unity in Medieval Rus') // Russkaya rech'. 2021. № 6. S. 77–97.*] (б)

Московский кафедральный Архангельский собор / Сост. того же собора сакелларий протоиерей Алексей Лебедев. М., 1880. [*Moskovskiy kafedral'nyy Arkhangel'skiy sobor (The Moscow Archangel Cathedral) / Sost. togo zhe sobora sakellariy protoiyerey Aleksey Lebedev. Moscow, 1880.*]

Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале, 1651 года / Сообщ. В.Т. Георгиевский // *Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. V. Владимир, 1903. С. 55–126.* (Отд. «Материалы»). [*Opis' Pokrovskogo zhenskogo monastyrya v g. Suzdale, 1651 goda (Inventory of the Pokrovsky Convent in Suzdal, 1651) / Soobshch. V.T. Georgiyevskiy // Trudy Vladimirskoy uchenoy arkhivnoy komissii. Kn. V. Vladimir, 1903. S. 55–126.* (Otd. «Materialy»)].

«Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея / Авторы-сост. изд. Н. Пивоварова, И. Шалина; вступ. ст. Т. Вилинбахова, И. Плешанова. СПб., 1994. [*“Prechistomu obrazu Tvoemu poklonyayemsa...”*. *Obraz Bogomateri v proizvedeniyakh iz sobraniya Russkogo muzeya (“We Worship Thy Most Pure Image...”*. The Image of the Mother of God in Works from the Collection of the Russian Museum) / Avtory-sost. izd. N. Pivovarova, I. Shalina; vstup. st. T. Vilinbakhova, I. Pleshanova. St-Petersburg, 1994.]

Русское прикладное искусство XIII – начала XX в. из собрания Государственного объединенного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Авт.-сост. Н. Трофимова; науч. ред. и авт. предисл. Т.В. Николаева. М., 1982. [*Russkoye prikladnoye iskusstvo XIII – nachala KhKh v. iz sobraniya Gosudarstvennogo*

- ob'yedinennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika (Russian Applied Art of the 13th – Early 20th Centuries from the Collection of the State United Vladimir-Suzdal Museum-Reserve) / Avt.-sost. N. Trofimova; nauch. red. i avt. predisl. T.V. Nikolayeva. Moscow, 1982.]
- Рыков Ю.Д.* Малоизвестный рукописный синодик Московского кремлевского Архангельского собора начала XVII в. с позднейшими дополнениями // Россия в IX–XX веках: Проблемы историографии и источниковедения. М., 1999. С. 392–398. [*Rykov Yu.D.* Maloizvestnyy rukopisnyy sinodik Moskovskogo kremlevskogo Arkhangel'skogo sobora nachala XVII v. s pozdneyshimi dopolneniyami (A Little-Known Manuscript *Synodikon* of the Moscow Kremlin Archangel Cathedral from the Beginning of the 17th Century with Later Additions) // Rossiya v IX–XX vekakh: Problemy istoriografii i istochnikovedeniya. Moscow, 1999. S. 392–398.]
- Серебряные напрестольные кресты XVI–XIX веков в собрании Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост. М.А. Быкова. Владимир, 2015. [*Serebryanyye naprestol'nyye kresty XVI–XIX vekov v sobranii Gosudarstvennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika* (Silver Altar Crosses of the 16th–19th Centuries in the Collection of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve) / Sost. M.A. Bykova. Vladimir, 2015.]
- Ушаков Н.Н.* Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии: Историко-археологическое описание всех городов Владимирской губернии. Владимир, 1913. [*Ushakov N.N.* Sputnik po drevnemu Vladimiru i gorodam Vladimirskoy gubernii: Istoriko-arkheologicheskoye opisaniye vsekh gorodov Vladimirskoy gubernii (A Companion to Ancient Vladimir and the Cities of the Vladimir Province: Historical and Archaeological Description of All the Cities of the Vladimir Province). Vladimir, 1913.]
- Цветаев Д.В.* Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше, 1610–1910 гг. I том: Историческое исследование. М.; Варшава, 1910. [*Cvetaev D.V.* Car' Vasilij Shujskij i mesta pogrebeniya ego v Pol'she, 1610–1910 gg. I tom: Istoricheskoe issledovanie (Tsar Vasily Shuisky and His Burial Places in Poland, 1610–1910. Vol. I: Historical Research). Moscow; Warszawa, 1910.]

THE 1603/04 ALTAR CROSS FROM THE MONASTERY
OF THE INTERCESSION OF OUR LADY IN SUZDAL:
ON THE IDENTITY OF ITS DONATOR

The paper reconsiders the issue of the attribution of the eight-pointed reliquary cross made of silver (gilded) and decorated with stamped images on its front side. The votive inscription on the artefact says that the cross was donated to the Suzdal Monastery of the Intercession of Our Lady in 1603/04, with the style of figurative images, foliage pattern and the high quality of work clearly indicating the Moscow origin of this liturgical object.

As of presently, the identity of the donator has been believed to be unclear, although the inscription is reliably readable and contains both his names and all information necessary for identification. Many people of Medieval Rus' had two lay Christian names - today, this idea comes as less of surprise to researchers as it used to a decade earlier, yet the tradition of lay Christian binominality is still to be described and analyzed. There are two aspects to it, equally fascinating: revealing the general structure and the semantics of this bizarre practice and simply replenishing the collection by establishing the very fact that this or that person, often notable, bore not just the name under which everyone knows them, found in history textbooks, but had another name, perhaps even more important from their own perspective. This last task of studying specific cases sometimes requires almost detective investigation, and challenges faced by a researcher are not incidental: they are rooted in the very ways how this system of lay Christian binominality functioned in the pre-Petrine Rus': the same person could appear under one name in one case and under the other name in another, and sometimes it is really challenging to find the crossover points allowing to identify, say, *Cosmas, servant of God* with Prince Dmitry Mikhailovich Pozharsky.

The historical and onomastic analysis of the inscription on the 1603/04 cross not only allows to reliably identify the owner of this precious specimen of early 17th-century jewellery but also to make some guesses about the circumstances of donation and to clarify our evidence of naming practices characteristic of the 16th-century Rus'.

Keywords: Suzdal Monastery of the Intercession of Our Lady, reliquary cross (1603/1604), the Shuiskii family, donation and commemoration, name-giving in pre-Petrine Rus', saints' cult, Church calendar, monastic vows, dual naming of lay Christians, baptismal name

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-179-190

А.С. Щавелев

АТРИБУЦИЯ И ДАТИРОВКА СПОРНЫХ ИЗВЕСТИЙ ОБ ОБЩНОСТИ РУСЬ IX в.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИТОГИ*

В статье подводятся итоги исследования тех известий об общности (народе) русь IX в., которые по разным причинам либо нельзя однозначно связать с ней, либо нельзя уверенно датировать временем ранее X в. Вокруг каждого такого известия велась длительная дискуссия, однако, при реконструкции этнополитической истории руси древнейшего периода проблемный статус этих известий, спорность их атрибуций и датировок, как правило, совершенно не учитывались. К сожалению, исследователи постоянно стремились хоть как-то обогатить новыми фактами историю общности русь в IX в., что вкуче с бесконечной иммунизацией их шатких гипотез создало в настоящее время кардинальный разрыв между уровнем источниковедческого изучения и нового понимания обстоятельств создания целого ряда текстов и принятыми, особенно в отечественной историографии, их историческими интерпретациями. Прежде всего, следует отказаться от произвольной идентификации ромеев по имени *Ингер* в качестве выходцев из Скандинавии, поскольку германские имена с гораздо большей вероятностью попали в ономастикон ромеев от готов-федератов римской армии, так называемых «готовгреков». Вероятность того, что греческий оригинал «Жития Стефана Сурожского» содержал упоминание руси, исчезающе мала. Точно так же письмо 871 г. византийского императора Василия I франкскому императору Людовику II, ответ на которое сохранился в «Салернской хронике», скорее всего, не содержало никакого «скрытого» упоминания руси. Наконец, известия о руси «Жития Георгия Амастридского», «Баварского географа», «Хроники Псевдо-Симеона» и арабской так называемой «Анонимной записки» должны датироваться X в., и к IX столетию они отношения не имеют. Датировка «Баварского географа» временем ок. 900 г., а не IX в., особенно важна, поскольку помогает прояснить ряд его «темных мест» и понять его жанр – своеобразный справочный постскрипум к учебнику. Совершенно очевидно, что все перечисленные

---

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории», номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

выше тексты должны быть, без сомнения, исключены из истории общности (народа) русь IX в. вплоть до появления каких-либо новых источниковедческих исследований, уточняющих их прочтение, атрибуцию или датировку.

Ключевые слова: русь, IX век, источниковедение, историография

История общности (народа) русь IX в. была одной из сквозных тем в богатом научном творчестве Александра Васильевича Назаренко, а его итоговая статья об этом сейчас является наиболее полной сводкой данных по данному вопросу (Назаренко 2012). Между тем, целый ряд известий, которые традиционно соплагаются с историей руси IX столетия, либо не относятся к руси, либо должны датироваться X в. Вокруг каждого такого известия велась длительная дискуссия, однако, при реконструкции истории руси древнейшего периода проблемный статус этих известий, вызванный спорностью их атрибуций и датировок, как правило, совершенно не учитывался.

* * *

Вопреки принятой в историографии догадке С. Манго (Mango 1973. P. 17–27) никакого отношения к общности русь, равно как и к любым другим народам, связанным со Скандинавским полуостровом, не относятся имя и патроним трех представителей византийской элиты – митрополита Никеи Ингера (*Ἰγγερ*, *Ἰγγηρ*), первое упоминание о котором датируется 825 г. (PmbZ. #1632); некоего синклитика (сенатора) Ингера, жившего в первой половине IX в. (PmbZ. #2683), и его дочери императрицы Евдокии Ингерини (*Ἰγγερῖνα*, *Ἰγγηρίνα*), первое упоминание о ней датируется 865 г., а ее смерть – 882 г. (PmbZ. #2682). Как уже ранее указывалось, С. Манго не привел ни одного доказательства в пользу скандинавского происхождения этих лиц (Щавелев 2012). Их социальные позиции – митрополит одного из крупнейших городов империи, член синклита и супруга императора, предполагают их полную интегрированность в социум ромеев, следовательно, перед нами должно быть не первое и даже не второе поколение «скандинавов» или руси в Ромейской империи. Таким образом, предки Ингеров должны были переселиться в нее как минимум *еще в VIII веке*, что само по себе крайне маловероятно, если вообще возможно.

Напрашивается очевидное предположение, что имя *Ингер*, бесспорно германского происхождения, было унаследовано ромеями IX в. от предков из числа германоязычных народов, расселившихся на восточных территориях Римской империи (Щавелев 2012; Тохтасьев 2018. С. 364–366), прежде всего, готов. Действительно, почти нет сомнений, что эти Инге-

ры были выходцами из «субэтнической» группы ромеев готского происхождения, которые назывались готогреки (*οἱ Γοτθογραικοί*), а область их обитания в Малой Азии – Готогрекия (*Γοτθογροικίας*) (Щавелев 2012. С. 285). Готогреки упоминаются в самых разных византийских источниках со второй половины VII до начала XII в. (Haldon 1984. P. 96–100, 369–373; 1995; Zuckerman 1995). В пользу этого, кроме всего прочего, говорит место пастырского служения митрополита Ингера – крупный город Никея в Малой Азии. Никея была административным центром как раз фемы Опсикий, и именно там и обитали готогреки – «романизированные» потомки готов – солдат римской армии. Учитывая явную связь готогреков с областями, на которых расселялись воинские формирования римской (ромейской) армии (Haldon 1984. P. 96–100, 369–373), вполне объяснима и иконоборческая идеология митрополита Ингера – идеи иконоклавтов были популярны именно в армейской среде.

Уже давно стало ясно, что следует исключить из списка источников о руси IX в. «Житие Стефана Сурожского», это и было сделано А.В. Назаренко в его обзоре известий о руси IX в. (Назаренко 2012. С. 18). Обозначение варваров, напавших на византийский город Сугдею (совр. г. Судак), как народа русь и упоминание Новгорода, есть только в древнерусской версии чуда св. Стефана. Сокращенная греческая версия не содержит описания чудес, а армянская версия не уточняет название народа-агрессора (Васильевский 2010. С. 153–303, 372–398; Vozoyan 2006; Ivanov 2006; Саргсян 2008). Следовательно, доказать, что известие о руси содержалось в греческом оригинале текста чуда невозможно. Кроме того, есть веские основания считать, что в тексте идет речь не о событиях IX в., а о X столетии (Могаричев 2007; Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017. С. 494–523). Наконец, имя вождя нападавших варваров может быть интерпретировано как редкое, но регулярное греческое имя *Πραβλί(ο)ς* (Кузенков 2012. С. 59; Виноградов, Коробов 2017), а предполагать греческое имя для вождя руси IX в. вряд ли правомерно.

Столь же обоснованные сомнения вызывает отнесение к первой половине и, в принципе, к IX столетию вполне аутентичного известия о руси в «Житии Георгия Амастридского». А.В. Назаренко, признавая наличие разных интерпретаций данного текста, фактически полностью положился в данном вопросе на авторитет И.И. Шевченко (Назаренко 2012. С. 19–21), однако историографическая ситуация очень далека от однозначного решения проблем атрибуции и датировки данного текста. Житие и чудо, связанное с нападением народа русь на г. Амастриду в Пафлагонии (совр. Амасра в Турции), И. Шевченко однозначно атрибутировал авторству митрополита Никеи Игнатия Диакона (PmbZ. #2665) и датировал Житие периодом иконоборчества, что давало *terminus ante*

quet 842 г. (Ševčenko 1977. P. 113–131; 1982. V. P. 1–42). Между тем, совершенно не доказана – и в принципе не может быть однозначно доказана на основе литературоведческо-стилистического анализа – датировка Жития иконоборческим временем. Исследовательская практика показывает, что невозможно уверенно отличить «иконоборческий» житийный текст от «иконофильского» (Луховицкий 2021. С. 12, 52). И как наглядно показал А.П. Каждан, автор «Жития Георгия Амастридского» не только не избегает слов, обозначающих иконы (образа), но даже вставляет их упоминания в текст там, где это совсем не обязательно для логики и стилистики повествования (Каждан, Шерри, Ангелиди 2002. С. 464–466). Даже если придерживаться версии, что «Житие Георгия Амастридского» написал Игнатий Диакон, то оно могло быть создано после «торжества православия» в 842 г., когда он потерял сан митрополита Никеи и стал свободно практикующим учителем и писателем, писавшем в том числе и тексты на заказ.

В историографии предлагалась гораздо более «сильная», чем Игнатий Диакон, кандидатура на авторство этого Жития. Учитывая месторасположение Амастриды в феме Пафлагония, автором Жития, прославляющего местного святого, мог быть плодовитый писатель Никита-Давид Пафлагон (PmbZ. #25712), который написал «Житие Игнатия Диакона» и вполне мог подражать его литературному стилю (Лопарев 1914. С. 256). Это отодвигает датировку текста фактически на время не ранее рубежа IX–X вв. В пользу такой поздней датировки говорит тот факт, что в нем есть заимствования из произведений константинопольского патриарха Фотия, умершего в 890-е гг. (Лопарев 2014. С. 256–258; Markopolous 2004. II. P. 75–82; Schreiner 1978. P. 297–303). Противоположное направление заимствований (от жития анонимного автора в тексты Фотия) крайне маловероятно, поскольку законодатель литературной моды и константинопольский интеллектуал Фотий вряд ли стал бы использовать в качестве образца малопопулярный (известен в единственной рукописи, которая была либо копией с авторского оригинала, либо самим оригиналом) текст провинциального жития. Произведения же патриарха Фотия, напротив, диктовали стилистическую моду для целого поколения церковных литераторов.

Полный обзор истории изучения «русского чуда» в тексте «Жития Георгия Амастридского» был сделан А.М. Филипчуком, который показал, что география военных акций росов полностью совпадает с передвижениями войск Игоря Рюриковича в 941 г., также совпадает стилистика описания и технологии творимых русью зверств. Таким образом, текст чуда – отклик как раз на это событие, и он должен быть датирован временем *не ранее второй половины X в.* (Филипчук 2012. С. 17–46).

В итоге данный текст следует признать вполне достоверным источником по истории руси, но не IX, а X в.

Я не могу согласиться с А.В. Назаренко, что письмо 871 г. короля Италии и франкского императора Людовика II византийскому императору Василию I Македонянину («Imperatoris epistola ad Basilium I»), сохранившееся в «Салернской хронике» (ок. 1300 г.) (ChS. P. 107–121; ДРСЗИ. IV. С. 22–24; СХ. 2020. С. 124–136), содержит скрытое упоминание народа русь. В нем в рамках полемики двух императоров по поводу императорского титула сказано, что предводитель (лат. *praelatus*) народа «норманнов» (лат. *Nortmanni*) не называется каганом (лат. *chaganus*). Используемый в письме Людовика II собирательный латинский этникон *Nortmanni* (*resp. Nordmanni*, досл. «северные люди»), видимо, передает греческий зонтичный этникон с тем же значением *οἱ βόρειοι ἔθνη или *τὰ βόρεια γένηα (досл. «северные народы») из несохранившегося письма Василия I. Однако, вопреки А.В. Назаренко (2012. С. 16–17), «северными людьми» в греческом оригинале, скорее всего, назывался не народ русь (ср.-греч. *οἱ Ρῶς*), а какой-то кочевой народ, например, тюрки (ср.-греч. *οἱ Τοῦρκοι*). Собственно, весь список народов, упоминаемых в данном рассуждении, авары, хазары и болгары, предполагает именно тюрк или иной кочевой народ, например, огузов, а отнюдь не русь. Франкские переводчики встретились со специфическим обобщающим «зонтичным» термином греческого послания (что-то вроде: **οἱ Χάζαροι καὶ βόρειοι ἔθνη*, означающим хазар и другие кочевые народы Северного Причерноморья) и просто сделали его латинский аналог (**Gazari et Nortmanni*), используя собственный привычный собирательный этникон из своей, латинской, литературной традиции (см. об этих двух «этногеографических» традициях: Якуб 2008; Шукуров 2008). Так, греческий собирательный этникон *οἱ βόρειοι ἔθνη / *τὰ βόρεια γένηα* был передан эквивалентным латинским собирательным же этником *Nortmanni*. Догадка о том, что в переписке фигурировала русь (*Rhos* / *οἱ Ρῶς*), в сущности, ничем не подкреплена, кроме проекции реалий X в. на предшествующее столетие.

Короткий экскурс об этимологии двойного этникона росы-дроми-ты (греч. *Ρῶς* и *Δρομίται*) в византийской «Хронике Псевдо-Симеона» 970-х–1020-х гг. не относится к утраченному известию о походе руси на Константинополь начала X в., как раньше предполагалось в историографии, а датируется, как доказал К. Цукерман, 960-ми – 970-ми гг. (Цукерман 2021).

Наконец, не относится к IX в. и упоминание народа *Ruzzi* в ранне-средневековом латинском трактате «*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danubii*», известном в историографии под условным названием «Баварский географ». Этот текст был написан на послед-

них листах латинской рукописи-конволюте, хранящейся в Баварской библиотеке (BSB Clm. 560. Fol. 149v–150r). С. Россиньоль, опираясь на состав кодекса, убедительно интерпретировал рукопись BSB Clm. 560 как средневековый учебник (Rossignol 2010. P. 49–68). Поскольку основной текст рукописи является сборником учебных материалов, это позволяет предположить, что составление и добавление этногеографического списка в кодекс тоже было обусловлено учебно-справочными целями.

Данных для точной датировки «Баварского географа» на основе его содержания не существует. Попытки датировать этот текст, исходя из исторических соображений, носят сугубо произвольный характер. Предложенные варианты колеблются в промежутке от VIII до X в. (см. последний обзор: Коматина 2021. С. 106–108).

Главным основанием для датировки «Баварского географа» является палеография почерков, которыми написан основной текст рукописи и текст «Баварского географа». Основной текст рукописи (лл. 89r–149r) датируется по палеографическим признакам Б. Бишоффом последней четвертью IX в. и с оговорками локализуется по почерку в южной Германии, а почерк приписанного на листах 149v–150r текста «Баварского географа» датируется им X в. (Bischoff 2004. S. 221–222). Другой специалист по латинским рукописям этого периода Х. Хоффман вслед за Б. Бишоффом датирует основную часть рукописи последней четвертью IX в., а текст «Баварского географа» – временем «около 900 г.»; он поддерживает локализацию почерка в южной Германии, но оговаривает, что сомневается в принадлежности кодекса скрипторию монастыря Райхенау (Hoffmann 2004. S. 173–174). В специальной работе С. Россиньоль предположил, что текст «Баварского географа» состоит из двух частей, первая из которых (перечень народов вдоль границ Франкской империи) была написана, скорее всего, в конце IX в., а вторая (перечень других, более отдаленных, народов) – в начале X в. (Rossignol 2011. P. 305–316). П. Коматина пишет о пласте относительно архаичных этниконов в «первой части документа», датируя ее поэтому серединой IX в. (Коматина 2020. С. 108, 128–129). Однако весь текст «Баварского географа» по всем показателям представляет собой не сшивку двух частей, а одно целое, составленное за один раз. Теоретически можно выделить либо две, либо три части в его тексте, но неоспоримых текстологических аргументов для этого нет. Нет никаких примет и того, что перед нами копия, а не оригинальный текст памятника, написанный в единственном экземпляре. Был ли у этого текста некий протограф, совершенно не известно. Поэтому мы можем считать, что имеющийся в нашем распоряжении текст рукописи BSB Clm. 560 представляет собой первую и единственную редакцию текста трактата, разом написанную на свободных листах рукописи не многим

ранее и не намного позже 900 г. Наличие в нем анахроничных этнонимов и устаревших данных об этногеографических характеристиках перечисляемых общностей, актуальных для первой половины – середины IX в., совершенно нормально для раннесредневековых этногеографических компиляций (Liccardo 2023).

Дополнительный аргумент в пользу датировки «Баварского географа» временем ок. 900 г. – идентификация этникона *eptaradici*, которые *habent civitates CCLXIII* (Щавелев 2021). А.В. Назаренко вслед за многими исследователями интерпретировал этникон *eptaradici* как кальку с греческого названия *ἑπτὰ ῥάδικες – «семь ветвей» или «семь корней» и затем сопоставил с названием славянской общности *ἑπτὰ γένεαί* («семь племен») из «Хронографии» Феофана Исповедника начала IX в. (Назаренко 1990. С. 30). Этот этникон упоминается в «Хронографии» Феофана единственный раз при описании событий конца 70-х – начала 80-х годов VII в. (Theophanis 1883. Vol. I. P. 359). Как мог попасть греческий этникон-гапак VII в. в латинский текст IX в., никем никогда внятно не объяснялось. Характерно, что таким источником не мог стать и латинский перевод «Хронографии» Феофана 870-х гг. Анастасия Библиотекаря (Anastasius Bibliothecarius). В нем это название переведено просто как *Septem* – «Семь» (Theophanis. 1885. Vol. II. P. 227).

Между тем, есть второй случай использования этникона *ἑπτὰ γένεαί* – в трактате византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» (952–959 гг.). Это упоминание о «семи племенах» венгров в гл. 38 и «восьми племенах» венгров вместе с каварами в гл. 40: «Καὶ οἱ μὲν Τοῦρκοι γένεαί ὑπῆρχον ἑπτὰ» («Турок же племен было семь») и «Αἱ δὲ ὀκτώ γένεαί τῶν Τοῦρκων...» («Эти же восемь племен турок ...») (DAI 1967. P. 170, 174, 178). В более поздних хрониках Венгерского королевства, отразивших устную традицию мадьярской элиты, постоянно фигурируют «семь вождей», под руководством которых ими была захвачена «новая родина» в Среднедунайской низменности. В древнейшей венгерской латинской хронике анонимного Магистра П. «Деяния венгров» (написана ориентировочно между 1200 г. и 1230-ми гг.) названы «семь главенствующих людей, которые звались Хетумогер...» («... septem principales persone qui Hetumoger dicti sunt...») и «VII principales persone, qui Hetumoger vocantur») (Anonymus and Master Roger. 2010. P. 10, 16). Точно такую же информацию о «семи хозяевах» новообращенной территории сообщает позже хронист Шимон Кезаи в его «Деяниях венгров» (ок. 1280–1285 гг.) (Simonis de Kéza. 1999. P. 78–79, 80–87).

Название *hétmagyar/hetümajer* по-венгерски означает «семь мадьяр». Это говорит о том, что информация о семи родоначальниках державы Арпадов была устойчивым топосом венгерской исторической памяти,

отразившемся в разных историографических памятниках. Вариант названия общности в венгерской историографической традиции «семь мадьяр» («хозяев», «вождей») позволяет не исключать интерпретацию этника *epta radici как греческо-славянского гибрида: среднегреческого *ἑπτά + старославянское *rodьci*, что дает в результате этникон «семь родичей». Следовательно, в трактате «Баварский географ» упомянута общность «семь родов» или «семь родичей» мадьяр, которые как раз в конце IX в. вторглись на территорию Среднедунайской низменности (Паннонской равнины). Использование в этниконе греко-славянского слова-гибрида вполне естественно, поскольку информантом, принесшим этот этникон к франкам, мог быть либо грекофон, либо славофон. Скорее всего, это был беженец или разведчик-информатор с Паннонской равнины, где местное славяноязычное население Моравии, принявшее христианство от грекоязычных миссионеров-ромеев, подверглось геноциду и порабощению со стороны завоевателей-мадьяр.

В пользу отождествления *epta radici именно с семью племенами мадьяр говорит и сам текст «Баварского географа»: «Attorozi. habent CXL. VIII. populus ferocissimus. Eptaradici. habent civitates CCLXIII» (fol. 149v). Совершенно не обязательно относить определение «*populus ferocissimus*» к неидентифицированному народу *Attorozi*. Синтаксис вполне допускает и даже предполагает прочтение фразы: «*populus ferocissimus Eptaradici habent civitates CCLXIII*» – «народ свирепейший эптарадиси имеют городов 263». Точки между словами в рукописи трактата стоят произвольно и ничего определенного не значат, иногда даже отделяя подлежащее-этникон от сказуемого «имеют». Мадьяры-венгры в IX–X вв. в латинской и греческой историографических традициях пользовались дурной славой самого жестокого и дикого кочевого народа, который доходит даже до того, что пьет человеческую кровь (Kellner 1997; Moravcsik 1983. Vol. I. S. 131–145, 356–390, 400–409; Vol. II. S. 320–327).

Таким образом, в «Баварском географе» выражением «*populus ferocissimus Eptaradici*» обозначен «народ свирепейший» «семь-племен», или «семь родичей» венгров-мадьяр. Эта идентификация названия *Eptaradici* с «семью родами» мадьяр, окончательно подтверждает датировку текста «Баварского географа» временем ок. 900 г., когда венгры в 890–900-х гг. начали завоевание своей «новой родины» в Европе. И именно эта дата вполне соответствует палеографической датировке рукописи. Таким образом, упоминание народа «русь» (*Ruzzi*) в трактате должно датироваться временем не ранее рубежа IX–X вв. и, видимо, относиться к только что появившейся политике Рюриковичей в Среднем Поднепровье.

Таким образом, в IX в. ни франки, ни ромеи, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, не имели какой-либо подробной инфор-

мации о народе русь. В латиноязычных текстах народ русь (*Rhos*) упомянут в IX в. *один единственный раз в известии 839 года о византийском посольстве* в западнофранкском продолжении «Франкских королевских анналов» (MGH SS 1883. T. V. S. 19–20). Следующие латинские тексты, содержащие известия о руси, «Баварский географ», ок. 900 г., и «Раффельштеттенский таможенный устав», 904–906 гг. (MGH Leges 1897. T. II. S. 249–252), отразили контакты X в. по широтному пути «из немец в хазары» восточных территорий Франкской империи с политией Рюриковичей с центром в Киеве. Такая же ситуация наблюдается в византийских (среднегреческих и старославянских) текстах, в которых русь в IX в. упоминается *только в связи с нападением 860 г. и последующем приобщением к христианству этой отдельной группы руси*, видимо, поселившейся после нападения в пределах Ромейской империи (Щавелев 2024. С. 139–142). Причем, константинопольский патриарх Фотий специально подчеркивает, что *этот доселе неизвестный народ появился в пределах Византии первый раз*. Эпизод 839 г. к 860 г. уже забылся, а регулярных контактов с народом русь у ромеев не было, иначе бы опытный дипломат и идеолог активного миссионерства Фотий просто не мог не знать о них (см. подробнее с необходимой литературой: Щавелев 2024. С. 139–142). Следующее упоминание руси появится в византийских текстах только в «Тактике» императора Льва VI Мудрого, написанной на рубеже IX–X вв. (Щавелев 2020. С. 87–114), т.е. опять же, когда Византия вступила в контакт с политией Рюриковичей.

Наконец, следует рассмотреть вопрос о гипотетическом арабском источнике IX в., возможно, отразившемся в «Книге драгоценных украшений» Абу 'Али Ахмада ибн 'Умара ибн Рустаха, написанной после 903 (вполне твердый *terminus post quem*) и до 913 г., видимо, ок. 912 г. (Montgomery 2001). Этот протографический текст содержал рассказ о народе русь (*ar-rūṣīyā*) (BGA 1892. P. 145–147; Montgomery 2001. P. 75–76). Однако ориенталисты до сих пор не пришли к единому мнению ни об авторе, ни о жанре, ни об узкой датировке данного текста (см. обзор: Мишин 2002. С. 50–60).

По одной версии, текст-источник Ибн Рустаха атрибутируется утраченной «Книге путей и стран» Абу 'Абдаллаха Мухаммада ибн Ахмада Джайхани, который был визирем эмира Насра ибн Ахмада с 914 по 921 г. и, возможно, немного позднее. Он работал над своим сочинением в конце IX – начале X в. (Göckenjan, Zimonyi 2001. S. 12–28, 34–35, 36–42, 81–86, 180–182). Эта версия наиболее слабая по хронологическим соображениям – работы Джайхани и Ибн Рустаха писались фактически параллельно (Montgomery 2001. P. 75; Мишин 2002. С. 51). По второй – источником Ибн Рустаха была более полная редакция, чем известная нам, «Книги

путей и стран» (892 г.) Абу-л-Касима 'Убайдаллаха ибн 'Абдаллаха ибн 'Хордадбеха (Montgomery 2005. P. 185, 209). Согласно третьей версии, этим прототекстом была компилятивная справочно-служебная так называемая «Анонимная записка», использовавшаяся в канцелярии Халифата (Мишин 2002. С. 50–60; 2014).

Во всех трех версиях гипотетический текст-источник Ибн Рустаха датируется 890–910-ми гг. или «концом IX – началом X в.» (Мишин 2014. С. 3). Попытка Д.Е. Мишина сузить датировку до конца 880-х – начала 890-х гг. (Мишин 2002. С. 53–60), с одной стороны, сути дела не меняет, а, с другой, неубедительна, поскольку основана на устаревших интерпретациях текста «Об управлении империей» середины 950-х гг., еще более устаревших и, в конечном счете, условных датировках перемещения мадьяр и печенегов в степях Причерноморья (Щавелев 2020. С. 115–175, 250–336) и еще на целом ряде, на мой взгляд, произвольных отождествлений ойконимов и этнонимов.

Следовательно, относить фрагмент о народе *ар-рӯсийя* или его отдельные части к более раннему периоду, чем рубеж IX и X вв., оснований нет. Напротив, некоторые его элементы могли быть добавлены в текст используемого более раннего источника самим Ибн Рустахом, т.е. должны датироваться 903–913 гг. (Montgomery 2001. P. 75–77, 83–89). С учетом датировки гипотетического источника Ибн Рустаха рубежом IX и X вв. или даже началом X в. сообщение о том, что у народа русь есть свой «малик», который называется *хākān-рӯс*, следует уверенно отнести к политике князя Игоря Рюриковича и его воеводы Олега, как раз возникшей на рубеже IX и X вв. в Среднем Поднепровье и тесно контактировавшей с миром степных номадов (Shchavlev 2020). Нужно подчеркнуть, что именно князья Киева Владимир Святославич (†1015 г.) и Чернигова Олег Святославич (†1115 г.) титуловались «каганами», поэтому можно полагать, что его приняли именно их прямые князья-предки, правившие в этих городах.

Таким образом, в арабских текстах народ русь упоминается только у двух авторов IX в. – в «Книге путей и стран» (итоговая версия 892 г.) Ибн 'Хордадбеха и в «Книге стран» 892 г. Ахмада б. Аби ал-Йа'куби б. Вади-ха ал-Катиба (Hraundal 2014. P. 68).

* * *

Итак, по моему мнению, рассмотренные в статье тексты, либо не содержат известий о руси, либо относятся к X в., следовательно, они должны быть без сомнений исключены из истории общности (народа) русь IX столетия вплоть до появления каких-либо новых источниковедческих исследований, уточняющих их атрибуцию и датировку. В IX в. русь до-

ствоверно упоминается в одном латинском тексте («Бертинских анналах»), комплексе среднегреческих и старославянских текстов, связанных с событиями 860–880-х гг. (сочинения патриарха Фотия, известия хроник, житий и др.), и у двух арабских писателей: Ибн ‘Хордадбеха и ал-Йа‘куби.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Васильевский В.Г.* Избранные труды по истории Византии (Труды В.Г. Васильевского). М., 2010. Кн. 2. [*Vasil'yevskiy V.G.* Izbrannyye trudy po istorii Vizantii (Selected Works on the History of Byzantium) (Trudy V.G. Vasil'yevskogo). Moscow, 2010. Kn. 2.]
- Виноградов А.Ю., Коробов М.И.* Бравлин – branliv или krotok // *Slověne*. 2017. № 1. С. 219–235. [*Vinogradov A.Yu., Korobov M.I.* Bravlin – branliv ili krotok (Bravlin – ‘Scolding’ or ‘Meek’) // *Slověne*. 2017. № 1. S. 219–235.]
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV: Западноевропейские источники / Сост., пер. и комм. А.В. Назаренко. М., 2010. [*Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya. T. IV: Zapadnoevropeyskiye istochniki* (Ancient Rus' in the Light of Foreign Sources. T. IV: Western European Sources) / Sost., per. i komm. A.V. Nazarenko. Moscow, 2010.]
- Каждан А.П., Шерри Л.Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. [*Kazhdan A.P., Sherri L.F., Angelidi Kh.* Istoriya vizantiyskoy literatury (650–850 gg.) (The History of Byzantine Literature, 650–850). St-Petersburg, 2002.]
- Коматина П.* Славянские этнонимы «Баварского географа»: Историко-лингвистический анализ // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. С. 106–137. [*Komatina P.* Slavyanskiye etnonimy «Bavarskogo geografa»: Istoriko-lingvisticheskiy analiz (Slavic Ethnonyms of the *Bavarian Geographer*: Historical and Linguistic Analyses) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1. S. 106–137.]
- Кузенков П.В.* Из истории начального этапа византийско-русских отношений // *Русский исторический вестник*. 2012. Т. I. С. 52–97. [*Kuzenkov P.V.* Iz istorii nachal'nogo etapa vizantiysko-russkikh otnosheniy (From the History of the Initial Stage of Byzantine-Russian Relations) // *Russkiy istoricheskiy vestnik*. 2012. T. I. S. 52–97.]
- Лопарев Х.М.* Греческие жития святых IX–X вв. Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Ч. I. Современные жития. Пг., 1914. [*Loparev Kh.M.* Grecheskiye zhitiya svyatykh IX–X vv. Opyt nauchnoy klassifikatsii pamyatnikov

agiografii s obzorom ikh s tochki zreniya istoricheskoy i istoriko-literaturnoy. Ch. I. Sovremennyye zhitiya (Greek Saints' Lives of the 9th–10th Centuries. An Attempt of Scientific Classification of Hagiographic Sources with their Survey from the Historical and Historical-Literary Point of View. T. I. Contemporary Lives). Petrograd, 1914.]

Луховицкий Л.В. Слова и образы. Иконоборчество глазами византийцев VIII–XV вв. СПб., 2023. [*Lukhovitskiy L.V.* Slova i obrazy. Ikonoborchestvo glazami vizantiytsev VIII–XV vv. (Words and Images. Iconoclasm through the Eyes of the Byzantines of the 8th to 15th Century). St-Petersburg, 2023.]

Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее Средневековье. М., 2002. [*Mishin D.Ye.* Sakaliba (slavyane) v islamskom mire v raneye Srednevekov'ye (Şaġâlība (the Slavs) in the Muslim World in the Early Middle Ages). Moscow, 2002.]

Мишин Д.Е. О некоторых вопросах интерпретации сведений описания северных народов неизвестного автора // *Rossica antiqua*. 2014. № 1. С. 3–14. [*Mishin D.Ye.* O nekotorykh voprosakh interpretatsii svedeniy opisaniya severnykh narodov neizvestnogo avtora (On Some Problems in the Interpretation of Information in the Description of Northern Peoples by an Unknown Author) // *Rossica antiqua*. 2014. № 1. S. 3–14.]

Могаричев Ю.М. Об одном из сюжетов Жития Стефана Сурожского (Бравлин из Новгорода или Песах из С-М-К-Рая?) // *Хазарский альманах*. 2007. Т. 6. С. 181–191. [*Mogarichev Yu.M.* Ob odnom iz syuzhetov Zhitiya Stefana Surozhskogo (Bravlin iz Novgoroda ili Pesakh iz S-M-K-Raya?) (On One of the Stories in the *Life of Stefan of Surozh* (Bravlin from Novgorod or Pesah from S-M-K-Ray?)) // *Khazarskiy al'manakh*. 2007. T. 6. S. 181–191.]

Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X в.): вопрос истории и археологии. М., 2017. [*Mogarichev Yu.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B.* Krym v «khazarskoye» vremya (VIII – seredina X v.): vopros istorii i arkheologii (The Crimea in the 'Khazar' Time (VIII – mid 10th Centuries): A Question of History and Archeology). Moscow, 2017.]

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. [*Nazarenko A.V.* Nemetskiye latinoyazychnyye istochniki IX–XI vekov. Teksty, perevod, kommentariy. (German Sources in Latin of the 9th–11th Centuries. Texts, Translation, Commentary). Moscow, 1993.]

Назаренко А.В. Русь IX в.: обзор письменных источников // *Русь в IX–X веках. Археологическая панорама* / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 12–35. [*Nazarenko A.V.* Rus' IX v.: obzor pis'mennykh istochnikov (Rus' in the 9th Century: A Survey of Written Sources) // *Rus' v IX–X vekakh. Arkheologicheskaya panorama* / Otv. red. N.A. Makarov. Moscow; Vologda, 2012. S. 12–35.]

- Салернская хроника / Введ., пер. и коммент. О.С. Воскобойникова. М., 2020. [Salernskaia khronika. (Chronicon Salernitanum) / Vved., per. i komment. O.S. Voskoboynikova. Moscow, 2020.]
- Саргсян Т.Э. Житие Стефана Сурожского в армянских манускриптах // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 282–298. [Sargsyan T.E. Zhitiye Stefana Surozhskogo v armyanskikh manuskriptakh (The Life of Stefan of Surozh in Armenian Manuscripts) // Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik. Simferopol, 2008. Vyp. 3. S. 282–298.]
- Тохтасьев С.Р. Язык трактата Константина Багрянородного ‘*De administrando Imperio*’ и его иноязычная лексика. СПб., 2018. [Tokhtas'yev S.R. Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo ‘*De administrando Imperio*’ i yego inoazychnaya leksika (The Language of the Treatise of Constantine Porphyrogenitus *De administrando Imperio* and its Foreign Vocabulary). St-Petersburg, 2018.]
- Филипчук О. *Studia Byzantino-Rossica*. Експансія, війна та соціальні зміни. Чернівці, 2013. [Fylypchuk O. *Studia Byzantino-Rossica*. Ekspansiya, viyna ta sotsial'ni zminy (Studia Byzantino-Rossica. Expansion, War and Social Change). Chernivtsi, 2013.]
- Филипчук О.М. Роси у «Житті Георгія Амастридського» // Український історичний журнал. 2012. № 2. С. 173–189. [Fylypchuk O.M. Rosy u «Zhytiti Neorhiya Amastryd'skoho» (The Rus' in the *Life of George of Amastris*) // Ukrain'skyu istorychnyy zhurnal. 2012. № 2. S. 173–189.]
- Цукерман К. «Веселись, могучий Рос!». Свидетельство Псевдо-Симеона // *Dísablót*. Сб. ст. коллег и учеников к юбилею Е.А. Мельниковой. М., 2021. С. 168–176. [Zuckerman C. «Veselis', moguchiy Ros!». Svidetel'stvo Psevdo-Simeona (“Have Fun, Mighty Ros!”. The Testimony of *Pseudo-Symeon*) // *Dísablót*. Sb. st. kolleg i uchenikov k yubileyu Ye.A.Melnikovoy. Moscow, 2021. S. 168–176.]
- Шукуров Р.М. Земли и племена: византийская классификация тюрок // ВВ. 2010. Т. LXIX. С. 132–163. [Shukurov R.M. Zemli i plemena: vizantiyskaya klassifikatsiya tyurok (Lands and Tribes: Byzantine Classification of the Turks) // *Vizantiiskii Vremennik*. 2010. T. LXIX. S. 132–163.]
- Щавелев А.С. К идентификации названия «*eptaradici*» в «Описании городов и областей к северу от Дуная» («Баварском географе») // У истоков и источников: на международных и междисциплинарных путях. Юб. сб. в честь А.В. Назаренко. М.; СПб., 2019. С. 555–561. [Shchavelev A.S. K identifikatsii nazvaniya «eptaradici» v «Opisanii gorodov i oblastey k severu ot Dunaya» («Bavarskom geografe») (On the Identification of the Name *Eptaradici* in the *Description of Cities and Regions North of the Danube* (The *Bavarian Geographer*)) //

U istokov i istochnikov: na mezhdunarodnykh i mezhdistsiplinarnykh putyakh. Yub. sb. v chest' A.V. Nazarenko. Moscow; St-Petersburg, 2019. S. 555–561.]

Щавелев А.С. К этнической идентификации знатных византийцев по имени Ингер (конец VIII – начало IX в.) // ВЕДС. 2012. [Вып.] XXIV. Миграция, расселение война как факторы политогенеза. С. 281–285. [*Shchavelev A.S.* K etnicheskoy identifikatsii znatnykh vizantiytsev po imeni Inger (konets VIII – nachalo IX v.) (On the Ethnic Identification of Noble Byzantines Named *Inger* (the Late 8th – Early 9th Century)) // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. 2012. [Вып.] XXIV. Migratsiya, rasseleniye voyna kak faktory politogeneza. S. 281–285.]

Щавелев А.С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020. [*Shchavelev A.S.* Khronotop derzhavy Rurikovichey (911–987 gody) (The Chronotope of the Rurikid Polity (911–987)). Moscow, 2020.]

Щавелев А.С. Народ русь IX–X вв.: этническая идентичность и социальная дифференциация // Принципы и формы социальной организации. Исторические контексты взаимодействия / Отв. ред. Д.М. Бондаренко и Г.В. Александров. М., 2024. С. 135–169. [*Shchavelev A.S.* Narod Rus' IX–X vv.: etnicheskaya identichnost' i sotsial'naya differentsiatsiya (The People of Rus' in the 9th–10th Centuries: Ethnic Identity and Social Differentiation) // Printsipy i formy sotsial'noy organizatsii. Istoricheskkiye konteksty vzaimodeystviya / Отв. red. D.M. Bondarenko i G.V. Aleksandrov. Moscow, 2024. С. 135–169.]

Якуб А.В. Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX–XII вв. Становление и развитие историографической традиции. Омск, 2008. [*Yakub A.V.* Obraz «normanna» v zapadnoevropeyskom obshchestve IX–XII vv. Stanovleniye i razvitiye istoriograficheskoy traditsii (The Image of the “Norman” in Western European Society in the 9th to 12th Centuries. Formation and Evolution of the Historiographic Tradition). Omsk, 2008.]

Anonymus and Master Roger. The Deeds of the Hungarians / Ed., transl. and annot. by M. Rady and L. Veszprémy. Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / Transl. and annot. by J.M. Bak and M. Rady. Budapest; N. Y., 2010.

Bibliotheca geographorum arabicorum. Pars VII. “Kitâb al-A'lâq al-nafîsa” auctore Abû Ali Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et “Kitâb al-Boldân” auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhîh al-Kâtib al-Jakûbi / Ed. M. J. de Goeje. Leiden, 1892.

Bischoff B. Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts. Laon–Paderborn; Wiesbaden, 2004. T. II.

Bozoyan A. La Vie arménienne de saint Étienne de Sougdaia // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Éd. C. Zuckerman. Paris, 2006. P. 87–107.

Chronicon Salernitanum / A Critical Edition with Studies on Literary and Historical Sources and on Language by U. Westerbergh. Stockholm; Lund, 1956. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Latina Stockholmiensia; III).

- Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio* / Ed. R.G.H. Jenkins and Gy. Moravcsik. Washington D. C., 1967. Vol. I: Greek Text and English Translation.
- Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter. Die Ğayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ĥudūd al-'Ālam, al-Bakrī und al-Marvazī).* Wiesbaden, 2001.
- Haldon J.F. Byzantine Praetorians: An Administrative, Institutional & Social Survey of the Opsikion & Tagmata, c. 580–900.* Bonn, 1984.
- Haldon J. Kosmas of Jerusalem and the *Gotthograikoi* // Byzantiniaslavica.* 1995. № 56 (1). P. 45–54.
- Hoffmann H. Schreibschulen des 10. und des 11. Jahrhunderts im Südwesten des Deutschen Reichs / Mit einem Beitrag von E. Hochholzer.* Hannover, 2004.
- Hraundal P.J. New Perspectives on Eastern Vikings: Rus in Arabic Sources // Viking and Medieval Scandinavia.* 2014. № 10. P. 65–97.
- Ivanov S.A. The Slavonic Life of Saint Stefan of Surozh // La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar / Éd. C. Zuckerman.* Paris, 2006. P. 109–167.
- Kellner M.G. Die Ungarneinfälle im Bild der Quellen bis 1150: von der «Gens detestanda» zur «Gens ad fidem Christi conversa».* München, 1997. (*Studia Hungarica*; 46).
- Liccardo S. Old Names, New Peoples: Listing Ethnonyms in Late Antiquity.* Leiden; Boston, 2023.
- Mango C. Eudoca Ingerina, the Normans and the Macedonian Dynasty // Сборник Радова Византолошкогo института.* 1973. № XIV–XV. P. 17–27.
- Markopolous A. II. La Vie de Saint Georges D'Amastris et Photios // Markopolous A. History and Literature of Byzantium in the 9th – 10th Centuries.* Aldershot; Barlington, 2004. P. 75–82.
- MGH. *Scriptores rerum Germanicum in usum scholarum* / Hrsg. G. Waitz. Hannover, 1883. T. V.
- MGH. *Leges. Capitularia regum francorum.* Hannover, 1897. T. II / Hrsg. von A. Boretius et V. Krause.
- Moravcsik Gy. Byzantinoturcica.* Berlin, 1983. Bd. I: Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker; Berlin, 1983. Bd. II: Sprachreste der Türkvölker in den Byzantinischen Quellen.
- Montgomery J.E. Ibn Rusta's Lack of Eloquence, the Rus, and Samanid Cosmography // Edebiyāt.* 2001. № 12-1. Papers from the seminar on Fasāhat and Balāghat in Classical Persian Literature. P. 73–93.
- Montgomery J.E. Serendipity, Resistance, and Multivalancy: Ibn Khurradādhbih and his Kitāb al-Masālik wa-l-mamālik // On Fiction and Adab in Medieval Literature / Ed. P.F. Kennedy.* Wiesbaden, 2005. P. 177–232.
- Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. <https://www.degruyter.com/database/pmbz/html> (10.06.2023).

- Rossignol S.* 'Bayerischer Geograph'. Überlegungen zur Datierung des Traktates des sog. Bayerischen Geographen anhand paläographischer und kodikologischer Beobachtungen // Der Wandel um 1000. Beiträge der Sektion zur slawischen Frühgeschichte der 18. Jahrestagung des Mittel- und Ostdeutschen Verbandes für Altertumsforschung in Greifswald, 23. bis 27. März 2009. Langenweissbach, 2011. S. 305–316.
- Rossignol S.* À propos du manuscrit de l'opuscule du «Géographe de Bavière» // Ad libros! Mélanges d'études médiévales offerts à D. Angers et J.-C. Poulin / Éd. J.-Fr. Cottier, M. Gravel, S. Rossignol. Montréal, 2010. P. 49–68.
- Schreiner P.* Ein wiederaufgefundener Text der Narratio de Russorum conversione und einige Bemerkungen zur Christianisierung der Russen in byzantinischen Quellen // Byzantinobulgarica. 1978. T. 5. P. 297–303.
- Shchhavelev A.S.* Basic Features of Political Organization and Social Structure of Rurikid Polity in the Tenth Century // The Evolution of Social Institutions: Interdisciplinary Perspectives / Ed. D.M. Bondarenko, S.A. Kowalewski, D.B. Small. Cham, 2020. P. 283–292.
- Ševčenko I.I.* Ideology, Letters, and Culture in the Byzantine World. Variorum Reprints. London, 1982.
- Simon of Kéza.* The Deeds of Hungarians / Ed. and transl. L. Veszprémy and F. Schaer, Study by J. Szűcs. Budapest, 1999.
- Theophanis* Chronographia / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. I: Textum graecum; Lipsiae, 1885. Vol. II: Theophanis Vitas, Anastasii Bibliotecarii Historiam Tripertitam / Rec. C. de Boor.
- Zuckerman C.* Short Note: A Gothia in Hellespont in the Early Eighth Century // Byzantine and Medieval Greek Studies. 1995. № 19. P. 234–241.

Aleksei S. Shchhavelev

ATtribution AND DATING OF DISPUTABLE INFORMATION
ON THE COMMUNITY OF THE 9TH CENTURY RUS:
HISTORIOGRAPHIC RESULTS

The paper summarizes the results of the studies of those pieces of information on the community (people) *Rus'* of the 9th century, that for various reasons cannot be either unambiguously associated with it, or confidently dated to the time earlier than the 10th century. There used to be long discussions of each of these texts, but as a rule, the problematic status of them, disputability of their attribution and dating were ignored while reconstructing the ethnopolitical history of the early period of the *Rus'* history. Unfortunately, the researchers' desire to enrich the history of the 9th-century *Rus'*, together with infinite immunization of precarious hypotheses have created a cardinal

gap between the level of source studies and the new understanding of a number of texts, on the one hand, and their conventional (especially in our domestic historiography) historical interpretations, on the other hand. First of all, one should abandon the arbitrary identification of two high-standing Byzantines living in the early 9th century who bore the name *Inger* as Scandinavians, because the Germanic names came into the Roman onomasticon much more likely from the descendants of the Goths, Federates of the Roman army, the so-called *Gotthograikoi*. The probability that the Greek original of the *Life of St Stefan of Surozh* contained a mention of *Rus'* is negligible. The letter of Byzantine emperor Basil I to the Frankish emperor Louis II (871) whose answer is preserved in the *Chronicon Salernitanum* did not contain, most likely, any 'latent' mention of *Rus'*. At last, the information about *Rus'* in the *Life of George of Amastris*, the *Bavarian Geographer* and the *Chronicle of Pseudo-Simeon* should be dated the 10th century, and it bears no relation to the 9th century. The dating of the *Bavarian geographer* to the time ca 900, rather than to the 9th century, is particularly important, as it helps to clarify a number of its 'dark places' and to understand its genre as a kind of a personal postscript to a textbook. It is absolutely obvious, that all the texts listed above should be, without doubts, excluded from the history of the 9th-century *Rus'* until new source studies specifying their reading, attribution or dating appear. The historiographical inertia of their usage in the studies of the history of the 9th century seriously distorts it and hinders its adequate reconstruction.

Keywords: *Rus'*, the 9th century, source criticism, historiography

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-191-207

П.С. Стефанович

АНАЛОГИЯ ЛЕТОПИСНОМУ «ПРИЗВАНИЮ ВАРЯГОВ» В ЖИТИИ СВ. АНСГАРА

Автор статьи обращает внимание на рассказ «Жития св. Ансгара» о военном походе свеев (шведов) на куршей, состоявшемся в 854 г. Житие написал ученик Ансгара Римберт до 876 г. Его сведения, подтверждаемые археологическими данными, достоверны. В описании похода указывается, что свеи разграбили один город куршей (скорее всего, Гробиню) и долго осаждали другой – Апуоле. Осада закончилась переговорами и признанием куршами власти свеев. Курши согласились на одноразовую контрибуцию и на выплату постоянной дани в будущем. По мнению автора статьи, эти события могут служить историческим фоном событий, описанных в древнерусском рассказе о «призвании варягов», который тоже повествует о взаимодействии пришлых скандинавов с местными народностями («племенами») в середине IX в. Рассказ сохранился в древнерусских летописях не в первоначальном виде, и автор следует его реконструкции в рамках текстологических построений А.А. Шахматова. Автор отмечает, что, как и в Житии, в летописи главным выражением господства служило право взимания дани на постоянной основе. Как и в Житии, в летописи говорилось, что население соглашалось на выплату дани ради «мира», и автор подчеркивает важность этого понятия в архаических представлениях о власти и справедливости. Даннические отношения осмыслялись и представлялись самими участниками событий как договорные. Вместе с тем, согласно рассказу Жития, установление власти свеев над куршами стало результатом силового воздействия, и это ставит под сомнение идилический рассказ летописи о добровольном «призвании» варягов автохтонными народностями. Житие, написанное в IX в., предлагает гораздо более правдоподобную картину подчинения местного населения скандинавам, чем легендарный летописный рассказ, написанный не ранее начала XI в. В целом, автор пишет и об аналогичной исторической ситуации, описанной в «Житии Ансгара» и летописном рассказе (проникновение скандинавов в циркумбалтийское пространство), и об аналогиях в самих описаниях этой ситуации в житии и летописи (одна модель легитимизации отношений скандинавов и автохтонных жителей при помощи понятия «мир»).

Ключевые слова: Призвание варягов, «Житие св. Ансгара», раннее государство, дань, понятие мира

Александр Васильевич Назаренко много занимался изучением зарубежных источников по древнейшей истории руси (IX–X вв.) в самых разных аспектах. В настоящей статье я хотел бы привлечь внимание также к тексту иностранного происхождения, информацию которого можно рассматривать как некоторую аналогию или параллель рассказу о призвании варягов, открывающему летописное повествование о руси.

Знаменитое «Сказание о призвании варягов» дошло до нас в разных вариантах в древнерусских летописях, прежде всего, тех, которые содержат «Повесть временных лет», а также в Новгородской 1-й летописи младшего извода. Текстологические исследования, начатые А.А. Шахматовым и продолженные его школой, показали, что ни в одной из летописей Сказание не сохранилось в первоначальном виде. На мой взгляд, вариант, наиболее близкий первоначальному, представлен в Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл. – Стефанович 2012). Здесь в статье 6362 (854) г. мы видим связный рассказ, повествующий о призвании Рюрика и его братьев в Новгород, а затем установлении власти его сына Игоря в Киеве (НПЛ. С. 106–107). Этот рассказ, который в ПВЛ оказался разбит между разными годовыми статьями, я условно назвал *Origo gentis russorum*, поскольку он обнаруживает явное сходство с повестями о происхождении разных народов Европы, бытовавшими в средневековой письменности и выделяемыми обычно в специфический жанр *origo gentis*.

В науке давно ведутся споры не только об истории текста Сказания (и связанных с ним летописных фрагментов), но и его исторической достоверности. Безусловно, оно отразило главнейший исторический процесс эпохи становления государства на Руси – контакты скандинавов и автохтонных «племен»-народностей, из объединения которых выросла одна полития. Вместе с тем, сам сюжет «призвания» и ряд конкретных сообщений и деталей внушают учёным разного рода сомнения. Эти сомнения вызваны или подкрепляются во многом тем, что и сюжет, и детали летописного рассказа находят разные аналогии в исторических повествованиях и легендах, известных в литературных традициях других стран и народов античности и средневековья, и ученые часто объясняют их как ходячие топосы.

Как бы ни оценивать эти аналогии, факт состоит в том, что их найдено и зафиксировано в научной литературе уже много. Однако исследователи рассматривали рассказ о призвании варягов, в основном, по тому варианту его текста, который донесли списки ПВЛ, и не учитывали вариант, представленный в Н1мл. Как выясняется, если смотреть на этот рассказ с учетом варианта Н1мл., в частности, имея в виду и ту реконструкцию *Origo gentis russorum*, которую я предлагаю, список аналогий и параллелей летописному тексту может быть пополнен.

В данном случае речь идет об одном эпизоде из «Жития св. Ансгара» (Ансгария) – памятника, который давно известен исследователям средневековой Северной и Восточной Европы, хотя на русский язык был переведен относительно недавно. Архиепископ Гамбурга и Бремена Ансгар прославился как просветитель Северной Европы. Расцвет его миссионерской деятельности пришелся на середину IX в., и особенно важна была его проповедь христианства в Швеции, где он неоднократно бывал. В 865 г. он умер, а уже вскоре (не позднее 876 г.), его ученик и последователь Римберт, хорошо знавший и Ансгара, и его окружение, написал Житие с описанием его подвигов и чудес. В целом, Житие признаётся достоверным источником, хотя надо считаться и с некоторыми неточностями, и литературной топикой (главным образом, агиографической), и миссионерской идеологией. В Житии сообщаются уникальные данные по истории Северной Европы, в частности, скандинавских и прибалтийских народов.

В главе 30 Жития в связи с посещением Бирки Ансгаром, вроде бы склонившем к христианству тамошнего короля Олава, рассказывается о том, как даны (датчане) и свеи (шведы) боролись за господство над куршами (курами/куронами). В начале главы говорится о неудачном нападении данов на куршей – даны были разбиты, а их добычу захватили курши. Потом рассказывается о том, как на куршей решили напасть свеи, и поход этот состоялся вскоре после посещения последних Ансгаром. Свеи напали сначала на прибрежный город, который Римберт называет Зеебург (Seeburg), а затем осадили город, названный Апулией (Apulia). Вот этот эпизод, который по хронологии событий, описанных в Житии, надо относить к 854 г., может быть интересен из древнерусской перспективы.

Так выглядит рассказ Жития в русском переводе В.В. Рыбакова (ключевой и важнейший момент осады и переговоров передаю также в латинском оригинале) (Швеция и шведы в средневековых источниках 2007. С. 64–66; Vita Anskarii 1884. P. 60–63):

«...Услышав об этом (о поражении данов. – П.С.), вышеупомянутый король Олав и народ шведов, желая стяжать себе имя тех, кому удалось совершить то, чего не сделали датчане, тем более что раньше куры подчинялись им, собрали бесчисленное войско и явились в тамошние края. И сначала они неожиданно подошли к одному городу их государства, называемому Сеебург, в котором находилось семь тысяч воинов, и, совершенно опустошив и разграбив, подожгли его. Оттуда, ободренные духом, оставив корабли, они за пять дней с свирепыми сердцами поспешно прибыли к другому их городу, который звался Апулия. Было же в этом городе пятнадцать тысяч бойцов. Итак, когда они подошли туда, жители затво-

рились в городе. Они стали осаждать город снаружи, те – мужественно отбиваться изнутри; одни защищались из города, другие напирали извне. Так прошло восемь дней, и всякий день с утра до вечера усердствовали враги в битве, и многие с обеих сторон пали, однако ни те, ни другие не добились победы. И вот, на девятый день народ шведов, утомленный столь долгой борьбой, начал изнемогать и с испугом и дрожью в сердце помышлять лишь о том, как бежать оттуда. “Здесь нам нет удачи, – говорили они, – а корабли наши далеко”. Ибо, как мы говорили выше, путь до гавани, в которой стояли их корабли, составлял пять дней. И когда они, приведенные в чрезвычайное замешательство, совершенно не знали, что им делать, было решено выяснить посредством жребия, желают ли их боги им помочь, дабы они либо победили, либо ушли оттуда живыми. И вот, бросив жребии, они не смогли обнаружить никого из богов, кто бы хотел оказать им помощь. Когда об это было объявлено в народе, в лагере раздались громкие стоны и вопли, и оставило их всякое мужество. Они говорили: “Что делать нам, несчастным? Боги отвернулись от нас, и никто из них не помощник нам. Куда убежим мы? Вот, корабли наши далеко и когда мы будем бежать, враги, преследуя нас, совершенно нас истребят. Какая будет у нас надежда?”

И когда они оказались в таком тяжелом положении, какие-то купцы, помнившие поучения и наставления господина епископа (Ансгара. – *П.С.*) стали советовать им, говоря: “Бог христиан очень часто помогает взывающим к Нему, Он – могущественнейший в подмоге. Узнаем же, желает ли Он быть с нами, и добровольно обещаем Ему угодные Ему обеты”. Итак, по всеобщей смиренной просьбе бросили жребий, и обнаружилось, что Христу угодно им помочь. После того как это было объявлено во всеуслышание, все сердца вдруг укрепились, так что они бесстрашно возжелали немедленно пойти на приступ города, говоря: “Чего нам теперь опасаться и чего бояться? С нами Христос. Так будем биться и мужественно бороться, и ничто не сможет нам противостоять; не уйдет от нас эта победа, ибо нам помощником могущественнейший из богов”».

Все они, собравшись вместе, с радостным и укрепленным духом ринулись на приступ города. Когда же они окружили его и хотели вступить в битву, те, кто находился внутри, попросили, чтобы им дали возможность вступить в переговоры. Когда король шведов согласился на это, они сказали: “Мир уже угоден нам больше, чем война, и мы желаем заключить с вами договор. Прежде всего, мы даем вам в залог мира все то золото и оружие, которые мы взяли в прошлом году в качестве добычи у датчан. Затем, за каждого человека, находящегося в городе, мы даем полфунта серебра, а сверх того выплачиваем вам дань, какую платили раньше, даем заложников и желаем отныне, как и прежде, подчиняться вам и покорно пребывать под вашей властью”. Итак, после этого предложения души молодых людей не могли сразу успокоиться, но сделались еще более возбужденны, и они, неустрашимые, жаждали одного – биться, говоря, что силой оружия захватят город и все, что там есть, а жителей уведут пленниками. Но король и знатнейшие, последовав более здравому совету, приняли их условия, заключили договор и, взяв бесчисленные богатства и тридцать заложников, с весельем возвратились к себе домой. После того как между ними был заключен мир, шведы сразу же стали всеми силами восхвалять всемогущество Господа нашего Христа и величие Его, провозглашая, что Он истинно великий над всеми богами. Они стали с рвением выяснять, каким обетом угодить Тому, благодаря Кому они одержали столь значительную победу...» [далее говорится о том, как шведы стали ревностно исповедовать христианство].

Conglobati ergo omnes, laeto et forti animo ad debellandam profecti sunt urbem. Cumque in circuitu astantes pugnam inire vellent, ab his qui intrinsecus erant postulatam est, ut copia eis daretur loquendi. Quod cum rex Sueonum annuisset, illi subsecuti sunt: “Nobis iam pax magis quam pugna placet, et foedus vobiscum inire cupimus. Et primo quidem quicquid ex spoliis Danorum praeterito anno in auro et armis acquisivimus, vobis pro munere foederis damus. Deinde pro unoquoque hominum in hac urbe constitutorum dimidiam libram argenti offerimus, et insuper census, quem antea solebamus, vobis persolvimus, et datis obsidibus, abhinc subiecti et obaudientes, sicuti antea fuimus, vestro imperio esse volumus”. Cum haec itaque oblata fuerint, necdum tamen animi iuvenum sedari poterant, verum alacriores facti et absque metu imperterriti pugnare tantum desiderantes, armis se urbem et omnia quae haberent vastaturos ipsosque captives abducturos dicebant. Rex vero et principes saniori consilio dexteras ab eis accipientes, foedus inierunt, et thesauris innumerabilibus atque obsidibus 30 sibi collatis, cum gaudio ad sua reversi sunt. Denique pace inter eos foederata, statim Sueones Christi domini nostri omnipotentiam collaudantes eiusque magnificentiam viribus totis, quod vere magnus super omnes deos esset, praedicantes, quid ipsi, per quem tantam obtinuissent victoriam, vovere deberent, sollicito quaerere coeperunt.

Как показали специальные исследования, главные события, описанные в 30-й главе Жития, вполне достоверны. Конечно, могут быть ошибки или преувеличения (например, фантастические цифры количества воинов в городах куршей), а также необязательно верить уверениям автора об обращении свеев к христианству. Но рассказ о самом походе свеев и расстановка сил в конфликте отражают реальность.

Оба города, упомянутых Римбертом, существовали в IX в. Вероятнее всего, под Зеебургом он имел в виду Гробиню (Гробин) – относительно крупный городской центр в южной части балтийского побережья современной Латвии. Как показали археологические раскопки, расцвет поселения в Гробине пришелся на VIII в., но и в IX в. тут продолжалась жизнь, причем с заметным скандинавским присутствием. Б. Нерман, проводивший раскопки в 1929–1930 гг., считал Гробиню торговой колонией готландцев. Сегодня именно о торговле и о связи именно с Готландом говорят более сдержанно, но шведское влияние не подвергается сомнению (Jansson 2021. P. 331–333). Раскопки показали, что город подвергся разорению в середине IX в., и вполне вероятной выглядит догадка Б. Нермана, что об этом и рассказал Римберт. Под латинизированным названием *Arulia* скрывается несомненно Апуоле – крупный укрепленный центр куршей, расположенный примерно в 40 км от Гробини на юго-восток (сегодня на севере Литвы). Раскопки вскрыли и там немало скандинавских артефактов.

Развитие обоих городских центров свидетельствует об активном функционировании торговых путей в восточно-прибалтийском регионе и экспансии скандинавов во внутренние континентальные районы в IX в. (Mägi 2018. P. 242–252). А эта ситуация во многом соответствует историческому фону древнерусского летописного рассказа о призвании варягов. Те же самые процессы протекали в ту же эпоху в районах около Ладожского озера и Волхова, прилегавших к важному торговому пути из Балтийского моря на восточноевропейские пространства и далее в Каспийское и Чёрное моря (Коновалова, Мельникова 2018. С. 20–75). В IX в. на этом пути активно развивались городские укрепленные поселения в Ладоге и на том месте, которое сегодня известно как Рюриково городище. Скандинавское присутствие археологически зафиксировано и в том, и в другом городе. Ладожский городской центр составляет прямую аналогию Гробине применительно к эпохе VIII–IX вв. (хотя позже судьбы этих городов сложились совсем по-разному).

Археология мало что может сказать о тех институциональных и социально-правовых формах и механизмах, в которых происходило взаимодействие автохтонного и пришлого населения и возникновение ранних политий в прибалтийских регионах. Но письменные источники

однозначно свидетельствуют, что главным мотором этно- и политогенеза были даннические отношения. По крайней мере, и рассказ Римберта, и летописный рассказ говорят именно об этом: речь идет о стремлении к господству и борьбе за него, и оно выражается, прежде всего, в праве сбора дани с определенных общностей в пользу определенных лиц.

В «Житии св. Ансгара» описано, как скандинавы (даны и свеи) пытались подчинить куршей или отдельные центры в области их проживания. Господство устанавливалось военным путем. Оно могло привести к разграблению города (Гробиня) или мирному соглашению (Апуоле), но в любом случае итогом предполагалось учреждение постоянных выплат в виде дани (обозначенной в Житии как *censum*) со стороны побежденных. То же самое мы видим и в летописном рассказе: начинается этот рассказ с упоминания о дани, которую должны были платить местные общности (славянские и финские) варягам, творящим «насилие». Заканчивается древнерусское *origo gentis*, если опираться в его реконструкции на Н1мл., сообщением, что князь Игорь «нача грады ставити и дани уставити» населению, признавшему его власть.

Помимо дани могли быть и другие выплаты. В Житии упоминается, что жители Апуоле дали свеям за снятие осады и прекращение военных действий ценности, которые они захватили у данов, а также «за каждого человека, находящегося в городе», полфунта серебра (*dimidiam libram argenti*). В древнерусской летописи этой выплате соответствует «окуп» (контрибуция), который взимали победители с побежденных. Например, в рассказе о взятии Киева в 980 г. сказано, что варяги требовали «окуп» по две гривны «от человека» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78). Если полагать, что имелась в виду счётная гривна в 20 дирхемов (Назаренко 2001. С. 147), то эта сумма оказывается существенно меньше контрибуции, указанной в «Житии св. Ансгара»: 2 гривны – это около 100–120 г чистого серебра, полфунта – около 200 г.

К сожалению, в Житии ничего не сказано о виде и размерах постоянной дани, к которой обязывались курши, и сказано лишь, что платить будут «дань, какую платили раньше». Согласно *Origo gentis russorum* норма дани, которую собирали варяги до прихода Рюрика с братьями, составляла «от мужа по белеи веверице». Надо думать, и там, и там имелась в виду постоянная дань по определенным ставкам. Именно из такой дани вырастали позднейшие налоги, бывшие частью государственной системы.

Представляется весьма характерной та риторика, которой в «Житии св. Ансгара» обставляется заключение соглашения между свеями и куршами. Ключевыми словами в речах куршей, которые вступают в переговоры, являются два – мир (*pax*) и договор (*foedus*). «Мир уже угоден нам

больше, чем война, и мы желаем заключить с вами договор», – начинают речь представители куршей, а затем сообщают, что готовы на выплаты «в залог мира» (*pro munere foederis*). Эти же два слова потом употребляет агиограф, повествуя об окончании военного предприятия и отходе свеев от Апуоле. «Мир» выступает и целью, к которой стремятся обе стороны, и неким идеалом, ради которого одни готовы признать власть (*imperio*) других.

В древнерусской летописи тоже фигурирует понятие мира. Прежде всего, оно присутствует в рассказе о том, как Игорь и Олег захватили Киев, устранив Аскольда и Дира. В ПВЛ этот рассказ отделён от рассказа о «призвании варягов» в Новгород, но согласно моей реконструкции первоначального *Origo gentis russorum* оба эти рассказа составляли одно нарративное целое, – так текст и выглядит в статье 6362 (854) Н1мл., отразившей летописный свод, более ранний по сравнению с ПВЛ («Начальный свод», как назвал его А.А. Шахматов). В реконструируемом *Origo gentis russorum* упоминание мира занимает важное место – речь шла об установлении власти киевского князя над разнородным населением на территории от Новгорода до Киева. Первоначальный текст соответствующего фрагмента *Origo gentis russorum*, на мой взгляд, должен был выглядеть так: «сеи же Игорь нача грады ставити и дани устави словеномъ и варягомъ даяти, а от Новагорода 300 гривень на лѣто мира дѣля, еже и нынѣ дають» (Стефанович 2011. С. 28).

Упоминание мира, который гарантируется выплатой дани, составляет прямую аналогию речи куршей, как она передана в «Житии св. Ансгара». Более того, оба эти свидетельства (из Жития и из летописи) можно поставить в ряд с другими упоминаниями тех или иных выплат ради мира – чешского налога, известного в документах XII–XIII вв. как *tributum pacis*, а также дани с Готланда в Швецию ради «мира», упомянутой в «Гутасаге» (Стефанович 2013). Во всех случаях это – выплаты с населения, сохраняющего автономию, но признавшего господство некоей внешней власти. Именно понятие мира (широкое по смыслу, отсылавшее не только к покою, но и к безопасности, и справедливости) легитимизировало отношения господства-подчинения. По крайней мере, в глазах той власти, которая осуществляла это господство (а надо учитывать, что во всех случаях мы имеем дело с нарративами, которые создавались уже тогда, когда господство устоялось, в интересах соответствующих властей).

Таким образом, приходится говорить не только об аналогичной исторической ситуации, описанной в «Житии св. Ансгара» и летописном рассказе, но и об аналогиях в самих описаниях этой ситуации. Иными словами, речь идет, с одной стороны, об отражении в обоих текстах одних и тех же фактов и процессов, связанных с проникновением скандинавов

в среду автохтонных «племенных» общностей в «циркумбалтийском пространстве». Это проникновение сопровождалось установлением и развитием даннических отношений, которые могли служить основой дальнейшего политогенеза. С другой стороны, в описании возникавших конфликтов авторы обоих текстов прибегли к одной модели оправдания (легитимизации) этих отношений при помощи понятия «мир». Поскольку авторы работали совершенно независимо друг от друга, а кроме того, поскольку понятие мира фигурировало и в других раннесредневековых текстах, надо полагать, что эта модель была привычной и распространенной в раннее средневековье, отражая ментальные и идейные установки соответствующей среды – т.е. того самого населения, которое вступало в даннические отношения с пришлыми скандинавами. Следовательно, использование этой модели тоже отражало реальность – только не факты социально-политического характера, а некие представления, в рамках которых современники осмыслили эти факты.

В свете последнего вывода надо подчеркнуть, что авторы Жития и летописного рассказа развивали совершенно разные дискурсы и конструировали разные нарративы. Римберту вся история с покорением куршей служила доказательством успеха миссии Ансгара. Он стремился показать, что обращение к Христу помогло свеям в завоевании куршей – язычников, которых он воспринимал как диких варваров. В конечном счете, его интересовало распространение христианства в Северной Европе. Совсем иные цели преследовал автор *Origo gentis ressorum*. Ему надо было показать происхождение руси и легитимизировать власть потомков Рюрика над ней. Народности, призвавшие Рюрика и его братьев, тоже выставались в каком-то смысле варварскими – но имелось в виду не их язычество, а неспособность к поддержанию политического порядка («земля наша велика и обильна, а наряда у нас нету»). Тем показательнее, что в текстах, совсем разных по замыслу и стратегии, проявляется одна и та же модель осмысления отношений господства-подчинения – значит, ее использование было обусловлено не логикой нарратива, а самой реальностью, которую эти нарративы описывали.

А.В. Назаренко всегда ратовал за компаративные исследования. Сопоставление «Жития св. Ансгара» и древнерусской летописи показывает, что возможности этого подхода не исчерпаны даже там, где, казалось бы, «всё давно изучено». Сравнение позволяет не только раскрыть нарративные стратегии авторов, но и оценить отраженные в текстах реалии в историческом контексте. В смысле отражения реальности «Житие св. Ансгара» выглядит более достоверно, чем летописный рассказ – и потому, что оно было создано вскоре после описываемых событий, а не много спустя, как летописный рассказ (созданный точно не ранее начала

XI в., а может быть, и позже), и потому, что Римберт писал как сторонний наблюдатель (по отношению к борьбе свеев и куршей), а древнерусский летописец писал о своей собственной истории, будучи заинтересован в легитимизации власти потомков Рюрика. Описание военного похода свеев против куршей ставит под большое сомнение добровольность «призвания», на которой настаивал летописец. Разумеется, в конечном итоге конфликты вели к установлению мира, и в этом смысле сравнение Жития и летописи подтверждает исходные интенции современных исследователей, делающих акцент на договорных отношениях в установлении господства (Мельникова, Петрухин 1990). Вместе с тем, актуальной научной задачей представляется поиск адекватных исторических рамок и контекста этих отношений (архаичных и, в общем, довольно примитивных), и «Житие св. Ангара» предлагает в этом смысле показательную и поучительную аналогию рассказу о призвании варягов, рисуя гораздо более правдоподобную картину подчинения местного населения скандинавам, чем та, что была предложена в летописной легенде.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Коновалова И.Г., Мельникова Е.А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. М., 2018. [*Konvalova I.G., Melnikova E.A. Drevnyaya Rus' v sisteme evraziiskikh kommunikatsii IX–X vekov (Early Rus' in the System of the Eurasian Communications). Moscow, 2018.*]
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте раннесредневековой дипломатии // ДГ. 1990 год. М., 1991. С. 219–229. [*Melnikova E.A., Petrukhin V.Ya. «Ryad» legendy o prizvanii varyagov v kontekste rannesrednvekovoi diplomatii (The Ryad of the Legend of the Calling-in of the Varangians in the Context of the Early Medieval Diplomacy) // Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1990 god. Moscow, 1991. S. 219–229.*]
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. [*Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vekov (Early Rus' on the International Crossroads. Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, Political Relations of the 9th–12th Centuries). Moscow, 2001.*]
- Стефанович П.С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. 2011. № 12 (22). С. 5–35. [*Stefanovich P.S. Zagadochnoe Izvestie letopisi: drevneishaya dan' iz Novgoroda v Kiev (An Enigmatic Chronicle's Entry: the Earliest Tribute from Novgorod to Kiev) // Novgorodskii Istoricheskii Sbornik. 2011. N 12 (22). S. 5–35.*]

- Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // ДГ. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–583. [*Stefanovich P.S. «Skazaniye o prizvanii varyagov» ili Origo gentis russorum?* (The ‘Tale of Calling-in of Varangians’ or *Origo Gentis Russorum?*) // *Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2010 god: Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva.* Moscow, 2012. S. 514–583.]
- Стефанович П.С. Дань «мира деля» – что это значит? // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2013. № 3 (53). С. 127–128. [*Stefanovich P.S. Dan’ «mira delya» – shto eto znachit?* (The Tribute ‘for the Sake of Peace’ – What Does It Mean?) // *Drevnyaya Rus’*: *Voprosy medievistiki.* 2013. N 3 (53). S. 127–128.]
- Швеция и шведы в средневековых источниках / Перев., предисл., коммент. А.Д. Щеглова, В.В. Рыбакова, А.Ю. Кузиной. М., 2007. [*Shvetsiya i shvedy v srednevekovykh istochnikakh* (Sweden and the Swedes in the Medieval Sources) / *Perev., predisl., komment.* A.D. Shcheglova, V.V. Rybakova, A.Yu. Kuzinoj. Moscow, 2007.]
- Jansson I.* Gotland viewed from the Swedish mainland // *Viking-Age Trade: Silver, Slaves and Gotland* / Ed. J. Gruszczyński, M. Jankowiak and J. Shepard. L.; N.Y., 2021. P. 315–357.
- Mägi M.* In *Austrvegr. The Role of the Eastern Baltic in Viking Age Communication across the Baltic Sea.* Leiden; Boston, 2018.
- Vita Anskarii auctore Rimberto. Accedit Vita Rimberti* / Rec. G. Waitz. Hannover, 1884. (*Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis recusi*).

Petr S. Stefanovich

AN ANALOGY TO THE CHRONICLE’S ‘CALLING-IN OF THE VARANGIANS’ IN THE *LIFE OF ST ANSGAR*

The author of the article draws attention to the story in the *Life of St Ansgar* about the military campaign of the Swedes against the Curonians, which took place in 854. The *Life* was written by Ansgar’s pupil and successor Rimbart before 876. His information, confirmed by archaeological data, is reliable. The description of the campaign indicates that the Swedes plundered a Curonian city (most likely Grobinya) and besieged another one, Apuole, for a long time. The siege ended with negotiations and recognition of the Swedish dominance by the Curonians. They agreed to the payment of a one-time indemnity and a permanent tribute in the future. The author of the article suggests these events can serve as a historical background for the events described in the ancient Rus’ian story about the ‘calling-in of the Varangians’ which also tells about the interaction of alien Scandinavians with local peoples (‘tribes’) in

the middle of the 9th century. The story is not preserved in ancient Rus'ian chronicles in its original form, and the author follows its reconstruction according to the textual investigations of A.A. Shakhmatov. The author emphasizes that in the chronicle, just like in the *Life*, the main expression of dominance was the right to collect tribute on an ongoing basis.

Like in the *Life*, the chronicle stated that the population agreed to pay tribute for the sake of 'peace' and the author stresses the importance of this concept in archaic perceptions of power and justice. Tributary relations were interpreted and presented by the participants of the events themselves as contractual. At the same time, according to the story of the *Life*, the establishment of the power of the Swedes over the Curonians was the result of the usage of force, and this casts doubt on the idyllic story of the chronicle about the voluntary 'calling-in' of the Varangians by autochthonous peoples. The *Life* written in the 9th century offers a much more plausible picture of the subjugation of the local population to the Scandinavians than the legendary chronicle story, written no earlier than the beginning of the 11th century. On the whole, the author writes about a similar historical situation described in the *Life of Ansgar* and the chronicle story (the penetration of the Scandinavians into the Circum-Baltic space), and about analogies in the descriptions of this situation in the *life* and *chronicle* (one model of legitimization of relations between the Scandinavians and autochthonous residents using the concept of "peace").

Keywords: The Calling-in of the Varangians, the *Life of St Ansgar*, early state, tribute, concept of peace

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-208-219

В.Я. Петрухин

СЛОВЕНЕ И РУСЬ: ЭТНОНИМЫ ИЛИ ПОЛИТОНИМЫ?

В бесконечной дискуссии о значении имен *словене* и, особенно, *русь* возможности для интерпретации значения этих «очевидных» этнонимов во многом зависят от локализации «исходного» этнонима. Миграционистские конструкции распространения имени *русь* в пределах всего праславянского (балто-славянского) мира – от Средней Волги до Дуная подпитывает интерпретация археологического материала, при этом поиски начального – славянского племени *русь* концентрировались там, где это племя стремилось обнаружить еще Б.А. Рыбаков – в Среднем Поднепровье VI в. Традиционно несостоятельной объявляется при этом давно принятая филологами этимология имени *русь*, которое возводится к обозначению дружины – гребцов, идущих в поход на гребных судах: по мнению Б.А. Рыбакова и др. этноним должен отражать родовые истоки «народа». Именно в силу своей нейтральности в этническом – эпонимическом смысле (в отличие от патронимических «родовых» названия типа *кривичи* или *вятичи*) дружинное имя *русь* дало название государству *Русская земля*. Сами процессы миграции не были простым завоеванием чужих территорий: Византия (как и древний Рим) стремилась достичь договора с вторгающимися в империю варварами (например, на Балканах в эпоху расселения славян); то же происходило и в Балтийском регионе, если основываться на летописном «ряде» (договоре) о призвании варяжских князей. Этот «ряд» словен и кривичей с варяжской русью был продолжен «пактом» между русью («всеми росами») и «прочими славянами», засвидетельствованным Константином Багрянородным. «Бродячие» в пределах всей варварской периферии имена не только словен и руси, но и скифов и особенно их ираноязычных наследников аланов, распространивших свое название от Северного Кавказа до Западной Европы в эпоху переселения народов, были не просто этнонимами. В столкновении с миром цивилизации они приобретали функции *политонимов*, знаменующих равноправие обозначаемых ими народов с ромеями – *греками* (так в договорах руси X в.).

Ключевые слова: Русь, словене, варяги, историческая ономастика

В продолжающейся дискуссии о значении имен *словене* и, особенно, *русь* возможности для интерпретации значения этих «очевидных» этнонимов во многом зависят от локализации «исходного» этнонима. Эти возможности практически не ограничены, поскольку их локализация в ранних источниках предположительно фиксируется в широких пределах – от Дуная (Альп и Балкан) до Балтики. Если широчайшее славянское расселение в VI–X вв. достаточно определенно документируется письменными и археологическими источниками (традиционно дискутируется локализация «прародины»), то миграции руси и их кажущееся отражение в ономастике остаются преимущественно предметом гипотез и спекуляций. В.В. Седов пытался подкрепить старое отождествление начальной руси с народом *ерос*, который сирийский автор VI в. помещает к северу от Кавказа среди амазонок, псоглавцев и других монстров окраины античной ойкумены (Седов 2002. С. 255–294). Он стал искать праславянскую «антскую» русь на реконструированном А.В. Назаренко пути «из немец (альпийского Ругиланда) в хазары». А.В. Назаренко указал, однако, на несостоятельность этой конструкции и бесперспективность поисков некоей праславянской «антской» руси в VI в. (Назаренко 2001. С. 88–89).

Миграционистские конструкции распространения имени *русь* в пределах всего праславянского (балто-славянского) мира – от Средней Волги до Дуная подпитывает интерпретация археологического материала, при этом поиски начальной руси концентрировались там, где ее стремился обнаружить в середине XX в. Б.А. Рыбаков – в Среднем Поднепровье (ср.: Рыбаков 1953; Седов 2002. С. 255–294). Инициаторам недавней дискуссии представляется очевидной несостоятельность давно принятой филологами этимологии этого имени, которое возводится к обозначению дружины – гребцов, идущих в поход на гребных судах (см.: Дзибель 2021). Для филологов и скандинавистов (А. Куник, В. Томсен и др.; ср. из недавних публикаций: Стендер-Петерсен 2021. С. 197–198) после анализа источников, предпринятого еще Августом-Людвигом Шлёцером (см.: Шлёцер 1809. С. 317–330) и с учетом прибалтийско-финских обозначений Швеции (*Ruotsi* и т.п.) стали ясны исторические основы возведения в начальном летописании имени *русь* к варягам (при посредстве прибалтийской чуди).

С точки зрения скептиков это «профессиональное» обозначение не подходит для *этнонима*, куда надёжней возводить этноним к некоему обозначению кровного родства. Близкий подход давно уже сформулировал Б.А. Рыбаков, неверно понявший текст Никоновской летописи XVI в.: «Роди же нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху въ Ексинопонтѣ» (ПСРЛ. Т. IX. С. 13). Речь в летописной цитате из греческого

хронографа идет о *родах* – народах, угрожающих Восточной Римской империи, руси и половцах: вырвав из летописного контекста упоминание руси, исследователь принял слово *роди* за этноним – раннее наименование «русов» (Рыбаков 1953. С. 10). Вне зависимости от того, какой хронографический источник цитирует поздняя летопись, очевидно, что ситуация в Причерноморье относится им к половецкому (куманскому) времени, и не может увязываться с начальной русью (ср.: Творогов 1992. С. 58–59; Назаренко 2009. С. 370)¹.

Схожим образом, игнорируя контекст источников, возводят имя *русь* к нескандинавским лексическим основам – «родичи», праслав. *roud-sъ «сообщество людей с русыми/рыжими волосами» (Максимович 2021; этимология, распространенная со времен того же Шлэцера: Шлэцер 1809. С. 61) и т.п. Эта игра с лексическими формами, основанная на убеждении, что этнонимия развивается в пределах «родного» языка и не терпит иноязычных заимствований, лишается смысла при обращении к историческому контексту. Уже первое упоминание «народа Рос/Rhos» Бертинскими анналами (839 г.) демонстрирует *не* прямолинейность (примордиализм) этнических связей: люди Рос признаются в Ингельхайме, что они «от рода свеонов» (да еще подвластны правителю, носившему хазарский титул – *хакан*). Давно было ясно, что с точки зрения «чисто» этнической ономастики это заявление выглядит как дезинформация, ибо среди свеонов/свеев не существовало этнического объединения, именовавшего себя «Рос». Как дезинформацию воспринял это заявление и император Людовик Благочестивый, задержавший людей «Рос» по подозрению в шпионаже. Непонятным, с точки зрения этнического примордиализма остается эта ситуация и для современных исследователей, в том числе для А.П. Толочко, хотя он и следует давнему представлению А.А. Шахматова о начальной руси как о торговой корпорации: «мы никогда не узнаем, что за *народ Рос* представляли свеоны» (Толочко 2015. С. 113).

Ситуацию проясняет начальное летописание: и дело не в том, что ПВЛ «примордиально» помещает народ *русь* среди варяжских «языков» – такова была обязанность монаха-летописца, знавшего, что *русь* была призвана вместе с варяжскими князьями из-за моря. «Примордиальный» взгляд на этнические генеалогии присущ был библейской картине мира,

¹ О.В. Творогов установил, что славянский переводчик «Хроники Зонары» (XII в.) заменил анахроничное с точки зрения летописи отождествление руси со скифами на сопоставление с «синхронными» куманами-половцами (Творогов 1992. С. 59). В византийской традиции все жители Северного Причерноморья отождествлялись с античными скифами (тавроскифами и т.п.), что способствовало гипотезам о «скифском» (иранском) происхождении имени *русь*; еще более глубокое – индоарийское происхождение предполагал О.Н. Трубочев (ср.: Назаренко 2009. С. 370–371), но гипотеза об индоарийском наследии в Причерноморье не была принята специалистами (Грантовский, Раевский 1984).

и составитель ПВЛ должен был определить место крещеного народа русь в этой картине, среди потомков Иафета. Проясняет ситуацию первая – новгородская – редакция этой летописной конструкции. Со времен А.И. Соболевского было очевидно, что начальная история руси была сокращена составителем НПЛ, стремившимся продемонстрировать первенство Новгорода перед Киевом и Русской землей в узком смысле (в Среднем Поднепровье; ср.: Соболевский 1905; Петрухин 2017. С. 58–70) в новой исторической реальности – в послемонгольское время².

Кажущуюся несообразность варяжской легенды ПВЛ А.А. Шахматов стремился объяснить позитивистски: якобы летописец знал (откуда-то), что в Скандинавии нет народа русь, поэтому в варяжской легенде утверждалось, что призванные князья «попяша по собѣ всю русь» (ПВЛ. С. 13; Шахматов 2002. С. 234)³. «Вся русь», однако, – не конструкция летописца, а характерное для начального летописания (и договоров с греками) обозначение *дружины*: составитель НПЛ заменяет непонятное для новгородцев в средневековое время словосочетание «вся русь» на слова «попяша со собою дружину многу [и предивну]» (НПЛ. С. 106; Шахматов приписывал эту *конструкцию* гипотетическому Начальному своду). Дружинное имя актуализировалось именно тогда, когда участники похода должны были использовать гребные суда, пересаживаясь на них в Ладогe («первая столица» призванного Рюрика) и надеясь использовать на Рейне (в Ингельхайме). Впрочем, и в морском походе (на пути из варяг в греки) именно *гребцы* составляют организующую часть войска: недаром Олег в той части договора с греками, которая была заключена под стенами Царьграда в 907 г., потребовал дани «на ключь» (ПВЛ. С. 17) – уключину.

Имя *русь* действительно имеет славяно-русское происхождение, ибо отражает в славянском языке прибалтийско-финское наименование скандинавских выходцев из-за моря (Швеции) – *Ruotsi/Rootsi*. И хотя это наименование в современных финском и эстонском означает Швецию, согласно давней общепринятой, неоднократно ошельмованной, но никем не опровергнутой этимологии, оно отражает не этнос, а *занятие* людей,

² Это время именуется в НПЛ «последним»; предисловие новгородской летописи завершается констатацией монгольского завоевания: за греховность («несытоство») русской элиты «навелъ богъ на ны поганяя, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть» (НПЛ. С. 104). Упрек в «несытостве» – цитата из Толковой Пален в апокрифическом завете пятого сына Иакова патриарха Иссахара; тот же источник цитирует компилятивное «Послание инока Саввы на жидовъ и на еретики» (1488): «Но вижьте, чяда моя, яко в послѣдняя лѣта оставят (сынове) ваши простоту, и прилѣпятся несытству <...> и раби будут врагом своим» (цит. по: О ереси жидовствующих).

³ Ср. о «риторическом» и вероятном греческом происхождении этого выражения: Назаренко 2009. С. 264–265; обозначение совокупности всего правомочного коллектива – *все кривичи, весь Новгород* и т.п. характерно, однако, для древнерусской лексики.

направляющихся в Восточную Европу – «гребцы, участники похода на гребных судах» (<*rōpeR: см.: Мельникова, Петрухин 1989). Начальную летопись не интересовала эта историческая специфика, ее задача была «примордиальной» – найти место руси как «нового народа» в библейской традиции.

Эта задача, заявленная в самом начале летописи («откуда есть пошла Русская земля») игнорируется в историографических конструкциях направленных на разоблачение «примордиализма» и настаивающих, что «вероисповедный принцип был главным в средневековье» (ср.: Дмитриев 2021. С. 270 и сл. – вслед за формулировкой М.М. Крома). Библейская традиция, авторитет которой признавался всеми последователями «авраамических» религий, была не «вероисповедной», а конфессионально нейтральной и позволяла определить место новых народов (в том числе «языческих») в библейской картине мира. Поэтому иудейские («Иосиппон») и мусульманские авторы размещают русь, славян и прочих среди потомков Иафета (Петрухин 2017. С. 85–90; Калинина 2021. С. 218–235)⁴.

Существенно также, что имя *русь* было нейтральным и в этническом – эпонимическом смысле (в отличие от патронимических «родовых» названий типа, *кривичи* или *вятичи*)⁵, оно дало название государству *Русская земля*. По заключению А.А. Шахматова, в XI–XII вв. живо было представление «о том, что имя Руси – это имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов... На юге поляне получили имя Руси, широко распространявшееся затем всюду, куда проникает княжеский, данщик, где садится княжеский дружинник» (Шахматов 2002. С. 224 и сл.). Распространение имени *русь* в тех границах, в которых распространялся по летописи *словенский язык*, от Дуная (где хотел обосноваться в X в. Святослав) до Балтики заставляет обратить внимание

⁴ Конфессионально нейтральными оставались и этнические генеалогии: Иван Грозный в послании Юхану III (1573 г.) отождествляет варягов, служивших русским князьям, с немцами (БЛДР 2001. С. 130), осовременивая этническую генеалогию Начальной летописи – там этникон *варяги*, а не немцы, использовался как термин, объединяющий народы («языки») северогерманского мира («Афетово бо и то колѣно: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне»: ПВЛ. С. 8; ср. уже у Шлёцера: 1809. С. 100, 330). В соответствии со сказанием о призвании варягов свой царский род Грозный выводил «от нѣмец», что не противоречило принятой в этом «роде» официальной генеалогии: царевич Иван Иванович характеризовал себя как «многочестного Ивана колѣна Августова отъ племени Варяжска, родомъ Русина»; он создавал список жития северорусского святого Антония Сийского «близъ восточныя страны, межъ прѣдель Словенскихъ и Варяжскихъ и Агаряньскихъ, иже нарицается Русь по рѣкѣ Русѣ» (Карамзин 1989. Т. IX. Примеч. 612. С. 138). Конфессиональный смысл не отменял и не подменял исторического – этнического даже в риторических конструкциях, связанных с антилатинской полемикой: ученый грек XII в. митрополит Никифор возводил раскол между «ветхим» Римом и Константинополем ко времени вандалского завоевания, когда поменялся этнос господ Рима, когда «покорени быша римлянь, иже латина наричеться, от уандиль, иже нарицаются нѣмцы, и устрѣмишася на ины обычаи паче церковных» (Поньрко 1992. С. 74).

⁵ Имя *русьичи* – гапак «Слова о полку Игореве».

на актуальность для исторического понимая ономастики тех регионов, где новые общности «прорывались» в мир цивилизации и на страницы его исторических сочинений. Таким образом *словене* получили свое имя, прорвав византийскую границу на Дунае в VI в. и актуализировали это «дунайское» имя на Балтике, столкнувшись с чужими по языку чудью и варягами. Процесс миграции не был простым завоеванием чужих территорий – Византия (как и древний Рим) стремилась достичь договора с вторгающимися в империю народами: эта ситуация характерна для Балкан в эпоху расселения славян (а с ними *протоболгар*: Свод. Т. II. С. 279, 315; ср.: Константин Багрянородный 1991, по указателю) и Балтики, если основываться на летописном «ряде» (договоре) о призвании варяжских князей. Этот «ряд» словен и кривичей с варяжской русью был продолжен «пактом» между русью («всеми росами») и «прочими славянами», засвидетельствованным Константином Багрянородным уже в середине X в. (Константин Багрянородный 1991. С. 45). Византийская традиция остается актуальной для средневековой Руси, что отразилось в цитированном пассаже Никоновской летописи, где скифы заменены половцами-куманами, также угрожавшими Восточной Римской империи.

Словене и русь не были первыми «варварами», стремившимися прорвать границу цивилизации: на той же дунайской границе и на Балканах синхронную угрозу империи создавали болгары, о чем свидетельствует и русская начальная летопись: «Словѣньску же языку, живушю на Дунаи, придоша от скуфь, рекше от козарь, рекомии болгаре и сѣдоша по Дунаеви <...> Посемь придоша угри бѣлии» (венгры: ПВЛ. С. 10); ту же хронографическую конструкцию повторяет Никоновская летопись (ПСРЛ. Т. IX. С. 4). Все эти выходцы из Причерноморья отождествлялись со скифами («ся зваху от грекъ Великая Скуфь»: ПВЛ. С. 10). «Бродячие» в пределах всей варварской периферии имена исторических скифов и их ираноязычных наследников аланов, распространивших свое название от Северного Кавказа до Западной Европы в эпоху переселения народов, были не просто этнонимами. В столкновении с миром цивилизации они приобретали функции *политонимов* (ср.: Щукин 2005. С. 422 и сл.; Скрипкин 2010. С. 288–293), обозначающих равноправие с ромеями – *греками* (так в договорах руси X в.) (ср.: Белова, Петрухин 2019; Мельникова 2022).

- Белова О.В., Петрухин В.Я.* Почитание «чужих» богов: историко-этнографические заметки // Этнография. 2019. № 3 (5). С. 86–108. [*Belova O.V., Petrukhin V.Ya.* Pochitanie «chuzhikh» bogov: istoriko-etnograficheskie zametki (Worship of ‘Alien’ Gods: Historical and Ethnographical Notes) // Etnografia. 2019. № 3 (5). S. 86–108.]
- БЛДР. СПб., 2001. Т. 11. [Biblioteka literatury Drevnej Rusi (Library of Literature of Ancient Rus’). St-Petersburg, 2001. T. 11.]
- Грантовский Э.А., Раевский Д.С.* Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 47–65. [*Grantovskij E.A., Raevskij D.S.* Ob iranoyazychnom i «indoarijskom» naselenii Severnogo Prichernomor’ya (On the Iranian-language-speaking and ‘Indoarian’ Population of the Northern Littoral of the Black Sea) // Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor’ya. Lingvistika, istoriya, arheologiya. Moscow, 1984. S. 47–65.]
- Дзибель Г.В.* О происхождении этнонима русь и рода Рюриковичей: взгляд на славяно-финно-скандинавское культурное пограничье IX–XI вв. с позиции антропологии родства // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 80–99. [*Dzibel G.V.* O proiskhozhdenii etnonima rus’ i roda Ryurikovichej: vzglyad na slavyano-finno-skandinavskoe kul’turnoe pogranich’e IX–XI vv. s pozicii antropologii rodstva (On the Origin of the Ethnic Name Rus’ and the Rurikids’ Clan: A Look at the Slavic-Fennic-Scandinavian Cultural Frontier of the 9th to 11th Centuries from the Point of View of the Anthropology of Kinship) // Etnograficheskoe obozrenie. 2021. № 4. S. 80–99.]
- Дмитриев М.В.* «Русский народ» или «люди Божии»? // POLYSTORIA: Бог, Рим, народ в средневековой Европе / Сост. М.А. Бойцов, О.В. Воскобойников. М., 2021. С. 256–305. [*Dmitriev M.V.* «Russkij narod» ili «lyudi Bozhii»? (The ‘Russian Nation’ or the ‘People of God’?) // POLYSTORIA: Bog, Rim, narod v srednevekovoj Evrope / Sost. M.A. Bojcov, O.V. Voskoboynikov. Moscow, 2021. S. 256–305.]
- Калинина Т.М.* Этиологическая и этимологическая легенды персидского писателя XI в. Гардизи о славянах // ДГ. 2021 год. М., 2021. С. 218–235. [*Kalinina T.M.* Etiologicheskaya i etimologicheskaya legendy persidskogo pisatelya XI v. Gardizi o slavyanah (Ethiological and Etymological Legend of the Eleventh-Century Persian Writer Gardizi on the Slavs) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2021 god. Moscow, 2021. S. 218–235.]

- Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Т. IX, Кн. 3. [*Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo (The History of the Russian State). Moscow, 1989. T. IX, Kn. 3.*]
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. Изд. 2-е. М., 1991. [*Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej. Tekst, perevod, kommentarij (Constantine Porphyrogenitos. De administrando imperii. Text, Transl., Comment) / Pod red. G.G. Litavrina, A.P. Novoselceva. Izd. 2-e. Moscow, 1991.*]
- Максимович К.А.* *Rodici – ruotsi – русь: критические заметки к новой этимологии старого этнонима // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 99–105. [*Maksimovich K.A. *Rodici – ruotsi – rus’*: kriticheskie zametki k novej etimologii starogo etnonima (**Rodici – ruotsi – rus’*: Critical Comments on the New Etymology of the Old Ethnic Name) // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2021. № 4. S. 99–105.]
- Мельникова Е.А.* На перекрестье язычества и христианства: клятвы мира на Руси и в Исландии // ДГ. 2022 год: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений / Отв. ред. тома Е.А. Мельникова, Е.В. Литовских. М., 2022. С. 109–126. [*Melnikova E.A. Na perekrest'e yazychestva i hristianstva: klyatvy mira na Rusi i v Islandii (At the Crossroad of the Paganism and Christianity: Oaths of Peace in Rus' and Iceland) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2022 god: Rol' religii v formirovanii sociokul'turnyh praktik i predstavlenij / Otv. red. toma E.A. Melnikova, E.V. Litovskikh. Moscow, 2022. S. 109–126.*]
- Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 24–38. [*Melnikova E.A., Petrukhin V.Ya. Nazvanie «Rus'» v etnokul'turnoj istorii Drevnerusskogo gosudarstva (The name Rus' in the Ethno-Cultural History of the Old Russian State) // Voprosy istorii. 1989. № 8. S. 24–38.*]
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей. М., 2001. [*Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah. Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej (Ancient Rus' on the International Roads. Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Connections). Moscow, 2001.*]
- Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. М., 2009. (ДГ. 2007 год). [*Nazarenko A.V. Drevnyaya Rus' i slavyane (Ancient Rus' and the Slavs). Moscow, 2009 (Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2007 god).*]
- О ереси жидовствующих. Новые материалы, собранные С.А. Белокуровым, С.О. Долговым, И.Е. Евсеевым и М.И. Соколовым. М., 1902. [О ереси

zhidovstvuyushchih (On the Heresy of the Judaizers). *Novye materialy, sobrannye S.A. Belokurovym, S.O. Dolgovym, I.E. Evseevym i M.I. Sokolovym*. Moscow, 1902.]

Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2017. [*Petrukhin V.Ya.* Rus' v IX–X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very (Rus' in the 9th and 10th Centuries. From the Invitation of the Varangians to the Choice of Confession). Moscow, 2017.]

Поньрко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. СПб., 1992. [*Ponyrko N.V.* Epistolyarnoe nasledie Drevnej Rusi (The Epistolary Heritage of Ancient Rus'). St-Petersburg, 1992.]

Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. 1953. Вып. XVII. С. 23–104. [*Rybakov B.A.* Drevnie rusy (Old Russes) // *Sovetskaya arheologiya*. 1953. Vyp. XVII. S. 23–104.]

Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин и др.; отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1995. Т. II. [*Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah* (The Corpus of the Earliest Written Reports on the Slavs) / Sost. L.A. Gindin, S.A. Ivanov, G.G. Litavrin i dr.; отв. red. L.A. Gindin, G.G. Litavrin. Moscow, 1995. T. II.]

Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. [*Sedov V.V.* Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie (The Slavs. The Historical and Archaeological Study). Moscow, 2002.]

Скрипкин А.С. Сарматы и Восток. Волгоград, 2010. [*Scripkin A.S.* Sarmaty i Vostok (The Sarmatians and the East). Volgograd, 2010.]

Соболевский А.И. Древняя переделка Начальной летописи // ЖМНП. СПб., 1905. Ч. CCCLVIII. Март. Отд. 2. С. 100–105. [*Sobolevskij A.I.* Drevnyaya peredelka Nachal'noj letopisi (Ancient Remake of the Initial Chronicle) // *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. St-Petersburg, 1905. Ch. CCCLVIII. Mart. Otd. 2. S. 100–105.]

Стендер-Петерсен А. Варангика: историко-филологические изыскания / Пер. В.И. Матузовой; под общей ред. Е.А. Мельниковой. М., 2021. [*Stender-Petersen A.* Varangika: istoriko-filologicheskie izyskaniya (Varangica: Historical-Philological Studies) / Per. V.I. Matuzovoj; pod obshchej red. E.A. Melnikovoj. Moscow, 2021.]

Творогов О.В. Сколько раз ходили на Царьград Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59. [*Tvorogov O.V.* Skol'ko raz hodili na Car'grad Askol'd i Dir? (How Many Times Did Askold and Dir Attack Tsar'grad?) // *Slavyanovedenie*. 1992. № 2. S. 54–59.]

Толочко А.П. Очерки начальной руси. Киев; СПб., 2015. [*Tolochko A.P.* Ocherki nachal'noj rusi (The Essays on the Initial Rus'). Kiev; St-Petersburg, 2015.]

- Шахматов А.А.* История русского летописания. В 2 кн. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах / Отв. ред. В.К. Зиборов, В.В. Яковлев. СПб., 2002. [*Shahmatov A.A.* Istoriya russkogo letopisaniya (The History of Russian Chronicle-Writing). V 2 kn. Kn. 1. Razyskaniya o drevnejshih russkih letopisnyh svodah / Отв. ред. V.K. Ziborov, V.V. Yakovlev. St-Petersburg, 2002.]
- Шлёцер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудовиком Шлёцером / Пер. с нем. Д. Языкова. Ч. 1. СПб., 1809. [*Schlözer A.L.* Nestor. Russkie letopisi na drevneslavyanskom yazyke, slichennyye, perevedennyye i ob'yasnennyye Avgustom Ludovikom Schlöcerom (Nestor. Russian Chronicles in Old Slavonic Collated, Translated and Interpreted by August Ludvig Schlözer) / Per. s nem. D. Yazykova. Ch. 1. St-Petersburg, 1809.]
- Щукин М.Б.* Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005. [*Shchukin M.B.* Gotskij put'. Goty, Rim i chernyahovskaya kul'tura (The Goths' Path. The Goths, Rome, and the Chernyakhov Culture). St-Petersburg, 2005.]

Vladimir Ya. Petrukhin

THE *SLOVENE* AND THE *RUS'*: ETHNIC OR POLITICAL NAMES?

In the endless discussion about the meaning of the names *Slovene* and, especially, *Rus'*, the possibilities for interpreting the meaning of these 'obvious' ethnic names largely depend on the localization of the 'original' ethnic name. Migrationist constructions of the distribution of the name *Rus'* within the entire Proto-Slavic (Balto-Slavic) world – from the Middle Volga to the Danube – are fueled by the interpretation of archaeological material, while the search for the initial Slavic tribe *Rus'* concentrated in the Middle Dnieper of the 6th century (B.A. Rybakov strived to find this 'tribe' there). Traditionally, the search for the etymology of the name *Rus'* based on the assumption that an ethnic name should reflect the ancestral origins of the people, though it has long been accepted by philologists that the name *rus'* was a designation of a military band – "rowers going on a campaign on rowing ships". It is precisely this band that gave the name *Rus'* to the state – the Russian land because it was neutral in the ethnic sense (in contrast to the patronymic 'generic' names like *Krivichi* or *Vyatichi*). The migration processes themselves were not a simple conquest of foreign territories: Byzantium (like ancient Rome) sought to reach an agreement with the 'barbarians' invading the Empire in the Balkans. The same situation occurred in the Baltic region when the Slavs signed the treaty with the Varangians (the chronicle *ryad* defining the invitation of the Varangian princes). This treaty of the Slovenians and the *Krivichi* with Varangian *Rus'* was repeated by the *pact* between the *Rus'* and the 'other Slavs' attested by Constantine Porphyrogenitus. 'Wandering' within

the entire barbarian periphery, names *Slovene* and *Rus'*, as well as the names of the Scythians and especially their Iranian-speaking heirs the Alans, were not just ethnic names. In the clash with the civilized world, they acquired the functions of political names, symbolizing the equality of the nations designated by these names with the Romans – Greeks of the Old Russian literature.

Keywords: Rus', Slovene, Varangians, historical onomastic

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-220-230

Е.А. Мельникова

СКАНДИНАВИЯ НА ПУТЯХ К ХРИСТИАНИЗАЦИИ, IX–X ВЕКА

Еще до крещения правителей Скандинавских стран и введения христианства как официальной религии скандинавы на протяжении нескольких столетий знакомы с христианскими практиками и представлениями, с одной стороны, в ходе торговых контактов, викингских походов, наемничества в странах Западной и Восточной Европы, через захваченных во время походов христиан; с другой – благодаря миссиям из Германии и Англо-Саксонской Англии. В противоположность традиционному взгляду на первостепенную роль миссий, особенно из Гамбург-Бременского архиепископства, в новейшей историографии им отводится незначительное место, поскольку их результаты – под которыми понимается крещение правителей и знати – «ничтожны». Представители обоих направлений опираются по преимуществу на информацию письменных источников. Другим важным, но мало изученным и не обобщенным до сих пор источником по проблемам «христианизации до христианизации» являются археологические материалы, которые могут пролить свет на время, интенсивность и формы проникновения христианства на Север. Целью настоящей статьи является попытка собрать хотя бы часть археологических материалов, свидетельствующих о проникновении христианства в языческую Скандинавию, и дать их предварительную интерпретацию в сопоставлении со сведениями письменных источников. Основные категории возможных свидетельств в материальной культуре: погребальный обряд, артефакты, строительство церквей. Однако интерпретация как отдельных погребений, так и находок, например, крестиков или крестообразных подвесок как христианских требует большой осторожности, поскольку далеко не всегда может быть однозначной. В наилучшей степени к настоящему времени изучены – в контексте рассматриваемой проблемы – материалы крупных некрополей, прежде всего Бирки, а также строительства ранних церквей, предшествующих каменным храмам XII–XIII вв. Эти материалы показывают, что наибольшая концентрация христианских погребений и возведение церквей (миссионерами или христианами-неофитами) наблюдается в районах интенсивной миссионерской деятельности. Это указывает на ее достаточную плодотворность в распространении христианских идей в Скандинавии IX–X вв. Наряду с церквями, построенными миссионерами в крупнейших торговых центрах, таких

как Бирка, Хедебю, Риббе, здания, предназначенные для богослужений, как правило очень небольших размеров, возводились принявшими христианство представителями знати или богатыми бондами на своих усадьбах.

Ключевые слова: Скандинавия, христианизация, миссии, инфльтрация, письменные источники, материальная культура

Как в скандинавской, так и вообще в международной историографии¹ до последнего времени абсолютно доминировало представление о проникновении, а затем и распространении христианства в Скандинавских странах исключительно в результате миссионерской деятельности (Finnestad 1990; Nordens kristnande 1994; Hellström 1996; Kristnandet i Sverige 1996). При этом главным, если не единственным проводником христианства считалось Гамбург-Бременское архиепископство, которое уже в IX в. было наделено полномочиями осуществлять христианизацию языческих народов севера². Формированию этой историографической традиции в значительной степени способствовало состояние письменных источников: наиболее ранние и подробные из них, «Житие св. Ансгария» Римберта (ок. 830–888; Vita Anskarii auctore Rimberto 1884; Римберт 2007) и «Деяния гамбургских архиепископов» Адама Бременского (до 1050–1081 или 1085; Adam Bremensis 1917; Рыбаков 2012), происходили из самого архиепископства и имели своей целью прославление его деятельности, в том числе миссионерской.

На протяжении последних десятилетий, однако, эти тенденции были поколеблены (Brink 2004; Brink 2008. P. 621–622). С одной стороны, была продемонстрирована тенденциозность Римберта и Адама в изображении миссионерской деятельности Гамбург-Бремена (Saywer 1987). Было убедительно показано, что «Деяния гамбургских архиепископов» – сочинение апологетическое, главная цель которого – о чем Адам прямо пишет в своем вступлении к книге – состоит в прославлении гамбургской церкви, в демонстрации ее достижений на ниве христианизации народов Севера, в описании духовных подвигов гамбургских клириков и иерархов. Адам не только подчеркивал действительно ведущую роль Гамбург-Бремена в христианизации Скандинавии, но и замалчивал или объявлял неправомочными христианские миссии из Кентербери или других церковных центров Европы. Таким образом, Адам ставил перед собой вполне конкретную цель, которая не могла не влиять и на отбор освещаемых им

¹ Не исчерпывающую, но достаточно подробную библиографию трудов, посвященных христианизации Скандинавских стран см. в кн.: Christianization and the Rise of Christian Monarchy 2007; она также опубликована на сайте <https://christianization.hist.cam.ac.uk/bibliographies.html>.

² Буллы пап Григория IV 831/2 г. и Николая I 864 г. (May 1937. № 18 и 42, P. 8, 13–14).

событий, и на их интерпретацию. В соответствии с этой целью Адам создал собственную историю христианизации народов Севера, в которой Гамбургской церкви отводилось доминирующее положение.

С другой стороны, было обращено внимание на влияние английской церкви, особенно в конце X – первой половине XI в., на процесс христианизации по меньшей мере Норвегии, но также Дании и Швеции. Эта проблема была поставлена еще в позапрошлом веке А. Тарангером (Taranger 1890), но его книга долгое время оставалась не оцененной, и изучение этой проблемы началось лишь в 1970-е гг. (Birkeli 1971; Abrams 1995a, 1995b и др.). Непрерывные связи со скандинавскими политическими образованиями в Англии конца IX – X в. и образование англо-датско-норвежской империи Кнута Великого в первой трети XI в. существенно ускорили христианизацию Норвегии. Наконец, уже в XXI в. был поставлен вопрос о вкладе восточнохристианской церкви в христианизацию прежде всего Швеции (Хагланд 2004; Melnikova 2005; Мельникова 2018), который традиционно *a priori* отвергается особенно шведскими религиоведами (критику см.: Lind 2013), в первую очередь потому, что нет доказательств существования христианских миссий из Византии в Скандинавию³. Между тем, восточноевропейские влияния вряд ли стоит недооценивать: с начала X в. поток скандинавских купцов и воинов в Византию усиливается, достигая пика в конце X – первой половине XI в. Как и скандинавы, оседавшие в Восточной Европе с VIII в., они знакомятся там с христианскими догматами и практиками, принимают крещение и возвращаются, принося новую веру и на Русь, и на Север (Från Bysanz till Norden 2005). Не случайно древнерусские летописцы связывают все случаи проявления христианства до крещения князя Владимира с варягами (Melnikova 2005).

Расширению представлений о географии источников христианства в Скандинавии сопутствовал существенный пересмотр форм его проникновения на Север (The Cross Goes North 2003; Winroth 2012). Ныне не вызывает сомнений важная роль инфильтрации христианских идей и практик в результате походов викингов, прежде всего благодаря их временной службе, а также оседанию в странах, где уже давно утвердилось христианство: в Англии, Франкии, Византии. Там скандинавы знакомы с христианством, его догмами и обрядами и нередко принимали крещение (Мельникова 2013). Определенную роль в проникновении христианских идей в Скандинавских странах играли христиане-выходцы из стран Запада, оказавшиеся на Севере – в значительной части не по

³ Предположение А. Шёберга о русской миссии в Швеции в середине XI в., которую возглавлял упоминаемый Адамом бременским шведский епископ Осмунд (Sjöberg 1985), было вполне справедливо отвергнуто (дискуссию о епископе Осмунде см.: Рыбаков 2008. С. 103–142; Fairweather 2014).

своей воле: монахи и простые люди, захваченные в плен викингами и привезенные ими домой в качестве рабов.

Одновременно значительно большее внимание стали привлекать случаи «официального» принятия христианства правителями Скандинавских стран, что рассматривается теперь большинством исследователей не столько в конфессиональном, сколько в политическом аспекте: в контексте становления национальных государств (Lindkvist 1996; Sanmark 2002; Bagge 2005; 2014; Christianization and the Rise of Christian Monarchy 2007), а также отношений со странами христианского мира, прежде всего Франкией, а позднее с Германией. По словам шведской исследовательницы А. Санмарк, «для широкой христианизации был необходим, хотя и недостаточен, обращенный [в христианство] правитель. Миссионеры, не получавшие поддержки правителя-христианина могли обратиться лишь немногих» (Sanmark 2003. P. 551).

Признание разнообразия путей христианизации Скандинавских стран привело, во-первых, к осмыслению христианизации как длительного процесса и к расширению ее хронологических рамок. Если ранее начальным ее моментом считались миссии Ангария (с 826 по 865 гг.), то теперь первые случаи знакомства скандинавов с христианством уверенно возводятся к эпохе Карла Великого, а, возможно, и к более раннему времени вплоть до IV в. н.э. (Skre 1997, P. 3–4 и др.). Завершением процессов христианизации принято считать время становления приходской системы (XII в.). Во-вторых, были сделаны попытки периодизировать эти процессы. П. Фут предложил разделять *conversion moment* («момент христианизации»), т.е. время официального введения христианства как государственной религии в той или иной стране, и *conversion period* («период христианизации»), т.е. время латентного проникновения христианских идей на север, как два основных этапа в процессе христианизации Скандинавии (Foote 1993. P. 137–144). Три периода в процессе христианизации Скандинавских стран обособил А. Винрот: периоды миссий (начиная с Ангария), крещения правителей (ок. 960–1020 гг.) и институализации церкви (Winroth 2012. P. 104). Ф. Биркели также выделил три стадии (stages) христианизации Норвегии, но, как и П. Фут, учел длительный период инфильтрации христианских идей, за которым следовали миссии и становление церковной организации (Birkeli 1973. P. 14). Представляется, однако, что вряд ли возможно говорить о скольконибудь последовательных «стадиях» христианизации, поскольку начавшееся не позднее VIII в. знакомство скандинавов с христианской культурой Западной Европы было дополнено миссионерской деятельностью из Германии в IX в. и Англии, вероятно, во второй половине X в. Начало же церковного строительства в Скандинавских странах во второй половине

X – XI в. после *conversion moment* отнюдь не завершило христианизацию северных народов: постепенное усвоение христианства и его институализация продолжались еще долгое время. Поэтому более точным было бы говорить, не об «этапах» («стадиях»), т.е. хронологически последовательных периодах христианизации, а о трех ее формах, частично существовавших во времени, но принципиально отличавшихся друг от друга.

При всей обширности литературы последних десятилетий, посвященной проблемам христианизации Скандинавских стран, один вопрос, который кажется мне чрезвычайно важным, сколько-нибудь полноценного освещения не получил. Это вопрос о тех следах, которые оставила «христианизация до христианизации» в письменных источниках и в материальной культуре. Многочисленные и разнообразные свидетельства проникновения христианских представлений и практик, прежде всего в археологическом материале, разбросаны по публикациям конкретных памятников или обсуждаются в связи с ними, но никоим образом не обобщены и не осмыслены как единый комплекс. Попытка собрать хотя бы часть материалов, наиболее ярких, но далеко не исчерпывающих, а также дать их предварительную интерпретацию составляют цель настоящей статьи.

* * *

Первым путем христианизации была инфильтрация – длительное и постепенное знакомство скандинавов с христианскими догмами и практиками в ходе их непосредственных контактов с христианским миром, последующая адаптация христианских идей – частично методом соположения («апроприации») внешне сходных (но по существу принципиально различных) элементов⁴ и, наконец, обращение в новую веру. Она началась даже не вместе с первыми походами викингов в Западную Европу (условная дата их начала – нападение на монастырь св. Кутберта на о. Линдисфарн в 793 г.), а значительно раньше – контакты скандинавов, в первую очередь торговые (Вагга 1971), с Меровингской Франкией, Англией и Ирландией VII–VIII вв. ныне хорошо прослежены в археологическом материале (Hedeager 2011). Многочисленны и сообщения о крещении викингов в Каролингскую эпоху во франкских анналах, Англо-Саксонской хронике и других источниках (Levine 1991; Мельникова 2013; Abrams 2020). Продолжались они на протяжении всей эпохи викингов.

⁴ Например, отождествление Христа с Богом-Отцом и восприятие его в качестве всемогущего небесного конунга (Boyer 1987. См. также: Russell 1994; Goetz 2012).

Инфильтрация была эффективной формой христианизации, особенно с учетом организации скандинавских обществ, в которых коллективное принятие решений на тингах оставалось по меньшей мере до середины XI в. основным способом регулирования отношений в социуме. Ярким примером является принятие христианства в Исландии на альтинге 1000 г. По археологическим данным, ирландские монахи-отшельники, о которых упоминает Ари Торгильссон и которых застали первопоселенцы, появились в Исландии уже ок. 800 г.: в пещере Kverkarhellir у хутора Seljaland в южной четверти обнаружены следы монашеского поселения (Ahronson 2002). Среди исландских первопоселенцев значительная часть которых прибыла на остров из Англии, Шотландии и Ирландии⁵, было уже немало христиан, как, например, Ауд Мудрая. Однако большинство их потомков вернулось в язычество, и та же Ауд была похоронена по языческому обряду под курганом. После первоначального заселения острова приток христиан, поселенцев и рабов, продолжался, а во время викингских походов и особенно торговых поездок в Англию и Ирландию знакомство исландцев с христианством расширялось и углублялось. К самому концу X в. число христиан, как рядовых жителей, так и представителей знати, включая годи, в Исландии было настолько велико, что в 1000 г. они оказались равными по силе противниками тех исландцев, которые хотели сохранить язычество. Под давлением норвежского конунга Олава Трюггвасона, после нескольких неудачных миссий угрожавшего нападением на остров, и поставленный перед угрозой гражданской войны между христианами и язычниками законоговоритель Торгейр Торкельссон, сам язычник, пошел на компромисс. Он постановил, что отныне по закону все исландцы должны принять крещение, но при этом тот, кто хочет продолжать совершать языческие обряды, может это делать, но не публично. Также не запрещались и некоторые другие традиционные обычаи, например, наличие наложниц, избавление от слабых новорожденных и т.д. (Strömbäck 1975; Jón Hnefill Aðalsteinsson 1978; Orri Vésteinsson 2000)⁶.

Значение коллективного согласия для принятия христианства проявилось в эпоху христианизации Норвегии: согласно сагам, и Олав Трюггвасон, и Олав Харальдссон, особенно жестко проводивший политику евангелизации, собирали местные тинги, чтобы на них провозглашать новую веру и убеждением или – чаще – силой заставить тингманов кре-

⁵ Генетические исследования показали, что 62% предков исландцев по материнской линии и 25% по отцовской линии происходят из Шотландии и Ирландии, тогда как 75% предков по отцовской линии – норвежцы (Sunna S. Ebenesersdóttir 2018).

⁶ Наиболее подробно обстоятельства крещения Исландии излагаются в «Книге об исландцах» Ари Торгильссона (1120-е гг.: Íslendingabók 1968) и в «Care о крещении» (XIII в., Kristni saga 2003). Однако христианские погребения в Исландии до середины XI в. редки (Friðriksson 2000).

ститься (что, впрочем, не означало их реального обращения в христианство). Иное положение было в прибрежных областях Норвегии, особенно в возникающих в это время городах (часть из них основывалась самими Олавами, как Нидарос/Тронхейм или Тёнсберг). Значительная часть населения южной и юго-западной Норвегии активно участвовала в викингских походах и в торговой деятельности. Норвежцы завоевали земли на восточном побережье Ирландии⁷, где основали Дублин, а после нашествия «великой армии язычников» в 865 г. захватили часть Нортумбрии, создав норвежское королевство с центром в Йорке, просуществовавшее до смерти Эйрика Кровавая Секира в 954 г. Как в Ирландии, так и в Англии христианство давно уже укоренилось, существовало большое количество монастырей, в каждом крупном поселении, не говоря уже о городах, были построены церкви. Повседневное общение с христианами и церковнослужителями не проходило даром и для тех, кто оставался в Англии и Ирландии навсегда, и для тех, кто, пробыв там некоторое время, возвращался домой, принося информацию о новой вере. Поэтому среди жителей прибрежных областей, особенно торговых центров, было немало христиан: именно они составили ту среду, в которой возник и быстро расцвел культ Олава Харальдссона, тогда как в глубинных областях Норвегии язычество сохраняло свою силу (Мельникова 2016).

* * *

Вторым путем приобщения скандинавов к христианству была миссионерская деятельность из Франкии, а затем Германии и Англии. В различных источниках упоминается вряд ли более 15 случаев отправления миссионеров в Скандинавские страны между началом VIII и началом XI в. Первая, считающаяся иногда легендарной христианская миссия – в Данию – состоялась предположительно между 710 и 714 гг. – еще в Меровингское время. Англо-саксонский монах, «апостол фризов» Виллиброрд (ум. 739), по рассказу Алкуина, посетил «дикий народ данов» и встретился с «королем данов» Онгендом (лат. *Ongendus*, вероятно, др.-сканд. Ангантюр), «человеком более жестоким, нежели дикий зверь, и более твердым, нежели камень». Тем не менее он согласился выслушать миссионера и отпустил с ним 30 юношей (Alcuin 1920. Cap. 9. P. 123–124), видимо, для обучения. Вероятно, Виллиброрд оказался в ближайшем к Фризии и связанном с ней центре – Риббе на западном побережье Ютландии (Neu 2021. P. 117–122). Следующая известная нам миссия состоялась лишь столетие спустя: борьба с правителями Хедебю (Южная

⁷ Первые нападения на Ирландию (о. Раглин у ее северо-восточного побережья и монастырь св. Колумбы на о. Иона) состоялись в 795 г., через два года после знаменитого нападения на монастырь св. Кутберга на о. Линдисфарн.

Ютландия) конца VIII – начала IX в. заставила сначала Карла Великого, а затем Людовика Благочестивого предпринять попытки христианизировать данов. В 782 г. ко двору Карла пришло посольство данов (*Nordmanni*). Его возглавлял некий Хальвдан, а отправлено оно было «королем» (*rex*) Сигфридом (*Sigifridus*). Ни цели, ни политические последствия этого первого (?) появления норманнов при дворе франкского императора не сообщаются. Однако вскоре после этого визита Карл предлагает Павлу Диакону отправиться к Сигфриду для переговоров и проповеди христианства. Павел сослался на невозможность общения с данами, которые не знают латинского языка, тогда как сам он не владеет норманнской речью, и его миссия не состоялась (Trillmich 1950). Сорок лет спустя в 822 г. Людовик Благочестивый, уже хорошо знакомый с данами, направил Эббо, архиепископа Реймского в Рим, где папа Пасхалий I назначил его легатом и миссионерским викарием Севера. Весной следующего года Эббо вместе с Виллериком, епископом Бремена, и несколькими другими спутниками отправился в Данию (Хедебю? Риббе?), где, по словам Римберта, он обратил в христианство «немало народа» (*Vita Anskarii* 1988. 13; Римберт 2007. С. 37 и примеч. 53 на с. 35), но осенью того же года вернулся во Франкию. В 826–827 гг. Эббо совершил еще две (?) кратковременные поездки в Данию, но, видимо, они не принесли успеха (Winroth 2012. P. 9, 105–106). Поэтому, видимо, в 826 г. Людовик Благочестивый направил в Данию новую миссию под руководством Ансгария.

Деятельность «апостола Севера» Гамбург-бременского архиепископа с 831 г. Ансгария, благодаря его «Житию», написанному его учеником и преемником Римбертом между 865 и 876 гг. (*Vita Anskarii* 1988; Римберт 2007), и «Истории гамбургских архиепископов» Адама Бременского, созданной в 1070-е гг. (*Adam Bremensis* 1917; Адам Бременский 2012) детально изучена и хорошо известна. Однако в подавляющем большинстве исследований речь идет лишь о его личных поездках в Хедебю и Бирку и их результатах – незначительных («ничтожных», как пишет Сверрир Якобсон: Sverrir Jakobsson 2011). Между тем Ансгарий не только сам проповедовал в этих крупнейших эмпориях, но и – что важнее – был организатором продолжавшегося на протяжении почти четырех десятилетий внедрения христианства в Свеаланде. Действительно, ни Ансгарий, ни его сподвижники не добились крещения кого-либо из правителей скандинавских политий IX в. (обращение в христианство Хорика II, правителя южной части Ютландии, спорно), но результаты их деятельности, очевидно, были достаточно значительны, чтобы оставить следы в археологическом материале (о чем см. ниже).

Первая миссия Ансгария в Данию состоялась в 826–827 гг., когда он вместе с несколькими другими миссионерами последовал в Хедебю

вместе с принявшим крещение в Ингельгейме Харальдом Клаком, правителем, вероятно, юго-восточной Ютландии (и о. Фюн?). Но эта миссия продолжалась недолго, и о ее результатах почти ничего неизвестно: по сообщению Римберта, Ансгарию удалось основать (вероятно, в Хедебю) школу, где обучалось «двенадцать или даже более учеников». В 827 г. Ансгарий вынужден был вернуться ко двору Людовика, поскольку Харальду Клаку пришлось оставить Хедебю своим соперникам (Vita Anskarii 1988. 7–8; Римберт 2007. С. 28–30; Adam Bremensis 1917. I. XV (17); Адам Бременский 2012. С. 310).

Через два года началась почти 40-летняя миссионерская деятельность Ансгария в Свеаланде (Средней Швеции) (Klarheck 2008). В 829 г. к Людовику Благочестивому, как рассказывают Римберт и Адам Бременский, пришли послы «короля» свеонов Бьёрна, которые просили прислать священников для проповеди христианства. Возглавить миссию Людовик поручил Ансгарию, который, прибыв в Бирку, крупнейший центр транзитной торговли, получил от «короля» Бьёрна разрешение проповедовать. Здесь Ансгарий нашел пленников-христиан, а также некоторое количество свеев, готовых «принять благодать крещения». Среди них был *praefectus* Бирки Херигарий, который построил на своей усадьбе церковь (Vita Anskarii 1988. 9–11; Римберт 2007. С. 30–33; Adam Bremensis 1917. I. XV (17); Адам Бременский 2012. С. 310–311). Проведя в Бирке полтора года, в 831 г. Ансгарий вернулся в Германию. Основание Гамбургского архиепископства и назначение его главой Ансгария в 831 г. (дата дискуссионна) придало новый импульс его миссионерской деятельности. Вероятно, в 836 г. Ансгарий и Эббо послали к свеонам родственника Эббо Гаутберта, возведенного в сан епископа. Гаутберт был доброжелательно принят и построил церковь в Бирке, но в 845 г. язычники изгнали миссионеров, убив одного из них (Vita Anskarii 1988. 14, 17; Римберт 2007. С. 37–39). Сочетая миссионерскую деятельность с дипломатической, Ансгарий в 852 г. был послан Людовиком Немецким к датскому (южнодатскому?) правителю Хорику I, который благосклонно отнесся к проповеди христианства (однако сам не принял его) и разрешил построить церковь в Хедебю (Vita Anskarii 1988. 9–11; Римберт 2007. С. 30–33). В том же году Ансгарий снова отправился в Бирку, жители которой вернулись к язычеству. На тинге, собранном новым конунгом Олавом, Ансгарий получил разрешение проповедовать, построить церковь, иметь нескольких священников и обращать в христианство всех желающих (Vita Anskarii 1988. 26–28; Римберт 2007. С. 59–62). Оставив священником Эримберта, племянника Гаутберта, под покровительством и защитой конунга Олава, Ансгарий вернулся в Бремен в 854 г. (Vita Anskarii 1988. 28; Римберт 2007. С. 62; Adam Bremensis 1917. I. XXVI (28); Адам Бре-

менский 2012. С. 315). Эрмберт оставался в Бирке три года, после чего его сменил ученик Эббо, датчанин по имени Ансфрид, который вернулся в Германию после 859 г. Посланный Ансгарием следующий священник, Рагенберт, был убит по дороге в Хедебю, откуда он должен был отплыть в Бирку, и Ансгарий назначил другого миссионера, также датчанина, по имени Римберт, вероятно, не преемника и биографа Ансгария, а его тезку (Vita Anskari 1988. 33; Римберт 2007. С. 67–68). Смерть Ансгария в 865 г., видимо, положила конец миссионерству в Свеаланде, поскольку никаких сведений о миссиях, равно как и о распространении христианства в Свеаланде на протяжении последующих 70 лет не имеется.

Более успешным было продолжение миссионерской деятельности Ансгария в Дании. Достигнутые при Хорике I успехи сменились языческой реакцией при его преемнике Хорихе II, правителе, видимо, всей южной Ютландии. В Хедебю были закрыты церкви, изгнаны священники, запрещено исповедование христианства. Тем не менее Ансгарию удалось убедить Хорика II разрешить исповедовать христианство в его «королевстве» и построить новые церкви, причем не только в Хедебю, но и в Рибе и, возможно, Орхусе и даже повесить на них колокола (Vita Anskarii 1988. 31–32; Римберт 2007. С. 66–67; Adam Bremensis 1917. I. XXVIII (30) – XXIX (31); Адам Бременский 2012. С. 316–317). Возможно, колокол IX в., найденный в 1980-е гг. в гавани Хедебю, принадлежал церкви, построенной Ансгарием в это время (Gelting 2007. P. 36). По словам Адама Бременского (неясно, насколько соответствующим действительности), Ансгарий «настроил жестокого тирана так, что он сам принял христианство и указом повелел всем своим стать христианами» (Адам Бременский 2012. С. 317). Как бы ни обстояло дело с самим Хориком II, успех проповеди христианства в Дании был существенен: по меньшей мере в двух крупнейших эмпориях Южной Дании, Хедебю и Рибе, появились христианские общины. Тем не менее на протяжении последующего столетия в политиях Ютландского п-ова реставрация язычества происходила не раз: во время так называемого шведского владычества (*Svenska väldet*) в первые десятилетия X в., но ок. 934 г., по сообщению Видукинда Корвейского, Гнупа был вынужден принять христианство (Widukind 1935. P. 40; Видукиндр 1975. С. 151); в правление первого полубогородного правителя Еллингской династии Хардекнута, который, по словам Адама Бременского, «хотел совершенно искоренить христианство» (Adam Bremensis 1917. I. LVI (58); Адам Бременский 2012. С. 328), однако его сыну Горму Старому, потерпевшему поражение от Генриха Птицелова, пришлось предоставить священникам доступ в его земли. Среди этих священников, видимо, был гамбургский архиепископ Унни, который попытался продолжить миссию Ансгария в Бирке, но умер там

17 сентября 936 г.⁸ и о результатах его деятельности ничего не известно. Неустойчивость христианства в Дании отметил Видукинд, который писал: «датчане с древних времен были христианами, тем не менее, следуя обычаю отечества, поклонялись идолам» (Widukind 1935. P. 40; Видукинд 1975. С. 191), предполагая, видимо, сосуществование язычников и христиан. Присутствие в Хедебю христиан, хотя и немногочисленных, отмечал и испано-иудейский купец Ибрахим ибн Йакуб, посетивший и описавший этот эмпорий в 965–966 гг. – накануне или сразу же после официального принятия христианства Харальдом Синезубым (Славяне и скандинавы 1986. С. 74–75).

Если о миссиях в Свеаланд IX в. и Данию IX–X вв. сохранились сведения, пусть и немногочисленные, то о посещениях миссионеров других областей современной Швеции и Норвегии сообщений для этого времени почти не сохранилось. Во второй трети X в. в Норвегии была сделана безуспешная попытка ввести христианство «сверху». Воспитанный в Англии в христианских традициях, Хакон (ум. ок. 961), сын Харальда Прекрасноволосого, «объявил, что хочет ввести христианство во всей стране... Тогда Хакон конунг велел освятить несколько церквей и поставил в них священников», привезенных им из Англии. Однако бонды заставили Хакона обещать соблюдать языческие обряды, убили трех священников и разрушили три церкви (Snorri Sturluson 1941. Kap. 13–15. Bls. 166–170; Snorri Стурлусон 1980. С. 74–77). Более удачной была миссия английского епископа Сигфрида в Швецию на рубеже X–XI вв.: ему удалось крестить первого конунга-христианина Швеции Олава Шётконунга (Fairweather 2014. P. 140–154; Stille 2022). Обычно к миссиям причисляют также деятельность священников, приезжавших в Норвегию вместе с «королями-миссионерами» Олавом Трюгвасоном и Олавом Харальдссоном, принявшими христианство в Англии и Франкии. Они проводили насильственную христианизацию, которую осуществляли с помощью английских священнослужителей. Будучи «дружинными» священниками обоих конунгов, они принимали активное участие в их христианизаторских усилиях, сопровождая их и проводя обряды крещения тех, кто добровольно или по принуждению принимал новую веру. Но главную роль, судя по рассказам исландских саг и других источников, в насаждении христианства играли сами конунги: нет никаких сообщений о самостоятельных поездках «дружинных» священников для проповеди. Потому, с моей точки зрения, их деятельность назвать миссиями в прямом смысле слова нельзя.

⁸ Спутники Унни похоронили его в Бирке, но привезли его голову в Бремен. Во время раскопок в Бременском кафедральном соборе была обнаружена гробница соответствующего размера и свинцовая пластина с его именем: XV K(alendes) OCTOB(er) Θ(biit) VNNIS ARCHIEP(is)C(opus) (Tegnér 1981).

Иное дело в Исландии, где исландские саги сообщают о нескольких миссиях конца X в. Первым, насколько известно, был немец Фридрек, приехавший вместе с исландцем Торвальдом Кодранссоном, принявшим крещение во время поездки в Германию. Его проповедь вызвала крайне негативную реакцию исландцев, а убийство Торвальдом двух человек заставило их обоих покинуть остров в 986 г. (Глазырина 2022. С. 256–323). Приход к власти в Норвегии Олава Трюггвасона (995–1000) ознаменовался насаждением христианства как в самой Норвегии, так и в Исландии. С целью добиться введения христианства как официальной религии на острове, Олав отправил туда сначала исландца-христианина Стевнира Торгильссона, который был объявлен вне закона за разрушение нескольких капищ, а затем, в 997 г., немца или фламандца Тангбранда, который также был встречен крайне враждебно и вынужден был бежать с острова после объявления его вне закона за убийство нескольких человек. Таким образом все известные нам миссии в Исландии потерпели полное фиаско.

Наряду с упорным сопротивлением язычников, миссионеры сталкивались в Скандинавии с еще одной сложностью – языковым барьером. Древнеанглийский и скандинавские языки в IX–XI вв. были взаимопонимаемы, благодаря не только их близкому родству, но и большому числу скандинавских поселенцев в Англии, расселявшихся чересполосно и настолько тесно контактировавших с местным населением, что в областях их расселения сложилась ситуация билингвизма (Townend 2002). Значительно труднее было положение миссионеров из Франкии и Германии. Не случайно Павел Диакон отказался от проповеди христианства в Дании, мотивируя свой отказ незнанием языка. Епископу Фридрекку переводчиком служил, к слову сказать не всегда удачно, исландец Торвальд Кодранссон.

Невзирая на немногочисленность (по крайней мере известных) миссий и сложности их осуществления – что породило гиперкритическую оценку роли христианских миссий в Скандинавии, не принесших, якобы, никаких реальных результатов (Abrams 1995a. P. 213; Svertir Jakobsson 2011) – миссионерская деятельность, наиболее интенсивная в Дании, подготавливала почву для внедрения христианства после его принятия правителями Скандинавских стран.

* * *

Инфильтрация христианства и миссионерская деятельность в Скандинавских странах оставили следы не только в письменных источниках, но и в археологическом материале. Однако интерпретация этого материала чрезвычайно сложна. Во многих погребениях IX–XII вв. присутствуют

черты, характерные как для языческих, так и христианских верований. Ингумации, которые являются христианским обрядом, представлены среди погребений на всем протяжении железного века, причем в отдельных областях они преобладают. В Бирке ок. 85% ингумаций (почти 450) ориентированы с востока на запад (с учетом отклонений до 45°), но крайне маловероятно, что все они принадлежат христианам (Gräslund 1987. P. 85). Эта амбивалентность делает сложным определение религиозной принадлежности погребенного, особенно для раннего периода – IX–X вв. Присутствие в погребениях – а именно они предоставляют наибольшее количество материала – отдельных элементов, связанных с христианскими представлениями или культом, отнюдь не обязательно свидетельствует о том, что погребенный был христианином. Достаточно вспомнить погребение христианки Ауд Мудрой. Когда она умерла, ее «перенесли в курган, который был для нее воздвигнут. Ее положили внутрь холма в ладье, и много богатств было положено вместе с нею. Затем над нею насыпали курган» (Laxdæla saga 1934. Kap. 7; Saga о людях из Лаксдаля 1956. С. 262). В глубоко языческом обществе важнейшую роль играли не столько убеждения индивида, сколько верования, господствующие в обществе в целом. Тем не менее, пусть и немногочисленные (и еще не систематизированные) археологические материалы указывают на определенные тенденции в религиозных представлениях скандинавов IX–X вв.

А.-С. Грэслунд выделяет в материальной культуре четыре основные группы свидетельств проникновения христианства до его официального принятия после крещения правителей: погребальный обряд (ингумация, наличие и форма гроба, ориентация погребенного, местоположение погребения), артефакты, места «христианских» могильников и иконография (Gräslund 2008. P. 639). Последнее относится к изображениям на рунических камнях, воздвигнутых уже после официального принятия христианства, таких как например Еллингский камень, установленный Харальдом Синезубым, или многочисленные стелы из Средней Швеции с изображениями крестов и invocативными формулами. К указанным А.-С. Грэслунд показателям можно добавить еще по крайней мере два: распространение христианских артефактов на поселениях и – что особенно важно – строительство церквей.

Погребальный обряд. В последние десятилетия IX в. во всех Скандинавских странах наблюдаются существенные изменения в погребальных обрядах: наряду с языческими погребениями по обряду кремации с большим количеством подчас чрезвычайно ценных предметов, получают распространение ингумации с ориентацией могил с запада на восток. Как правило, они также содержат погребальный, иногда богатый, инвентарь, а подчас и предметы, связанные с христианским культом (Från

hedniskt till kristet 2010. S. 57–102, 103–130). Интерпретация отдельного подобного погребения как христианского всегда спорна, и, по мнению А.-С. Грэслунд, показательна лишь общая тенденция к нарастанию числа подобных погребений и их количество в некоторых некрополях (Gräslund 2000).

В Дании бескурганные и безинвентарные ингумации с ориентацией запад-восток начинают преобладать в конце IX в., что, впрочем, не может рассматриваться как безоговорочное свидетельство массовой христианизации, тем более что в X в. по-прежнему совершаются богатые погребения в камерах под курганом (таков, например, курган Vjerringhøj в Маммене, который датируется дендрохронологически 970–971 гг., т.е. временем уже после официального принятия христианства Харальдом Синезубым: Gelting. 2007. P. 78–79).

К концу X и в начале XI в. нарастает количество безинвентарных ингумаций с ориентацией запад-восток в Средней Швеции. На юго-востоке Упланда они составляют почти 100% от всех погребений (Gräslund 1987. P. 86).

В прибрежных областях Норвегии, Агдере, Вестфольде, Остфольде, во второй половине X в. резко падает число безусловно языческих погребений (Skre 1997. P. 135), а следы проникновения христианства прослеживаются уже с середины X в. Однако во внутренних районах христианские погребения появляются значительно позже, примерно через столетие, уже после христианизаторской деятельности Олава Харальдссона. К наиболее раннему времени относятся христианские погребения середины – второй половины X в. на о. Веэй (Veøy) в Раумдале (Норвегия). Само название острова предполагает существование здесь языческого культового центра: *Vé* означает языческое святилище. На острове существовало сельское поселение, превратившееся в XI–XIII вв. в торговое, где найдено некоторое количество привозных вещей, в основном из Англии (Solli 1996. P. 195). На поселении к западу и юго-западу от каменной церкви, построенной в XII в., были выявлены два примыкающих друг к другу участка, огороженных каменными стенками, в центре каждого из которых находились остатки деревянной церкви или часовни с небольшими кладбищами вокруг них. Поскольку раскопки велись траншеями, общее количество погребений не установлено, однако ясно, что это безинвентарные ингумации, ориентированные с запада на восток, на глубине, предписывавшейся более поздними христианскими законами в Норвегии. В выявленных погребениях находились фрагменты деревянных досок, в одном – определенно гроба. Один из могильников датируется временем ок. 950 г. или немного раньше, другой – второй половиной X в. (Ibid. P. 169–170, 177–179). Б. Солли осторожно связывает

возникновение этих церквей и христианских кладбищ с попыткой Хакона Доброго внедрить христианство в Западной Норвегии, Раумдале и Мёре (Solli 1996. P. 186–189).

Важным показателем погребения по христианскому обряду являются деревянные гробы, прежде всего трапециевидной формы, сужающиеся к ногам погребенного. Этот вид гробов, в отличие от прямоугольного, считается безусловным показателем христианского погребения на континенте, но также и в Скандинавских странах. В могильнике Хемланден Бирки насчитывается 73 трапециевидных гроба, что составляет 29% от общего числа всех найденных гробов, остальные гробы прямоугольные (Gräslund 1997. P. 316).

Свидетельством христианских погребений могут быть также выделенные или обособленные – освященные – участки на языческих некрополях или располагающиеся отдельно от них. Таковы две группы христианских погребений на о. Везй, находящихся внутри каменных оград (см. выше). В некрополях Бирки А.-С. Грэслунд выделяет небольшой участок в могильнике на северной террасе под Боргом, где погребения IX в. тесно примыкают друг к другу (в отличие от свободного расположения погребений в Хемланден), ориентированы с запада на восток, малоинвентарны и содержат крестообразные подвески в числе других украшений. Она полагает, что это был освященный участок, где хоронили умерших христиан эпохи миссионерской деятельности Ансгария (Gräslund 1997. P. 316; Gräslund 2003. P. 485). Кладбище начала XI в. в Sântorp (Вестеръётланд, Швеция) было огорожено каменными плитами (круглое в плане, диаметром 22 м) и насчитывало 32 погребения по обряду ингумации, ориентированных с запада на восток и с небольшим количеством украшений (Gräslund 1987. P. 86). Аналогичны христианские кладбища в Браттахлиде (Гренландия, с конца X в.), поселении Эйрика Рыжего, жена которого Тьодхильд была христианкой и построила церковь на их усадьбе; в Аггерсборге (Ютландия, Дания); Лёддечёпинге (Сконе, Швеция) и др. (Ibid.). Христианское кладбище последних десятилетий X в. было обнаружено под церковью св. Климента в Осло (Bagge, Nordeide 2007. P. 132–133).

Артефакты. Наиболее распространенным предметом, связанным с христианским культом, являются крестообразные подвески, подвески с изображением креста и нательные крестики (Staecker 1999). Они широко распространены в погребениях особенно X в. (в IX в. встречаются крайне редко). Если подвески с изображением креста и нательные крестики из золота и серебра могли служить просто украшениями и не иметь культового содержания, то простые железные скорее отражают верования погребенного. Форма для отливки нательных крестиков в Каупанге

в слое X в., видимо, – древнейшее свидетельство местного производства христианских культовых предметов.

С конца IX в. в основном на западном побережье Норвегии появляются каменные кресты или камни с изображением креста. Их насчитывается более 60, и практика их воздвижения сохраняется в XI в. Многие из этих крестов установлены на языческих могильниках, вероятно, с целью освятить их (Birkeli 1973).

Нередкой находкой в погребениях уже с IX в. являются фризские глиняные сосуды (типа *Tatting*) с изображениями крестов (5 экземпляров происходят из Бирки: Gräslund 1999. P. 320). Считается, что во Фризии и Франкии они использовались в качестве богослужебных сосудов. Однако их нахождение в погребениях, совершенных по обряду как ингумации (в гробах), так и кремации, ставит под сомнение их обязательную связь с христианской принадлежностью погребенного (Gräslund 2003. P. 488). Они могли быть привезены из Фризии в качестве военной добычи, предмета торговли или дара.

Строительство церквей связано, прежде всего, с миссиями, и первые известия о возведении церквей относятся к миссионерской деятельности Ансгария. По сообщениям Римберта и Адама Бременского, первая церковь была построена Ансгарием в Хедебю перед его второй поездкой на север (*Vita Anskarii* 1988. 24, 31; Римберт 2007. С. 55, 66; *Adam Bremensis* 1917. I. XXV (27); Адам Бременский 2012. С. 315), но она была разрушена, видимо, во время гонений на христиан Хорика II. Однако позднее он позволил Ансгарию построить новые церкви в Хедебю, Риббе и, возможно, Орхусе (*Vita Anskarii* 1988. 32; Римберт 2007. С. 67; *Adam Bremensis* 1917. I. XXIX (31); Адам Бременский 2012. С. 317). Остатки этих церквей не обнаружены. Под романской церковью в Хедебю найдены небольшие фрагменты, вероятно, принадлежащие предшествующей деревянной церкви, но установить время существования этой церкви пока оказалось невозможным. С церковью эпохи Хорика II связывают находку колокола в гавани Хедебю (Gelting 2007. P. 36): Римберт специально отмечает, что Хорик II – видимо, первым – разрешил установить на построенных Ансгарием церквах колокола.

И Римберт, и Адам Бременский сообщают и о строительстве церквей во время миссий Ансгария в Бирке. Построенная им и его преемниками (Гаутбертом и Эримбертом) церкви, предположительно, находились на северной террасе (так называемый *Garnisonen*) ниже Борга, где располагался гарнизон, охранявший эмпорий (Zachrisson 2011). Здесь существовал «большой дом» и сохранились остатки фризских кувшинов и другие предметы, которые могут быть связаны с христианским культом. Еще одна церковь была построена во время первой миссии Ансгария «пре-

фектом» Бирки Херигарием: став истовым христианином, он основал церковь на своей усадьбе (Vita Anskarii 1988. 9–11; Римберт 2007. С. 30–33; Adam Bremensis 1917. I. XV (17); Адам Бременский 2012. С. 310–311). Правда, место нахождения усадьбы Херигария, в самой Бирке или где-то еще на острове, неизвестно.

С миссионерской деятельностью Хакона Доброго, согласно Снорри Стурлусону, связано строительство нескольких церквей на западном побережье Норвегии: три из них были сожжены жителями Мёра (см. выше). Возможно, во время его попыток ввести христианство, были построены церкви на Веэй или, по крайней мере, более ранняя из них (см. выше).

В Уппокре (Uppåkra, Сконе, Швеция), крупнейшем центре западного Сконе, вероятно усадьбе местных правителей, существовавшем с III в. до конца эпохи викингов и имевшем широкие международные связи, в X в. перестает функционировать и преднамеренно разрушается языческое святилище (Nilsson 2014. P. 80–81, 86). Под фундаментом каменной церкви XII в. было обнаружено безинвентарное погребение с ориентацией запад-восток. Вблизи находился энколпион немецкого происхождения. Предположительно, на этом месте или рядом с ним располагалась церковь эпохи викингов – предшественница церкви XII в. (Anglert, Jansson 2001).

Церкви, однако, строили не только миссионеры, но и новообращенные христиане. Первые «не-миссионерские» церкви (часовни) возводились отдельными людьми, бондами и представителями знати на частных усадьбах, владельцы которых принимали христианство (Steinunn Kristjánsdóttir 2004. P. 38). Ранним примером тому может служить «префект» Бирки Херигарий. О частных церквях, построенных на своей земле исландскими го́ди или крупными бондами, неоднократно сообщается в родовых сагах, например, в «Саге о Ньяле», «Саге о людях из Лаксдаля» и др. Некоторые из этих церквей появились еще до 1000 г., т.е. до официального принятия христианства, в период инфильтрации христианства или миссий (Ibid. P. 37). Так, например, Тьодхильд, жена Эйрика Рыжего (сам он был язычником), построила церковь в Браттахлиде после их переезда в Гренландию в начале 980-х гг. (Eiriks saga rauða 1935. Kap. V; Сага об Эйрике Рыжем 1999. С. 485). Это сообщение саги подтверждается раскопками на усадьбе Эйрика, где была обнаружена ранняя «торфяная» церковь (Gräslund 1997. P. 315). Археологические исследования на усадьбах Geirsstaðir, Stöng и Þórarinsstaðir в Seyðisfjörður в Исландии выявили небольшие деревянные постройки, крытые торфом, находки внутри которых безусловно указывают на их церковную функцию (Friðriks-son 2000). Аналогичные торфяные церкви известны также в северной Норвегии и других местах (Cinthio 2002. P. 110). Особенно показательны

раскопки в долине Мосфелль, где на территории богатой усадьбы Hrisbrú Грима, зятя Эгиля Скаллагримссона, знаменитого исландского скальда (ум. ок. 990), выявлены остатки церкви, построенной Гримом сразу после принятия христианства в Исландии. Это небольшая каркасная постройка прямоугольная в плане размером примерно 12 м², крытая торфом. Позднее к ней был пристроен неф. Она находилась в нескольких десятках метров от главного, «большого» дома (Viking Archaeology in Iceland 2014. P. 45–54).

* * *

Сколь не ограничены представленные выше материалы, свидетельствующие о проникновении христианства в Скандинавские страны до его принятия в качестве официальной религии, все же они позволяют сделать некоторые предварительные выводы.

Прежде всего, обращает на себя внимание концентрация погребений, которые можно интерпретировать как христианские, в местах, где, по сообщениям письменных источников, действовали миссионеры: в Бирке, где на протяжении около 40 лет продолжал свои попытки внедрить христианство в Свеаланде Ансгарий, и в Раумдале, куда, вероятно, Хакон Добрый отправлял приехавших с ним священников. И в Бирке, и на о. Везй (возможно, и в других местах) возникали христианские общины, члены которых посещали церкви (построенные миссионерами или ими самими) и хоронили своих единоверцев на огороженных и, вероятно, освященных участках. Неясно, насколько долго существовали эти общины и дожили ли они до официального введения христианства, но в любом случае они не могли не оказать некоторого влияния на общество и оставить (в случае их исчезновения) память о себе. И это – важный результат миссионерской деятельности, который ни в коей мере нельзя назвать «ничтожным».

Другое наблюдение, основывающееся как на письменных, так и археологических источниках, касается воздвижения церковей (часовен), не связанных с миссиями, в дохристианскую эпоху и вскоре после принятия новой веры. Новообращенные христиане, даже в тех местах, где церковные здания были построены миссионерами, как в Бирке, считали необходимым в силу благочестия (и престижным?) основывать церкви на принадлежащих им усадьбах. Связь усадьбы с культовыми ритуалами была характерна и для язычества: и в Уппокре, и в Тиссё – в «усадьбах магнатов» – поблизости от главного дома находились культовые постройки, которые использовались на протяжении нескольких столетий (Nilsson 2014; Jørgensen 2014. S. 250). Усадебные церкви были, как правило, очень небольшие по размеру и архитектурно не отличались от хо-

зьяйственных построек. Признаком их культовой функции являются находимые в них, как правило немногочисленные артефакты: свечи, изредка сосуды и т.п. Некоторые из этих усадебных церквей стали впоследствии приходскими и даже епископскими церквями, как церкви в Скальхольте и Холаре в Исландии. Статус церкви определялся статусом ее владельца, поскольку священниками, а тем более епископами в Исландии становились дети только знатных и богатых родов: первый исландский епископ Ислейв (ум. ок. 1080) происходил из рода, владевшего усадьбой Скальхольт, так же и первый епископ Холара (ум. 1121) Йон Эгмундарсон был связан с этой усадьбой.

Следы проникновения христианства на поселениях (в отличие от некрополей), в том числе в торговых центрах, возможно, и имеются, но они, видимо, настолько незначительны, что никогда не привлекали специальное внимание исследователей.

Подтверждается уже более или менее устоявшееся представление о преемственности языческих культовых мест и мест строительства церквей в начальную христианскую эпоху. Это касается по преимуществу сельской местности. Яркими примерами тому являются церковь в Фрёсё (Frösö, Емтланд, Швеция), построенная на месте языческих жертвоприношений (Brink 1996), церковь в Лисбьерге (север Ютландии, Дания) – на месте капища (Gräslund 2008. P. 640). В торговых же центрах Дании и Швеции IX–X вв., как выясняется, церкви строились не в центральной части поселения, а несколько в стороне от него: например, «церковь Ангария» предположительно локализуется на самой окраине поселения (*Svarta jorden*) у подножья Борга (Staecker 2009).

Дальнейшие археологические исследования поселений, могильников и культовых мест IX–X вв., а также систематизация уже имеющихся результатов, несомненно, не только уточнят, но и откроют новые аспекты путей проникновения христианства в Скандинавию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургских // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 297–449. [Adam Bremenskiĭ. Deyaniya arhiiepiskopov gamburgskikh (Adam Bremensis. Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum) // Nemeckie annaly i hroniki X–XI stoletij. Moscow, 2012. S. 297–449.]

Видукинð Корвейский. Деяния саксов / Вступ. ст., перевод и коммент. Г.Э. Санчука. М., 1975. [Vidukind Korvejskiĭ. Deyaniya saksov (Widukind von Corvei. Res gestae saxonicae sive annalium libri tres) / Vstup. st., perevod i komment. G.E. Sanchuka. Moscow, 1975.]

- Глазырина Г.В.* Саги о путешественниках / Под ред. Т.Н. Джаксон // ДГ. 2022 г.: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений / Отв. ред. Е.А. Мельникова, Е.В. Литовских. М., 2022. С. 222–323. [*Glazyrina G.V.* Sagi o puteshestvennikah (Old Icelandic ‘Sagas about Travellers’) / Pod red. T.N. Jackson // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2022 god: Rol’ religii v formirovanii socio-kul’turnyh praktik i predstavlenij / Отв. ред. Е.А. Мельникова, Е.В. Литовских. Moscow, 2022. S. 222–323.]
- Мельникова Е.А.* Христианство викингов в древнескандинавской устной традиции и свидетельствах современников // ДГ. 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 363–407. [*Melnikova E.A.* Hristianstvo vikingov v drevneskandinavskoj ustnoj tradicii i svidetel’stvah sovremennikov (Viking Christianity in Old Norse Oral Tradition and Contemporary Accounts) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2011 god: Ustnaya tradiciya v pis’mennom tekste. Moscow, 2013. S. 363–407.]
- Мельникова Е.А.* Олав Харальдссон: от викинга до святого... // Universitas historiae. Сб. ст. в честь П.Ю. Уварова / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2016. С. 401–408. [*Melnikova E.A.* Olav Haraldsson: ot vikinga do svyatogo... (Olav Haraldsson: From Viking to Saint...)// Universitas historiae. Sb. st. v chest’ P.Yu. Uvarova / Отв. ред. А.О. Чубарьян. Moscow, 2016. S. 401–408.]
- Мельникова Е.А.* «Путь на восток – путь к христианству»: Русь и Византия в процессах христианизации раннесредневековой Скандинавии // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 57–73. [*Melnikova E.A.* «Put’ na vostok – put’ k hristianstvu»: Rus’ i Vizantiya v processah hristianizacii rannesrednevekovoj Skandinavii (‘The Road to the East is the Road to Christianity’: Rus and Byzantium in the Processes of Christianization of Early Medieval Scandinavia) // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 64. S. 57–73.]
- Римберт.* Житие святого Ансгария / Пер., вступ. ст., коммент. В.В. Рыбакова // Швеция и шведы в средневековых источниках / Сост. и отв. ред. А.Д. Щеглов. М., 2007. С. 11–86. [*Rimbert.* Zhitie svyatogo Ansgariya (Vita Ansgarii) / Per., vstup. st., komment. V.V. Rybakova // Shveciya i shvedy v srednevekovyh istochnikah / Sost. i отв. red. A.D. Shcheglov. Moscow, 2007. S. 11–86.]
- Рыбаков В.В.* Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008. [*Rybakov V.V.* Hronika Adama Bremenskogo i pervye hristianskie missionary v Skandinavii (The Chronicle of Adam of Bremen and the First Christian Missionaries in Scandinavia). Moscow, 2008.]
- Сага о людях из Лаксдаля / Пер. В.Г. Адмони, Т.И. Сильман // Исландские саги / Под ред. М.И. Стеблин-Каменского. М., 1956. С. 253–438. [*Saga o lyudyah iz Laksdalya (Laxdæla saga) / Per. V.G. Admoni, T.I. Silman // Islandskie sagi / Pod red. M.I. Steblin-Kamenskogo. Moscow, 1956. S. 253–438.]*

- Saga об Эйрике Рыжем / Пер. М.И. Стеблин-Каменского // Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. С. 473–480. [Saga ob Eirike Ryzhem (Eiriks saga rauða) / Per. M.I. Steblin-Kamenskogo // Islandskie sagi / Pod red. O.A. Smirnitskoy. St-Petersburg, 1999. S. 473–480.]
- Славяне и скандинавы / Пер. Г.С. Лебедева, общая ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. [Slavyane i skandinavyy (The Slavs and the Scandinavians) / Per. G.S. Lebedeva, obshchaya red. E.A. Melnikovoj. Moscow, 1986.]
- Снорри Стурлусон*. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. [*Snorri Sturluson*. Krug Zemnoj (Heimskringla) / Izdanie podgotovili A.Ya. Gurevich, Yu.K. Kuz'menko, O.A. Smirnitskaya, M.I. Steblin-Kamenskij. Moscow, 1980.]
- Хагланд Я.-Р.* Христианизация Норвегии и возможные влияния Восточных церквей // ДГ. 2002 г.: Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 259–286. [*Hagland J.-R.* Hristianizaciya Norvegii i vozmozhnye vliyaniya Vostochnyh cerkvej (Christianization of Norway and Possible Influences from the Eastern Churches) // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2002 god: Genealogiya kak forma istoricheskoy pamyati. Moscow, 2004. S. 259–286.]
- Abrams L.* The Anglo-Saxons and the Christianization of Scandinavia // *Anglo-Saxon England*. 1995. Vol. 24. P. 213–249. (a)
- Abrams L.* Eleventh-Century Missions and the Early Stages of Ecclesiastical Organization in Scandinavia // *Anglo-Norman Studies*. 1995. Vol. 17. P. 21–40. (b)
- Abrams L.* The Scandinavian Encounter with Christianity Overseas: Diplomatic Conversions in the 9th and 10th Centuries // *Viking Encounters: Proceedings of the 18th Viking Congress* / Ed. A. Pedersen, S.M. Sindbæk. Aarhus, 2020. P. 34–46.
- Adam Bremensis*. *Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / Hrsg. B. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917. (MGH SRG).
- Ahronson K.* Testing the Evidence for Northernmost North Atlantic Papar: A Cave Site in Southern Iceland // *The Papar in the North Atlantic: Environment and History. Proceedings of St Andrews Dark Age Conference* / Ed. B.E. Crawford. St. Andrews, 2002. P. 107–120.
- Alkuin*. *Vita Sancti Willibrordi* // MGH SRM. Hannover; Lipsiae, 1920. T. 7 / Hrsg. B. Krusch, W. Levison. P. 81–141.
- Anglert M., Jansson P.* Kyrkplatsen i Uppåkra – undersökningarna 1997–1999 // *Uppåkra. Centrum i analys och rapport* / Ed. L. Larsson. Lund; Stockholm, 2001. (Uppåkrastudier; 4). S. 23–40.
- Bagge S.* Christianization and State Formation in Early Medieval Norway // *Scandinavian journal of history*. 2005. Vol. 30/2. P. 107–134.
- Bagge S.* *Cross and Scepter: The Rise of the Scandinavian Kingdoms from the Vikings to the Reformation*. Princeton, 2014.

- Bagge S., Nordeide S.W.* The Kingdom of Norway // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200 / Ed. N. Berend. Cambridge, 2007. P. 121–166.
- Bakka E.* Scandinavian Trade with the Continent and the British Isles in pre-Viking Times // Antikvariskt arkiv. 1971. B. 40. S. 37–51.
- Birkeli F.* The Earliest Missionary Activities from England to Norway // Nottingham Medieval Studies. 1971. Vol. 15. P. 27–37.
- Birkeli F.* Norske steinkors i tidlig middelalder: Et bidrag til belysning av overgangen fra norrøn religion til kristendom. Oslo, 1973. (Skrifter utg. av Det Norske Videnskaps Akademi i Oslo; II. Hist.-filos. kl.; 10).
- Boyer R.* Le Christ de barbares. Le monde nordique (IXe – XIIIe siècle). P., 1987.
- Brink St.* Tidig kyrklig organisation i Norden – aktörerna i sockenbildningen // Kristnandet i Sverige: Gamla källor och nya perspektiv / Ed. B. Nilsson. Uppsala, 1996. S. 269–290.
- Brink St.* New Perspectives on the Christianization of Scandinavia and the Organization of the Early Church // Scandinavia and Europe 800–1350. Contact, Conflict and Coexistence / Ed. J. Adams, K. Holman. Turnhout, 2004. (Medieval Texts and Cultures of Northern Europe; 4). P. 163–175.
- Brink St.* Christianisation and the Emergence of the Early Church in Scandinavia // The Viking World / Ed. St. Brink, N. Price. Abingdon; N. Y., 2008. P. 621–628.
- Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200 / Ed. N. Berend. Cambridge, 2007.
- Cinthio M.* De första stadsborna. Medeltida gravar och människor i Lund. Stockholm, 2002.
- The Cross Goes North. Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300 / Ed. M. Carver. Woodbridge, 2003.
- Eiríks saga rauða / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gáfu út. Reykjavík, 1935. (ÍF; IV).
- Fairweather J.* Bishop Osmund, a Missionary to Sweden in the Late Viking Age. Skara, 2014.
- Finnestad R.B.* The Study of the Christianization of the Nordic Countries. Stockholm, 1990.
- Foote P.* Historical Studies: Conversion Moment and Conversion Period // Viking Revaluations. Viking Society Centenary Symposium 14–15 May 1992, London / Ed. A. Faulkes, R. Perkins. L., 1993. P. 137–144.
- Fríðriksson A.* Viking Burial Practices in Iceland // Kuml og haugfé ór heiðnum sið á Íslandi / Kristján Eldjárn gaf út. Reykjavík, 2000. Bls. 549–610.
- Från Bysanz till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid / Red. H. Jansson. Malmö, 2005.
- Från hedniskt till kristet: förändringar i begravningsbruk och gravskick i Skandinavien ca 800–1200 / Red. B. Nilsson. Stockholm, 2010.

- Gelting M.H.* The Kingdom of Denmark // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200 / Ed. N. Berend. Cambridge, 2007. P. 73–120.
- Goetz H.-W.* Christians and Pagans in the Period of Missionary Activities: Similar Conceptions in a Religious Confrontation // The Creation of Medieval Northern Europe: Christianization, Social Transformations, and Historiography. Essays in honour of S. Bagge. Oslo, 2012. P. 29–43.
- Gräslund A.-S.* Pagan and Christian in the Age of Conversion // Proceedings of the Tenth Viking Congress / Ed. J. Knirk. Oslo, 1987.
- Gräslund A.-S.* The Christianization of Central Sweden from a Female Perspective // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Stuttgart, 1997. Bd. 1 / Hrsg. M. Müller-Wille. P. 313–329.
- Gräslund A.-S.* The Conversion of Scandinavia – a Sudden Event or a Gradual Process? // Archaeological Review from Cambridge. 2000. Vol. 17 (2). P. 83–98.
- Gräslund A.-S.* The Role of Scandinavian Women in Christianization: The Neglected Evidence // The Cross Goes North: Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300 // Ed. M. Carver. York, 2003. P. 483–496.
- Gräslund A.-S.* The Material Culture of the Christianization // The Viking World / Ed. St. Brink, N. Price. Abingdon; N. Y., 2008. P. 639–644.
- Hedeager L.* Iron Age Myth and Materiality: An Archaeology of Scandinavia AD 400–1000. L.; N. Y., 2011.
- Hellström J.A.* Vågar till Sveriges kristnande. Stockholm, 1996.
- Íslendingabók // Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1986. Bls. 3–28. (ÍF; I).
- Jón Hnefill Aðalsteinsson.* Under the Cloak: the Acceptance of Christianity in Iceland with Particular Reference to the Religious Attitudes Prevailing at the Time. Uppsala, 1978.
- Jørgensen L.* Norse Religion and Ritual Sites in Scandinavia in the 6th–11th Century // Die Wikinger und das Fränkische Reich: Identitäten zwischen Konfrontation und Annäherung / Hrsg. K.P. Hofmann, H. Kamp, M. Wemhof. Paderborn, 2014. (Mittelalterstudien; 29). S. 239–264.
- Klapheck Th.* Der heilige Ansgar und die karolingische Nordmission. Hannover, 2008. (Veröffentlichungen der Historischen Kommission für Niedersachsen und Bremen; 242).
- Kristnandet i Sverige. Gamla källor och nya perspektiv / Red. B. Nilsson. Uppsala, 1996.
- Kristni saga // Biskupa sögur. Bd. 1: Kristni saga. Kristni þættir. Jóns saga ins helga / Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson, P. Foote gafu út. Reykjavík, 2003.

- Laxdæla saga / Einar Ólafur Sveinsson gáf út. Reykjavík, 1934. (ÍF; V).
- Levine R. Baptizing Pirates: *Argumenta* and *Fabula* in Norman *historia* // *Mediaevistik*. 1991. Vol. 4. P. 157–178.
- Lind J.H. Darkness in the East? Scandinavian Scholars on the Question of Eastern Influence in Scandinavia during the Viking Age and Early Middle Ages // *From Goths to Varangians: Communication and Cultural Exchange between the Baltic and the Black Sea* / Ed. L. Bjerg, J.H. Lind, S.M. Sindbæk. Aarhus, 2013. P. 341–368.
- Lindkvist Th. Kungamakt, kristnande, statsbildning // *Kristnandet i Sverige. Gamla källor och nya perspektiv* / Red. B. Nilsson. Uppsala, 1996. S. 217–242.
- May O.H. *Regesten der Erzbischöfe von Bremen*. Hannover, 1937. Bd. I, Lief. 1. 2.
- Melnikova E.A. Varangians and the Advance of Christianity to Rus in the Ninth and Tenth Centuries // *Från Byzans till Norden. Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid* / Red. H. Janson. Malmö, 2005. P. 87–124.
- Neu R. *Willibrord und die Christianisierung Europas im Frühmittelalter*. Stuttgart, 2021.
- Nilsson I.-M. Viking Age Uppåkra: Between Paganism and Christianity // *Archaeological Review*. 2014. Vol. 20. P. 79–90.
- Nordens kristnande i europeiskt perspektiv. Tre uppsatser av P. Beskow, R. Staats. Skara, 1994.
- Orri Vésteinsson. *The Christianization of Iceland. Power and Social Change 1000–1300*. Oxford, 2000.
- Russell J.C. *The Germanization of Early Medieval Christianity: a Sociohistorical Approach to Religious Transformation*. Oxford, 1994.
- Sanmark A. *Power and Conversion. A Comparative Study of Christianization in Scandinavia*, L., 2002.
- Sanmark A. The Role of Secular Rulers in the Conversion of Sweden // *The Cross Goes North: Processes of Conversion in Northern Europe, AD 300–1300* / Ed. M. Carver. York, 2003. P. 551–558.
- Saywer B. *Scandinavian Conversion Histories // The Christianization of Scandinavia* / Ed. B. Saywer, P. Saywer, I. Wood. Ålingsås, 1987. P. 88–110.
- Sjöberg S.A. Orthodoxe Mission in Schweden im 11. Jahrhundert? // *Society and Trade in the Baltic during the Viking Age* / Ed. S.-O. Lindquist. Visby, 1985. (*Acta Visbyensia*; 7). S. 69–78.
- Skre D. *Missionary Activities in Early Medieval Norway. Strategy, Organization and the Course of Events* // *Scandinavian Journal of History*. 1997. Vol. 23/1–2. P. 1–19.
- Snorri Sturluson. *Heimskringla* / Bjarni Aðalbjarnarson gaf út. Reykjavík, 1941. Bd. 1. (ÍF, XXVI).

- Solli B.* Narratives of Veøy. An Investigation into the Poetics and Scientifics of Archaeology. Oslo, 1996. (Universitetets oldsaksamlings skrifter, Ny rekke; 19).
- Staecker J.* Rex regum et dominus minorum. Die wikingzeitlichen Kreuz- und Kruzifix anhänger als Ausdruck der Mission in Altdanemark und Schweden. Lund, 1999. (Lund Studies in Medieval Archaeology; 23).
- Staecker J.* The 9th-Century Christian Mission to the North // Wulfstan's Voyage. The Baltic Sea Region in the Early Viking Age as Seen from Shipboard / Ed. A. Englert, A. Trakadas. Roskilde, 2009. P. 309–329.
- Steinunn Kristjánsdóttir.* The Awakening of Christianity in Iceland: Discovery of a Timber Church and a Graveyard at Þórarinstaðir in Iceland. Gothenburg, 2004.
- Stille P.* St Sigfrid i legend och historieskrivning // Växjö stift 850 år. Studier och es-säer / Red. L. Aldén, O. Bexell, E. Sidenvall. Artos, 2022. S. 25–38.
- Strömbäck D.* The Conversion of Iceland. A Survey. L., 1975.
- Sunna S. Ebenesersdóttir et al.* Ancient Genomes from Iceland Reveal the Making of Human Population // Science. 2018. Vol. 360 (6392). P. 1028–1032.
- Sverrir Jakobsson.* Mission Miscarried: The Narrators of the Ninth-Century Missions to Scandinavia and Central Europe // Bulgaria medievalis. 2011. Vol. 2. P. 49–69.
- Taranger F.* Den angelsaksiske Kirkes Indflytelse paa den norske. Kristiania, 1890.
- Tegnér G.* Unni // Vikingatidens ABC / Red. L. Thunmark-Nylén. Borås, 1981. S. 278.
- Trillmich W.* Missionsbewegung in Nordseeraum // Geschichtliche Landeskunde und Universalgeschichte. Festgabe für H. Aubin. Hamburg, 1950. S. 229–278.
- Viking Archaeology in Iceland. Mosfell Archaeological Project / Ed. D. Zori, J. Byock. Turnout, 2014.
- Vita Anskarii auctore Rimberto / Rec. G. Waitz. Hannover, 1884. (Repr. 1988). (MGH SRG in usum scholarum; 55).
- Widukindi monachi Corbeiensis Rerum gestarum Saxoniarum libri tres / Hrsg. P. Hirsch. B., 1935.
- Winroth A.* The Conversion of Scandinavia: Vikings, Merchants, and Missionaries in the Remaking of Northern Europe. New Haven, L., 2012.
- Zachrisson T.* Arkeologie bakom Rimbart // Fornvännen. 2011. Årg. 106. S. 100–112.

SCANDINAVIA ON THE ROADS TO CHRISTIANIZATION,
9TH TO 10TH CENTURIES

Prior to the baptism of the rulers of Scandinavian countries and introduction of Christianity as an official religion, Scandinavians for several centuries familiarized themselves with Christian ideas and practices, on the one hand, in the course of trade connections, Viking expeditions, service as mercenaries in Western and Eastern Europe and, on the other hand, through missions from Germany and England. Contrary to traditional view that Christian missions, especially those launched from Hamburg-Bremen Archdiocese, played the dominant role in the process of Christianization of Scandinavia, recent studies give them an insignificant place since their results (which are understood as the baptism of rulers and nobles) are ‘negligible’. Representatives of both trends rely mostly on the information of written sources. An important, though yet understudied and ungeneralized source on the problems of ‘Christianization before Christianization’ are archaeological materials that can throw light on the time, intensity, and forms of the penetration of Christianity to the North. The purpose of this article is an attempt to collect at least some of the relevant archaeological materials and suggest their preliminary interpretation in comparison with the information from written sources. The main categories of possible evidence in material culture are burial customs, artifacts, and church construction. However, the interpretation of both single burials and finds like crosses or cruciform pendants as Christian is ambiguous in most cases. In the context of the discussed problem, the materials of large necropolis, first and foremost in Birka, are best studied at the moment, as well as the construction of early churches preceding stone buildings of the 12th and 13th centuries. These materials show that burials that can be interpreted as Christian and churches (built by missionaries or Christian neophytes) concentrate in the areas of intensive missionary activities. It testifies the productiveness of missions in dissemination of Christian ideas in Scandinavia in the 9th and 10th centuries. Along with churches built by missionaries in the largest trade centers like Birka, Hedeby, and Ribe, houses intended for divine service, usually rather small in size, were erected by recently baptized nobles or *stórbondir* on their farms.

Keywords: Scandinavia, Christianization, missions, infiltration, written sources, material culture

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-231-256

Т. М. Калинина

ДАРЫ И ПРИДВОРНЫЕ ЦЕРЕМОНИАЛЫ В «ЗАПИСКЕ» (*РИСАЛА*) ИБН ФАДЛАНА

В статье показаны роль и важность даров посольства Ибн Фадлана для знати огузов и владыки волжских булгар Алмыша, а также значение придворных церемоний встреч делегации иноземными правителями.

На примере сведений об огузах выявлена роль конкретных подношений, соответствие их жизненной необходимости, ценностям и традициям народа. Отмечен преимущественный интерес знати огузов к среднеазиатским нарядам и восточным пряностям. Обозначена бедность высшего слоя народа, выраженная в ветхости одежд, а нищета простонародья – в просьбе о хлебе. Выявлены случаи обмена дарами в торговой практике огузов, которые в то же время являются общими и характерными для средневековых обществ. Сведения Ибн Фадлана показывают также преимущественную ценность для огузов овец, которые зачастую служили эквивалентом в торговле.

Известия о встрече арабской делегации царем волжских булгар прежде всего показывают соответствие распорядка приема посольства Ибн Фадлана церемониалу встреч делегаций иноземных государств двором Саманидов. Последний заимствовал этикет, принятый у Аббасидов, в свою очередь восходящий к традициям Сасанидов. Особо отмечено сходство ритуала встречи делегации правителем Волжской Булгарии Алмыша с церемониями правителей Хорасана и Мавераннахра. Караван встречали высокопоставленные лица и военные с выражениями почтения и заботой о прибывших. Дары и процесс одаривания правителя Булгарии показали, что описанный регламент соответствует принятой в Аббасидском халифате и у Саманидов практике. Принятие даров и само поведение Алмыша означало давнее и глубокое знакомство царя Волжской Булгарии с принятыми в исламском мире дворцовыми традициями. Кроме того, была показана и древняя тюркская процедура – осыпание как прибывших, так и местных монетами.

Все церемонии встречи посольства, как и правила совершения ритуальных действий над владыкой булгар показывают значение делегации. С одной стороны, была продемонстрирована приверженность царя булгар мусульманству, поскольку он принял из рук Ибн Фадлана инвестиру от имени халифа Аббасидов, что усиливало его власть над подданными. С другой стороны, Алмыш, при-

знав ханафитский толк ислама, принятый у Саманидов, показал, что он более склоняется к влиянию последних. В качестве минусов значения посольства отмечается отказ вождя огузов Этрека от принятия ислама, а также недовольство Алмыша отсутствием денег для постройки крепости.

Ключевые слова: Ибн Фадлан, «Записка», посольство, дары, церемониал встреч, огузы, правитель Волжской Булгарии, Аббасиды, Саманиды

Система даров в процессе контактов между странами восходила к глубокой древности и имела весьма важное значение. Подношения как часть дипломатической практики были универсальным явлением. С помощью института даров можно было разрешить конфликт, показать возможность договоров, установить социальные связи. Их необходимость определялась политическими целями в отношениях между государствами или догосударственными обществами, а также экономическими задачами: установлением норм обмена и торговли, отдельных в каждом конкретном случае, выработкой более или менее твердых правил, обеспечивающих защиту посольств, торговых сделок, прохождения караванов или отдельных лиц в чужом государстве (Sharlet 2011). Качество и ценность приношений зависели как от сложившейся традиции, так и от информации, полученной канцелярией государства дарителей о стране, куда направлялось дипломатическое или торговое посольство. Сам выбор таких даров показывал социально-экономический уровень государства или общества, представителям которых они предназначались.

Характерным примером являются свидетельства Ахмада ибн Фадлана, секретаря посольства аббасидского халифа ал-Муктадира (908–932), отправившегося к правителю (*йылтывару*) Волжской Булгарии Алмышу в ответ на его письмо с просьбой об утверждении в вере ислама и постройке крепости для защиты от соседей (Ковалевский 1956. С. 121; [Гараева] 2021. С. 35)¹. В июне 921 – мае 922 г. делегация проделала длинный путь от Багдада до Волжской Булгарии через земли Хорасана, Хорезма и окрестные области. Сохранились уникальные заметки, которые в единственной Мешхедской рукописи начинаются фразой: «Это книга (*китаб*) Ахмада ибн Фадлана ибн ал-Аббаса ибн Рашида ибн Хаммада, клиента (*маула*) повелителя верующих и клиента (*маула*) Мухаммада ибн Сулаймана ал-Хашими, посланника ал-Муктадир би-л-лаха

¹ Поскольку ныне существуют многочисленные переводы на разные языки сочинения Ибн Фадлана, я использую для статьи ставший классическим перевод на русский язык А.П. Ковалевского (1956), а также учитывающий большую часть последующих поправок и уточнений, в том числе собственный перевод 2002 г., перевод Н. Гараевой (2021). Точный, но несколько облегченный перевод Вяч.С. Кулешова (2016) здесь не учтен, но его комментарии и уточнения в ряде случаев используются.

к царю славян², в которой он рассказывает о том, чему был свидетелем в стране тюрок, хазар, русов, славян, башкир и других [народов] и [приводит] различия в их верованиях, рассказы об их царях и положения во всех их делах» (Ковалевский 1956. С. 121; [Гараева] 2021 С. 37). Ученый и литератор Йакут ал-Хамави (1179–1229), включивший в свой «Перечень стран» (*Му'джам ал-булдан*) сочинение Ибн Фадлана, назвал труд «Запиской» (*Рисала*). Поскольку впервые исследователи познакомились с известиями Ибн Фадлана именно из труда Йакута, это наименование издавна утвердилось в науке и литературе.

В начале «Записки» автор говорит, что целью его участия в делегации было прочтение письма, вручение Алмышу подарков и денег для постройки крепости, а также оплаты трудов правоведов (*факихов*) и учителей (*му'аллимов*). По правилам дипломатической практики Халифата, главами должны были быть два лица, в данном случае послом (*сафир*) был назначен Назир ал-Ха(у)ррами, третий по значению чиновник, распорядитель внутренних покоев дворца халифа, что представляло собой весьма важную должность (Ковалевский 1956. С. 161, примеч. 21, [Гараева] 2021. С. 38, примеч. 2), и Ахмад ибн Фадлан, назвавший себя посланником (*расул*), обязанности которого ясны из текста его Записки. Он, таким образом, исполнял роль секретаря, но так ли она была незначительна (Кулешов 2016. С. 50) – этот вопрос не вполне ясен. Возможно, его роль была важна как второго, весьма значительного члена делегации, по регламенту двора Аббасидов, которые при организации посольства подбирали именно двоих ответственных лиц. Кроме Ибн Фадлана, были еще некоторые участники. Если в начале своей записки Ибн Фадлан называет послом (*сафир*) Назира ал-Ху(а)рами, то в дальнейшем послом (или посланником – *расул*) оказывается Сусан ар-Расси, клиент (*маула*) Назира ал-Ху(а)рами (Ковалевский 1959. С. 121; [Гараева] 2021. С. 39)³. Назир ал-Ху(а)рами, влиятельный чиновник халифского двора, и был инициатором обращения к халифу и всего предприятия в целом (Ковалевский 1956. С. 161, примеч. 20, 21; [Гараева] 2021. С. 38, примеч. 2). От него же имелись письма к владыке болгар и к властителю огузов. Поэтому роль Ибн Фадлана, везущего письма не только от Назира, но и от халифа ал-Муктадира для Алмышы, весьма важна. Именно посол, по ди-

² Этноним *ас-сакалиба* означает «славяне». Наиболее популярной считается точка зрения, по которой термином *ас-сакалиба* арабы называли не только славян, но и ряд народов Восточной Европы (Zeki Validi Togan 1939. S. 295; Ковалевский 1956. С. 159, примеч. 9; Гараева 2021. С. 37–38, прим. 5). Поэтому царь болгар пользовался этим наименованием для увеличения своей значимости перед халифом. Ряд исследователей предполагал, что это имя прилагалось к народам лесостепи в противовес степным (Гараева 2021. С. 37–38, примеч. 5).

³ Вяч. С. Кулешов предпочитает здесь множественное число («русул») от слова «расул» и считает, что речь идет обо всех перечисленных Ибн Фадланом посланниках – Саусане ар-Расси, Так(г)ине ат-Турки, Бари(ы)се (Барсе) ас-Саклаби и самом Ибн Фадлане ([Кулешов] 2016. С. 16–17).

пломатическому протоколу, должен был вручать и читать письма, вести переговоры и вручать подарки, чем и занимался Ибн Фадлан.

Деньги для Алмышы должны были быть получены позднее от влиятельного и очень богатого лица в Хорезме Ибн ал-Фурата с доходов от его поместья под названием Арсахушмисан (Ардахушмисан). Дары предназначались для самого царя, его жены, сыновей, братьев и неких предводителей. Количество и сущность приношений здесь не уточняется. Кроме того, Алмышу были отобраны, по его просьбе, лекарства.

Примерно в начале октября посольство достигло Бухары (Ковалевский 1956. С. 168, примеч. 66), где при дворе секретаря эмира Хорасана, ученого и географа Абу ‘Абдаллаха Мухаммада ибн Ахмада ал-Джайхани была сделана остановка. Ал-Джайхани встретил караван и позаботился об отдыхе приезжих, как это было принято по придворному этикету двора Аббасидов, как и Саманидов. Ал-Джайхани способствовал встрече с саманидским эмиром Насром ибн Ахмадом (914–943), которому было прочитано письмо, где излагалась просьба от Ибн ал-Фурата чиновнику Ахмаду ибн Мусе ал-Хорезми об отправке делегации, с письмом к правителю Хорезма о содействии путешественникам в пути ко Вратам тюрок (*Баб ат-Турк*, т.е. рибату Замджан на границе Хорезма на Устюрте), эскорте и устранении препятствий (Ковалевский 1956. С. 169, примеч. 77; [Гараева] 2021. С. 44, примеч. 5). Отметим, что как любезная встреча каравана, так и сам текст письма с просьбами о содействии посольству также полностью соответствовали дипломатическому церемониалу Аббасидов.

Отряд двинулся в путь, не дожидаясь приезда Ахмада ибн Мусы ал-Хорезми с обещанными деньгами и опасаясь наступления зимы. Однако зимние холода настигли его по прибытии к хорезмшаху Мухаммаду ибн ‘Ираку (Ковалевский 1956. С. 123, 171, примеч. 96; [Гараева] 2021. С. 49). Здесь делегация задержалась до марта, и только весной хорошо снаряженная команда тронулась в страну тюрок с оставшимися – самим Ибн Фадланом, послом или посланником (Сусаном ар-Расси), его родственником и двумя гулямами-тюрьками Тек(г)ином и Бар(ы,и)сом. Здесь случилось разногласие между Ибн Фадланом и прочими участниками посольства: секретарь предупредил, что у них нет денег в количестве 4000 тысяч мусайабских (т.е. среднеазиатских) динаров, которые были обещаны владыке булгар и которые так и не были получены миссией до отправления. Их отсутствие, как полагал Ибн Фадлан, может вызвать по прибытии негативную реакцию у владыки булгар, что не было принято во внимание партнерами, но сыграло свою роль в дальнейшем.

Итак, посольство тронулось путь и, перебравшись через плато Устюрт, достигло границ тюрок-огузов (*ал-гузийя*), которые произвели на Ибн

Фадлана впечатление нищих кочевников, которым недоставало хлеба, нечистых, с непривычными, на взгляд араба, чертами быта (Ковалевский 1956. С. 125–130; [Гараева] 2021. С. 55–61). Ибн Фадлан был выходцем из страны с высокой культурой, со своими традициями, с единой религией и уверенностью в преимуществах ислама перед другими верованиями. Впечатления о роскоши и пышности двора халифов в Багдаде резко контрастировали с укладом жизни прочих высокопоставленных лиц тех народов, к которым попал Ибн Фадлан. Поэтому любые иные проявления обычаев иноземцев воспринимались им как странные и непривычные (см. также: Алнаддаф 2018. С. 104).

Описывая жизнь огузов, Ибн Фадлан отмечал, что при сватовстве огузу следовало платить за невесту некоторое количество лошадей или верблюдов, но равнозначными являлись и хорезмийские одежды, что говорит о ценности последних в обществе огузов. В пути следования через их страну торговцы-мусульмане привозили человеку, у которого они останавливались, одежды, покрывало для жены, немного перца, проса, изюма и орехов. Прибывший получал жилье, овец или верблюдов и коней, но при возвращении купец отдавал то же количество скота. Если последний умирал в дороге, то огуз возвращал себе соответствующее количество дирхемов (так!) или отбирал у несговорчивых те дары (какие именно – неизвестно), которые получил ранее мусульманской гость (Ковалевский 1956. С. 126–127; [Гараева] 2021. С. 55). Эта ситуация возврата или, точнее, отдачи полученного дара, добровольной или принудительной, подчеркивает общемировую практику в архаических обществах, где обмены осуществлялись в форме подарков, теоретически добровольных, в действительности же обязательно вручаемых и возмещаемых (Mauss 2002. Р. 19–20). В данном случае, однако, речь идет, по-видимому, о некоем присущем всякому обществу пережитке, поскольку общество огузов в это время нельзя считать архаическим: налицо и социальное расслоение, и развитая торговая деятельность.

Большую ценность для огузов представляли овцы: так, расплата за растление, совершенное мусульманским купцом, сына одного из огузских вождей Кударкина, оценивалась в 400 овец.

Ибн Фадлан рассказал о пребывании посольства у царя (*малика*) огузов Йинале Младшем. Когда последний усомнился в том, что ему следует пропустить караван через свои земли, ему были преподнесены подарки: джурджанский кафтан стоимостью в 10 дирхемов, кусок материи пайбаф (из города Нишапур, вытканной на ножном станке), лепешки хлеба, пригоршни изюма, сто орехов. Тогда дорога была открыта. При этом Йинал отметил, что он непременно отблагодарил бы дарителей, если бы его дом не находился в этот момент слишком далеко от дороги. В данном

случае также имеет место общемировая традиция ответной награды за полученные дары (Grierson 1959. С. 137). Такой обычаем обязательного эквивалентного возврата демонстрирует примитивные обменно-торговые отношения, не похожие на случаи богатых подношений и отдачи за них между царствующими домами высокоразвитых государств, как, например, Византии и Халифата.

Делегация мусульман по пути побывала у одного из вождей огузов Этрека сына Катагана (Ковалевский 1956. С. 129; [Гараева] 2021. С. 59), местного аристократа со свитой и челядью, предоставившего путникам юрты, овец и лошадей. Все это было выделено в ответ на посольские подарки: одежды, изюм, перец, просо. Часть подношений была отнесена «предку» – Катагану, отцу Этрека, в силу местных обрядов. Помимо лепты приезжих, Этреку было вручено письмо от вероятного инициатора миссии Назира ал-Ху(а)рами. В нем вельможа предлагал военачальнику принять ислам и посылал приношения: 50 динаров (в том числе мусаййабских), три мискаля мускуса, красные кожи, две мервские одежды, из которых были скроены две куртки, сапоги из красной кожи, две мервские парчовые и пять шелковых одежд, для жены – покрывало и перстень. Сам командир был одет в парчовую куртку, но очень старую и изношенную. В данном случае презенты были поднесены не только и не столько из благодарности за любезный прием, сколько в надежде на перемену старой языческой религии на мусульманство. Несмотря на дары и письмо Назира, принять ислам Этрек отказался, пообещав решить вопрос по возвращении каравана, о чем ничего не известно.

Кроме Этрека, посланники встретились с подчиненными ему вождями, главным из которых был Тархан. После спора о дальнейшей судьбе каравана ему было разрешено следовать дальше. Вожди же получили свою часть даров: Тархан – мервский кафтан и два куска материи пайбаф, его партнеры – перец, просо, лепешки хлеба.

Данные Ибн Фадлана ярко демонстрируют явное социальное неравенство общества огузов хотя бы на примере простого вымогательства бедняками хлеба (*наканд*) (Ковалевский 1956. С. 128; [Гараева] 2021. С. 49, 57). Заметна также иерархия верхов при выборе подношений: одним – одежду и ткани, другим – хлеб, просо, пряности. Выбор даров для представителей высшего слоя был основан на их насущных нуждах, о которых были заранее осведомлены близкие к огузам лица, гулямы-тюрки Тек(г)ин, и Бар(ы,и)с ас-Саклаби. Не исключено, что с караваном ехал портной, который и изготавливал на месте упомянутые предметы одежды и обуви из запасов, которые вез с собой караван, что показывает, во-первых, известную членам делегации и портному из ее числа склонность тюрокских владык к вещам из мусульманских областей Средней

Азии (среднеазиатские дирхемы, материя из Нишапура, мервские и ургенчские=*джурджанские* одежды и обувь из кожи), во-вторых, хорошую осведомленность посланников о вкусах огузских высокопоставленных лиц (Noonan 2000. С. 104).

После долгого и трудного пути – переправ через реки, минования страны башкир и печенегов (здесь Ибн Фадлан не упоминал о подношениях), посольство прибыло в страну волжских болгар (Ковалевский 1959. С. 130–131; [Гараева] 2021. С. 64). Четыре подвластных Алмышу владыки (*ал-мулук*), его братья и сыновья встретили делегацию презентами: хлебом, мясом, просом. Выехавший навстречу царь (*йылтывар*) Алмыш выразил благосклонность и выказал уважение пришедшим сошествием с лошади, падением ниц, поклонами и благодарением Аллаху, россыпью дирхемов из рукава.

Церемония встречи посольства Халифата владыкой волжских болгар совпадает с описанием церемоний приема делегаций правителей Хорасана и Мавераннахра. Последние восприняли ритуалы двора Аббасидов, восходившие к традициям Сасанидов. Посла иностранного государства на границе должны были встречать и сопровождать до столицы военные. В нашем случае это были сыновья, братья и родственники Алмышы, которые таковыми и были (Измайлов 2021. С. 392). Пункт назначения послов украшался, встречающие забрасывали послов монетами. Церемониал встречи известен из данных о такого же рода обрядах при дворе Газневидов XI в., но это были отголоски более ранних, ставших традиционными ритуалах при Сасанидах, перешедших к Саманидам (Хусенов 2015. С. 22–27).

Прибывшие были поселены в юртах. Через несколько дней они, развернув два знамени, обрядили коня подарочным седлом для царя, надели на него *савад* (черное одеяние аббасидских придворных) и тюрбан. Письма читал Ибн Фадлан, после чего спутники Алмышы осыпали его дирхемами. Затем состоялось вручение подарков: благовония, одежды, жемчуга для самого царя и его жены, для нее еще и одеяние, после чего она тоже была усеяна дирхемами (Ковалевский 1956. С. 131; [Гараева] 2021. С. 65–66). Осыпание прибывших монетами, как было отмечено выше, применялось также при дворе Газневидов, что снова подчеркивает длительную традицию церемониалов (Хусенов 1915. С. 22–23).

Ибн Фадлан отметил, что во время последующего приема царь восседал на троне, покрытом византийской парчой, далее он упоминал о византийской парче под тронном и армянских коврах на полу царской юрты (Ковалевский 1956. С. 131, 137; [Гараева] 2021. С. 66, 75). Не исключено, что эти ковры в ставке Алмышы и были постелены для украшения по случаю приема послов. Наличие раритетов в доме болгарского владыки

может означать и торговые связи, и получение даров от прибывающих сюда купцов (Cutler 2008. С. 289). Праздничный пир состоял из мяса, которое раздавал сам царь, и медового напитка под названием *суджув* (Ковалевский 1956. С. 132; [Гараева] 2021. С. 66). Церемония передачи яств выражала уважение послам, поскольку им первым были предоставлены блюда. Прославление Аллаха владыкой при принятии суджува показало, что он являет присутствующим представителям соседних племен, как и родственникам свою приверженность исламу и учтивость по отношению к послам. При этом сама процедура с использованием мяса напоминает старинный традиционный тюркский пир при вступлении царя на престол, когда сидящие за столом получали из рук суверена куски мяса, что символизировало нечто вроде присяги верховному владыке. Такой обычай был замечен при дворе Сельджукидов (Гордлевский 1942. С. 52), но старинные обычаи сохранялись веками, что и отразилось ранее при дворе Алмышы. Можно полагать, что этот царь таким образом демонстрировал и свое единовластие перед «гостями».

Рассказ Ибн Фадлана о дарах и церемонии приема послов указывает на знакомство владыки булгар с церемониальными правилами при дворах исламских правителей Багдада, Хорасана, Хорезма. Это означает, что такие традиции были понятны и приняты йылтываром еще задолго до приезда делегации из Багдада в 922 году.

Посольство от ал-Муктадира, с одной стороны, не достигло цели: ислам не был принят огузами, несмотря на подарки; Алмыш, будучи разочарован отсутствием у прибывших денег на постройку крепости, оставил провозглашение икамы (призыва к молитве) дважды, по ханафитскому мазхабу, принятому в государствах Средней Азии, в то время как в Багдаде икама возглашалась единожды – по шафиитскому мазхабу (Ковалевский 1956. С. 119, примеч. 415; [Гараева] 2021. С. 68–70). Алмыш также продемонстрировал знание церемониалов среднеазиатского мусульманства, приверженность этим правилам, как и древних тюркских традиций.

Вместе с тем посольство Ибн Фадлана помогло Алмышу принять инвестиру от имени халифа Аббасидов, после чего началась чеканка монет с его новым именем Джа‘фар ибн ‘Абдаллах и титулом «эмир», что знаменовало укрепление власти царя и начало становления нового независимого, исламизированного этапа развития государства.

- Алнаддаф С.Н.* Образ Европы в представлении арабов в Средние века: факторы формирования образа // История повседневности. 2018. № 2 (7). С. 98–108. [*Alnaddaf S.N.* Obraz Evropy v predstavlenii arabov v Srednie veka: factory formirovaniya (The Image of Europe in the Arab World in the Middle Ages: Factors in the Formation of the Image) // Istorija povsednevnosti. 2018. № 2 (7). S. 98–108.]
- [*Гараева Н.Г.*] I. Ибн Фадлан // Духовное наследие. Поиски и открытия. Письменные памятники Волжской Булгарии... = Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар. Идел буге Болгар дәүләте язма истәкләре / Сост. Н. Гараева. Казань, 2021. Вып. 12. С. 18–96. [*Garaeva N.G.* Ibn Fadlan // Duhovnoe nasledie. Poiski i otkrytiya. Pis'mennye pamyatniki Volzhskoi Bulgarii = Ruhi miras: ezlänulär һәм tbyishlar. Idel bue Bolgar дәүләте язма истәкләре.... Kazan, 2021. Вып. 12. S. 18–96.]
- Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов в Малой Азии. М.; Л., 1941. [*Gordlevskiy V.A.* Gosudarstvo Sel'dzhukidov v Maloi Azii (The Seljuk Empire in Asia Minor). Moscow; Leningrad, 1941.]
- Измайлов И.Л.* Средневековые болгары: становление этнополитической общности в VIII – первой половине XIII века. Казань, 2022. [*Izmailov I.L.* Srednevekovie bulgary: stanovlenie etnopoliticheskoy obshnosti v VIII – pervoi polovine XIII veka (Medieval Bulgars: Formation of an Ethnopolitical Community in the 8th – First Half of the 13th Century). Kazan, 2022.]
- [*Кулешов Вяч.С.*] Книга Ахмада ибн Фадлана / Перев. с араб. и примеч. Вяч.С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. М., 2016. С. 14–45. [*Kuleshov V.S.* Kniga Ahmada ibn Fadlana (Book of Ahmad ibn Fadlan) / Perevod s arabskogo i primechaniya Vyach. S. Kuleshova // Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskiy put' ot Bagdada do Bulgara: katalog vystavki. Moscow, 2016. S. 14–45.]
- Кулешов Вяч.С.* «Книга Ахмада ибн Фадлана» как литературный памятник и исторический источник // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: каталог выставки. М., 2016. С. 49–56. [*Kuleshov V.S.* «Kniga Ahmada ibn Fadlana» kak literaturniy pamyatnik i istoricheskiy istochnik (The Book of Ahmad ibn Fadlan as a Literary Monument and a Historical Source) // Puteshestvie Ibn Fadlana: Volzhskiy put' ot Bagdada do Bulgara: katalog vystavki. Moscow, 2016. S. 49–56.]
- Хусенов Ф.Р.* Церемониалы встреч и проводов послов аббасидских халифов при Газневидах // Вестник ТГУПБП. Худжанд, 2015. № 2 (63). С. 22–27. [*Huseinov F.P.* Tseremonialy vstrech i provodov poslov abbasidskih halifov pri Gasnevidah (Ceremonies of Meeting and Seeing off the Ambassadors of the Abbasid

Caliphs under the Ghaznavids) // Vestnik TGUPBP. Hudjand, 2015. № 2 (63). S. 22–27.]

Cutler A. Gifts and Gift Exchange as Aspects of the Byzantine, Arab and Related Economies // DOP. 2001. Vol. 55. P. 247–278.

Grierson P. Commerce in the Dark Ages: A Critique of the Evidence // Transactions of the Royal Historical Society. L., 1959. 5th Series, Vol. 9. P. 123–140.

Mauss M. The Gift. The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies / Transl. by W.D. Halls. L.; N. Y., 2002.

Noonan T.S. Dress and Clothing along the Central Asian – Middle Volga Caravan Route, ca. 922: the Evidence of Ibn Fadlan // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Междунар. археол. конф-ции (14–18 марта 2000 г.). Самара, 2000. С. 102–105. [Kul'tury stepyev Evrazii vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e. (iz istorii kostyuma). Tezisy докладov III Mezhdunarodnoy arheologicheskoy konferentsii (14–18 marta 2000). Samara, 2000. S. 102–105.]

Sharlet J. Tokens of Resentment: Medieval Arabic Narratives about Gift Exchange and Social Conflict // Journal of Arabic and Islamic Studies. 2011. № 11. P. 62–100.

Validi Togan A.Z. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig, 1939.

Tatyana M. Kalinina

GIFTS AND COURT CEREMONIES IN IBN FADLAN'S *RISALAH*

The article shows the role and importance of gifts prepared by the embassy of Ibn Fadlan for the nobility of the Oghuz and the ruler of the Volga Bulgars Almysh. The delegation considered necessity, the importance and value of gifts for the Oghuz. Attention was paid to cases of gift exchange. The nature of presents and their mutual exchange, common to all medieval societies, is also revealed.

The schedule of reception of Ibn Fadlan's embassy corresponded to the ceremonial of meetings and preparation for them for delegations of foreign states by the court of the Samanid states. The rules of etiquette were borrowed by the Samanids from the Abbasids, going back to the traditions of the Sassanids. The similarity of the ritual of the meeting of the delegation by the ruler of the Volga Bulgaria Almysh with the etiquette of the Samanids is noted. The described regulation corresponds to the practice adopted in the Caliphate and among the Samanids, which means a long and deep acquaintance of the king of the Volga Bulgaria with palace traditions accepted in the Islamic world.

Key words: Ibn Fadlan, *Risalah*, embassy, gifts, meeting ceremony, Oghuz, ruler of Volga Bulgaria, Abbasids, Samanids

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-257-266

М.К. Юрасов

ДРЕВНЕЙШЕЕ ИЗВЕСТИЕ О ПЕЧЕНЕГАХ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВЕНГЕРСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Самое раннее из дошедших до нас сведений о народах Восточной Европы в латиноязычных сочинениях королевства Венгрии содержится в отрывке из торжественной проповеди первого чанадского епископа Геллерта, датированной временем между 1030–1038 гг. Этот отрывок сохранился в кодексе XIV в., обнаруженном Ф. Хайнцером (опубликован в 1982 г.). В нем Геллерт жалуется на то, что вынужден проповедовать христианство печенегам, никогда не слышавшим о Священном писании. Речь в данном случае идёт о недавно пришедших из Восточной Европы на поселение в Венгрию или кочевавших на её юго-восточных границах степняках. Проживавшие уже более полувека в северо-западной части страны печенеги к тому времени неоднократно становились объектом миссионерской деятельности проповедников христианства западного обряда. Попытка же Бруно Кверфуртского сделать христианами степняков, тревоживших южные границы Руси, предпринятая в 1008 г., имела ничтожные результаты. В средневековой мусульманской литературе встречаются сведения о принятии частью печенегов ислама после 400 г.х. (1009/10 г.) и победе неофитов над остальными соплеменниками, не последовавшими их примеру, но исламским народом печенеги так и не стали. В конце первой трети XI в. положение печенегов, кочевавших в причерноморском степном «коридоре» заметно ухудшилось. С востока их теснили торки (узы), а на севере усилившаяся Русь не давала возможности совершать безнаказанные нападения на свои земли. В 1036 г. Ярослав Мудрый разгромил печенегов под Киевом. Всё это вынуждало печенегов постепенно смещаться в западном направлении до границ Византии и Венгрии. Те из них, кто решил переселиться во владения Арпадов, должны были заявить о своем желании принять Христову веру. Именно с ними, скорее всего, столкнулся чанадский епископ Геллерт, поскольку его епархия постиралась до юго-восточных границ Венгерского королевства.

Ключевые слова: проповеди Геллерта, христианизация Венгрии, миграции печенегов в Венгрию

Согласно установившейся в историографии традиции, самым ранним письменным памятником средневековой Венгрии, в котором упоминаются жители Восточной Европы, считалась грамота 1055 г. Андраша (Эндре) I об основании бенедиктинского аббатства св. Аньяна в Тихани, в которой есть косвенное упоминание о русских монахах, проживавших в соседнем пещерном монастыре¹. Эта грамота содержит древнейшие сведения о пребывании руси на территории Венгрии, куда более активно переселялись в Средние века различные группы кочевых народностей Восточной Европы, «пионерами» среди которых стали печенеги.

Дошедшие до нас венгерские исторические сочинения созданы не ранее рубежа XII–XIII вв., а гипотетически восстанавливаемые сведения более ранних источников (*зест*) датируются исследователями не ранее середины XI в. В связи с этим самые ранние сведения о пребывании или переселении жителей Восточной Европы в Карпатскую котловину следует искать в королевских грамотах, агиографических сочинениях и произведениях богословского характера, созданных в XI в. венгерскими клириками или написанных участвовавшими в христианизации страны иностранными проповедниками. Одним из них был Геллерт (после 977–1046), вошедший в сонм первых венгерских святых и оставивший нам древнейшие сведения о печенегах, переселявших в Венгрию с востока.

Геллерт родился в Италии, на родине его звали Герардом. Ок. 1020 г. он, совершая с научными целями путешествие в Константинополь, был задержан в Венгрии Иштваном I, сделавшим его воспитателем своего сына и наследника Имре. Окончательно Геллерт осел в Венгрии в 1024 г., прибыв туда в свите сосланного дожа Оттона Орсеоло, и удалился в затвор в Баконьбеле. Здесь он писал многочисленные теологические диссертации и гомилии, которые до нас не дошли (Szegfű 1994b).

Расцвет церковной карьеры Герхарда, ставшего в Венгрии Геллертом, связан с созданием Иштваном I Святым (997–1038, король с 1000/1) первых епископств на подвластной ему территории. Этот процесс был напрямую связан со стремлением основателя Венгерского королевства подчинить своей власти самые отдаленные окраины, где при его отце – князе Гезе (970/2–997) – укрепили свои позиции местные вожди-сепаратисты. Одним из них был Айтонь – правитель одной из областей южной Венгрии, располагавшейся между нижним течением Тисы и Трансильванией, политический центр которой находился на Мароше (притоке Тисы) в Марошваре. Айтонь принял крещение по восточному обряду в болгарском городе Видине и основал монастырь недалеко от Марошвара. Это, однако, не спасло его от войны с королем Иштваном I, для которого он

¹ Новейшее научное издание см.: Andreas I rex 1992. См. об этом: Юрасов 2021.

продолжал оставаться вождем-сепаратистом². К сожалению, источники не дают точной датировки победы Иштвана над Айтоном, поэтому разброс предлагаемых исследователями датировок достаточно широк: от 1003 до 1030 г. (Szegfű 1994a).

Судя по всему, Иштван I и его окружение постарались стереть в исторической памяти средневековой венгерской народности сведения о том, что Айтонь одновременно с ними создал на землях Карпатской котловины один из очагов распространения христианства. Вскоре после победы над Айтоном королевского войска под командованием Чанада Марошвар был переименован в Чанад. При создании системы церковных диоцезов Венгрии, Иштван I выбрал эту крепость местом нахождения одной из епископских кафедр, сделав Геллерта первым марошварским (позднее чанадским) епископом, вызвав его из баконьбельского отшельничества.

Исследователи относят к 1030 г. организацию епископства в Марошваре (Ugvardy–Lotz 1994). Геллерт занимал местную кафедру вплоть до своей смерти (1046). Столица Айтона располагалась на самом севере находившейся под его контролем области южной Венгрии. Исследователи отмечают, что юго-западная часть этой области (примерно треть всех владений Айтона) была населена черными мадьярами – присоединившимися к венграм этническими группами. Большинство их оставалось язычниками, но были среди них и мусульмане (Györffy 1977. Карта на С. 179). Считается, что ислам приняла часть печенегов, проживавших за пределами тогдашней территории Венгрии, в приграничной с ней полосе (Ibid. Карта на с. 184–185). Судя по всему, активное общение печенегов с черными мадьярами способствовало (в незначительных масштабах) распространению ислама на юго-восточной окраине Марошварского/Чанадского епископства в то время, когда его возглавлял Геллерт.

В связи с этим заслуживают внимания сведения жившего в Испании арабского ученого энциклопедиста Абу Убайда Абдаллаха ал-Куртуби ал-Бакри (ум. 1094), описавшего в своей «Книге путей и царств» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик»), как происходил процесс «выбора веры» у печенегов. По свидетельству ал-Бакри, «После четырехсотого года хиджры (1009/10 г.) случилось быть у них пленнику-мусульманину, ученому богослову, он начал проповедь ислама среди некоторых из них, те приняли ислам самым искренним образом; проповедь ислама стала распространяться среди них, за это порицали их те другие, кто не принял ислам, дошло у них до сражения, помог бог мусульманам, а их было приблизительно двенадцать тысяч, а неверных – вдвойне, они по-

² В официальных средневековых исторических сочинениях королевства Венгрии подчеркивается показное христианство Айтона, продолжавшего придерживаться некоторых языческих обычаев. См. об этом: Шушарин 1988. С. 170–172.

убивали их, остальные же приняли ислам, все они теперь мусульмане» (Заходер 1967. С. 75–76). Следует отметить, что событиям, описываемым ал-Бакри (если верна его датировка), предшествовала неудачная попытка крещения печенегов, живших в Северном Причерноморье, предпринятая знаменитым христианским проповедником Бруно Кверфуртским в 1008 г. (Бруно Кверфуртский 2010. С. 58–61).

Попытки ал-Бакри представить печенегов одним из мусульманских народов представляются явным преувеличением. Число принявших ислам среди них было явно незначительным. Данные археологии не подтверждают широкое распространение мусульманской религии. Как подчеркивает в специальной работе, посвященной этой проблеме, Г.Н. Гарустович, принятие очень небольшой частью проживавших в Венгрии печенегов ислама было связано с переселением в эту страну группы волжских булгар в X в., которых венгерские хронисты называют измаилитами³. В то же время основная масса венгерских печенегов для встраивания в социальную структуру Венгерского королевства должна была принимать христианство (Гарустович 2013).

Во время пребывания Геллерта на чанадской епископской кафедре (1030–1046) он должен был неуклонно заниматься христианизацией своей епархии. Делать это было крайне сложно, поскольку не только черные мадьяры, но и соседние с ними печенеги в основной своей массе оставались язычниками. Как указано выше, на подведомственной ему в церковном отношении территории были и небольшие группы мусульман. Геллерту также приходилось противостоять распространявшейся из ареала расселения южного славянства богомильской ереси, а также бороться с распространением «светских пороков» на рядовое духовенство его епархии (Szegfű 1999).

За годы отшельничества в Баконбеле Геллерт много занимался самообразованием, изучая священные тексты и теологические сочинения. Тогда же он начал писать собственные произведения в жанре гомилетики, а, став епископом, составлять торжественные проповеди, приуроченные к главнейшим христианским праздникам. К сожалению, до нас дошли лишь доказанные или предполагаемые отрывки из речей Геллерта. Один из них обнаружил Феликс Хайнцер на двух страницах пергаменного кодекса, датированного исследователями началом XIV в. (Karlsruhe, Badische Landesbibliothek, Hs St. Peter perg. в томе 23 на лицевой и оборотной стороне листа 113) (Heinzer 1982).

³ См.: P. magistri 1937. P. 114, 115 («Деяния венгров» магистра П.) и *Chronici Hungarici* 1937. P. 303 (Композиция венгерских хроник XIV в.). В последнем случае измаилиты названы также сарацинами.

Этот отрывок не остался без внимания самого авторитетного венгерского исследователя жизни и творчества епископа Геллерта Ласло Сегфю, посвятившего специальную работу анализу отрывка, обнаруженно-го Ф. Хайнцером (Szegefű 1999). Л. Сегфю приводит полный текст этого отрывка, дает его венгерский перевод с научными комментариями. Текст Геллерта, приведенным в этой работе, пользовался автор настоящего исследования.

Привожу фразу латинского оригинала, в которой упоминаются печенег:

«Denique sine omni pene librorum sumptu inter gentiles episcopus constitutus in Pannonie finibus a rege eiusdem provincie christianissimo Stephano quae terminis iungitur Pincencorum quibus numquam ante martirum tempus predicatum fuit verbum Dei gloriosum, provocatus a sanctis et simplicibus viris ut in epistolis et ewangeliis causa edificationis ac perfectus rudi ecclesie scriberem ne dies sollempnes ducerentur sine comprehendio et claritudine eloquiorum Dei» (Szegefű 1999. 13. 1).

«Наконец, при почти полном отсутствии книг я – поставленный епископом христианнейшим королем той же провинции Стефаном (Иштваном) в пределах Паннонии, примыкающей к границам печенегов, среди язычников, которым славное слово Божие никогда не проповедовалось до [времени] мучеников, – был призван святыми и прямодушными людьми, чтобы я писал в посланиях и с целью создания проповедей и развития новой церкви, чтобы праздничные дни не проходили без пользы и света божественного слова»⁴.

Датировка рассматриваемого источника возможна лишь в довольно широком интервале. В цитированном отрывке можно выделить два временных ориентира: нахождение Геллерта на епископской кафедре (1030–1046) и правление Иштвана I Святого, закончившееся с его смертью в 1038 г. Однако при этом не совсем понятно, был ли в живых в то время первый венгерский король, или Геллерт вспоминает или напоминает о том, что епископом сделал его Иштван I. Если исходить из тем, которые затрагивает Геллерт в рассматриваемом сочинении, то скорее верна его датировка между 1030–1038 гг. Конец правления Иштвана Святого был временем относительного спокойствия в Венгрии, эпохой последовательной христианизации, когда первый марошский/чанадский епископ мог не отвлекаться на оценки происходивших в Венгрии событий. После смерти Иштвана I Венгрия пережила восьмилетний период кризиса верховной власти, когда Геллерт стал заметной политической фигурой, открыто осуждавшей как пороки одного из преемников Иштвана (Шамуэла Абы), так и серьезные недостатки тогдашнего венгерского клира.

⁴ В моем переводе учтен перевод на венгерский язык Л. Сегфю (Szegefű 1999. 13. 1).

Более важный вопрос, возникающий при определении ценности рассматриваемого сочинения в качестве источника о прошлом народов Восточной Европы, – локализация печенегов, о которых пишет Геллерт. Исторические предания, отразившиеся в официальной хронистике средневекового королевства Венгрии, свидетельствуют не только о переселении отдельных групп печенегов в Среднее Подунавье в X в., но и приходе их части вместе с венгерскими племенами во время «обретения родины» мадьярами на рубеже IX–X вв. Епископ явно имеет в виду не «своих», давно осевших на территории Венгрии печенегов. В выражении «до пределов Паннонии, примыкающей к границам печенегов» речь идет о том, что самые южные пределы церковного диоцеза, которым управлял Геллерт, непосредственно соседствовали с территорией, занимаемой печенегами.

По свидетельству трактата «Об управлении империей», составленного василевсом Константином VII Багрянородным между 948 и 952 гг., ареал расселения печенегов в его время простирался до юго-западных границ современной Румынии. При этом император в гл. 37 не только приводит названия отдельных печенежских «фем» и имена их «архонтов» (Константин Багрянородный 1991. С. 154–155), но и дает локализацию этих «фем», указывая области их кочеваний. По его данным, с «Туркией» (=Венгрией») граничила «фема» Нижней Гилы (Там же. С. 156–157).

С другой стороны, в гл. 8 того же трактата, где речь идет о печенегах, проживавших «в стороне Булгарии», последняя фраза звучит так: «...пачинакиты с наступлением весны переправляются с той стороны Днепра и всегда здесь проводят лето» (Там же. С. 44–45). В комментарии к этой фразе, написанном М.В. Бибиковым и В.П. Шушариным, отмечается: «Константин сообщает важные сведения, характеризующие отгонное скотоводство как основу экономической жизни печенегов: в поисках пастбищ они перемещались в летнее время из-за Днепра к берегам Черного моря и дунайским равнинам, а осенью отходили назад. Эти сведения согласуются с материалами археологических исследований погребений кочевников. Ориентировка скелетов в большинстве степных могильников головой на юго-запад – показатель зимних захоронений. Курганы в южнорусских степях расположены беспорядочно. Судя по археологическим данным, у печенегов не было постоянных зимовищ, как не было и кладбищ. «Это были кочевники периода военной демократии, всегда готовые к войнам и грабежам»⁵)» (Там же. С. 291, примеч. 13).

Самым же важным аргументом в пользу того, что Геллерту приходилось наставлять в Христовой вере в том числе печенегов, приходивших из Восточной Европы, является то, что поселившиеся до начала его мис-

⁵ Ссылка на: Степи Евразии 1981. С. 217, 221.

сионерской деятельности в Венгрии печенеги уже не были теми, кому «никогда не проповедовалось слово Божие». Уже при отце Иштвана I князе Гезе (970/2–997) начался процесс христианизации страны, в которую приходили западные проповедники: Вольфганг из Айнзидельна (972), Бруно Санкт-Галленский (972–974), Адальберт Пражский (995). Все они обошли с проповедями, в том числе, и венгерские местности, населенные печенегами.

Всё это позволяет предположить, что среди печенегов, о которых пишет Геллерт в рассматриваемом источнике, могли быть и те, кто проводил зиму в степях Восточной Европы. Кроме того, как известно из Повести временных лет, в 1036 г. печенеги потерпели поражение под Киевом от войска Ярослава Мудрого. Этот разгром, а также усиливавшийся натиск торков (узов), заставили самые восточные племена печенегов откочевать в более западные степные области, в том числе граничившие с Венгерским королевством.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнёва. М., 1981. [Stepi Evrasii v epokhu srednevekovyua (Steppes of Eurasia in the Middle Ages) / Отв. ред. S.A. Pletnyova. Moscow, 1981.]
- Бруно Кверфуртский. Послание к германскому королю Генриху II (1008 г.) // ДРСЗИ. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Сост., пер. и комм. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 55–62. [*Bruno Kverfurtskiy. Poslaniye k germanskomu korolyu (1008) (Bruno of Querfurt. Epistle to the German King Henry II (1008))* // *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya. T. IV. Zapadnoevropeyskiye istochniki / Sost., per. i komm. A.V. Nazarenko.. Moscow, 2010. S. 55–62.*]
- Гарустович Г.Н. Распространение ислама у печенегов в степях Восточной Европы // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2013. Т. 18. № 3. С. 66–75. [*Garustovich G.N. Rasprostraneniye islama u pechenegov v srepyakh Vostochnoy Evropy (The Spread of Islam among the Pechenegs in the Steppes of Eastern Europe)* // *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. 2013. T. 18. № 3. S. 66–75.*]
- Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967. [*Zakhoder B.N. Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. T. II. Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy i slavyane (Caspian Corpus of Information about Eastern Europe. Vol. II. Bulgars, Magyars, Peoples of the North, Pechenegs, Russ, Slavs).* Moscow, 1967.]

- Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, пер., комм. / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991. [*Konstantin Bagryanorodnyu*. Ob upravlenii imperiey (*Constantine Porphyrogenitus*. De Administrando imperio) / Pod red. G.G. Litavrina i A.P. Novosel'tseva. Moscow, 1991.]
- Шушарин В.П.* Христианизация венгров // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 159–186. [*Shusharin V.P.* Khristianizatsiya vengrov (Christianization of the Hungarians) // Prinyatiye khristianstva narodami Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy i kreshcheniye Rusi. Moscow, 1988. S. 159–186.]
- Юрасов М.К.* Древнейший русский монастырь на территории Венгрии // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 2 (14). С. 80–93. [*Yurasov M.K.* Drevneyshiy russkiy monastyr' na territorii Vengrii (The Oldest Russian Monastery in Hungary) // Paleorossia. Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh. 2021. № 2 (14). S. 80–93.]
- Andreas I rex* conscribit bona monasterii de Tihon ab eo fundati et dotati // DHA I. P. 145–152.
- Chronici Hungarici compositio saeculi XIV* / Ed. A. Domanovszky // SRH I. P. 217–505.
- Györfy Gy.* István király és műve. Budapest, 1977.
- Heinzer F.* Neues zu Gerhard von Csanád: Die Schlußschrift einer Homiliensammlung // Südost-Forschungen. 41. 1982. S. 1–7.
- P. magistri*, qui Anonymus dicitur, Gesta Hungarorum / Praefatus est textum recensuit Ae. Jakubovich, annotationes exegeticas adiecit D. Pais // SRH I. P. 13–117.
- Szegfü L.* Ajtony // KMTL. 1994. 32–33. 1. (a).
- Szegfü L.* Gellért // KMTL. 1994. 231. 1. (b).
- Szegfü L.* Meg egyszer Szent Gellért prédikációiról // Aetas. 1999. 3. sz. 12–21. 1.
- Udvardy J.–Lotz A.* Csanádi püspökség // KMTL. 146. 1.

Mikhail K. Yurasov

THE OLDEST DATA ABOUT PECHENEGS IN MEDIEVAL HUNGARIAN SOURCES

The earliest extant information about the peoples of Eastern Europe in the Latin-language writings of the Kingdom of Hungary is contained in an excerpt from a solemn sermon of the first Bishop of Chanad Gellert which is dated between 1030 and 1038. This passage is contained in the codex of the 14th century, discovered by F. Heinzer. In it, Gellert complains that he is forced to preach Christianity to the Pechenegs who have never heard about the Holy Scriptures. These must be the Pechenegs who recently came from Eastern Europe to settle in Hungary or wandered on its southeastern borders.

Keywords: Gellert's solemn sermons, the Christianization of Hungary, the migration of the Pechenegs to Hungary

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-267-274

А.А. Горский

КНЯГИНЯ ГИДА, СУПРУГА ВЛАДИМИРА МОНОМАХА, В СВЕТЕ ИЗЫСКАНИЙ А.В. НАЗАРЕНКО

О жизни и деятельности на Руси первой жены Владимира Мономаха Гиды, дочери последнего англосаксонского короля Гарольда, долгое время ничего не было известно, поскольку в русских источниках упоминания о ней отсутствуют: об этом браке свидетельствовали только скандинавские саги и хроники. Публикация А.В. Назаренко «Чуда святого Пантелеимона о русском короле Харальде» открыла ранее неизвестные факты жизни Гиды. Выяснилось, что княгиня пребывала в Новгороде при своем старшем сыне новгородском князе Мстиславе (Харальде), а также совершила, исполняя данный обет, паломничество в Иерусалим после его исцеления с помощью святого Пантелеимона от раны, полученной на охоте от медведя. Дальнейший анализ привел к выводу, что брак Мономаха и Гиды завершился не кончиной княгини, как обычно предполагалось, а ее пострижением в монахини и разводом; паломничество в Святую землю Гиды осуществила именно в статусе монахини. Вокняжение Мстислава в Новгороде (1088 г.), произошедшее в противоречие с традицией очередности занятия княжичами столов, и путешествие Гиды в Иерусалим (скорее всего, имевшее место в 1103 г.) совпадают с периодами, когда в Англии вспыхивала борьба за королевскую корону (после смерти соответственно Вильгельма I Завоевателя и Вильгельма II Руфуса). В статье обосновывается предположение о наличии у Гиды стремления добыть английский престол для старшего сына и контактах ее по этому поводу с датскими родственниками – королями Кнудом и Эйриком, также не признававшими власть нормандской династии. Вокняжение Мстислава в 1088 г. в Новгороде было, вероятно, произведено под ее влиянием, с целью пребывать вместе с сыном ближе к Балтийско-Северноморскому региону. Таким образом, изыскания А.В. Назаренко позволяют гипотетически реконструировать неизвестные ранее детали политической ситуации на Севере Европы в конце XI – начале XII в.

Ключевые слова: Гиды, Владимир Мономах, Мстислав-Харальд Владимирович, Новгород, Англия, Дания, Иерусалим

Из скандинавских источников известно, что первой женой Владимира Мономаха была Гида, дочь последнего англосаксонского короля Гарольда, павшего в битве при Гастингсе с Вильгельмом Завоевателем в 1066 г. После бегства из Англии она жила при дворе датского короля Свейна Ульвссона (своего двоюродного дяди), а затем была выдана замуж за Владимира, в то время (середина 1070-х гг.) одного из младших русских князей (см.: Джаксон 2000. С. 164, 165, 167, 169, 170, 172, 173, 232, 237, 234, 240; Назаренко 2001. С. 589–590). О жизни и деятельности Гиды на Руси долгое время ничего не было известно, поскольку в русских источниках упоминания о ней отсутствуют.

Положение изменилось после того, как А.В. Назаренко ввел в научный оборот сведения «Слова о св. мученике Пантелеимоне» – немецкого агиографического памятника начала XII в. В нем среди чудес святого излагается сюжет об исцелении благодаря его помощи новгородского князя Мстислава, старшего сына Владимира Мономаха и Гиды. Из источника следует, что мать Мстислава находилась вместе с ним, и после исцеления сына (пострадавшего на охоте от медведя), исполняя данный обет, совершила паломничество в Иерусалим (Назаренко 1993; 2001. С. 589–590; Древняя Русь 2009. С. 180–182).

А.В. Назаренко, рассматривая сведения данного источника, исходил из господствовавшего в историографии убеждения, что Гида ушла из жизни в конце 1090-х гг., т.к. не позднее этого времени у Мономаха начинали появляться дети от второй жены¹, умершей в 1107 г. (о чем есть упоминания в ПВЛ и Поучении Владимира Мономаха)², и соответственно предполагал, что она совершила поездку в Иерусалим ок. 1098 г. (Назаренко 2001. С. 607, 632). Но при принятии версии, что первый брак Владимира Мономаха завершился вдовством, приходится подразумевать, что паломничество в Иерусалим, о котором говорится в «Слове о св. Пантелеимоне», Гида осуществила будучи замужем. Между тем среди известных случаев женских паломничеств из европейских стран в Иерусалим в конце XI – XII в. путешествий замужней дамы без супруга не фиксируется. Женщины-мирянки совершали туда паломничества либо вместе с мужьями, либо имея статус вдов или незамужних (см.: Röhricht 1894; Schein 1999; Webb 2001). Все эти варианты для Гиды исключены. Остается полагать, что паломничество она совершила как монахиня (аналогичный случай – паломничество в Иерусалим после пострига при наличии здравствующего бывшего мужа – известен³). Следовательно,

¹ Старший из них, Юрий, в начале 1108 г. уже женился (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 282–283).

² В западной историографии до сих пор можно встретить отождествление супруги Владимира, ушедшей из жизни в 1107 г., с Гидой (Henson 2001. P. 40; Raffensperger 2016. P. 61–62), но ошибочность такого мнения ныне является доказанной (Кучкин 1999. С. 52–53).

³ Ута фон Тарасп, 1160-е гг. (Codex diplomaticus 1848–1852. S. 191–196).

надо полагать, что Гида постриглась в монахини, что повлекло за собой развод с Владимиром⁴, и привязывать ее кончину ко второй половине 1090-х гг. нет оснований (см. подробно: Горский 2020. С. 18–20). Именно разводом объясняется не свойственное русским княгиням пребывание Гиды вместе с сыном (княжившим в 1088–1117 гг., с небольшим перерывом в середине 1090-х гг., в Новгороде), а не с мужем⁵.

Такие выводы дают основания для дальнейших предположений.

Мстиславу в 1088 г. исполнилось 12 лет – возраст, вполне подходящий для занятия княжеского стола. Но необычность ситуации в том, что Мстислав занял новгородский стол «вне очереди». Ранее в Новгороде никогда не сажались внуки киевского князя⁶, всегда это были стоявшие выше в генеалогическом отношении княжичи⁷. При Игоре в середине X в. в Новгороде сидел его сын Святослав, при Святославе – сын Владимир, при Владимире – старший сын Вышеслав, после его смерти Ярослав – старший на тот момент из родных сыновей, при Ярославе – старший сын Владимир, при Изяславе Ярославиче – старший сын Мстислав. После изгнания Изяслава из Киева в 1068 г. новгородский стол занял старший сын следующего по старшинству Ярославича, Святослава – Глеб, он же остался в Новгороде после возвращения Изяслава из изгнания. В 1078 г., по смерти Глеба, в Новгороде княжит сын киевского князя Изяслава Святополк⁸. Он остался в Новгороде в княжение своего дяди Всеволода, став после гибели брата Ярополка старшим из племянников киевского князя и первым наследником киевского стола. В 1088 г. Святополк перешел из Новгорода в Туров, но остался первым претендентом на Киев после смерти Всеволода (и в 1093 г. занял киевский стол) (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207,

⁴ Каноническое право допускало развод в случае пострижения одного из супругов с согласия другого (см.: Бенешевич 1906. С. 792; Русская историческая библиотека 1908. Стб. 6–7).

⁵ Единственный пример, приведенный А.В. Назаренко в пользу вероятности проживания княгини с сыном при живом муже – пребывание жены владимирского великого князя Ярослава Всеволодича в конце 1240 г. в Новгороде вместе с сыном, Александром Невским (Назаренко 2001. С. 598). Но этот случай явно связан с особыми обстоятельствами. В 1240 и 1241 гг. у Ярослава и княгини рождались дети, Мария и Василий (ПСРЛ 1997. Стб. 470) – следовательно, в Новгороде она проживала не постоянно. Скорее всего, Ярослав отправил беременную супругу в Новгород, когда зимой 1239–1240 г. монголы напали на окраины Северо-Восточной Руси (Муром и Гороховец), а в конце 1240 г., когда Александр Ярославич вынужден был уйти из Новгорода, его мать вернулась вместе с ним и новорожденной дочерью (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470; Новгородская первая летопись. С. 78).

⁶ Киевским князем был в то время дед Мстислава Всеволод Ярославич; отец, Владимир Мономах, княжил тогда в Чернигове.

⁷ Перечень новгородских князей с датами княжений см.: Древняя Русь в средневековом мире 2014. Приложения. С. 7.

⁸ Старшим он был на тот момент или вторым после Ярополка – точно неизвестно; вероятнее второе, но Ярополк Изяславич в том же 1078 г. получил княжение в Вышгороде, киевском пригороде, т.е. фактически соправительство с отцом.

217–218). А в Новгороде начал княжить внук Всеволода Мстислав⁹. Почему именно он? Допустим, его отца, Владимира Мономаха, сидевшего тогда в Чернигове, старейший Всеволод предпочитал держать близ себя. Но был еще младший Всеволодич, Ростислав, уже взрослый. Из поколения внуков Ярослава на Руси пребывал Давыд Святославич. Старше по родовому счету был и сын Святополка – Ярослав. То есть Мстислав опередил в условной очереди на новгородское княжение сразу пятерых князей (с учетом Святополка, чье место он занял)¹⁰. С другой стороны, такому юному и младшему можно было выделить стол поскромнее: например, Курск, куда Владимир Мономах позже отправит своего второго сына – Изяслава, или Ростов, куда еще позднее он пошлет на княжение Юрия, одного из младших сыновей¹¹.

Таким образом, вокняжение Мстислава в Новгороде было событием неординарным. И случилось оно тогда, когда на родине Гиды, в Англии, после смерти Вильгельма Завоевателя (1087 г.) развернулась междоусобица: помимо наследовавшего Вильгельму сына, Вильгельма Руфуса, на английскую корону предъявил претензии его старший брат, герцог Нормандии Роберт Куртгёз (David 1920. P. 44–53; Aird 2008. P. 99–116). Разумеется, это может быть простым совпадением. Но данное совпадение – не единственное.

⁹ В Повести временных лет говорится об уходе Святополка в 1088 г. из Новгорода в Туров, и прямо не указывается, что его место занял Мстислав (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207; Т. 2. Стб. 199). Но в перечне новгородских князей, помещенном в числе дополнительных статей Новгородской первой летописи младшего извода, сказано, что после ухода Святополка «присла Всеволод внука своего Мстислава, сына Володимеря; и княживъ 5 лѣтъ, иде Ростову» (Новгородская первая летопись. С. 470). Исходя из названного в перечне пятилетнего срока первого новгородского княжения Мстислава, делались попытки отнести его начало к более позднему времени – 1090 или 1091 г. (Назаренко 2001. С. 548–551; Круглова 2007), так как переход в Ростов имел место в 1094 или 1095 г. (Новгородская первая летопись. С. 19; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229). Но основа перечня князей была составлена в Новгороде не ранее 1160-х гг., а дошедший до нас текст – только в начале XV в. (см. историю вопроса: Круглова 2007. С. 18–19), и он содержит хронологические неточности (так, срок второго княжения Мстислава в Новгороде, длившегося с 1096 по 1117 г., определен в 20 лет (вместо правильных 22-х, по принятому на Руси «включающему» счету) – Новгородская первая летопись. С. 470). В любом случае принципиальное решение о передаче новгородского стола другому князю должно было приниматься либо до, либо вскоре после ухода из города Святополка.

¹⁰ Т.В. Круглова, заметив, что в некоторых поздних летописях упоминается княжение Давыда Святославича в Новгороде ранее Мстислава (а не после него, в середине 1090-х гг., как указано в памятниках Начального летописания), предположила, что это сообщение достоверно, т.к. Давыд был по родовому счету старше Мстислава, и последний не мог получить княжение в обход него (Круглова 2007. С. 18). Но Мстислав получил новгородское княжение ранее не только Давыда, но и других старших по отношению к нему князей – своего отца, дяди – Ростислава Всеволодича, и старшего двоюродного брата Ярослава Святополчича.

¹¹ В Ростове некоторое время – в 1094 (или 1095) – 1096 гг. – княжил и сам Мстислав (см. выше примеч. 9).

В «Слове о св. Пантелеимоне» упоминается поездка Гиды в Иерусалим. А.В. Назаренко отнес ее ко времени Первого крестового похода (1097–1099 гг.), поскольку предполагал кончину Гиды в эти годы. Но если исходить из того, что брак с Владимиром прекратился в результате развода, вероятнее другое предположение. В 1103 г. в паломничество в Иерусалим отправился король Дании Эйрик Добрый со своей женой Бодиль. Путь его проходил через Русь (Саксон Грамматик 2017. С. 49 (12.7.1); Riant 1865. Р. 155–164), и он не мог миновать Новгорода (Хольмгарда скандинавских источников), где проживала рядом со старшим сыном Гида. Эйрик, сын Свейна Ульвссона, был троюродным братом княгини. Помимо того, что они были знакомы со времен пребывания Гиды до замужества при датском дворе, известно, что Эйрик посещал Русь и ранее путешествия в Святую землю (Джаксон 2000. С. 233–234, 239). И скорее всего, она отправилась в Иерусалим вместе с датской королевской четой.

Между тем как раз в это время вновь развернулась борьба за английский престол (после гибели на охоте Вильгельма II Руфуса в 1100 г.). Права младшего брата Вильгельма, Генриха Боклерка, оспорил тогда все тот же Роберт Куртгёз, герцог Нормандии (David 1920. Р. 120–176; Aird 2008. Р. 191–244). Но надо иметь в виду, что претенденты на английский престол не исчерпывались семейством Вильгельма Завоевателя. Права последнего при его жизни оспаривали датские короли – сначала Свейн (см.: Рекс 2016. С. 128–129, 140, 154, 157–165, 183–186, 218–219), потом его сын Кнут. Права Свейна основывались на родстве с Кнутом Могучим, королем Дании и Англии в 1016–1035 гг. – его матерью была сестра Кнута Эстрид¹². В 1085 г. (еще при жизни Вильгельма Завоевателя) Кнут Свейнссон собрал флот для вторжения в Англию, при этом он действовал в союзе с норвежским королем Олавом Тихим и своим тестем Робертом, графом Фландрским (Саксон Грамматик 2017. С. 29–31 (11.13.2–6), 340, примеч. 91, 93–94)¹³. Эйрик был младшим братом Кнута, т.е. обладал, как внучатый племянник Кнута Могучего, такими же правами на английский престол. Не могла ли его вероятная совместная поездка с Гидой 1103 г. стать поводом для переговоров о вмешательстве во внутрянглийскую борьбу? Эйрик умер на Кипре, не доехав до Святой земли (Саксон Грамматик 2017. С. 51 (12.7.6)), Гида же достигла цели своего путешествия¹⁴. Между тем со времени Первого крестового похода там пребывал Эдгар Этелинг, представитель династии предпоследнего англосаксонского ко-

¹² Отцом Свейна был ярл Ульв, и датский престол он занял именно благодаря родству с Кнутом по материнской линии.

¹³ Поход не состоялся из-за противодействия брата Кнута Олава, стремившегося захватить власть в Дании.

¹⁴ В «Слове о св. Пантелеимоне» говорится, что она «...исполнила обет благочестивого паломничества» (Назаренко 2001. С. 588).

роля Эдуарда Исповедника¹⁵ (1042–1066), до 1074 г. оспаривавший у Вильгельма трон (см.: Рекс 2016. С. 94–100, 141, 144–145, 150–156, 160, 225, 229–230). Правда, он покинул Палестину, скорее всего, в год, предшествующий путешествию датской четы (и, по нашему предположению, Гиды) – 1102, но вернувшись, ввязался в борьбу за Англию на стороне Роберта Куртгёза, и примирился с Генрихом I только после поражения нормандского герцога, в 1106 г. (см.: David 1920. P. 236–238; Hooper 1985. P. 208–211; Aird 2008. P. 241). Такое пересечение (пусть и неудавшееся) в Святой земле в период обострения борьбы за английский престол представителей трех семейств, имевших на него права – потомков Кнута Могучего, Гарольда II и Эдуарда Исповедника – возможно, было неслучайным.

Старший сын Гиды, Мстислав (р. 1076), помимо русского княжеского имени и крестильного Федор имел еще одно – Харальд (=Гарольд) – имя деда по материнской линии. Причем в зарубежных источниках он упоминается *исключительно* под этим именем (см.: Джаксон 2000. С. 164–173, 232, 234–237, 240, 241, 243)¹⁶ – т.е. оно было не внутрисемейным, а употребляемым на равных с русским Мстислав. Уже в этом именовании можно видеть заявку на наследственные права, вряд ли Гида руководствовалась здесь одной ностальгией. Родился и соответственно был наречен Мстислав-Гарольд через два года после того, как Эдгар Этелинг отказался от претензий на английский престол – еще одно «совпадение».

Претензии детей Гиды на трон королей Англии после схода со сцены ее братьев (которые позже конца 1060-х гг. в политической жизни не участвовали, см.: Уолкер 2014. С. 230–245) должны были быть более основательными, чем у всех остальных, кроме Эдгара Этелинга, который в 1074 г. от своего права отказался. Сыновья Мономаха от Гиды – Мстислав, Изяслав, Святослав, Ярополк и Вячеслав – были родными внуками короля Гарольда, их отец и здравствующий дед являлись князьями (т.е. обладали титулом, равным др.-сканд. *konungr* и др.-англ. *cyning*), таким образом статус по отцовской линии был равен статусу по материнской¹⁷. Скорее было бы странно, если бы Гида в такой ситуации об английском престоле для сына не помышляла, чем наоборот. Отдаленность Англии от Руси вряд ли могла появлению таких планов помешать. Связи с Данией, где Гида провела юные годы, несомненно, должны были у нее сохраняться¹⁸. Кнут, который в 1085 г. собирался вторгнуться в Англию, был

¹⁵ Он был внуком Эдмунда Железнобокого (король Англии в 1016 г.), брата Эдуарда.

¹⁶ Под ним он фигурирует и в «Слове о св. Пантелеимоне», в латинском варианте «Арольд» – «Aroldus rex gentis Russorum» (Назаренко 2001. С. 586).

¹⁷ Ср. со Sveinom Ульвссоном, который благодаря родству по материнской линии унаследовал датский престол и претендовал на английский, хотя отец его был не конунгом, а только ярлом.

¹⁸ Из «Слова о св. Пантелеимоне» следует, что Гида поддерживала тесные контакты с не менее отдаленным от Руси Кельнским монастырем св. Пантелеимона (Назаренко 2001. С. 587–588).

троюродным братом Гиды, знакомым ей с детства. У его союзника, Роберта Фландрского, Гида пребывала до переезда в Данию (Уолкер 2014. С. 238–239). Скорее всего, она была в курсе ситуации в Дании и знала о планах Кнута в отношении Англии.

В 1088 г., когда Мстислав вокняжился в Новгороде, в Дании правил уже средний из сыновей Свейна, Олав, тоже троюродный брат Гиды, да еще женатый на дочери Харальда Норвежского и Елизаветы Ярославны – Ингигерд (т.е. племяннице Всеволода Ярославича и двоюродной сестре Владимира Мономаха). Но Олав был противником замысла вторжения в Англию. Младший сын Свейна, Эйрик, был, напротив, сподвижником Кнута, и укрывался от Олава в Швеции [Саксон Грамматик 2017. С. 30 (11.13.3–4), 31 (1.13.8), 39 (12.1.1), 42 (12.3.1)]. Известно, что Эйрик, еще не являясь королем (т.е. до 1095 г.), бывал на Руси (Джаксон 2000. С. 233–234, 239). Нельзя исключать, что они вели с Гидой переговоры об английских делах уже тогда¹⁹.

Совокупность приведенных данных позволяет предположить, что Гида могла иметь надежды на возвращение в Англию и занятие ее старшим сыном там королевского престола. Вокняжение Мстислава в 1088 г. в Новгороде (вопреки традиции) было, вероятно, произведено под ее влиянием, с целью пребывать вместе с сыном ближе к Балтийско-Северноморскому региону. По имеющимся данным, отец Мстислава Владимир Мономах не слишком дорожил новгородским княжением. В 1094 (или 1095) г. он вместе с киевским князем Святополком Изяславичем перевел в Новгород из Смоленска Давыда Святославича²⁰, а Мстислава отправил в Ростов (Новгородская первая летопись. С. 19; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229). В 1102 г. (за год до наиболее вероятной даты поездки Гиды в Иерусалим) Владимир согласился на перевод Мстислава из Новгорода во Владимир-Волынский, в Новгороде должен был сесть Ярослав Святополчич; но новгородское посольство, прибывшее с Мстиславом в Киев, не поддалось на уговоры Святополка, заявив: «Сего ны даль Всеволодь, а въскормили есмы собѣ князь» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 275–276). Не Гида ли способствовала такому настрою новгородцев, не желая, чтобы сын уходил на Юг (она ведь тоже «вскармливала» Мстислава в качестве новгородского князя)? В 1117 г. Владимир перевел Мстислава в Белгород, сделав его фактически своим соправителем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284). То есть Мономах три раза уводил сына из Новгорода. В его «Поучении детям» есть фраза: «Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 246). За этим может стоять что-то личное. Конечно, это

¹⁹ Не был ли брак Мстислава с дочерью шведского короля Инги (первая половина – середина 1090-х гг.) результатом совместных действий Гиды и пребывавшего тогда в Швеции Эйрика?

²⁰ По мнению А.В. Назаренко, это было сделано чтобы затруднить связи последнего с братом Олегом, захватившим тогда Чернигов (Назаренко 2001. С. 550).

было написано после того, как Владимир уже побывал во втором браке, но тот закончился вдовством, а брак с Гидой – разводом. Не исключено, что именно ее стремление к новгородскому столу для старшего сына (как первому шагу к английскому престолу) привело к ухудшению отношений между супругами, приведшему к пострижению Гиды в монахини и разводу.

Таким образом, изыскания А.В. Назаренко позволяют реконструировать (разумеется, с немалой долей гипотетичности) неизвестные ранее детали политической ситуации на Севере Европы в конце XI – начале XII в.²¹

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бенешевич В.Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1906. [*Beneshевич V.N.* Drevneslavjanskaya Kormchaya XIV titulov bez tolkovaniy (Old Slavic Kormchaya of XIV Titles without Commentaries). St-Petersburg, 1906.]
- Горский А.А.* «Княгиня Володимеря»: о браках Владимира Мономаха // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 17–25. [*Gorskiy A.A.* “Knyaginya Volodimerya”: O brakakh Vladimira Monomakha (“Knyaginya Volodimerya”: on Marriages of Vladimir Monomakh) // Drevnyaya Rus’: voprosy medievistiki. 2020. N 4 (82). S. 17–25.]
- Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.). М., 2000. [*Jackson T.N.* Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoy Evrope (Islandic King’s Sagas on Eastern Europe. Moscow, 2000.)
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. М., 2009. [*Drevnyaya Rus’ v svete zarubezhnykh istochnikov* (Ancient Rus’ in the Light of Foreign Sources). T. 4. Moscow, 2009.]
- Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. М., 2014. [*Drevnyaya Rus’ v srednevekovom mire: entsiklopediya* (Ancient Rus’ in Medieval World: Encyclopedia). Moscow, 2014.]

²¹ Существует летописное известие под 1126 г.: «а княгини Володимеря преставися мѣсяца июня въ 11 день» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296; ср.: Т. 2. Стб. 290). Возможно, здесь имеется в виду не известная третья жена Мономаха (которой, согласно каноническому праву, не должно было быть; до середины XIII столетия третьи браки у русских князей не фиксируются, да и позднее единичные факты их заключения были связаны с экстраординарными обстоятельствами), а Гида, пережившая в этом случае и вторую супругу Владимира, и его самого (умершего в предыдущем, 1125 г.) (подробно см.: Горский 2020. С. 20–23). Если это так, то она, не сумев вернуться на родину в роли королевы-матери и не дождавшись восхождения старшего сына на английский трон в качестве короля Гарольда III, застала его вступление на киевский престол как Мстислава, князя всея Руси.

- Круглова Т.В.* О сроках новгородского княжения Мстислава Великого // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2007. № 1 (27). С. 15–20. [*Kruglova T.V.* O srokakh novgorodskogo knyazheniya Mstislava Velikogo (On the Dates of Novgorodian Reign of Mstislav the Great) // *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. 2007. N 1 (27). S. 15–20.]
- Кучкин В.А.* Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999. [*Kuchkin V.A.* Chudo sv. Pan-teleymona i semeinye dela Vladimira Monomakha (The Miracle of Saint Pan-teleymon and Family Affairs of Vladimir Monomakh) // *Rossiya v Srednie veka i Novoe Vremya*. Moscow, 1999.]
- Назаренко А.В.* Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 66–79. [*Nazarenko A.V.* Neizvestnyi epizod iz zhizni Mstislava Velikogo (The Unknown Episode of the Life of Mstislav the Great) // *Otechestvennaya istoriya*. 1993. N 2. S. 66–79.]
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М. 2001. [*Nazarenko A.V.* *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh* (Ancient Rus' on International Roads). Moscow, 2001.]
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. [*Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov* (Novgorod First Chronicle of Older and Junior Versions. Moscow; Leningrad, 1950.)]
- Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1998. [*Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 1: *Lavrent'evskaya letopis'* (A Complete Corpus of Russian Chronicles. Vol. 1: Lavrentian chronicle). Moscow, 1997.]
- Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 2001. [*Polnoe sobranie russkikh letopisey*. T. 2: *Ipat'evskaya letopis'* (A Complete Corpus of Russian Chronicles. Vol. 2: Hupatian Chronicle). Moscow, 2001.]
- Рекс П.* 1066: Новая история нормандского завоевания. М., 2014. [*Rex P.* 1066: *Novaya istoriya normandskogo zavoevaniya* (1066: New History of Norman Conquest). Moscow, 2014.]
- Русская историческая библиотека. Т. 6. Изд. 2-е. СПб., 1908. [*Russkaya istoricheskaya biblioteka* (Russian Historical Library). T. 6. 2nd ed. St-Petersburg, 1908.]
- Саксон Грамматик.* Деяния данов. Т. 2. М., 2017. [*Sakson Grammatik.* *Deyaniya danov* (*Saxo Grammaticus. Gesta Danorum*). Vol. 2. Moscow, 2017.]
- Волкер Й.* Гарольд. Последний король англосаксов. СПб., 2014. [*Walker I.* Harold: *The Last Anglo-Saxon King*. St-Petersburg, 2014.]
- Aird W.M.* Robert Curthose, Duke of Normandy, c. 1050–1134. Woodbridge; Rochester, 2008.
- Codex diplomaticus: Sammlung der Urkunden zur Geschichte Cur-Rätien und der Republik Graubünden. Bd. 1. Cur, 1848–1852.

- David Ch.W.* Robert Curthose, Duke of Normandy. Cambridge, 1920. (Harvard historical studies; 25).
- Henson D.* The English Elite in 1066: Gone Not Forgotten. Norfolk, 2001.
- Hooper N.* Edgar the Ætheling: Anglo-Saxon Prince, Rebel and Crusader // Anglo-Saxon England. 1985. Vol. 14.
- Raffensperger Chr.* Ties of Kinship: Genealogy and Dynastic Marriage in Kyivan Rus'. Cambridge (Mass), 2016.
- Riant P.* Expéditions et pèlerinages des Scandinaves en Terre Sainte au temps des croisades. P., 1865.
- Röhricht R.* Die Deutschen in Heiligen Lande. Insbruck, 1894.
- Schein S.* Bridget of Sweden, Margery Kempe and Woman's Jerusalem Pilgrimage in the Middle Ages // Mediterranean historical review. 1999. Vol. 14, 1.
- Webb D.* Pilgrims and Pilgrimage in the Medieval West. L.; N.Y., 2001.

Anton A. Gorskiy

PRINCESS GYDA, THE WIFE OF VLADIMIR MONOMAKH,
IN THE LIGHT OF A.V. NAZARENKO'S INVESTIGATIONS

A.V. Nazarenko's edition of *The Miracle of Saint Panteleimon about Russian king Harold* revealed unknown facts of biography of Gyda, the first wife of prince Vladimir Monomakh and the daughter of the last Anglo-Saxon king Harold. She lived in Novgorod with her eldest son Mstislav (Harald) and made a pilgrimage to Jerusalem. Further analysis led to the conclusion that the matrimony of Monomakh and Gyda ended in her becoming a nun and the divorce; Gyda made a pilgrimage to the Holy Land as a nun. The beginning of Mstislav's reign in Novgorod (1088) and Gyda's trip to Jerusalem (probably 1103) synchronized with periods of struggle for English crown (after deaths of William the Conqueror and William II). The author puts forward a hypothesis that Gyda intended to obtain the English throne for her eldest son and had contacts with her Danish relatives on this occasion.

Keywords: Gyda, Vladimir Monomakh, Mstislav-Harald Vladimirovich, Novgorod, England, Denmark, Jerusalem

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-275-284

В.А. Кучкин

МОСКОВСКИЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

В самом начале 1363 г. московские войска взяли столицу великого княжества Владимирского г. Владимир на Клязьме, изгнав оттуда прежнего правителя, суздальского по происхождению князя Дмитрия-Фому Константиновича и объявив Владимирское великое княжение достоянием московского князя Дмитрия Ивановича, будущего Донского. Присоединение к Москве г. Владимира, его уездов и волостей вызвало резкий протест со стороны соседних с Москвой княжеств Тверского и Нижегородского, правители которых начали долгую и упорную борьбу с Москвой за владимирский стол. С течением времени в эту борьбу оказались втянуты Литовское великое княжество и Орда. Однако после разгрома Москвой и ее союзниками Тверского княжества в 1375 г. московское правительство закрепило за собой владимирские земли – самое крупное свое территориальное приобретение. Поэтому умирая, Дмитрий Донской в своем завещании, составленном между 25 марта и 16 мая 1389 г., постарался сохранить великокняжеские владимирские земли в одних руках. Назначая своим преемником на московском столе Василия, старшего из живших в 1389 г. своих сыновей, и соблюдая тем самым традиции предков (преемник отца – старший сын) Дмитрий Донской ему одному передавал и все владимирские земли. В случае же смерти Василия великим князем должен был стать не сын Василия, а старший из живых его братьев. К последнему целиком переходил и удел умершего брата. Таким образом сохранялся и контроль самого могущественного из московских князей над приобретенными в свое время владимирскими землями. Говоря конкретно, таким князем – кандидатом на московский великокняжеский стол должен был стать звенигородский и галичский князь Юрий Дмитриевич, которому в год смерти отца исполнилось 15 лет. Существует мнение, что с уходом из жизни Дмитрия Донского отношения между Василием I и Юрием сильно охладели (А.Е. Пресняков). Проверка по первоисточникам показывает, что это не так. Уже первое столкновение нового великого князя с родственником, серпуховским князем Владимиром Андреевичем, показало, что Юрий твердо выступает на стороне старшего брата, а не двоюродного дяди, выполняя дипломатические поручения Василия I и скрепляя своей печатью январское соглашение 1390 г. с Владимиром Серпуховским. Это следование политике Василия I характерно для звенигородского князя на всем протяжении правления старшего брата. Но

после его смерти 27 февраля 1425 г. Юрий Дмитриевич стал добиваться великокняжеского стола. Более 9 лет он боролся за этот стол и в конце концов занял его. Его соперник, сын Василия I Василий II, уже готовился бежать в Орду, когда из Москвы пришло известие, что великий князь Юрий скончался 5 июня 1434 г.

Ключевые слова: Древняя Русь, Московское великое княжество, Дмитрий Донской, Юрий Звенигородский, политическая история

Последнее завещание Дмитрия Донского (по счету – второе) было составлено между 25 марта и 16 мая 1389 г., скорее всего, в первой половине мая 1389 г. Приведенная начальная дата определяется по времени овладения Дмитрием городами Дмитровом и Галичем, упоминаемыми в его завещании. Ранее оба города принадлежали двоюродному брату Дмитрия серпуховскому князю Владимиру Андреевичу, но по договору от 25 марта 1389 г. между Дмитрием и Владимиром (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 155) переходили в собственность Юрия великого князя. Очевидно, что душевная грамота Дмитрия Донского могла быть составлена только после 25 марта 1389 г.

Другая дата, позже которой документ не мог быть написан, основывается на одной из статей великокняжеского завещания 1389 г.: «А дасть ми б(ог)ъ с(ы)на, и княгини моѧ подѣлит его, возмѧ по части у большѧ его братьи» (ДДГ. С. 35, № 12). Речь идет о том, что жена Дмитрия Донского великая княгиня Евдокия ждала ребенка, и Дмитрий заранее озаботился в своем завещании о наделении возможного нового наследника земельными владениями. Последний сын Дмитрия, названный Константином, родился 16 мая 1389 г. Следовательно, завещание Донского было составлено до 16 мая 1389 г.

По своему характеру душевная грамота Дмитрия Ивановича представляла собой некий косвенный отчет великого князя перед потомками о его деятельности, успешном присоединении к Москве целого ряда русских княжеств, городов и мест, содержала сведения о разделении Донским накопленного им недвижимого и движимого имущества между своей женой и шестью сыновьями (Василий, род. 30.XII.1371 г.; Юрий, род. 26.XI.1374 г.; Иван, род. в перв. пол. 1378 г.; Андрей, род. 14.VIII.1382 г.; Петр, род. 29.VII.1385 г.; Константин, род. 16.V.1389 г. – Кучкин 2013. С. 19); указывала, каких норм надо придерживаться наследникам Дмитрия в отношениях друг с другом, союзниками и потенциальными врагами. Но главным в этом разделе завещания Дмитрия Донского было новое правило великокняжеского престолонаследия. Оно составило особую статью завещания 1389 г.: «А по грѣхом отъимет б(ог)ъ с(ы)на моего, князя Васильѧ, а хто будет подъ тѣм с(ы)нѧ мои, ино тому

с(ы)ну моему князь Васильевъ оудѣл, а того оудѣломъ подѣлит их моѣ княгини. А вы, дѣти мои, слушайте свое м(а)т(е)ри, что кому дасть, то тому и есть» (ДДГ. С. 35, № 12).оборот приведенной статьи «а хто будет подь тѣм с(ы)нъ мои, ино тому с(ы)ну моему князь Васильевъ оудѣл» означал, что если старший сын Дмитрия Донского умрет, ему должен наследовать его брат, старший из младшей братии. Между тем, сам Дмитрий Донской получил титул великого князя всея Руси по завещанию своего отца великого князя всея Руси Ивана Ивановича. Тот же Дмитрий Донской в завещании 1389 г. назвал своим преемником на великокняжеском столе старшего сына Василия. Очевидно, что в течение нескольких десятилетий (с 1359 г., когда умер отец Дмитрия Донского великий князь Иван Иванович, и до 1425 г., когда скончался сын Дмитрия Донского великий князь Василий, т.е. на протяжении почти 70 лет) в Московском княжестве верховная власть переходила по вертикальной линии от отца к старшему сыну, как это и было раньше, при правлении первого московского князя Даниила Александровича. Однако после смерти Василия I верховная власть должна была перейти, по замыслу Дмитрия Донского, от старшего брата к брату, по возрасту следовавшему за умершим великим князем. Оставляя такое распоряжение, Дмитрий Донской несомненно задумывался о будущем. Но главной его целью было удержание за московским княжеским домом земель бывшего великого княжества Владимирского, присоединенного к Москве еще в начале 1363 г. Это княжество Дмитрий Донской целиком (кроме двух сел) завещал старшему сыну Василию. Если последний умирал, его удел переходил к другому сыну Дмитрия Донского, старшему из оставшихся сыновей. В 1389 г. ни один из сыновей Дмитрия Донского еще не был женат, и Дмитрий Донской стремился оставить главное свое завоевание живым людям, а не предполагаемым в будущем внукам.

В Северо-Восточной Руси XIV в. изменение Дмитрием Донским принципов великокняжеского престолонаследия не стало единственным. В 1399 г. правитель Тверского княжества, второго по значимости на Северо-Востоке, великий князь Михаил Александрович также ввел изменения в порядок посажения князей на великокняжеский стол в Твери. Он, однако, решал задачу иначе. Главное заключалось в том, что старшему сыну Ивану, преемнику отца, было выделено 8 крупных тверских городов, в то время как два младших сына Михаила получали всего по 2 города. За семьей Ивана Михайловича резкое преимущество во владениях должно было оставаться и в дальнейшем. А потому верховная власть в Тверском княжестве должна была всегда принадлежать только этой линии тверских князей. Князья боковых линий просто не допускались к борьбе за верховную власть (Кучкин 1984. С. 196).

Вернемся, однако, к событиям московским. Великий князь Василий I сел на великокняжеский стол 15 августа 1389 г., почти через 4 месяца после смерти отца. Церемонию торжественного посажения провел представитель ордынского хана Тохтамышша Шихмат, который посадил 17-летнего князя на стол во Владимире (ПСРЛ. Т. 18. С. 139). Летописи указывают, что после этой церемонии в московском княжеском доме возникла крайне напряженная ситуация. Во второй половине августа 1389 г. серпуховский князь Владимир Андреевич рассорился с новым великим князем, покинул свое княжество и вместе с семьей и старейшими боярами укрылся в принадлежавшем ему селе Теребенском, расположенном в далеком Новоторжском уезде (Там же). Летописи не говорят о причине распри, но она вскрывается на основании изучения последних договоров князя Владимира с Дмитрием Донским и первого договора серпуховского князя с Василием I.

Самое позднее соглашение между Владимиром и Дмитрием было заключено весной 1389 г. Большой великий князь вдруг арестовал бояр серпуховского князя, но вскоре отпустил их на свободу и примирился с двоюродным братом. Мотивы таких действий в источниках не указывались, и в течение почти 200 лет русские и зарубежные историки терялись в догадках, что заставило Дмитрия Донского вступить в конфликт с двоюродным братом, который с 8-ми лет добросовестно действовал вместе с ним, позднее выполнял его дипломатические и военные поручения, в 1368 г. сумел отнять у литовцев важную в стратегическом отношении волжскую Ржеву, а в 1380 г. руководил всеми русскими силами в победоносной заключительной стадии Куликовской битвы, и вдруг в 1389 г. оказался объектом недовольства великокняжеской власти, хотя ранее Дмитрий наделял серпуховского родственника и городами, и волостями, и даже деревнями.

Споры среди исследователей относительно причин конфликта между Дмитрием Донским и Владимиром Андреевичем улеглись после того, как в конце 40-х гг. XX в. Л.В. Черепнин в Описи архива Посольского приказа 1626 г. нашел позднюю копию ранней уникальной характеристики договора 1389 г. между Дмитрием и Владимиром: «со князем Володимером докончалная (так называлась договорная грамота. – В.К.) тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галичь да Дмитров от брата» (Черепнин 1948. Ч. 1. С. 40). Действительно, в составленном через несколько недель после соглашения завещании Дмитрия Донского фигурировали и Дмитров, и Галичь, но уже как великокняжеские владения. Дмитров завещался предпоследнему сыну Донского трехлетнему Петру, Галичь должен был отойти к 14-летнему звенигородскому князю Юрию Дмитриевичу. Отнятием двух городов у удельного князя Дмитрий Дон-

ской ослаблял экономический и военный потенциал своего серпуховского родственника, а передачей их собственным сыновьям усиливал такой потенциал своих сыновей. О борьбе с ними за верховную власть в Московском княжестве Владимиру нечего было и думать.

Приведенные свидетельства источников объясняют и причины того, почему Владимир Серпуховский пошел на обострение отношений с великим князем Василием I. Очевидно, что Владимир после смерти Донского потребовал от нового верховного правителя Московского княжества, утвержденного ордынской властью, восстановления своих поправленных прав, возвращения ему Дмитрова и Галича, которые он получил в 1372 г. от того же Дмитрия «в вотчину и в удел», т. е. в полную «отчинную» собственность.

Однако Василий I требований двоюродного дяди удовлетворить не мог. Завещание Дмитрия Донского было столь же важным и нерушимым для его наследников, как конституция для людей значительно более позднего времени. Поэтому обиженный серпуховский князь и обосновался в селе Теребенском, подальше от Москвы. Пребывая там, князь Владимир, в случае нападения на него московской рати, мог укрыться в Новгороде Великом, которому принадлежала значительная часть территории Торжка и его уезда. Если Василий I не посылал своих полков на Теребенское, то Владимир Андреевич получал возможность отсиживаться в своем селе, ища союзников против московского князя, добываясь помощи того же Новгорода или поддержки территориально близкого тверского великого князя Михаила Александровича, после поражения от Москвы в 1375 г. не испытывавшего никаких симпатий к потомству Дмитрия Донского.

Василий I воздержался от наступления на Теребенское, но его ратники заняли Серпуховское княжество, а заодно и пограбили его. В принципе московское правительство не было заинтересовано в разжигании вражды с Владимиром Серпуховским, имевшим большой авторитет у москвичей и населения Московского княжества. Оно стремилось погасить междинастическую распрю, поскольку Василию I надо было решать и другие неотложные задачи. После длительных переговоров, в которых приняли участие дееспособные старшие сыновья Дмитрия Донского, мир между родственниками был восстановлен.

Он был оформлен между 6 и 26 января 1390 г. особым договором (Кучкин 2005. С. 58–62). К тексту договора были привешены вислые перстневые печати из воска Василия I, его брата Юрия Звенигородского, а также серпуховского князя Владимира Андреевича. Такое оформление документа свидетельствует о том, что молодой князь Юрий Дмитриевич в начале своей политической деятельности действовал в интересах ве-

ликокняжеской власти, а последняя опиралась на него и поддерживала, сохранив именно за ним, а не за серпуховским князем, Галич.

Согласно январскому договору 1390 г., серпуховский князь восстанавливал свои финансовые и юридические права в Москве и в Московском княжестве, но вместо утраченных Дмитрова и Галича получал во владение Ржеву на Волге и Волок Ламский. Московское правительство шло на определенные уступки удельному князю, но компенсировало его потери неполностью. Ржева и Волок Ламский уступали Дмитрову и Галичу Мерскому в экономическом и демографическом отношениях¹. Тем не менее январский договор 1390 г. способствовал единению двух ветвей московских Рюриковичей: потомков Дмитрия Донского и потомков его соратника Владимира Серпуховского, которые вплоть до 1456 г., когда Серпуховское княжество было присоединено к Московскому, не вступали в вооруженную борьбу между собой.

Начиная противостояние с Владимиром Серпуховским уже в первые недели после своего утверждения на владимирском столе, Василий I старался найти себе сторонников среди более близких родственников: матери и родных братьев. Из братьев помочь мог только звенигородский князь Юрий, которому в 1389 г. исполнилось 15 лет. Остальные четверо братьев были еще недееспособны. Одна из последних статей январского договора 1390 г. отмечала: «А выидеть Юрьи с посломъ, и намъ то подьять по розочту, по выходу» (ДДГ. С. 39, № 13). Из данного свидетельства следует, что во время конфликта с Владимиром Серпуховским Василий I отправил в Орду своего родного брата Юрия, на которого возложил важную миссию – вернуться с ханским послом, который поможет урезонить строптивного серпуховского двоюродного дядю. И звенигородский князь стал исполнителем этого великокняжеского решения. В свое время А.Е. Пресняков высказал мысль, что отношения Василия I с Юрием Звенигородским стали холодными сразу же после смерти их отца Дмитрия Донского. Однако рассмотренные выше данные о противостоянии сыновей Донского с Владимиром Серпуховским в 1389 г. говорят об обратном. В начале своей политической деятельности Юрий Дмитриевич действовал вместе с родными братьями и поддерживал тот политический курс, который вырабатывался Василием I.

Проследим, как развивались отношения между двумя старшими сыновьями Дмитрия Донского не только в раннее, но и в более позднее

¹ По данным 1389 г. с Дмитрова собиралось 111 рублей в каждую 1000 рублей ордынского «выхода» (ДДГ. С. 36, № 12). По данным 1432 г. с Галича взималось 525 рублей в 7000-рублевый «выход», или 75 рублей в каждую 1000 рублей «выхода» (ДДГ. С. 74, № 29). В 1481 г. с владений князя Бориса Волоцкого, включавших Волок Ламский, Ржеву волжскую и Рузу, собиралось «выхода» 61 рубль, 10 алтын и 1 деньга (ДДГ. С. 272, № 73), т.е. в 3 раза меньше, чем с Дмитрова и Галича.

время. В 1392 г. Василий I присоединил за большие деньги Орде к своим владениям великое княжество Нижегородское. Заселять и осваивать присоединенную территорию даже великому князю было непросто. Средств не хватало. И Василий I начал раздавать части присоединенного княжества своим братьям в качестве прекарных владений. С них можно было кормиться, но владельцем оставался великий князь. Юрий Дмитриевич получил от старшего брата в кормление Вятку – анклав, располагавшийся в бассейне р. Вятки, правого притока р. Камы.

Сохранившийся договор Василия I с Юрием Звенигородским и Галичским, заключенный, как теперь выясняется, между 30 декабря 1392 г. и 23 февраля 1393 г., оформлял эту передачу и указывал на право великого князя посылать на войну войска только одного Юрия (ДДГ. С. 40, № 14), без поддержки великокняжеских сил. Очевидно, что за кормление в Вятке князю Юрию Дмитриевичу нужно было оказывать военную помощь старшему брату. И уже в начале 1393 г., когда вспыхнула московско-новгородская война, князь Юрий был послан Василием I на Торжок воевать новгородские земли. Нападение на Торжок звенигородского правителя было успешным (ПСРЛ. Т. 25. С. 220). Возможно, что Юрий участвовал и во втором походе московских войск на Торжок, последовавшем через 8–9 недель после первого.

Во время нападения Темир-Аксака на Орду в 1395 г. Нижний Новгород, владение Василия I, был захвачен местным князем Семеном Дмитриевичем и помогавшим ему ордынским царевичем Ентяком, в распоряжении которого был отряд татар в 1000 человек (Там же. С. 225; ПСРЛ. Т. 8. С. 72). 23 октября 1395 г. Ентяк вероломно нарушил заключенное им соглашение с нижегородцами, захватил Нижний Новгород и подверг его жителей неслыханному ограблению (ПСРЛ. Т. 25. С. 225). Об этом стало известно в Москве. На Нижний Новгород было направлено войско под командованием 20-летнего князя Юрия Дмитриевича. Василий I отправил брата в поход на основании их договора конца 1392 – начала 1393 г. Следовательно, операция производилась военными силами звенигородского князя. Со своих главных владений, городов Звенигорода, Галича и Вятки, Юрий вполне мог собрать по 2000 ратников, т.е. в 6 раз больше по сравнению с тем, что было в распоряжении Ентяка². Узнав об этом, в начале ноября 1395 г. Ентяк и князь Семен бежали из города. А князь Юрий Дмитриевич, перейдя Волгу, три месяца успешно воевал в ордынском Среднем Поволжье. Его рати достались там богатые трофеи («възвратися с великою побѣдою и корыстью» – ПСРЛ. Т. 25. С. 225–226), но главное заключалось в том, что Василий I восстановил свой контроль над важной волго-окской крепостью.

² Для сравнения: в 1375 г. жители Костромы сумели собрать против новгородских ушкуйников пятитысячную рать (ПСРЛ. Т. 25. С. 191).

В 1416 г. Юрий Дмитриевич вместе с братьями Василием I и Константином посетил Новгород Великий, где участвовал в церемонии возведения на новгородскую архиепископскую кафедру владыки Симеона (НПЛ. С. 406). Это было последней совместной акцией Юрия и его старшего брата великого князя Василия I.

Под 1417 г. московская летопись сообщает, что «бояринъ князя Юрья Дмитриевича Глѣбъ Семенович да с ним Семень Жадовскый и Михаило Росохинъ, а с ним Вятчане и Устюжане, ходиша воиноу и повоеваша всю землю Двиньскую и Заволочьскую, а Кольмогоры пожъже, а боярь многих полониша и окупъ с них взяша. Заволочане, тогда скопився, Устюгъ повоеваша» (ПСРЛ. Т. 25. С. 243). Новгородское летописание вносит пояснения и дополнения в московский рассказ об этих событиях. В Новгородской I летописи младшего извода указывается, что нападение на Подвинье и Заволочье, причем на речных судах, было предпринято «с Вятки, изъ князя великого отчинѣ», но силами не великого князя, а кормленщика, его брата Юрия Дмитриевича. Поскольку кормленщик не имел права самостоятельно вести войны, а только с разрешения владельца земли, становится ясным, что замысел напасть на северные новгородские владения исходил от Василия I. Поэтому ответный удар новгородцев пришелся не на владения Юрия Дмитриевича, а на Устюг, контролировавшийся Василием I. Приведенный факт свидетельствует о том, что в 1417 г. Василий I и Юрий сохраняли между собой лояльные отношения, и звенигородский князь воплощал в жизнь те решения, которые принимал Василий I.

Положение стало меняться лишь в последние годы жизни Василия I. Составляя во второй половине 1420 г. свое второе завещание, Василий I назвал в нем всех своих родных братьев, живших в то время, за исключением Юрия Дмитриевича. Андрей же Дмитриевич, Петр Дмитриевич и Константин Дмитриевич (князь Иван Дмитриевич умер 29.VII.1393 г.) названы во втором завещании Василия I среди статусных гарантов теста-мента великого князя (ДДГ. № 21).

Третье завещание Василия I было написано в марте 1423 г. В принципе оно сохранило содержание второй душевной грамоты этого великого князя. Но есть и исключение. Из списка князей-гарантов было удалено имя князя Константина Дмитриевича (ДДГ. № 22), с которым Василий I крепко повздорил.

Такое отношение к родным братьям Василия I говорит о том, что с их интересами великий князь считался мало, во всяком случае под конец своей жизни, а вступая в ссору, просто не вписывал их имена в важные документы государственного значения, в частности такие, как собственные завещания³.

³ Подр. о завещаниях Василия I см.: Кучкин 2016.

Болезни, однако, брали свое, и в начале 1425 г. Василий I скончался. Он умер 27 февраля указанного года в 3 часа ночи, что в переводе на современное время равно примерно 10–11 часам вечера.

Эта долгая февральская ночь еще не закончилась, когда митрополит Фотий послал своего боярина Акинфа Ослебятева в Звенигород ко князю Юрию Дмитриевичу с извещением о смерти старшего брата и с предложением приехать в Москву (ПСРЛ. Т. 18. С. 167). Юрий немедленно покинул Звенигород, но отправился не в Москву, а в свой второй центр – Галич Мерский. Такое решение удельного князя ясно показывает, насколько напряженной была обстановка в московском княжеском доме в канун смерти Василия I. Юрий совершенно не доверял старшему брату и его окружению, окружение Василия I видело в Юрии явного врага. Дело дошло до прямых военных столкновений⁴. В Звенигородское княжество были введены московские войска, как это было в 1389 г. по отношению к княжеству Серпуховскому, а местная звенигородская администрация заменена московской⁵. 26 марта 1425 г. московское правительство провозгласило наследника Василия I, его сына Василия II, великим князем.

Узнав об этом, князь Юрий прислал к нему послов, предлагая перемирие до Петрова дня (29 июня). Предложение было принято, и тогда Юрий приступил к энергичному собиранию своих разбросанных по разным местам Северо-Восточной Руси сил. Об этом стало известно в Москве. Московские войска были наготове, и они под командованием князя Константина Дмитриевича были отправлены против Юрия, находившегося тогда в бывшем Нижегородском княжестве, где у него было крупное прекарное владение – Вятка. Юрий отступил за р. Суру, и, видимо, весенний разлив рек помешал военному столкновению братьев. Константин вынужден был вернуться в Москву. Юрий прислал к Василию II послов с предложением о перемирии на год. В Москве провели большое совещание, на котором присутствовали все удельные московские князья (кроме Юрия Дмитриевича), запрошено было мнение даже литовского великого князя Витовта. В итоге было решено послать на переговоры с князем Юрием митрополита Фотия, который должен был добиваться не краткосрочного договора с удельным князем, а долговременного соглашения о мире. Фотий отправился в Галич.

⁴ Об этом свидетельствует статья 29 договора от 11 марта 1428 г. великого князя Василия II с князем звенигородским и галичским Юрием Дмитриевичем: «А что были межи нас в наше нелюбие воины и грабежи или дани иманы, или гдѣ что взато и положено, и тому погребѣ на вѣбѣ сторонѣ».

⁵ Это отражено в статье 33 того же договора: «А что мои намѣстници и волостели, и посельский, ихъ тивуни вѣдали твою втчину и села боарьский въ твоени втчинѣ, и в томъ нам ѿтослати по боарину, и вни в том оучинат исправу. Что будетъ взато право, то встало, а что будетъ взато криво, то ѿдати по исправѣ».

Князь Юрий Дмитриевич встретил митрополита с подобающей честью. Склоны примыкавшего к галичскому посаду холма были усыпаны множеством людей, долженствовавших изображать всенародные почтение и почитание главы русской церкви, а заодно – силу и большие возможности звенигородско-галичского князя. Все встречавшие Фотия были одеты в сермяги. «Сыну, – обратился митрополит к Юрию, – не видах столько народа во овчих шерстьех» (ПСРЛ. Т. 25. С. 246). Фотий решил, что князь Юрий внутренне насмехается над ним, одев своих людей в одежды из овечьей шерсти. Митрополит по своему положению считался пастухом (пастырем, идейным наставником) людей – «словесных овец». Князь же Юрий вознамерился продемонстрировать митрополиту реальных людей – «овечек», которые будут внимать словам церковного наставника, но поступят так, как велит им их князь.

Возникшее подозрение московского посла сразу же наложило свой отпечаток на переговоры. Фотий настаивал на заключении долговременного мира, Юрий соглашался только на перемирие. Уязвленный и рассерженный митрополит покинул Галич, так ни о чем и не договорившись. Но оставшись один, князь Юрий понял, какие возможности он упустил, отвергнув предложение Фотия, которое могло быть реализовано на разных условиях. Оседлав коня, Юрий бросился вдогонку за митрополитом. Нагнав Фотия, он стал просить у него прощения за свой «грех» и упросил вернуться в Галич. Делегация Фотия повернула обратно. На второй стадии переговоров стороны сумели договориться о том, что князь Юрий пошлет своих представителей в Москву к Василию II, чтобы заключить с ним мирный, а не перемирный договор.

В дальнейшем всё так и произошло. Примерно в апреле–мае 1425 г. между Василием II и князем Юрием Дмитриевичем было подписано соглашение, согласно которому «князю Юрию не искати княжения великаго собою, но царемъ: которого царь пожалуетъ, тьи будетъ князь великийи Владимирьскыи и Новугороду Великому, и всеи Руси» (ПСРЛ. Т. 18. С. 168). Точный срок действия этого договора нам неизвестен, по косвенным данным он составлял около трех лет. Вероятно, что тогда же князь Юрий добился признания московским правительством его не прекарных, а владельческих прав на Вятку.

События указанных выше трех лет развивались в пользу московского правительства. Благодаря случайным, а иногда и вполне обдуманым обстоятельствам Московское княжество заметно усилилось. В конце 1426 – начале 1427 г. правившая за Василия II его мать Софья Витовтовна вместе с боярином Иваном Дмитриевичем Всеволожским, ставшим московским наместником, провела в Московском княжестве судебную реформу. Удельным князьям было разрешено, как это было прежде, при

судебном рассмотрении в Москве исков или обвинений их людей присылать в суд своих судей. Это означало, что последние могли получать судебные штрафы, что в итоге приводило к росту финансового благосостояния удельных правителей и упрочению их связей с Москвой.

К зиме 1426/27 г. от свирепствовавших эпидемий скончались все сыновья Владимира Серпуховского. В его династии не осталось ни одного взрослого мужчины, и московское правительство взяло на себя временное опекунство над маленькими внуками князя Владимира, послав в их княжество своих представителей. Забота о Серпуховском княжестве стала для Москвы небескорыстной. У несовершеннолетних княжичей был отобран Углич, данный в 1402–1404 гг. их деду Владимиру великим князем Василием I в обмен на волжскую Ржеву. Около 1427 г. Углич был передан князю Константину Дмитриевичу, который не имел своего удельного вотчинного центра. Получив его, Константин становился благодарным союзником московского правительства.

22 февраля 1427 г. умер дмитровский князь Петр Дмитриевич. Сыновей у него не было, и Дмитровское княжество как выморочное перешло под власть великого князя Василия II.

Обладание Дмитровом и контроль над Серпуховом, а еще и Звенигородом увеличивали военно-экономический потенциал Московского княжества. Менялась в пользу Москвы и политическая конъюнктура. Подрастал сам Василий II, достигший в конце 1427 г. 12-летнего возраста, который по средневековым меркам отделял отрока от взрослого мужчины. Его отношения с родственниками становились более определенными и осмысленными.

Парадоксальной была позиция Юрия Звенигородского. Три года, даже потеряв главное свое владение – Звенигород, князь Юрий Дмитриевич не шел на длительный мир со своим юным племянником. Теоретически Юрий, законный претендент на великокняжеский стол, мог рассчитывать на поддержку Новгорода Великого, тверского, рязанского, пронского великих князей и даже литовского великого князя Витовта, который воевал то со Псковом, то с Новгородом, хотя и тот, и другой центры в определенной степени подчинялись московской великокняжеской власти. Но примерно в мае 1427 г. Витовта посетила ставшая вдовой его дочь Софья, просившая отца о военной защите Москвы. Летом того же года Витовт совершил свое единственное в жизни путешествие вдоль р. Оки, в котором встретился с новосильскими, одоевскими, воротынскими, переяславскими (Переяславля-Рязанского), пронскими и рязанскими князьями, подобострастно встречавшими могущественного литовского правителя и подносявшими ему богатые дары (Базилевич 1952. С. 39). Итогом встреч было заключение в июле 1427 г. договоров Витовта с ря-

занским и пронским великими князьями. Оба договора были составлены по одному шаблону. Они очень кратки, их содержание умещается всего в 13 статьях и посвящено общим нормам взаимоотношений Литовского государства с Рязанским (Переяславля-Рязанского) и Пронским княжествами. Но в оба документа была включена статья 6, которая характеризовала политику литовского великого князя в отношении Москвы: «А будет ли котораа налога великому княз(ю) Василию Васильевич(ю), внуку ег(о), а ис которые стороны, а възвелит ми княз(ь) велики Витовтъ, и мнѣ, княз(ю) великому Ивану Федорович(ю), по ег(о) вельнию пособлати ему на всакоз(о)» (ДДГ. С. 68, № 25). Статья обеспечивала защиту Василия II от нападений или каких-либо происков с любой стороны, и рязанский князь вместе с пронским должны были Василию II «пособлати» на всех противников Московского княжества. Выясняется, что главной целью июльских договоров 1427 г. Витовта с рязанским и пронским великими князьями являлась поддержка и защита внука Витовта – московского великого князя Василия II.

Рано или поздно князь Юрий Дмитриевич должен был узнать о существовании и содержании соглашений Витовта с Рязанью и Пронском. В политические расчеты звенигородского правителя необходимо было вносить большие коррективы. Становилось очевидным, что надеяться на какую-то литовскую помощь Юрию было нереально. Наоборот, приходилось исходить из того, что на стороне Василия II будут его дед Витовт и зависимые от него русские князья. Шансы звенигородского князя на успешную борьбу за верховную власть с Василием II резко упали, и Юрий Дмитриевич решил искать примирения с великим князем. В Москве откликнулись на такой шаг, начались переговоры, и 11 марта 1428 г. был подписан мирный договор.

Уже в преамбуле этого соглашения было подчеркнуто, что оно заключается братом старейшим, великим князем Василием Васильевичем, с «братом младшим», но по возрасту старшим на 41 год, князем Юрием Дмитриевичем. Из этого следовало, что звенигородский князь признал более высокий статус своего племянника, который годился ему во внуки. Важное значение имела статья 11 договора, согласно которой удельный князь признавал законность обладания великим князем всеми владениями, которыми наделил его отец Василий I: «А чим бл(а)г(осло)вил от(е)ць твой, княз(ь) велики Василеи Дмитриевич, тоба своею вотчиною в Москвѣ и Коломною с волостми, и всим великим княженьем, и Новымгородом Нижним с волостми, и Муромом с волостми... того ми всего под вами блюсти, а не обидѣти, ни вступатиса, ни под вашими дѣтми» (ДДГ. С. 64, № 246)⁶. Московское правительство, со своей стороны, при-

⁶ Характерно, что о великом княжестве здесь говорится лишь на третьем месте, в соответствии с третьим завещанием Василия I.

знавало наследственные права Юрия на Звенигород и возвращало ему его княжество (статьи 13 и 17). Поборы, которые собирала со звенигородцев появившаяся там с 1425 г. московская администрация, компенсировались князю Юрию разрешением в ближайшие 4 года не платить выхода (налога с населения) и яма (налога на строительство, содержание дорог и использование их) в Орду. За него это делал московский великий князь (статья 17).

Договоренности 1428 г. просуществовали недолго. 27 октября 1430 г. умер рухнувший с коня престарелый литовский великий князь Витовт⁷. Общеполитическая обстановка в Восточной Европе сразу поменялась. К власти в Литве 7 ноября 1430 г. пришел новый литовский великий князь – Свидригайло Ольгердович. С ним в дружественные отношения вступил правивший в Звенигороде Юрий Дмитриевич. Точное время заключения договора между Юрием и Свидригайло неизвестно, но оно имело место после 7 ноября 1430 г. и до 15 августа 1431 г. После этого князь Юрий Дмитриевич «разверже миръ съ великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ» (ПСРЛ. Т. 18. С. 171). Отказ от мирных отношений между русскими князьями означал, что стороны готовы вести губительную борьбу между собой. Но чтобы победить в ней, нужно было заручиться решением ордынского хана.

Для дяди и племянника, оспаривавших друг у друга верховенство, таким вершителем их судеб являлся сарайский хан. К нему для выявления правого в споре и договорились идти оба князя. В то время Сарай был владением хана Улуг-Мухаммеда. Туда и отправились соперники. Первым из Москвы выехал Василий II. Его речная флотилия отчалила от московского Кремля в день Успения Богородицы 15 августа 1431 г. Князь Юрий несколько промедлил. Он дождался праздника Рождества Богородицы – 8 сентября – и тоже отправился к хану. На пути Юрий оставил в Москве великокняжеским канцеляристам хранившийся у него текст договора от 11 марта 1428 г. со «складною грамотою», т.е. с письменным уведомлением об аннулировании им договора 1428 г.⁸ Тем самым принципиальные положения этого соглашения о статусах договаривавшихся князей и их владениях Юрием были отвергнуты. Документ 1428 г. был признан недействительным и не мог быть использован при рассмотрении в Орде спора Юрия с Василием II о великом княжении.

В Орде прибывшего молодого великого князя Василия II приняли с большим пиететом. Приехавший несколькими неделями позже князь звенигородский Юрий таких почестей не удостоился. Всё шло к тому,

⁷ Московский летописный свод 1479 г. называет иную дату смерти Витовта – 24 октября 1430 г. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 248.

⁸ «А сю грам(о)ту кн(а)зю вел(и)кому [прислал складною вместе кн(а)зь Юрьи, к Ордь ида» (ДДГ. С. 67, № 246).

что существовавший в Москве в 1428–1431 гг. порядок управления будет в Сарае подтвержден без особых проволочек, но как всегда – с богатыми подношениями от приехавших. Однако подобная перспектива затронула интересы правителя Крыма Ширин Тягины. Его владения лежали близко или рядом с владениями русских князей. Ему было небезразлично, кто станет главным русским князем, кто может быть его союзником или противником в будущем. Силой забрав князя Юрия у окружения хана Улуг-Мухаммеда, он увел его в Крым на зимовку до весны 1432 г., твердо обещая ему великое княжение.

Юный Василий II остался со своими советниками в ставке хана. Один из таких советников, московский наместник боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, начал вести беседы с первыми лицами ханского окружения. Он выражал удивление, почему такие знатные, богатые, авторитетные, умные и опытные люди, как его собеседники, без всяких возражений позволили крымскому правителю отнять у них князя Юрия и увезти с собою в Крым. Логичный и ловкий московский наместник рисовал перед высшей ордынской знатью безрадостные перспективы. Если будет так, как хочет Тягина, «а въ вась тогда что будеть, – размышлял он вслух, – князь Юрьи князь великии будеть на Москвѣ, а въ Литвѣ князь велики побратимъ его Швитригаило, а Тегиня въ Ордѣ и въ царѣ волень, не молвивъ вась» (ПСРЛ. Т. 18. С. 171). Угроза отстранения ордынской знати от власти и доходов соединенными силами Крыма, Москвы и Литвы подействовала, как попавшая в сердце стрела (такое сравнение сделал русский летописец). Собеседники Всеволожского сплотились и дружно стали доказывать хану необходимость утверждения на великокняжеском столе Василия II. Распаленный уговорами, Улуг-Мухаммед дошел до того, что приказал тотчас казнить каждого, кто предложит в великие князья Юрия.

Пришла весна 1432 г. Из Крыма в ставку Улуг-Мухаммеда прибыл Тягиня с князем Юрием Дмитриевичем. Крымского правителя сразу же предупредили о настроении хана. И Тягиня замолк. Но неожиданно у него нашлись единомышленники, и спор: Юрий или Василий, забурлил как весенний ручей. Василий II доказывал свое право на великое княжение наследованием стола от своих отца и деда, т.е. бывшим у него правом преемства. Князь Юрий Дмитриевич доказывал свои права «летописци и старыми списки и духовною отца своего великаго князя Дмитриа». Пыл спорщиков сумел остудить тот же Иван Дмитриевич Всеволожский. Он заявил, что дело не в русских документах и исторических материалах, на которые опирались оба споривших русских князя, а в документах ордынских, поскольку Русский улус – это часть Орды, а ордынский хан волен сажать на улус того, кого он считает нужным. Такая постановка вопроса

явно пришлось по душе и Улуг-Мухаммеду, и всей ордынской знати. Далее И. Д. Всеволожский продолжал: «наш государь великий князь Василий ищет стола своего великаго княжения, а твоего улусу, по твоему цареву жалованию и по твоимъ девтеремъ и ярлыкомъ, а се твое жалованье предъ тобою» (Там же). Из приведенной летописной выдержки делается понятным, что ордынские документы, представленные хану московским наместником, были привезены им из Москвы. Перед исследователями встал вопрос, что же содержали в себе «девтери и ярлыки», отправленные ханом Улуг-Мухаммедом в Москву. С легкой руки А. Е. Преснякова в исторической науке распространилось утверждение о том, что какой-то ярлык содержал ханское постановление о нерушимости завещания Василия I, в котором его сын Василий II был объявлен великим князем (Пресняков 1918. С. 387, прим. 3). Однако до сих пор, спустя более чем сто лет после выхода в свет монографии А. Е. Преснякова, исторической науке остается неизвестным тип документа, о существовании которого уверенно писал этот историк. Нет данных и об утверждении в Орде завещаний других русских великих князей. К тому же в летописи говорилось не о ярлыке, а о ярлыках, и на первом месте вообще-то указывались не ярлыки, а девтери (дефтери). Последний термин часто встречается в договорах, которые заключал Василий II с другими князьями московского княжеского дома. Так, в его договоре, составленном вскоре после 5 июня 1434 г. с сыновьями умершего Юрия Дмитриевича Дмитрием Шемякой и Дмитрием Меньшим, было отмечено: «А оу вас ми имати въ выход по старымъ девтеремъ» (ДДГ. С. 87, № 34). Аналогичная норма фиксируется и в договоре от 17 июня 1445 г. Василия II с князьями Иваном и Михаилом, сыновьями Можайского князя Андрея Дмитриевича: «А выход ти, г(о)с(поди)не, оу нас имати по старымъ дефтеремъ» (ДДГ. С. 122, № 41). Из приведенных статей двух соглашений великого князя Василия II с князьями-родственниками разных линий происхождения следует, что девтери – это расчетные документы, содержавшие данные о местах сбора и суммах выхода, следуемых Орде. Статья 17 договора от 11 марта 1428 г. свидетельствует о том, что ордынский выход за 4 года (1425–1428 гг.) с Московского княжества собирался регулярно, каждый год, причем московскому правительству приходилось вносить деньги и с населения Звенигородского княжества, покинутого его правителем Юрием Дмитриевичем. Такие неординарные ситуации должны были вызывать уточнения в дефтерах и переписку между Сараем и Москвой по поводу таких уточнений. Дефтери указывали на князя, который должен был собрать ордынскую дань с определенных территорий и передать ее Сараю; ярлыки, направляемые князю, обговаривали условия передачи и содержали статусное определение адресата. Этого было вполне достаточно для того,

чтобы прояснить положение того или иного русского князя. Такими дефтерями и ярлыками и воспользовался находчивый И.Д. Всеволожский. В итоге получалось, что при выборе великим князем Юрия Дмитриевича хан должен лишать великого княжения Василия II, к которому он раньше обращался с повелениями или просьбами о выплатах выхода, принимал выход, а потом за это наказывал исполнителя. Несуразность подобной ситуации становилась понятной всем. В итоге великое княжение хан закрепил за Василием II. Но чтобы смягчить обиду и огорчение проигравшего тяжбу князя Юрия Улуг-Мухаммед из владений Василия II передал ему Дмитров (ПСРЛ. Т. 25. С. 250; ДДГ. С. 74, № 29).

Однако, когда в июне 1432 г. князья-соперники вернулись на Русь, мирные отношения между ними продержались недолго. Василий II копил военные силы, князь Юрий Дмитриевич вынужден был заняться перераспределением земель между своими сыновьями. Различные летописи сохранили известие о том, что князь звенигородский и галичский в 1400 г. женился. Его женой стала Анастасия, дочь смоленского князя Юрия Святославича (Присёлков 1950. С. 353; ПСРЛ. Т. 25. С. 229). В год свадьбы Юрию было почти 26 лет. От этого брака у него родились сыновья Василий, позднее получивший прозвище Косого, Дмитрий Шемяка и Дмитрий Меньший, однако точные годы их рождения неизвестны. Можно только сказать, что все они родились до 11 июля 1422 г., когда умерла их мать (ПСРЛ. Т. 18. С. 166; Т. 25. С. 245). В завещании Юрия Дмитриевича, составленном в июле–августе 1432 г., только эти трое сыновей: Василий, Дмитрий и Дмитрий Меньший (именно в такой последовательности), и названы наследниками отца. Но сравнительно недавно Г.В. Семенченко удалось установить, что у Юрия Дмитриевича был еще один сын – Иван (Семенченко 1991)⁹. Он являлся старшим сыном звенигородско-галичского князя и умер в великий пост (17 февраля – 19 апреля) 1432 г., видимо, управляя Галичем (ПСРЛ. Т. 24. С. 182). Его смерть и стала, судя по всему, побудительной причиной составления в 1432 г. завещания Юрия Дмитриевича, перераспределившего свои владения между оставшимися тремя сыновьями.

⁹ Заключение Г.В. Семенченко подтвердилось записью в «ростовском соборном синодике»: «Благоверному князю Ивану, скончавшемуся во мнишеском чину, князю Дмитрию Красному Юрьевичем вечная память» (текст дан в упрощенной транскрипции – Конев 1995. С. 99). Упомянут князь Иван Юрьевич и в разных вариантах завещания митрополита Фотия: «Бл(а)городному и бл(а)говерному кн(я)зю Иваноу Юрьевичю и его брат(ь)е даю мирь и бл(а)г(о)с(ло)в(е)ние и прощение» (Книга глаголемая Фотиос. С. 350). А.Б. Мазуров и А.Ю. Никандров приняли этого князя Ивана Юрьевича за князя И.Ю. Патрикеева (Мазуров, Никандров 2008. С. 188). Но Иван Юрьевич Патрикеев был младшим сыном в семье. У него был старший, причем единственный, брат Василий, умерший в 1450 г. Если Фотий говорит о князе Иване Юрьевиче, который возглавляет свою братию, то это никак не князь Иван Патрикеев.

Старшему сыну, Василию, Юрий завещал Звенигород с относившимися к нему волостями, подмосковные село и угодье, несколько волостей в Дмитрове. Второй сын, Дмитрий Шемяка, получил г. Рузу с волостями и подмосковные села, а также ряд дмитровских волостей. Третий сын, Дмитрий Меньший, должен был унаследовать Галич и несколько дмитровских волостей. Кроме того, троим Юрьевичам в качестве совместных владений звенигородский князь завещал полученный им в 1432 г. от ордынского хана г. Дмитров с пригородными станами, а также Вятку. Никаких замечаний о возможных территориальных приобретениях в случае получения великого княжения им самим или одним из его сыновей Юрий Дмитриевич не сделал.

Пока князь звенигородский и галичский составлял и обговаривал завещание детям, Василий II готовил свои рати к войне. В первой половине августа 1432 г. москвичи сумели установить контроль над бывшим владением Василия II Дмитровом и Дмитровским княжеством. Недавние повеления ордынского хана Улуг-Мухаммеда Василия II при этом не остановили. Юрий Звенигородский оставил свой удел, бросил на произвол судьбы Дмитров и укрылся в далеком Галиче.

Весной 1433 г. Юрий Дмитриевич сплотил свои силы и выступил в поход против племянника. Пребывавший в Москве Василий II ничего об этом не знал. Он сумел собрать немногих москвичей, в том числе московских купцов-гостей, и вышел с ними против большого войска Юрия. Князья сошлись 25 апреля 1433 г. у р. Клязьмы, в 20 верстах от Москвы. Военные слуги великого князя отчаянно сражались, а московские жители, напившись меда, больше взирали на сражение, чем участвовали в нем. В итоге великий князь был разгромлен и бежал в Тверь. Юрий вступил в Москву и занял великокняжеский стол (ПСРЛ. Т. 25. С. 248–250). Вскоре он примирился с Василием II, вызвал его к себе и дал в удел Коломну, центр великокняжеского домена в Московском княжестве.

В княжестве же начались перетасовки среди боярства и служилых людей, получивших теперь нового правителя. Многие из них покинули столицу и ушли в Коломну к прежнему великому князю Василию II. В Москве появились ордынские заимодавцы свергнутого великого князя. Чтобы удовлетворить их требования, Юрию пришлось взять займы 600 рублей у московских гостей и суконников (ДДГ. С. 77, 80, № 30.). Среди последних возникли опасения, кто и когда вернет им долг, хотя Василий II дал обещание его погасить. Вскоре старшие сыновья Юрия, Василий и Дмитрий Шемяка, убили отцовского любимца, видного московского боярина С.Ф. Морозова за то, что он не обеспечил поддержку нового великого князя со стороны московского боярства и военных слуг, и отложились от отца. Юрий был вынужден пойти на союз с Васили-

ем II против собственных детей и вернуть племяннику Москву. Однако вскоре Юрий примирился с сыновьями и вновь начал борьбу с великим князем. В бою «у Николы святого на Горе» близ Переяславля-Залесского звенигородский князь разбил Василия II, привлек на свою сторону его союзника князя Ивана Можайского, незадолго до этого клявшегося в вечной верности Василию II, и вместе с можайским князем 24 марта 1434 г. подошел к Москве. Город был полон сторонниками Василия II, и они не открыли крепостных ворот Юрию. Тогда тот начал осаду города. Это была первая осада Москвы во внутренней династической войне. Она длилась неделю. Источники не сообщают подробностей осады, но она закончилась успешно для князя Юрия. 31 марта 1434 г. он вошел в город, арестовал мать великого князя Софью Витовтовну и его молодую жену Марию Ярославну, отправил их в свой подмосковный Звенигород, сам же захватил великокняжеский стол (ПСРЛ. Т. 25. С. 251; ДДГ. С. 75, 78, № 30).

Василий II решил искать спасения в Орде. Он ушел в Нижний Новгород, намереваясь оттуда отправиться к татарам, когда в начале июня 1434 г. к нему пришло известие, что дядя Юрий Дмитриевич скоропостижно скончался. Это произошло 5 июня 1434 г. Великокняжеский же стол захватил его старший сын Василий, который никаких юридических прав на него не имел даже по завещанию собственного отца. Действиями Василия оказались недовольны его младшие братья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Меньший. Они заявили старшему брату: «Аще не въсхотѣ богъ, да княжить отецъ нашъ, а тебе и сами не хотимъ» (ПСРЛ. Т. 18. С. 175). 5 июня 1434 г. обрушилось сразу всё. От инфаркта или от обширного инсульта резко оборвалась жизнь человека, достигшего почти 60-летнего возраста, редкого среди московских Рюриковичей. Большая часть жизни (не менее 35 лет) князя Юрия Дмитриевича Звенигородского ушла на то, чтобы дожидаться, когда придет черед его великого княжения. Такое время наступило. Юрий, хотя и с трудом, осуществил предписание рассмотренной выше статьи завещания 1389 г. своего отца о порядке замещения великокняжеского стола в Московском княжестве. Он даже арестовал «незаконного» великого князя Василия II, но через короткое время вынужден был освободить его и вернуть ему великокняжеский стол. Московское боярство, военные слуги, слуги-министериалы, служебные князья, союзники Москвы и ее сторонники не хотели иметь дела с удельным московским князем. Они хотели быть под крылом старого и признанного всеми великого князя Василия I, а после его кончины – Василия II. Отсутствие достаточно широкой поддержки в московском обществе первой трети XV в. и стало причиной краха всех действий и замыслов великого князя Юрия Дмитриевича.

- Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. [*Bazilevich K.V. Vneshnyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Vtoraya polovina XV veka* (The Foreign Policy of the Russian State, the Second Half of the 15th Century). Moscow, 1952.]
- Книга глаголемая Фотиос / Изд. подгот. Н.А. Кобяк. М., 2005. [*Kniga glagolemayaya Fotios* (Book Called Photios) / Izd. podgot. N.A. Kobyak. Moscow, 2005.]
- Конев С.В.* Синодология. Ч. II: ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. Вып. 6. С. 95–106. [*Konev S.V. Sinodikologiya. Chast' II: rostovskiy sobornyy sinodik* (Synodicology: Part 2: The Synodic of the Rostov Cathedral) // Istoricheskaya genealogiya. Ekaterinburg; New York, 1995. Вып. 6. С. 95–106.]
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. [*Kuchkin V.A. Formirovaniye gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv.* (The Formation of the State Territory of Northeastern Rus in the 10th–14th Centuries). Moscow, 1984.]
- Кучкин В.А.* Договор 1390 г. великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Серпуховским // ИЗ. 2005. Вып. 8 (126). С. 28–84. [*Kuchkin V.A. Dogovor 1390 g. velikogo knyazy Vasiliya Dmitriyevicha s Vladimirom Serpukhovskim* (The Treaty of Great Prince Vasiliy Dmitriyevich and Prince Vladimir of Serpukhov) // Istoricheskie zapiski. 2005. Вып. 8 (126). С. 28–84.]
- Кучкин В.А.* Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. М., 2013. Т. 4. С. 6–73. [*Kuchkin V.A. Moskovskkiye Rurikovichi* (genealogiya i demografiya) (The Moscow Rurikides: Genealogy and Demography) // Istoricheskiy vestnik. Moscow, 2013. Т. 4. С. 6–73.]
- Кучкин В.А.* Три завещания Василия I // ДРВМ. 2016. № 2 (64). С. 33–54. [*Kuchkin V.A. Tri zaveshchaniya Vasiliya I* (Three Wills of Vasiliy I) // Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki. 2016. № 2 (64). С. 33–54.]
- Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в. М., 2008. [*Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. Russkiy udel epokhi sozdaniya yedinogo gosudarstva: Serpukhovskoye knyazheniye v seredine XIV – pervoy polovine XV v.* (The Rus Udel of the Age of the Formation of the Centralized State: The Principality of Serpukhov in the mid-14th – first half of the 15th century). Moscow, 2008.]
- Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XII–XV столетий. Пг., 1918. [*Presnyakov A.Ye. Obrazovaniye Velikorusskogo gosudarstva. Ocherki po istorii XII–XV stoletiy* (The Formation of the Russian State: Essays on the History of the 12th–15th Centuries). Petrograd, 1918.]

Присёлков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. [*Prisoyolkov M.D. Troitskaya letopis': Rekonstruktsiya teksta (The Trinity Chronicle: Reconstruction of Text)*. Moscow; Leningrad, 1950.]

Семенченко Г.В. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // ВИД. 1991. Вып. 22. С. 188–193. [*Semenchenko G.V. Neizvestnyy syn Yuriya Galitskogo i politicheskaya bor'ba na Rusi v nachale 30-kh gg. XV v. (The Unknown Son of Yurii of Galich and the Political Rivalry in Rus in the Early 1430s) // Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny*. 1991. Вып. 22. С. 188–193.]

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. [*Cherepnin L.V. Russkiye feodal'nyye arkhivy XIV–XV vekov (Russian Feudal Archives of the 14th–15th Centuries)*. Moscow; Leningrad, 1948. Ch. 1.

Vladimir A. Kuchkin

GREAT PRINCE YURII DMITRIEVICH OF MOSCOW

Early in 1363, the Moscow troops captured Vladimir, the residence of Great Prince. Prior to his death, Dmitrii Ivanovich of Moscow in his will (1389) bequeathed Vladimir and its land to his elder son Vasilii. In the case of Vasilii's death, Moscow and Vladimir had to be inherited by the eldest of his brother. Thus, the most powerful of the Moscow princes had to control Vladimir as well. A.E. Presnyakov believed that, after Dmitrii's death, the relations between Vasilii and Yurii, the second eldest brother, started getting worth. This is not corroborated by sources: until the death of Vasilii in 1425, Yurii always followed and supported him. However, after 1425, the rivalry between Yurii and Vasilii I's son, Vasilii II, started and lasted several years. Yurii finally became great prince of Moscow but soon died, on the 5th June, 1434.

Keywords: Old Rus, political history, Great Principality of Moscow, Dmitrii Donskoy, Yurii of Zvenigrod

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-285-304

Л.А. Беляев

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПРИ *RYSKA KYRKAN* (ВИСБЮ, О. ГОТЛАНД): УТОЧНЕНИЕ АТТРИБУЦИИ*

Статья посвящена датировке и культурному определению двух погребальных объектов, найденных при раскопках «Русской церкви» (*Ryska kyrkan*) в Висбю (о. Готланд, Швеция). Сравнительный анализ одного из них, близкого к традиции Лильестенар, показывает, что его собственная дата лежит в пределах XII–XIV вв., а художественные особенности характерны скорее для Западной Европы, прежде всего Англии, конца Средневековья. Это не стандартное надгробие такого типа, а сложная композиция, включающая изображение крупных и сочных листьев, не похожих на схематические орнаменты Вестергётланда. Второй объект, каменная обкладка в форме человеческого тела с нишей для головы, до сих пор связывалась с русской (новгородской) традицией (О.М. Ионниан и др.). Но в этом случае ее нужно датировать не ранее конца XIV в., т.к. только с этого времени антропоморфные гробы входят в употребление на Руси, причем исключительно в Московском княжестве. Обкладка из Висбю, очевидно, принадлежит к западной ветви традиции антропоморфных вместилищ для человеческого тела: такие вырубki известны в Европе с X–XI вв., в виде обкладок они появляются в ходе Крестовых походов в XII в., а как целые саркофаги – позже, в XIII в. Они хорошо известны и в Скандинавии. В итоге, идентификация выкладки из Висбю меняется: эта модель не занесена сюда из Руси, в Новгороде таких изделий просто нет. Что касается целых саркофагов из известняка, то они начнут появляться на Руси не ранее конца XIV в. Таким образом, при раскопках *Ryska kyrkan* не найдено ничего собственно русского. Новая интерпретация погребального комплекса в Висбю вносит изменение и в историю погребальных сооружений Руси. Это позволяет привлечь к обсуждению проблемы появления белокаменных саркофагов Москвы групп каменных обкладок с нишей для головы, распространенных в Северной Европе.

Ключевые слова: погребальный обряд, антропоморфные саркофаги, надгробия с лилиями, Великий Новгород, Москва, архитектура Средних веков

---

* Статья подготовлена в рамках коллективной плановой темы ИА РАН, № НИОКР 122011200385-1.

В фокусе исследований А.В. Назаренко, как известно, лежали политические и духовные контакты Древней Руси, Византии и средневекового Запада. В этой области нет мелочей, в дело идет любое свидетельство кросс-культурных связей, в том числе материальных и художественных. В этой связи представляется важным рассмотреть сюжет уже известный, но до сих пор воспринимавшийся как периферийный и, во всяком случае, вполне ясный. Речь о погребальных сооружениях, открытых при раскопках в Висбю возле *Ryska kyrkan* («Русской церкви») на восточной стороне главной площади (*Stora torget*).

Следует оговорить, что автор статьи – не специалист по древностям Готланда. Однако погребальные памятники этого острова давно меня интересовали в связи с объектами, которые встречаются и на кладбищах Руси. Это антропоморфные саркофаги. Попутно обозначились поправки к хронологии руин Русской церкви. Такой комментарий, думаю, окажется полезен и тем, кто исследует средневековые древности Швеции, и археологам, занятым изучением русской культуры.

На Готланде византийские памятники искусства и их вероятную связь с Древней Русью, как известно, отметил еще Туре Арне в начале XX в. С последней четверти столетия (см.: Шаскольский 1991. С. 134–143) этой областью контактов занимаются все пристальнее. За полвека сделано много. Торговые и культурные связи Готланда с Великим Новгородом и, наряду с этим, с Западной Русью (Полоцком, Смоленском) проступают все яснее. Четверть века назад была издана книга шведского ученого Эрланда Лагерлёфа о готландских «византинизмах», где тема древнерусских контактов отчасти растворилась в изучении восточно-христианского флёра (Lagerlöf 1999; рецензия: Липатов 2001. С. 281–288). Идет дискуссия по уточнению линий трансфера между Византией и Скандинавией: «русская» часть пути сдвигается от Старой Ладogi и Новгорода в сторону бассейна Десны и верховьев Днепра (Андрoшук 2014. С. 199–212). Особое внимание привлекают признаки воздействия Византии в монументальной живописи. Им посвящено много работ, от поздней статьи патриарха русско-финской архитектуры Ивана Николаевича Кудрявцева (Кудрявцев 1988), сопровождавшейся краткой заметкой классика новгородской реставрации Г.М. Штендера, до исследований Светланы Ярославовны Васильевой (ныне Свенссон), активно работающей на этом направлении и сейчас (Васильева 2010; Vasilyeva 2009). Меньше внимания уделялось архитектуре, хотя по крайней мере две церкви Висбю давно рассматривают как прямые свидетельства контактов Готланда с Новгородом: *Ryska kyrkan* (неизвестного посвящения) и св. Ларса (Иоаннисян 2007. С. 99–135). При этом в отношении второй из них внимание не сосредоточено, как обычно, на бросающемся в глаза сходстве плана и осо-

бенностей организации пространства (проходы и лестницы внутри стен) с храмом св. Пятницы на Торгу (1207 г.) в Новгороде и, опосредованно, с романо-готическими храмами Смоленска, Полоцка и тех земель, где работали зодчие Западной Руси (Беляев 2010. С. 12–24; с учетом уточнений: Седов 2019. С. 40–49). О.М. Иоаннисян подчеркнул чисто местные технологии каменного строительства и декоративной резьбы, перспективный портал, неоспоримо северо-романскую объемную композицию. Для церкви св. Ларса он предложил дату, близкую к 1207 г., которую возможно (но не обязательно) следует воспринимать как *terminus post quem*.

Для Русской церкви, не столь сложной в архитектурном отношении и сохранившейся лишь в уровне фундамента и начала кладки, внятных указаний на хронологию нет. Считается, что это церковное место могло находиться в распоряжении купцов из Руси очень рано (XI в.?), что во второй половине XV–XVI вв. храм еще функционировал; к концу XVII в. на его месте оставалась руина. В 1971 г. была археологически открыта восточная часть церкви (Falsk 1971. S. 85–93)¹. Все писавшие о ней пытались уточнить хронологию, опираясь на остатки кладбища, открытые у храма (в основном к югу, востоку и, частью, к северу). Вальдемар Фальск отметил нетипичный (?) антропологический облик погребенных (но данных не привел) и особое положение рук, соединенных в нижней половине костяка. Отсутствие чертежей лишает возможности оценить, насколько они сходны с обычными погребениями православных кладбищ, где руки обычно соединены кистями в нижней части груди или на животе.

Для определения хронологии и установления культурной традиции этого мало. Остаются погребальные сооружения из камня, до сих пор, как представляется, изученные недостаточно.

Первый объект – надгробный камень, лежавший вдоль южной стены храма. Он близок к типу «камней с лилией» (*Liljestenar*, согласно шведской терминологии), хорошо известных на Готланде, но имеет более сложную и развитую композицию, представляя редкий экземпляр резьбы в довольно высоком рельефе. При публикации его датировали временем около 1200–1250 гг. и определили как уникальный не только для Висбю, но и для Швеции в целом. О.М. Иоаннисян предположил возможную связь с работой ломбардских мастеров, строивших собор в Лунде, и саму резьбу определил как «ломбардскую». Но осторожно поставил прилагательное в кавычки.

К сожалению, в моем распоряжении имеется лишь слабый отпечаток, опубликованный в статье (Falsk 1971. Fig. 20). Но общее представление он дает. Перед нами композиция, схема которой восходит к уплощенным

¹ Благодарю Е.А. Мельникову и С.Я. Васильеву (Свенссон) за помощь в подборе шведской литературы.

крышкам раннесредневековых саркофагов, где ось превратилась в ствол дерева, а ребра скатов – в его корни или иные формы опор, в конечном счете ассоциированные с Голгофой, также как дерево – с Животворящим Крестом и Древом Иисеевым (ср. плиту XII в. из собора в Линкольне, Англия: Zarnecki 1986. P. 159–172). Это, конечно, не близкие ассоциации, но для надгробной плиты они уместны. На Западе известна масса средневековых аналогов в более или менее разработанных версиях, например, на крышке саркофага Альфонсо Ансуреца (1093, Мадрид, Нац. археологический музей: Hassig 1991. P. 140–153; *The Art of Medieval Spain* 1993. P. 45, № 1; p. 234–235, № 107) и на архаичных камнях донормандского периода в Мюнстере (Йоркшир; см.: Cramp 1984). Но есть они и в позднее время, вплоть до XIV в. (надгробие из Северного Уэльса: Gresham 1968. Fig. 26 и др.). Наиболее близкий известный мне пример – крышка-плита саркофага одной из принцесс Уэльса (Джоан или Элеоноры, соответственно, после 1237 или после 1275 г.) в приходской церкви св. Марии и св. Николая в Бьюмарис, Англия (изображение: Gresham 1968. Fig. 25; подробнее см.: Беляев 1996. С. 56–62, 102 и др.).

Попытка привязать по крайней мере часть лильестен'ов к периоду ранней христианизации конца X – первой половины XI в. в Швеции, соотнеся их с мотивами византийской резьбы и ювелирных украшений (Rhodin, Gren, Lindblom 2000. S. 165–181) не вполне убедительна: мотивы декора широко распространены и сохранялись столетиями, оказывая влияние на последующие формы. Для датирования нужны доказательства помимо стилевых. В любом случае, плита у *Ryska kyrkan* очень отличается от стандартного лильестен'а – композиция сложнее, а исполнение более сочное, изображенные мясистые листья не похожи ни на схематические орнаменты камней старейшего диоцеза Скара (Вестерьётланд), ни на их столь же сухие греческие прототипы.

Полагаю в связи со всем сказанным, что дата плиты у *Ryska kyrkan* может быть несколько позднее. Композиция и резьба близки к романским и готическим версиям XIII–XIV вв. Насколько легко было найти исполнителя для такой плиты в средневековом Висбю, не берусь судить. Так или иначе, но типологически с древнерусскими плитами связать ее невозможно. По отношению к церкви плита, вероятно, позже: она тесно прижата к стене и лежит строго вдоль нее. Вопрос абсолютной даты решится рассмотрением плиты в общем контексте памятников Западной Европы. Очевидно, что мы имеем здесь дело с погребением достаточно знатного лица.

Второй объект открыт против южного заплечика апсиды (Falsk 1971. Bild 1 och 4). Несмотря на внешнюю скромность, это явно столь же статусное погребение. Дело в том, что обкладка из каменных блоков с вы-

деленной нишей для головы – типичная форма престижных погребений в Северной Европе, от королей до епископов и аббатов. Аналоги обкладок, иногда с вытесанной в одном камне внутренней нишей, В. Фальск хорошо знал, поэтому форма погребения особого интереса у него не вызвала. Он указал на погребения в обкладках из церкви в Хаммарлунде под Лундом (в Средние века территория Дании) и в руинах церкви св. Климента на Готланде (найдено в 1907–1909 гг.; ссылки на источник нет; в руинах последней позже был найден шиферный подвесной крестик с кириллической надписью, см.: Медынцева 1994. С. 132–137; Она же 2000. С. 182–185).

В Хаммарлунде мы видим два захоронения в каменных обкладках, со специально вытесанными нишами для головы (Gustavsson, Weidhagen 1968. P. 154–168). Их размещение в романской каменной церкви, по обе стороны от оси храма, в его западной круглой башне, явно указывает на высокий статус семьи (что это семья, вряд ли стоит сомневаться): в одном мужчина зрелых лет, в другом беременная женщина с двумя младенцами (видимо, умершими после смерти матери). В публикации 1968 г. даны сведения об устройстве могил: это обкладки из вертикально поставленных блоков песчаника, с вымазанным глиной полом и слабо выраженными «подушками» в нишах изголовья из раствора извести. Оба сооружения трапециевидные, оба перекрывались поперечными плитами. По-видимому, это донатор каменной церкви и женщина из его семьи (жена, дочь, сестра). При публикации погребения в Хаммарлунде мужское отнесли к концу XII (около 1180?), женское – до первых десятилетий XIII в.

Э. Густавссон и М. Вейдхаген, в свою очередь, приводят два примера: известное с середины XIX в. погребение в обкладке из королевского некрополя церкви в Рингстеде, Дания (Kongegravene i Ringsted Kirke 1858. Tf. X), зарисованное известным художником Х. Хансеном (Hansen, 1821–1890); оно аккуратно выложено из небольших, тщательно пригнанных камней. Другой аналог – найденное при раскопках 1925–1926 гг. в церкви монастыря св. Петра в Лунде (Engström 1927. Fig. 87, 94. S. 207–208). Вероятно, таких образцов после просмотра современной литературы наберется гораздо больше.

Важно указать, что эти выкладки с нишами для головы известны и в других областях Северной Европы. Впечатляющую серию таких выкладок выявили в 1957 г. под алтарной частью главного храма в очень известном приорате Уитхорн (Whithorn, Галлоуэй, Шотландия). Они тянутся к погребению основателя монастыря св. Ниниана, причем самые древние из этой (довольно разнообразной в деталях) серии из не менее чем 28 могил относят к XII в., но большая часть принадлежит XIII–XIV столетиям.

Антропоморфным погребальным сооружениям раннесредневековой и романской Европы следует посвятить большое исследование (пока см. о хронологии и генезисе антропоморфного саркофага: Беляев 2015. С. 365–374; Беляев 2018. С. 219–232). Совершенно ясно, что на Западе существовала своя, более или менее независимая от византийской и, тем паче, древнерусской традиция следовать при изготовлении гробов формам человеческой фигуры. В некоторых случаях, возможно, просто из экономии трудозатрат, если гробницы высекали прямо в скале, как у капеллы св. Патрика в Хэйшеме/Морекамбре (Англия) и в ранних монастырях Испании (см.: Беляев 1996. Рис. 11–12).

Возвращаясь в Висбю, отметим, что, по наблюдению В. Фальска, большинство других погребальных сооружений *Ryska kyrkan* – трапециодные в плане (всего их найдено 30, и часть предшествует церкви). Он упоминает 6 фрагментов крышек от саркофагов, но других сведений о них не приводится: идет ли речь об одной разбитой крышке или о нескольких – неясно. Публикация не дает также таблиц, размеров и других сведений об устройстве объекта (имелось ли дно, как был устроен подголовник, чем был заполнен гроб и т.п.). На фотографии видно, что плиты очень плохо обработаны как снаружи, так и внутри, что не типично для саркофагов, но характерно для обкладок. Правда, они довольно тонкие, а оглавье не вытесано в камне, а выложено из трех плит, что внешне сближает выкладку с антропоморфным саркофагом.

Все же ясно, что у *Ryska kyrkan* найден отнюдь не русский саркофаг, а характерный для Северной Европы романский гроб из плит с нишей для головы. Спутать их сложно: хорошо известные нам саркофаги, которые получают широкое развитие в Московском княжестве, а затем царстве с XV по середину XVII в., имеют совершенно иной облик. Они цельные, прекрасно вытесаны из светлого известкового камня, хорошо обработаны изнутри и снаружи, имеют четко оформленные детали: уступы, возвышения для головы, пригнанные крышки (часто разъемные). Такой саркофаг станет одним из маркирующих признаков «московской археологической культуры». Но это будет не ранее конца XIV в., что установлено давно (Беляев 1996. С. 106–110), а за истекшую треть века проверено статистически: кладбища Руси XII–XIV вв. (например, монастыря Рождества Богородицы во Владимире на Клязьме) дают только ящичные формы (см. библиографию: Беляев 2021. С. 166–168). А пик распространения антропоморфных гробов на Руси – с XVI до середины XVII в., когда их изготовлены сотни.

Сколько удастся установить, распространение антропоморфных саркофагов культурно-исторически связано с крестовыми походами, с новой средиземноморской традицией, возникшей в их ходе и влиявшей

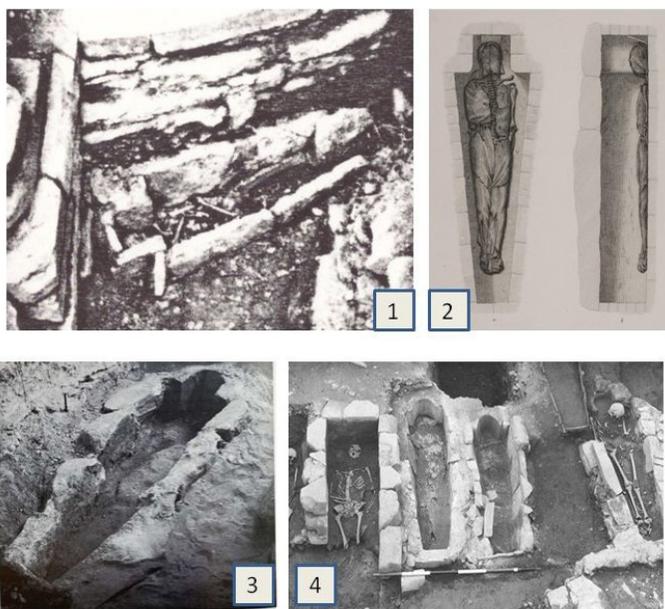
на погребальные сооружения Запада вплоть до XIX в. Как именно эта форма попала в Москву – с византийского христианского Востока (через Крым?), или непосредственно от западных мастеров – пока не до конца ясно. Во всяком случае, о ней узнали не от романских каменотесов, работавших на Руси в середине – второй половине XII в.

Высокая хронология резко расходится с привычными датами *Ryska kyrkan* и ее кладбища. Зная об этом, О.М. Иоаннисян подошел к датировке саркофага с необходимой критичностью. Он отказался от взгляда середины XX в. (Н.Н. Воронин, А.Ф. Дубынин, позже Т.Д. Панова) на появление антропоморфных саркофагов на Руси в XII в., который держался на условном отнесении к домонгольскому времени двух каменных гробов, из Боголюбова и Суздаля. Указав на малую вероятность их появления до последней четверти XIII в., он подкрепил тезис отсылкой к распространению антропоморфных саркофагов в Европе не ранее XIII в., а на Руси – не ранее конца XIII – XIV в. (Иоаннисян 2007. С. 119–120: на самом деле, разрыв на 100 лет больше: не ранее конца XIV – XV в.).

Не все в порядке и с точки зрения стратиграфии. О.М. Иоаннисян считал, что погребение предшествует постройке церкви – на том основании, что над ним нависает край кладки апсиды. Но вернее будет противоположное: выкладка прижата к апсиде, которая при погребении уже существовала, иначе трудно объяснить разворот погребения осью вдоль дуги апсиды. В противном случае совершенно необъяснима эта «диагональная», по отношению к сторонам света, ориентация, иная, чем у всех остальных погребений на плане (они ориентированы вдоль оси храма). Нависание же кладок случается, если гроб (в том числе каменный) стремятся придвинуть как можно ближе к святому алтарю. Полагаю, что погребение совершено при строительстве или, гораздо вероятнее, как в Хаммарлунде, вскоре после него.

Большой хронологический и культурно-географический разрыв делает просто невозможной связь погребения в обкладке у *Ryska kyrkan* с Новгородом, где такие обкладки вообще неизвестны, а каменные гробы имели иные формы – ладьеобразные (отчасти тоже антропоморфные) с фасетками на крышках, а чаще просто ящичные, как и на Северо-Востоке Руси (последние примеры см.: Седов 2014. С. 205–210). К русской традиции обкладка имеет не больше отношения, чем вышеописанный лильстен с того же кладбища. Зато она прекрасно ложится на карту распространения аналогичных форм в Европе XII–XIV вв.

Саму церковь шведские ученые (прежде всего Г. Сванстрём) отнесли к XIII в., О.М. Иоаннисян придерживался практически той же даты. Нельзя исключить и более позднее появление храма: как известно, в 1560-х гг. он отражен в документах, но, судя по наблюдениям при раскопках, существовал недолго.

Илл. 1. Погребения в каменных обкладках с выраженным оглавием в Северной Европе. 1 – Висбю (о. Готланд), погребение на участке Ryska kyrkan, вид с северо-востока (по: Falsk 1971); 2 – Рингстед (о. Зеландия, Дания), одно из погребений в церкви св. Берндта (по: Kongegravene i Ringsted Kirke, 1858); 3 – Хаммарлунда (Сконе, Швеция), погребение романского периода (по: Gustavsson, Weidhagen, 1968); 4 – Галлоуэй (Шотландия), центральная группа погребений в приорате Уитхорн (<https://www.nms.ac.uk/explore-our-collections/stories/scottish-history-and-archaeology/the-medieval-bishops-graves-from-whithorn/>)

Fig. 1. Burials in stone facings with a pronounced head niche in Northern Europe. 1 – Visby (Gotland, Sweden), burial at the Ryska kyrkan, viewed from N-E (after Falsk 1971); 2 – Ringsted (Zealand, Denmark), one of the burials in the St Bernard church (after Kongegravene i Ringsted Kirke, 1858); 3 – Hammarlunda (Skåne, Sweden), a burial of the Romanesque period (after Gustavsson, Weidhagen, 1968); 4 – Galloway (Scotland), central group of burials in the priory Whithorn (<https://www.nms.ac.uk/explore-our-collections/stories/scottish-history-and-archaeology/the-medieval-bishops-graves-from-whithorn/>)

Если говорить о культурной принадлежности двух погребальных памятников, то один из них – резная плита – может относиться к бесчисленным дериватам византийской традиции на раннем романском Западе. Но к Древней Руси никакого отношения не имеет. Второй объект, обкладка

с прямоугольным выступом для головы, связать с Русью затруднительно – как с Новгородом, так и с Москвой. Ничего особенно русского ни в архитектуре церкви, ни тем более в ее кладбище не наблюдается. Ее ассоциация с Русью – всецело в пределах топонимики, трактовки письменных источников и картографии.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Андрошук Ф.А.* Русь и византийские контакты Скандинавии в XI–XIV вв. // *Stratum plus. Археология и культурная антропология.* 2014. № 5. С. 199–212. [*Androshchuk F.A.* Rus' i vizantijskie kontakty Skandinavii v XI–XIV vv. (Rus' and the Byzantine Contacts of Scandinavia in the 11th–14th Centuries) // *Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya.* 2014. № 5. S. 199–212.]
- Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. [*Belyaev L.A.* Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoj Rusi XIII–XVII vv. (Russian Medieval Gravestones. White-stone Slabs in Moscow and North-Eastern Rus'. 13th–17th Centuries). Moscow, 1996.]
- Беляев Л.А.* Романо-готический след в строительстве западных городов Руси (середина XII – первая треть XIII в.) // *История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко.* М., 2010. С. 12–24. [*Belyaev L.A.* Romano-goticheskij sled v stroitel'stve zapadnyh gorodov Rusi (seredina XII – pervaya tret' XIII v.) (The Romanesque-Gothic Traces in the Constructions in the Western Towns of Rus' (Middle of the 12th – First Third of the 13th Centuries)) // *Istoriya: dar i dolg. Yubilejnij sbornik v chest' A.V. Nazarenko.* Moscow, 2010. S. 12–24.]
- Беляев Л.А.* Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // *Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию академика Н.А. Макарова.* М.; Вологда, 2015. С. 365–374. [*Belyaev L.A.* Zametki po istorii antropomorfnyh sarkofagov v Evrope i Rossii (Notes on the History of Anthropomorphic Sarcophagi in Rus', 15th–17th Centuries) // *Goroda i vesi srednevekovoj Rusi: arheologiya, istoriya, kul'tura: k 60-letiyu akademika N.A. Makarova.* Moscow; Vologda, 2015. S. 365–374.]
- Беляев Л.А.* К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // *КСИА.* 2018. Вып. 252. С. 219–232. [*Belyaev L.A.* K hronologii antropomorfnyh sarkofagov Rusi XV–XVII vv. (On the Chronology of Anthropomorphic Sarcophagi in Rus', 15th–17th Centuries) // *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN.* 2018. Вып. 252. S. 219–232.]
- Беляев Л.А.* Московские типы: к истокам традиций // *Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории.* М., 2021. С. 166–177.

[*Belyaev L.A.* Moskovskie tipy: k istokam tradicii (Moscow Types: On the Sources of Traditions) // Rus' v XIII–XV vekah. Novye otkrytiya v oblasti arheologii i istorii. Moscow, 2021. S. 166–177.]

Васильева С.Я. Традиции византийско-русского искусства в живописи острова Готланд XII – начала XIII в. Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 2010. [*Vasilyeva S.Ya.* Tradicii vizantijsko-russkogo iskusstva v zhivopisi ostrova Gotland XII – nachala XIII v. (Traditions of the Byzantine-Russian Art in the Paintings of the Island of Gotland in the 12th and the Beginning of the 13th Century). Avtoreferat diss... kand. ist. nauk. Moscow, 2010.]

Иоаннисян О.М. Архитектура Древней Руси и средневековой Скандинавии. Их взаимосвязи // ТГЭ. СПб., 2007. Вып. XXIV: Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. С. 99–135. [*Ioannicyan O.M.* Arhitektura Drevnej Rusi i srednevekovoj Skandinavii. Ih vzaimosvyazi. (Old Russian and Medieval Scandinavian Architecture. Their Interrelations) // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. St-Petersburg, 2007. Vyp. XXIV: Izuchenie i restavraciya pamyatnikov drevnerusskoj arhitektury i monumental'no-go iskusstva. S. 99–135.]

Кудрявцев И.Н. Воздействие русской и византийской культур на искусство и архитектуру Готланда в эпоху Средневековья // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1989. С. 111–119. [*Kudryavtsev I.N.* Vozdejstvie russkoj i vizantijskoj kul'tur na iskusstvo i arhitekturu Gotlanda v epohu Srednevekov'ya (The Impact of Russian and Byzantine Culture on the Art and Architecture of Gotland in the Middle Ages) // Problemy issledovaniya, restavracii i ispol'zovaniya arhitekturnogo naslediya Russkogo Severa. Mezhvuzovskij sbornik. Petrozavodsk, 1989. S. 111–119.]

Липатов А.А. Размышления над книгой о Византии и Готланде (Lagerlöf, Erland. Gotland och Bysans: Bysantinskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. Visby: Ödin AB, 1999) // Археологические вести. СПб, 2001. № 8. С. 281–288. [*Lipatov A.A.* Razmyshleniya nad knigoj o Vizantii i Gotlande (Reflections on the Book about Byzantium and Gotland): Lagerlöf, Erland. Gotland och Bysans: Bysantinskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. Visby: Ödin AV, 1999) // Arheologicheskie vesti. St-Petersburg, 2001. № 8. S. 281–288.]

Медынцева А.А. Древнерусская надпись на крестике из Висбю (о. Готланд) // Scando-Slavica. 1994. Т. 40. С. 132–137. [*Medyntseva A.A.* Drevnerusskaya nadpis' na krestike iz Visbyu (o. Gotland) (Old Russian Inscription on a Cross (Gotland)) // Scando-Slavica. 1994. T. 40. S. 132–137.]

Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XII века. М., 2000. [*Medyntseva A.A.* Gramotnost' v Drevnej

- Rusi. Po pamyatnikam epigrafiki X – pervoj poloviny XII veka (Literacy in Ancient Rus'. On the Basis of Epigraphic Monuments of the 10th – the First Half of the 12th Century). Moscow, 2000.]
- Sedov Vл.В.* О происхождении древнерусских храмов с прямоугольными алтарными выступами // РА. 2019. № 3. С. 40–49. [*Sedov Vл.В.* O proiskhozhdenii drevnerusskikh hramov s pryamougol'nymi altarnymi vystupami (On the Origins of Old Russian Churches with Rectangular Altar Projections) // Rossijskaya arheologiya. 2019. № 3. S. 40–49.]
- Sedov Vл.В.* Каменный саркофаг из Новгородского Пантелеймонова монастыря // КСИА. 2014. № 236. С. 205–210. [*Sedov Vл.В.* Kamennyj sarkofag iz Novgorodskogo Pantelejmonova monastyrya (The Stone Sarcophagus from the Novgorod Monastery of St Panteleimon) // Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii RAN. 2014. № 236. S. 205–210.]
- Шаскольский И.П.* Памятники русско-византийского искусства на острове Готланд // ВИД. Т. 23: XVIII Междунар. конгр. византистов (Москва, 8–15 августа 1991). М., 1991. С. 134–143. [*Shaskolskiy I.P.* Pamyatniki russko-vizantijskogo iskusstva na ostrove Gotland (Monuments of Russian-Byzantine Art on the Island of Gotland) // Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny. Т. 23: XVIII Mezhdunar. kongr. vizantinistov (Moskva, 8–15.08.1991). Moscow, 1991. S. 134–143.]
- The Art of Medieval Spain: A.D. 500–1200. N.Y., 1993.
- Cramp R.* Corpus of Anglo-Saxon Stone Sculpture in England. Oxford, 1984. Vol. I: County Durham and Northumberland.
- Engström B.* De arkeologiska utgrävningarna vid St Peters kloster i Lund åren 1925–1926 // Fornvännen. 1927. Årg. 22. S. 193–216.
- Falsk W.* Ryska kyrkan i kv. Munken // Gotländskt Arkiv. Visby, 1971. S. 85–93.
- Gresham C.A.* Medieval Stone Carving in North Wales. Sepulchral Slab and Effigies of the Thirteenth and Fourteenth Centuries. Cardiff, 1968.
- Gustavsson E., Weidhagen M.* Investigations in Hammarlunda Church // Res Medieevalis. Archaeologica Lundensia, 3: Festschrift Ragnar Blomqvist. Lund, 1968. P. 154–168.
- Hassig D.* He Will Make Alive Your Mortal Bodies: Cluniac Spirituality and the Tomb of Alfonso Ansures // Gesta. 1991. Vol. 30 (2). P. 140–153.
- Kongegravene i Ringsted Kirke. Kjøbenhavn, 1858.
- Lagerlöf E.* Gotland och Bysans: Bysantinskt inflytande på den gotländska kyrkokonsten under medeltiden. Visby, 1999.
- Rhodin L., Gren L., Lindblom V.* Liljestenarna och Sveriges kristnande från Bysans // Fornvännen. 2000. Årg. 65. S. 165–181.
- Vasilyeva S.* Bysantinska traditioner i Gotlands konst under 1100-talet // Fornvännen. 2009. Årg. 111/2. S. 97–111.

Zarnecki G. Henry of Blois as a Patron of Sculpture // Art and Patronage in the English Romanesque. L., 1986. P. 159–172.

Leonid A. Belyaev

BURIAL STRUCTURES AT RYSKA KYRKAN (VISBY, GOTLAND): CLARIFICATION OF ATTRIBUTION

The paper deals with the chronology and cultural definition of two funerary objects found during the excavations of the “Russian Church” (*Ryska kyrkan*) in Visby (Gotland, Sweden). A comparative analysis of one of them, close to the *Liljestenar* tradition, shows that its own date lies within the 12th–14th centuries, and its artistic features are characteristic rather of Western Europe, primarily England, of the late Middle Ages. This is not a standard tombstone of this type, but a complex composition, including the image of large and succulent leaves, not similar to the schematic ornaments of Västergötland. The second object, a stone lining in the shape of a human body with a niche for the head, has so far been associated with the Russian (namely Novgorodian) tradition (O.M. Ionnisyan and others). But in this case it should be dated no earlier than the end of the 14th century, as only from that time anthropomorphic coffins came into use in Russia, and exclusively in the Moscow Principality. The lining from Visby obviously belongs to the western branch of the tradition of anthropomorphic stone receptacles for the human body: such cuttings are known in Europe from the 10th–11th centuries, they appear as a stone linings during the Crusades in the 12th century, and as whole sarcophagi – later, in the 13th century. They are well known in Scandinavia as well. As a result, the identification of the funerary object from Visby changes: this model is not brought here from Russia, there are simply no such products in Novgorod. As for the whole sarcophagi made of limestone, they will begin to appear in Russia not earlier than the end of the 14th century. Thus, during the excavations of *Ryska kyrkan* nothing of Russian origin was found. The new interpretation of the funeral complex in Visby also makes a change in the history of the burial structures of Russia. It allows to bring to the discussion of the problem of the appearance of white stone sarcophagi of Moscow a group of stone linings with a niche for the head, common in Northern Europe.

Keywords: burial rite, anthropomorphic sarcophagi, tombstones with lilies (*Liljestenar*), Novgorod the Great, Moscow, medieval architecture

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-305-316

П.В. Лукин

ВЕЧНИКИ В САКСОНИИ XI ВЕКА? К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕКСЕМЫ *VETHENICI* В «ХРОНИКЕ» ТИТМАРА МЕРЗЕБУРГСКОГО*

Статья посвящена загадочному понятию *vethenici* в латиноязычной «Хронике» Титмара Мерзебургского., которой много занимался покойный Александр Васильевич Назаренко. В «Хронике» это слово встречается трижды в рассказах о событиях XI в. (в 1002, 1009 и 1015 гг.) в саксонском городе Майсене (Мишнне). Все три упоминания связаны с действиями воинского отряда, по-видимому, славянского происхождения, во время нападений на город польского войска. Разбираются высказанные в предшествующей литературе гипотезы: о связи *vethenici* с лужицко-сербским словом *wicaz*, родственным древнерусскому *вѣтъязь*; о его происхождении от праславянского **vět(j)ьnikъ* (участник собрания); о его происхождении от гипотетического **vitinici/vetnini* в значении «люди Веттинов», «люди из Веттина» (гипотеза, выдвинутая в 1986 г. немецким историком Христианом Любке). По мнению автора, наилучшим образом соответствует лингвистическим закономерностям и историческому контексту связь слова *vethenici* с «вечниками», но не в значении «участники собрания, веча», а в хорошо засвидетельствованном значении «смутьяны, заговорщики, мятежники». Это обозначение в контактной славяно-германской зоне, с одной стороны, как показывают палеографические данные, могло быть окказиональным, с другой имело негативные коннотации: «смутьяны, заговорщики, мятежники». Титмар Мерзебургский, по-видимому, не вполне понимал его смысл и мог принять его за славянское наименование некоей военно-служилой категории населения или этносоциальной группы. В пользу этого вывода косвенно свидетельствуют также палеографические особенности рукописей, в которых отразился текст «Хроники». В рукописи рассматриваемая в статье лексема все три раза (как и множество антропонимов и топонимов) передана со строчной буквы, соответственно: *uethenici*, *wethenici*, *weneinici* (?). Это может говорить о восприятии уже самим хронистом и/или его сотрудниками интересующего нас понятия как чужеродно-

---

* Автор выражает глубокую благодарность А.А. Гиппиусу, Д.В. Каштанову, С.В. Полехову и Д.В. Сичинаве за помощь и содействие. Разумеется, никто из них не несет ответственности за выводы и возможные ошибки.

го и непонятного, что также косвенно свидетельствуют против идеи о *vethenici* как о «людях из Веттина».

Ключевые слова: «Хроника» Титмара Мерзебургского, Саксония, Майсен, лужицкие сербы, лужицко-сербский язык, вечники

В предлагаемой статье мы планируем затронуть сразу три темы, которые находились в сфере постоянного внимания незабвенного Александра Васильевича Назаренко. Это «Хроника» Титмара, которой он много и плодотворно занимался, чаемый им историко-филологический синтез и, конечно, компаративные исследования в области медиевистики.

В «Хронике» Титмара Мерзебургского трижды упоминаются в саксонском, но тогда еще частично славянском Майсене (Мишне) начала XI в. некие *vethenici* (*wethenici*, *weneinici*, различия в написании носят чисто графический характер). Все три контекста связаны с осадами польскими войсками Майсена.

1. В 1002 г. польский князь Болеслав Храбрый, воспользовавшись смертью майсенского маркграфа Эккехарда, решил завоевать марку Майсен и осадил замок Майсен. Захватить его он планировал с помощью хитрости – подкупив жителей подгородья (*suburbium*), которых хронист называет *Misnenses*. Когда эти *Misnenses* узнали, что бóльшая часть гарнизона уехала из замка за фуражом, они «ворвались в ворота, которые обращены на восток, в той части, где живут служилые люди (*satellites*), называющиеся по-славянски *Vethenici* (*dicti Sclavonice Vethenici*. – П.Л.), под командованием Гунцелина из Куkenбурга¹...». Впоследствии *Misnenses* открыли ворота Болеславу Храброму (Thietmar 1935. V. 9 (6). S. 230)².

2. В 1009 г. вновь имело место нападение поляков на Майсен. Титмар сообщает, что в городе вновь зрела измена: «Как позднее выяснилось, зачинщиками этого были двое *Wethenici* из предместья (*duo Wethenici ex suburbio*). И они заслуженно заплатили своей кровью за такое предательство» (Thietmar 1935. VI. 55 (37). S. 342).

3. В 1015 г. польское войско под командованием сына Болеслава Храброго Мешко (будущий король Польши Мешко II) опять напало на Майсен и осаждало его. По словам хрониста, «*Wetennici*, заметив это, не имея

¹ Гюнтер, брат маркграфа Эккехарда, и местность, по-видимому, ему принадлежавшая.

² Здесь и далее перевод наш. Вышедший в нескольких изданиях русский перевод «Хроники» Титмара И.В. Дьяконова не всегда точен. В настоящее время ведется работа по публикации подготовленного еще в 1941 г. С.А. Аннинским и так и не вышедшего в свет перевода и научного аппарата. Комментарии С.А. Аннинского по интересующему нас вопросу, возможность ознакомиться с которыми нам предоставил Г.И. Борисов, за что мы ему искренне признательны, соответствуют научным представлениям того времени.

надежды на то, что они могут защитить себя, оставив почти всё своё имущество, поднялись на укрепления верхнего города». Предместье в результате было захвачено (Thietmar 1935. VII. 23 (15). S. 424).

Этим исчерпываются наши данные о майсенских *vethenici*.

Историография вопроса довольно обширна и охватывает два аспекта: лингвистический (значение самого слова и его этимология) и исторический (контекст упоминания, то, что принято в немецкой литературе называть *Sitz im Leben*). Подробное ее изложение в ряде имеющихся работ избавляет нас от необходимости развернуто представлять ее здесь (Zernack 1967. S. 201–208; Lübke 1986a. S. 193–196; Lübke 1986b. S. 402–405; Hardt 2017. S. 62–65). Следует лишь охарактеризовать основные, актуальные и сейчас точки зрения.

Долгое время популярностью среди историков пользовалась этимология *vethenici* на основе предполагаемой близости с зафиксированным в Саксонии латинским обозначением *withasii* (особая категория сельского населения), которое выводилось из праславянского **vitežь* и связывалось с лужицко-сербским *wičaz*, родственным древнерусскому *вумязь*. Также *vethenici* сопоставлялись с упоминавшимися вплоть до XVI в. в окрестностях Майсена *Witsassen*, которые определяются в источниках как *rustici* (сельские жители). В новейшей статье, где уделяется внимание *vethenici*, с некоторыми оговорками защищается именно эта концепция. При этом во главу угла ставятся косвенные данные (например, географическая близость Майсена и территории, на которой источники фиксируют *Witsassen*), а лингвистическая проблематика фактически игнорируется (Hardt 2017. S. 57–68)³.

Однако славистами-языковедами эта этимология принята не была. В сорбском языке X–XI вв. **vitežь* должен был бы дать не *vethenici*, а **vitenzi* (у Титмара, в соответствии с правилами записи на латыни, было бы *vitensi*). Кроме того, нельзя игнорировать и различие корневой гласной (*vet(h)-* – *vit-*) (Lübke 1986. S. 402–403). Польским лингвистом А. Брюкнером было предложено, а работавшим в Австрии немецким ученым Х.Ф. Шмидом подробно обосновано происхождение этого слова от праславянского **věti(j)ьnikъ*, производного от **větje* («собрание»). Впоследствии эта интерпретация была поддержана лингвистами и вошла в исторические словари лужицко-сербского языка (Brückner 1985 [1927]. S. 614; Schmid 1930. S. 116–129; Eichler 1965. S. 134; Schuster-Šewc 1988. S. 1593). Следует также принять во внимание бытование «вечевых» понятий у лужицких сербов (*wěco*, *wěcwanje*) и указанное Х.Ф. Шмидом по-

³ Необоснованным в лингвистическом отношении, как это уже было показано в старой литературе, оказалось внешне соблазнительное предложение выводить *vethenici* из зафиксированного в верхнелужицком языке слова *wěžnik* (от «вежа» – «страж башни») (Kötzsche 1961 [1924]. S. 120, Anm. 18).

лабское слово *vesněk* («низший чиновник в сельской местности, посыльный»), этимологически связанное с **věťjъnikъ* («участник совещания») (Schmid 1930. S. 119; Schuster-Šewc 1988. S. 1586; Polański 1994. S. 965).

Наиболее серьезную и фундированную попытку пересмотра этимологии и значения слова *vethenici* предпринял Хр. Любке (Lübke 1986b). Признавая лингвистическую корректность «вечевой» этимологии, историк не без основания отказывает ей в убедительности с точки зрения исторического контекста. Действительно, сложно себе представить, чтобы в саксонском Майсене собирались (тайные?) славянские вечевые собрания или существовали должностные лица славянского происхождения, связанные с гипотетическим лужицко-сербским (сорбским) вечем, о котором также по существу ничего неизвестно. Непонятно, каким образом серболужицкие «вечники» превратились в вооруженных служилых людей немецкой знати (Zernack 1967. S. 201–208). Х.Ф. Шмид выходил из этого противоречия следующим образом. Принимая, что вече могло быть аристократическим органом власти (со ссылкой на поморянские и восточнославянские «племенные» собрания), он исходил из того, что в нем могли участвовать дружинники местных славянских князей. После установления немецкого господства княжеская власть исчезла, а дружинники и их потомки превратились в подчиненное немецким властям население, несущее военную службу (Schmid 1930. S. 116–129). Однако еще В. Шлезингер справедливо обратил внимание на то, что, если говорить о дружине или служилых людях, то непонятно, почему они живут в предместье (*suburbium*), а не в самом городе (в то же время, опираясь на латинское *satellites*, В. Шлезингер логично заключал, что речь может идти о «дружиноподобном формировании») (*einen gefolgschaftsähnlichen Verband*) (Schlesinger 1960. S. 88–89). В пользу этого свидетельствует и то, что, как уже справедливо отмечалось, *vethenici* у Титмара отнюдь не тождественны славянскому (или в значительной степени славянскому) населению майсенского *suburbium* – *Misnenses*. *Vethenici*, таким образом – определенная группа населения Майсена, которая жила в предместье в районе восточной башни верхнего города, называлась словом славянского происхождения и находилась на некоей службе у майсенских маркграфов, являясь их *satellites* (Zernack 1967. S. 205–206)⁴.

Поэтому попытка найти альтернативную трактовку *vethenici*, предпринятая Хр. Любке, представляется вполне правомерной. Тем не менее с ней есть определенные проблемы, начиная уже с самой исходной предпосылки, играющей существенную роль в его рассуждениях. Он считает, что не стоит искать в *vethenici* «функциональное обозначение» типа ла-

⁴ См. об этом противоречии у Х. Ловмянского, который, при всем том, был сторонником «вечевой» этимологии (Łowmiański 1967. S. 453–454).

тинских *milites, satellites* или *servientes*, поскольку Титмар передает этот термин с прописной буквы, т.е. якобы трактует его как имя собственное. Следовательно, по мнению ученого, этимологию этого слова надо искать в кругу антропонимов или топонимов (Lübke 1986b. S. 405). Однако с прописной буквы это слово передает не Титмар, а издатель «Хроники» в MGH Р. Хольтцманн. В самой рукописи оно все три раза (как, кстати, и множество антропонимов и топонимов) передано со строчной буквы, соответственно: *uethenici, wethenici* (*ci* – вписано над строкой), *weneinici* (?) (Die Dresdner Handschrift 1905. Bd. I. Fol. 85a; Bd. II. Fol. 122a; fol. 151a)⁵.

Хотя с конъектурой издателей Титмара (*wethenici* вместо *weneinici*), в пользу которой свидетельствует и контекст упоминания, и параллели, несомненно, нужно согласиться, сама ошибка выглядит показательной. В пользу этого говорит и заметная на третьем примере неуверенность написания слова. Уже сам автор «Хроники» и его сотрудники (тут нужно вспомнить, что в данном случае мы имеем дело фактически с оригиналом! – Назаренко 1993. С. 132) плохо его понимали, не чувствовали его структуры и этимологии. Обращает на себя внимание также, как представлена эта лексема в корвейской переработке «Хроники» 1120 г. и у писавшего в середине XII в. Саксонского анналиста, широко использовавшего и даже буквально переписывавшего «Хронику» (точнее, ее корвейскую переработку). Если в корвейской переработке видим соответственно дважды правильное *Wethenici* и искаженное *Wenenici* только в третьем, «проблемном» месте (Thietmar 1935. S. 231, 343, 425), то у Саксонского анналиста дело обстоит значительно хуже. В одном месте он просто опустил интересующее нас слово, во втором – превратил в неких *Uuenetici* (венеты? венецианцы?), в третьем – в *Uuenenici* (?) (Annalista Saxo 2006. S. 284, 318, 340). Это, как представляется, противоречит остроумной гипотезе Хр. Любке, который предлагает выводить *vethenici* из наименования саксонской династии Веттинов через гипотетическое **vitinici/vetinici* в значении «люди Веттинов», «люди из Веттина» (Lübke 1986b. S. 405–428). Эта гипотеза, будучи с лингвистической точки зрения, как кажется, хорошо обоснованной, построена, однако, на довольно длинной цепочке доводов и ряде допущений, а главное – требует реконструкции нигде не зафиксированного слова. Поэтому обращение к ней, как к более сложной, чем «вечевая», имеет смысл только в том случае, если последняя не находит убедительного объяснения с точки зрения исторического контекста, что, как говорилось выше, признает и сам исследователь (Lübke 1986b. S. 403–404). Кроме того, упомянутый

⁵ Публикатор наиболее авторитетного издания Титмара Р. Хольтцманн читает в третьем случае *ueneinici* или *uuenetnici* (Thietmar 1935. S. 424, k), но в рукописи как двойное *u* регулярно пишется *w*, далее: (см. также: Semkowicz W., Paleografia łacińska, wyd. II. Kraków 2007. S. 260), а пятая буква выглядит ближе к плохо прописанной *i*.

выше Саксонский анналист, разумеется, прекрасно знал, кто такие Веттины, но, тем не менее, не опознал в *vethenici* их служилых людей, *ветиничей. Уже в следующем после смерти Титмара столетии в Саксонии не всегда понимали, кто такие *vethenici*, что заставляет предполагать: мы имеем дело с неким специфическим, «одномоментным» казусом⁶. Связано это могло быть именно с «непрозрачностью» лексемы для саксонцев XI–XII вв. и с тем, что вне конкретно-исторического, майсенского, контекста начала XI в., они с ней не сталкивались.

Как же выйти из тупика – а именно из противоречия между прозрачной лингвистической трактовкой, но неудачной с точки зрения *Sitz im Leben*, и историческими интерпретациями, неприемлемыми или неудачными с лингвистической точки зрения? Выход из тупика, как кажется, есть, причем выход достаточно простой⁷. Дело в том, что зафиксированные во многих славянских языках слова, типа русского «вече» и производного от него «вечник», могли означать не только «собрание» и его участников.

В старославянских переводных памятниках понятия «вече» и (особенно) «вечники» могут ассоциироваться не с политическими собраниями легитимного характера, а с мятежами, заговорами, смутами и, соответственно, с мятежниками и заговорщиками. Эти значения, с явным пейоративным оттенком, отмечены в словарях и уже становились предметом специального анализа (Срезневский 1893. Стб. 501; СлРЯ 1975. С. 131; Лукин 2018. С. 46–51). Особенно показательно упоминание в славянском переводе Толкового Евангелия от Луки Феофилакта Болгарского XIII в. (о римских воинах, охранявших порядок в Иерусалиме во время празднования Пасхи иудеями): «...приставиша бо римляне к людемъ нѣкиа, яко да не възмутятъ, вѣчници (иудеи. – П.Л.) бо бѣху» (Ἐπέστησαν γὰρ οἱ Ῥωμαῖοι τῷ λαῷ τινας, ὡς ἄν μὴ ταρασσῆται· στασιώδεις γὰρ ἦσαν) В греческом оригинале «вечникам» соответствует прилагательное στασιώδεις (мн.ч. от στασιώδης – «мятежный, бунтарский») (ВМЧ 1874. Стб. 1452; Theophylacti Bulgariae archiepiscopi opera 1964. Col. 1064).

Такое значение слова «вечники» хорошо известно и в древнерусском узусе, о чем свидетельствует целый ряд примеров, начиная с приведенной в СлРЯ XI–XVII вв. и сохранившейся в выписках Н.М. Карамзина фразе из сгоревшей Троицкой летописи (в словаре она ошибочно атрибутирована Симеоновской летописи): «...шедшеся нѣдци отъ Новгородцевъ вѣчници, крамольници, сурови чловѣци, свѣрѣпии людие, убиша Мак-

⁶ Хр. Любке заметил расхождения между Титмаром и Саксонским анналистом, но, как представляется, не оценил их по достоинству (Lübke 1986. S. 401, Anm. 1).

⁷ В виде осторожной гипотезы и в краткой форме он был уже нами предложен ранее (Лукин 2018. С. 51–52).

сима мужа благовѣрна...» (Присёлков 1950. С. 441, под 6901/1393 г.)⁸. Вечники здесь – несомненно, не участники политического собрания, а, в первую очередь, смутьяны-крамольники. Столь же очевидны и негативные коннотации этого обозначения.

С учетом того, что слово *vecněk*, как отмечалось выше, зафиксировано у полабских славян, нет оснований отрицать его бытования у лужицких сербов, в том числе в том значении, в котором слово «вечник» нередко использовалось на Руси – в значении пейоративном. Это предполагают и контексты, к которым теперь имеет смысл вернуться. Для одного из трех упоминаний *vethenici* у Титмара (второго) оно совершенно очевидно и вполне вероятно для двух других. Вряд ли случайно взбунтовавшиеся *Misnenses* ударили именно туда, где были расквартированы *vethenici* (первое упоминание); не должно вызывать у читателя одобрения описание действий *vethenici*, не оказавших сопротивления противнику и оставивших свои позиции (третье). Как остроумно заметил Х. Вольфрам, они, судя по сообщениям Титмара, в противостоянии майсенских маркграфов с польскими Пястами «служили и вашим, и нашим» (*auf beiden Schultern trugen*)» (Wolfram 2011. S. 81). Это, естественно, ощущали и современники, результатом чего в контактной славяно-германской зоне вполне могло стать использование – не исключено, что даже окказиональное – по отношению к не вполне надежным «федератам» славянско-го происхождения обозначения «вечники» с негативными коннотациями «смутьяны, заговорщики, мятежники». Уже Титмар не вполне понимал его смысл и принял его, по-видимому, за славянское наименование некоей военно-служилой категории населения или этносоциальной группы. Разумеется, мы не настаиваем на нашей интерпретации, но полагаем, что она в наибольшей степени из всех предложенных соответствует и лингвистическим, и историческим данным и во всяком случае, должна быть рассмотрена.

---

⁸ В отзыве на мою докторскую диссертацию на это значение слова «вечник» обратил внимание А.А. Гиппиус, которому мы выражаем глубокую признательность. По его мнению, для этой лексемы оно в древнерусских источниках преобладает или даже является единственным зафиксированным. Впрочем, даже если *въчници/vethenici* могли означать не только участников веча, но также и бунтовщиков/смутьянов, этот вариант, безусловно, следует рассмотреть и применительно к майсенским «вечникам».

- Великие Минеи-Четии. Октябрь. Дни 4–18 / Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1874. [Velikie Minei-Chetii. Oktyabr'. Dni 4–18 (Greater Menaion Reader, October, days 4–18) / Pamyatniki slavyano-russkoj pis'mennosti, izdannye Arheograficheskoyu komissieyu. St-Petersburg, 1874.]
- Лукин П.В. Новгородское вече. 2-е изд., испр., перераб., и доп. М., 2018. [Lukin P.V. Novgorodskoe veche (The Novgorod Veche). 2-e izd., ispr., pererab., i dop. Moscow, 2018.]
- Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XII веков. М., 1993. [Nazarenko A.V. Nemeckie latinoyazychnye istochniki IX–XII vekov (German Sources in Latin, 9th to 12th Centuries). Moscow, 1993.]
- Прицёлков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. [Pricyolkov M.D. Troickaya letopis'. Rekonstrukciya teksta (The Trinity Chronicle. Reconstruction of the Text). Moscow; Leningrad, 1950.]
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2. [Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries). Moscow, 1975. Vyp. 2.]
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1983. Т. I. [Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka (Materials for the Dictionary of the Old Russian Language). St-Petersburg, 1983. T. I.]
- Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985 [1927]. Die Dresdner Handschrift der Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg. Dresden, 1905. Bd. I–II.
- Eichler E. Etymologisches Wörterbuch der slawischen Elemente im Ostmitteldeutschen. Bautzen, 1965. (Spisy Instituta za serbski ludospyt; 29).
- Hardt M. Šupane, Withasen, Vethenici, Witsassen – Formen der Repräsentanz ländlicher Gemeinschaften im Gebiet der westlichen Slawen // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Lublin-Polonia. 2017. Vol. LXXII. Sectio F. S. 57–68.
- Lowmiański H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. Warszawa, 1967.
- Lübke Chr. Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an). Teil 3: Regesten 983–1013. Berlin, 1986. (Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe I; Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsgeschichte des europäischen Ostens; 134). (a)
- Lübke Chr. Vethenici und Wettiner // Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. 1986. Bd. 21. S. 401–428. (b)
- Polanski K. Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich. Wrocław, 1994.

- Schlesinger W.* Die Verfassung der Sorben // Siedlung und Verfassung der Slaven zwischen Elbe, Saale und Oder / Hrsg. von H. Ludat. Giessen, 1960. S. 75–102.
- Schmid H.F.* Beiträge zur Sprach- und Rechtsgeschichte der früheren slavischen Bevölkerung des heutigen nordöstlichen Deutschlands // Zeitschrift für slavische Philologie. 1950. Bd. VII. S. 109–129.
- Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1988. H. 21. *Semkowicz W.*, Paleografia łacińska. Kraków 2007. Wyd. II.
- Theophylacti Bulgariae archiepiscopi opera quae reperiri potuerunt omnia.* Paris, 1964. T. I. (PG; CXXIII).
- Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon* / Hrsg. von R. Holtzmann. Berlin, 1935. (MGH SS. Nova Series).
- Wolfram H.* Die ostmitteleuropäischen Reichsbildungen um die erste Jahrtausendwende und ihre gescheiterten Vorläufer. Ein Vergleich im Überblick // Vorträge und Forschungen. Ostfildern, 2011. Bd. LXXIV. Böhmen und seine Nachbarn in der Přemyslidenzeit. S. 49–90.
- Zernack K.* Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens; 33).

Pavel V. Lukin

VECHNIKI IN THE ELEVENTH-CENTURY SAXONY?
ON THE INTERPRETATION OF THE WORD *VETHENICI*
IN THE *CHRONICLE* OF THIETMAR OF MERSEBURG

The article is devoted to the enigmatic word *vethenici* in the *Chronicle* of Thietmar of Merseburg written in Latin. In the *Chronicle* this word occurs three times in the accounts of the events of the 11th century in Meissen in Saxony. All three mentions are connected with the actions of a military detachment, apparently of Slavic origin, during the attacks on the city by Polish troops. Hypotheses offered in the previous literature are examined: on the connection of *vethenici* with the Lusatian-Serbian word *wicaz*, related to Old Russian *vityaz*; on its derivation from the Proto-Slavonic **vět(j)ьnikъ* («participant of an assembly»); on its coming from the hypothetical **vitinici/vetinici* («people of [the House of] Wettin», «people from [the town/castle of] Wettin»). In the author's opinion, the connection of the word *vethenici* with *vechniki* best corresponds to linguistic regularities and historical context, though not in the meaning «participants of an assembly, veche», but in the also well attested meaning «troublemakers, conspirators, rebels».

Keywords: *Chronicle* by Thietmar of Merseburg, Saxony, Meissen, Lusatian Serbs, Lusatian-Serbian language, *Vechniki*

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-317-325

Е.В. Литовских

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ КОРНИ «ПРЯДИ О СЕЛЬТОРИРЕ»*

Сельторир (*Selþórir*, или Торир-Тюлень) Гримссон, ведущий свой род от знати юго-западной Норвегии, входит в число самых знаменитых первопоселенцев Западной четверти Исландии. Прядь о нем включена во вторую часть средневекового исландского исторического произведения «Книга о занятии земли». В пряди рассказывается не только о получении Ториром прозвища, но раскрываются значения топонимов, входящих в его владения. Как и во многих других прядях, в ней присутствуют фольклорные мотивы: предсказание места будущего поселения (в нашем случае предсказание сделано водяным), извержение, иррациональное определение места будущего поселения (в данной пряди при помощи лошади). Насыщенность сюжета сверхъестественными персонажами (в пряди действуют не только водяной, но и тролль, и лошадь-помощник) и событиями (предсказания, посмертный «уход в гору») выделяет ее из ряда прочих прядей «Книги». Немногочисленные разночтения в разных редакциях «Книги» существенны и отражают переосмысление текста их авторами. Разночтения выявляют также стремление автора редакции *Hauksbók* Хаука Эрлендссона нивелировать фольклорный компонент. Обращает на себя внимание и то, что присутствующие в пряди фольклорные элементы можно отнести к числу достаточно распространенных в западноскандинавской традиции. Выдвигавшееся предположение о кельтском влиянии на образы персонажей и повороты сюжета, на наш взгляд, выглядит натянутым. Кроме того, большая часть сюжетов пряди представляет собой оттопонимические легенды. На протяжении одной этой пряди объясняется происхождение сразу пяти исландских топонимов: Гримсей (*Grimsey*, «Остров Грима»), Скальмарнес (*Skálmarnes*, «Мыс Скальм»), Скальмаркельда (*Skálmarkelda*, «Топь Скальм»), Раудамель (*Rauðamel*, «Красный Песчаник»), Боргархраун (*Borgarhraun*, «Городищенская Лава») и Торисберг (*Þórisberg*, «Гора Торира»). Поэтому вероятно, что прядь о Сельторире вошла в

---

* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»), номер темы 1022040800353-4-6.1.1;5.9.1).

состав «Книги о занятии земли» в качестве именно топонимического предания, вероятнее всего, имеющего устное происхождение.

Ключевые слова: источниковедение, фольклор, топонимика, «Книга о занятии земли», пряди

Легенда о Сельторире (*Selþórir*), т.е. Торире-Тюлене, дошла до нас в составе гл. 26¹ «Книги о занятии земли» (*Landnámabók*) по редакции *Sturlubók* (*Landnámabók* 1986. Bls. 94–99 [S 68, H 56]). Кроме того, информация о нем и его ближайших родичах встречается в гл. 20, 27, 34, 54 «Книги» (*Landnámabók* 1986. Bls. 75 [S 37]; 127 [S 86, H 74]; 206 [S 470]).

Торир был сыном первопоселенца Грима Ингьяльдссона, брата рога-ландского херсира Аси, который, приехав в Исландию, сначала поселился на Гримсее (*Grimsey*, «Остров Грима»). Восходящая мужская линия генеалогии Торира в «Книге о занятии земли» доводится до его прадеда, Хроальда из Долины Хаддингя. Матерью Торира была Бергдис, о роде которой никаких сведений до нас не дошло.

Как правило, имена с препозитивными расширениями являются уникальными (об этом см. подробнее: Литовских 2022. С. 107–109), но в данном случае оказалось не так. В «Саге об Олаве Святом» «Круга земного» действует персонаж – тезка Сельторира из «Книги о занятии земли» (*Snorri Sturluson* 1945. Кар. 118. Bls. 200–201). Хотя его отец в саге не назван, Сельторир из саги и Сельторир из «Книги» – это разные люди. Сельторир из саги жил гораздо раньше и даже не приходился Ториру из «Книги» родичем. В «Саге об исландцах»² упоминается Сельэйрик (*Seleyrikr*, Эйрик-Тюлень – *Íslendinga saga* 1946. Кар. 8. Bls. 74). Он также не был связан какими-либо родственными узами ни с тем, ни с другим Сельторирами. О том, как Сельторир из «Саге об Олаве Святом» и Сельэйрик получили расширения своих имен, ничего не известно, они оба – периферийные персонажи, а вот о Сельторире из «Книги» сохранилось гораздо больше сведений.

Торир Гримссон из «Книги о занятии земли» входит в десятку самых знаменитых первопоселенцев Западной четверти Исландии³ (он упомянут в этом качестве в гл. 54, в конце второй части «Книги» по редакции *Sturlubók* – *Landnámabók* 1986. Bls. 206 [S 470]), наряду со Скаллагри-

¹ Данная глава относится ко второй части «Книги», самой объемистой и насыщенной прядями (всего в этой части 14 прядей) из всех частей. В этой части рассказывается о заселении Западной четверти страны, от Китового фьорда до Бараньего фьорда.

² *Íslendinga saga* – «сага о современности» из корпуса «Саг о Стурлунгах», которая описывает события XII–XIII вв. в Исландии.

³ Западная четверть Исландии была одна из самых густонаселенных, во времена Торира там проживало более тысячи человек.

мом, Ауд Многомудрой, Гейрмундом Адской Кожей и другими выдающимися людьми.

Его потомками были льосветнинги (*ljósvetningar*, «люди со Светлого Озера»), один из влиятельных исландских кланов, к которому, среди прочих, принадлежал Флоси, сын Торда Годи Фрейра, известный антагонист Ньяля из «Саги о Ньяле». При этом, в отличие от других ближайших родичей Сельторира, больше всего информации дошло о его сыне Торфинне. Именно о Торфинне, его свояках и его детях говорится в других главах «Книги о занятии земли», помимо рассматриваемой нами пряди (*Landnámabók* 1986. Bls. 75 [S 37]; 127 [S 86, Н 74]). Кроме того, Торфинн – персонаж нескольких родовых саг: «Саги о Гуннлауге Змеином языке», «Саги о Курином Торире» и «Саги о людях с Песчаного Берега». В последней описываются события, произошедшие в Эйре (*Eyrr*, «Коса»⁴), где находился годорд Торфинна и, соответственно, была сфера его политических и экономических интересов. В «Книге о занятии земли» упоминаются восемь внуков Сельторира: семеро сыновей Торфинна (Торкель, Торгильс, Стейн, Гальти, Орм, Торорм и Торир) и дочь Торбьёрг, которая стала женой Торбранда из Лебединого Фьорда (*Landnámabók* 1986. Bls. 94 [S 68, Н 56]). Торбьёрг упомянута также в гл. 34 «Книги», где речь идет о заселении Лебединого Фьорда предками ее мужа (*Landnámabók* 1986. Bls. 127 [S 86, Н 74]).

Женой Торфинна по версии редакции *Sturlubók* была Йофрид, дочь известного исландского первопоселенца Тунгуодда. С ее именем в «Книге о занятии земли» связано больше всего разночтений, относящихся к истории рода Сельторира. Чуть выше интересующей нас пряди в «Книге о занятии земли» (в гл. 20 редакции *Sturlubók*) сказано, что «дочерью Тунгуодда была Турид (подчеркнуто мною. – Е.Л.), на которой женился Торфинн Сельторирссон»⁵, т.е. его женой стала другая дочь Тунгуодда. А ниже, в гл. 27 редакции *Sturlubók* говорится, что: «Гудлауг Богач увидел, что земли Красного Песчаника лучше, чем все другие на юге округа. Он потребовал от Торфинна землю и вызвал его на поединок; они оба пострадали в поединке, но Турид (подчеркнуто мною. – Е.Л.) Тунгуоддсдоттир выходила обоих, а потом помирила»⁶. Это, казалось бы, коррелирует со сведениями гл. 20, однако в редакции *Hauksbók* в качестве

⁴ Ср.: An Icelandic-English Dictionary 1874. P. 136. Топоним традиционно на русский язык переводится как «Песчаный Берег». Соответственно, родовая сага о событиях в этой местности (*Eyrbýggja saga*) в русском переводе звучит как «Сага о людях с Песчаного Берега». В средневековой Исландии было несколько топонимов *Eyrr*, интересующая нас местность находится в Кьосе (*Kjós*, «Низина»), неподалеку от Рейкьявика.

⁵ «Dóttir Tungu-Odds [var] Þuríðr, er Þorfinnr Selþórisson átti». – *Landnámabók* 1986. Bls. 75 [S 37].

⁶ «Guðlaugr enn auðgi sá, at Rauðamelslond váru betri en önnur lönd suðr þar í sveit. Hann skoraði á Þorfinn til landa ok bauð honum [hólm]göngu; þeir féllu báðir á hólm, en Þuríðr Tungu-Oddsdóttir græddi þá báða ok sætti þá». – *Landnámabók* 1986. Bls. 100 [S 70].

миротворца упоминается как раз Йофрид, а на Турид женился Свартхёвди (Landnámabók 1986. Bls. 101 [Н 58]). В редакции *Melabók* (где сама прядь о Сельтирире существенно продлена за счет того, что одна из ветвей потомков сына Торфинна Стейна доводится по женской линии до Снэлауг, матери наиболее вероятного автора этой редакции Маркуса Тордарсона) женой Торфинна названа вообще Оддфрид (Landnámabók 1986. Bls. 98 [М 26]). При этом по «Саге о Курином Торире» жену Торфинна зовут Йофрид. Таким образом, однозначно выяснить, каково имя жены Торфинна и была ли это одна женщина или Торфинн брал в жены двух сестер, не представляется возможным. Как бы то ни было, свойство Сельторира с Тунгуоддом не подвергается сомнению.

Действие интересующей нас пряди происходит в Западной четверти Исландии. В целом, текст пряди совпадает по всем редакциям «Книги», поэтому имеет смысл (с выделением имеющихся расхождений) обратиться к редакции *Sturlubók* как самой ранней.

Прядь легко разбивается на четыре вполне самостоятельных сюжета. Первый сюжет объясняет прозвище Торира – Тюлень. Осенью перед первой зимовкой в Исландии Грим отправился на рыбную ловлю со своими работниками и малолетним сыном Ториром. Мальчика положили на корму, завернув в тюленью шкуру, завязанную у шеи (в пряди по рукописи *Sturlubók* не объясняется, с какой целью это было сделано: для тепла или для того, чтобы ребенок не промок или не утонул). Грим выловил водяного и попросил его предсказать судьбу и место, где они поселятся на острове⁷. Водяной отказался предсказывать судьбу всем, кроме мальчика. О Торире водяной сказал, что «он поселится и займет землю там, где кобыла Скальм ляжет вместе с грузом»⁸. Позже, зимой Грим и его люди вышли в море, оставив мальчика на берегу, и все они утонули.

Посмотрим на различия редакций в этом сюжете. Кроме имеющегося в редакции *Hauksbók* – и отсутствующим в *Sturlubók* – заголовка («Frá Selþori»⁹), в ней присутствуют ряд дополнений к в целом общему со *Sturlubók* тексту. Первая вставка редакции *Hauksbók* дает реалистичное объяснение тюленьей шкуры, надетой на ребенка: «когда мальчик начал мерзнуть, они завернули его в мешок из тюленьей шкуры и завязали у шеи»¹⁰. Вторая добавка редакции *Hauksbók* в этом сюжете дополняет

⁷ Многие первопоселенцы свою первую зиму в Исландии проводили там, куда они приставали, и только на следующий год осматривались и искали землю под постоянное жительство. Так, вероятнее всего, собирався поступить и Грим.

⁸ «Hann skal þar bygja ok land nema, er Skálm merr yður leggsk undir klyfjum». – Landnámabók 1986. Bls. 96 [S 68].

⁹ Так в рукописи AM 105 fol, единственной, где присутствует эта часть редакции *Hauksbók*. Переписчик XVII в. Йоун Эрлендссон, которой сделал этот список, стремился соблюсти орфографию начала XIV в. Предполагают, что ему был доступен автограф Хаука.

¹⁰ «Er sveininn tók at kala, þá færðu þeir hann í selbelg ok drógu at hálsinum». – Landnámabók 1986. Bls. 97 [H 56].

речь водяного предсказанием судьбы Грима: «ты будешь мертв до наступления весны»¹¹.

Обращает на себя внимание то, что это одна из немногих прядей «Книги о занятии земли», где упоминаются сверхъестественные существа (о них см.: Литовских 2009). Антропоморфный (как минимум говорящий) водяной (*marmenill*¹²) больше нигде в «Книге» не встречается, хотя сам мотив предсказания (особенно предсказания о месте поселения) в ней не так уж редок.

Следует заметить, что образ мальчика в тюленьей (а не какой-нибудь иной!) шкуре перекликается с мотивом тюленя-оборотня из исландских и норвежских сказок (которого традиционно узнают по человеческим глазам, см.: Jón Árnason 1955. Bd. III. Bls. 202; Asbjørnsen, Moe 1843. S. 140). Частота этого мотива в западноскандинавском фольклоре (равно как и происхождение родичей Сельторира из норвежской знати без сколько-нибудь значительной примеси кельтской крови) позволяет не искать параллели в кельтской народной традиции, где тюлени-оборотни также присутствуют, и не считать образ тюленя-оборотня заимствованным из кельтского фольклора (как полагает В. Сэйерс: Sayers 1994. P. 137–138). При этом автор редакции *Hauksbók* Хаук Эрлендссон в своем тексте начала XIV в. нивелирует, рационализирует этот вероятно фольклорный мотив своим дополнением о том, что шкура тюленя была надета на мальчика, чтобы согреть его.

Второй сюжет (вытекающий из предсказания водяного) повествует о том, как весной после смерти Грима его вдова Бергдис и Торир покинули Остров Грима (*Grimsey*, место, где они прожили первую зиму) и отправились через пустошь на запад к Широкому Фьорду (*Breiðafjörður*) искать землю для постоянного проживания. В соответствии с предсказанием водяного они выпустили вперед свою кобылу Скальм. Она двигалась вперед и вперед и ни разу не легла на землю. За лето они добрались до Мыса Скальм (*Skálmarnes*), где и провели вторую зиму. Следующим летом они повернули на юг и проехали до пустоши на юге Городищенского Фьорда (*Borgarfjörður*), где находились две красных песчаных горы. Там Скальм легла вместе с грузом возле той из них, которая был западнее. Торир занял землю к югу от Реки Утеса (*Gnúpá*) до Холодной Реки (*Kaldá*) и Долину Кочки (*Knappadalr*) между горой и берегом моря и поселился на хуторе Красный Песчаник (*Raudamel*).

¹¹ «Þú mant dauðr, áðr vár komi». – Landnámabók 1986. Bls. 97 [H 56].

¹² Р. Клисби определяет его как «a sea-mannikin, a kind of sea goblin or sea dwarf» (An Icelandic-English Dictionary 1874. P. 413), что не противоречит предположению о его антропоморфности. Именно антропоморфные водяные являются действующими лицами в исландских сказках: Jón Árnason 1954. Bd. I. Bls. 126–128.

Этот сюжет представляет собой топонимическую легенду, объясняющую происхождение двух топонимов: *Skálmarnes* и *Rauðamel*. Лошадь выступает в ней в качестве главного актора: в первом случае мыс назван ее именем, во втором она определяет место, где будет основан хутор Торира-Тюленя (указание животного – один из возможных вариантов «взятия земли», описанных в «Книге»; ср. правило, по которому женщина могла занять в первый период заселения Исландии столько земли, сколько опашет за день: Landnámabók 1986. Bls. 321 [Н 276]).

Кобыла Скальм – одна из немногих поименованных в «Книге» лошадей (выборку см.: Литовских 2018). Примечательно, что все животные, имеющие в «Книге» имена, встречаются только в сюжетах, объясняющих происхождение того или иного названия, т.е. в топонимических легендах. И все лошади, имеющие в «Книге» клички, так или иначе оказываются связаны с водной стихией. Не является исключением и Скальм, которая тонет в болоте: в конце пряди говорится, что «Скальм, кобыла Торира, утонула в Топи Скальм» («Skálm, mer Þóris, dó í Skálmakeldu») – тем самым дается объяснение еще одному топониму – *Skálmakelda*, «Топь Скальм».

Специального анализа требует и важнейший топоним пряди – название хутора, где поселился Сельторир, *Rauðamel*. Трудность интерпретации и, соответственно, перевода названия этого хутора на русский язык заключается в том, что неподалеку от этих мест живут люди по имени *Rauðakollr* (Раудаколль, или Колль-Руда¹³) и *Rauðr* (Рауд). Имена обоих могли бы войти в качестве первой основы в название хутора Сельторира (как они стали составной частью в названиях расположенных неподалеку и принадлежавших им хуторов: *Rauðkollsstadir* «Двор Раудколля» и *Rauða* «Река Рауда»). Однако представляется более вероятным, что топоним *Rauðamel* был образован, исходя из особенностей ландшафта, которые специально отмечены в пряди: характерная примета места остановки Скальм – «две красные песчаные горы» («sandmelar tveig rauðir»), и она ложится у западной горы. Таким образом, этот топоним, на наш взгляд, имеет не отименное происхождение, а запечатлевает топографию местности и перевести его на русский язык следует как «Красный Песчаник».

Третий сюжет рассматриваемой нами пряди объясняет происхождение топонима *Borgarhraun* («Городищенская Лава»). Делается это с помощью мотива видения: в пряди говорится, что, когда Торир состарился и ослеп, ему привиделся «огромный и страшный» («mikill ok illiligr»)

¹³ Слово *rauðr*, прилаг., имело основное значение «красный, рыжий» (An Icelandic-English Dictionary 1874. P. 484), *rauði*, сущ., обозначало «руда» (Ibid. P. 483). Раудаколль добывал болотную руду, поэтому расширение его имени следует переводить «Руда», а не «Рыжий».

человек (тролль или какое-то иное потустороннее антропоморфное существо), приплывший в устье Холодной Реки на железной лодке и копавший у основания склона. В ту же ночь после явления существа на железной лодке в том месте, где, как представилось Ториру, он копался, случается извержение вулкана (за что местность получает название «Городищенская Лава»). Его явление Ториру спасает жизни хуторян, успевших уйти с потенциально опасного места, а Торир оказывается вынужден перенести свое жилье. На потусторонний характер приплывшего существа (хотя оно и названо в пряди человеком) указывают не только его размеры и вид, но и то, что оно прибыло на железной лодке (*jörn-nökkvi*), которая является одним из атрибутов йотуна (злого великана) в норвежских сказках (Asbjørnsen, Мое 1843. S. 237 [АТ 302]). Этот рассказ по своей сути также является топонимической легендой, объясняющей перенос хутора Торира-Лосося.

В рассматриваемой нами пряди содержится одно из немногих в «Книге» описаний частых в Исландии на протяжении всей ее истории извержений многочисленных вулканов (об описаниях вулканической деятельности в средневековых исландских источниках см.: Джаксон 2023). Кроме того, «Городищенская Лава» – это пример сокращенного топонима, у которого оказалась утрачена первая основа: он был с очевидностью образован от топонима *Eldborg* («Горящее Городище», находится в непосредственной близости от Городищенской Лавы) с добавлением основы *-hraun* («лава»), однако вместо длинного трехосновного топонима *Eldborgarhraun* сохранилась его укороченный вариант – *Borgarhraun*. Сокращение топонимов в исландской географических наименованиях не единично, особенно оно характерно для многоосновных топонимов (состоящих из более чем двух основ).

Последний топоним в четвертом сюжете пряди связан с погребением Торира: «Сельторир и его родичи-язычники после смерти были похоронены в Горе Торира»¹⁴. М. Эгелер видит здесь не простое упоминание обряда ингумации, а намек на фольклорный мотив ухода в гору к альвам (Egeler 2015. P. 82)¹⁵. В то же время Б. Мак Криш выдвигалось предположение, что первая основа топонима *Þórisberg* – имя скандинавского бога Тора (McCreech 2003. P. 360). Топонимов, включающих имя Тора и тем самым показывающих, что данная местность находится под его покровительством в «Книге о занятии земли» три (*Þórsmörk* «Лес Тора» – Landnámabók 1986. Bls. 346 [S 343, H 301, M 8], *Þórsnes* «Мыс Тора» – Ibid. Bls. 125 [S 85, H 73] и *Þórssteinn* «Камень Тора» – Ibid. Bls. 126 [S 85,

¹⁴ «Þeir Selþórir frændr enir heiðnu dó í Þórisbjörg». – Landnámabók 1986. Bls. 98 [S 68].

¹⁵ О мотиве ухода к живущим внутри гор альвам в западноскандинавских сказках см.: Asbjørnsen, Мое 1843. S. 311 [АТ 400]; Jón Árnason 1954. Bd. I. Bls. 7–130.

Н 73]), всех их сопровождает подробная легенда, объясняющая принадлежность Тору, и во всех случаях первая основа имеет форму *Þórs-*. У топонима же *Þórisberg* первая основа (*Þóris-*) представляет собой Р.п. мужского имени *Þórir*. Кроме того, на наш взгляд, в самой пряди присутствует достаточное пояснение топонима *Þórisberg*, традиционно для исландской топонимики времени заселения острова отсылающее к Ториру как первопоселенцу этой местности, другие интерпретации кажутся несколько натянутыми, хотя бы потому, что Тор с альвами представляют собой плохо сочетаемые сущности. Кроме того, данный топоним мог относиться не к описанию рельефа, а к названию хутора, в пределах которого было совершено захоронение.

Таким образом, если рассмотреть всю прядь в целом, то все фольклорные элементы в ней (предсказание и видение, сверхъестественные существа, уход в гору) имеют местное, исключительно западноскандинавское происхождение, в отличие от, например, пряди об Аудуне, где исследователи убедительно прослеживают кельтское влияние на образы персонажей и сам сюжет. Большая часть рассказов пряди представляет собой пояснения о возникновении тех или иных топонимов. Таким образом, можно полагать, что прядь о Сельторире присутствует в «Книге о занятии земли» в качестве топонимической легенды, вероятно, имеющей устное происхождение. При этом обилие фольклорных мотивов и персонажей выделяет ее из ряда прочих прядей «Книги».

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Джаксон Т.Н. Исландские вулканы в средневековых сагах, хрониках, анналах и современной исследовательской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 8 (130). [*Jackson T.N.* Islandskie vulkany v srednevekovyh sagah, hronikah, annalah i sovremennoj issledovatel'skoj literature (Icelandic Volcanoes in Medieval Sagas, Chronicles, Annals and Modern Research Literature) // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2023. T. 14. Vyp. 8 (130).] URL: <https://history.jes.su/s207987840027707-6-1/>

Литовских Е.В. Экстраординарные животные в «Книге о заселении страны» // Викинги. Между Скандинавией и Русью / Авт.-сост. А.А. Фетисов, А.С. Щавелёв. М., 2009. С. 253–262. [*Litovskikh E.V.* Ekstraordinarnye zhiivotnye v «Knige o zaselenii strany» (Extraordinary Animals in the *Landnámabók*) // Vikingí. Mezhdú Skandinavíej i Rus'yu / Ed. by A.A. Fetisov, A.S. Shchhavelev. Moscow, 2009. S. 253–262.]

Литовских Е.В. «Пряди о лошадях» в «Книге о занятии земли» и фольклорные источники ее автора // Средние века. 2018. Вып. 80 (1). С. 122–140.

[*Litovskikh E.V.* «Pryadi o loshadyah» v «Knige o zanyatii zemli» i fol'klornye istochniki ee avtora (*Þættir* about Horses in the *Landnámabók* and Folklore Sources of its Author) // *Srednie veka*. 2018. Vyp. 80 (1). S. 122–140.]

Литовских Е.В. Способы идентификации средневековых исландцев // Альманах северобалтийских исследований. Петрозаводск, 2022. С. 95–116. [*Litovskikh E.V.* Sposoby identifikacii srednevekovykh islandcev (Ways to Identify Medieval Icelanders) // *Almanah severobaltijskih issledovanij*. Petrozavodsk, 2022. S. 95–116.]

Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. 2nd rev. Helsinki, 1973.

An Icelandic-English Dictionary / Initiated by R. Cleasby, Revised, Enlarged & Completed by Guðbrand Vígússon. Suppl. by W.A. Craigie. Oxford, 1874.

Asbjørnsen P.Ch., Moe J.E. Norske folkeeventyr. Christiania, 1843. Bd. 1.

Egeler M. A Retrospective Methodology for Using *Landnámabók* as a Source for the Religious History of Iceland? Some Questions // The Retrospective Method Network. № 10. Summer 2015. Between Text and Practice: Mythology, Religion and Research. P. 78–92.

Íslendinga saga // Sturlunga saga / Jón Jóhannesson, Magnús Finnbogason og Kristján Eldjárn göfu út. Reykjavík, 1946. Bd. 1. Bls. 65–366.

Jón Árnason. Íslenzkar þjóðsögur og ævintýri. Reykjavík, 1954–1961. Bd. I–IV.

Landnámabók // Íslendingabók. Landnámabók / Jakob Benediktsson gaf út. Reykjavík, 1986 (ÍF; I). Bls. 29–398.

McCreesh B. An Examination of the Prophecy Motif in Old Icelandic Literature // Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages: Papers of the 12th International Saga Conference (Bonn, Germany, 28. July – 2. August 2003) / Ed. R. Simek. Bonn, 2003. P. 355–365.

Sayers W. Management of the Celthic Fact in *Landnámabók* // *Scandinavian Studies*. 1994. Vol. 66. P. 137–138.

Snorri Sturluson. Heimskringla 2 / Bjarni Aðalbjarnarson Reykjavík, 1945 (ÍF; XXVII).

Elena V. Litovskikh

TOPONYMIC AND FOLKLORE ROOTS OF THE *SELÞÓRISÞÁTR*

Selþórir, or Þórir the Seal, Grímsson, descended from a noble family of southwestern Norway, and was one of the most famous first settlers of the Western Quarter of Iceland. A *þátr* about him (original manuscript caption “Frá Selþori”) is included in the second part of the medieval Icelandic historical work *The Book of the Settlements*

(*Landnámabók*). The *þáttur* tells not only about how Þórir received his nickname, but it also explains the origins of a number of place-names connected with his land possessions. As in many other *þættir* of the *Landnámabók*, the *Selþórisþáttur* includes folklore motifs like the prediction of the place of the future settlement (the foreteller is a merman), the choice of the place for the settlement by a horse, et al. The abundance of supernatural beings (a merman, a troll, a horse as a magic helper) and events (prediction, posthumous ‘going into a rock’) distinguishes it from other *þættir* of the *Landnámabók*. At the same time, the variation of readings in different versions of the *Landnámabók* (they are few in relation to the entire text of the *þáttur*, but they are significant and reflect reinterpretations of the text by the authors of these versions) reveal the desire of Haukr Erlendsson, the author of the *Hauksbók* version, to rationalize the folklore and magic elements. It is also noteworthy that the folklore motifs and personages in the *þáttur* are typical for the West Scandinavian tradition. Most of the episodes of the *þáttur* represent toponymic legends explaining the origins of the place-names. *Grimsey* (“Grim’s Island”), *Skálmarnes* (“Skalm’s Ness”), *Skálmarkelda* (“Skalm’s swamp”), *Rauðamel* (“Red Sandbank”), *Borgarhraun* (“Lava Fortified Site”), and *Þórisberg* (“Þórir’s Mountain”). Thus, the *Selþórisþáttur* seems to be included in the *Landnámabók* to represent the toponymic tradition of Western Quarter of Iceland, most likely of oral origin.

Key words: source criticism, folklore, toponymy, *Landnámabók*, *þættir*
DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-326-335

М.В. Бибиков

ЛАТИНСКИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПУТЕВОДИТЕЛИ И ОПИСАНИЯ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ*

Среди известных нам разноязычных описаний Иерусалима и Святой Земли самой ранней, судя по дошедшим до нас текстам, является латинская традиция. В IV – начале VI в. Римская империя, ставшая Византийской, продолжает жить в культурно-языковых традициях античной культуры, сохраняя латынь в качестве официального государственного языка. Пространственное и государственное мышление остается в традиционных римских измерениях, старая латинская государственная терминология еще не заменена на соответствующую греческую, хотя попытки билингвистической систематизации проводятся – тем же Иоанном Лидом. И паломническая литература, описание путей в Святую Землю и рассказ о реликвиях Иерусалима и других святых мест Палестины, создается прежде всего в латинской традиции. В статье дается обзор латинских раннесредневековых характеристик и описаний Иерусалима и Святой Земли, сохранившихся с самых первых десятилетий эры христианства, – начиная с первой трети IV в. Это – латинская переработка «Ономастикона» Евсевия Кесарийского (ок. 320 г.), созданная Иеронимом Блаженным около 388 г. А 333 годом датируется так называемый «Бордоский путник» – самостоятельное авторское описание паломничества из Бордигалы (Бордо) через Константинополь в Иерусалим и другие места Палестины и обратно – через Рим и др. в Бордо. В конце IV в. создается такой уникальный памятник латинской паломнической литературы, как «Перегринацио к Святым Местам» Егерии, или Этерии, или Сильвии девы, в котором не только перечисляются, но подробно описываются благочестивой паломницей святые места Палестины и Ближнего Востока. Примером ранневизантийских латиноязычных памятников такого рода может быть «О местоположении Святой Земли» Феодосия и «Итинерарий» Антонина из Плаценции в конце VI – начале VII в. Около 670 г. появляется «Рассказ о Святых Местах» галльского епископа Аркульфа в Записи игумена Адамнана, жившего и умершего в Ирландии в начале IX в. Сохранилось «Сказание о бедствиях Иерусалима» времени иерусалимского патриарха Георгия (796–806?). В этих памятниках вырабатывался

---

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием ИВИ РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2024 г.

канон паломнических описаний, терминология, локализация и идентификация библейских событий с современной гео- и топографией, создавались основы жанра в различных его модификациях.

Ключевые слова: латинские памятники, Палестина, Иерусалим, Святые места, паломничества

Среди известных разноязычных описаний Иерусалима и Святой Земли самой ранней, судя по сохранившимся текстам, является латинская раннехристианская традиция. С первой трети IV в. Римская империя при императоре Константине I живет в христианском времени, – по крайней мере, начиная с Миланского эдикта 313 г., если не с эдикта Галерия 311 г. Вскоре, не позднее мая 324 г., тот же Константин переносит столицу империи из Рима на восток – в город Византий, переименованный теперь в Константинополь, что даст затем, уже после османского завоевания империи, повод назвать это государство Византийской империей. Но пока в IV – начале VI в. страна живет в культурно-языковых традициях античной древности: официальным государственным языком до 612 г. остается латынь, пространственное мышление остается в традиционных римских измерениях, старая латинская государственная терминология еще не заменена на соответствующую греческую, хотя попытки билингвистической систематизации проводятся тем же Иоанном Лидом. И паломническая литература, описание путей в Святую Землю и рассказ о реликвиях Иерусалима и других мест Палестины создается прежде всего в латинской традиции.

В 333 г. создается латиноязычный «Бордоский путник», или «Путник от Бордигалы до Иерусалима» (*Itinerarium a Burdigala Hierosalem usque*). Это – практический указатель пути и расстояний между промежуточными пунктами по дорогам от Бордо (Бордигалы) через Милан (Медиолан) и Константинополь до Кесарии Палестинской, затем – по городам, селениям и достоимым местам Святой Земли – Иерусалиму, Иерихону, Вифлеему, а далее в обратный путь через Авлону, Капую, Рим, Милан до Бордо (Tobler, Molinier 1869. P. 1–9; Tobler 1877–1879. P. 1–25). Описание собственно Святой Земли отличается оригинальностью, авторской достоверностью, подробностью. В итоге обзор охватывает Италию, Паннонию, Мизию, Дакию, Фракию, Вифинию, Галатию, Каппадокию, Киликию, Сирию, Финикию и Палестину. Так определяется круг обзора паломнических путешествий и описаний на столетия вперед. Они будут расширяться, дополняться, уточняться, но зерно и последовательность описаний останется более или менее постоянной – как в латинской традиции и в греческой византийской и пост-византийской, так и в восточ-

ной – сирийской, армянской, грузинской, затем арабской и др. и, наконец, в славянской, древнерусской и проч.

«Бордоский путник» представляет собой практический путеводитель: это перечень городов по пути из Западной Европы в Палестину с указанием нередко расстояний между промежуточными пунктами (Бордоский путник 333 г. 1882. Вып. 2. Т. I. С. III–VI, 1–47, Прил.). Лишь по прибытии в Святую Землю рассказ становится более детальным и познавательным для читателя.

Путь из Бодигалы (Бордо) идет на Арелат (Арль), Медиолан (Милан), Аквилею (Аквилиею), далее на Сирмиум (Митровицы), Сингидунум (Белград), Наиссос (Ниш), Сердику (Софию), Филиппополь (Пловдив), наконец, Константинополь (Стамбул). От византийской столицы – через Понт в Халкедон в провинции Вифиния, Никомидию (Измит), Анкиру Галилейскую, Тарс Киликийский, Антиохию – сирийскую столицу, Лаодику (Латакие), Габалу (Джебел), на Баланеи (Баниас), Берит (Бейрут), Тир, Птолемаиду (Акку), через гору Кармил, где прор. Илия приносил жертву, в Кесарию Палестинскую на территории Иудеи. Далее описание детализируется: путь идет в Страделу (Церин), где царствовал Ахав и пророчествовал Илия, далее идут поле брани Давида с Голиафом, затем – Скифополь (Бейзан), Неаполь (Наблус), гора Гаризим (Джебел ет-Тор), где, по словам самарян, Авраам приносил жертву, в месте Сихем – гробница Иосифа в поместье, данному ему отцом Иаковом, а в месте Сихарь (Белати) спускалась к колодцу самарянка, с которой беседовал Иисус Христос. До Иерусалима, отмечает автор, остается 28 миль.

В Иерусалиме и его окрестностях сразу на себя обращают внимание автора «Путника» водоемы – Соломона и Вифсаиды, гора Искушений, Дворец Соломона, Святой Сион, Силоамская купель. На Сионе – Дом Кайафы, место Бичевания, место Дворца Давида, а далее – стены претория Понтия Пилата, где допрашивали Христа, Голгофа с местом Распятия, а внизу – пещера Телоположения, где стоит воздвигнутая повелением императора Константина базилика.

На восток от города – Масличная гора (Джебел ет-Тор) и Иосафатова долина; там – камень, где Иуда предал Христа. На Масличной горе стоит базилика Константина, откуда близко находится Вифания с пещерой Лазаря Четверодневного. Отсюда путь лежит к Иерихону, где стоит Древо Закхья, далее – Источник прор. Елисея, Мертвое море с местом превращения жены Лота (бар Лут), река Иордан, где Иоанн Предтеча крестил Спасителя. Далее дорога, на которой встречается Гробница Рахили – жены Иакова, приводит в Вифлеем, где главное – базилика Рождества Христова, построенная Константином. В Теревинфе – колодец Авраама и базилика Константина, а далее следуют Никополь (Амвас), Лидда св. Георгия, Кесария (Кайзарге).

Обратный путь через Никополь и Кесарию идет через Македонию, Эпир, Филиппы, Фессалонику, Пеллу (Палатицу; родину Александра Македонского), Патры, Авлону, Бриндизи, Берою (Бари), затем через Капую, Рим, Милан и т.д. в Бордо.

Так европейцам был открыт путь на Христианский Восток, составлен путеводитель, определен «репертуар достопримечательностей». В дальнейшем предстояло дополнять, уточнять, составлять описания на других языках.

Совсем другого характера и назначения стала книга, датируемая временем около 388 г. Иеронима Блаженного, пресвитера Стридонского «О положении и названиях еврейских местностей» (Евсевия Памфилова, епископа Кесарии Палестинской 1894. С. I–III, 1–130; Морескини, Норелли 2021. С. 803) – латинское переложение греческого «Ономастикона» византийского автора Евсевия Кесарийского «О названиях местностей, встречающихся в Святом Писании», датируемом около 320 г. Это словарь имен собственных – названий городов, селений, местностей, провинций и проч. в переводе с библейского древнееврейского языка на греческий (у Евсевия) и латынь (у Иеронима). Всего таким образом описано с краткими комментариями 984 имени.

Итак, уже в раннехристианский период как на Востоке Римской империи (в Византии), так и на Западе составлялись такого рода словари, служившие пособием для чтения Св. Писания и позволявшие в паломничествах идентифицировать упоминаемые места Святой Земли.

К концу того же VI в. относится «Паломничество к Святым местам (*Peregrinatio ad loca sancta*)», или «Письма паломницы», иначе называемые «Итинерариум Егерии» (*“Itinerarium Egeriae”*), или «Паломничество Этерии» (*“Peregrinatio Aetherae”*). Авторство раньше приписывали и Галле Плацидии (?) и блаженной Сильвии деве, сестре префекта Руфина. Само паломничество датируют периодом между 372 и 394 годом (Паломничество по Святым местам 1889. Ср.: Письма паломницы 1994). Текст издавался по единственной рукописи XII в. Библиотеки братства св. Марии в Ареццо.

Паломничество начинается с Синая: описываются Гора Моисея, Хорив, Неопалимая Купина, храмы, далее – Фаран, земля Гесем, Аравия, Рамесси, сикамора, гора Навав, Иерихон, р. Иордан, ее долины, место крещения Иисуса Христа, Мёртвое море, наконец, Иерусалим. Описание останавливается последовательно на гробнице Иова, чертогах Мельхиседека, Фесвии – городе Илии, Сирийской Месопотамии, куда путь лежит через Антиохию, городе Эдесса, гробе Фомы, Харр(ам)е, далее следуют Тарс Киликийский, Селевкия Исаврийская, затем через Каппадокию, Галатию, Вифинию – в Халкедон. В «Паломничестве» описана

служба в Храме Воскресения Господня, в монастыре Креста и в Вифлеемской базилике.

Это – уже настоящее описание религиозного паломничества, созданного к тому же женщиной.

Тематика латинских описаний Христианского Востока расширяется довольно быстро, о чем можно судить по «Описанию о местоположении Святой Земли» (*De situ Terrae Sanctae*) Феодосия в начале VI в. (Феодосий 1891). Путь паломничества начинается в Иерусалиме, куда неоднократно возвращается, чтобы дальше отправиться в другом направлении. Так, первое направление – к Иерихону, р. Иордан, источникам Елисея, Дому блудницы Раавы – в Самарию (современный Неаполь), Севастию, где был обезглавлен Иоанн Предтеча, в Скифополь, к Тивериадскому морю, Магдале, где родилась Мария Магдалина, к Семи источникам, где произошло крещение Апостолов, в Капернаум, Вифсаиду, откуда происходят Петр, Андрей, Филипп, сыны Зеведеевы, а дальше – к Панаеде, где берет начало исток Иордана, Горе Ливан, Пирге, Буцану – месту победы Давида над Голиафом, в Елевферополь, Аскалон, Газу, Силон (где был Кивот Завета Господа), Эммаус («ныне Никополь»), Диосполь место мученичества св. Георгия, Иоппу (Яффу), где прославилась праведная Тавифа, и кит изверг Иону, в Кесарию Палестинскую, Диокесарию, Кану Галилейскую, в Назарет, откуда – к Теревинфу, к Мамврийскому Дубу, к Сугубой пещере (патриархов), в Хеврон, Рамифу и другие окрестности.

Возвращение к Святому граду приводит к Вифании Лазаря и тамошним святыням, на Гору Масличную – место Вознесения Господа. В самом Иерусалиме рассказывается о Храме с Гробом Господним, Кальварии («между которыми 15 шагов»), где приносил жертву Авраам и находится Голгофа с местом Распятия. Далее Феодосий описывает восхождение на св. Сион, Дом Кайафы, где – церковь св. Петра, Преторий Понтия Пилата, Столб бичевания Христа, наконец, Врата Галилейские (св. Стефана), откуда попадаешь к Силоамской купели, Дому Пилата, Овчей купели, в Долину Иосафа, где было и предательство Иуды, и омовение Христом ног ученикам и проч.

Затем следует описание Вифлеема, откуда паломничество перемещается в Херсон у Понта к месту мученичества св. Климента, а потом в Синопу, где апостол Андрей освободил из тюрьмы евангелиста Матфея. Последовательно описываются Египет (Мемфис), Кесария Каппадокийская, Севастия, Гангры, Евхаиты и Анкира в Галатии, гора Армении, реки Тигр и Евфрат, райские реки, город Ливиана у Иордана, там же – место крещения Иисуса Христа с храмом Иоанна Крестителя, построенным императором Анастасием. Далее в описании следуют Мертвое море, Масличная гора, Вифания, место, откуда был взят ослик для въезда

Спасителя в Иерусалим, далее описываются Сарапта Сидонская и тринадцать городов Аравии. Наконец, следует описание провинций здесь: Палестина (с Иерусалимом), Галилея, Сирия, Месопотамия, Армения I и II и Персармения. Из городов выделяются Эфес (в провинции Асия), Мелитина (в Парсармении), Суза (в Персиде), Вавилония, Тарс (в Киликии), Александрия Паршивая, Антиохия (в Сирии) и т.д., а также Эдесса, Дар и Амида (Gildemeister 1882).

Описание Феодосия максимально близко к византийской традиции этого времени и скорого будущего. Можно даже сказать, что это – латиноязычная часть этой традиции, что вполне естественно было в ранневизантийское время.

В конце того же VI в. появляется «Итинерарий», или «Путник» Антонина из Плаценции (Antonini Placentini Itinerarium) (Путник Антонина из Плаценции 1895). Посещение им Святой Земли предполагается в период между 565 г. (смерть императора Юстина) и 614 г. (нашествие персов на Христианский Восток). Произведение также является латинской ветвью ранневизантийской литературы.

Путь начинается из византийской столицы – Константинополя, через о. Кипр – в Сирию, на о. Антарад, в Триполис Сирийский, откуда – Берит (Бейрут), Сидон, Сарапту, Тир, Птолемаиду, затем морем – в Сукамин Иудейский, к Горе Кармил, откуда опять морем – в Галилею: Диокесарию, Кану(ан) Галилейскую, Назарет, к горе Фавор, к Тивериадскому морю. Далее названа Самария – по ошибке, возможно, вместо Сихема (ныне Неаполь), где находится колодец самарянки, а также города Тивериады, Капернаум, истоки Иора и Дана, из которых появляется Иордан. Путь следует в Гадеру (Гаваон), Скифополь – главный город Галилеи, Севасту, место чуда насыщения хлебами [Табга], город Салалида, Мертвое море. На Иордане внимание сосредоточено на месте Крещения Господня, где в день Богоявления служится литургия, в Иерихоне – на Дереве Закхея. Посещается Вифания со святынями Лазаря, а спуск с Масличной горы приводит в Гефсиманию с местом предательства Иуды, базиликой с гробом Богородицы. Оттуда через специальные ворота путник попадает в Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Господню, жертвеннику Авраама, месту обретения Креста в храме, посетить Силоамскую купель, Башню Давида, Сионскую базилику, Базилику св. Марии, увидеть Столб бичевания, Преторий, поле Акелдама. По возвращении в Город путь лежит через Раму, гроб Рахили в Вифлеем с местом Рождества Христова, яслями, захоронением вифлеемских младенцев, далее – к Мамврийскому дубу. Через Горы Гелвуйские, Елевтерополь, Аскалон, Майому, Газу, Елузу, пустыню путь ведет на Синай, на гору Хорив, к монастырю [св. Екатерины], в Аравию (город Абила), Египет (город Фара), Сокоф, Магдал, город

Клизма, к реке Нил, в Мемфис, затем – в Александрию. По возвращении в Иерусалим посещается Иоппа – место прославления прав. Тавифы, Кесария Филиппова, Дамаск, Антиохия, и путь заканчивается в Халкедоне, напротив Константинополя (Gildemeister 1889; Tobler 1877. P. 91–118; Geyer 1890; Geyer 1892; Migne XXII. Col. 897–918).

Временем около 670 г. датируется запись Адамнаном «Рассказа о Святых местах» Аркульфа (*Arculfi Relatio de locis sanctis scripta ab Adamnano*) (Аркульф 1898. С. I–VIII, 1–117).

В самом начале IX в. создано латинское Сказание о бедствиях Иерусалима при иерусалимском патриархе Георгии (796–806?) (Латинское сказание 1886. С. 270–271). Началом бедствия было продолжительное землетрясение, затем – саранча, а в третий год патриаршества случилось моровое поветрие, продолжавшееся еще несколько лет. В пятый год патриаршества начались набеги сарацин из-за Иордана, разоривших все окрестности, три монастыря, а в Лавре св. Саввы Освященного убили сто монахов, а двадцать четыре сожгли на костре. После других бедствий был послан к патриарху Георгию ангел с настоятельным советом соблюдать воскресные дни. Исполнив это, патриарх прекратил действие кар небесных.

Новым этапом латинского политического и литературного освоения Ближнего Востока станет эпоха Крестовых походов (см., напр.: Ekkehardi Hierosolymita 1877. S. 72 ff.).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Аркульф. Рассказ о святых местах, записанный Адамнаном ок. 670 г. / Изд., пер. И.В. Помяловского // ППС. СПб., 1898. Вып. 49. Т. XVII, вып. 1. С. I–VIII, 1–117. [*Arkulf*. Rasskaz o svyatykh mestakh, zapisannyj Adamnanom ok. 670 g. (*Arculphi Relatio de locis sanctis scripta ab Adamnano*, ca. 670) / Izd. I.V. Pomyalovskogo // *Pravoslavnyj Palestinskij sbornik*. St-Petersburg, 1898. Vyp. 49. T. XVII, vyp. 1. S. I–VIII, 1–117.]

Евсевия Памфилова, епископа Кесарии Палестинской, О названиях местностей, встречающихся в Св. Писании, около 320 г. Блаженного Иеронима пресвитера Стридонского О положении и названиях еврейских местностей / Пер. и комм. И.В. Помяловского // ППС. СПб., 1894. Вып. 37. Т. XIII, вып. 1. С. I–III, 1–130. [*Evseviya Pamfilova*, episkopa Kesarii Palestinskoj, O nazvanii mestnostey, vstrechayushchikhsya v Sv. Pisanii, okolo 320 g. Blazhennogo Ieronima presvitera Stridonskogo O polozhenii i nazvaniyakh evreyskikh mestnostey (*Eusebii Pamphili*, bishop of Caesarea of Palestine, on the Names of Places Found in the Holy Scripture, ca 320. Blessed Jerome's, Presbyter of Stridona, on the Location

- and Names of Jewish Places / Per. i komm. I.V. Pomyalovskogo // Pravoslavnyj Palestinskij sbornik. St-Petersburg, 1894. Вып. 37. Т. XIII, вып. 1. С. I–III, 1–130.]
- Бордоский путник 333 г. / Пред. В.Н. Хитрово // ППС. СПб., 1882. Вып. 2. Т. I. С. III–VI, 1–47, Прил. [Bordoskij putnik 333 g. (Bordeaux Itinerary a. 333) / Pred. V.N. Khitrovo // Pravoslavnyj Palestinskij sbornik. St-Petersburg, 1882. Вып. 2. Т. I. С. III–VI, 1–47, Pril.]
- Латинское сказание о бедствиях Иерусалима при патриархе Георгии // ППС. СПб., 1886. Вып. 11. Т. IV, вып. 2. Прил. IV. С. 270–271. [Latinskoe skazanie o bedstviyakh Ierusalima pri patriarkhe Georgii (Latin Tale about Disasters in Jerusalem under Patriarch George) // Pravoslavnyj Palestinskij sbornik. St-Petersburg, 1886. Вып. 11. Т. IV, вып. 2. Pril. IV. С. 270–271.]
- Морескини К., Норелли Э.* История литературы раннего христианства на греческом и латинском языках. М., 2021. Т. 1. [*Moresschini C., Norelli E.* Istoriya literatury rannego khristianstva na grecheskom i latinskom yazykakh (The History of Early Christian Literature in Greek and Latin). Moscow, 2021. Т. 1.]
- Паломничество по Святым местам конца IV в. / Изд., пер. и комм. И.В. Помяловского // ППС. СПб., 1889. Вып. 20. [Palomnichestvo po Svyatym mestam konca IV v. (The Pilgrimage to the Holy Places in the Late 4th Century) / Izd. I.V. Pomyalovskogo // Pravoslavnyj Palestinskij sbornik. St-Petersburg, 1889. Вып. 20.]
- Письма паломницы IV в. М., 1994. [Pis'ma palomnicy IV v. (The Pilgrim's Letters of the 4th Century). Moscow, 1994.]
- Путник Антонина из Плаценции / Ред. И.В. Помяловского // ППС. СПб., 1895. Вып. 39. Т. XIII, вып. 3. [Putnik Antonina iz Placencii (Antonin's from Placentia Itinerarium) / Red. I.V. Pomyalovskij // Pravoslavnyj Palestinskij sbornik. St-Petersburg, 1895. Вып. 39. Т. XIII, вып. 3.]
- Феодосий.* Описание Святой Земли. Начала VI в. / Изд. И.В. Помяловского // ППС. СПб., 1891. Вып. 28. [*Feodosij.* Opisanie Svyatoj Zemli. Nach. VI v. (*Theodosius.* The Description of the Holy Land. Early 6th Century) / Izd. I.V. Pomyalovskogo // Pravoslavnyj Palestinskij sbornik. St-Petersburg, 1891. Вып. 28.]
- Ekkehardi Hierosolymita* / Hrsg. V. Hagenmeyer. Tübingen, 1877.
- Geyer P.* Kritische Bemerkungen zu S. Silviae Aquitanae peregrinatio. Augsburg, 1890.
- Geyer P.* Kritische und sprachliche Erläuterungen zu Antonini Placentini Itinerarium. Augsburg, 1892.
- Gildemeister J.* Antonini Placentini Itinerarium. Berlin, 1889.
- Gildemeister J.* Theodosius De situ Terrae Sanctae. Bonnae, 1882. Bd. 3.
- Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus // Series Latina. Т. XXII. Col. 897–918.
- Tobler T.* Itinera Hierosolymitana et descriptiones Terrae Sanctae bellis sacris anteriora. Paris; Genevae, 1877–1879.
- Tobler T., Molinier A.* Palestinae descriptiones ex saec. IV, V, VI. St. Gallen, 1869.

EARLY MEDIEVAL LATIN ITINERARIES
AND DESCRIPTIONS OF THE HOLY LAND

The article presents an overview of Latin early medieval characteristics and descriptions of Jerusalem and the Holy Land, written from the very first decades of the Christian era, – starting from the first third of the 4th century. This is a Latin version of the *Onomasticon* by Eusebius of Caesarea (ca 320 AD), created by Jerome the Blessed ca 388 AD. The so-called *Bordeaux Itinerary* dated to 333 is an independent author's description of a pilgrimage from Bordigala (Bordeaux) through Constantinople to Jerusalem and other places of Palestine and back – through Rome to Bordeaux. At the end of the 4th century a unique monument of Latin pilgrimage literature was created, the *Peregrinatio to the Holy Places* by Egeria, or Etheria, or Sylvia the Virgin, which not only lists but describes in detail the holy places of Palestine and the Middle East by a pious pilgrim lady. An example of early Byzantine Latin-language monuments of this kind may be *On the Location of the Holy Land* by Theodosius and *Itinerarium* by Antoninus of Placentia in the late 6th – early 7th century. Around 670 there appears the *Narration of the Holy Places* by the Gallic bishop Arculphus in the *Records* of Abbot Adamnan, who lived and died in Ireland at the beginning of the 9th century. The *Tale of the Disasters in Jerusalem* of the time of the Jerusalem patriarch George (796–806?) describes the beginning of the Arab conquest of Near East. These monuments developed the canon of pilgrimage descriptions, terminology, localization and identification of Biblical events with modern geo- and topography, and created the foundations of the genre in its various modifications.

Keywords: Latin texts, Palestine, Jerusalem, Holy places, pilgrimages

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-336-344

П.В. Кузенков

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ В ВИЗАНТИИ (СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье приводится и анализируется статистика политического насилия в Римской империи и Византии на примере судьбы императоров и узурпаторов. Статистика приводится по четырем периодам: за весь период существования Империи (с I по XV в. н.э.); за языческий и христианский периоды (до и после 312 г.) и за период с 988 г. (хронологический диапазон, релевантный для сопоставления с русской историей и показывающий внутреннюю эволюцию византийской практики). Результаты статистического анализа, представленные в табличной и графической форме, демонстрируют бесспорное влияние на уровень и методы политического насилия христианской морали, распространившейся в империи после обращения Константина Великого (312 г.). Данное влияние не было резким, но растянулось во времени, и устойчивая динамика гуманизации политической культуры Византии может быть прослежена на протяжении всей ее истории. Количественные параметры всех форм политического насилия показывают планомерное снижение с 66,1% в языческий период до 54,4% в христианский (до 40,7% в период 988–1453 гг.). Но особенно резкое отличие касается качественных характеристик: если в ранней Империи среди форм политического насилия безусловно доминируют убийства (61%), то в христианской Византии их доля заметно снижается (до 22,8%), что компенсируется появлением отсутствующих ранее мер: ослеплений и иных увечий (10,7%) и принудительного монашеского пострига (11,4%). Характерно, что качественная динамика прослеживается и внутри христианского периода: в поздней Византии снижается процент как убийств (до 9,3%), так и увечий (до 7,4%), тогда как доля пострига увеличивается до 13%. Одновременно растет доля наименее жестких форм решения политических кризисов – бегства и прощения узурпаторов (до 5,6% и 3,7% соответственно). Материалы исследования формируют основу для сравнительного сопоставления практики политического насилия в Византии и на Руси.

Ключевые слова: Римская империя, Византия, власть, убийство, ослепление, политическая борьба, христианство, общественная мораль

Политическая деятельность во все времена была сопряжена с конкурентной борьбой за власть, обладание которой занимает верхние позиции аксиологической шкалы практически во всех культурах и цивилизациях. Разумеется, степень жесточенности политической борьбы зависела и зависит от господствующих в данном обществе нравов и обычаев, а также от религиозных установок, задающих идеал поведения.

В большинстве древних так называемых языческих религий «политическое насилие» расценивалось как явление вполне естественное, поскольку политеистические культуры дают немало примеров жесточенной борьбы между самим богами. Древние мифы повествуют о драматических сценах яростных битв, коварных заговоров и изощренных расправ, которые учиняют между собою небожители. И если даже боги практикуют взаимные убийства, то тем естественнее такое поведение для смертных – тем более, что закон талиона, призванный сдерживать насилие в социуме, перестает работать, когда речь идет о захвате верховной власти. Не удивительно, что история Древнего Востока и Античности наполнена многочисленными эпизодами убийств верховных правителей.

Христианство принципиально осуждает не просто убийство, но даже агрессивное поведение, и своим моральным императивом призвано пресекать злодеяния не на уровне реализации, а уже на уровне замысла, апеллируя не к страху перед земным наказанием, а к совести и загробному воздаянию. Это не могло не оказывать фундаментального воздействия на методы и приемы политической конкуренции в государствах, где христианство получало статус господствующей религии. Разумеется, адаптация социальных практик к нормам христианской морали протекала медленно¹. Тем не менее, было бы ошибочным недооценивать то непосредственное влияние, которое распространение христианства оказывало на древние и раннесредневековые общества.

Особенно явственно данное влияние можно проследить в сфере политической борьбы. Для этого достаточно хотя бы сопоставить данные о процентном соотношении между теми государственными лидерами, которые умирали своей смертью или погибали во внешних войнах и теми, кто подвергался насильственному устранению в ходе внутренних заговоров, мятежей и переворотов. Ниже мы проследим это на примере Римской империи.

Языческая империя трансформировалась в христианскую, известную нам как Византия, без какой бы то ни было политической катастрофы. Ни принятие христианства Константином Великим, ни перенос им же

---

¹ Строго говоря, эта адаптация в христианских государствах так никогда и не была завершена – что, впрочем, и предполагается принципом несовместимости духовного и светского начал «века сего», характерным для эсхатологического по своей природе христианского мировоззрения.

столицы в Новый Рим – Константинополь не сопровождалось разрывом государственно-правового континуитета. Это дает нам основания рассматривать Византию не просто как «наследницу» империи Цезарей, но как эту же самую империю, перешагнувшую из поздней Античности в Средневековье и всегда сохранявшую самоименование «Римской»². Это дает нам методологические основания для сравнительного сопоставления языческого и христианского периодов истории этого единого по сути феномена.

Отношение к власти язычников и христиан было принципиально разным. Именно властью, как известно из евангельского рассказа, искушал диавол Иисуса Христа, похваляясь, что «все царства земные и вся слава их» переданы его власти (Мф 4:8–11; Лк 4:6). Спаситель отверг сатанинское искушение, а впоследствии, после Воскресения, объявил апостолам: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф 28:18–20). Таким образом, христианское мировоззрение предполагает, что именно Сын Божий Иисус Христос является истинным носителем верховной власти, и христианские императоры признавали себя не абсолютными суверенами, а временными носителями власти, принадлежащей Христу. Это породило и закрепившуюся с VII в. формулу «верный во Иисусе Христе Боге» (πιστὸς ἐν Ἰησοῦ Χριστῷ τῷ Θεῷ) в титуле византийских императоров (Rösch 1978. S. 62–63), и изображение Христа (как верховного суверена) на аверсе византийских монет, и символы ΒΒ (βασιλεὺς βασιλεύων – Царь царствующих, т.е. Христос) на поздневизантийских знаменах. К той же идее делегирования верховной властью в виде особого божественного дара (благодати), нисходящего на правителя, восходит и формула «милостью Божией» (Dei gratia), распространившаяся в Западной Европе³. Впрочем, представления о божественном источнике государственной власти отнюдь не служили препятствием для политической борьбы, подчас весьма ожесточенной.

В римско-византийской политической традиции не существовало династического права на верховную власть. Государство (*res publica* = τὰ κοινὰ πράγματα) по определению считалось не частной собственностью, а общественным институтом, и даже в периоды устойчивых династий сохранялось представление о необходимости признания правителя народом как первоисточником легитимности (см.: Вальденберг 2008. С. 26–33; Калделлис 2016. С. 147–165). В христианское время реликты античного республиканизма нашли вполне органичное сочетание с би-

² «Империя ромеев» – не более чем удобный паллиатив, позволяющий отделять средневековую империю от античной, избегая искусственного термина «Византия». Греческая формула βασιλεία Ῥωμαίων является полным аналогом латинского Imperium Romanorum.

³ Примечательно, что в Византии аналогичная формула (ἐλέω Θεοῦ – милостью Божией) применялась только к духовным лицам.

блейской идеей божественного происхождения всякой верховной власти. В средневековом византийском политическом лексиконе на этой основе оформился эпитет «богопродвинутый» (θεοπρόβλητος), прилагавшийся к императорам (один из ранних примеров: Theodorus Studita 1992. P. 584). Процесс этого божественного «продвижения» мог трактоваться чисто династически (преимущественное право багрянородных⁴), но прилагался и к результатам политической борьбы. В последнем случае удачливый претендент, сумевший закрепиться на престоле, признавался законным императором, а его соперник – утратившим право на власть по воле Бога. Однако убийство, признающееся в христианстве тяжким грехом вне зависимости от обстоятельств, в Византии не считалось столь же естественным способом расправы с политическим соперником, как это имело место в языческой Римской империи. Свергнутые императоры нередко устранились с политической арены с сохранением жизни – при посредстве увечья, ослепления или насильственного пострига в монахи. Византийское христианское законодательство в целом стремилось заменить смертную казнь, широко распространенную в римском праве, «более человеколюбивыми» способами наказания: бичеванием, увечьем и ссылкой (см.: Эклога 1965. С. 41). Однако в политической сфере это было чревато рисками реванша и гражданской войны. Прецедент возвращения на престол лишённого носа Юстиниана II, устроившего кровавую расправу над соперниками, показал бессмысленность простого обезображивания, введенного в VII в. как замена политического убийства (возможно, под персидским влиянием: см.: Прокопий 1993. С. 32, 406). Более действенным способом было ослепление, которое широко практиковалось в средне- и поздневизантийское время. Еще более деликатный метод – насильственный постриг в монашество – оказался еще более эффективным методом обуздания политических амбиций: если случаи возвращения на трон слепцов нам известны (Исаак II Ангел), то из монастыря во дворец возвращались только некоторые царевны, но не императоры. Хотя принуждение и делало постриг формально незаконным, авторитет «ангельского чина», видимо, был настолько велик, что у «расстриги» не было шансов вернуться к верховной власти. Кроме того, некоторые невольные монахи занимали в церковной сфере высокое положение, становясь духовными писателями (Иоанн VI), епископами (Феодосий III, Михаил VII) и даже патриархами (Игнатий, Михаил I Кируларий). Случаи физического устранения также имели место, но это были, как правило, либо тайные убийства (информация о которых обычно ходила на уровне слухов и трудно верифицируема), либо расправы со

⁴ Багрянородными (или порфирородными) назывались дети, родившиеся в императорском дворце, т.е. после вступления их отца на престол.

стороны народа. Иногда народный гнев сознательно распалялся победителями, что приводило к шокирующим жестокостям (случай Андроника I), но иногда толпа успокаивалась после экзекуций, принятых новой властью (ослепление Михаила V).

Общее представление о политической культуре Византии как царстве интриг, отравлений и ослеплений, широко распространено в литературе. Однако сопоставление с реальными историческими сведениями позволяет сделать важные наблюдения. Ниже представлены данные анализа составленной нами сводной таблицы судьбы политических лидеров, охватывающей весь 15-вековой период существования Римской империи⁵. В нее включены 393 события, описывающие императоров и регентов, так и все более или менее значимые попытки узурпации или мятежа⁶.

Анализ проводился по четырем периодам:

I) I–XV вв. (весь период существования Римской империи и Византии); II) 1–312 гг. (языческий период); III) 313–1460 гг. (христианский период); IV) 988–1460 гг. (период сосуществования с христианской Русью). Последний период важен как для отслеживания динамики внутри христианского периода, так и для дальнейших сопоставлений с данными из русской истории.

1. Основные причины смерти или устранения политических лидеров

Активная деятельность политических лидеров в империи завершалась в результате следующих трех основных групп причин: А) естественные (старость или болезнь); В) внутривполитические (мятеж, заговор, дворцовый переворот, гражданская война и т.п.); С) внешнеполитические (война).

Количественный анализ показывает, что в целом распределение между данными группами характеризуется относительной стабильностью:

Причина	I (1–1460)	II (1–312)	III (313–1460)	IV (988–1460)
A	21,4%	18,8%	22,3%	23,8%
B	74,8%	78,2%	73,6%	69,7%
C	3,8%	3,0%	4,1%	6,6%

Таблица 1.1. Причины смерти/устранения политических лидеров в Римской/Византийской империи

Table 1.1. Causes of death/removal of political leaders in Roman/Byzantine Empire

⁵ Ввиду громоздкости таблицы она, к сожалению, здесь не опубликована.

⁶ Казусы создания независимых государств (Трапезундской империи и Эпирской державы) в качестве мятежей не рассматриваются, их правители в таблицу не включены. Из раскрытых заговоров (реальных или мнимых) учитываются лишь наиболее крупные.

Христианский период демонстрирует сокращение насильственных причин внутреннего характера (хотя и не столь значительное – всего на 5,4%) и рост внешнеполитических причин. При этом для позднего периода внутриполитическое насилие еще менее характерно, тогда как внешнее, напротив, существенно возрастает (более чем в два раза по сравнению с языческим периодом).

Если учитывать данные только по официально признанным императорам (208 царствований, с учетом соправителей), данные тенденции проявятся еще более явно:

Причина	I (1–1460)	II (1–312)	III (313–1460)	IV (988–1460)
A	37,0%	28,8%	40,3%	50,0%
B	57,7%	66,1%	54,4%	40,7%
C	5,3%	5,1%	5,4%	9,3%

Таблица 1.2. Причины смерти/устранения императоров в Римской/Византийской империи

Table 1.2. Causes of death/removal of emperors in Roman/Byzantine Empire

Таким образом, в отношении лиц, занимавших престол, христианский период демонстрирует радикальное снижение насилия: с 66,1% до 54,4%, а в поздний период – до 40,7% (в 1,6 раза). В то же время внешние риски возрастают примерно в той же пропорции, что и в таблице 1.1. Соответственно, доля императоров, **скончавшихся на престоле** или добровольно оставивших его по болезни, возрастает с 28,8% в языческий период до 40,3% в христианский (в поздний период – до 50%).

2. Способы устранения политических лидеров

Для более подробной характеристики методов политической борьбы в Римской империи и Византии была проведена классификация вышеописанных групп причин по вариантам вытекающих из них событий и действий.

Причины группы «А» (естественные) приводят к двум вариантам прекращения политической деятельности: естественной кончине (А1) и добровольному отречению (А2).

Причины группы «В» (внутриполитическая борьба) раскрываются в следующие варианты устранения политиков: гибель в бою в ходе гражданской войны (В1); убийство или казнь (В2); ослепление (В3); увечье (В4); заточение (В5); постриг (В6); ссылка (В7); бегство (В8); примирение (В9).

Наконец, причины группы «С» (внешнеполитическая борьба) приводят к следующим вариантам событий: гибель на войне с внешними вра-

гами (С1); убийство внешними врагами (С2); пленение внешними врагами (С3); бегство от внешних врагов (С4).

Результаты сведены в таблицы как для общего количества политических лидеров, так и только для действующих императоров.

	A1	A2	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	B8	B9	C1	C2	C3	C4	
I (1-1460)	9	75	10	157	38	12	10	25	10	15	17	7	1	3	4	
	10,7%	89,3%	3,4%	53,4%	12,9%	4,1%	3,4%	8,5%	3,4%	5,1%	5,8%	46,7%	6,7%	20,0%	26,7%	
	2,3%	19,1%	2,5%	39,9%	9,7%	3,1%	2,5%	6,4%	2,5%	3,8%	4,3%	1,8%	0,3%	0,8%	1,0%	
	84											294				
	21,4%											74,8%				
II (1-312)	2	17	3	73	0	0	0	0	2	0	1	2	0	1	0	
	10,5%	89,5%	3,8%	92,4%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	2,5%	0,0%	1,3%	66,7%	0,0%	33,3%	0,0%	
	2,0%	16,8%	3,0%	72,3%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	2,0%	0,0%	1,0%	2,0%	0,0%	1,0%	0,0%	
	19											79				
	18,8%											78,2%				
III (312-1460)	7	58	7	84	38	12	10	25	8	15	16	5	1	2	4	
	10,8%	89,2%	3,3%	39,1%	17,7%	5,6%	4,7%	11,6%	3,7%	7,0%	7,4%	41,7%	8,3%	16,7%	33,3%	
	2,4%	19,9%	2,4%	28,8%	13,0%	4,1%	3,4%	8,6%	2,7%	5,1%	5,5%	1,7%	0,3%	0,7%	1,4%	
	65											215				
	22,3%											73,6%				
IV (988-1460)	5	24	3	22	19	0	9	10	2	8	12	1	1	2	4	
	17,2%	82,8%	3,5%	25,9%	22,4%	0,0%	10,6%	11,8%	2,4%	9,4%	14,1%	12,5%	12,5%	25,0%	50,0%	
	4,1%	19,7%	2,5%	18,0%	15,6%	0,0%	7,4%	8,2%	1,6%	6,6%	9,8%	0,8%	0,8%	1,6%	3,3%	
	29											85				
	23,8%											69,7%				
															8	
															6,6%	

Таблица 2.1. Способы ухода/устранения политических лидеров в Римской/Византийской империи

A1 – добровольное отречение; A2 – естественная кончина; B1 – гибель в гражданской войне; B2 – убийство или казнь; B3 – ослепление; B4 – увечье; B5 – заточение; B6 – постриг; B7 – ссылка; B8 – бегство; B9 – примирение; C1 – гибель на войне; C2 – убийство внешними врагами; C3 – пленение; C4 – бегство от внешних врагов

Table 2.1. The forms of resignation/removal of political leaders in Roman/Byzantine Empire

A1 – freewill abdication; A2 – natural death; B1 – death in a civil war; B2 – murder or execution; B3 – blinding; B4 – mutilation; B5 – imprisonment; B6 – taking of monastic vows; B7 – banishment; B8 – flight; B9 – reconciliation; C1 – death in a war; C2 – murder by foreign enemies; C3 – capture; C4 – flight from foreign enemies

	A1	A2	B1	B2	B3	B4	B5	B6	B7	B8	B9	C1	C2	C3	C4	
I (1-1460)	7	70	4	70	10	6	1	17	3	5	4	6	1	2	2	
	9,1%	90,9%	3,3%	58,3%	8,3%	5,0%	0,8%	14,2%	2,5%	4,2%	3,3%	54,5%	9,1%	18,2%	18,2%	
	3,4%	33,7%	1,9%	33,7%	4,8%	2,9%	0,5%	8,2%	1,4%	2,4%	1,9%	2,9%	0,5%	1,0%	1,0%	
	77											120				
	37,0%											57,7%				
II (1-312)	2	15	3	36	0	0	0	0	0	0	0	2	0	1	0	
	10,5%	78,9%	3,8%	45,6%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	66,7%	0,0%	33,3%	0,0%	
	3,4%	25,4%	5,1%	61,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	0,0%	3,4%	0,0%	1,7%	0,0%	
	17											39				
	28,8%											66,1%				
III (312-1460)	5	55	1	34	10	6	1	17	3	5	4	4	1	1	2	
	7,7%	84,6%	0,5%	15,8%	4,7%	2,8%	0,5%	7,9%	1,4%	2,3%	1,9%	33,3%	8,3%	3,3%	16,7%	
	3,4%	36,9%	0,7%	22,8%	6,7%	4,0%	0,7%	11,4%	2,0%	3,4%	2,7%	2,7%	0,7%	0,7%	1,3%	
	60											81				
	40,3%											54,4%				
IV (988-1460)	4	23	0	5	4	0	1	7	0	3	2	1	1	1	2	
	13,8%	79,3%	0,0%	5,9%	4,7%	0,0%	1,2%	8,2%	0,0%	3,5%	2,4%	12,5%	12,5%	12,5%	25,0%	
	7,4%	42,6%	0,0%	9,3%	7,4%	0,0%	1,9%	13,0%	0,0%	5,6%	3,7%	1,9%	1,9%	1,9%	3,7%	
	27											22				
	50,0%											40,7%				
															5	
															9,3%	

Таблица 2.2. Способы ухода/устранения императоров в Римской/Византийской империи

A1 – добровольное отречение; A2 – естественная кончина; B1 – гибель в гражданской войне

войне; B2 – убийство или казнь; B3 – ослепление; B4 – увечье; B5 – заточение; B6 – постриг; B7 – ссылка; B8 – бегство; B9 – примирение; C1 – гибель на войне; C2 – убийство внешними врагами; C3 – пленение; C4 – бегство от внешних врагов

Table 2.2. The forms of resignation/removal of emperors in Roman/Byzantine Empire

A1 – freewill abdication; A2 – natural death; B1 – death in a civil war; B2 – murder or execution; B3 – blinding; B4 – mutilation; B5 – imprisonment; B6 – taking of monastic vows; B7 – banishment; B8 – flight; B9 – reconciliation; C1 – death in a war; C2 – murder by foreign enemies; C3 – capture; C4 – flight from foreign enemies

Анализ данных показывает, что основными формами (способами) прекращения деятельности политических лидеров в Римской/Византийской империи на протяжении всей ее истории были **убийство** (39,9%) и **естественная смерть** (19,1%). Для действующих императоров вероятность этих событий оказалась одинаковой – по 33,7%.

При этом в языческой империи убийство было по сути единственным способом устранения как политических соперников в целом, так и действующих императоров (соответственно 92,4% и 92,3% от общего числа насильственных методов). Альтернативой ему выступала только **гибель в гражданской войне** (7,7% для императоров, 3,8% для всех групп), причем узурпаторы и мятежники могли отделаться ссылкой (2,5%) и даже получить прощение (1,3%).

Христианская эпоха, с ее новой моралью, решительно осуждающей любые убийства, в том числе и политические, открыла новую страницу в истории борьбы за власть. Если уровень смертности политиков в гражданских войнах остался практически неизменным (3,3% от общего числа насильственных устранений), то процент **казней и убийств** политиков после 313 г. снизился с 92% до 39% (для императоров – с 92% до 42%), причем во II тысячелетии динамика снижения усиливается – до 25,9% и 22,7% соответственно. Это четырехкратное снижение уровня политических убийств – вполне зримый результат влияния христианства на общественную мораль, который наглядно демонстрирует радикальное изменение отношения к человеческой жизни. Причем смягчение общественных нравов показывает позитивную динамику: в раннехристианской империи уровень насильственной смертности среди политиков выше, чем в средневековой Византии. Процесс гуманизации христианского социума растянулся на века, но его результаты мы видим воочию, анализируя специфику политической борьбы.

Разумеется, с точки зрения современных представлений альтернативные методы устранения соперников могут показаться далеко не гуманными. Место смертной казни заняли: ослепление, увечье (урезание носа и языка, отсечение конечностей, оскопление), заточение, насильственный постриг в монашество, ссылка; самым милостивым наказани-

ем было прощение после публичной экзекуции и конфискации имущества. В применении этих мер прослеживается определенная динамика. Например, в поздний период из арсенала политических расправ исчезают все виды **увечий** (0%, при 5,6% для христианского периода в целом), кроме **ослеплений**, процент которых во II тысячелетии возрастает до 22,4% (при среднехристианском уровне 17,7%) и почти сравнивается с процентной долей физических устраний. В целом, в христианской Византии именно ослепления занимают второе место среди способов насильственного устранения политических конкурентов. Однако для действующих императоров еще более частой мерой становится **насильственный постриг** в монашество: к нему прибегали в 21% случаев свержения правителей, причем в поздний период эта доля возрастает до 31,8% и выходит на первое место, опережая не только ослепления, но и убийства. При этом процентное отношение отправки в монастырь для политиков в целом практически не меняется со временем и составляет как для христианского периода в целом, так и для II тысячелетия около 12%. Это наблюдение демонстрирует специфику процесса гуманизации византийского социума: смягчение расправ в последнюю очередь распространялось на свергнутых императоров.

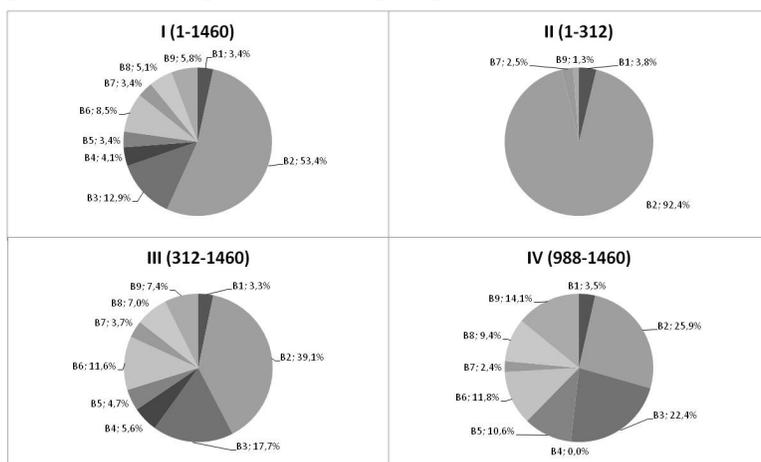

Рис. 1. Распределение методов насильственного устранения политиков в Римской/Византийской империи

Fig. 1. Distribution of methods of violent removal of political leaders in Roman/Byzantine Empire

B1 – гибель в гражданской войне; B2 – убийство или казнь; B3 – ослепление; B4 – увечье; B5 – заточение; B6 – постриг; B7 – ссылка; B8 – бегство; B9 – примирение
 B1 – death in a civil war; B2 – murder or execution; B3 – blinding; B4 – mutilation; B5 – imprisonment; B6 – taking of monastic vows; B7 – banishment; B8 – flight; B9 – reconciliation

Не удивительно, что в качестве способов устранения политиков крайне редко фигурируют обычное (не сопровождающееся увечьем или ослеплением) **заточение** и **ссылка** (по 3,4% за весь период). Характерно при этом, что в поздний период тюремное заключение становится более распространенным: его доля возрастает до 10,6% от общего числа насильственных акций и почти сравнивается с постригом.

Наконец, нельзя не обратить внимание на существенное увеличение случаев **прощения** бунтовщиков и их примирения с властями. По сравнению с языческим периодом (1,3%) в христианское время их процент возрастает в 6 раз (до 7,4%), а в поздний период – на целый порядок (до 14,1%). Такое радикальное изменение также является яркой иллюстрацией эффективности христианской морали, медленно, но целенаправленно оказывавшей воздействие на нравы даже в такой циничной и жестокой сфере, как политическая борьба.

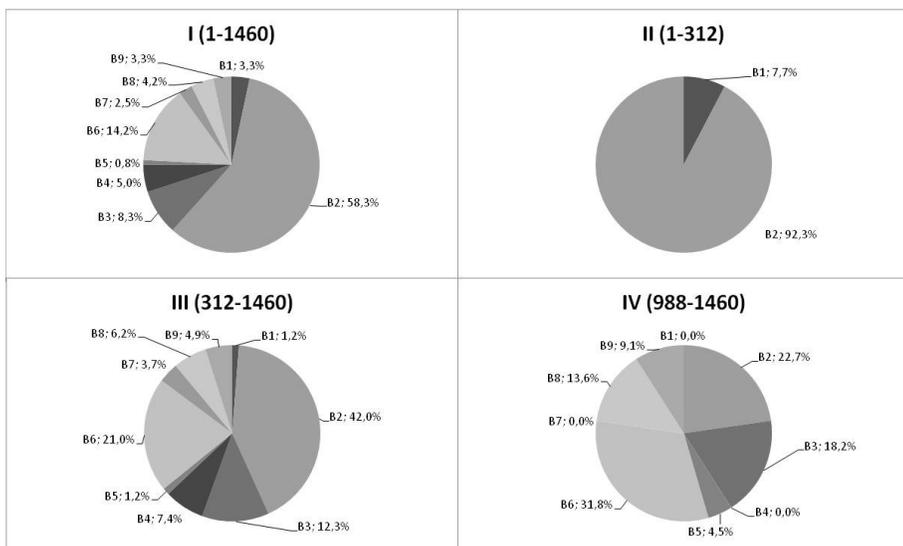

Рис. 2. Распределение методов свержения императоров в Римской/Византийской империи

B1 – гибель в гражданской войне; B2 – убийство или казнь; B3 – ослепление; B4 – увечье; B5 – заточение; B6 – постриг; B7 – ссылка; B8 – бегство; B9 – примирение

Fig. 2. Distribution of methods of violent removal of emperors in Roman/Byzantine Empire
 B1 – death in a civil war; B2 – murder or execution; B3 – blinding; B4 – mutilation; B5 – imprisonment; B6 – taking of monastic vows; B7 – banishment; B8 – flight; B9 – reconciliation

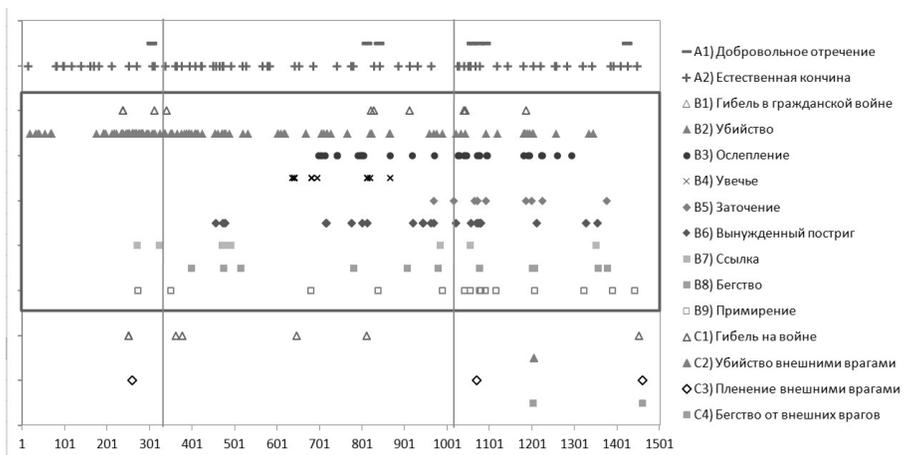

Рис. 3. Распределение причин прекращения деятельности политических лидеров в Римской/Византийской империи

Fig. 3. Distribution of causes of cessation of political leaders' activities in Roman/Byzantine Empire

A1 – freewill abdication; A2 – natural death; B1 – death in a civil war; B2 – murder or execution; B3 – blinding; B4 – mutilation; B5 – imprisonment; B6 – taking of monastic vows; B7 – banishment; B8 – flight; B9 – reconciliation; C1 – death in a war; C2 – murder by foreign enemies; C3 – capture; C4 – flight from foreign enemies

* * *

Считается, что с принятием христианства правители Руси начинают ориентироваться на Византию как на образец христианского государства. В то же время общеизвестна типологическая близость древнерусских политических традиций к традициям государств Восточной и Западной Европы (Толочко 2003. С. 8). В данной статье мы попытались, основываясь исключительно на сухой статистике и максимально абстрагируясь от отвлеченных рассуждений, представить картину применения насилия в византийской политической практике, как в ее сопоставлении с языческим периодом Римской империи, так и во внутренней динамике христианского периода.

В дальнейшем представляется перспективным сопоставить эти данные с аналогичными материалами из русской истории и истории других христианских государств Восточной и Западной Европы, а также с политическими практиками иных религиозных и культурных традиций.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Вальденберг В.Е.* Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб., 2008. [*Waldenberg V.E.* Gosudarstvennoye ustroystvo Vizantii do konca VII veka (The State Structure of Byzantium before the End of the 7th Century). St-Petersburg, 2008.]
- Калделлис А.* Византийская республика. Народ и власть в Новом Риме. СПб., 2016. [*Kaldellis A.* Vizantiyskaya respublika. Narod i vlast' v Novom Rime (The Byzantine Republic: People and Power in New Rome). St-Petersburg, 2016.]
- Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. А.А. Чекаловой. М., 1993. [*Prokopiy Kesariyskiy.* Voyna s persami. Voyna s vandalami. Tainnaya istoriya (*Procopius Caesariensis. Bellum persicum. Bellum vandalicum. Anecdota*) / Per. A. Chekalovoy. Moscow, 1993.]
- Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. [*Tolochko P.P.* Dvortsovye intrigi na Rusi (Palace Intrigues in Rus'). St-Petersburg, 2003.]
- Эклога: византийский законодательный свод VIII в. / Пер. Е.Э. Липшиц. М., 1965. [*Eckloga: vizantiyskiy zakonodatel'nyy svod VIII veka* (Ecloga: The Byzantine Legal Code of the 8th Century / Per. E.E. Lipshits. Moscow, 1965.)]
- Rösch G.* Ὅνομα βασιλείας. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978.
- Theodorus Studita.* Epistulae / Ed. G. Fatouros. Pars II. Berlin; New York, 1992.

Pavel V. Kuzenkov

POLITICAL VIOLENCE IN BYZANTINE EMPIRE (STATISTICAL ANALYSIS)

The article provides and analyzes the statistics of political violence in the Roman/Byzantine Empire. Statistics embrace four periods: the entire period of the existence of the Empire (from the 1st to the 15th centuries AD); for the pagan and Christian periods separately (before and after AD 312) and for the period from AD 988 (this chronological range is relevant for comparison with Russian history, and shows the internal evolution of Byzantine practice as well). The results of statistical analysis demonstrate the indisputable influence of Christian morality on the spread and forms of political violence after the conversion of Constantine the Great (312). This influence was not sharp, but extended over time, and the steady dynamics of the humanization of the political culture of Byzantium can be traced throughout its history. The materials studied in the article also form the basis for a comparison of the practice of political violence in Byzantium and in Rus'.

Keywords: Roman Empire, Byzantium, power, murder, blinding, political struggle, Christianity, public morality
DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-345-357

Р.Б. Бутова

НАСЛЕДИЕ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА): МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ В ИЕРУСАЛИМЕ

Статья посвящена Музею древностей начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архим. Антонина (Капустина) как важной части его наследия. С середины XIX в. и до 1894 г. в результате целенаправленного сбора, случайных находок во время археологических раскопок и в процессе строительства церквей и паломнических приютов на землях, им приобретенных, покупок у антикваров, подарков у архим. Антонина сформировались чрезвычайно интересные коллекции древностей. В течение 1870–1890-х гг. начальник Миссии в Иерусалиме дарил предметы из своих нумизматических, археологических и рукописных собраний в различные научные и учебные, церковные и светские учреждения, музеи и древлехранилища. Среди основных адресатов были Киевская Духовная Академия, Императорское Православное Палестинское Общество, Одесское общество истории и древностей, Русское археологическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Санкт-Петербургская Духовная Академия. Нумизматические, археологические, рукописные, книжные собрания главных музеев, библиотек и архивов нескольких стран хранят дары о. Антонина. По его завещанию наиболее ценные предметы пополнили коллекции Эрмитажа (мраморная голова Ирода) и Публичной библиотеки (собрание греческих, славянских и восточных рукописей). После кончины о. Антонина внимание научной общественности, беспокоившейся за судьбу музея, не позволило Св. Синоду, охладевшему к его наследию после оформления земельной собственности, забыть о Музее древностей. По заданию Св. Синода профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии В.Н. Мышцын предпринял попытку описать коллекции и сделать каталог музея. Но у Василия Никаноровича не хватило знаний для завершения работы, в итоге сохранились лишь черновые наброски к каталогу музея о. Антонина. В XX в. судьба музея была очень сложной. Несмотря на известность, музей так и не вошел в полной мере в научный оборот, но и сегодня, хотя и в очень сокращенном виде эта «живая энциклопедия цивилизаций» занимает в общем наследии о. Антонина существенное место.

Ключевые слова: Изучение Ближнего Востока, Иерусалим, Святая Земля, музей, коллекционирование, экспонаты, архимандрит Антонин (Капустин)

Вместо предисловия

В сферу научных интересов А.В. Назаренко, казалось бы, не входили вопросы, относящиеся к истории Ближнего Востока, русского духовного, политического и гуманитарного присутствия в Святой Земле. Но посмертно опубликованная полная библиография ученого говорит об обратном (Список научных трудов Александра Васильевича Назаренко 2022). После вступления в Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) и возглавление его Научной секции Александр Васильевич все чаще обращался в своих работах к ранней истории Русской Церкви и рассмотрению феномена русского паломничества. Исторические, богословские, дисциплинарные и правовые аспекты паломничества, изучение самого понятия *паломникъ*, международной торговли на Ближнем Востоке объединялись с традиционной для него собственно древнерусской проблематикой. При этом Назаренко ввел в научный оборот совершенно неизвестные сведения, относящиеся к первому в русской истории великокняжескому паломничеству в Палестину (имеется в виду поездка супруги великого князя Владимира Мономаха, Гиды Уэссекской). А изучение истории аскетики через генеалогию двух святых – Елизаветы Тюрингенской и второго Председателя ИППО, великой княгини Елизаветы Федоровны, – привело к открытиям нескольких «русских штрихов», как он сам скромно считал (на самом деле прочных связей и контактов), в биографии основательницы Гессенского рода, украшенных замечательной лицевой рукописью «Псалтирь Гертруды». Так что обращение А.В. Назаренко к проблематике Ближнего Востока имело важное значение для исторической науки.

* * *

В последнее время начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (РДМ) архимандрит Антонин (Капустин; 1817–1894) в научной, околonaучной и даже церковной среде все чаще воспринимается только и исключительно как создатель Русской Палестины. Конечно, сохранение и укрепление РДМ, покупка земельных участков и создание на них приютов для паломников, строительство церквей и замыслы основания монастырей, были основными среди многочисленных занятий о. Антонина. Но сводить его роль и значение только к этому направлению служения, значит сильно сужать масштаб личности этого выдающегося деятеля Русской Церкви, науки и культуры второй половины XIX в. Наследие о. Антонина значительно шире и глубже.

Без сомнения, *создание и сохранение для потомков Русской Палестины*, т.е. целой инфраструктуры на Ближнем Востоке, включающей церкви, паломнические приюты и земельные участки, стало главным подви-

гом жизни о. Антонина¹. Его трудами было приобретено и обустроено 14 земельных участков, суммарная стоимость которых оценивалась в конце XIX в. «до миллиона рублей» (Дмитриевский 2009. С. 444).

Научное наследие архим. Антонина включает работы, не утратившие во многом свою значимость. В 1850-е гг. им были собраны и изучены христианские надписи VII–XII вв., найденные на стенах храмов и на отдельных, преимущественно надгробных, плитах Афин. «Если афинскими средневековыми надписями занимались англичане, немцы и французы, то архимандрит Антонин был первый и единственный русский, составивший полный их сборник» (Васильевский 1889. С. 631). «Письма из Вифинии» с описанием древностей Никеи, города двух Вселенских Соборов ввели о. Антонина в круг отечественных византистов (Антонин 1863). Материалы путешествия в Румелию стали не только блестящим травелогом и продолжили русскую традицию изучения Балкан, но сегодня переживают свое второе рождение, поскольку к ним обращаются современные ученые, открыв для себя новый исторический источник (Антонин 1879, 1886).

К началу 1860-х гг. арх. Антонин формируется как исследователь-археолог. Завершением поездки на Афон стало издание «Завещания» и «Устава» преподобного Афанасия Афонского (Антонин 1864). Изучение греческих и славянских рукописей Иерусалима, Афона и Синая приводит к формированию собственной коллекции манускриптов (Дмитриевский 1994. С. 165–197). В 1861 г. он познакомился с рукописным греческим синаксарем XII в., хранящимся в библиотеке богословского училища на острове Халки. На полях памятника содержались разновременные записи по истории Сугдеи, которые были им разобраны, прокомментированы и опубликованы в русском переводе (Антонин 1863). В следующем году в Константинополе о. Антонин составил «Каталог рукописных книг, обретающихся в Патриаршей библиотеке Константинопольского Святогробского подворья», одним из украшений которого стало открытие знаменитого памятника «Учение 12-ти Апостолов» (Дмитриевский 1890. С. 5).

Наиболее известен труд о. Антонина по составлению каталога библиотеки Синайского монастыря (Лисовой 2000. С. 197–207), включающего описание 1310 греческих рукописей. Тогда же он открыл древнейший памятник славянской письменности – Киевские глаголические листки (Фонкич 1983. С. 368–379; Лисовой 2000. С. 197–225). Во второй половине 1860-х гг. архимандрит участвует в подготовке к изданию актов Русского Пантелеимоновского на Афоне монастыря (Акты Русского на

¹ По проектам арх. Антонина построено 3 церкви, 6 странноприимных домов, в Горнем и на Елеоне позднее были основаны женские монастыри.

Св. Афоне монастыря 1873), изучает рукописи Патриаршей библиотеки в Иерусалиме и грузинские рукописи Крестного монастыря, а также описывает собрание рукописей и старопечатных книг лавры святого Саввы Освященного. К сожалению, ни один из подготовленных каталогов так и не был опубликован.

Архим. Антонин был прекрасным проповедником. К *научно-церковному наследию* относится цикл слов и бесед на воскресные, праздничные и другие, особенно чествуемые дни Постной и Цветной Триоди (Проповеднический круг 1867), над которым о. Антонин начал работать еще в бытность преподавателем Киевской Духовной Академии (КДА). Сегодня хорошо известны его иерусалимские проповеди, которые он произносил для русских паломников, особенно ежегодная, в Великую Субботу на Голгофе при обношении плащаницы. Тексты проповедей публиковались в русских духовных журналах и отдельных сборниках и входят в гомилетическое наследие Церкви (Антонин 2007).

Церковно-дипломатическое наследие архим. Антонина показывает, что это был выдающийся церковный дипломат. Об этом говорят опубликованные донесения из Афин, Константинополя (Антонин 2013; 2018), переписка с графом Н.П. Игнатьевым (Переписка архимандрита Антонина 2014), обильное цитирование историками его эго-документов иерусалимского периода. Выдающуюся роль сыграл о. Антонин в деле о «Синайском кодексе».

Археология вошла в жизнь архим. Антонина внезапно, буднично и просто, чтобы остаться в ней навсегда. Это было в Афинах. За работу по воссозданию церкви Никодима о. Антонин получил Большую серебряную медаль Русского Археологического Общества (РАО). А служение в Иерусалиме вообще стало в этом смысле отрадой для его души. Раскопки на Елеоне, в Яффе, у дуба Мамврийского в Хевроне, в Иерихоне до сих пор привлекают внимание ученых, а их результаты вызывают споры и дискуссии. Но венцом этой деятельности о. Антонина стало открытие в 1883 г. Порога Судных врат, обессмертившее его имя в анналах русской археологии.

Что касается *литературного наследия* архим. Антонина, то 10 августа 1876 г. он записывал в дневнике: «Каталогизирование всех отпечатанных мною с 1843 г. статей больших и малых... Набирается больших и малых до 80» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1127). В год смерти (1894) известный библиограф С.И. Пономарев составил первый список из 105 работ (Пономарев 1894. С. 636–652). В 2010 г. число прижизненных публикаций было расширено до 144 работ (Антонин 2010. С. 480–495). Тем не менее, последующие исследования показали, что выявлены не все публикации о. Антонина и этот процесс продолжается.

Дневник и другие документы личного происхождения. Дневник о. Ан-

тонина – это важнейший церковно-исторический и литературный памятник и источник самых разнообразных сведений по истории русского присутствия в Святой Земле; это «ежедневник» личных и служебных контактов русского архимандрита с духовенством Греческой Патриархии, заинтересованный «свидетель» отношений с представителями других конфессий в Иерусалиме; это неприкрашенная летопись формирования «вакуфа Антонина» и других его земельных приобретений в Палестине; это источник уникальных сведений о паломничестве в Святую Землю известных исторических лиц; наконец, дневник – это исключительный человеческий документ, позволяющий реконструировать биографию, личность и характер его автора (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1118–1132; Антонин Дневник 2011; 2013; 2015; 2017; 2020а; 2020б).

Дары о. Антонина. Даже по неполным сохранившимся сведениям масштабы нумизматических, археологических и рукописных даров Антонина в различные научные и учебные, церковные и светские учреждения, музеи и древлехранилища поражают. Среди основных адресатов были: КДА, ИППО, Одесское общество истории и древностей, РАО, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, СПбДА. Нумизматические, археологические, рукописные, книжные собрания главных музеев, библиотек и архивов нескольких стран хранят дары о. Антонина (Помяловский 1886).

Важнейшей частью наследия архимандрита Антонина является *Музей, музей древностей* – так в его дневниках, документах МИДа, Св. Синода, Палестинского Общества, описаниях паломников и пр. именуется археологические, нумизматические, палеографические и художественные коллекции разновременны и в различных местах им лично собранные во время путешествий, приобретенные на восточных базарах, в лавках старьевщиков или у антикваров и находящиеся в его квартире в здании Миссии.

Судьба музея о. Антонина отчасти схожа с его дневником. Хранящийся в РГИА дневник до начала 1970-х гг. был совершенно не введен в научный оборот и считался утерянным, музей о. Антонина лишь изредка осматривался высокими гостями Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), приезжающими в Палестину, и в течение всего XX в. оставался неизвестным.

Собирание антиков о. Антонин начал уже во время своего первого заграничного служения, будучи настоятелем русской посольской церкви в Афинах (1850–1860). Так что формирование его интересов проходило на великих памятниках Эллады и Византии. Деятельное знакомство с памятниками Древней Греции и ее изучение началось для него с воссоздания церкви Никодима, подаренной России королем Оттоном

в руинированном состоянии. Затем были поездки вглубь материка и по Архипелагу, наконец, в Рим. Его не минуло широко распространенное увлечение нумизматикой, и в его дневнике афинского периода начинают появляться записи о покупках монет: «Обретение древних византийских монет», «утром купил с десятков старых монет с совами, черепахами и свиньями, в числе их три серебряных и одна золотая (я думаю?)» (Антонин 2015. С. 330, 411) и описания курьезных случаев, связанных с просьбами случайных попутчиков определить встречающиеся монеты.

Затем увлечения о. Антонина Грецией и Римом закономерно переросли в осмысление религиозно-художественных ценностей Православного Востока и Святой Земли. Связано это было с переводом на должность настоятеля посольской церкви в Константинополе (1860–1865). Его нумизматические коллекции расширились, пополнились древними рукописями и старопечатными книгами, предметами декоративно-прикладного искусства, мелкой пластикой и скульптурой. Особенность о. Антонина состояла в том, что обладание антиками было для него, конечно, важно, но он легко расставался с ними: «Вечером долго беседовали с гостями “земляками”. Дал им десятка два-три древних монет», «гостям в подарок несколько древних монет» (Антонин 2020b. С. 461, 504). Такая щедрость исходила от монашеского нестяжания, но и широты души и стремления поделиться всем, что имел. Отсюда его многочисленные дары по всему миру.

В Иерусалиме за почти 29 лет возглавления Русской Духовной Миссии (1865–1894), целенаправленного сбора, случайных находок во время археологических раскопок и в процессе строительства на землях, им приобретенных, покупок у антикваров, подарков у архимандрита Антонина сформировалась чрезвычайно интересная коллекция древностей. Хотя иногда он приобретал и сложившиеся крупные коллекции, так в его собрании в 1873–1874 гг. появились кипрские древности. Часть их, подаренная впоследствии Киевской Духовной Академии, легла в основу Церковно-археологического музея. Ректор КДА архимандрит Филарет (Филаретов) писал архимандриту Антонину 8 октября 1873 г.: «Фактическое основание нашего музея принадлежит не кому более, как Вам» (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 174. Л. 355 об.).

Основным источником для воссоздания ранней истории музея является дневник о. Антонина. Его изучение показало, что в 1860–1870-е гг. коллекции только складывались, это было время накопления. Собранные памятники пока еще не были полноценным музейным собранием, но представляли собой лишь хранилище древностей. Архимандриту нравился процесс переговоров с иерусалимскими антикварами, в среде которых постепенно сложился его собственный круг поставщиков, зна-

комство и сотрудничество с европейскими археологами, приезжавшими в Святую Землю, наблюдение за формированием рынка подделок, в котором были собственные герои, такие как Шапира, – все это увлекало и нравилось о. Антонину.

Шапира Моше Вильям (1830–1884) был очень известным иерусалимским антикваром. Уроженец Каменец-Подольска, он приехал в Иерусалим в 1856 г. и принял лютеранство. Шапира владел книжной и антикварной лавками на улице Христианского квартала, которую часто посещал Антонин. См., например, запись в дневнике от 24 февраля 1870 г.: «Заходил к Шабире, *libraire et antiquaire*, забрал у него 20 книг старых и 5 новых. Дома разбирал книги. Купить их во что бы то ни стало. Повечерие с канонем. То же занятие книгами. Бог меня занес в лавочку г. Шабиры. Книги как раз по мне» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1126). После находки в 1868 г. Моавитского камня («Стелы царя Меша») в Иерусалиме стала появляться глиняная посуда с древнееврейскими надписями, сделанными тем же шрифтом. Продавцом являлся антиквар Шапира. Прусское правительство решило купить всю посуду с надписями. Однако известный знаток Святой Земли Ш. Клермон-Ганно обнаружил орфографические ошибки в надписях на посуде, а затем нашел в Иерусалиме и гончарную мастерскую, в которой делались подделки. Сделка не состоялась. В дневнике от 7 февраля 1874 г. о. Антонин сообщает о своем разговоре с Клермоном-Ганно: «Просит верить безусловно, что все Шабирины антики подделка» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1127). В 1877 г. Шапира обратился к берлинскому профессору Шольтману за экспертизой приобретенных им якобы за бесценок пятнадцати пергаменных свитков, запечатанных в глиняном сосуде, обнаруженном бедуинами в одной из пещер Заиорданья. Речь шла о книге «Второзаконие». Несмотря на неблагоприятный отзыв Шольтмана, в июне 1883 г. Шапира повез свитки в Германию для новой экспертизы в имперской библиотеке Берлина. Получив отказ, Шапира предложил рукописи Британскому музею за один миллион фунтов стерлингов, фантастически огромную тогда сумму. Свитки были рекомендованы для покупки музеем и даже выставлены 13 августа на обозрение широкой публики. Приглашенные музеем лингвисты высказывали сомнения в подлинности рукописей, Ш. Клермон-Ганно, изучив небольшой фрагмент, с полной уверенностью заявил о подделке. Музей отказался от покупки, а Шапира, не вернувшись в Иерусалим, покончил с собой в Роттердаме (Allegro 1965).

В 1880-е гг. объем коллекции настолько вырос, что о. Антонин, вслед за своими многочисленными гостями, начинает в дневниковых записях вначале неуверенно, а затем все более твердо называть ее – Музей [«Показывание наших библиотек-музеев» (Антонин 2011. С. 109),

«Ganneau. Изучение с ним Силоамской записи. Сидение с ним же в “Музее” и попытка прочесть полустертую греческую надпись на одном из музейных костяников (ossuaire)» (Антонин 2011. С. 147), «Herr Evting с доктором нашим и секретарем германского консульства. Двухчасовое обозрение моего “богатого” Собрания древностей» (Библиотека ГМИР, шифр Б.IV.№ 853 (26). Антонин. Дневники: 1817–1894. Т. 26. 1884. С. 82). «<Паломник>Голубцов из Нижнего, обозревший все отделы моего “Археологического Музея”» (Там же. С. 99)]. Наконец, в 1884 г. в дневнике окончательно закрепляется название – Музей древностей или просто музей. Архим. Антонин выделяет 2 комнаты в своей квартире в здании РДМ под коллекции, водит в музей избранных гостей, показывает предметы, советуется, датирует, чистит, определяет монеты, изучает рукописи, классифицирует предметы по отделам.

Интересна история так называемой «головой Ирода», приобретенной о. Антонином в результате многомесячной торговли в 1874 г., и ставшей загадкой – для архимандрита, его именитых европейских друзей-ученых и гостей – кого же изображает мраморная голова. Мнение научного и музейного сообщества разделилось, кто-то считал, что это Ирод Антипа, а кто-то придерживался мнения, что – император Адриан. Современные израильские ученые и археологи после изучения в полной мере всех данных и осмотра скульптуры в Эрмитаже, высказали еще два предположения, что это могут быть императоры Антонин Пий либо Диоклетиан (Нагорская, Гибсон 2015. С. 157). В самом Эрмитаже предмет описан как «Портрет мужчины в лавровом венке».

Несмотря на все возрастающую известность («Некий турист английский с не выговариваемой фамилией и притом еще иезуит, любопытствовавший видеть мой музей, приобретающий, как видно, известность» (Библиотека ГМИР, шифр Б.IV.№ 853 (34). Антонин. Дневники: 1817–1894. Т. 34. 1892. С. 255), музей о. Антонина при жизни своего владельца так и не был научно систематизирован и описан, хотя архимандрит пытался привлечь к разбору и описанию коллекций приезжавших в Иерусалим специалистов («Нашествие ученой компании и перенумеровка моего Музея древностей до 11 часов» (Там же. Т. 26. 1884. С. 220). 10 ноября 1888 г. к изучению и описанию коллекции греческих и славянских рукописей приступает известный палеограф А.И. Пападопуло-Керамевс, приехавший в Иерусалим («Хочет завзятый труженик все их пересмотреть, что и на руку моей лености» (Там же. Т. 30. 1888. Л. 177). Но занятый описанием рукописей Иерусалимского Патриархата, Афанасий Иванович так и не завершил начатое дело.

Согласно завещанию, о. Антонин оставил свой музей РДМ. «Принадлежащий мне музей древностей завещаю Русской Духовной Миссии в

Иерусалиме, с тем, чтобы музей этот оставался постоянно в оной. Из всего собрания этого делаю исключение для одного предмета, а именно – для мраморной головы Ирода. Эту редчайшую вещь завещаю Императорскому Эрмитажу в С. Петербурге» (Россия в Святой Земле 2000. С. 227), – было сказано в последней воле архимандрита.

После его кончины квартира была опечатана консульством, затем составлены описи всех вещей, в ней находящихся, но библиотека и музей оставались в неприкосновенности. Хотя несколько раз квартира вскрывалась, чтобы, в соответствии с завещанием о. Антонина, переправить в Императорскую Публичную библиотеку собрание греческих, славянских и восточных рукописей (АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 2418. Л. 9 об.). Сотрудникам генерального консульства в Иерусалиме потребовалось 4 года, чтобы найти в своем архиве каталог рукописей, переданный на хранение о. Антонином в 1893 г., только после этого собрание было отправлено в Петербург. В Публичную библиотеку было направлено и собрание греческих старопечатных книг арх. Антонина, а в Эрмитаж – уже упоминавшееся «мраморное изваяние головы Ирода».

Надо сказать, что сотрудники МИДа неоднократно ставили вопрос о командировании в Иерусалим специалистов для разборки и описания собраний, поскольку «при составлении описей движимости в квартире арх. Антонина оказалось значительное собрание древних рукописей на греческом, еврейском и других древних языках, из коих многие писаны на пергаменте; также собрание греческих, римских, еврейских монет и других редкостей древности» (АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 2418. Л. 4 об.).

Научную общественность также беспокоила судьба музея. Посетивший Иерусалим директор Русского Археологического института в Константинополе (РАИК) Ф.И. Успенский 22 ноября 1896 г. писал послу в Константинополе А.И. Нелидову: «Коллекции находятся в настоящее время в крайнем беспорядке; книги лежат кучами на полу, рукописи попадают и на стульях, и в шкафах среди печатных книг, и на полу, собственноручные заметки о. Антонина, планы, эстампажи и проч. валяются где попало. Не в лучшем состоянии и археологическая коллекция. В ней есть большое собрание монет (свыше 5000), между которыми прекрасная коллекция византийских золотых монет (свыше 70); в ней дальше находится свыше 2000 фрагментов и мелких предметов египетского, греческого и христианского искусства; кроме того, есть камни с надписями, скульптурные обломки, кресты, вазы, статуэтки. Некоторые предметы, как весьма редкие и хорошо сохранившиеся, могли бы занимать видное место в любом музее» (АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 601. Л. 19).

В письме от 4 декабря 1896 г. Председателю ИППО великому князю Сергию Александровичу Ф.И. Успенский предложил взять музей

на научное попечение РАИК, поскольку, как небезосновательно считал Федор Иванович, в Духовной Миссии «не имеется лица, способного быть хранителем ценных собраний о. Антонина» (Там же. Л. 14). Но условием Успенского было ежегодное финансирование этой работы со стороны ИППО. Предложение, в целом поддержанное великим князем, не было принято Советом Общества, посчитавшего, что это дело касается Св. Синода (Гурулева 2007. С. 387–388).

Однако духовное ведомство, озабоченное оформлением земельного наследия архимандрита Антонина, не заботила судьба его библиотеки и музея. Прошло 6 лет после кончины архимандрита, пока обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев в 1900 г. не командировал в Иерусалим профессора Московской Духовной Академии (МДА) В.Н. Мышцына для составления описей библиотеки и музея о. Антонина.

На самом деле выбор специалиста и момент командировки были очень неудачны. Василий Никанорович Мышцын (1866–1936) во время поездки в Святую Землю был профессором по кафедре библиологии и кафедре истории еврейского народа, преподавал Священное Писание Ветхого Завета и церковное право. Поездка Мышцына в Палестину была приурочена к паломничеству в Святую Землю профессоров и студентов МДА во главе с ректором, епископом, впоследствии митрополитом, Арсением (Стадницким). Василий Никанорович, «как преподаватель в академии желал осмотреть те места, на которых совершались библейские события, те памятники в Палестине, какие в ней оставила библейская старина» (Арсений 2014. С. 29). Но в связи с поручением Св. Синода Мышцыну пришлось пропустить часть поездки, в частности, он так и не попал в Галилею.

Так что выбранный К.П. Победоносцевым «специалист» для составления описи библиотеки и музея архим. Антонина был совершенно неподготовлен к порученной ему работе и не обладал достаточными знаниями и опытом. Более того, задание стало скорее дополнительной и досадной нагрузкой к академическому паломничеству профессора. К тому же, Мышцын заболел и должен был вообще прервать поездку и вернуться в Иерусалим².

² «Проф. М-н, чувствуя себя нездоровым и боясь сделаться некоторой обузой во время дальнейшего путешествия, решился из Вефиля возвратиться обратно в Иерусалим, где он должен пробыть недели две–три для своих научных занятий в библиотеке, оставшейся после о. Антонина. Еще вчера он чувствовал головную боль и озноб, но не показывал вида, надеясь, что это – скоро-проходимое нездоровье. На утро же болезнь усилилась. Посоветовавшись с Преосвященным, он послал в селение найти себе проводника и, не мешкая ни минуты, простившись с нами, в сопровождении проводника-араба, отправился по обратной дороге в Иерусалим. Впоследствии он говорил, что в дороге головная боль до того усилилась, что он несколько раз решался сойти с осла и лечь на дороге, но сила воли взяла верх над болезнью, и он продолжал, хотя и довольно медленно, свой путь и благополучно достигнул св. города» (Арсений 2014. С. 340).

Все эти обстоятельства самым негативным образом сказались на результатах. Чуть менее двух недель понадобилось профессору, чтобы описать библиотеку архимандрита Антонина (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1240) и девять дней (с 11 по 20 июля 1900 г.) он занимался в музее. Возможно ли за столь короткий срок одному, полностью, правильно и профессионально описать все коллекции? Конечно, нет. Опись библиотеки, как наименее сложная, была им подготовлена, хотя «каталоги были составлены очень торопливо, испещрены поправками и сокращениями» (АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 2418. Л. 18), но вторую часть задания профессор фактически вообще не выполнил.

Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в своем отношении от 28 июля 1900 г. на имя директора Азиатского департамента МИД Н.Г. Гартвига очень подробно описывая работу Мышцына, не смог скрыть эмоций: «Через неделю он заявил мне, что опись музея окончена. На выраженное мной удивление по причине столь быстрого окончания работы, он объяснил мне, что и эту опись он составил вчерне и что иначе он и не мог сделать ее, так как археологией он совсем не занимается и что его специальность – изучение Библии» (Там же. Л. 20 об).

Письма Яковлева о результатах работы в МИД и рапорт вел. кн. Сергию Александровичу, Председателю ИППО, вызвали скандал в Петербурге. Мышцын ссылался на нервную болезнь, не позволившую ему выполнить поручение, Обер-прокурор интриговал против Яковлева, доказывая, что тот пытается выслужиться перед вел. кн. Сергием Александровичем. К тому же в секретном письме управляющему делами МИД В.И. Ламздорфу от 9 октября 1900 г. обер-прокурор, не признавая своей ошибки, писал, что поручал Мышцыну составить только (sic!) опись библиотеки (Там же. Л. 32), хотя его отношение на имя А.Г. Яковлева от 21 апреля 1900 г. говорит о другом: «В виду предстоящего настоящим летом командирования в Палестину профессора МДА В.Н. Мышцына, мною поручено ему составить описи оставшихся после бывшего Начальника Иерусалимской миссии архимандрита Антонина библиотеки, завещанной в собственность Св. Синода, и музея, завещанного в пользу означенной миссии» (Там же. Л. 14). Что же касается позиции К.П. Победоносцева, то она говорит скорее об отсутствии интереса к делам, касающимся наследия о. Антонина в Святой Земле, и еще шире – к определенному охлаждению обер-прокурора к теме Палестины и деятельности ИППО. Судя по всему, был окончательно истощен импульс, данный в 1883 г. Александром III при основании Общества, а нарастание революционных настроений и все чаще звучавшие предложения реформы церковного управления вообще смещали фокус его внимания на внутрисосийские проблемы.

Что касается А.Г. Яковлева, то он служил генеральным консулом в Иерусалиме в 1897–1907 гг. и был на этом посту незаменимым тружеником. Его консульские донесения являются лучшим источником по истории русского присутствия в Палестине в конце XIX – начале XX в. Но еще в 1894 г. в связи с кончиной архим. Антонина Яковлева назначают исполняющим обязанности генконсула в Иерусалиме – с конкретным заданием выяснить и уладить дела о земельной собственности покойного начальника РДМ. Конечно, забота о русском землевладении, главной материальной основе русского влияния в Палестине, находилась в повестке дня иерусалимских консулов и генконсулов с конца XIX в. Но только А.Г. Яковлев сумел поставить дело так последовательно и юридически строго, что составленные им аналитические обзоры и описи российских недвижимостей доньше являются надежнейшим историческим и юридическим источником. Во многом именно точности и скрупулезности Яковлева Россия и Русская Церковь обязаны сохранением Русской Палестины.

Несмотря на скандал, в который были втянуты сановники высокого ранга, еще два года пришлось ждать описи музея о. Антонина. Наконец, обер-прокурор написал письмо ректору МДА с напоминанием Мышцыну сдать опись музея. Но Василий Никанорович не мог этого сделать, у него не хватало знаний для завершения работы. Он даже предпринял почти ученическую поездку в европейские музеи для изучения древностей, но в итоге сохранились лишь черновые наброски к каталогу музея о. Антонина (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1240. Л. 160–163).

О неудовлетворительном хранении и неизученности коллекций Музея древностей свидетельствовали позже М.И. Ростовцев и М.Я. Дьяконов.

Ученик Н.П. Кондакова, профессор Петербургского университета Михаил Иванович Ростовцев в 1912 г. высоко оценивал труды о. Антонина по расширению земельных владений РДМ и их археологическое изучение. «Делом рук покойного арх. Антонина было и собрание небольшого музейчика в здании Миссии. Мне пришлось посетить недавно этот музей. В нем я нашел немало вещей первостепенного достоинства» – писал Михаил Иванович (Ростовцев 1912. С. 257) Но полное небрежение и беспорядок, в которых хранились подлинные предметы вперемежку с подделками, отсутствие классификации и вообще инвентаря произвели на ученого гнетущее впечатление. «Так ли это было и при арх. Антонин, я не знаю, но теперь это так. Не мудрено, что о таком собрании ничего не знают ни заезжие ученые, ни даже местные работники. Такой сарай с ценными вещами стыдно показать!» – такими словами завершал Ростовцев свое описание (Ростовцев 1912. С. 258).

Накануне Первой мировой войны, летом 1914 г., товарищ управляющего Контролем Св. Синода М.А. Дьяконов провел подробную ревизию

денежного и материального хозяйства РДМ, исследовал недвижимость, принадлежащую Миссии, изучил счетоводство и отчетность. Один из пунктов его отчета содержал описание музея и библиотеки (Россия в Святой Земле 2000. Т. II. С. 162). К сожалению, ничего не изменилось с момента осмотра Ростовцева, музей все также был «плохо размещен» в двух комнатах РДМ. Дьяконов еще раз констатировал, что «древности требуют разборки, описания и надлежащего размещения» (Там же).

Во время Первой мировой войны, когда сотрудники генерального консульства, ИППО, члены РДМ, паломники покинули Палестину, а русские здания были заняты турецкими войсками, известный османский военный и политический деятель, а тогда командующий 4-й армией, Джемаль-паша предъявлял претензии на музей, библиотеку и ризницу РДМ, предполагая употребить их на «просветительские» нужды (АВПРИ. Ф. 142. Оп. 497. Д. 2679. Л. 54).

После Октябрьской революции и уничтожения системы российских управленческих институтов на Ближнем Востоке, распада Османской империи и установления Британского мандата над Палестиной (1918–1948), основания РПЦЗ (1921), разделения Православного Палестинского Общества на советскую и эмигрантскую части, все бремя ответственности за сохранение Русской Палестины легло на плечи очень небольшой группы людей, волею судеб оказавшихся в Иерусалиме. Верховный комиссар и колониальная администрация вполне своевольно распоряжались доставшемся им имуществом, была введена практика принудительного арендного использования русской недвижимости. В 1926 г. был принят «Ордонанс об управлении русской собственностью», который закрепил за британскими властями право верховного распорядителя. Так что руководство РДМ, вынужденное сдавать в аренду большую часть своих помещений, чтобы выплатить огромные еще дореволюционные долги, должно было освободить комнаты, занимаемые Музеем древностей, а также собрать небольшие собрания, сложившиеся на Елеоне, в Иерихоне, Хевроне и Тивериаде, и перевезти их в Архимандричий дом в Спасо-Вознесенском монастыре на Елеоне.

В 1929 г. в Иерусалим из Каира приехали супруги Лукьяновы, Григорий Иванович (1885–1945) и Елизавета Сергеевна (1888–?), и это была большая удача, потому что они были профессиональными учеными, специалистами по Древнему Египту и Византии. По просьбе начальника РДМ архимандрита Киприана (Керна) они занялись разборкой музея. По итогам работы Елизавета Лукьянова опубликовала статью (Loukianoff 1930–1931), в которой писала: «Во время нашего пребывания на Елеонской горе мой муж и я начали классифицировать коллекции и распределять их. Но не хватало времени – мы имели только 4 месяца для этой столь интересной работы» (Loukianoff 1930–1931. P. 97).

Лукьяновы не успели закончить опись, а недостаток места, витрин, подставок и т.п. не позволил им разложить предметы в научном порядке. Но все-таки они смогли сгруппировать их по эпохам, странам и в зависимости от их исторической важности. Лукьяновы выделили несколько крупных разделов – египетский, греко-римский, религиозных предметов, эпиграфический, коллекцию крестов, арабский. Ученые считали для себя большой научной удачей саму возможность работать с музейным наследием о. Антонина.

Таким образом, с 1929 г. Музей древностей архимандрита Антонина находится на Елеоне. Свободного доступа посетителей нет. Коллекции так и не были каталогизированы и не получили своего полного научного описания и изучения *de visu*. Остается только сожалеть, что посмертная воля архим. Антонина не была в полной мере исполнена.

Несколько лет назад ученые-археологи Я. Чехановец и Л.А. Беляев предприняли попытку путем изучения фотографий и документов представить общий состав музея и создать род виртуальной описи. Их исследование показало, что сложная судьба музея в XX в. привела к утрате его ценности и уникальности, экспонаты растворились в музейных и частных собраниях нескольких стран, но самые значимые предметы все же изучены и опубликованы (Чехановец, Беляев 2019).

Музеи с конца XVIII – начала XIX в. являются важнейшими элементами культурной жизни образованного общества, занимаясь собиранием, сохранением, изучением и экспонированием исторического наследия человечества. В середине XIX в. в музейный мир как особую форму научной и культурной жизни вошел о. Антонин и стал его полноправным участником, так что когда в 1890-х гг. музейные собрания получили статус «нормы», его музей был вполне в русле общего движения. Даже попытки составления описи в начале 1900-х гг. можно рассматривать в русле охранительно-фиксирующего подхода, доминировавшего тогда в музейном деле.

Интересно, что авторы работ, посвященных комплексному изучению предметов музея о. Антонина (Loukianoff 1930–1931; Чехановец, Беляев 2019), оценивая его состав, применили два основных подхода, применяемых в современном музееведении, – *документологический*, т.е. отражение в музейном собрании исторических событий и естественнонаучных явлений на основе музейных предметов. Именно исходя из истории Палестины, рассматривала музей Е. Лукьянова. Она писала, что поскольку большая часть предметов была найдена или куплена в Палестине, то они в определенной степени отражают жизнь этой страны, ее государство и культуру, а все исторические изменения, произошедшие в Палестине на протяжении веков, находят отражение в коллекциях о. Антонина. Все

это придает музею оригинальную привлекательность, как она считала, которой нет ни в одном другом музее Иерусалима. Второй использованный подход *предметный*, когда изучается собственно музейный предмет. Применяя его, Я. Чехановец и Л.А. Беляев изучали коллекции, исходя из ценности и уникальности самого предмета, целостности и полноты коллекций, нахождения в их составе уникальных экспонатов. Именно поэтому их мнение не столь однозначно положительно. Но не будем забывать, что упомянутые работы разделяет 90 очень непростых для музея лет. Тем не менее даже то, что сохранилось сегодня, вполне может стать прекрасной основой для нового современного музея, достойного памяти архим. Антонина, если на это будет воля РПЦЗ.

Как сказал основатель ИППО В.Н. Хитрово в своей поминальной речи по архимандриту Антонину – Православная Русь обязана ему тем, что «стала твердою ногою у Святого Гроба» (Хитрово 2010. С. 446). Неустанные труды по созданию и укреплению Русской Палестины были одними из основных занятий о. Антонина. Но сделано им настолько много, что мы только подходим к реальному осмыслению и оценке масштабов его наследия. Музей древностей о. Антонина, эта «живая энциклопедия цивилизаций» (Loukianoff 1930–1931. С. 98) занимает в общем наследии важное и существенное место.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Акты Русского на Св. Афоне монастыря святого великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873. [Akty Russkogo na Sv. Afone monastyrya svyatogo velikomuchenika i tselitelya Panteleimona (Acts of the Russian Monastery of the Holy Great Martyr and Healer Panteleimon on St. Athos). Kiev, 1873.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Вифиния // Христианское чтение. СПб., 1863. Ч. 1. Март. С. 422–460; Ч. 2. Май. С. 67–124; Июнь. С. 229–269; Август. С. 493–525. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Vifiniya (Bithynia) // Khristianskoe chtenie. St-Petersburg, 1863. Ch. 1. Mart. S. 422–460; Ch. 2. Maj. S. 67–124; Iyun. S. 229–269; Avgust. S. 493–525.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Дневник. Годы 1830–1836 / Изд. подг. А.В. Мангилева. М., 2020. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Dnevnik. Gody 1830–1836 (Diary. Years 1830–1836) / Izd. podg. A.V. Mangileva. Moscow, 2020.] (a)
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Дневник. Год 1850 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2013. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Dnevnik. God 1850 (Diary. Year 1850) / Izd. podg. L.A. Gerd, K.A. Vakh. Moscow, 2013.]

- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Дневник. Годы 1851–1855 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2015. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Dnevnik. Gody 1851–1855 (Diary. Years 1851–1855) / Izd. podg. L.A. Gerd, K.A. Vakh. Moscow, 2015.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Дневник. Годы 1856–1860 / Изд. подг. Л.А. Герд, К.А. Вах. М., 2017. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Dnevnik. Gody 1856–1860 (Diary. Years 1856–1860) / Izd. podg. L.A. Gerd, K.A. Vakh. Moscow, 2017.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Дневник. Годы 1861–1865 / Изд. подг. Л.А. Герд. М., 2020. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Dnevnik. Gody 1861–1865 (Diary. Years 1861–1865) / Izd. podg. L.A. Gerd. Moscow, 2020.] (b)
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Дневник. Год 1881 / Изд. подг. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова; отв. ред. чл.-корр. РАН Я.Н. Щапов. М., 2011. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Dnevnik. God 1881 (Diary. Year 1881) / Izd. podg. N.N. Lisovoj, R.B. Butova; отв. ред. chl.-korr. RAN Ya.N. Shchapov. Moscow, 2011.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Донесения из Афин. 1851–1860 / Подг. текста, вступ. статья и комм. Л.А. Герд. М., 2018. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Doneseniya iz Afin. 1851–1860 (Reports from Athens. 1851–1860) / Podg. teksta, vstup. stat'ya i komm. L.A. Gerd. Moscow, 2018.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Донесения из Константинополя. 1860–1865 / Подг. текста, вступ. статья и комм. Л.А. Герд. М., 2013. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Doneseniya iz Konstantinopolya. 1860–1865 (Reports from Constantinople. 1860–1865) / Podg. teksta, vstup. stat'ya i komm. L.A. Gerd. Moscow, 2013.]
- Антонин (Капустин)*, архим. Заметки поклонника Св. Горы. Киев, 1864. [*Antonin (Kapustin)*, arkhim. Zametki poklonnika Sv. Gory (Notes from a pilgrim of the Holy Mountain). Kiev, 1864.]
- Антонин (Капустин)*, архим. Заметки XII–XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее, приписанные на греческом синаксаре // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 595–628. [*Antonin (Kapustin)*, arkhim. Zametki XII–XV vv., odnosyashchiesya k krymskomu gorodu Sugdee, pripisannye na grecheskom sinaksare (Notes of the 12th–15th Centuries Related to the Crimean City of Sugdea, Attributed to the Greek Synaxar) // Zapiski Odesskogo obshhestva istorii i drevnostej. Odessa, 1863. T. 5. S. 595–628.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 / Сост., комм., вступ. статья. Р.Б. Бутовой. М., 2010. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Iz Ierusalima. Stat'ji, ocherki, korrespondencii. 1866–1891 (From Jerusalem. Articles, Essays, Correspondence. 1866–1891) / Sost., komm., vstup. stat'ya. R.B. Butovoj. Moscow, 2010.]

- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Из Румелии. СПб., 1886. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Iz Rumelii (From Rumelia). St-Petersburg, 1886.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Поездка в Румелию. (Летом 1865 г.) Т. 1: В Румелию. СПб., 1879. [*Antonin (Kapustin)* arkhimandrit. Pоеzdka v Rumeliyu. (Letom 1865 g.) (Travel to Rumelia. Summer 1865). St-Petersburg, 1879.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Проповеднический круг подвижных праздников Церкви. Слова и беседы на воскресные, праздничные и другие, особенно чествуемые дни Постной и Цветной Триоди. Изд. 2. Ч. 1–2. М., 1867. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Propovednicheskij krug podvizhnykh prazdnikov Tserkvi. Slova i besedy na voskresnye, prazdnichnye i drugie, osobenno chestvuemye dni Postnoj i Zvetnoj Triodi (Preaching Circle of Moving Holidays of the Church. Words and Conversations for Sundays, Holidays and Other Especially Celebrated Days of the Lenten and Colored Triodion). Izd. 2. Ch. 1–2. Moscow, 1867.]
- Антонин (Капустин)*, архимандрит. Слово на Голгофе. Проповеди и наставления для русских паломников в Иерусалим (1870–1892). М., 2007. [*Antonin (Kapustin)*, arkhimandrit. Slovo na Golgofe. Propovedi i nastavleniya dlya russkikh palomnikov v Ierusalim (1870–1892). (Word on Golgotha. Sermons and Instructions for Russian Pilgrims to Jerusalem (1870–1892). Moscow, 2007.]
- Арсений (Стадницкий)*, митрополит. В стране священных воспоминаний / Вступ. ст. Н.Н. Лисового. М.; СПб., 2014. [*Arsenij (Stadnitzkij)*, mitropolit. V strane svyashhennykh vospominanij (In the Land of Sacred Memories) / Vstup. st. N.N. Lisovogo. Moscow; St-Petersburg, 2014.]
- Васильевский В.Г.* Антонин // *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 1. СПб., 1889. [*Vasilyevsky V.G.* Antonin // *Vengerov S.A.* Kritiko-biograficheskij slovar' russkikh pisatelej i uchenykh (Critical and Biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists). Т. 1. St-Petersburg, 1889.]
- Гурулева В.В.* «В Палестине скоро будет русский музей» (Музей архимандрита Антонина в Иерусалиме) // *Вспомогательные исторические дисциплины*. СПб., 2007. Вып. XXX. С. 387–388. [*Guruleva V.V.* «V Palestine skoro budet russkij muzej» (Muzej arkhimandrita Antonina v Ierusalime) (“There Will Soon Be a Russian Museum in Palestine”) (Archimandrite Antoninus Museum in Jerusalem) // *Vspomogatelnye istoricheskie discipliny*. St-Petersburg, 2007. Vyp. XXX. S. 387–388.]
- Дмитриевский А.А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты. Киев, 1890. [*Dmitrievskij A.A.* Puteshestvie po Vostoku i ego nauchnye rezultaty (Travel to the East and Its Scientific Results). Kiev, 1890.]
- Дмитриевский А.А.* Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит

- Антонин (Капустин) / Публ. с коммент. Ф.Б. Полякова и Б.Л. Фонкича // *Byzantinorussica*. 1994. Т. 1. С. 165–197. [*Dmitrievskij A.A.* Nashi kolleksionery rukopisej i staropechatnykh knig professor V.I. Grigorovich, episkop Porfirij (Uspenskij) i arhimandrit Antonin (Kapustin) (Our Collectors of Manuscripts and Early Printed Books, Professor V.I. Grigorovich, Bishop Porfiry (Uspensky) and Archimandrite Antonin (Kapustin)) // *Byzantinorussica*. 1994. Т. 1. S. 165–197.]
- Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Сост. и предисл. Н.Н. Лисовой. М.; СПб., 2009. [*Dmitrievskij A.A.* Russkaya Duchovnaya Missiya v Ierusalime (Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem) / Sost. i predisl. N.N. Lisovoj. Moscow; St-Petersburg, 2009.]
- Лисовой Н.Н.* Архимандрит Антонин (Капустин) – исследователь синайских рукописей. (По страницам дневника) // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 197–225. [*Lisovoi N.N.* Arkhimandrit Antonin (Kapustin) – issledovatel' sinajskikh rukopisej. (Po stranizam dnevnika) (Archimandrite Antonin (Kapustin) – Researcher of the Sinai Manuscripts. (Through the Pages of the Diary)) // *Tserkov' v istorii Rossii*. Sb. 4. Moscow, 2000. S. 197–225.]
- Нагорская А., Гибсон Ш.* История одной иерусалимской находки: о так называемой «иерусалимской голове императора Адриана» // Иерусалимский православный семинар. М., 2015. Вып. 6. С. 135–158. [*Nagorskaya A., Gibson Sh.* Istoriya odnoj ierusalimskoj nakhodki: o tak nazyvaemoj 'ierusalimskoj golove imperatora Adriana' (The History of One Jerusalem Find: About the So-Called "Jerusalem Head of Emperor Hadrian") // *Ierusalimskij pravoslavnyj seminar*. Moscow, 2015. Vyp. 6. S. 135–158.]
- Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым, 1865–1893 / Изд. подг. К. Вах и О. Анисимов. М., 2014. [*Perepiska arhimandrita Antonina (Kapustina) s grafom N.P. Ignatyevym, 1865–1893* (Correspondence of Archimandrite Antonin (Kapustin) with Count N.P. Ignatiev, 1865–1893) / *Izd. podg. K. Vakh i O. Anisimov*. Moscow, 2014.]
- Помяловский И.В.* Описание древних и средневековых монет, принесенных в дар Православному Палестинскому обществу архимандритом Антонином, начальником Духовной Миссии в Иерусалиме // Палестина и Синай. СПб., 1886. Ч. I. Вып. 2. [*Pomyalovskii I.V.* Opisanie drevnikh i srednevekovykh monet, prinesennykh v dar Pravoslavnomu Palestinskomu obshchestvu arhimandritom Antoninom, nachalnikom Dukhovnoj Missii v Ierusalime (Description of Ancient and Medieval Coins Donated to the Orthodox Palestinian Society by Archimandrite Antonin, Head of the Ecclesiastical Mission in Jerusalem) // *Palestina i Sinaj*. St-Petersburg, 1886. Ch. I. Vyp. 2.]
- Пономарев С.И.* Памяти отца архимандрита Антонина (Хронологический список сочинений и переводов его) // Труды КДА. 1894. Т. 3. С. 636–652.

[*Ponomarev S.I. Pamyati otza arkhimandrita Antonina (Khronologicheskij spisok sochinenij i perevodov ego)* (In Memory of Father Archimandrite Antonin (Chronological List of Works and Translations)) // *Trudy KDA. 1894. T. 3. S. 636–652.*]

Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Сост., вступ. ст., комм. Н.Н. Лисового. Т. 2. М., 2000. [*Rossiya v Svyatoj Zemle. Dokumenty i materialy (Russia in the Holy Land. Documents and materials) / Sost., vstup. st., komm. N.N. Lisovogo. Moscow, 2000.*]

Ростовцев М.И. Русская археология в Палестине // *Христианский Восток. 1912. Т. 1. Вып. III.* [*Rostovcev M.I. Russkaya arkhologiiya v Palestine (Russian Archeology in Palestine) // Khristianskii Vostok. 1912. T. 1. Vyp. III.*]

Список научных трудов Александра Васильевича Назаренко (сост. С.В. Завадская) // ДГ, 2022 год. М., 2022. С. 326–352. [*Spisok nauchnykh trudov Aleksandra Vasilyevicha Nazarenko (sost. S.V. Zavadsckaya) (List of Scientific Works of Alexander Vasilyevich Nazarenko (compiled by S.V. Zavadsckaya)) // Drevnejshije gosudarstva Vostochnoj Evropy, 2022 god. Moscow, 2022. S. 326–352.*]

Фонкич Б.Л. Антонин (Капустин) как собиратель греческих рукописей // *Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 368–379.* [*Fonkich B.L. Antonin (Kapustin) kak sobiratel' grecheskikh rukopisej (Antonin (Kapustin) as a Collector of Greek Manuscripts) // Drevnerusskoe iskusstvo. Rukopisnaya kniga. Sb. 3. Moscow, 1983. S. 368–379.*]

Хитрово В.Н. Памяти архимандрита Антонина. Речь на годовом общем собрании Императорского Православного Палестинского Общества 21 мая 1894 года // Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 / Сост., комм., вступ. статья. Р.Б. Бутовой. М., 2010. С. 446–454. [*Khitrovo V.N. Pamyati arkhimandrita Antonina. Rech' na godovom obshchem sobranii Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva 21 maya 1894 goda (In Memory of Archimandrite Antonin. Speech at the Annual General Meeting of the Imperial Orthodox Palestine Society on May 21, 1894) // Antonin (Kapustin), arkhimandrit. Iz Ierusalima. Statji, ocherki, korrespondencii. 1866–1891 / Sost., komm., vstup. stat'ya. R.B. Butovoj. Moscow, 2010. S. 446–454.*]

Чехановец Я., Беляев Л.А. Палестинский Музей Антонина Капустина: состояние исследований и перспективы изучения // *Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 228–255.* [*Chekhanovec Ya., Belyaev L.A. Palestinskij Muzej Antonina Kapustina: sostoyanie issledovanij i perspektivy izucheniya (Palestine Museum of Antonin Kapustin: State of Research and Prospects for Studying) // Vizantijskij vremennik. 2019. T. 103. S. 228–255.*]

Allegro J.M. The Shapira Affair. N.Y., 1965.

Loukianoff E. Le musée du Couvent russe du Mont des Oliviers à Jérusalem // Bulletin de l'Institut d'Égypte. 1930–1931. T. XIII. P. 97–101. Pl. I–VIII.

Ritta B. Butova

THE LEGACY OF ARCHIMANDRITE ANTONIN (KAPUSTIN):
MUSEUM OF ANTIQUITIES IN JERUSALEM

The article is devoted to the Museum of Antiquities of Archimandrite Antonin (Kapustin), head of the Russian Orthodox Mission in Jerusalem as an important part of his legacy. Between the middle of the 19th century and 1894, Archimandrite Antonin assembled extremely interesting collections of antiquities as a result of purposeful collection of artifacts purchased from antiquaries, received as gifts, found during archaeological excavations and construction of churches and pilgrimage hostels on the lands acquired by the Russian Mission. After Antonin's death, the anxiety of the scientific community for the fate of the Museum did not allow the Synod, which had cooled to his legacy after the registration of land ownership, to forget about the Museum of Antiquities. In the 20th century, the fate of the Museum was very complicated, but even today, although in a very reduced form, this 'living encyclopedia of civilizations' occupies an substantial place in Antonin's whole legacy.

Keywords: Middle East studies, Jerusalem, Holy Land, museum, collecting, exhibits, Archimandrite Antonin (Kapustin)

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-358-377

П.В. Хондзинский

«VIER ERNSTE GESÄNGE» И. БРАМСА В КОНТЕКСТЕ НЕМЕЦКОЙ МИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В философской традиции XIX в. был поставлен вопрос о возможности рассматривать музыку как своего рода язык для того, что невыразимо словом. В предлагаемой статье с этой точки зрения рассматривается связь «Vier ernste Gesänge» («Четырех строгих напевов») И. Брамса, написанных на библейские тексты, с немецкой мистической традицией, восходящей к рейнским мистикам XIV в. Именно ими было сформулировано учение о *сильной как смерть* (Песн. 8:6) любви к Богу, которая подобна смерти, так как лишает человека не только того, что связывает его с земной жизнью, но и самой надежды на спасение, обретая в этом совершенство своего бескорыстия. В немецкой культуре – уже на уровне любви земной – это учение нашло свое преломление у Р.М. Рильке, создавшего миф об «интранзитивной» любви, не нуждающейся во взаимности и свою ценность находящей в себе самой. В этот контекст могут быть поставлены как многолетние отношения И. Брамса с вдовой Р. Шумана Кларой Вик, наглядно репрезентирующие миф интранзитивной любви, так и самое музыкальное содержание рассматриваемого сочинения. Если первые три «Напева» написаны на тексты о смерти, а четвертый – о любви, то внимательный анализ их музыкального материала показывает скрытую связь между темой «смерти» из III номера и темой «любви» из IV. Как показано в статье, эти темы могут быть не только сближены по отдельным гармоническим и мелодическим параметрам, но и *совмещены в одновременном звучании*, создавая, таким образом, единый музыкальный комплекс смерти-любви, выражающий основную мысль цикла. Независимо от знакомства Брамса с учением рейнских мистиков, указанное наблюдение позволяет наглядно продемонстрировать органическое единство христианской традиции, способной по-новому раскрывать свое содержание на различных горизонтах, выросшей из нее культуры.

Ключевые слова: И. Брамс, «Четыре строгих напева», рейнские мистики, интранзитивная любовь, философия музыки

1.

В XIX в. музыкальное искусство не раз становилось предметом осмысления философской мыслью. Достаточно вспомнить хотя бы имена А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора, чтобы подтвердить этот факт. А. Шопенгауэр считал, что точная передача в словах смысла музыки позволила бы объяснить мир (Шопенгауэр 2011. С. 213–214). С. Кьеркегор утверждал, что музыка есть язык того, что невыразимо словом (Кьеркегор 2011. С. 93). Правда, он смотрел на музыку как на язык того, что *ниже* слова – язык чувственности – и не рассматривал возможности музыки как языка мистико-трансцендентной реальности. Таким образом, вопрос, который мы должны поставить, сводится к тому, возможна ли музыка только как *sub-lingua* или и как *super-lingua* тоже? Именно с этой точки зрения будет ниже рассматриваться цикл Брамса.

2.

«Vier ernste Gesänge» на тексты из Библии написаны И. Брамсом незадолго до смерти, имея при этом некоторую «мистическую» связь и со смертью Клары Вик, вдовы Роберта Шумана. История взаимоотношений И. Брамса и Клары насчитывает более 40 лет. Она начинается еще при жизни Р. Шумана, в дом которого И. Брамс входит юным учеником маэстро. В последние безумные годы Р. Шумана И. Брамс трогательно заботился о нем и поддерживал Клару, однако это же обстоятельство послужило, по-видимому, пробуждению в них взаимной симпатии. Не претендуя на исчерпывающую оценку их отношений, отмечу только важные для дальнейшего моменты, опираясь на переписку И. Брамса и Клары, а также опубликованные выдержки из ее дневников.

Первоначально, по-видимому, более сильным и открытым было чувство И. Брамса, боготворившего Клару, хотя и не претендовавшего на реальное сближение (Clara Schumann – Johannes Brahms 1927. S. 187), и умевшего находить ценность любви в ней самой: «Я становлюсь все радостнее и спокойнее в моей любви к Вам, мне не достает Вас все больше, но я скучаю по Вас почти радостно, это вдруг стало так, и я знал это чувство уже однажды, и никогда не был я так согрет им [как теперь]» (Ibid. S. 129).

После смерти Р. Шумана роли постепенно меняются: любовь И. Брамса со временем перерастает в дружбу (Ibid. S. 275). Клара напротив испытывает по отношению к нему, по-видимому, более глубокие чувства (Ibid. S. 401, 557), однако вопреки им старается прежде всего сохранить его для музыки. Она готова не видеться с ним, чтобы не мешать ему работать (Ibid. S. 225, 542), хотя и не может иногда удержаться от жалобы, когда он совсем забывает о ней (Ibid. S. 313, 400; Schumann 1920. S. 449). Это не означает, однако, что ее любовь переросла в чисто материнское чувство: при обмене (по настоянию И. Брамса) письмами в 1887 г. она

уговаривает И. Брамса оставить ей самые дорогие, и такими оказываются для нее его именно ранние *Liebesbriefe* второй половины 50-х гг. (Schumann 1920. S. 491)¹.

Для характеристики обоих показательны письма, которыми они обмениваются в конце января – начале февраля 1861 г. «Мне иногда хочется того или другого, тебя, например, увидеть в первый раз», – пишет И. Брамс Кларе, – чтобы совершенно обновить мое восхищение [тобой]» (Clara Schumann – Johannes Brahms 1927. S. 348). На это Клара отвечает: «... я бы ни за что не хотела, чтобы ты снова увидел меня в первый раз, чтобы восхищаться мною (если это вообще когда-либо было возможно), лучше люби меня по-настоящему, – не так ли? – и всегда, и всегда – это лучшее из возможного» (Ibid. S. 350).

Отмечу еще, что, хотя в своей переписке и И. Брамс, и Клара затрагивают самые разные темы, обсуждая жизненные проблемы, делясь литературными и музыкальными впечатлениями, ее характерной чертой является почти полное отсутствие христианского, вообще религиозного контекста. Они традиционно поздравляют друг друга с Рождеством, но их религией скорее является искусство, музыка.

Возвращаясь же к «мистической» истории брамсовского цикла, напомним, что, хотя он считается написанными на смерть Клары, И. Брамс закончил его за несколько дней до ее смерти, не подозревая о ее состоянии. В письме к детям Клары он объяснил это тем таинственным началом, которое живет в человеке и может вдруг выразиться в стихах или музыке (Preissinger 1994. S. 121).

3.

И. Брамс пишет свои «Строгие напевы» в 1896 г., а менее, чем через 15 лет в свет выходит роман его младшего современника, Р.М. Рильке (1875–1896) «Записки Мальте Лауридса Бригге». В нем Рильке формулирует концепцию интранзитивной любви. Основные ее положения следующие: Существует принципиальное подразделение на любящих и любимых, в распределении ролей между которыми Рильке отдает явное предпочтение женщинам перед мужчинами, именно первым усваивая имя любящих (Rilke 1997. S. 171–172), ведь именно женщины «столетиями исполняли весь труд любви» (Ibid. S. 114). Любовь любящих свою ценность имеет сама в себе, а поэтому не зависит от случайностей судьбы и не нуждается в обладании предметом своей любви, чем и заслуживает свое название интранзитивной – «непереходной» (Ibid. S. 278; см. подробнее: Хондзинский 2018). Более того – обладание предметом любви только разрушило бы ее, так как лишило бы возможности жертвовать собой ради возлюбленного: «Любящая всегда превосходит воз-

¹ Подробнее см. в предисловии Марии Шуман к: Clara Schumann – Johannes Brahms 1927. s/p.

любленного... Ее жертва стремится быть безмерной: в этом ее счастье. Но безымянная мука ее любви всегда состоит в том, что от нее требуют ограничить эту жертву» (Rilke 1997. S. 171–172).

В своем романе Р.М. Рильке не только дает замечательный «коллективный» портрет любящих (Ibid. S. 115), но и называет наиболее выдающиеся имена, – имена Элоизы, Гаспары Стампа, а из ближайших к нему времен – Беттины фон Арним (переписывавшейся с И. Гёте), которой уделяет особое внимание. История Беттины особенно интересна для нас, т.к. описывает сходную ситуацию взаимоотношений любящей и гения. Однако сразу надо уточнить, что реальные обстоятельства жизни рилькевских героинь (в том числе и Беттины) не всегда безупречно вписываются в концепцию интранзитивной любви, и свою неотразимую убедительность в этом отношении обретают скорее непосредственно под пером поэта (Ibid. S. 170–171).

Наконец, важно отметить, что параллельно с концепцией «интранзитивной любви» Р.М. Рильке развивает в романе чем-то неуволимо ее напоминающее учение о «своей смерти». Теперь люди умирают, как придется, умирают смертью, соответствующей той или иной болезни (Ibid. S. 11), с иронией замечает Рильке, но, продолжает он уже всерьез, «раньше знали, (или, может быть, чувствовали), что в каждом живет его собственная смерть, как семя в плоду. У детей была своя маленькая смерть, у взрослых – своя большая. Женщины носили ее в лоне, а мужчины в груди. Ее *имели*, и это исполняло каждого своеобразным достоинством и тихой гордостью» (Ibid. S. 12).

Таким образом, между «интранзитивной» любовью и «своей» смертью возникает заметная параллель: обе определяются не внешними обстоятельствами, но внутренней жизнью субъекта; обе разделяют нас – одна с возлюбленными, другая с миром. Случайно ли это сходство?

4.

Для ответа на этот вопрос надо отступить на несколько столетий назад и обратиться к истории одного из важнейших направлений западной мистической традиции, связанного с именами так называемых «рейнских мистиков» – Майстера Экхарта, Таулера и др. Толкуя известный библейский стих *fortis est ut mors dilectio* (Песн. 8:6), они утверждали, что сильная, как смерть, любовь к Богу, подобна смерти не только потому, что разлучает человека с земными наслаждениями, но в конечном счете отнимает у него и духовные радости, и даже надежду на спасение, так как он любил бы Бога еще не совершенной – еще не вполне бескорыстной любовью, если бы желал получить от Него за нее воздаяние. Только достигшая этой «своей» смерти в любви душа оказывается достойной того, чтобы никогда не разлучаться с Богом («И куда же может

Ср.:
III

IV

Таким образом, между двумя темами возникает очевидная точка пересечения: пройдя через отмеченный гармонико-мелодический оборот,

тема смерти, может быть продолжена как тема «блаженства», и наоборот.

Наконец, эта же тема «блаженства» звучит в коде IV напева, представляющего собой и коду всего цикла, на текст «Aber die Liebe ist die grösste unter ihnen»³:

Если же мы теперь приравняем трехдольность (3/2) III напева к трехдольности (3/4) IV и, записав в Es-dur E-dur'ную тему «смерти-блага» из коды III, совместим ее с кодой IV, то неожиданно получим, уникальный по-видимому, для всей европейской музыкальной культуры «дуэт согласия» – дуэт *любви и смерти* и *сильной, как смерть, любви*⁴:

³ «unter ihnen» – «между ними», т.е. из числа трех: веры, надежды, любви.

⁴ Этот факт не отмечен никем в доступной нам западной и отечественной литературе.

6.

Подведем итоги. Еще в XIV в. рейнские мистики сформулировали парадоксальное учение о совершенной любви к Богу, главной характеристикой которой была незаинтересованность любящего в обладании Объектом любви. Свое библейское обоснование их учение находило в тексте VIII главы «Песни песней»: *Сильна как смерть любовь*. Мистическая трактовка этого текста подразумевала собой не только сопоставление силы смерти и силы любви, но и представление о тождественном характере действия той и другой: своей властью они отнимают у человека все, чем он мог бы владеть до встречи с ними.

Давший художественную репрезентацию той же идеи Р.М. Рильке по-своему сохранил в своей концепции параллелизм действия смерти и любви. При этом, рисуя образы «великих любящих», он не столько исходил из их реальных биографий, сколько конструировал миф интранзитивной любви.

Хотя история любви И. Брамса и Клары оставалась Рильке неизвестной, она также может быть представлена как одна из репрезентаций этого мифа, – репрезентацией, вполне удовлетворяющей всем его характеристикам. Во-первых, Клара и И. Брамс уклонились от близости, вполне возможной для них после смерти Р. Шумана. Во-вторых, в полном соответствии с концепцией Р.М. Рильке, мы видим, что И. Брамс, сперва романтически увлеченный Klarой, впоследствии охладевает или по крайней мере сублимирует свое чувство в творчестве, тогда как Клара сохраняет постоянство интранзитивной любви в гораздо большей степени, чем он. Бескорыстное восхищение его музыкой сливается для нее с бескорыстной любовью к ее творцу. В этом смысле она вполне может претендовать на роль «великой любящей», подобной в чем-то Беттине фон Арним в трактовке Рильке.

При этом ни Клара, ни И. Брамс не были теми, кого бы мы назвали сегодня практикующими христианами, и воспринимали церковь преимущественно через призму великой традиции немецкой духовной музыки.

В своей структуре воспроизводя формальную структуру лютеранского катехизиса, «*Vier ernste Gesänge*» превосходят его рационализм за счет глубины мистического подтекста. Если формальный переход от Ветхого завета к Новому, от смерти к любви, происходит при переходе от III напева к IV, то на деле, он совершается в точке золотого сечения цикла – внутри III напева, там, где появляется тема смерти-благодеяния, представляющая в итоге естественный контрапункт к теме любви из IV напева и образующая с нею *единый мелодико-гармонический комплекс*, создающий целостный образ блаженной смерти-любви.

Если же мы вернемся к поставленному в начале вопросу, о том возможна ли музыка как мистический *super-lingua*, то увидим, что рекон-

струированный выше музыкальный образ смерти-любви и занимает в «Строгих напевах», место высказывания, объединяющего единым внутренним смыслом тексты Писания, использованные в цикле (в тексте из Книги Премудрости Сираховой не говорится о любви, в тексте ап. Павла – о смерти).

Наконец, если нам и трудно судить сегодня о степени знакомства И. Брамса с учением рейнских мистиков, то это, вероятно, и не так важно. Гораздо важнее, кажется, отметить органическое внутреннее единство христианской традиции, мистическое зерно которой способно «саморазворачиваться» и приносить плоды на самых разных горизонтах выросшей из него культуры (Аверинцев 2001. С. 222) и, таким образом, свидетельствовать о своей жизненности и силе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аверинцев С.С.* София-Логос. Словарь. Киев, 2001. [*Averintsev S.S.* Sofiya-Logos. Slovar' (Sophia-Logos. A Dictionary). Kiev, 2001.]
- Корзо М.* Украинская и белорусская катехизическая традиция конца XVI – XVIII в. Становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007. [*Korzo M.* Ukrainskaya i belorusskaya katekhizicheskaya traditsiya kontsa XVI – XVIII v. Stanovlenie, evolyutsiya i problema zaimstvovaniy (Ukrainian and Belarusian Catechetical Tradition of the Late 16th–18th Century: Formation, Evolution and the Problem of Borrowings). Moscow, 2007.]
- Кьеркегор С.* Или – или. СПб., 2011. [*Kierkegaard S.* Ili – ili (Either/Or). St-Petersburg, 2011.]
- Хондзинский П.* Любящие, возлюбленные и разделяющая их любовь: концепция любви в романе Райнера Марии Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» // Филаретовский альманах. 2018. № 14. С. 17–36. [*Khondzinskii P.* Lyub-yashchie, vozlyublennye i razdelyayushchaya ikh lyubov': kontseptsiya lyubvi v romane Raynera Marii Ril'ke «Zapiski Mal'te Lauridsa Brigge» (The Lovings, the Beloveds and the Love Dividing Them: The Concept of Love in the Novel of Rainer Maria Rilke *The Notes of Malte Laurids Brigge*) // Filaretovskiy almanakh. 2018. № 14. S. 17–36.]
- Хондзинский П.* Средневековая проповедь *Fortis est ut mors dilectio* в контексте августинианской традиции // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. 2018. № 3. С. 130–139. [*Khondzinskii P.* Srednevekovaya propoved' *Fortis est ut mors dilectio* v kontekste avgustinianskoy traditsii (Medieval Sermon *Fortis est ut mors dilectio* in the Context of the Augustinian Tradition) // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2018. № 3. S. 130–139.]

- Шопенгауэр А.* Собрание сочинений. М., 2011. [*Schopenhauer A.* Sobranie sochineniy (Collected Works). Moscow, 2011.]
- Clara Schumann – Johannes Brahms. Briefe aus den Jahren 1853–1896. Im Auftrage von Marie Schumann herausgegeben von Bertold Litzmann: In 2 Bd. Leipzig, 1927. Bd. 1.
- Luff R.* Gedanken Meister Eckharts in der Lyrik Rainer Maria Rilke // Meister Eckhart Jahrbuch. 2017. Heft 4. S. 439–454.
- Meister Eckhart.* Schriften. Jena, 1934.
- Preissingner C.* Die vier ernsten Gesänge op. 121: Vokale und instrumentale Gestaltungsprinzipien im Werk von Johannes Brahms. Europäische Hochschulschriften: Musikwissenschaft. Frankfurt-am-Main, 1994.
- Rilke R.M.* Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge. Stuttgart, 1997.
- Schumann C.* Ein Künstlerleben nach Tagebüchern und Briefen / Hrsg. B. Litzmann. Leipzig, 1920. Bd. 3.

Pavel V. Khondzinskii

“FOUR SERIOUS SONGS” BY I. BRAHMS
IN THE CONTEXT OF THE GERMAN MYSTICAL TRADITION

The article examines the connection of J. Brahms' *Four Serious Songs*, written on biblical texts, with the German mystical tradition, dating back to the Rhenish mystics of the 14th century. It was they who formulated the doctrine of the love for God, strong as death (*Song of Solomon* 8:6), which is similar to death, since it deprives a person not only of what binds him to earthly life, but also of the very hope of salvation, thus gaining the perfection of its selflessness. The article shows that if the first three *Songs* are written on texts about the death, and the fourth is about the love, then the musical themes of the 'death' and 'love' can be combined in simultaneous sound, thus creating a single musical death-love complex that expresses the main idea of the cycle.

Key words: J. Brahms, *Four Serious Songs*, Rhenish mystics, intransitive love, philosophy of music

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-378-387

Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин

ИНГМАР ЯНССОН И РУССКО-СКАНДИНАВСКИЕ СВЯЗИ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Исследования русско-скандинавских связей эпохи викингов в Швеции последних десятилетий неразрывно связаны с именем известного шведского археолога Ингмара Янссона. Его научные труды вносят существенный вклад в изучение характера и форм взаимодействия славян, финнов и скандинавов, прежде всего, в Северной Руси. Неоценима его роль в установлении контактов, а затем в организации совместной работы российских, украинских и скандинавских археологов, в организации выставок и конференций.

Ключевые слова: эпоха викингов, русско-скандинавские связи, Ингмар Янссон

А.В. Назаренко всегда отличало внимание к исследованиям коллег, в том числе по смежным специальностям, особенно в связи с его интересом к международными контактам Руси, в том числе со Скандинавскими странами. При том, что сколько-нибудь существенного пополнения письменных источников, освещающих русско-скандинавские связи эпохи викингов, ожидать уже не приходится, особое значение имеют источники археологические, как с территории Восточной Европы, так и Скандинавского Севера. Их комплексное исследование в последние десятилетия принесло значительные плоды, позволившие радикально изменить и уточнить картину связей двух регионов, заполнить многие белые пятна в ней. Принципиально важный вклад в эти исследования был внесен Ингмаром Янссоном, крупнейшим специалистом в области восточноевропейских связей Скандинавии эпохи викингов, которому 11 сентября 2024 г. исполнилось 80 лет.

Известный шведский археолог Ингмар Янссон родился в Упсале, старом культурном и университетском центре Швеции, в семье известного шведского филолога Вальтера Янссона. Семейные традиции и насыщенность Упсалы и ее округа древними памятниками предопределили интересы будущего ученого. Археологию он начал изучать на кафедре археологии Упсальского университета, в 1971–1988 гг. был сотрудником Государственного Исторического музея в Стокгольме.

В 1988–1994 гг. в качестве исследователя-стажера он работал на кафедре археологии Стокгольмского университета и начал специализироваться в области восточноевропейско-скандинавских связей, после чего получил должность лектора. В 2002–2006 гг. заведовал этой кафедрой.

Докторская диссертация И. Янссона, защищенная в Упсальском университете, была посвящена систематизации массового материала – овалных (скорлупообразных) фибул, специфического элемента скандинавского женского костюма (Jansson 1985a). Основой работы стала коллекция главного шведского памятника эпохи викингов – могильника и поселения Бирки, но диссертант постарался учесть данные по всей Скандинавии, а также находки из других частей скандинавской ойкумены в поисках региональных особенностей фибул, как оказалось, весьма незначительных, и исследовал специфику их производства. Эту работу он продолжил при публикации систематизированного каталога находок из Бирки (см.: Фехнер, Пушкина 1987. С. 281–282). Как парадокс были восприняты статистические выводы И. Янссона, установившего, что число фибул, известных из древнерусских некрополей Тимерева и Гнёздова, соответствует их количеству, обнаруженному в Бирке (Jansson 1987. P. 786 ff.; краткий русскоязычный вариант – доклад на V Международном конгрессе славянской археологии в Киеве 1985 г.: Янссон 1987). Обилие овалных фибул в Восточной Европе указывало на присутствие на Руси большого количества женщин, носивших специфический скандинавский костюм. Естественно, наблюдения и выводы И. Янссона были существенны и для интерпретации находок фибул в Восточной Европе: выяснилась, в частности, возможность их простого производства – копирования образцов по оттиску в глиняной форме.

Исследование богатейшего археологического материала Средней Швеции традиционно – со времен Туре Арне – приводило археологов к проблеме связей Швеции и Востока: так называлась книга знаменитого шведского археолога, изданная в Упсале в 1914 г. по-французски: перевод на русский был осуществлен при информационной поддержке и с предисловием И. Янссона (Арне 2023). Интерес к восточным контактам Скандинавии Ингмар проявил еще до защиты своей диссертации: уже одна из его первых статей посвящена исландской находке ременной бляшки восточного типа (Jansson 1977); эти находки продолжают специально интересовать Ингмара в контексте широких связей с Востоком (в том числе с исламским миром: Jansson 1985b); их изучение было обобщено в специальной работе о восточных импортах в Скандинавии (Jansson 1988) и продолжено позднее (Янссон 1999a).

В 1970-е гг. И. Янссон изучает русский язык и в 1977 г. впервые приезжает в Москву: его встречу с российскими коллегами организовала

Т.А. Пушкина (работавшая в ГИМе и на кафедре археологии МГУ). С тех пор установились первоначально окказиональные, а с 1989 г. постоянные контакты шведских и восточноевропейских археологов, в организации которых И. Янссон принимал самое непосредственное участие: недаром в сборнике статей, изданном к его 65-летию, он назван «Туре Арне нашего времени» (Svedin 2007. P. 14).

Блестящий вещевед, И. Янссон, продолжая исследования археологических источников Швеции, уделял пристальное внимание находкам на территории Древней Руси. Его консультациями широко пользовались археологи, ведшие раскопки Гнёздова и Тимерёва, Ладоги и Городища, Киева и Шестовицы. Особый интерес вызывало у него «Рюриково» Городище (ныне в черте Новгорода Великого). Вместе с Е.Н. Носовым, руководителем раскопок на этом поселении, и другими археологами он публиковал новые находки, атрибуция которых была особенно сложна (Гайдуков, Носов, Янссон 1993; Носов, Горюнова и др. 1994; Янссон 1999б).

По мере расширения проблематики исследований и все большей вовлеченности в изучение русско-скандинавских связей в работах И. Янссона стал доминировать исторический подход к данным археологии – что было в традициях скандинавской историографии: история эпоха викингов во всех ее аспектах находится в сфере исследований археологов. Важным предметом обсуждения стала хронология скандинавских древностей в Восточной Европе, прежде всего – отсутствие выраженных комплексов IX в. (проблема, поставленная в 1970-е гг. Д.А. Авдусиным). Ингмар отмечал, что та же проблема существует и в связи с собственно скандинавскими древностями – IX в., время становления культуры эпохи викингов, слабо выражен в археологии восточной Скандинавии, кроме Бирки, – в западной Скандинавии, напротив, наиболее богатый период – именно IX в. Его соображения по этому вопросу нашли отражение в специальной работе, посвященной хронологии эпохи викингов (Jansson 1991).

С конца 1990-х гг. И. Янссон все чаще обращается к социальным и экономическим аспектам русско-скандинавских связей эпохи викингов. В поле его интересов было, прежде всего, определение места скандинавов в восточнославянском обществе, формы и результаты их деятельности в Восточной Европе. В статье «Связи Скандинавии и Восточной Европы: свидетельства археологии» И. Янссон впервые после классических работ Т. Арне (Arne 1914; 2023) и Х. Арбмана (Arbman 1955) кратко обобщил археологические материалы, накопленные с конца XIX в. и до 1980-х гг. (Jansson 1987; Янссон 1987). Особое внимание он уделил методам интерпретации материалов и выделения этноопределяющих

признаков – вопросам, которые волновали его и позднее. Аналитическая картина распространения и деятельности скандинавов в Восточной Европе севернее Оки в IX–X вв. представлена в его статье «Война, торговля или колонизация», написанной по докладу на международной конференции в Эребру (Швеция) в 1996 г. Автор отмечает, что первоначальным стимулом, привлекавшим скандинавов в Восточную Европу, была торговля, которая в последующее время была дополнена взиманием дани, военной деятельностью и, наконец, колонизацией в некоторых регионах Северной Руси. Завершением этих процессов была интеграция скандинавов в восточноевропейских обществах (Jansson 1997b. P. 54–55; популярное изложение на русском языке см.: Янссон 1998). Проблема взаимодействия разных этносов, славян, скандинавов, финнов, получила дальнейшее развитие в творчестве И. Янссона, который подчеркнул множественность интерпретаций термина «полиэтничность» и предложил свою трактовку определения «этническая группа». Он рассмотрел и сопоставил этнические ситуации в Хедебю, Бирке и Ярославском Поволжье и отметил особую специфику последней, где на протяжении IX–X вв. взаимодействовало несколько культурных традиций, которые в итоге слились в общую древнерусскую культуру (Янссон 2001). Важным вкладом в изучение ранних центров власти в Средней Швеции и на Руси стал его доклад на международной конференции в Полоцке (Янссон 2009). Подробно рассмотрев аргументацию шведских историков и религиоведов, отрицающих восточноевропейские/византийские влияния на христианизацию Швеции, И. Янссон показал, что археологический материал дает достаточно оснований полагать, что возвращавшиеся из Восточной Европы в X в. скандинавы были посредниками в передаче на север представлений о христианстве (Jansson 2005).

Интересы И. Янссона не ограничивались Восточной Европой. Он стремился познакомиться с памятниками Сибири и Средней Азии и посещал многие места археологических исследований и музеи СССР, а затем России. По следам шведского исследователя Сибири Фредерика Мартина (1868–1933) и Т. Арне он вместе со шведскими коллегами совершил поездку в Западную Сибирь по гранту Шведской Академии словесности, истории и древностей «Финно-угорская Сибирь – археологические и этнологические исследования Барсова городка и других мест в Западной Сибири» (Чемякин, Шатунов, Мальм, Нюгард 2002).

Важным результатом международного сотрудничества стали совместные мероприятия, в организацию которых Ингмар вкладывал много сил и энергии. В 1996 г. в Москве состоялись конференция и выставка «Путь из варяг в греки и из грек», организованные Государственным Историче-

ским музеем. Международный проект «Путь из варяг в греки» имел свое продолжение в Швеции и России (его участником до последних своих дней была Т.А. Пушкина). В том же, 1996 г., году состоялась выставка «Наследие варягов: диалог культур», подготовленная совместно Государственным музеем-заповедником «Московский Кремль» и Государственным Историческим музеем в Стокгольме: И. Янссон был «комиссаром» выставки со шведской стороны, ответственным редактором и автором статей каталога, вышедшего к открытию выставки на русском и английском языках (Наследие варягов 1996). Он принял участие в организованных казанскими исследователями международных симпозиумах, посвященных «Великому волжскому пути», а также в V и VI Международных конгрессах славянской археологии (Янссон 1987). По его инициативе и под его руководством было проведено несколько археологических симпозиумов в Эстонии, опубликованные материалы одного из которых широко освещали разносторонние связи Востока и Запада на Балтике (*Archaeology East and West of the Baltic* 1995).

Постоянным стало его участие в работах Новгородской экспедиции: вместе с Е.Н. Носовым и М. Мюллер-Вилле из Кёльнского университета он смог привлечь к работе в Новгородской земле коллектив палеоботаников (Alsleben, Jansson et al. 1993). Совместно с крупнейшим отечественным оружиеведом А.Н. Кирпичниковым Ингмар подготовил публикацию мечей из собрания Государственного Исторического музея в Стокгольме (Kirpichnikov, Thålin-Bergman, Jansson 2001). Большой библиофил, И. Янссон внимательно следил за публикациями восточноевропейских авторов и привлек своих российских коллег к составлению библиографического свода *Nordic Archaeological Abstracts* (NAA).

На протяжении многих лет Ингмар Янссон тесно сотрудничал с московскими и петербургскими археологами, участвовал в научных конференциях, читал лекции на кафедре археологии Московского университета. Благодаря усилиям И. Янссона десятки отечественных археологов получили возможность познакомиться с археологическими памятниками и материалами в музеях Скандинавии, и, более того, принять участие в раскопках, проводимых в Швеции: так, в 1991 г. Г.С. Лебедев, Т.А. Пушкина и В.Я. Петрухин попали на раскопки Бирки. Его вклад в изучение русско-скандинавских связей эпохи викингов и организацию совместных исследований российских и шведских археологов во многом определяет перспективы дальнейших исследований.

- Арне Т.* Швеция и Восток: Археологические исследования взаимоотношений Швеции и Востока в эпоху викингов / Пер. Н.А. Кренке; предисл. И. Янссона. М., 2023. [*Arne T. Shveciya i Vostok: Arheologicheskie issledovaniya vzaimootnoshenij Shvecii i Vostoka v epohu vikingov* (La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings) / Per. N.A. Krenke; predisl. I. Janssona. Moscow, 2023.]
- Гайдуков П.Г., Носов Е.Н., Янссон И.* Скандинавская равноплечная фибула типа Вальста из района истока Волхова // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1993. Вып. 7. С. 115–121. [*Gajdukov P.G., Nosov E.N., Jansson I. Skandinavskaya ravnoplechnaya fibula tipa Valsta iz rajona istoka Volhova* (Scandinavian Equal-Arm Fibula of the Valsta Type from the Area of the Volkhov River-Head) // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya*. 1993. Vyp. 7. S. 115–121.]
- Наследие варягов: диалог культур / The Viking Heritage – A Dialogue between Cultures / Отв. ред. И. Янссон. М.; Borås, 1996.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Дорофеева Т.С., Плохов А.В., Хвощинская Н.В., Янссон И.* Исследования Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1994. Вып. 9. С. 17–20. [*Nosov E.N., Goryunova V.M., Dorofeeva T.S., Plohov A.V., Hvoshchinskaya N.V., Jansson I. Issledovaniya Ryurikova gorodishcha* (The Study of the Rurik Gorodishche (Fortified Site)) // *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya*. 1994. Vyp. 9. S. 17–20.]
- Фехнер М.В., Пушкина Т.А.* [Рец.]. Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde/ Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1984 // СА. 1987. № 1. С. 279–284. [*Fekhner M.V., Pushkina T.A.* [Rev.]. Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde/ Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1984 // *Sovetskaya arheologiya*. 1987. № 1. S. 279–284.]
- Чемякин Ю., Шатунов Н., Мальм У., Нюгард П.* Барсов городок // Родина: Российский иллюстрированный журнал. Специальный выпуск: К I Международному Северному археологическому конгрессу в г. Ханты-Мансийске 2002 г. Ханты-Мансийск, 2002. С. 64–69. [*Chemiyakin Yu., Shatunov N., Malm U., Nyugård P. Barsov gorodok* (Barsov Town) // *Rodina: Rossijskij illyustrirovannyj zhurnal. Special'nyj vypusk: K I Mezhdunarodnomu Severnomu arheologicheskomu kongressu v g. Hanty-Mansijske 2002 g. Hanty-Mansijsk*, 2002. S. 64–69.]
- Янссон И.* Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 16. Секция V. М., 1987. С. 119–133. [*Jansson I. Kontakty mezhdru Rus'yu i Skandinaviej*

v epohu vikingov (The Contacts between Rus' and Scandinavia in the Viking Age) // Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoj arheologii. T. III, vyp. 1b. Sekciya V. Moscow, 1987. S. 119–133.]

Янссон И. Русь и варяги // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. [*Jansson I.* Rus' i varyagi (The Rus' and the Varangians) // Vikingi i slavyane. Uchenye, politiki, diplomaty o russko-skandinavskih otnosheniyah. St-Petersburg, 1998.]

Янссон И. «Восточный импорт» в Скандинавию VIII–XII вв. и Волжская Булгария // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков. Казань, 1999. С. 123–124. [*Jansson I.* «Vostochnyj import» v Skandinaviyu VIII–XII vv. i Volzhskaya Bulgariya (Oriental Imports to Scandinavia in the 8th to the 12th Century and Volga Bulgaria) // Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ya IX–XII vekov. Kazan', 1999. S. 123–124.] (a)

Янссон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикава городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 18–38. [*Jansson I.* Skandinavskie nahodki IX–X vv. s Ryurikova gorodishcha (Scandinavian Finds of the 9th and 10th Centuries from the Rurikovo Gorodishche) // Velikij Novgorod v istorii srednevekovoj Evropy. K 70-letiyu V.L. Yanina. Moscow, 1999. S. 18–38.] (б)

Янссон И. Восточная и Северная Европа в средневековье: К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // ДГ. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. тома Г.В. Глазырина. М., 2001. С. 116–126. [*Jansson I.* Vostochnaya i Severnaya Evropa v srednevekov'e: K voprosu o polietnichnyh obshchnostyah epohi vikingov (Eastern and Northern Europe in the Middle Ages: On the Polyethnic Communities in the Viking Age) // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1999 god: Vostochnaya i Severnaya Evropa v srednevekov'e / Отв. ред. тома G.V. Glazyrina. Moscow, 2001. S. 116–126.]

Янссон И. Королевские/княжеские центры эпохи викингов в Скандинавии и на Руси // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24–25 кастрычніка 2007 г.). Полацк, 2009. С. 208–232. [*Jansson I.* Korolevskie/knyazheskie centry epohi vikingov v Skandinavii i na Rusi (The Viking Age Kings'/Princes' Centers in Scandinavia and Rus') // Gistoryya i arheologiya Polacka i Polackaj zyamli: materyyaly V Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi (24–25 kastychnika 2007 g.). Polack, 2009. S. 208–232.]

Alsleben A., Jansson I., Hammar Th., Königsson L.-K. et al. Palaeobotanical Studies on Novgorod Land ca 400–1200 AD // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1993. Bd. 23. Heft 4. S. 527–535.

Arbman H. Svear i österviking. Stockholm, 1955.

- Archaeology East and West of the Baltic / Ed. I. Jansson. Stockholm, 1995.
- Arne T.J. La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur relations de la Suède et de l'Orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala, 1914.
- Cultural Interaction between East and West: Archaeology, Artefacts and Human Contacts in Northern Europe / Ed. U. Fransson et al. Stockholm, 2007.
- Jansson I. Ett rembeslag av orientalisk typ funnet på Island. Vikingatidens bälten och deras eurasiska sammanhang // Tor. 1977. B. 17. S. 383–420.
- Jansson I. Ovala spänbucklar. En studie av vikingatidens standartsmycken med utgångspunkt från Björköfynden. Uppsala, 1985. (a)
- Jansson I. Khazarerna i Ukraina, Pälsgjägare i Sibirien, Vikingar i Sverige // Islam: Konst och Kultur / Katalogsredaktör A. Richert. Stockholm, 1985. S. 180–192. (b)
- Jansson I. Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. The Archaeological Evidence // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Göttingen, 1987. Bd. 4. P. 773–807.
- Jansson I. Wikingerzeitlichen orientalischer Import in Skandinavien // Oldenburg – Wolin – Staraja Ladoga – Novgorod – Kiev. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Frankfurt am Main, 1988. Bd. 69. S. 564–647.
- Jansson I. År 970/971 och vikingatidens kronologi // Mammen: grav, kunst og samfund i vikingetid / Red. M. Iversen. Århus, 1991. S. 267–284.
- Jansson I. Svenska skatter i Kreml // En årskrönika från Statens historiska museer. 1996. Stockholm, 1997. S. 6–7. (a)
- Jansson I. Warfare, Trade or Colonisation? Some General Remarks on the Eastern Expansion of the Scandinavians in the Viking Period // The Rural Viking in Russia and Sweden / Ed. P. Hansson. Örebro, 1997. P. 9–64. (b)
- Jansson I. 'Oriental Import' into Scandinavia in the 8th–12th Centuries and the Role of Volga Bulgaria // Международные связи, торговые пути и города среднего Поволжья в IX–XII вв. Мат-лы международного симпозиума. Казань, 1999. С. 116–122. [Jansson I. 'Oriental Import' into Scandinavia in the 8th–12th Centuries and the Role of Volga Bulgaria // Mezhdunarodnye svyazi, torgovye puti i goroda srednego Povolzh'ya v IX–XII vv. Mat-ly mezhdunarodnogo simpoziuma. Kazan', 1999. S. 116–122.]
- Jansson I. Situationen i Norden och Östeuropa för 1000 år sedan – en arkaeologs synpunkter på frågan om östkristna inflytanden under missionstiden // Från Bysanz till Norden: Östliga kyrkoinfluenser under vikingatid och tidig medeltid / Ed. H. Janson. Malmö, 2005. P. 37–96.
- Kirpichnikov A.N., Thålin-Bergman L., Jansson I. A New Analysis of Viking-Age Swords from the Collection of the Statens Historiska Museum, Stockholm // Sweden/Russian History. 2001. Vol. 28 (1). P. 221–244.
- Svedin M. Ingmar Jansson – a «Ture Arne» of Our Time // Cultural Interaction between East and West / Ed. U. Fransson et al. Stockholm, 2007. P. 14–24.

Elena A. Melnikova, Vladimir Ya. Petrukhin

INGMAR JANSSON
AND THE RUSSIAN AND SCANDINAVIAN CONTACTS
IN THE VIKING AGE

The studies of the Russian and Scandinavian contacts in the Viking Age in the last decades are inseparably linked with the name of a prominent Swedish archaeologist Ingmar Jansson. His scientific works make a major contribution to the examination of the character and forms of interaction between the Slavs, the Finns, and the Scandinavians. His role in establishing contacts and then in organizing the joint work of Russian, Ukrainian, and Scandinavian archaeologists, in arranging exhibitions and conferences is invaluable.

Keywords: Viking Age, Russian and Scandinavian connections, Ingmar Jansson
DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-388-396

Т.Н. Джаксон

О ВРЕМЕНИ В ИСЛАНДСКИХ САГАХ: *O'Donoghue H.*
Narrative in the Icelandic Family Saga: Meanings of Time
in Old Norse Literature. L.; N.Y.; Oxford; New Delhi; Sydney:
Bloomsbury Academic, 2021. 224 p.

Рецензируемая книга посвящена времени действия исландских родовых саг и тому, как оно в них представлено. Записанные преимущественно в XIII в., эти саги рассказывают о событиях «века саг», периода с 930 по 1030 г. Анонимный автор и «объективный» рассказчик, которому излагаемая им история известна от начала до конца, проводит своего слушателя/читателя через все перипетии повествования и погружает его во временное пространство своего нарратива, в так называемое «третье время», позволяя ему самому судить о жизни в «век саг».

Ключевые слова: время, исландские саги, событие/история, рассказ/повествование, мир текста, «третье время»

Известный английский специалист в области древнескандинавской литературы Х. О'Доноху опубликовала монографию «Повествование в исландской родовой саге: значения времени в древнескандинавской литературе» (O'Donoghue 2021). Времени в средневековой литературе, и в исландских сагах в частности, уделялось не слишком много внимания в исследовательской литературе, что отмечал в 1982 г. А.Я. Гуревич и с уверенностью повторил через три с половиной десятилетия К. Фелпстед (Гуревич 1982; Phelpstead 2017). В последние годы интерес к этой проблематике среди саговедов, однако, возрос¹, что объясняется, на мой взгляд, их обращением к теории повествовательного дискурса, привнесенной из более широкого поля литературоведения и нарратологии (см.: Джаксон

---

¹ В частности, в 2020 г. в Праге и Рейкьявике были защищены две диссертации, посвященные времени в исландских сагах и опубликованные в виде монографий: это работы Кр. Краловой «Быстро течет мимолетное время: различные представления о времени в разных древнескандинавских жанрах и их причины» (Králová 2020) и М. Чеолин «Многогранность времени. Исчисление, представление и понимание времени в средневековой Исландии» (Ceolin 2020).

2023). Основными авторитетами в этой связи выступают маститый французский структуралист Ж. Женетт (Genette 1972a; Genette 1972b; Женетт 1998) и один из ведущих представителей французской герменевтики П. Рикёр (Ricoeur 1983–1991). Ж. Женетт выделял «три аспекта повествовательной реальности», а именно «история» (фр. *histoire*, англ. *story*) – «для повествовательного означаемого или содержания», «повествование» в собственном смысле (фр. *récit*, англ. *narrative*) – «для означаемого, высказывания, дискурса или собственно повествовательного текста» и «наррация» (фр. *narration*, англ. *narrating*) – «для порождающего повествовательного акта и, расширительно, для всей в целом реальной или вымышленной ситуации, в которой соответствующий акт имеет место» (Женетт 1998. Т. 2. С. 64). Однако основной акцент в работе Женетта делается на соотношении «времени истории» и «времени дискурса». По утверждению П. Рикёра, «необходима трехуровневая схема: акт высказывания–высказывание–мир текста; им соответствуют время рассказа, рассказываемое время, вымышленный опыт времени, который создается соединением-разъединением между временем, требуемым для рассказа, и рассказываемым временем» (Рикёр 2000. Т. 2. С. 84). Активным действующим лицом, формирующим «мир текста» и, соответственно, «третье время», выступает в этой схеме повествователь-автор, которого у исландских саг нет. Порой создается впечатление, что саговый рассказ существует сам по себе, а повествовательный голос просто передает его без вмешательства или участия. Роль творческого автора вытеснена, а полная анонимность родовых саг (как и большинства саг других видов) усиливает это впечатление отсутствия.

Исландские саги как жанр, и это признано всеми исследователями, отличает «объективность», суть которой состоит в том, что автор как бы ничего не знает о мыслях, чувствах, переживаниях, планах своих персонажей, он словно бы регистрирует события и факты. До середины прошлого века представление о так называемой эпической объективности саг и объективной нейтральной точке зрения их авторов было господствующим. Однако постепенно было доказано, что объективность саг и отсутствие в них авторского участия – мнимые, что это вполне сознательный прием и что позицию стороннего наблюдателя авторы саг XIII в. заимствуют у устных рассказчиков. Если хорошо присмотреться к текстам саг, то делается очевидным, что автор – со своего места во времени и пространстве – присутствует в саге объяснениями, ссылками, суждениями. Его нарратив оказывается не случайно организованным, а тщательно выстроенным. Такого рода авторскому проникновению в текст саги в третьей четверти прошлого века было посвящено значительное число работ (их обзор см.: Джаксон 1981). Х. О’Доноху отмечает в предисло-

вии к своей книге, что она ставит целью выйти за пределы поверхностного впечатления о незаметном и отстраненном рассказчике и показать, как авторы саг изобретали способы, позволявшие поведать слушателям о внутренней жизни действующих лиц, высказать свои суждения о событиях или персонажах, а также управлять повествовательной линией так, чтобы изобразить хронологическую беспристрастность исторического повествования или хроники. Для этого она использует в первую очередь труды Ж. Женетта. Она также стремится показать, как эта особая роль и позиция рассказчика являются решающим фактором в нашем восприятии того, как авторы родовых саг создавали и представляли время. В этом она опирается на работы П. Рикёра (O'Donoghue 2021. P. 3).

Отправной точкой монографического исследования Х. О'Доноху выступает уверенность в том, что, выстраивая саговый нарратив, его авторы представляли себе и формировали некий временной блок, занимая при этом позицию знания о прошлом, настоящем и будущем, каковую перспективу времени Боэций называл *totum simul*, «всё сразу» (Ibid. P. 3).

Первая глава посвящена тому, что исследовательница называет «внешним (*external*), хронологическим временем». Самые общие временные рамки здесь задает «век саг», *söguöld* (как принято называть период с 930 по 1030 г.), в котором происходит действие исландских родовых саг в целом и который маркируется крупными историческими событиями – завершением заселения острова (начавшегося после 874 г.), принятием христианства (в 999 или 1000 г.)², годами правления отдельных норвежских правителей. Конкретные события в повествовании привязаны именно к ним. Это вовсе не воображаемое время, как нередко бывает, скажем, в сагах о древних временах. Данный большой промежуток времени также часто в конечном счете связан с настоящим временем рассказчика родовой саги, который находится вне повествования и, следовательно, занимает позицию аналогичную позиции читателя или слушателя. Рассказ строится преимущественно в хронологическом порядке. В сагах присутствует акцент на реальном течении внешнего времени – смене дня и ночи, зимы и лета, последовательности календарных циклов, отмеченных как христианскими (например, Пасха), так и дохристианскими (например, Йоль) праздниками. Кроме того, у отдельно взятых родовых саг имеются свои собственные временные и пространственные рамки.

² Эта неоднозначность в датировании одного из важнейших событий в истории Исландии – принятия голосованием на альтинге христианства – обнаружена Оулавией Эйнарседохтир. Проблема заключается в том, что, согласно источникам, альтинг состоялся *в тот же год*, когда, между 9 и 11 сентября, пал в битве у Свёльда норвежский конунг Олав Трюгвасон, но мы не знаем, какой системой летосчисления пользовались Ари Мудрый, Сэмунд Мудрый и Одд Сноррасон: если год для них начинался 24 сентября, то оба события приходятся на 999 г., а если 1 сентября, то на 1000 г. (Ólafía Einarsdóttir 1967).

При этом находящийся за временными рамками повествования рассказчик повествует о завершённом, прошедшем прошлом, и его положение над и вне повествования нередко оказывается очевидным.

Во второй и третьей главах Х. О'Доноху обращается на материале шести родовых саг («Саги о Ньяле», «Саги о Людях из Лососьей Долины», «Саги о Греттире», «Саги о Людях с Песчаного Берега», «Саги о Хравнкеле» и «Саги о Гисли») к анализу того, что Ж. Женетт назвал «игрой со временем» (*game with time*), выделяя для рассмотрения две основные единицы такой «игры» – «продолжительность» (*duration*) и «последовательность» (*order*). «Продолжительность, или длительность», – это несоразмерность между временем, которое события заняли бы в реальной жизни, и тем временем, которое требуется, чтобы рассказать о них. Например, в случае с генеалогическим материалом охваченный временной отрезок относительно велик, а время необходимое для его записи/чтения относительно коротко. «Продолжительность» варьируется от «эллипсиса» (*ellipsis*, по Ж. Женетту) типа «прошло несколько лет» или «краткого изложения» (*summary*) до «сцены» (*scene*) с диалогами (представляющими собой пример изохронии: время действия и сообщения примерно равны) и «паузы» (*pause*), в которых рассказчика саги можно ощутить не просто как абстрактный голос, но как активную силу, формирующую это повествование. Что касается «последовательности», то суть ее в том, что, отходя от естественного, или хронологического, порядка событий, авторы превращают условную фабулу в реальный повествовательный сюжет. Однако в родовых сагах очень мало повествовательной анахронии, и сюжет не сильно отличается от фабулы. Вслед за Ж. Женеттом О'Доноху различает две основные формы анахронии: «пролепсис» (*prolepsis*), при котором событие, которое не должно произойти до определенного момента в будущем, описывается или упоминается заранее; и «аналепсис» (*analepsis*), при котором событие, произошедшее в более ранний момент истории или дискурса, чем настоящий момент повествования, рассказывается или упоминается в более поздней точке повествования. Будущее присутствует в виде пророчеств, предсказаний, обещаний и проч., а прошлое – в воспоминаниях, но всё это происходит в мире повествования, потому что и предсказывают будущее, и вспоминают прошлое сами персонажи саги. Начиная с демонстрации характерных нарративных стратегий родовых саг – отсутствующий рассказчик и хронологическое упорядочение повествования, – О'Доноху останавливает преимущественное внимание в этой части своего исследования на анализе отклонений от данной нормы.

В двух заключительных главах своей монографии Х. О'Доноху рассматривает нарративы избранных ею к анализу шести исландских родо-

вых саг как примеры того, что П. Рикёр называет «третьим временем», а именно временем, созданным самим повествованием. Четвертая глава посвящена, как она это называет, «голосу безмолвного рассказчика». В нем нет «окрашивания», т.е. использования эмоциональных наречий, несущих этическую оценку, нет «интериорности», т.е. всеведения относительно чувств или мотивов поступков персонажей. Повествовательный голос звучит так, словно он просто фиксирует то, что произошло. Именно это создает повествование, которое движется во времени, как кажется, без вмешательства автора или рассказчика, с нередкими уточнениями типа «как говорится». Данные формулы, а также информация о прошлых событиях и редкие намеки на сегодняшний день рассказчика с очевидностью помещают повествовательный голос вне временного диапазона самого рассказа. В пятой главе О'Доноху исследует способы, которыми автор саги, со своей позиции *totum simul*, тщательно скрывает от читателя или слушателя полное знание того, что произошло. Автор саги уже знает, что произошло, но этого не знают не только слушатели/читатели саги, но и герои повествования. Наибольшее внимание она уделяет явлению, обозначенному П. Рикёром как «двойная темпоральность», суть которого заключается в том, что слушатель/читатель саги одновременно со взглядом на текст с точки зрения *totum simul* также проживает и его нарративное время, «третье время», по П. Рикёру. Исследовательница демонстрирует, что безличная позиция авторов саг позволяет их аудитории (слушателям, читателям) погрузиться в «третье» (повествовательное) время и самим судить о жизни в «век саг», ибо саги выступают репрезентацией минувшего прошлого.

Работу Х. О'Доноху отличает необычайная целостность. Все нарратологические теории и методики, примененные ею, работают на то, чтобы продемонстрировать, как авторам саг удастся, сохраняя в общем и целом безличную позицию и фундаментальный статус саг как репрезентации минувшего прошлого, позволить своей аудитории ощутить – без всякого нарративного руководства – текущий момент мира повествования. Ею были взяты к анализу всего шесть родовых саг, но на этом вполне ограниченном материале она провела детальное исследование, методы которого можно будет в дальнейшем применить к древнеисландской прозе других видов и жанров.

- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1982. [*Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoy kul'tury (Categories of Medieval Culture). 2-e izd. Moscow, 1982.*]
- Джаксон Т.Н. О творческой активности автора «Хеймскринглы» (Проблема авторского присутствия в повествовании) // ДГ. 1981 год. М., 1983. С. 147–174. [*Jackson T.N. O tvorcheskoj aktivnosti avtora «Heimskringly» (Problema avtorskogo prisutstviya v povestvovanii) (On the Creative Activity of the Author of “Heimskringla” (The Problem of the Author’s Presence in the Narrative)) // Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. 1981 god. Moscow, 1983. S. 147–174.*]
- Джаксон Т.Н. Саги во времени и время в сагах: попытка историографического обзора // ЭНОЖ «История». 2023. Т. 14. Вып. 12 (134). Ч. 1. <https://ras.jes.su/history/s207987840028467-2-1>. [*Jackson T.N. Sagi vo vremeni i vremena v sagah: popytka istoriograficheskogo obzora (Sagas in Time and Time in the Sagas: an attempt at a historiographical review) // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2023. T. 14. Vyp. 12 (134). Ch. 1. https://ras.jes.su/history/s207987840028467-2-1.*]
- Женетт Ж. Фигуры / Пер. Н.В. Перцова. М., 1998. Т. 1–2. [*Genette G. Figury (Figures) / Per. N.V. Pertsov. Moscow, 1998. T. 1–2.*]
- Рикёр П. Время и рассказ. Конфигурации в вымышленном рассказе / Пер. Т.В. Славко. М.; СПб., 2000. Т. 1–2. [*Ricoeur P. Vremya i rasskaz. Konfiguracii v vymyshlennom rasskaze (Time and Story. Configurations in a Fictional Story) / Per. T.V. Slavko. Moscow; St. Petersburg, 2000. T. 1–2.*]
- Ceolin M. The Multiple Facets of Time: Reckoning, Representing, and Understanding Time in Medieval Iceland. Dissertation towards the degree of Doctor of Philosophy. University of Iceland. School of Humanities. Faculty of Icelandic and Comparative Cultural Studies. Reykjavík, 2020.
- Genette G. Discours du récit. P., 1972. (a)
- Genette G. Narrative Discourse: An Essay in Method / Tr. by J.E. Lewin. Ithaca; N.Y., 1972. (b)
- Králová K. Fast Goes the Fleeting Time: The Miscellaneous Concepts of Time in Different Old Norse Genres and Their Causes. München, 2020. (Münchner Nordistische Studien; 39).
- O'Donoghue H. Narrative in the Icelandic Family Saga: Meanings of Time in Old Norse Literature. L.; N.Y.; Oxford; New Delhi; Sydney, 2021.
- Ólafía Einarsdóttir. Árið 1000 // Skirnir. 1967. No. 141. Bls. 128–138.

Phelpstead C. Time // The Routledge Research Companion to the Medieval Icelandic Sagas / Ed. by Ármann Jakobsson and Sverrir Jakobsson. L.; N.Y., 2017. P. 187–197.

Ricoeur P. Temps et récit. P., 1983–1991. Vol. 1–3.

Tatjana N. Jackson

ON TIME IN THE ICELANDIC SAGAS: O'Donoghue H. Narrative in the Icelandic Family Saga: Meanings of Time in Old Norse Literature. L.; N.Y.; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2021. 224 p.

The book under review is devoted to the time of action of the Icelandic family sagas and demonstrates how it is presented in them. Written down mainly in the thirteenth century, these sagas tell about the events of the “saga age”, a period from 930 to 1030. The anonymous author and “objective” narrator, who knows the story he tells from beginning to end, leads his listener/reader through all the vicissitudes of his story and immerses him in the temporal space of his narrative, the so-called “third time”, enabling him to judge life in the “saga age”.

Keywords: time, Icelandic sagas, event/story, narrative, text, the “third time”

DOI: 10.32608/1560-1382-2024-45-397-403

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи МИД РФ
АИ	Акты исторические. СПб.
БА	«Большой Апологетик» Никифора I Исповедника, патриарха Константинопольского
БАН	Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)
БЛДР	Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997–2020. Т. 1–20.
ВВ	Византийский временник. М.
ВЕДС	Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М.
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.
ВМЧ	Великие Минеи Четии
ГБ ХI	13 Слов Григория Богослова (РНБ. Q.п.1.16)
ГБЛ	Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ныне РГБ)
ГВНП	Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.
ГВСМЗ	Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
ГМИР	Государственный музей истории религий (Санкт-Петербург)
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея (Москва)
ДГ	Древнейшие государства Восточной Европы (до 1990 г. – Древнейшие государства на территории СССР). М.
ДДГ	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин; Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950.
ДКУ	Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Щапов. М., 1976.
ДРВМ	Древняя Русь: Вопросы медиевистики. М.
ДРИ	Древнерусское искусство. М. (с 1995 г.: СПб.)
ДРСЗИ	Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2009–2010. Т. 1–5.
ЖМНП	Журнал министерства народного просвещения. СПб.
ИГ	Историческая грамматика древнерусского языка. М., 2006. Т. 3: <i>Кузнецов А.М., Иорданиди С.И., Крысько В.Б.</i> Прилагательные.
ИЗ	Исторические записки. М.
ИППО	Императорское Православное палестинское общество
КДА	Киевская Духовная академия
КСИА	Краткие сообщения института археологии АН СССР (РАН). М.

Лавр.	Лаврентьевская летопись
ЛПС	Летописец Переяславля-Суздальского
М.-А.	Московско-Академическая летопись
МИД	Министерство иностранных дел
МДА	Московская Духовная академия
НИУ ВШЭ	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)
Н1	Новгородская I летопись
Н1мл.	Новгородская I летопись младшего извода
Н1ст.	Новгородская I летопись старшего извода (Синодальный список)
НПЛ	Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1950 (репринт. переизд.: М., 2000 = ПСРЛ. Т. 3).
НС	Начальный свод
ОИДР	Императорское Общество истории и древностей Российских при Московском университете (Москва)
ОР	Отдел рукописей
ПВЛ	1) «Повесть временных лет», 2) Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, подгот. М. Б. Свердлов. СПб., 1996.
ПДКП	Памятники древнерусского канонического права. 2-е изд. СПб., 1908. Ч. 1 (Памятники XI–XV вв.).
ПЛДР	Памятники литературы Древней Руси. М.
ППС	Православный Палестинский сборник
ПРП	Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Сост. А.А. Зимин.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. Ч. 1–3. (репр. переизд.: М., 1997). Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1843. (репр. переизд.: М., 1998). Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000 (репр. издания: НПЛ). Т. 4. Вып. 1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 686 с. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Т. 7: Воскресенская летопись. СПб., 1856. Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859 (репр. переизд.: М., 2001).

- Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1882 (репринт. переизд.: М., 2000).
- Т. 14: Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси; Новый летописец»; Указатели к никоновской летописи (IX–XIV тт.). М., 1965.
- Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец. Пг., 1922 (репр. переизд.: М., 2000).
- Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913 (репр. переизд.: М., 2007).
- Т. 24: Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921 (репр. переизд.: М., 2000).
- Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949 (репр. переизд.: М., 2004).
- Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989.
- Т. 41: Летописец Переяславля Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995.
- Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
- ПСТГУ Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)
- ПЭ Православная энциклопедия. М.
- РА Российская археология. М.
- Радз. Радзивилловская летопись
- РАИК Русский Археологический институт в Константинополе
- РАО Русское Археологическое общество
- РГАДА Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГБ Российская государственная библиотека (Москва)
- РГИА Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- РДМ Русская Духовная миссия в Иерусалиме
- РИБ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб. (Пг./Л.), 1872–1927. Т. 1–39.
- РНБ Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- РПЦЗ Русская Православная Церковь Заграницей
- РКСП Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. Вып. 1. Л., 1988.
- СА Советская археология. М.
- СДРЯ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–2023–. Т. 1–13–.
- СЗБ «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона
- СК XI–XIII Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв., хранящихся в СССР. М., 1984.

- СК XIV Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. М., 2002. Вып. 1.
- СлРЯ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. М., 1975–2019–.
- СМС Славянский Минейный стихирарь (по рукописям XII–XIII вв.). М., 2022. Т. 1: *Пузина М.А., Крысько В.Б.* Тексты и комментарии.
- СПБДА Санкт-Петербургская Духовная Академия
- СР Средневековая Русь. М.
- СХ Салернская хроника / Введ., пер. и коммент. О.С. Воскобойникова. М., 2020.
- ТГУПБП Таджикский Государственный университет права, бизнеса и политики (Худжанд)
- ТГЭ Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
- ТОДРЛ Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом). Л., СПб.
- ЧОИДР Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.
- АНГ III *Analecta Hymnica Graeca e codicibus eruta Italiae inferioris. III. Canones Novembris / Ed. A. Kominis. Roma, 1972.*
- АТ *Aarne A., Thompson S. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. 2nd rev. ed. Helsinki, 1973.*
- BGA Bibliotheca geographorum arabicorum
- BGA I *Viae Regnorum: Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisi al-Istakhri / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Brill, 1870. 2 ed.: Lugduni Batavorum, 1927.*
- BGA II *Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim ibn Haukal / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Brill, 1873.*
- BGA II-2 *Opus geographicum: secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in bibliotheca antiqui palatii No. 3346 cui titulus est "Liber imaginis terrae", auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Nasībī) / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitibus J.H. Kramers. Vol. I–II. Lugduni Batavorum: Brill, 1938–1939.*
- BGA III *Descriptio Imperii Moslemici auctore... Schamso'd-dîn Abū 'Abdollah Mohammed ibn Ahmed ibn Abî Bekr al-Bannâ' al-Bashschârî al-Mokaddasî / Ed. by M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1877.*
- BGA IV *Indices, glossarium et addenda et emendanda ad part I–III / Compiled by M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Brill, 1879.*

- BGA V Compendium libri Kitâb al-Boldân auctore Ibn al-Fakîh al-Hamadhâni / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Brill, 1885.
- BGA VI Kitâb al-masâlik wa'l-mamâlik (Liber viarum et regionum) auctore ... Ibn Khordâdhbeh et excerpta e Kitâb al-kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Brill, 1889.
- BGA VII Kitâb al-A'lâk an-nafisa VII auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitâb al-Boldân, auctore Ahmed ibn Jakûb ibn Wâdhîh al-Kâtib al-Jakûbî / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Brill, 1892.
- BGA VIII Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf auctore al-Masûdî... / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Brill, 1894.
- ChS Chronicon Salernitanum / A Critical Edition with Studies on Literary and Historical Sources and on Language by U. Westerbergh Stockholm; Lund, 1956. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Latina Stockholmiensia; 3).
- DAI *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio* / Ed. R.G.H. Jenkins and Gy. Moravcsik. Vol. 1: Greek Text and English Translation. Washington (D.C.), 1967. Vol. 2: Commentary. Washington (D.C.), 1962.
- DHA Diplomata Hungariae antiquissima. Budapestini, 1992. Vol. 1: 1000–1131 / Ed. operi praefuit G. Györffy.
- DOP Dumbarton Oaks Papers. Washington (D.C.).
- EO Échos d'Orient. P.
- ÍF Íslenzk fornrit. Reykjavík: Hið íslenzka fornritafélag, 1958–
- KMTL Korai magyar történeti lexikon (9.–14. század) / Főszerk. Kr. Gy. Budapest, 1994.
- LCI Lexikon der christlichen Ikonographie / Hrsg. E. Kirschbaum, W. Braunfels. Rom; Freiburg; Basel; Wien.
- LS *Liddell H.G., Scott R.A. Greek-English Lexicon* / Rev. and augm. by H.S. Jones. Oxford, 1996.
- MGH Monumenta Germaniae historica.
- MGH SS Monumenta Germaniae historica. Series scriptores.
- MR II Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Τ. Β'. Ἐν Ῥώμῃ, 1892. (Mhnaia tou holou eniautou / Menaia for the whole year; 2).
- PG Patrologiae cursus completus. Series graeca / Accurante J.-P. Migne. P.
- PL Patrologiae cursus completus. Series latina / Accurante J.-P. Migne. P.
- PmbZ Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit // <https://www.degruyter.com/database/pmbz/html>
- REB Revue des études byzantines. P.

- ŘSI
Sept.   Řecko-staroslověnský index. T. I, fasc. 1–8–. Praha, 2008–2014–.
Bibeldigital: Septuaginta deutsch. Das griechische Alte Testament
in deutscher Übersetzung / Hrsg. v. W. Kraus, M. Karrer. Stuttgart,
2010. (CD-ROM)
- SJS
SPP   Slovník jazyka staroslověnského. I–IV. Praha, 1958–1997.
Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum: Codex Palaeoslavi-
cus n° 34.7.6 Bibliothecae Academiae Scientiarum Rossicae pho-
totypice depictus / Ed. cur. N. Schidlovsky. Pars principalis. Hau-
niae, 2000.
- SRH   Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis
Arpadianae gestarum / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. I–II.
Budapestini, 1937–1938.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Артамонов** Юрий Александрович – канд. ист. наук, науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН, начальник кафедры истории государства и права Московского университета МВД РФ им. В.Я. Кикотя, ст. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН.. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. artamonov5@yandex.ru
- Беляев** Леонид Андреевич – д-р ист. наук, член-корр. РАН, зав. отделом Московской Руси, Ин-т археологии РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19. labeliaev@bk.ru
- Бибиков** Михаил Вадимович – д-р ист. наук, проф., главн. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. mbibikov@mail.ru
- Бутова** Ритта Борисовна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19. rittabutova@mail.ru
- Виноградов** Андрей Юрьевич – д-р ист. наук, проф. Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Москва, Россия, 101000, ул. Мясницкая, 20. ampelios@gmail.com
- Гимон** Тимофей Валентинович – д-р ист. наук, проф. РАН, проф. исторического фак-та Гос. акад. ун-та гуманитар. наук. Москва, Россия, 119049, Мароновский пер., 26. guimontv@mail.ru
- Горский** Антон Анатольевич – д-р ист. наук, проф., зам. директора Ин-та российской истории РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19. gor-ks@yandex.ru
- Гуминский** Виктор Мирославович – д-р филол. наук, проф., главн. научн. сотр. Ин-та мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Москва, Россия, 121069, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1. gumins@rinet.ru
- Джаксон** Татьяна Николаевна – д-р ист. наук, главн. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. Tatjana.Jackson@gmail.com
- Калинина** Татьяна Михайловна – канд. ист. наук, ст. научн. сотр. Института всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. tmka@yandex.ru
- Карпов** Алексей Юрьевич – независимый исследователь. Москва, Россия, 125212, Ленинградское шоссе, д. 31, кв. 59. karpov-izdat@mail.ru
- Каштанов** Сергей Михайлович – д-р ист. наук, член-корр. РАН, главн. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. kashtanov-y@mail.ru
- Квливидзе** Нина Валериевна – канд. искусствоведения, доц. Российского госуд. гуманитарного ун-та, зав. кафедрой истории и теории церковного искусства Московской духовной академии. Московская область, г. Сергиев Посад, Россия, 141300, Троице-Сергиева Лавра, Академия. ninakvividze@mail.ru

- Коньявская** Елена Леонидовна – д-р филол. наук, главн. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19. ekonyavskaya@gmail.com
- Крысько** Вадим Борисович – д-р филол. наук, проф., гл. науч. сотр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия, 119019, Волхонка, 18/2. vbkrysko@yandex.ru
- Кузенков** Павел Владимирович – канд. ист. наук, доц., ст. научн. сотр. Ин-та общественных наук и международных отношений Севастопольского госуд. ун-та. Севастополь, Россия, 299053, ул. Университетская, 33. pk407@mail.ru
- Кучкин** Владимир Андреевич – д-р ист. наук, главн. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19. kuchkin_va@mail.ru
- Литвина** Анна Феликсовна – канд. филол. наук, вед. научн. сотр. Лаборатории лингвосемиотических исследований НИУ ВШЭ, доц. Школы филологии НИУ ВШЭ. Москва, Россия, 101000, ул. Мясницкая, 20. annalitvina@gmail.com
- Литовских** Елена Владимировна – канд. ист. наук, доц. исторического фак-та Гос. акад. ун-та гуманитар. наук. Москва, Россия, 119049, Мароновский пер., 26. elitovskih@mail.ru
- Лукин** Павел Владимирович – д-р ист. наук, проф. РАН, главн. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19. lukinpavel@yandex.ru
- Мельникова** Елена Александровна – д-р ист. наук, главн. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. melnikova_2002@mail.ru
- Петрухин** Владимир Яковлевич – д-р ист. наук, главн. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. vladimir.petrukhin@gmail.com
- Подосинов** Александр Васильевич – д-р ист. наук, главн. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. podossinov@mail.ru
- Стефанович** Петр Сергеевич – д-р ист. наук, проф. РАН, проф. НИУ ВШЭ, вед. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19. petr.stefanovich@mail.ru
- Стоярова Любовь Викторовна** – д-р ист. наук, главн. науч. сотр. Ин-та всеобщей истории РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. lvsto@mail.ru
- Турилов Анатолий Аркадьевич** – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та славяноведения РАН. Москва, Россия, 119334, Ленинский проспект, 32А. aaturilov@gmail.com
- Успенский** Федор Борисович – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, директор Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, Россия, 119019, ул. Волхонка, 18/2. fjodor.uspenskiy@gmail.com

Хондзинский Павел Владимирович – протоиерей, д-р богословия, канд. теологии, декан Богословского факультета ПСТГУ. Москва, Россия, 127051, Лихов пер., 6. paulum@mail.ru

Чернышева Маргарита Ивановна – д-р филол. наук, проф., главн. науч. сотр. Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, Россия, 119019, Волхонка, 18/2. chernysheva@bk.ru

Щавелев Алексей Сергеевич – д-р ист. наук, проф. исторического фак-та Гос. акад. ун-та гуманитар. наук. Москва, Россия, 119049, Мароновский пер., 26. alexissorel@gmail.com

Юрасов Михаил Константинович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН. Москва, Россия, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, 19. mihail_yurasov@mail.ru

NOTES ON CONTRIBUTORS

- Artamonov**, Yuri A. – Cand. Sc. (History), Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the History of State and Law at the Moscow V.Ja. Kikot' University of the Ministry of Internal Affairs, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. artamonov5@yandex.ru
- Belyaev**, Leonid A. – Dr. Sc. (History), Member-Correspondent of the Russian Academy of Sciences, Head of the Moscow Period department at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia. labeliaev@bk.ru
- Chernysheva**, Margarita I. – Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. Volkhonka str., 18/2, 119019, Moscow, Russia. chernysheva@bk.ru
- Bibikov**, Mikhail V. – Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. mbibikov@mail.ru
- Butova**, Ritta B. – Cand. Sc. (History), Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia. rittabutova@mail.ru
- Guimon**, Timofey V. – Dr. Sc. (History), Professor at the Faculty of History of the the State Academic University for the Humanities. Maronovskiy lane, 26, 119049, Moscow, Russia. guimontv@mail.ru
- Gorsky**, Anton A. – Dr. Sc. (History), Professor, the Deputy of Director of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia. gor-ks@yandex.ru
- Guminsky**, Viktor M. – Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Povarskaya str., 25A, str. 1, 121069, Moscow, Russia. gumins@rinet.ru
- Jackson**, Tatjana N. – Dr. Sc. (History), Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. Tatjana.Jackson@gmail.com
- Kalinina**, Tatjana M. – Cand. Sc. (History), Senior Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. tmka@yandex.ru
- Karpov**, Alexey Yu. – Independent Scholar. Leningradskoe road, 31-59, 125212, Moscow, Russia. karpov-izdat@mail.ru
- Kashtanov**, Sergey M. – Dr. Sc. (History), Member-Correspondent of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. kashtanov-y@mail.ru
- Khondzinskiy**, Pavel V. – Archpriest, Doctor of Theology, Cand. Sc. (Theology), Professor, Dean of Faculty of Theology, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities. Likhov pereulok, 6/1, 127051, Moscow, Russia. paulum@mail.ru

- Konyavskaya**, Elena L. – Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia. ekonyavskaya@gmail.com
- Krysko**, Vadim B. – Dr. Sc. (Philology), Professor, Chief Researcher at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka 18/2, 119019 Moscow, Russia. vbkrysko@yandex.ru
- Kuchkin**, Vladimir A. – Dr. Sc. (History), Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia. kuchkin_va@mail.ru
- Kuzenkov**, Pavel V. – Cand. Sc. (History), Assistant Professor, Senior Researcher at the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University. Universitetskaia str., 33, 299053, Sevastopol, Russia. pk407@mail.ru
- Kvividze**, Nina V. – Cand. Sc. (Art Studies), Assistant Professor at the Russian State University for the Humanities, the Head of the Department of the History and Theory of the Church Arts of the Moscow Theological Academy. Troitse-Sergieva Lavra, Academy, 141300, Moscow region, Sergiev Posad, Russia. ninakvividze@mail.ru
- Litvina**, Anna F. – Cand. Sc. (Philology), Leading Researcher, National Research University “Higher School of Economics”. Myasnitskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia. annalitvina@gmail.com
- Litovskikh**, Elena V. – Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Faculty of History of the the State Academic University for the Humanities. Maronovskiy lane, 26, 119049, Moscow, Russia. elitovskih@mail.ru
- Lukin**, Pavel V. – Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia. lukinpavel@yandex.ru
- Melnikova**, Elena A. – Dr. Sc. (History), Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. melnikova_2002@mail.ru
- Pertukhin**, Vladimir Ya. – Dr. Sc. (History), Chief Researcher at the Institute of the Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. vladimir.petrukhin@gmail.com
- Podossinov**, Alexandr V. – Dr. Sc. (History), Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. podossinov@mail.ru
- Shchhavelev**, Aleksey S. – Dr. Sc. (History), Professor at the Faculty of History of the the State Academic University for the Humanities. Maronovskiy lane, 26, 119049, Moscow, Russia. alexissorel@gmail.com
- Stefanovich**, Petr S. – Dr. Sc. (History), Professor, National Research University “Higher School of Economics”, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia. petr.stefanovich@mail.ru
- Stolyarova**, Lyubov V. – Dr. Sc. (History), Chief Researcher at the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. lvsto@mail.ru

- Turilov**, Anatoliy A. – Cand. Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of the Slavonic Studies of the Russian Academy of Sciences. Leninskiy prospect, 32A, 119334, Moscow, Russia. aaturilov@gmail.com
- Uspenskij**, Fjodor B. – Dr. Sc. (Philology), Member-Correspondent of the Russian Academy of Sciences, Director of the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. Volkhonka str., 18/2, 119019, Moscow, Russia. fjodor.uspenskiy@gmail.com
- Vinogradov**, Andrey Ju. – Dr. Sc. (History), Professor, National Research University “Higher School of Economics”. Myasnitskaya, 20, 101000, Moscow, Russia. ampelios@gmail.com
- Yurasov**, Mikhail K. – Cand. Sc. (History), Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov str., 19, 117292, Moscow, Russia. mihail_yurasov@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Подосинов. А.В. Назаренко как филолог 5

Церковь, письменность и книжность Древней Руси

А.Ю. Виноградов. Когда была создана митрополия России? 12

М.И. Чернышева. Предварительные замечания о гимнографическом пласте в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона 28

В.Б. Крысько. **Исправльшѣ почитантѣ:** Заметки о комментариях писцов, редакторов и читателей на страницах древнерусских рукописей 41

В.М. Гуминский. Время в «Хождении» игумена Даниила 62

А.Ю. Карпов. О структуре и объёме так называемого «Слова на обновление Десятинной церкви» 73

С.М. Каиштанов, Л.В. Столярова. Ранние памятники древнерусской хризографии (XI–XIV вв.) в контексте практики письма золотом в Византии и Европе 80

Ю.А. Артамонов. Какой «Холм» был пожалован соборной церкви Смоленска? 90

Т.В. Гимон. Разделение Ростовской епархии в начале XIII в. и летописание 106

А.А. Турилов. К истории русско-южнославянских книжных связей XII–XIII вв. (О времени и обстоятельствах появления жития Иоанна Рыльского в редакции Георгия Скилицы в русской книжности) 132

Е.Л. Конявская. Тверской Федоровский монастырь в XIV–XV вв. 141

Н.В. Квливидзе. Шествие: иконография и литургическое действие в эпоху Ивана Грозного 150

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. Напрестольный крест 1603/04 г. из Покровского монастыря в Суздале: Идентификация вкладчика 179

Древняя Русь и средневековый мир

А.С. Щавелев. Атрибуция и датировка спорных известий об общности русь IX в.: историографические итоги 191

П.С. Стефанович. Аналогия летописному «призванию варягов» в Житии св. Ансгара 208

В.Я. Петрухин. *Словене и русь:* этнонимы или политонимы? 220

Е.А. Мельникова. Пути христианизации Скандинавии. IX–X века 231

<i>Т.М. Калинина.</i> Дары и придворные церемониалы в «Записке» (<i>Рисала</i>) Ибн Фадлана	257
<i>М.К. Юрасов.</i> Древнейшее известие о печенегах в средневековых венгерских источниках	267
<i>А.А. Горский.</i> Княгиня Гида, супруга Владимира Мономаха, в свете изысканий А.В. Назаренко	275
<i>В.А. Кучкин.</i> Московский великий князь Юрий Дмитриевич	285
<i>Л.А. Беляев.</i> Погребальные сооружения при <i>Ryska kyrkan</i> (Висбю, о. Готланд): уточнение атрибуции	305
<i>П.В. Лукин.</i> Вечники в Саксонии XI века? К интерпретации лексемы <i>vethenici</i> в «Хронике» Титмара Мерзебургского	317
<i>Е.В. Литовских.</i> Топонимические и фольклорные корни «Пряди о Сельторире»	326

Византия и Святая Земля

<i>М.В. Бибиков.</i> Латинские раннесредневековые путеводители и опи- сания Святой Земли	336
<i>П.В. Кузенков.</i> Политическое насилие в Византии (статистический анализ)	345
<i>Р.Б. Бутова.</i> Наследие архимандрита Антонина (Капустина): Музей древностей в Иерусалиме	358

Западная Европа

<i>П.В. Хондзинский.</i> «Vier ernste Gesänge» И. Брамса в контексте немецкой мистической традиции	378
---	-----

Рецензии

<i>Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин.</i> Ингмар Янссон и русско- скандинавские связи эпохи викингов	388
<i>Т.Н. Джаксон.</i> О времени в исландских сагах: <i>O'Donoghue H.</i> <i>Narrative in the Icelandic Family Saga: Meanings of Time in Old</i> <i>Norse Literature.</i> L.; N.Y.; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2021. 224 p.	397
Список сокращений	404
Сведения об авторах	410

CONTENTS

<i>Alexandr V. Podossinov. A.V. Nazarenko as a Philologist</i>	5
--	---

Church, writing, and literature of Ancient Rus

<i>Andrey Yu. Vinogradov. When was the Metropolitan See of Rhosia Created?</i>	12
<i>Margarita I. Chernysheva. Preliminary Remarks on the Hymnographic Layer in Metropolitan Hilarion's <i>Word about Law and Grace</i></i>	28
<i>Vadim B. Krysko. 'Having Corrected, Read': Notes on the Comments of Scribes, Editors and Readers in the Pages of Old Rus Manuscripts</i>	41
<i>Viktor M. Guminsky. Time in the <i>Pilgrimage</i> of Hegumen Daniil</i>	62
<i>Aleksey Yu. Karpov. On the Structure and the Extent of the So-Called <i>Word for the Renewal of the Desyatinnaya Church</i></i>	73
<i>Sergey M. Kashtanov, Lyubov V. Stolyarova. Early Examples of Old Rus Chrysography (The 11th–14th Centuries) in the Context of the Writing with Gold in Byzantium and Western Europe</i>	80
<i>Yuri A. Artamonov. What <i>Holm</i> was granted to the Cathedral of Smolensk?</i>	90
<i>Timofey V. Guimon. The Division of the Rostov Diocese in the Early 13th Century and the Annalistic Writing</i>	106
<i>Anatoliy A. Turilov. On the History of Russian and South-Slavic Book Connections of the 12th–13th Centuries (About the Time and Circumstances of the Appearance of the <i>Life of John of Rila</i> in George Skylitza' Version in Russian Literature)</i>	132
<i>Elena L. Konyavskaya. Tver Fedorovsky Monastery in the 14th–15th Centuries</i>	141
<i>Nina V. Kvlividze. Procession. Iconography and Liturgical Rite in the Time of Ivan the Terrible</i>	150
<i>Anna F. Linvina, Fjodor B. Uspenskij. The 1603/04 Altar Cross from the Monastery of the Intercession of Our Lady in Suzdal: On the Identity of its Donator</i>	179

Ancient Rus and Medieval World

<i>Aleksei S. Shchavelev. Attribution and Date of the Debatable Reports about the Community of Rus' in the 9th Century: Historiographical Result</i>	191
<i>Petr S. Stefanovich. An Analogy to the Chronicle's 'Calling-in of the Varangians' in the <i>Life of St Ansgar</i></i>	208

<i>Vladimir Ya. Petrukhin</i> . The Slovene and the Rus': ethnic or political names?	220
<i>Elena A. Melnikova</i> . Scandinavia on the Roads to Christianization, 9 th to 10 th Centuries	231
<i>Tatjana M. Kalinina</i> . Gifts and Court Ceremonies in Ibn Fadlan's <i>Risalah</i> . .	257
<i>Mikhail K. Yurasov</i> . The Oldest Data about the Pechenegs in Medieval Hungarian Sources	267
<i>Anton A. Gorsky</i> . Princess Gyda, The Wife of Vladimir Monomakh, in the Light of A.V. Nazarenko's Investigations	275
<i>Vladimir A. Kuchkin</i> . Great Prince Yurii Dmitrievich of Moscow	285
<i>Leonid A. Belyaev</i> . Burial Structures at <i>Ryska Kyrkan</i> (Visby, Gotland): Clarification of Attribution	305
<i>Pavel V. Lukin</i> . <i>Vechniki</i> in the Eleventh-Century Saxony? On the Interpretation of the Word <i>vethenici</i> in the <i>Chronicle</i> of Thietmar of Merseburg	317
<i>Elena V. Litovskikh</i> . Toponymic and Folklore Roots of the <i>Selþórisþáttir</i>	326

Byzantium and the Holy Land

<i>Mikhail V. Bibikov</i> . Early Medieval Latin Itineraries and Descriptions of the Holy Land	336
<i>Pavel V. Kuzenkov</i> . Political Violence in Byzantine Empire (Statistical Analysis)	345
<i>Ritta B. Butova</i> . The Legacy of Archimandrite Antonin (Kapustin): Museum of Antiquities in Jerusalem	358

Western Europe

<i>Pavel V. Khondzinskii</i> . "Four Serious Songs" by I. Brahms in the context of the German mystical tradition	378
--	-----

Reviews

<i>Elena A. Melnikova, Vladimir Ya. Petrukhin</i> . Ingmar Jansson and the Russian and Scandinavian Contacts in the Viking Age	388
<i>Tatjana N. Jackson</i> . On Time in the Icelandic Sagas: <i>O'Donoghue H. Narrative in the Icelandic Family Saga: Meanings of Time in Old Norse Literature</i> . L.; N.Y.; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Academic, 2021. 224 p.	397
List of Abbreviations	404
Contributors	410